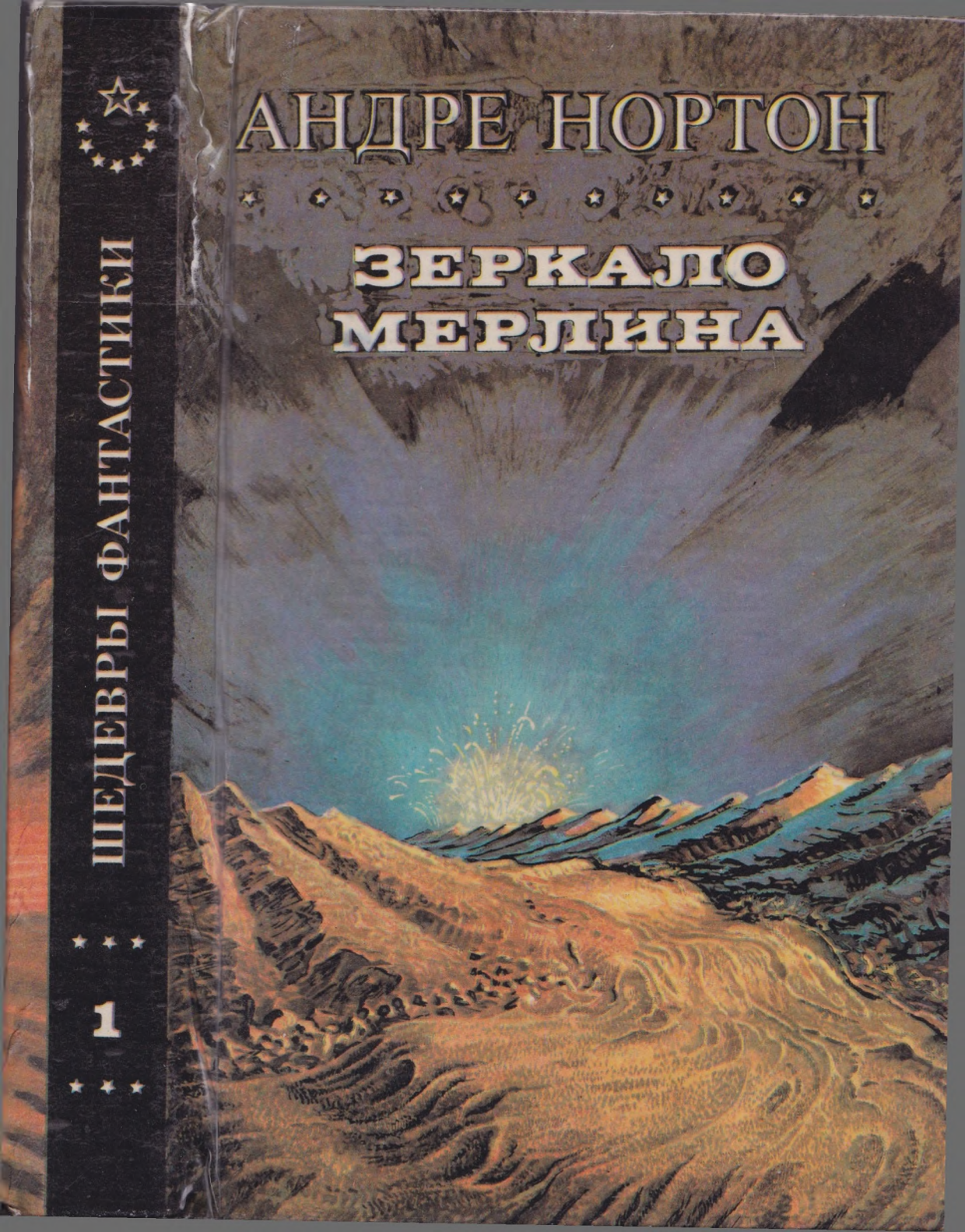
ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

1

АНДРЕ НОРТОН

ЗЕРКАЛО МЕРЛИНА

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 1

АНДРЕ НОРТОН

ЗЕРКАЛО МЕРЛИНА

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

Перевод с английского

НОВОСИБИРСК 1992

ББК 84.7 США
Н 83

Нортон Андре
Н 83 Зеркало Мерлина: Фантастические романы; Пер. с англ.— Новосибирск: Фирма «Тимур», 1992.— 480 с. (Серия «Шедевры фантастики»).
ISBN 5—7664—0904—4

В первый выпуск серии «Шедевры фантастики» включены романы «Зеркало Мерлина» и «Дух времени», повесть «Гаран вечный».

Н $\frac{4703040100—233}{945(01)—92}$ Без объявления

ББК 84.7 США

© Фирма «Тимур», 1992.
Перевод, составление.

© Заплавный А. А., 1992.
Оформление.

ISBN 5—7664—0904—4

Уважаемый читатель!

Этой книгой фирма «Тимур» открывает публикацию серии «Шедевры фантастики». В основном будут изданы неизвестные до настоящего времени широкому читателю романы, написанные в стиле «Фэнтэзи». Кроме этого в состав сборников войдут и произведения, относящиеся к жанру научной фантастики.

Состоится знакомство с творчеством многих признанных мастеров таких как А. Нортон, Р. Силверберг, М. К. Рейхерт, Т. Брук.

Фирма «Тимур» надеется, что предлагаемая серия доставит истинное удовольствие настоящим ценителям фантастики и каждая встреча с очередной книгой, станет новым открытием в мире удивительного и загадочного.

М. Молокин

ЗЕРКАЛО МЕРЛИНА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Глава 1

Маяк продолжал звать из глубины каменной пещеры. Его зов теперь звучал слабее. С каждым годом механизм все более изнашивался, хотя создатели пытались сделать его вечным. Они считали, что предвидели любую случайность. И действительно предвидели, если не считать собственной слабости и природы мира, с которого звал маяк. Накатывалось время, уходило, а маяк продолжал выполнять свое задание, а за пределами пещеры вздымались и погибали нации, сами люди все изменялись и изменялись. Все, что знали создатели маяка, исчезло, уничтоженное самой природой; моря затопляли землю, откатывались назад; волны их сносили целые города и страны. Поднимались горы, так что останки некогда гордых портов оказывались в разреженном воздухе больших высот. Пустыни наползали на зеленые поля. С неба упала луна, а другая заняла ее место.

Маяк все звал и звал, призывая тех, кто исчез, оставив лишь легенды, странные и искаженные временем предания. В делах людей наступил новый темный период. Под собственной тяжестью и давлением времени рухнула империя. На ее тело, как пожиратели падали, набросились варвары. Огонь и меч, смерть и живая смерть — рабство — шли по земле. А маяк продолжал звать.

Огонь в его сердце потускнел. Время от времени зов прерывался, как человек в смертельной опасности переводит дух между криками о помощи.

И вот этот зов, теперь такой слабый, был услышан

в далеком космосе. Металлическая стрела уловила импульс, в сердце корабля заработали молчавшие много столетий механизмы. Стрела изменила курс, используя зов маяка как указатель направления.

На борту корабля не было живых существ. Он был создан существами, видевшими гибель всего, что они считали важным, более важным, чем их собственная жизнь. Они послали шесть таких стрел в небо, надеясь, что хоть одна из них отыщет цель. И погибли, поглощенные врагами.

Со щелканьем пробуждались реле за реле, по мере того как стрела приближалась к Земле. Она была плодом тысячелетних экспериментов, высочайшим достижением расы, некогда путешествовавшей меж звезд с легкостью, с какой человек идет по знакомой тропе. Теперь она должна была выполнить задачу, для которой была запрограммирована.

Она мягко перешла на орбиту вокруг Земли и приготовилась спуститься в ответ на зов маяка. Люди внизу с первобытным страхом следили за ее огненным полетом. Некогда принадлежавшие им знания теперь давно были погребены в мифах.

Некоторые забивались в кожаные палатки, а шаманы били в барабаны и выкрикивали странные гортанные заклинания. Другие же смотрели широко раскрытыми глазами на падающую звезду, которая могла быть добрым и злым предзнаменованием. Стрела приблизилась к горе, в которой находилась пещера с маяком, и раскололась.

Корпус, который пронес через пространство драгоценный груз, раскрылся, и оттуда вылетели другие предметы. Они не погрузились в море, проносившееся под стрелой, а полетели дальше, как бы по своей воле, направляясь к горному хребту.

Несколько мгновений они висели в воздухе, а потом легко опустились на землю. И если кто-то видел их спуск, то не рассказывал об этом. Потому что эти предметы были скрыты искажением полей видимости... Создатели принимали всевозможные меры предосторожности, чтобы защитить свой проект.

На земле предметы вырастили многочисленные придатки и настойчиво начали пробиваться к слабеющему маяку. Они пробирались в пещеру.

В некоторых местах необходимо было расширить туннель, и это тоже было предусмотрено. Наконец они

добрались до маяка и продолжали работать. Некоторые высекали в скале постаменты и садились на них, глубоко погрузив в породу провода, от которых их уже нельзя было оторвать. Другие поднялись к потолку пещеры и летали взад и вперед, как огромные безмозглые насекомые; только эти насекомые соединяли проводами установленные внизу механизмы.

Спустя какое-то время, которое им не было необходимости измерять, коммуникационная сеть была завершена. Механизмы были готовы к работе, для которой их запрограммировали. Если бы этот мир не отвечал необходимым требованиям, здесь не было бы маяка. В памяти механизмом заключалась информация, которую следовало использовать при отборе образцов.

Один из летающих механизмов выбрался из отверстия пещеры и улетел. Ночь была безлунная, небо затянули облака. Летающий механизм был размером с орла; искажающие поля исчезли, когда он начал действовать. Механизм летал по расширяющимся кругам, и его фотоглаз посылал в пещеру непрерывный поток сведений.

Шел снег, дул резкий холодный ветер, но приборы механизма отметили температуру лишь как один из факторов, характерных для обстановки.

Высоко горел огонь в центре дома клана. С высокого балкона, примыкавшего к спальным комнатам, Бригитта смотрела на мужчин, сидевших внизу на скамьях. Смешанные запахи конюшни, хлева, древесного дыма, пищи и питья висели в воздухе густо, как туман. Но когда дом клана закрыт на ночь от тьмы, когда гул голосов плывет из комнаты в комнату и поднимается доверху, в такую ночь чувствуешь себя здесь в безопасности.

Бригитта вздрогнула и плотнее запахнулась в плащ. Наступил Самейн — время между концом одного года и началом следующего. Сейчас открывается дверь между этим миром и миром тьмы, и демоны могут пробраться и злобно напасть на людей. В веселом пламени, в голосах людей, в ржании лошадей, доносившемся из внешнего кольца конюшни, была безопасность. Бригитта взяла кубок, стоявший рядом с ней на скамье, и отхлебнула ячменного эля, слегка скривившись от горечи, но радуясь разливающемуся по телу теплу.

На балконных скамьях сидели и другие женщины, но поодаль от Бригитты. Она была дочерью вождя и

пользовалась особым почетом. Пламя отражалось в золотом браслете на ее руке, в широком ожерелье из бронзы с янтарем на груди. Темно-рыжие волосы спадают свободно, чуть не касаясь пола за скамьей, их цвет составляет приятный контраст с темно-синим цветом плаща и алым платьем под ним.

Бригитта готовилась к пиру, но это не был настоящий пир. Она с негодованием восприняла новости, из-за которых мужчины собрались на совет, и женщины были вынуждены только смотреть, зевать и немного сплетничать. Но и сплетничали лениво: они так давно жили вместе, что уже ничего нового нельзя было сказать ни о событиях, ни друг о друге.

Бригитта беспокойно зашевелилась. Война... война с Крылатыми Шлемами — больше ни о чем мужчины не могут думать. Теперь мало бывает обручений и свадеб. А с каждым месяцем она становится старше. Но, однако, отец все еще не выбрал ей мужа. Она хорошо знала, что сплетничают и об этом. Если не сейчас, то потом эти сплетни могут отпугнуть возможных поклонников.

Война. Бригитта оскалила зубы, и в ее взгляде, устремленном на собравшихся внизу, сверкнула злоба. Прежде всего мужчины думают о войне. Какое им дело, если захватчики пробрались в долины на много миль от них? Какая разница для людей Найрена, которым нечего бояться в их горной крепости? И еще эта болтовня о злых деяниях Высокого Короля. Она вновь глотнула эля.

Итак, он бросил жену, чтобы жениться на дочери саксонского повелителя... Интересно, как выглядит новая королева. Вортиген стар, у него взрослые сыновья, которые поднимут меч в защиту опозоренной матери. Вестник сообщил, что они собирают для этого близких и дальних родичей. Но саксонцы защитят новую королеву. И опять война! Бригитта не могла вспомнить времени, когда в доме клана не звенело бы оружие. Ей стоило чуть поднять голову, и она видела блестящие черепа под карнизом крыши — трофеи войны в прошлых набегах.

Она не думала, что Найрен испытывает симпатию к Высокому Королю. Десять дней тому назад прибыл другой вестник и был принят гораздо радушнее — стройный смуглый мужчина с чисто выбритым лицом, в шлеме и латах императорского войска. Императора давно

не стало, хотя говорят, что за морями империя существует. Но в этой земле имперские орлы исчезли со времен молодости ее отца.

Но похоже, что, по крайней мере, один вождь еще верит в императора. Смуглый человек прибыл от него призвать людей Найрена под боевые знамена империи, точно так же, как вестник, из-за которого происходит сегодняшний совет. У того вестника было двойное, трудное для произношения имя в стиле римлян. Бригитта произнесла его вслух, гордясь тем, что хорошо владеет древней речью и может произнести его правильно.

— Амброзиус Аурелианус. — И добавила не менее странный титул: — Герцог Британский... — Лугейн сказал, что на чужом языке это означает вождь Британии. Слишком большое звание: ведь половина земли полна новыми родственниками Вортигена — Крылатыми Шлемами из-за моря.

Отец ее в старину учился в Акве Сулис, когда император Максим правил не только Британией, но и землями за морем. Он помнил, что тогда следовало опасаться только набегов шотландцев и пограничных стычек. Он преклонялся перед римлянами, и в числе других Вортиген изгнал его из городов, потому что Высокий Король опасался влияния таких людей.

Тогда Найрен вернулся в клан своих отцов и собрал вокруг себя родственников. Может быть, он лишь ждал... Бригитта снова отпила эля. Отец всегда сам принимает решения.

Она посмотрела на отца. Вот он сидит на высоком сиденье в центре. Одежда его не такая яркая, как у окружающих. Рубашку его она сшила сама, украсив рисунком со старой вазы — переплетением зеленых и золотых листьев. Брюки темно-красные, плащ того же цвета. Лишь широкое золотое ожерелье, браслеты на запястьях и кольцо на пальце соответствовали великолепию украшений остальных.

И все же именно он был здесь главным, и человеку, вошедшему в дом клана и увидевшему Найрена, не нужно было спрашивать, кто здесь вождь. Глядя на отца, Бригитта ощутила гордость. Найрен, не проявляя никаких чувств, вежливо слушал посланца Высокого Короля. А тот склонился вперед, явно желая произвести впечатление на мелкого вождя, каковым считает Найрена Высокий Король.

Но влияние вождя этого клана выходило далеко за

пределы его дома, и многие в горах внимательно прислушивались к его словам. Мудрость его была велика, он удачно воевал и хорошо руководил набегами. Он мог бы провозгласить себя королем по примеру окружающих, но предпочел не делать этого.

Бригитта вновь нетерпеливо зашевелилась. Она хотела, чтобы отец побыстрее отправил посланца Великого Короля и чтобы они могли спокойно пировать.

Она слышала сквозь гул голосов рев ветра. Снаружи буря. А в такую ночь буря может принести войско тьмы.

Бригитта взглянула на Лугейна, сидевшего рядом с ее отцом. Он владел древними знаниями и установил духовную защиту на эту ночь. Хотя борода у него белая, худое тело не согнуто, и вообще не видно признаков старости. Ярким пятном выделяется и его белая одежда. Поглаживая бороду с отсутствующим видом, Лугейн тоже слушал посланца Вортигена.

Римляне пытались уничтожить древние знания, и, пока они были у власти, люди, подобные Лугейну, скрывались. Теперь же они снова пользовались почетом, и к их словам прислушивались. Бригитта сомневалась в том, что Лугейн на стороне Высокого Короля: он и подобные ему владели древним знанием и любили Крылатые Шлемы не больше, чем римлян.

От крепкого эля у нее слегка закружилась голова. Отставив в сторону кубок, она сонным взглядом смотрела на игру пламени в очаге внизу. Языки пламени подпрыгивали и извивались, танцевали быстрее и грациознее, чем любая девушка на лугу в канун Белтайна. Вверх и вниз... Ветер гудел так громко, что Бригитта с трудом слышала, о чем говорят внизу.

Скучно. Пир, который обещал быть таким веселым, испорчен глупой войной. Бригитта широко зевнула. Она была разочарована. Вчера съехались отдаленные родственники, и у Бригитты появилась было слабая надежда, что среди них ее отец найдет наконец поклонника, которого одобрит.

Она попыталась рассмотреть внизу лица незнакомцев. Но все они были лишь смутными пятнами, покрасневшими от близости пламени; кричащая расцветка пледов и одежд сбивала с толку. Хотя среди них были и юноши, и опытные воины, ни один не привлек ее внимания вчера. Конечно, она послушно пойдет с тем, кого назовет ее отец.

Ее постоянной печалью было то, что он не называл никого. Они уйдут на войну, все эти возможные поклонники, многие погибнут, и выбор станет еще меньше. Печальная утрата. Она покачала головой, затуманенной элем, загипнотизированная игрой огня. И вдруг поняла, что больше не выдержит.

Бригитта встала и пошла в свою комнату. Противоположная дверь ее спальни выходила на парапет стены — внешней защиты крепости. Она была плотно закрыта, но тот свист ветра слышался сквозь нее еще отчетливее. В дальнем углу тускло горела лампа. Бригитта сняла платье и, завернувшись в плащ, легла на кровать у стены. Она дрожала не столько от холода, шедшего от камня, сколько от страха перед ветром и перед тем, что могут принести его порывы в такую ночь. Но Бригитта хотела спать, ее глаза сонно закрылись, лампа затрещала.

Внизу у очага рука Лугейна неожиданно застыла. Он повернул голову и больше не смотрел на Найрена и на человека, так красноречиво упрашивающего вождя о поддержке. Казалось, Жрец Древних прислушивается к чему-то иному.

Его удивленные глаза широко раскрылись. Но не зазвучал тревожный рог часового, а если и зазвучал, то его услышал только Лугейн. Рука его передвинулась к эмблеме, вышитой на груди,— золотой спирали. Жрец провел пальцами по спирали от внешнего ее конца до самого центра. Он полуосознанно искал ответ на какой-то важный вопрос.

Подняв взгляд к балкону, где сидели все женщины, Лугейн принялся их разглядывать, но не обнаружил, кого недостает. Тут он перевел дыхание. Быстро оглянулся направо и налево. Возможно, он боялся, что привлек к себе внимание, но все напряженно слушали незванного гостя. Лугейн слегка отодвинулся назад, закрыл глаза, и его бородатое лицо приобрело выражение глубокой сосредоточенности.

Время ничего не значило для механизмов. Летающие аппараты возвращались; сведения, доставленные ими, сортировались, классифицировались; на основании информации уточнялись детали проекта. Решение было принято, дважды проверено. Затем была подготовлена самая хрупкая и сложная часть оборудования.

Еще раз в воздух поднялся механизм. Он включил

искажающее поле и полетел по широкой спирали. На самом дальнем витке спирали он перевалил через горный хребет. Маяк, который вызвал механизмы из времени и пространства, умер. Но теперь глубоко в других скалах проснулся к жизни новый сигнал. Не отмеченный летающим механизмом, он запульсировал; энергия, породившая его, росла.

В небо ударил новый луч и улетел к звездам. Пройдет много лет, прежде чем его уловят те, кто поставил маяк. Но луч невозможно погасить. И могут начаться новые битвы, не такие страшные, как в древности, потому что силы соперников в тысячи, миллионы раз меньше тех, которыми они обладали когда-то. Но время не ослабило их ожесточения и решимости. Они непримиримы, как всегда.

Механизм повернул, порыв ветра подбросил его, как листок. Но ничто не могло помешать ему выполнить задачу.

Бригитта крепко спала, но ей казалось, что она проснулась. Ее больше не окружали деревянные стены родного дома. Она стояла на тропе, которую хорошо знала. Тропа ведет к ручью пророчеств, где богиня благословит того, кто сделает ей подношение. И была совсем не ужасная ночь Самейна, когда злобные силы охотятся на людей. Бригитту окружала зеленая свежесть ранней весны, праздник Белтайна, когда пылают костры, а юноши и девушки прыгают через них, рука об руку, молясь тем силам, что увеличивают пламя.

Золотой свет шел не от солнца. Луч, как золотое копье, коснулся ее ног, она радостно засмеялась, побежала сквозь сияние, охваченная сильным возбуждением. Никогда она не чувствовала себя такой живой, свободной и счастливой, как в этот момент.

И тут она увидела его. Он ждал ее приближения. И она сразу поняла, что именно его ждала, именно его высматривала среди посетителей или гостей. Именно его Великая Мать дала ей для полного счастья.

Он весь состоял из света, одетым сиянием и теплом. Она подбежала к нему, и это сияние и тепло окружили их, отгородили от мира. Никто теперь не мог найти их. Она стала частью его, а он — частью ее, и они стали единым целым.

Их окружал золотой мир, он пел, как будто все птицы запели лучшие свои песни. И Бригитта погру-

вилась в тепло, забыла все, и осталось только поле, засеянное зерном, готовое принести обильный урожай.

В доме клана Лугейн откинулся в тень. Тело его слегка раскачивалось, лицо стало похоже на маску, лишенную всякого выражения. Он всем своим существом сосредоточился на чем-то слышном только ему. Его замешательство росло. Он был похож на человека, который ежедневно проходит мимо давно разрушенного святилища забытого бога и вдруг слышит из этого заброшенного места призыв к поклонению.

Потом замешательство сменилось возбуждением. Маска сошла с лица, и Лугейн превратился в человека, который после долгих лет борьбы вдруг понял, что он победитель. Поглаживая рукой спираль на груди, он шептал слова не на языке Римской империи, превратившейся в ничто, а на гораздо более древнем наречии. Даже для тех, кто знал, что эти слова пришли из невероятного прошлого, они лишились всякого смысла.

Вверху Бригитта улыбнулась, застонала, вытянула руки, чтобы обнять стоявшего перед ней во сне. Летающий механизм над крышей начал опускаться. Пробравшись в отверстие, он безошибочно отыскал дверь в комнату, где лежала девушка.

Механизмы в пещере загудели громче, потом опять стихли, слышалось сонное ворчанье, как будто зверь истратил силы и нуждался в отдыхе. Но работа установок в другом утесе не прерывалась. Сигнальный луч усилился, уходил все дальше и дальше, как манящий палец, который должен привлечь помощь в древней, древней войне.

Лугейн открыл глаза и посмотрел на дверь комнаты Бригитты. Он мог лишь догадываться о том, что произошло там. И бесконечно удивился, что такое могло случиться в его беспокойные дни. Боги давно ушли, но, кажется, они еще живы. Как можно быстрее он должен пойти к Месту Власти. Там он найдет ответ, узнает, что несет это происшествие его народу.

Он услышал гул голосов вокруг и почувствовал нетерпение. Окружающие занимаются своими мелкими делами. А он уверен, что сегодня здесь побывало небес-

ное существо, но принесло жизнь, а не смерть. Об этом часе говорили легенды, обещавшие возвращение Повелителей Неба!

Глава 2

В комнате было жарко. Между приступами боли Бригитта мечтала о том, чтобы погрузить свое разбухшее тело в ручей. Она смутно сознавала, что большинство жителей крепости и деревни до рассвета ушли в поле, на праздник Лугнаса, праздник урожая. Юлия, нянчившая еще ее мать, терпеливо сидела рядом с ней, время от времени утирая лицо Бригитты влажной тканью. В далеком углу стояла жаровня, от нее доносился запах паленой травы. Когда запах долетал до постели, Бригитта заходилась в кашле. Все двери в доме были открыты, все узлы развязаны, чтобы роды прошли легко. Но Бригитта тупо думала, что это не помогло. А разве легко смертной женщине рожать сына бога?

Предыдущие месяцы— как странно все на нее смотрели. Только пророчество Лугейна спасло дом Найрена от черного стыда. Бывали моменты, когда она с готовностью взяла бы кинжал и вырезала бы из тела то, что посеяли в нем чужие силы. Очень трудно было вспоминать золотое счастье сна, хотя Лугейн уверял ее, что это вовсе был не сон. На самом деле, это к ней приходил один из Сыновей Бога.

Теперь она ощущала только боль, а между приступами — страх, что боль станет еще сильнее. Но, сжимая зубы, Бригитта молчала. Если рожаешь Сына Бога, нельзя кричать.

Тело ее вновь напряглось. Рядом оказалась Юлия. Затем каким-то образом появился Лугейн. И его взгляд унес боль, Бригитта поплыла среди всплесков огня, которые могли быть звездами.

— Сын.— Юлия держала ребенка на куске чистой ткани.

— Сын.— Кивнул Лугейн, как будто никогда не сомневался в этом.— Его зовут Мирддин.

Юлия враждебно взглянула на него.

— Имя сыну дает отец.

— Его зовут Мирддин.— Друид окунул палец в воду и коснулся им груди ребенка.— Так сказал бы его отец.

Плечи Юлии опустились.

— Ты говоришь о Повелителях Неба,— фыркнула она.— Не стану отрицать, что ты спас мою леди от позора. Но все же никто в замке не поверил полностью. Его будут называть «сын нечеловека» и рассказывать всякие сплетни.

— Недолго.— Лугейн покачал головой.— Он первый из своего племени, и, благодаря ему, вернутся прежние дни. Рассказы о прошлом — не только сказки бардов, предназначенных для развлечения. В них скрывается истина. Присматривай за ребенком и своей госпожой.

И он без интереса взглянул на Бригитту, как будто, выполнив свою миссию, она больше не была нужна.

Юлия снова издала звук, похожий на фырканье. Она занялась ребенком, который не плакал, а лежал спокойно, глядя на нее. В эти первые моменты после прихода в мир он, казалось, более отдает себе отчет об окружающем, чем можно было ожидать от новорожденного. Нянька, заметив это, сделала магический знак, прежде чем взять ребенка. Бригитта тяжело спала.

Юлия правильно определила отношение к Мирддину в его раннем детстве. Он действительно был «сыном нечеловека», но, поскольку вождь принял — по крайней мере, наружно — утверждение Лугейна, что его дочь зачала от Повелителя Неба, никто открыто не позорил мальчика. Но и не принимал его близко, как его сверстников.

В первые годы он был странно медлителен и не способен к обучению. Женщины дома считали его отсталость соответствующей загадке его зачатия. И ходить он начал очень поздно. Если бы не Юлия, мальчик был бы совсем заброшен и, может быть, рано бы умер. Потому что через шесть месяцев после его рождения Бригитта вышла замуж за овдовевшего вождя клана, достаточно древнего, чтобы быть ей отцом. Она покинула крепость Найрена, а вместе с ней и сына.

Она не возражала против расставания: с самого рождения ребенка, очнувшись от обморока, в который, как она была уверена, ее погрузил Лугейн, она не испытывала к сыну нежности. Ее место занял Лугейн, а Юлия заботилась о физических условиях его существования, в чем Мирддин в его возрасте больше всего нуждался. И именно Юлия яростно защищала ребенка, когда вслух обсуждали его медлительность. А когда ее собственная вера в ум Мирддина ослабевала, она обращалась к Лугейну.

— Не волнуйся,— говорил Лугейн, сажая мальчика на колени и закрывая глаза рукой.— Он живет по другому времени, своему собственному. Вот увидишь, он заговорит сразу и целенаправленно, пойдет прямо, а не будет ползать, как животные. Он многое унаследовал от другого мира, поэтому его нельзя судить нашими мерками.

Юлия некоторое время сидела молча, переводя взгляд от друида к ребенку и обратно.

— Иногда мне кажется,— призналась она,— что ты придумал эту сказку, чтобы спасти мою госпожу от позора. Но это не так. Ты веришь в свои слова! Почему?

Теперь он перевел взгляд от ребенка к ней.

— Почему, женщина? Потому, что в ночь его зачатия я ощутил приближение Силы. Мы так много утратили.— Он с сожалением покачал головой.— Утратили знания, которые позволяли людям бросать вызов звездам. Мы пережевываем обрывки легенд и не знаем, что в них правда, а что позднейшие выдумки. Но осталось достаточно, чтобы знающий человек мог ощутить присутствие Силы.

Этот «сын нечеловека» будет велик, он сможет возводить королей на престол и свергать их. Но не для этого он послан сюда. Нет, он первооткрыватель. И когда он достигнет полной силы, то заговорит на Высоком Языке, и мы увидим начало нового мира.

Звучавшая в его голосе страсть испугала Юлию. Она взяла мальчика у Лугейна и страстно посмотрела на него. Она знала, что друид верит в свои слова. И с этого момента следила за каждым движением Мирддина, ожидая увидеть признаки величия, но даже не зная, как они проявятся.

Мирддин пошел в возрасте четырех лет и, как предсказывал Лугейн, с первых же шагов пошел уверенно, не ползая, не держась за что-нибудь, как все другие дети. Месяц спустя он заговорил, и слова его звучали четко, как у взрослого.

И он не пытался присоединиться к другим детям в их играх. И не проявлял интереса к оружию, не слушал воинов, рассказывающих о прошлых битвах. Напротив, он всегда сопровождал друида. И все решили, что Мирддин станет бардом или будет изучать законы и родословные кланов. В одно из своих редких посещений дома Найрен согласился с этим.

К этому времени вождь сделал выбор. Со своими

воинами он присоединился к Амброзиусу, воюя и с Высоким Королем, предавшим свой народ, и с саксонцами, которых король пригласил как союзников и которые стали его господами. Воины часто покидали горную крепость, оставляя лишь небольшой отряд для защиты, а женщины и дети работали на полях и пасли стада овец — главное богатство клана.

В клане не хватало работников, и пяти лет Мирддин начал пасти стада. Тогда-то он и нашел пещеру. Он поднялся выше обычного среди поросших мхом скал, главным образом потому, что старшие ребята-пастухи занимали лучшие пастбища. Обогнув скальный выступ, он забыл об овце, которую искал, и о других своих овцах, пасшихся внизу.

Как во сне, свернул он направо, где виднелось узкое отверстие, едва доступное для его маленького крепкого тела. Обвал, обнаживший пещеру, произошел недавно, но не из-за него Мирддин увидел пещеру, а из-за какого-то принуждения, увлекшего его сюда.

Он протиснулся сквозь щель и оказался в гораздо более широком проходе. Впереди почти ничего не было видно: свет падал сзади, сквозь щель, через которую он сюда проник. Мальчик не испугался, наоборот, его охватило странное, растущее возбуждение, как будто впереди лежало что-то удивительное, предназначенное лишь для него одного.

Он бесстрашно двинулся во тьму, нетерпеливо стремясь узнать, что же там впереди. Отойдя от входа, он с удивлением обнаружил бледное сияние, охватывающее пространство на три-четыре шага, как будто он был окутан в световой плащ. Это открытие не показалось ему странным. Что-то в глубине его сознания приветствовало окружающее, как давно знакомое, но забытое.

Он знал, что рассказывают о нем, о его отце — Повелителе Неба. А от Лугейна он узнал, что в далекие-далекие времена жители неба часто спускались на землю, и женщины Земли рожали им сыновей и дочерей. Эти сыновья и дочери владели способностями, которых не было у других людей Земли; но когда Повелители Неба перестали появляться, эти способности забывались по мере того, как потомки небесных жителей смешивались с землянами и утрачивали чистоту крови. Сейчас мало кто верил в них, и Лугейн предупредил Мирддина, что тот должен хранить этот рассказ в тайне, пока делами не сумеет подтвердить свое наследство. Лугейн

также сказал, что, если мальчик не сумеет сам овладеть знаниями Древних, он будет беспомощен, потому что на Земле нет больше учителей и сохранилась лишь слабая тень прошлых знаний.

Часть Мирддина, унаследованная от Бригитты, съежилась, одинокая и испуганная, и неспособная вступить в контакт с окружением. Мальчик часто думал, что случится с ним, если он не сумеет найти то, что должен знать. Даже Лугейн здесь бессилен. Он сказал, что учителя, которые могли бы научить Мирддина, давно мертвы, а от их знаний сохранились лишь обрывки в памяти таких, как, например, сам друид. Но жрец пообещал, что, когда придет время, он все свои знания передаст тому, кто был для него приемным сыном.

Сероватый свет, сопровождавший мальчика, становился сильнее. Теперь Мирддин видел, что свет исходит от стен. Потрогав рукой стену, он почувствовал, что скала дрожит. Мальчик прижался ухом к стене и услышал биение, похожее на удары огромного сердца.

В его сознании ожили все сказки о чудовищах, живущих в глубоких пещерах, и он остановился в нерешительности. Но возбуждение погнало его дальше. И вот он оказался в обширном помещении, залитом ярким светом. Мирддин отшатнулся, закрыл глаза руками, ослепленный блеском. Дрожь стен превратилась в гул, который ощущался уже не только телом, но и слухом.

— Не бойся.

Мирддин вдруг понял, что уже некоторое время слышит этот голос, и впервые в жизни почувствовал настоящий ужас.

Он боролся с этим ужасом, но не мог оторвать рук от глаз, чтобы посмотреть на того, кто говорит. Но тут слова эти несколько уменьшили его страх: конечно, ни огнедышащий дракон, ни привидение не станут говорить человеческим языком!

— Не бойся!— послышались те же слова. Мальчик глубоко вздохнул и, собрав все свое мужество, опустил руки.

Так много открылось его взору, окружающие предметы были настолько чужды всему его опыту, что удивление победило остатки страха. В пещере не оказалось ни чешуйчатых чудовищ, ни злобных зверей. Под ярким освещением возвышались полированные прямоугольники и цилиндры, для которых на родном языке

мальчика не было названий. Он ощущал присутствие какой-то жизни, хотя это не была жизнь плоти, а совсем другая.

Огромная пещера была полна разных предметов. На поверхности некоторых вспыхивали разноцветные огоньки. Другие предметы оставались темными, но во всех теплилась чужая жизнь.

Мирддин по-прежнему не видел, кто говорил с ним, и был слишком осторожен, чтобы углубляться в это чуждое помещение. Он облизал губы кончиком языка и ответил со всей храбростью, какую мог собрать. Голос его резко прозвучал в огромном помещении.

— Я не боюсь! — Это было ложью, но лишь отчасти, потому что с каждым мгновением страх проходил, побежденный очарованием необычного места.

Он ожидал, что кто-нибудь выйдет ему навстречу, выступит из-за блока или колонны. Но время шло, а никто не появлялся... Мирддин вновь заговорил, слегка разочарованный полученным приемом:

— Я — Мирддин из клана Найрена.— Он сделал еще два шага вглубь пещеры.— А ты кто?

По-прежнему вспыхивали и гасли огоньки, не прекращалось гудение. Но ответа не было.

Тут Мирддин увидел в дальнем конце прохода, образованного двумя рядами блоков и цилиндров, какое-то сияние, соединявшее два блока, образуя сплошную стену. И как только его взгляд остановился на этом странном явлении, сияние померкло, и он увидел какую-то фигуру, такого же роста, как и он сам.

Желая рассмотреть незнакомца, Мирддин быстро пошел вперед, не обращая внимания на незнакомые предметы, всматриваясь лишь в зрелище на сверкающей поверхности. Он никогда раньше не видел такого яркого и четкого отражения, потому что зеркалами в доме клана служили либо маленькие бронзовые пластинки размером с ладонь, либо искажающая поверхность полированных щитов. Здесь же было все по-другому, и он только тогда понял, что перед ним зеркало, когда вытянул руку и увидел, что тот мальчик поступил так же. Вначале его заинтересовала только новизна увиденного.

Темные волосы, сегодня утром так аккуратно расчесанные Юлией, теперь спутанной массой лежали на плечах, в них торчали и листья, и веточки, застрявшие, когда он пробирался через кусты. Коричневое лицо и

густые черные брови, сросшиеся на переносице. Изумительно зеленые глаза под ними.

Одежда, которую Юлия вышила сама, украсив красной нитью, порвана и запачкана, и длинные брюки заткнуты за голенища сапог. На груди единственное украшение — коготь орла на красной нити. На подбородке засохшая грязь, щека исцарапана. Хотя одежда у него добротная и теплая, изготовленная самой Юлией, но мальчик был одет не так роскошно, как можно было ожидать от внука вождя. В сущности, только отличный нож в кожаных ножнах, висевший на поясе, свидетельствовал о том, что его владелец не просто сын охотника или копьеносца.

Мирддин поднял руки, отбрасывая назад волосы. Он решил, что здесь нужно выглядеть достойно. Может, тот, кто с ним говорил, разглядев его получше, решил, что он не достоин слов.

— Мы тебя ждали, Мерлин,— снова и без всякого предупреждения прозвучал голос.

Мерлин? Они... те, кто здесь скрывается... хотят называть его так. Мирддин опять почувствовал страх. Что если они обнаружат свою ошибку? Он глубоко вздохнул, упрямо посмотрел в зеркало: собственное отражение почему-то внушало ему уверенность.

— Вы... вы ошибаетесь,— он заставил себя говорить громко.— Я Мирддин из дома Найрена.

Он напряженно ожидал немедленного наказания. Сейчас его выбросят из пещеры, как листок, а ему почему-то хотелось остаться и узнать, что это за место, кто с ним разговаривает, называя этим странным именем.

— Ты Мерлин,— уверенно заявил голос.— И все это подготовлено для тебя. Отдохни, сын, а потом узнаешь, кто ты, и начнешь учиться.

Из правого блока выдвинулась прочная планка. Мирддин осторожно ощупал ее. Она была достаточно широкой и казалась прочной — его вес она выдержит. К тому же, решил он, не стоит спорить с этим голосом. Слишком уверенно и властно звучал он.

Мирддин осторожно уселся перед зеркалом. Хотя сиденье было твердым, оно слегка подалось под его весом. Сидеть стало очень удобно. Отражение в зеркале исчезло. И до того, как Мирддин успел встревожиться, там появилось другое изображение. И началось обучение.

Вначале на Мирддина был наложен строгий запрет, так что он не мог ни с кем поделиться впечатлениями о своем странном приключении, даже с Лугейном, который единственный во всем клане мог бы его понять. Но запрета на мысли и воспоминания не было. И иногда узнанное в зеркале так его возбуждало, что в доме клана он бродил как в тумане.

Лугейн, который мог бы что-нибудь заподозрить, в это время отсутствовал, служа посыльным между Найреном и другими вождями и мелкими королями, пытаясь сколотить союз, способный противостоять натиску саксонцев. Потому что у Амброзиуса не хватало сил, чтобы противостоять и Крылатым Шлемам, и сторонникам предателя Вортигена. Ему постоянно приходилось отправлять отряды в разные концы на беспокойные границы.

И Мирддин в последующие годы мог легко ускользать из замка, проникать в пещеру и проводить долгие часы перед зеркалом. Он вначале не понимал многого из того, что ему показывали. Он был слишком мал, опыт его был слишком ограничен. Но изображения в зеркале, хотя в подробностях и не повторявшиеся, снова и снова сообщали ему факты, пока они не стали частью сознания мальчика, как ежедневные события жизни, знакомые ему с рождения.

Мирддин понемногу стал применять изученное на практике. Он обнаружил, что сведения, сообщенные зеркалом, имеют практическое применение. Хотя сам он был мал, но уже мог влиять на ребят, достаточно выросших, чтобы владеть оружием. Он очень рано понял, что никто, кроме него, не может увидеть расщелину, ведущую в пещеру, хотя ничего не знал об искажающих полях.

Помимо того, что он мог таким образом исчезнуть без следа, он мог также внушить своим товарищам по охоте или пастьбе, что весь день находился с ними, хотя на самом деле провел эти часы перед зеркалом.

Хотя ему и хотелось использовать свои знания, вместе с тем действовали и определенные ограничения, так как он дважды пытался убедить Юлию увидеть несуществующее и оба раза отказывался от попытки. И так он узнал, что его новое оружие предназначено не для легких целей, а главным образом для того, чтобы давать ему время для обучения.

Новости медленно доходили до горной крепости. Лу-

гейн не возвращался. Наоборот, стало известно, что он направился в далекое путешествие к Месту Силы. Мирддин горевал об этом: он надеялся поделиться с друидом своими удивительными открытиями, понимая, что только старый Лугейн, владеющий обрывками древних знаний, сумеет его понять.

Вскоре после известия о поездках Лугейна стали известны более тревожные и трагические новости, сообщенные горсткой израненных, усталых людей; многие из них держались в седлах своих выносливых горных пони только силой воли и при помощи товарищей. Отряд Найрена встретился с изменой в одном из походов, и половина бойцов вместе с вождем погибла. Выжившие с трудом добрались до крепости в непрерывных осенних дождях, и весь клан замер в ожидании новых тяжелых ударов.

Когда немедленного удара не последовало, все немного успокоились, но дом клана стал местом скорби и траура. Гвин Однорукий, младший брат Найрена, стал вождем, поскольку у Найрена не было сыновей. Впрочем, Гвин из-за своего увечья не мог сделаться настоящим вождем, хотя у него было хитроумное бронзовое приспособление. Прикрепленное к запястью, оно служило ему боевой дубинкой.

Если бы Мирддин был старше, он мог бы предъявить свои права, но сейчас не время для вождя-мальчика, и клан с шумным одобрением принял Гвина. Это было время сбора урожая, но люди работали на своих маленьких полях, постоянно оглядываясь, а меч и копье держали наготове. А на высотах у готовых вспыхнуть сигнальных костров бдительно дежурили часовые.

У Мирддина теперь редко случалась возможность ускользнуть в пещеру к зеркалу, и он постоянно испытывал раздраженное нетерпение. Но мальчик не знал, многому ли его успели научить. Однажды ему удалось убежать в пещеру к волшебному зеркалу. И по чистой случайности, возможно, а может, и нет, но он в этот день задержался перед зеркалом. Когда он выбрался из расщелины, сгущались сумерки.

Боясь, что ворота крепости закроют, он побежал вниз по склону между скалами, думая только об одном: как бы поскорее добраться до дома клана. И не заметил подозрительных перемещающихся теней, пока чья-то рука не ухватила его за лодыжку. Он упал и от удара едва не потерял сознание.

Сильные руки прижали его к земле. А он тщетно пытался сопротивляться. Кто-то ухватил его за волосы, повернул лицо к себе.

— Слава милосердной троице! — радостно произнес кто-то.— То самое отродье! Сам пришел к нам в руки, как петух за зерном.

У Мирддина не было возможности рассмотреть своих похитителей. На него набросили плащ, кисло пахнущий смесью человеческого и лошадиного пота. Поверх плаща повязали веревку, так что мальчик превратился в беспомощный тюк, какой любой торговец может легко бросить на спину лошади. И вот, подобно такому тюку, он лежит на спине лошади, голова его свесилась и подскакивает на каждой неровности дороги.

Глава 3

Вначале мальчик подумал, что попал в руки военного отряда саксонцев. Тогда почему они не убили его сразу? Он попытался рассуждать спокойно и тут же вспомнил, что говорили они на его языке. Именно он был «отродьем». Очевидно, они искали именно его. Но зачем он им?

Мирддин с трудом дышал под плащом, отчаянно пытаясь сохранить мужество. Очевидно, он чем-то ценен... как раб? Нет, рабов достаточно. Из-за того, что родственник Найрена? Но ведь вождь клана теперь Гвин...

Голова его свисала со спины лошади, от неудобной позы в ней шумело, мальчика начало тошнить. К тому же очень трудно было бороться со страхом.

Долго ли продолжалась эта пытка? Мирддин не знал. Он был почти без сознания, когда его сняли с лошади и без церемоний швырнули на землю.

— Осторожнее! — приказал кто-то.— Помни, он нужен живой, а не мертвый.

— Дьявольское отродье, такие приносят беду,— ответил другой.

Кто-то ухватился за плащ, но Мирддин не мог двигаться. К тому же чьи-то руки сомкнулись вокруг его тонкой талии. Человек, так грубо тащивший его, в темноте виднелся смутной фигурой. Мальчику прочно связали руки. Потом рывком проверили прочность веревки, и только тогда Мирддин смог разглядеть окружающих.

Фигуры появлялись и исчезали, и он не знал, сколь-

ко их. Слышно было, как переступают ногами лошади. Ночь была очень холодной, а ледяная земля, на которой он лежал, вызывала безостановочную дрожь.

Похитители молчали, и мальчик по-прежнему не знал, кто они. Впрочем, теперь он был уверен, что это не саксонцы.

Кто-то подъехал к небольшой полянке, где они остановились. Одна из скрючившихся фигур поднялась на ноги и пошла навстречу лорду.

— Он у нас, лорд.

Ответом было хмыканье, затем всадник сказал:

— Тогда поезжайте, не время отдыхать. В конце концов, в нем кровь Найрена, и клан не оставит его без отмщения. Торопитесь... У Зуба Гиганта вас ждут свежие лошади...

И всадник исчез в темноте ночи. Мирддин слышал недовольное ворчанье.

Мальчика вновь посадили на лошадь. Только на этот раз он сидел в седле: веревка, пропущенная под животом лошади, стягивала его ноги. На него опять набросили плащ. Голова у него отчаянно болела, он боролся с обмороком, опасаясь упасть на землю и быть задавленным прежде, чем всадники подхватят его.

Они ехали всю ночь, остановившись один раз у высокой скалы, которая действительно могла быть зубом, вырванным из чьей-то огромной ужасной пасти. Тут они пересели на свежих лошадей. Мирддин погрузился в туман страха, боли и недоумения. Никто не разговаривал с ним, не заботился о его состоянии. Все его тело превратилось в сплошной синяк, и каждый шаг лошади вызывал новый взрыв мучительной боли. Он сжал губы, решив, что никакая боль не вырвет у него крик.

Они спустились с холмов. Рассвет застал их на одной из дорог, построенных римлянами. Теперь Мирддин мог лучше рассмотреть своих спутников. Они были такими же, как и люди клана Найрена, только с незнакомыми лицами. Из десяти человек восемь были обычными копейщиками, какие могут служить любому вождю клана.

Но поводья лошади Мирддина держал человек в искусно сшитом алом плаще, правда изорванном и испачканном. Волосы его цвета полированной бронзы опускались ниже плеч. Толстогубый рот окружали густые усы и щетина: несколько дней его полных щек не касалась бритва.

Это был сравнительно молодой человек, с широкими плечами, с бронзовыми браслетами на толстых руках. На боку у него висел меч римского образца, а спину закрывали полоски металла. Глаза у него покраснели: вероятно, он давно не спал; время от времени он зевал, чуть не выворачивая челюсти.

Сосед Мирддина слева представлял полную противоположность первому. Это был худой человек в измятой, лишённой украшений кирасе. Шлем без верхушки все время съезжал набок, так как был ему слишком велик. Оружием ему служили меч и копье с острым наконечником. И ехал он не сонно, а напряженно, все время оглядываясь по сторонам, как будто ожидал в любую минуту наткнуться на засаду.

Мирддин так устал, что качался в седле, но похитители не обращали на него никакого внимания. Знания, полученные им в пещере, не помогли ему определить, чего ожидать. Он знал только, что будущее не сулит ему ничего хорошего. Но он не пытался представить себе, каким оно будет, это будущее. И не интересовался ни похитителями, ни местностью, по которой они проезжали. А местность для человека, родившегося в горах и проведшего там всю жизнь, была очень странной.

К полудню дорога стала оживленной. Отряды вооруженных всадников — три группы саксонцев — уступали им дорогу. Перед ними возвышались каменные здания, построенные по-другому, чем дом клана Найрена.

Мирддин хотел есть и пить, но ничего не просил у сопровождающих. Однако, когда они остановились у ручья, чтобы напиться и напоить лошадей, один из копейщиков набрал воды в деревянную чашку и поднес ее к губам мальчика. Мирддин с жадностью выпил воду, и в голове у него прояснилось. Он посмотрел на воина, менее очерствевшего, чем его товарищи.

Копейщик был гораздо моложе остальных, и глаза его, бледно-голубые, смотрели с тяжелым мрачным выражением.

Мирддин продолжал глотать. Горло у него болело. Попытавшись заговорить, он испустил вначале лишь хрип.

— Спасибо,— начал он, но тут повернулся человек в шлеме.

— Придержи язык, дьявольское отродье, или мы загоним тебе в рот кол! — Он подъехал ближе.— Мы не нуждаемся в твоем волшебстве.— Рывком он натянул

на голову Мирддина капюшон плаща, так что мальчик ослеп.— Дурак! — Очевидно, он обращался к копейщику, давшему Мирддину воды.— Ты что, хочешь, чтобы тобой овладели демоны? Этот колдун, хотя он и молод, может вызвать духов.

Мирддин услышал приглушенные восклицания, должно быть, своего благодетеля и был доволен, что успел немного попить до вмешательства одного из руководителей отряда. Он очнулся от транса, в котором находился большую часть ночи. Больше надеяться не на что, но он начал думать. Как будто шок от внезапного нападения отбил у него способность рассуждать логично, а небольшое проявление человечности вернуло эту способность.

Где искать помощи? В иллюзиях, с помощью которых он скрывал свои походы в пещеру? Хотя Мирддин был молод, знания его были велики. И где-то в мозгу его появилось ощущение, что вся эта история — часть того будущего, к которому готовило его зеркало.

Они называли его «дьявольским отродьем». Он и раньше слышал эти слова, хотя в лицо ему это не говорили. Кровь Найрена предъявляла свои права в клане. Но поговаривали, что отец его не Небесный Повелитель, а демон. Разве не зачат он в канун Самейна, когда высвобождаются все злые силы? Не найди он пещеру с зеркалом, возможно, он и сам поверил бы в это. Но пещера была несомненным доказательством существования небесного народа, и там он узнал, что рожден с определенной целью. Вся его жизнь должна быть посвящена этой цели.

До сих пор у него не было врагов. Кланом правил Гвин, и Мирддин никогда не протестовал: его не прельщало будущее военного вождя. Было давно известно, что со временем он уйдет с Лугейном и будет изучать известные барду тайны.

Для кого он может быть угрозой? Его размышления над этим, пока они не прибыли в город, признававший власть Вортигена, были бесцельны. Из разговоров своих похитителей Мирддин понял, что этот город и есть цель их пути. Захватили ли его в качестве заложника? Но со смертью Найрена он потерял ценность как заложник.

Очнувшись от своих мыслей, он попытался оглянуться и оглядеться. Капюшон позволял ему видеть только дорогу под ногами и основания каменных стен.

Вначале его слух, привыкший к звукам небольшого поселка, был совершенно оглушен. Он с трудом отличал один звук от другого.

Лошади остановились; веревка, связывающая ноги Мирддина, упала. Тяжелая рука сняла его с седла и грубо бросила на землю. Ноги под ним подогнулись. Он почувствовал отвратительный запах. С него сдернули плащ, и Мирддин увидел, что стоит в каменной клетушке, с единственной скамьей и узкой щелью в стене.

Ему развязали руки, но он их почти не чувствовал. Веревки развязал человек в шлеме. Он толкнул мальчика в сторону скамьи.

— Жди развлечения Высокого Короля,— проворчал он и ушел, захлопнув за собой дверь. Мирддин оказался в полутьме.

Король. Мирддин не произнес это слово вслух. Есть лишь один король, хотя его власть опирается, главным образом, на саксонцев, которых он пригласил, вначале чтобы укрепить свою армию и защититься от набегов шотландцев, затем чтобы расправиться с теми, кто мог стать его соперником. С самого раннего детства Мирддин привык к мысли, что Вортиген — предатель, человек, который повинуется приказам Крылатых Шлемов и перебил для их удовольствия всех своих близких родственников.

Чего же Вортиген хочет от него, Мирддина?

От напряженного размышления сильней заболела голова. Мирддин молча сидел на каменной скамье, растирая опухшие руки, чтобы вернулось нормальное кровообращение, и с трудом сдерживая стоны боли.

Он старался вспомнить все, что знал о Высоком Короле. Последний слух, дошедший до горных кланов, гласил, что Вортиган собирается соорудить высокую башню, которая затмит все построенное римлянами.

Но бродячий торговец, рассказавший это, добавил, что строительство встретилось с трудностями, что тщательно уложенные камни на следующее утро оказываются разбитыми или разбросанными. Говорят, что чье-то волшебство побеждает все усилия строителей башни.

Мирддин прислонился головой к стене. Он так устал, что больше не мог сопротивляться сну и погрузился во тьму, более тяжелую, чем тьма тюремной камеры.

Проснувшись, он увидел мерцающий свет и на мгновение решил, что сидит перед зеркалом, а светятся пря-

моугольники и цилиндры в пещере. Открыв глаза пошире и пошевелившись на скамье, он понял, что свет исходит от факела, вставленного в кольцо на стене справа от него. Под факелом стоял человек и смотрел на мальчика.

Мирддин ощутил внезапный приступ радости. Такую белую одежду он видел лишь на Лугейне в праздничные дни. Впрочем, не было золотой спирали, которую Лугейн носил на груди. Но ведь существует братство бардов. Значит, перед ним друг. А Мирддин знает слова, с которыми можно обращаться за помощью. Он собирался произнести фразу, которой научил его Лугейн, но тут заговорил незнакомец:

— Сын демона, сын нечеловека, запрещаю тебе использовать дьявольскую силу. Накладываю на тебя духовные узы повиновения, и ты не сможешь их порвать.

И он начал напевать заклинание, указывая на Мирддина жезлом, частично белым, частично ржаво-красным, как бы покрытым высохшей кровью.

Ощущение было такое, будто в нос мальчика ударила волна отвратительного зловония. Мирддин затряс головой, пытаясь избавиться от невидимого облака, окружавшего этого человека. Он не может быть другом Лугейна. В то же время Мирддин понял, что все ранее испытанные страхи ничто перед тем, что он ощутил сейчас. Потому что теперь опасность грозила не только его телу, но всему его существу. И он начал повторять не слова приветствия, а другие, которым его тоже научил Лугейн.

Он видел, как расширились глаза друида. Посох взлетел в воздух, как будто жрец хотел кого-то ударить. Поднятый им ветер коснулся грязного лица Мирддина. Но этот жест был лишь пустой угрозой. И, поняв это, мальчик овладел собой и подавил свой страх.

— Чего тебе нужно от меня? — Мирддин сознательно не прибавил никаких слов вежливости. Незнакомец мог носить такую же одежду, как Лугейн, но внутренний голос говорил Мирддину, что он не может быть похожим на Лугейна.

Красный конец посоха указывал на мальчика, как копье, подготовленное для последнего смертельного удара.

— Ты, не знающий отца, послужишь Высокому Королю. Мы, говорящие с Силами, установили, что башня

не сможет стоять, пока в основание ее не будет пролита кровь юноши, не знающего отца.

В глубине памяти Мирддина ожило какое-то воспоминание. Возможно, он узнал об этом в зеркале, а потом забыл. Он не всегда мог вспомнить, что показывали ему в пещере. Некоторые факты, казалось, глубоко погружаются в его сознание и лежат там, пока случайное слово или вид знакомого предмета не оживит их, не вызовет на поверхность.

Он знал это! Не смерть, в этом он был уверен. Теперь он знал, что его привело сюда. Это была не только воля короля. Была и другая причина, связанная с задачей, которую он лишь смутно ощущал впереди.

Если друид ожидал, что мальчик испугается, будет просить о жалости, он был разочарован. Потому что Мирддин, опираясь на свои знания, смотрел на него уверенно, высоко подняв голову.

— О каких Силах ты говоришь? — снова он сознательно опустил слова уважения.— В наши дни твои слова исходят не от небесных существ, а повинуются желаниям людей.

Друид тяжело дышал: он смотрел прямо в глаза мальчику, пытаясь подавить его волю и сделать послушным, готовым повиноваться приказам. А Мирддин, собрав все свои знания, уверенно отвечал ему взглядом.

— Что ты знаешь о небесных существах? — спросил незнакомец голосом, лишенным прежнего высокомерия. Теперь в нем звучала нотка неуверенности.

— А ты? — ответил вопросом Мирддин.

— Об этом запрещено говорить не владеющим тайнами! — Лицо незнакомца вспыхнуло гневом.— Что ты подсмотрел, дьявольское отродье?

— А мог я подсмотреть это? — Мирддин отчетливо произнес слова узнавания, которым давно научил его Лугейн.

Но, к его удивлению, друид рассмеялся.

— Эти слова теперь бессмысленны. Ведь мы слушаем новую власть. Ты теперь никого не обманешь, болтая эти забытые слова.— Он чуть повернул голову, не отводя взгляда от Мирддина, как бы опасаясь, что мальчик может оказаться более сильным противником, и сказал: — Входи! — Потом повторил: — Войди и возьми его!

Человек в старых латах вошел, почтительно обходя друида. Мирддин не сопротивлялся, когда ему опять связали руки и подтолкнули к двери.

Друид уже вышел, но ждал их снаружи. Солнце на улице заставило Мирддина мигать: он не мог поднять руку, чтобы защититься от сияния. Его окружило несколько стражников, а за ними мальчик видел ожидающих жителей города и саксонцев. Они смотрели на него с нетерпеливым ожиданием.

Тот самый отвратительный запах, который сопровождал друида, теперь навис над всем. Он должен был вызвать в человеке страх, победить его мужество, так чтобы он без сопротивления шел навстречу смерти.

И все же, хотя мальчик внутренне съежился, он шел уверенно, без колебаний, полностью владея собой.

Дорога, по которой они шли, поднималась на холм, к грудам камней, из которых Вортиген собирался строить свою крепость. На ходу Мирддин посматривал направо и налево, не потому, что хотел рассмотреть лица собравшихся, а как бы проникая взором вглубь почвы.

Они остановились перед гладким камнем, накрытым вышитой тканью. На этом импровизированном троне сидел король.

Мирддин увидел человека, близкого по возрасту к своему деду, но в чертах его лица не было благородства, не было гордости. Лицо короля опухло, как будто он много пил. Глаза Вортигена, не останавливаясь, перебегали с одного лица на другое, как будто он постоянно ожидал предательства. Руки короля лежали на рукояти меча, но по мягкости его тела, по вздутому животу, на котором с трудом застегивалась перевязь меча, было видно, что он уже не воин.

За ним стояла женщина, грациозная, гораздо моложе короля, с золотой короной на волосах, желтых как созревшая пшеница. И ее платье все было вышито золотом, так что она сверкала на солнце, как металлическая. Несмотря на красоту, в лице ее чувствовалась жестокость обработанного золота, а не мягкость плоти.

В ней не было ни робости, ни неуверенности, она смотрела с легкой улыбкой, не смягчавшей высокомерного выражения. Когда ее взгляд остановился на мальчике, в нем блеснуло жестокое нетерпение.

— Этот мальчишка? — спросил король.— Доказано, что он сын нечеловека?

— Господин король,— ответил друид,— об этом говорила сама родившая его. Один из Сильных расспрашивал ее, и она не могла солгать. В ночь Самейна он был зачат каким-то демоном и дьяволом.

— Лорд король! — Голос Мирддина звучал уверенно и спокойно.— Почему это твои люди лгут тебе?

Друид повернулся, подняв жезл. И в этот момент ожило погруженное в сознание Мирддина знание. Взглядом он остановил жреца. С лица друида сбежала краска, черты его расслабились. Он выглядел опустошенным.

Вортиген с чем-то близким к страху следил за этой переменой.

— Что ты сделал, рожденный демоном? — И он скрестил пальцы, чтобы сделать знак против сглаза.

— Ничего, лорд король. Я лишь добился возможности рассказать, как плохо тебе служат твои люди.

Король облизнул губы. Рука его сжала рукоять меча, наполовину достав его из ножен.

— В чем же мне плохо служат?

— В строительстве этой башни.— Мирддин кивком указал на груду камней.— Прикажи копать здесь, и ты увидишь. Там протекает ключ, вода смягчает почву, и поэтому земля не выдерживает тяжести камней. А в воде ты увидишь судьбу этой земли. Там скорчился белый заморский дракон.— Мальчик бросил взгляд на королеву. Та пристально глядела на Мирддина, как будто ее взгляд был оружием. Мирддин ощущал давление ее воли. Но сила ее была слаба по сравнению с тем, чему научило его зеркало.— На другом краю бассейна — красный дракон Древних. И эти драконы ведут бесконечную битву. Сейчас силы белого дракона увеличиваются, и он теснит красного. Но близок тот день, когда красный дракон начнет побеждать. Пусть твои люди начнут копать. Все будет так, как я сказал.

Золотая королева протянула руку, как бы собираясь положить ее на плечо Вортигена. И в тот же момент Мирддин, вооруженный знаниями зеркала, понял, что она его враг. Она не просто саксонская девка, соблазнившая короля, она...

Он нахмурился, ощутив угрозу, которой не понимал и с которой раньше не встречался. Встревоженный, он сосредоточил внимание на короле, инстинктивно чувствуя, что нужно напрячь всю волю.

— Прикажи копать, лорд король!

Вортиген наклонился вперед, так что королева не могла его коснуться, тяжело кивнул и сказал:

— Пусть копают.

Принесли лопаты и под взглядом короля начали бы-

стро копать. И вот со склона холма ударила струя воды. Обнаружилась небольшая пещера с подземным водоемом.

Мирддин напряг силы. На этот раз требовалось не просто затуманить мозги своих сверстников. Нет, он должен создать иллюзию, которую никогда не сможет забыть никто из присутствующих.

С одной стороны бассейна вспыхнуло красное пламя, с другой — белое. Языки пламени тянулись навстречу друг другу. Мирддин удерживал иллюзию так долго, как мог, затем, разом опустошенный, позволил огням исчезнуть. На лицах окружающих был написан страх. Кто-то торопливо разрезал путы на его руках.

Король повернул к нему напряженное, побледневшее лицо.

— Это правда... правда...— повторял он. Голос его громко прозвучал в тишине, опустившейся на холм.

— И я дам тебе и другую правду.— Из ничего Мирддин извлекал слова, которые — он знал это — должен был сказать.— Твои дни приближаются к концу, Высокий Король. И знай, что с вечерней звездой появится Амброзиус!

Глава 4

— О тебе говорят как о пророке, мальчик.

Воин в красном плаще откинулся, обнажив грудной панцирь старой римской работы; на нем был выгравирован бог в лавровом венке, сжимавший в руке пучок молний. Воин был приземистый, с замкнутым лицом, как будто он считал проявление эмоций непозволительной слабостью. И не только в его одежде чувствовался римлянин: о римском происхождении напоминала его обветренная, смуглая кожа, коротко остриженные волосы, гладко выбритое лицо.

Мирддин ощутил целеустремленность этого человека, как ощущают особое оружие. Это был настоящий вождь. Все, что говорили об Амброзиусе Аурелианусе, оказалось правдой: он был последним из римлян, со всеми их достоинствами, а может, и недостатками. И это был предводитель, за которым идут люди, но не его искал Мирддин, не ему суждено сплотить Британию в единую нацию. Он слишком римлянин, чтобы быть для многочисленных племен чем-то большим, чем удачливый военный предводитель.

— Лорд.— Мальчик тщательно подбирал слова. Он не мог сказать всей правды, потому что Амброзиус ему не поверит.— Лорд, я горец и хорошо знаю эту землю. Я лишь сказал людям короля, что на этом месте нельзя ставить башню, потому что под землей скрывается источник.

— А эти драконы, красный и белый? Наши пленники клянутся, что видели их схватку,— быстро возразил Амброзиус.— Откуда они явились, тоже из твоего ручья?

— Лорд, люди видят то, что ожидают. Вода оказалась там, где я сказал, поэтому они готовы были увидеть и остальное. Драконы были лишь в их воображении. Белый дракон саксов поддерживал Вортигена, а красный дракон нашей земли терпел поражение.

Он спокойно встретил пронзительный взгляд.

— У меня нет практики в колдовстве,— сказал Амброзиус с выражением, которое невозможно было не понять.— Колдовство оскорбляет богов и обманывает глупцов. Помни это, юный пророк! Хотя человек имеет право хвататься за любое оружие, чтобы спасти свою жизнь, потом ему лучше к этому оружию не возвращаться. Мы сражаемся открыто вот этим.— Он коснулся меча, лежавшего перед ним на столе.— Магия ночи, зло колдовства — это не для нас. И пусть трижды проклятая сакская девица, покорившая короля, занимается этими делами.

Мирддин слышал рассказы, что именно королева дала яд, которым отравила старшего сына Вортигена, тем самым начав восстание против короля.

— Лорд,— ответил он,— я не колдун. И прошу только позволения вернуться домой.

Ему показалось, что во взгляде Амброзиуса мелькнуло любопытство.

— В тебе кровь Найрена, благородного воина и верного человека. И возраст твой позволяет владеть оружием. Если хочешь, я возьму тебя в свое войско. Только больше никаких предсказаний, никакого обмана.

— Лорд, ты оказываешь мне великую честь.— Мирддин поклонился.— Но я не человек меча. Моя служба тебе будет иной.

— Какой еще иной? Разве ты бард и имеешь власть над словами? Мальчик, тебе нужно многие годы учиться, чтобы стать бардом. А я не король, чтобы посылать к врагам оратора, а не войско. Я не назову тебя тру-

сом: ты по всем данным был в смертельной опасности и вышел невредимым благодаря лишь разуму. Но наше время — это время оружия против оружия, и саксы совсем не слушают слова, как хотели бы многие наши.

— Лорд, ты говоришь о колдовстве, но во мне живет дар предсказания. Ты и его считаешь злым?

Амброзиус долго молчал, потом ответил более спокойным, рассудительным голосом:

— Нет, я не отрицаю, что в предсказаниях бывает истина. Но все равно они вредны — если человек знает, что его ждет победа, он будет сражаться менее отчаянно; если он знает о поражении, то тем более храбрость покинет его, и он готов будет отказаться от битвы. Поэтому я не желаю знать, что ждет впереди, не хочу советоваться с авгурами, как делали в легионах в прежние дни. Я думаю, ты прав, Мирддин из дома Найрена. Если ты предлагаешь мне такую службу, я должен отказаться от нее. И тебе тогда лучше уехать.

Ты сделал предсказание перед силами Вортигена и этим послужил нам, за это тебе спасибо. Мы будем сражаться за победу красного дракона, но без колдовства; тебе же дадут лошадь, припасы, и уезжай от нас поскорей.

Так Мирддин, увезенный из гор испуганным ошеломленным пленником, вернулся туда по-прежнему мальчиком по внешности, но и разумом, и духом он стал другим. Тот, кто взывает к таким силам, как он, в одно мгновение проходит через многое и перескакивает от детства к зрелому возрасту, и никогда не возвращается к прежнему. У Мирддина было достаточно продовольствия, и он не стал заезжать в дом клана, а направился прямо к пещере.

Отпустив лошадь пастись на небольшой поляне перед склоном, в котором находилась пещера, он пробрался через расщелину и оказался перед зеркалом. Идя по пещере, он понял, что что-то в ней изменилось, хотя на первый взгляд все ставалось прежним: огоньки все так же мелькали на машинах, и, как всегда, на него смотрело его собственное отражение.

Сила воли, поддерживающая его в пути от города, откуда был изгнан Вортиген и где теперь стоял лагерем Амброзиус, покинула мальчика. Он упал на скамью перед зеркалом, охваченный усталостью, опустошенный и не в силах думать.

Но беспокойство не оставляло его. Даже в этом тайном месте что-то было нехорошо. Мирддин порылся в седельной суме, отыскал сухого хлеба и маленькую кожаную фляжку кислого вина. Запивая хлеб вином, он ел только потому, что знал: его тело нуждается в пище.

Жуя, Мирддин смотрел в зеркало и видел собственное отражение: маленькое, смуглое, со спутанными волосами, с лицом, которое — он теперь ясно видел это — отличалось от лиц окружающих. Идет ли это отличие от его небесного отца? Среди множества изображений, которые показывало ему зеркало, он никогда не видел других людей.

Мальчик устало жевал, время от времени оглядываясь. Хотя пещера отражалась в зеркале, его не оставляло ощущение, что он не один. Как будто слабый запах в воздухе. Он обнаружил, что принюхивается, как охотничья собака.

Удовлетворив голод, Мирддин начал осматривать все закоулки пещеры. Никого.

Но, может, чужак был здесь раньше? Однако, как он мог почувствовать его присутствие? Мирддин вновь сел на скамью перед зеркалом, обхватив голову руками.

Некоторое время он сидел, погрузившись в мысли о будущем.

Послышался резкий звенящий звук, как будто ударили куском бронзы о другой металл. Мирддин поднял голову. Зеркало проснулось, его изображение исчезло с поверхности, на которую он смотрел. Его место занял знакомый клубящийся туман. Он сгущался, темнел...

Он смотрел на девушку. Держалась она напряженно и как будто к чему-то прислушивалась. За ней виднелась хорошо знакомая местность — склон, в котором находилась расщелина, ведущая в пещеру.

Но эта девушка была не из дома клана! Тело у нее стройное, еще без женской округлости. Кожа бледная, цвета поблекшей слоновой кости, а волосы черные. Но в этом черном облаке волос сверкают какие-то странные красноватые искры.

Лицо у девушки треугольное, скулы широкие, подбородок заостренный. Мирддин вдруг понял, что у него такие же черты лица.

На ней было простое платье: в зеленом прямоугольнике прорезали дыру для головы; у талии платье перехвачено серебряной цепочкой. Невысокие сапожки с тем

же украшением на ногах. Никаких браслетов или ожерелий.

Девушка рукой с длинными пальцами убрала с лица волосы и посмотрела в зеркало прямо на Мирддина. Ему показалось, что она его видит. Но в глазах ее ничего не отразилось.

В простом платье, юная, она казалась неуместной в этой пустынной местности, и все же в ней чувствовалась власть, как у дочери вождя. Мирддин пододвинулся поближе на скамье, чтобы лучше рассмотреть ее: девушка странно привлекала его, больше, чем любая другая. Кто она? Как попала в горы? Гостит в доме клана? Но в эти дни, когда по дорогам бродят разбойники, девушки не покидают безопасных убежищ.

И тут послышался знакомый голос, источник которого Мирддин так и не установил:

— Это Нимье. Она — проклятие Мерлина. Она из рода Других.

— Что за Другие? — спросил Мирддин. Голос зеркала по-прежнему звал его этим странным именем. Он уже привык к этому, но для себя он всегда оставался Мирддином.

— Те, кто не хочет нового подъема человечества,— ответил голос. И после недолгого молчания продолжал: — Слушай внимательно, Мерлин, потому что Зло близко и ты должен быть вооружен против него. В древние дни, когда наш народ прилетел в этот мир, здесь возникла могучая нация. Наши знания мы щедро отдавали людям Земли, тем, кто хотел жить и знать. Дочери людей выходили замуж за рожденных небом. Дети, рождавшиеся от таких браков, были могучими героями и людьми власти. Мы не понимали тогда, что в твоей расе есть и порок.

Но были и Другие, которые тоже, подобно нам, летали в кораблях между звездами. И они не хотели, чтобы люди поднялись к величию и знаниям. Поэтому они тайно явились в ваш мир и обнаружили этот порок: ваша раса склонна к ярости и насилию. И они использовали этот порок в своих целях. Последовали такие войны, о которых вы и понятия не имеете. Сражались молниями, взятыми с неба, переворачивали горы, превращали сушу в море и море в землю.

Многие из нас погибли в этих войнах, и те, кого мы учили, тоже погибли. Тогда-то Темные вернулись на небо, решив, человек никогда не поднимется снова,

а останется зверем, не обученным и не поддающимся обучению. Немногие из наших детей выжили и попытались сберечь знания. Но они зависели от машин, а машины, подобные тем, что ты видишь в пещере, были уничтожены в войне. Металл невозможно было обрабатывать, и человек вернулся к орудиям из камня и кости. Те, что начинали жизнь в огромных городах, кончили ее в первобытных пещерах, вооруженные лишь руками и теми знаниями, что сохранились в их памяти.

Мы не могли вернуться, потому что Темные контролировали межзвездные дороги, и если бы нас обнаружили, мы были бы схвачены и уничтожены. Так проходили и века. Однако для всего приходит время упадка, и наши враги ослабли, хотя и мы тоже очень многое утратили. Но мы не забыли тех, кого оставили беспомощными в этом мире, и, собрав все, что у нас осталось, мы построили корабли, способные пересечь пустоту. Корабли были маленькими и не вмещали нас, но могли нести начальные элементы жизни. Если бы они достигли цели, то с помощью того, что они несли, началось бы возрождение нашей расы. Мы отправляли свои корабли с семенами жизни с надеждой, потому что уже давно не видели в небе кораблей Темных.

Наконец один из наших кораблей прилетел на Землю. Маяк, вызвавший его, был очень стар, мощность его ограничена, и лишь по счастливой случайности он смог посадить корабль жизни.

Так родился ты, Мерлин. На тебе лежит важная задача, потому что нам, чтобы вновь вырасти, нужен мир. Ты должен установить этот мир. Ты будешь нашими руками. Маяк, привлекший этот корабль, мертв. Но есть более мощный маяк. Если его привести в действие, он привлечет на Землю весь флот. Это тоже твоя задача.

Но тебя ожидает опасность. Точно так же, как и мы, сигнальный маяк на Земле оставили и Темные. К тому же, несколько. И один из них ожил. Оттуда и происходит Нимье. Она должна помешать тебе выполнить твою задачу. Будь осторожен, потому что в ней воплощено все коварство Темных. И она владеет силами, которые сравнимы с твоими. Ее привлекла сюда энергия этого места, но она не нашла то, что искала: наши защитные поля еще прочны. Но она будет искать тебя. И все, что ты сделаешь, она постарается переделать, чтобы человек опять не стал великим.

У тебя две задачи. Первая — оживить Великий

Маяк. Это трудная задача, потому что часть маяка давным-давно увезена за море, на Западный остров. Те, у кого сохранились остатки древних знаний, хотели там использовать силу маяка, но не смогли.

Вторая задача — выдвинуть вождя, который прекратит все распри и установит мир. Тогда мы сможем вернуться и снова работать с людьми.

Вот что ты должен сделать, а Нимье постарается тебе помешать. Будь осторожен, Мерлин, потому что ты наша единственная надежда, и все меньше остается времени на ее осуществление. Если ты не справишься, Темные окончательно завладеют твоим миром, и человек будет жить звериной жизнью без солнца знаний!

Изображение Нимье исчезло. Его сменила другая картина: огромные стоячие камни, а поверх них лежали еще камни. Мирддин узнал это место: когда-то давно о нем рассказывал Лугейн.

Это сооружение было создано сказочным народом, населявшим остров до того, как из-за моря появился народ Мирддина. Оно оставалось священным не только для своих забытых строителей, но и для тех, кто пришел им на смену. Обладавшие знаниями постигали здесь тайны движения звезд. И сейчас тут жили люди, стремившиеся к знаниям. Мирддин верил, что именно сюда ушел после смерти Найрена Лугейн.

— Это Великий Маяк! — произнес голос. И картина задрожала и исчезла. Мирддин понял, что теперь он один. Задача разъяснена, предупреждение сделано.

У мальчика было над чем подумать. Как можно одному вернуть такой огромный камень с Западного острова? Он знал, что это невозможно. Кто сейчас, во время войны, с расколотой на части страной, прислушается к его призыву? Да он и не сможет все рассказать. Мирддин понимал, что только такие, как Лугейн, поверят в его рассказ.

Лугейн...

Мирддин не знал, имеет ли Лугейн какое-нибудь влияние на королей и предводителей армий. Ему казалось, что должен иметь. Во всяком случае, решил Мирддин, прежде всего он должен отправиться к Месту Солнца и отыскать там Лугейна. К тому же, не мешает осмотреть это место в реальности, а не в Зеркале.

Выработав план, мальчик лег между двумя машинами, завернулся в плащ и уснул. Сон его был тревожным. Ему казалось, что он заперт в большом ящике, стены

камня прозрачны, как горный ручей, и сквозь них он видит все происходящее.

Перед ящиком стояла Нимье и смеялась. Руки ее двигались в знаке, отгоняющим колдовство. Он много раз видел этот жест в детстве. Он знал, что он ее пленник, но в нем жила потребность высвободиться, выполнить какую-то задачу.

Он бился о прозрачные стенки ящика, тело покрылось синяками и кровоподтеками, но выбраться он не мог. И все время его преследовало ощущение какой-то страшной неудачи.

Картина изменилась: перед ним был Лугейн. Друид спал на постели из сухих листьев, накрытых оленьей шкурой. Мирддин склонился над ним и коснулся ладонью спящего. И услышал собственный голос:

— Я приду.

При этих словах друид открыл глаза. Он узнал Мирддина. И заговорил. Губы его задвигались, но Мирддин не слышал слов, как не напрягал свой слух.

Между ними потянулся туман. Увидев его, Лугейн отшатнулся, взмахнул руками, как бы отгоняя зло. Туман сгустился в фигуру. И Мирддин опять увидел смеющуюся Нимье. И проснулся.

Он почти ожидал увидеть склонившуюся над ним девушку, как он сам склонился над Лугейном. Но он был один. Молчание нарушал лишь гул машин. Мирддин знал, что нужно делать. Он должен идти к Месту Солнца, убедившись, что никто его не преследует.

Вначале надо раздобыть припасы и меч. Он не воин, но обращаться с оружием умеет, а ему предстоит углубиться в спорную территорию, где одинокому страннику перережут горло из-за пони или плаща...

Ведя лошадь, Мирддин спустился по склону холма... и увидел страшную картину. Тут гостили меч и огонь. Угли остыли, значит, прошло несколько дней. Борясь с тошнотой, бродил он среди развалин, обходя обожженные тела защитников крепости. Их было уж слишком мало... женских тел одно или два. Мирддин догадался, что женщин и детей увели в рабство.

Но он нашел Юлию. Она все еще сжимала обломок копья. Видимо, умерла быстро. От удара меча. Мирддин стащил тела в чудом уцелевший сарай. Здесь лежали мешки с зерном. Он сделал из них похоронный настил, уложив на них тела своих родичей. Юлию он положил последней.

Достав огниво, он поджег мешки. У него не было сил достойно похоронить мертвых, а оставлять их непогребенными он не хотел. Когда взметнулось пламя, он отыскал немного заплесневшего хлеба, кусок погрызенного мышами сыра и бутылку, которую наполнил водой из ручья. Он не оглядывался на поднявшееся позади него пламя. И все, что знал Мирддин в прошлом, ушло. Детство кончилось. Осталась лишь воля выполнять полученные в пещере приказы.

Мирддин ехал утром, на горизонте собирались грозовые облака. Он глубоко дышал, стараясь изгнать из горла запах дыма дома клана, забыть то, что видел там.

Пошел дождь, но Мирддин не остановился: он приветствовал дождь, обмывавший его тело. Это была природа, а не отвратительные деяния людей. Мирддин размышлял над рассказом Зеркала. Неужели это было правдой, что человек жил в мире и обладал огромными знаниями? Если это так,— а у него не было причин не верить,— он сделает все, чтобы вернуть Золотой век.

В нем росла ненависть, не к тем, кто разрушил дом его клана: такова природа всех набегов. Нет, он ненавидел тех, Других, которые летают между звезд, владеют силами, которых он даже вообразить себе не может, и все же хотят, чтобы человек оставался грубым животным.

Что движет Темными? Ревность к тем, другим, что помогали Земле? Или страх? Может, они предвидели в человечестве врага, как кошка и собака — враги с самого рождения? Если так, то какое качество в человеке вызывает такой сильный страх? Мирддин жаждал спросить об этом Зеркало. Он спросит, когда вернется...

Когда вернется?..

Он должен отвергнуть такие мысли, сосредоточиться на будущем, попытаться избавиться от возможных преследований. Он неопытен в таких делах, поэтому придется удвоить усилия.

Вследствие этого он держался в стороне от любых жилищ, останавливался в развалинах, давно покинутых людьми. Дважды он ночевал в руинах. Запасы пищи он растягивал, как мог. В конце концов, он был горцем, и ему удавалось иногда поймать кролика или сбить камнем утку.

Мясо он ел сырым, так как не осмеливался разводить костер. И ни разу не удалось ему избавиться от страха перед преследованием. Дважды прятался он вме-

сте с лошадью в кустах. Возможно, это были рекруты Амброзиуса, но осторожность в нем брала верх.

С острым чувством голода и беспокойства Мирддин выехал наконец на равнину и увидел впереди гигантские стоящие камни. Он достиг Места Солнца.

Глава 5

Мирддин закутался в плащ. Дождь стучал по крыше грубой хижины, но внутри горел огонь, а в руках Мирддин держал деревянную чашку с горячим супом из кролика, сваренного на травах. Дверью в хижину служила шкура, которую время от времени раскачивал ветер. Мирддин слишком устал, чтобы есть, хотя запах пищи вызывал слюну во рту.

Лугейн не нарушал молчания. Он сидел, скрестив ноги, и чинил свое платье, ставшее серым из белого. Друид, занимавший в доме клана некогда почетное место, теперь был похож на обычного нищего на дороге. Но в голосе у него не было нищенских ноток. Он смотрел на Мирддина строгим проницательным взглядом.

— Поешь и спи,— сказал он.— Тут тебе ничего не угрожает.

— Откуда ты знаешь, что мне грозит опасность? — Мирддин сделал глоток из чашки.

— А откуда я знал, что ты идешь? — ответил вопросом Лугейн.— Боги дали мне способности и ум, чтобы пользоваться ими. Разве ты сам не предвидел нашу встречу?

Мирддин, вспомнив свой сон, кивнул.

— Я видел сон...

Лугейн пожал плечами.

— Кто может сказать, что такое сон? Возможно, это сообщение, посланное и полученное. Я думаю,— медленно добавил он,— что ты многое узнал, сын чужого.

— Я узнал...— Мирддин вновь отхлебнул супа. Он хотел рассказать все, что произошло с ним в пещере, но что-то удерживало его. Возможно, он ни с кем на Земле не сможет поделиться узнанным.— Я узнал, что привело меня в это место. Меня здесь ждет задача.— Он надеялся, что сказал не слишком много.

— Это я тоже знаю. Но не сейчас ты начнешь решать ее. Поспи после еды: сон необходим каждому человеку.

Мирддин спал без сновидений на груде листьев, прикрытой шкурами. Проснувшись, он увидел, что дождь кончился, в лицо ему светило солнце. Шкура, служившая дверью, была откинута, чтобы впустить свет.

Через дверь он видел несколько стоящих камней. Они показались ему более странными, чем самые древние здания людей. Между двумя камнями виднелась фигура в белом. Когда она приблизилась, Мирддин увидел, что это Лугейн. Борода его теперь была белее одежды и достигала пояса, грива волос касалась плеч.

Но друид двигался не как старик: скорее, он шел уверенно, как человек средних лет. В руках он нес мешок, из которого торчали какие-то растения. Мирддин догадался, что друид собирал лекарственные травы, как делал он сам, когда жил в доме клана.

Мальчик отбросил плащ, которым укрывался во сне. Утренний холод сменился приятным теплом. Мирддин с удовольствием потянулся и встал. Наклонив голову, он вышел из хижины. Выход был низким даже для его небольшого роста.

— Хозяин,— приветствовал он друида.

Лугейн опустил мешок.

— Ты называешь меня хозяином, но ты и сам хозяин здесь. Ты чего-то хочешь.— Старик улыбнулся.— Ты хочешь о чем-то спросить меня, но не знаешь, в каких словах это сделать. Не ищи красивых фраз. Между нами не должно быть церемоний. Я дал тебе имя при рождении.

— Да,— согласился мальчик.— Ты дал мне имя — Мирддин. Я слышал, что некогда так называли бога здешних гор. Мне дали и другое имя — Мерлин.

— Мерлин,— Лугейн, произнес это имя медленно, как бы проверяя каждый звук.— В клане нет такого имени. Но если его дали тебе, то не без причины. Итак, Мерлин-Мирддин, что ты хочешь спросить у меня?

— Как добиться, чтобы Амброзиус Римский выслушал меня?

На лице друида не было удивления. Он спокойно спросил:

— Зачем тебе внимание Амброзиуса? И почему бы тебе просто не пойти к нему?

Мирддин вначале ответил на второй вопрос, быстро рассказав о Вортигене, своем пророчестве и встрече с Амброзиусом.

— И ты считаешь, что он не будет тебя слушать, поскольку ты колдун? Так?

— Если старые знания — колдовство, то да. А его внимание мне нужно вот для чего. Я должен вернуть в Место Солнца камень, увезенный на Западный остров. Его нужно положить в соответствующее место.

Лугейн медленно кивнул еще до конца его слов.

— Я слышал об этом. Но Амброзиус имеет дело с предметами этого мира, которые можно увидеть, услышать, потрогать. Легенды не интересуют его. Впрочем...

— Ты знаешь, как добиться его внимания?

— Может быть. Римские императоры в древности воздвигали памятники в ознаменование своих побед. И этот камень принадлежит Британии, он у нас украден. Если Амброзиус выиграет большое сражение, в радости он может стать сговорчивее.

— На это нужно время. Удача. Случай...— возразил мальчик.

— Юность всегда нетерпелива. Я долго жил. Достаточно долго, чтобы понять: время должно быть твоим слугой, а не хозяином. Другого пути нет. Камень можно привезти сюда лишь с помощью людей, воинов и корабля. Ты думаешь, жители Западного острова так просто отдадут то, что считают своим законным трофеем?

Мирддин в нетерпении ходил взад и вперед. Он не очень верил в план друида. Слишком много случайностей. Но, несмотря на все знания, сообщенные ему Зеркалом, он не видел другого выхода, кроме помощи Лугейна. Он знал, что встреча с Амброзиусом не принесет ничего хорошего ему самому.

Он остановился и коснулся рукой высокого синеватого камня из внешнего круга. И прикосновение каким-то образом передало ему представление о такой древности, что он почувствовал благоговейный страх. По синеватой поверхности были рассыпаны маленькие желтые кристаллы размером с боб. Огромный камень вызвал у Мирддина отчаяние. Он не знал размеров камня, который ищет, но если он похож на этот, то и сотня людей не пошевелит его.

Нет. Мирддин снова ощутил уверенность. Люди могут не пошевелить камень. Но существа, построившие это место, имели свои тайны, и кое-чему Зеркало его научило. И сомнение заставило его испытать свои силы.

Он осмотрелся. Следующий камень упал и лежал в густой траве. Мирддина потянуло к нему. Посох не по-

служит ему, даже если он сделан из священного дуба. Его оружием должен быть металл, и притом не всякий.

Мирддин извлек нож и подошел к упавшему камню. Он начал медленно, в определенном ритме постукивать острием. Одновременно он произносил гортанные звуки, которые Зеркало заставляло его произносить вновь и вновь, пока он не добился правильного акцента.

Быстрее и громче становилось постукивание. Горло Мирддина слегка болело от непривычного напряжения голосовых связок. И вдруг он услышал другой голос: к его голосу присоединился Лугейн.

Стук-стук... рука движется быстро... еще и еще, и еще... Лицо Мирддина покрылось потом, рука устала, но он не поддавался телесной слабости. Стук — голос — стук...

Он был так поглощен своим занятием, что первое движение камня застало его почти врасплох. Камень шевелился в борозде, которая образовалась при его падении поколения тому назад, шевелился как зверь, просыпающийся после долгой спячки.

Стук — голос...

Камень поднимался. Но Мирддин не мог удержать его, рука его опустилась, и мегалит упал обратно в борозду. Мирддин опустился на колени рядом с ним, тяжело дыша, совершенно ослабев.

— Хорошо сделано, сын неба!

Хотя в ушах у него звенело, он расслышал слова Лугейна. Друид прислонился к камню с противоположной стороны, удивленно глядя на Мирддина.

— Но тебе нужно лучшее оружие, чем этот нож,— продолжал друид. Он повернулся, по-прежнему опираясь рукой о камень.— И если у тебя хватит духа, ты его можешь получить.

— Где?

— Из рук умерших.— Друид указал на низкие курганы за каменным кольцом.— Это их работа. А когда они умирали, с ними хоронили их оружие, чтобы оно не попало в руки более слабых.

— Взять у мертвых! — Часть Мирддина, принадлежавшая этому миру, отшатнулась от такой возможности. Обычный член клана никогда бы не решился взять что-нибудь у мертвых.

— Если бы они были живы, они сами бы отдали оружие в твои руки,— ответил Лугейн.— Здесь лежат те, в ком тоже была небесная кровь. Их никто не ох-

раняет, и все их оружие не может попасть в недостойные руки.

— Однако...— Мирддин, держась за камень, с трудом встал.— Человек может потратить всю жизнь на поиски и ничего не найти в этих захоронениях.

— Подобное стремится к подобному,— спокойно ответил Лугейн.— Смотри.— Он достал из-за пазухи маленький кожаный мешочек, потемневший от пота, как будто он носил его очень долго. Развязал его, и в руке у него оказался кусок металла, блестевший как драгоценность.— Возьми его, почувствуй,— приказал он. Мирддин протянул руку, и друид опустил в нее кусок металла.

Мирддин поднес кусок к глазам, потрогал его кончиком пальца. Не бронза, это точно, и не чистое золото. С таким цветом это не олово, не железо, не серебро... возможно, подобно бронзе, это сплав, но каких именно металлов, он не мог догадаться. Кусок был цвета светлого серебра, но, хоть он и был маленьким, на нем играла радуга цветов, меняясь с каждым движением.

— Это металл небесного народа,— пояснил Лугейн.— Он сохранился со времен катастрофы. Если в могилах есть что-нибудь, принадлежавшее строителям Места Солнца, то он даст нам знать. Его можно использовать как прут, при помощи которого ищут воду.— Лугейн оторвал край своей одежды и тщательно проверил прочность полоски.

Затем закрепил кусок металла в полоске ткани и привязал ее к пальцам, так что кусок металла свободно свисал.

— Начнем поиски,— сказал он.

Вместе они начали осматривать курганы. Некоторые из них напоминали по форме диски, другие — кольца с разорванными краями. С вытянутой рукой Лугейн поднимался на каждый, следя за свисающим куском металла.

К ночи Мирддин потерял уверенность. Он готов был отказаться от всякой надежды, что приспособление Лугейна поможет им отыскать небесное оружие. Но друид казался спокойно-уверенным. Он не беспокоился, когда они вернулись в хижину.

— Если не сегодня,— сказал он, бросая лист в кипящий котел,— то завтра...

— И послезавтра и еще послезавтра...— кисло продолжил мальчик.

— Если будет необходимо,— кивнул Лугейн.— Мирддин-Мерлин, прежде всего тебе следует научиться терпению. Тебе его явно не хватает. Но это обычный недостаток молодости.

— Ты уже говорил,— заметил Мирддин, подкладывая дрова в костер,— что я должен ждать внимания Амброзиуса, ждать, пока мы отыщем оружие, ждать... Может быть, слишком долго!

— Я не спрашивал, зачем тебе это нужно.— Лугейн яростно мешал варево.— Но теперь спрошу: нужно ли торопиться?

— Я должен выполнить два задания,— ответил мальчик,— хотя не знаю, почему они возложены на меня. Я не просил о рождении от Повелителя Неба.— Он сидел на корточках и глядел в огонь.— Мое рождение принесло мне только неприятности.

— От этого не свободно никакое рождение,— заметил Лугейн.— Если ты откажешься от дела своей жизни, что же ты еще будешь делать? Возьмешь меч воина? И умрешь, может быть, оборвав до этого несколько других жизней.

Мирддин вспомнил, каким он видел в последний раз дом клана. Таковы плоды войны. Такова жизнь, на которую обречены люди, если не произойдет никаких изменений. Да, у него нет выбора. Он должен нести ношу, возложенную на него голосом Зеркала.

— Я буду делать то, что должен,— тяжело сказал он.— И если ожидание — часть моего дела, я вынесу его. Но меня предупредили.— Он подумал, сможет ли он сказать Лугейну. Ведь знания, сообщенные ему Зеркалом, прочно заперты.— Существует некто...— и он обнаружил, что может продолжать,— чья задача — помешать мне.

— Один из Темных,— согласился Лугейн.

Мирддин удивился. Многое ли знает друид?

Он увидел улыбку Лугейна.

— Здесь хранится кое-что из знаний Древних.— Он коснулся своего лба.— Принадлежащие к нам должны учиться двадцать лет. Эти знания никогда не записывались, а передавались устно от поколения к поколению. Да, Темные некогда принесли гибель на Землю. Значит, у них тоже есть верные слуги? Знаешь ли ты, кто твой враг?

— Девушка.— Не закрывая глаз, Мирддин вдруг увидел Нимье на горном склоне, с ее прекрасными

волосами, которыми шаловливо играл ветер, с напряженным, ищущим взглядом. Такой он увидел ее в Зеркале.— Но я лишь знаю, что ее зовут Нимье, но не знаю ни клана, ни племени...— Он покачал головой.

— Нимье... Это имя Силы. В старину так звали богиню воды. Я запомню.

Они ели молча, занятые своими мыслями, и так же молча легли спать. Однако Мирддин чувствовал, что рядом друг, и ему было хорошо. Редко он испытывал подобное чувство. Лишь в пещере у Зеркала.

На рассвете они снова начали поиски. На этот раз Мирддин действовал с большей готовностью. Если ему необходимо терпение, то чем скорее он им овладеет, тем лучше.

Солнце уже стояло высоко, когда они поднялись на кольцевой курган чуть выше соседних. И тут же кусок металла начал раскачиваться, блестя на солнце. Лугейн рассмеялся.

— Разве я не говорил, что подобное стремится к подобному? Вот доказательство, мальчик! — Он топнул ногой по дерну, покрывавшему курган.— Под ним лежит то, что мы ищем.

Он сунул кусок металла в карман, торопливо направился к хижине и вернулся с бронзовым топором.

— Настоящей лопаты у нас нет,— сказал он,— но этот топор и твой нож послужат нам.

С силой, удивительной для его возраста, Лугейн врубился в дерн. Работа была тяжелая, и они по очереди рубили топором, убирая землю с помощью ножа и корзины. К закату они добрались до массивного камня, служившего покрытием склепа. Лугейн расчищал его в поисках входного отверстия.

Солнце зашло, сгущались сумерки. Лугейн стоял в выкопанной ими траншее.

— Свет! Факел! Нельзя оставлять на ночь!

Мирддин выпрямился, отбросил очередную корзину земли. В глубине души он знал, что друид прав: открытую могилу нельзя оставлять на ночь. Но человеческая часть в нем в ужасе содрогнулась при мысли о том, что придется в темноте вторгаться в могилу.

Однако он отложил в сторону неуклюжие орудия и заторопился мимо мегалитов к хижине. Угли, хорошо укрытые, еще сохраняли жар. Мальчик сунул в угли два факела, потом взмахнул ими над головой, раздувая пламя.

Держа в руках факелы, он думал лишь о том, как бы побыстрее добраться до могилы. И вдруг сквозь сосредоточенность он ощутил тревогу. Оглянувшись, он не увидел никакого движения между камнями, от которых тянулись длинные тени. Он пошел медленнее и продолжал оглядываться.

Достигнув могилы, он воткнул факелы в землю. При их свете он увидел, что Лугейн в его отсутствие не терял времени: обнажился конец откопанного ими камня, и теперь друид углублялся под него, чтобы найти вход в склеп.

Ниже оказался другой камень, меньший и расположенный вертикально. Он поддался объединенным усилиям людей, хотя металлический топор при этом раскололся. Обнажилось отверстие. Мирддин, с его меньшими размерами, сумел заглянуть внутрь. Лугейн светил ему факелом.

Внутри оказались различные предметы: кувшины, копья, что-то завернутое в ткань, которая распалась от прикосновения свежего воздуха. Все это не интересовало Мирддина. Он хотел увидеть блеск металла, и свет факела помог ему.

С бесконечной осторожностью мальчик сунул руку в отверстие и нащупал что-то холодное и твердое. Схватив это, он извлек наружу меч.

Лезвие его было из того же сплава, что и сокровище Лугейна. Нетронутое временем, прямое и гладкое, как будто только что выкованное, оно ответило на свет факелов радугой отблесков. Большая тусклая жемчужина украшала витую рукоять. Мирддин протянул меч друиду и начал торопливо забрасывать землей отверстие.

— Нужно спрятать,— тяжело дыша, сказал он.— Оттуда,— не поворачивая головы, он кивнул в сторону,— за нами следят.

Он услышал свистящее дыхание Лугейна.

— Возьми это, мальчик, и иди! Оставь мне свет. Я закопаю могилу. Но этим рисковать нельзя!

Он отдал меч Мирддину, и мальчик вновь взял его. Ему захотелось завернуть лезвие в плащ: оно сверкало ярче факелов.

Держа оружие перед собой, он побежал к хижине. И так остро ощущалось чье-то присутствие, что он ежесекундно ожидал оклика.

Может быть, это какой-нибудь бродячий горец или даже сакский разведчик. А этот меч — настолько цен-

ная добыча, что вполне оправдает нападение. И в то же время Мирддин знал, что за ним следит не обычный враг.

Убегая с факелами, он не опустил дверной занавес. И теперь огонь в хижине указывал ему путь.

Мирддин был в десяти шагах от двери, когда от ближайшего камня отделилась фигура и направилась к нему. Мальчик повернулся лицом к привидению. Рукоять меча удобно лежала в руке, как будто оружие было выковано специально для него. Меч был гораздо длиннее римских мечей, которые он видел в войске Амброзиуса.

Он взмахнул мечом, с которого, казалось, сорвался язык пламени. И Мирддин наконец понял, что значит быть воином, почувствовал яростное возбуждение битвы. Не сознавая этого, он оскалил зубы и испустил низкий крик.

Однако, не ударил. Свет из двери хижины упал на приближающуюся фигуру. И он узнал ее.

— Нимье!

На этот раз он не только увидел, но и услышал ее смех.

— Мерлин! — В том, как она произнесла его имя, звучала насмешка.

Глава 6

— Храбрый воин! — Насмешка девушки жалила, выводила из себя.— Что ты теперь сделаешь? Ударишь меня мечом, как поступают разбойники в этих темных землях?

Мирддин опустил меч. Она заставила его почувствовать себя глупцом, ребенком. Но он знает, кто она, и не должен допустить, чтобы она взяла верх.

— Те, кто прячутся во тьме и подсматривают оттуда,— ответил он,— должны быть готовы к встрече с обнаженным лезвием.

— Ты веришь, что металл может победить меня, Мерлин? Ты все еще держишься предрассудков твоего племени? — Глаза ее сверкали, как у кошки, в свете, падавшем из хижины. Она улыбнулась.— Лучше испытайка свои силы на таких! — Повернувшись, Нимье указала па камень, из-за которого пришла. Из-за камня появились фигуры, рожденные кошмарным воображением.

Но Мирддин знал, что на самом деле они не существуют. Он сам заставил короля и всех остальных видеть драконов. А теперь Нимье пытается и его запугать иллюзиями. Он пристально посмотрел на них, и они рассеялись и исчезли.

Нимье перестала улыбаться, губы ее напряглись. Она зашипела, как змея или сердитая кошка.

— Ты думаешь, что узнал всю науку Древних! — воскликнула она.— Глупец, ты потратишь годы и годы и все еще будешь лишь в начале. Ты еще мальчик...

— А ты девочка,— ответил он.— Нет, я не говорю, что знаю много. Но такие игрушки мне знакомы.

Она качнула головой, так что волосы ее разлетелись по плечам.

— Посмотри на меня,— приказала она.— Ты посмотри на меня, Мерлин!

Ее матовая кожа светилась собственным блеском, черты лица слегка изменились. И красота окутала ее, как плащ. Неожиданно на голове у нее появился венок, аромат цветов коснулся ноздрей Мирддина. Одежда ее исчезла, и его взору открылось все ее стройное тело.

— Мерлин...— голос ее звучал низко и страстно, он многое обещал. Она нерешительно подошла ближе, как будто хотела коснуться его, но мешал девичий страх.— Мерлин,— простонала она.— Опусти этого убийцу, иди ко мне. Я покажу тебе такое, что ты не видел и во сне. Я жду... иди! — Она протянула руки.

Впервые он ощутил себя мужчиной. Горячо зашевелились неиспытанные чувства. Запах цветов, очарование ее тела... он уже не так крепко сжимал рукоять меча. Все земное в нем хотело ее.

— Мерлин, тебя обманули,— негромко говорила она.— Жизнь здесь, а не там. Тебя оградили от нее, лишили свободы. Иди ко мне, и ты узнаешь, что значит быть по-настоящему живым! Иди, Мерлин!

Она протянула руки, призывая его в свои объятия. Глаза ее были сонно тяжелы, рот изогнулся, ожидая поцелуев.

— Мерлин...— голос ее перешел в шепот, обещая то, о чем он лишь смутно догадывался.

Спас его меч. Почти уронив его, Мирддин коснулся острием ноги. И тут же ощутил в себе шок, нарушивший очарование. Он произнес лишь одно слово:

— Ведьма!

Ее глаза вновь блеснули. Цветущий венок исчез, на

ней опять оказалось зеленое платье. Она топнула ногой и протянула к нему руки, превратившиеся в когти, готовые рвать его тело.

— Глупец! — громко воскликнула она.— Ты сделал выбор и с этого часа начинаешь платить за него. После каждой победы ты будешь встречаться со мной, и если сегодня мне не хватило сил, то будут еще дни... и ночи. Помни это, Мерлин!

И как пришла из ночи, так и ушла в нее, смешавшись с тенями, и Мирддин даже не мог сказать, куда она ушла. И вместе с ней исчезло ощущение, что за ним следят. Теперь он знал, что свободен, по крайней мере на время, и облегченно вздохнул.

Однако он долго ждал, прислушиваясь, пользуясь и другими чувствами, которым научило его Зеркало. Да, она ушла. Ощущалась лишь древняя Сила, свойственная этому Месту Солнца. Там, где люди поклонялись всем-всем сердцем, навсегда остается дыхание Силы, может, уменьшающееся с течением времени, но никогда не исчезающее совсем.

Держа меч обеими руками, Мирддин вошел в хижину и разжег костер. Готовя еду, он держал меч наготове. Работая, он прислушивался: ему не хотелось оставаться одному, поэтому он ждал возвращения друида.

Он не боялся Нимье. Не верил, что она может вызвать к жизни силы, с которыми он бы не справился. Но первое ее нападение он не предвидел. Теперь он решительно боролся с сохранившимся в памяти видением: Нимье, матово-белая в ночи, с зовущим и сонным голосом. Он понял, что женщины не для него. Никакие узы не должны мешать ему выполнить задачу.

— Кто здесь был?

Мирддин очнулся от сумятицы мыслей при этом резком вопросе. Лугейн, высокий и хмурый, стоял у входа, откинув занавес.

— Как ты?..— начал мальчик.

— Как я узнал? Благодаря Силе, которую изучил! Этой ночью проснулись враждебные силы. Но сейчас врагов нет.— Ноздри друида расширились, он слегка повернул голову, оглядываясь через плечо. Одежда его была в земле, руки исцарапаны, под ногтями набилась грязь.

— Она была здесь... Нимье,— сказал Мирддин.

— Какое злое известие! Она видела меч?

— Да. Она... она хотела обольстить меня.— Мирд-

дину было неловко, однако, рассказав все друиду, он облегчит свою ношу.

Лугейн кивнул.

— Что ж, если бы ты был старше... Нет, не думаю, чтобы у нее вышло. Но будь осторожен. Она идет по твоему следу, и обмануть ее будет нелегко. У Темных своя Сила, и умение обманывать людей — ее составная часть. Но не думаю, чтобы ей легко удавались чары, пока у тебя в руке это.— Он указал на меч.— Но время не ждет. Я не сознавал этого. Я сделаю то, о чем ты меня просил: поеду к Амброзиусу.

Мирддин испытал внезапное облегчение. Он чувствовал, что опасно оставаться одному здесь, где его выследила Нимье. Однако, отчасти, это и его место. Он чувствовал странную близость к этим камням, как будто они некогда жили собственной жизнью и оставили ему наследие.

Эту ночь мальчик спал, прижимая к себе меч. И если девушка, приходившая из тьмы, пыталась навеять ему колдовские сны, ей это не удалось: он спал без сновидений. И проснулся он не только отдохнувшим, но и уверенным, что нужное должно быть сделано.

Лугейн уехал на пони, которого привел с гор Мирддин. Проводив его, мальчик отправился проверять ловушки, установленные друидом. Ему повезло: в обеих была дичь. Он поджарил мясо на прутике и с жадностью съел его.

Позже он изготовил грубые ножны, связав куски коры полосками, оторванными от плаща, и теперь постоянно носил меч с собой. И ночью он клал чудесное лезвие рядом с собой. Часами бродил он между камней, касаясь их время от времени рукой и каждый раз ощущая подъем духа от таких прикосновений.

Впервые начал он объективно оценивать знания, полученные у Зеркала. Многое из того, что сообщил ему бестелесный голос, он не мог использовать, потому что металлические машины чудесного народа с небес больше нельзя было изготовить в его мире. Для этого требовались слишком специальные знания. Он понял, что усвоил лишь небольшую часть сведений, некогда привычных для его предков.

Он мог вызывать иллюзии, как в случае с Вортигерном, и удерживать их короткое время. Умел немного лечить, не только используя травы, но и мысленно видя источник болезни и возлагая соответствующим образом

руки на нужные места. Так он мог восстановить функции больных или поврежденных органов. Однако это требовало, чтобы больной верил, что может выздороветь. А Мирддин сомневался, чтобы многие могли ему поверить. Слишком его лечение напоминало то, что люди называют колдовством.

Он получил свойство, вслушиваясь в речь на чужом языке, улавливать мысли, рождающие слова, и понимать сказанное. Он знал, как уменьшить вес: один раз он уже применил эту способность к упавшему камню. Если понадобится, он использует это свое умение в полную силу.

Бродя между камней, он критически оценивал свое обучение. Возможно, он знает больше Лугейна, но знания его могли быть гораздо значительнее, если бы их раса не впала так глубоко в варварство. Он знал это и чувствовал нарастающее раздражение. Все равно что стоять у входа в сокровищницу, знать, что любой вошедший овладеет сокровищами, и быть не в состоянии преодолеть невидимый барьер.

Однако камни и меч успокаивали его, внушали уверенность. Он часто думал, из какого металла выковано оружие Небесного Народа. Были ли небесные люди похожи на него, сына без отца? Зеркало показало ему много чудес, и он знал, что небесные люди не сражались так, как сражаются теперь: человек против человека, лицом к лицу. Они повелевали громами и молниями и били ими на расстоянии. Он дрожал и по-настоящему заболел, когда Зеркало показало ему картину последних битв, когда весь мир пылал, пораженный до самого сердца. Вскипали моря, горы вздымались и опадали с легкостью, с какой сам Мирддин мог швырнуть кусок земли.

Мальчик хотел испытать силу меча и слов: поднять один из упавших камней. Однако осторожность не позволила ему провести такое испытание. Он не знал, услышит ли его Нимье, и поэтому с терпением, которое вырабатывал в себе, ждал возвращения Лугейна.

Была весна, хотя он утратил точный счет дней. Трава у камней позеленела, свежие листочки раздвигали пожелтевшие, убитые морозом. Мирддин видел, как распускаются цветы. Пели птицы, он дважды видел, как лис с лисицей играли между камней. В нем самом нарастало какое-то беспокойство, которое он пытался подавить. Дважды во сне он видел Нимье и, проснувшись,

чувствовал стыд. И все время он смотрел на тропу, по которой уехал Лугейн.

Он начал считать дни, укладывая камешки в линию у двери. Друид вернулся, когда он положил пятнадцатый камешек. Он вернулся, и не один, с ним было шесть копейщиков. Воины не подъехали ближе, они беспокойно поглядывали на камни.

Лугейн облегченно вздохнул, слезая со спины пони. Он поднял руку, приветствуя подбегающего Мирддина.

— Все хорошо? — спросил Мирддин. Но лицо друида было мрачно, и Мирддин остановился, неуверенно посмотрев на всадников, которые не шевелились. Было похоже, что они с радостью при первой же возможности ускачут отсюда.

— Только отчасти,— ответил Лугейн.— Амброзиус мертв.

Мирддин застыл.

— Как он погиб — в битве?

— Нет. Он умер из-за заморской волчицы, хотя она протянула к нему руку из могилы. Она и Высокий Король погибли в пламени всего лишь на день раньше. Но смерть, посланная ею, настигла Амброзиуса с помощью рук ее служанок. Правду узнали слишком поздно.

Лучше бы он погиб в битве, подумал Мирддин. Амброзиус не заслужил такого конца.

— Мир ему,— негромко сказал мальчик.— И мы такого больше не увидим.— Какое-то воспоминание коснулось его. Однако еще не время ему было действовать, и воспоминание тут же ушло.

— Да, он был герой. И, как герой, он будет лежать здесь! — Лугейн указал на Место Солнца.— Тебе удастся осуществить свой поиск, Мирддин. Войско возглавляет теперь сводный брат Амброзиуса. Он следует старым обычаям. Я говорил с Утером, которого люди называют Пендрагоном. Он хочет, чтобы королевский камень был отобран у заморских варваров и привезен назад, в Британию. Он станет надгробным камнем героя.

Странны прихоти судьбы! Хоть велико было желание Мирддина выполнить приказ, он все же хотел, чтобы причина у приказа была другая и чтобы смерть не была с ним связана. Он пытался вспомнить Утера, но смутно вспомнил высокого молодого человека, с рыжевато-золотистыми волосами, достигавшими по старому обычаю плечей, с розовым лицом, с прогнутым в смехе

лицом. Однако в лице его не чувствовалась сила, жившая в смуглом, гладко выбритом римском лице Амброзиуса.

— Король отправил к берегу отряд. Там ждет корабль. Возможно, камень придется выкупать кровью,— продолжал друид.

Мирддин медленно покачал головой.

— Я бы не хотел отбирать силой...

Но он знал, что сделает все, чтобы добыть королевский камень.

В пути Лугейн рассказывал ему о новом правителе. Амброзиус никогда не пользовался королевским титулом, довольствуясь присвоенным ему заморским императором званием Герцога Британского. Однако теперь, после смерти Вортигена и исчезновения его войска, Утер готов был протянуть руку к королевской короне, и никто не помешал бы ему в этом.

— Племена поддерживают его,— заметил Лугейн,— считают своим, а не римлянином. А те, что шли за его братом, вынуждены идти и за ним: он теперь их единственная надежда. Саксы получили такой удар, что теперь долго не оправятся. Впрочем, я думаю, люди Пендрагона недолго будут отдыхать, и их мечи не заржавеют в ножнах.

Утер обладает всеми достоинствами, а также и недостатками племен. Он могучий воин, и они пойдут за ним, как всегда идут за героями. Но у него есть и серьезные недостатки. Мне кажется, ему не хватает целеустремленности и рвения брата. Амброзиус знал единственное дело в жизни: восстановление безопасного правления в Британии, хотя он ошибался, думая, что оно придет от римлян. Время заморских императоров кончилось. Мы ведем собственное сражение и не хотим видеть на своих дорогах марширующих Римских Орлов.

— Ты нашел пороки в Утере? — спросил его Мирддин. Они ехали поодаль от экскорта, и воины с готовностью оставляли их наедине, не стремясь общаться с друидом и его товарищем.

— Не больше, чем в человеке, слишком склонном следовать своим желаниям. Сейчас желание Утера — обеспечить себе мирное правление. Тут его желание служит доброй цели. Но в будущем...— Лугейн пожал плечами.— Я не пытаюсь заглядывать в будущее слишком далеко: это может вызвать отчаяние. Довольно того, что он дал тебе, сын неба, возможность осуществить желаемое.

Мирддин был уверен, что Лугейн на самом деле глубоко встревожен и что-то скрывает. Однако он не настаивал. Как сказал друид, пока достаточно того, что Утер дал им возможность овладеть королевским камнем.

Попутный ветер перенес их через пролив на Западный остров. Здесь они высадились в небольшой бухте, не встретив ни одного человека. Первый день они шли как по пустыне, хотя воины были настороже и посылали вперед разведчиков. Битва — их профессия, и они хорошо знали ее.

На второй день прискакал разведчик и сообщил, что обнаружил засаду в узкой лощине. Его бдительность спасла их. Воины спешились и, укрываясь, обошли лощину. А сидевшие в засаде не ожидали нападения с тыла, и битва превратилась в кровавую бойню. Мирддин и Лугейн занялись ранеными. Но вот привели знатного пленника.

Он держал голову высоко поднятой, хотя рана на его лице открывалась как второй рот, а правая рука была сломана.

— Перевяжите его. Он должен жить,— приказал командир их отряда.— Это Гилломан, что правит территорией, где находится королевский камень. С ним в своих руках мы можем начать переговоры.

Но юный вождь плюнул на землю им под ноги и попытался рассмеяться, хотя ему и мешала рана на лице.

— Разве вы великаны? — спросил он.— Вы не похожи на великанов и ничем не отличаетесь от моих людей. Вам не удастся увезти королевский камень.

— Поживем — увидим,— ответил Мирддин.— А сейчас нужно заняться твоей раной.

Вначале казалось, что он будет сопротивляться, хотя они желали ему добра, однако, наконец, вождь сдался. Лугейн выправил кость на руке, наложил деревянные планки и плотно перевязал их. А Мирддин наложил ему на лицо компресс из трав. Потом сосредоточился на соединении резаной плоти, как учило его Зеркало.

Пленник недоверчиво взглянул на Мирддина и сказал:

— Кто ты такой? Мне больше не больно... Твои руки — руки целителя.

— В этом мой дар, как твой дар в умении руководить битвой, король. И я не желаю тебе зла. Слушай мое предложение. Если я сумею сдвинуть камень с места, поднять его лишь своими руками и голосом, покля-

нешься ли ты, что твои люди мирно пропустят нас с камнем в Британию.

Гилломан вновь рассмеялся.

— Ни один человек не сможет это сделать. Если это не шутка с твоей стороны, я даю слово чести. Подними камень руками и голосом, и я уведу своих воинов. Они дадут вам свободный проход. Но если ты не сможешь, будьте готовы к нашему нападению.

— Хорошо,— ответил Мирддин.

И вот они ехали по стране, а по обе стороны собирались люди Гилломана, готовые уничтожить их, если Мирддин потерпит поражение. И вот наступил день, когда он в одиночестве стоял не перед единственным камнем, а перед целой дюжиной. Часть камней лежала, другие стояли. Без колебаний он подошел к камню средних размеров. На нем был вырезан знак, который он так хорошо знал,— спираль Небесного Народа.

Он извлек меч из ножен, солнце отразилось в нем радугой; Мирддин услышал удивительный ропот окружающих. Потом он начал медленно постукивать, произнося слова. На этот раз ему было гораздо легче произносить необычные слова-звуки. Быстрее становилось постукивание, громче — издаваемые им звуки. Радужное сияние освещало руку, державшую меч.

Удары металла о камень звучали почти непрерывно. Мирддин ударял так быстро, что трудно было уловить паузу, когда он поднимал меч. Его голос сливался со звоном металла, и эти звуки уже нельзя было разделить.

И камень двинулся, начал подниматься со своего земляного ложа. Однако Мирддин не прекращал своего дела, ритм его ударов стал еще яростнее и пение — еще громче.

Он начал поворачиваться, очень медленно, едва ли на четверть дюйма за раз. Камень поворачивался за ним. И вот он стоит уже поперек траншеи. Мирддин сделал шаг, другой, камень — за ним. Мирддин ничего не видел, кроме сверкания меча. Отгоняя усталость, напрягая волю, продолжал он свое дело.

Мирддин медленно шел, а камень, поддерживаемый колебаниями, о которых говорило Зеркало,— нужен только подходящий металл и подходящий камень — двигался по воздуху за ним. Мирддин миновал остальные камни и чуть спустился по склону.

Тут он опустил меч, и камень сразу лег на землю.

Замолкло хриплое напряженное пение. Мирддин взглянул туда, где стоял Гилломан.

Лицо юного вождя было почти полностью забинтовано; виднелись лишь глаза, широкие и полные благоговейного страха. И вождь поднял руку в приветствии.

— Ты сделал то, что могут делать только богоравные герои. Как я обещал, так и будет. Поскольку Королевский камень ответил на твой призыв, ты можешь увезти его. Я не знаю источника твоего колдовства, но хочу, чтобы оно было подальше от моей земли. Трудно жить под угрозой такой силы.

Так Мирддин добыл Королевский камень без дальнейшего кровопролития. И привез его в Британию на то место, откуда его увезли. Камень воздвигнули во славу Амброзиуса, однако Мирддин знал, что у камня есть и другая цель. Эту цель откроет будущее.

Глава 7

Утер Пендрагон стал Высоким Королем, и в Британии установился мир. Мирддин стоял в Месте Солнца. Хотя Королевский камень и стоял на месте, Мирддин знал, что он свою задачу еще не выполнил. Потому что Утер, как и его предшественник Амброзиус, был не тем королем, которого он искал.

Лугейн оказался прав. Утер был доблестным воином, но имел и свои недостатки. Скорый на гнев, он не умел контролировать себя так, как это делал Амброзиус. Красивый, горячий, он легко следовал своим желаниям. И вот однажды утром он приехал к Мирддину в Место Солнца.

Он отослал сопровождающих и теперь удивленно разглядывал юношу.

— Тебя называют Мирддином? — спросил он резко, как будто не веря себе.

— Да.

— Но ты совсем молод. Как можешь ты быть пророком и двигать скалы своей волей и ударами меча? Кто ты на самом деле?

— Мне говорили, что я сын нечеловека,— ответил Мирддин.— Что касается моих способностей, то они даны мне с определенными целями. И первая из них — чтобы Королевский камень вернулся на свое место ради блага этой земли.

Утер уперся руками в бока, подбородок его был вздернут, как будто он собирался бросить вызов.

— Кто ты такой, чтобы решать, в чем благо Британии? Ты даже не окровавил меч у нее на службе, если только правдивы слухи о тебе.— Он кивком указал на меч в ножнах из коры, висевший на поясе у Мирддина.

— Меч не мой, лорд. Я лишь временный его хранитель. И мои способности не для войн.

— Я слышал, что ты пророк. Если это все правда, скажи: победит ли Пендрагон?

— Победит. Но белый дракон будет возвращаться снова и снова. Лорд король, собери эту землю в единое королевство, если хочешь править по-настоящему.

Утер кивнул.

— Для этого не нужно пророчества, парень. Каждый человек знает, что это должно быть сделано. Скажи мне что-нибудь такое, чего я не могу предвидеть сам. Тогда я возьму тебя под свою защиту, дам тебе почетное место в своей свите.

Мирддин покачал головой.

— Лорд король, двор и почет, которые ты предлагаешь, не для меня. Твой брат предложил мне однажды вступить в его войско, но, как пророку, мне не оказалось места среди его подданных. Если ты будешь опираться на мои слова, твои люди будут недовольны. Мне лучше быть подальше от твоего двора. Но ты просишь о пророчестве — вот оно:

У тебя родится наследник, однако рождение его будет тайным. Это будет повелитель, какого наша земля не знала со времен императора Максима. Имя его будут помнить многие столетия. И если он выполнит то, к чему призван, эта земля будет благословлена превыше всех стран в мире.

— У многих есть сыновья,— ответил Утер.— Кто сменит меня, сейчас не в этом дело. Да я и не узнаю, прав ты или солгал. Если хочешь показать свое волшебство, скажи еще что-нибудь, колдун.

— Лорд король, ты ожидаешь, что я вызову гром с ясного неба или превращу твою свиту в свору собак? Я имею дело не с тем, что ты называешь колдовством, а с древней мудростью. Могу сказать тебе: до конца следующего года я тебе понадоблюсь. Когда настанет этот момент, пусть твой вестник едет к месту, где стоял дом

клана Найрена, и разожжет на развалинах костер. Я отвечу на твой вызов.

Утер рассмеялся.

— Парень, не знаю, зачем ты можешь мне понадобиться. Мне кажется, силы твои незначительны, ты можешь лишь создавать иллюзии и заставлять людей видеть то, чего нет. Ты прав: мои люди не верят тебе, и тебе лучше быть подальше. Не знаю, каким ты станешь, когда повзрослеешь, но я не думаю, чтобы мы могли иметь дело друг с другом.

Он запахнул плащ и ушел. Мирддин смотрел, как он уходит, и внезапно увидел мгновенное изменение. Высокий человек в алом плаще, с великолепным вооружением вдруг оказался согбенным и сморщенным, лицо его посинело, сильные мускулистые ноги превратились в тонкие кости, смерть смотрела через его глаза. И Мирддин понял, что не гибель в битве ожидает Утера, а предательство и медленный упадок. Он хотел предупредить короля, однако знал, что слова его окажутся бесполезными.

Он вздохнул, думая о своем опасном и часто бесполезном даре. Лучше бы его не было. Он видит в лице человека его смерть и не может сказать ему об этом. Но Мирддин не отвернулся от Королевского камня, он положил руку на его поверхность, еще раз подивившись, какая сила удерживает его здесь, заставляет выполнять поручение Небесного Народа. Зеркало объяснило, что камень — это маяк, но как он действует, Мирддин не знал. Он чувствовал только в нем огромную скрытую энергию, как и в других камнях этого места.

В хижине его ждал Лугейн. Друид уже собрал немногочисленные пожитки Мирддина и привел и оседлал пони.

— Ты должен уехать.

Эта неожиданность поразила мальчика.

— Почему?

— Ищущие добрались до этого места. Ты сделал то, чему противились Темные, и теперь они захотят убить тебя, чтобы ты не смог еще чем-нибудь повредить им. Прошлой ночью в кругу танцевали Теневые Танцоры. Однако ни у одного из них не нашлось достаточно сил, чтобы соорудить себе тело. Тем не менее, я думаю, что, если ты задержишься здесь дольше, они вернутся. И с каждым возвращением они будут становиться все сильнее, пока не станут серьезной угрозой для твоих мозга и тела.

Я не расспрашивал тебя об источниках твоей силы. Да ты и не должен мне рассказывать. Но предупреждаю тебя, Мирддин: возвращайся к тому месту и возобнови там свои силы. Те, кто учил тебя, должны и смогут, я надеюсь, защитить тебя от Темных.

— Идем со мной! — порывисто сказал Мирддин.

Друид покачал головой.

— Каждому свое. Твои знания должен использовать только ты: для этого ты рожден. Нет, я останусь здесь.

— А Теневые Танцоры? — Мирддин взглянул на ряды стоящих камней. При свете солнца от каждого из них тянулась тень, однако в них не чувствовалось угрозы. Мирддин знал, что Лугейн говорит о тех призраках, которыми его хотела запугать Нимье в ночь их встречи.

— Я для них неинтересен, они посланы за другой добычей.

Мирддин подумал об одиночестве в пещере. Ближайшим его соседом будет разрушенный дом клана.

— Ты интересен для меня,— сказал он.— И мне трудно будет жить в горах с дикими зверями.

— В тебе говорит страх,— строго ответил Лугейн.— Каждый человек идет своей дорогой в жизни, лишь изредка он может встретить другого. Ты должен привыкнуть к своему одиночеству в этом мире.

И Мирддин уехал от Места Солнца, оставив позади недавно привезенный камень и зная, что впереди его ждет одиночество — судьба тех, кто владел Древней Силой. Пустынными тропами вернулся он на горный склон, где была ведущая в пещеру расщелина.

На этот раз ему было гораздо труднее протиснуться в щель: он сильно вырос. Наконец он пробрался во внутреннее помещение, где по-прежнему гудели и щелкали установки. Устав физически и духовно, он сел перед Зеркалом.

— Ты вернулся,— заметил голос, такой же монотонный, как всегда.— И маяк теперь на месте. До сих пор ты выполнял все, для чего родился.

Мирддин не знал, откуда Зеркалу известно о его успехе. Может, оно читает его мысли? Это предположение ему не понравилось. Неужели он лишь слуга чужаков, раб, которому не позволены собственные желания или действия? Тогда злополучно его рождение: человек не должен рождаться для судьбы, которую не может изменить.

— Дело сделано,— ответил он без выражения.

— Отдыхай и жди,— послышалось в ответ. И Мирддину вновь показалось, что он освободился от какого-то принуждения, которого раньше и не сознавал. Он замигал и потянулся, как бы проснувшись от долгого сна. Потом вышел из пещеры, глубоко дыша горным воздухом.

Он не вернулся в разрушенный дом клана. Напротив в горах он построил себе хижину из камня и ветвей. Приближалась середина лета, и Мирддин принялся готовить запасы на зиму. Он собирал травы и коренья. Однажды он отыскал одичавшую корову, убил ее и накоптил мяса впрок.

Когда вороны слетелись на шкуру, которую он забросил за куст, дикая кошка с когтями явилась оспаривать у них добычу. Вороны испускали боевые крики. Мирддин дождался, пока шкура не была очищена от мяса. Потом он выскреб и обработал ее, как мог. Впоследствие внутренности всех животных, которых ему удавалось убить, он оставлял для своих крылатых и пушистых соседей.

Это была трудная жизнь, лишенная даже тех скромных удобств, какие давал ему дом клана. Мирддин похудел, вырос, кожа его потемнела на солнце. Наступил день, когда он хорошо заточенным ножом впервые выбрил подбородок и одновременно подрезал сильно отросшие волосы.

Одежда стала ему мала, и он сшил новую из грубо обработанных шкур. Самые толстые части шкур пошли на изготовление обуви.

Короткое лето приближалось к концу. Нужно было готовиться к холодам. Каждое утро Мирддин поднимался на камень, откуда были видны развалины дома клана. Он находился слишком далеко, чтобы видеть подробности, однако каждый раз убеждался, что сигнала Утера еще нет.

— Почти неохотно он навещал Зеркало, но голос редко заговаривал с ним; большинство его вопросов оставалось без ответа. За работой он напевал, вспоминал увиденное и говорил вслух, чтобы не забыть человеческую речь.

Однажды он нашел запутавшегося в кустах ворона. Птица в ужасе кричала. Освободив ее и не обращая

внимания на удары клюва, Мирддин увидел, что у птицы сломана лапа, и начал лечить ее.

Когда лапа зажила, ворон не захотел улетать. Он часто сидел на бревне, которое Мирддин прикатил к хижине и использовал в качестве рабочего стола. Здесь он плел ивовые корзины, в которых хранил зерно дикой ржи.

Мирддин назвал птицу Вран и удивился, когда ворон принял предложенную ему пищу, ответив на резкие крики, которыми Мирддин подражал птице. Утром, когда Мирддин выходил из хижины, Вран подлетал к нему, садился на плечо и негромко кричал, как будто рассказывал что-то на незнакомом языке.

Зима была суровой, и в дни самых сильных бурь Мирддин уходил в пещеру с Зеркалом. Щель ему пришлось расширить, иначе он бы не проходил. Вран исчез, очевидно, отыскав себе убежище, и Мирддину не хватало его общества.

Он не приближался к Зеркалу, чувствуя, что сейчас не время использовать механизм со звезд. На многих установках огоньки уже не загорались. Мирддин иногда со страхом думал, что Зеркало по-своему стареет и сила его ослабевает.

Трудно было следить за временем. Мирддин пытался вести каменный календарь, как когда-то возле хижины Лугейна, однако буря разбросала камни, а Мирддин не помнил их точного количества и отказался от попытки вести счет дням. Иногда целыми днями он ничего не ел и проводил долгие часы в необычной летаргии.

По крайней мере никто не тревожил его в горах. Со времени своего возвращения он не видел ни одного человека. И особые его чувства не предупреждали о присутствии других, как при встрече с Нимье.

Он гадал, куда она подевалась и что делает. Иногда ему начинало казаться, что нужно выследить ее, как она в свое время выследила его. Но когда он спросил об этом у Зеркала, последовал быстрый и решительный ответ:

— Не приближайся к тем, кто служит Другим: они приведут тебя к битве, а время еще не настало.

Мирддин уже хотел отойти, когда опять послышался голос:

— Наступает время выполнения второй задачи. Слушай. Должен родиться ребенок, как родился ты, нашей крови, беспорочный. Однако все люди должны верить,

что зачал его Высокий Король. Когда Утер попросит твоей помощи в этом деле, используй данные тебе силы. Пусть король поверит, что лежал с избранной им женщиной и наслаждался ночью ее любовью. Пусть и женщина верит, что она принимала своего мужа. Но в ее комнате ты должен оставить ее одну и открыть окно.

Когда родится ребенок, ты должен взять его, сказав королю, что ребенок в опасности: многие не хотят, чтобы у короля был законный наследник. Ты отвезешь ребенка на север, к лорду Эктору, который воспитает его как приемыша. Пусть лорд Эктор считает, что ты усыновил ребенка. Он принадлежит к древней расе, и ты покажешь ему опознавательный знак. В его жилах течет наша кровь, хотя и ослабленная с течением времени, а подобное ищет подобное.

Будь готов выполнить это, когда появится королевский посланец. В этом ребенке надежда твоей земли, а также и наша надежда. Лишь когда воцарится король нашей крови, наступит мир, и мы сможем вернуться.

— Когда же это произойдет? — осмелился спросить Мирддин.

— С приходом весны. Учись ежедневно создавать иллюзии, пока не сможешь пользоваться ими так же легко, как опытный мечник владеет мечом. Лишь при помощи этого оружия ты сможешь выполнить задачу.

Так Мирддин очнулся от сонной бездеятельности, когда незаметно проходили дни, не отличаясь друг от друга. Он проверял свои силы, как борец разминает мышцы перед схваткой.

Он создавал свои иллюзии на ближайшем холме, добиваясь максимального жизненного правдоподобия. Однажды, он воздвиг у входа в пещеру темный зловещий лес. На другой день уничтожил лес и заменил его лугом, на котором под легким ветерком покачивались летние цветы. Затем он начал создавать людей. К нему шел Найрен, плащ его раздувался ветром, бронзовая цепь свисала поверх кожаного камзола, ярко сияя. Подходя, он улыбнулся и поднял руку в дружеском приветствии.

Труднее всего было преодолеть стремление удержать эти иллюзии, не пытаться превратить их в живых людей. Мирддин уставал больше, чем поднимая Королевский камень. Но чем больше он упражнялся, чем сильнее становился, тем реальнее и правдоподобнее становились его иллюзии. Однако он не был уверен, что для

других они будут такими же жизненными, как и для него.

Тогда он использовал Врана, который вернулся с наступлением весны. Мирддин создал иллюзию освежеванной овцы, и ворон с резким криком пытался рвать ее мясо. Однако, когда овца вдруг превратилась в куст, он испуганно отлетел.

Так ежедневно Мирддин упражнялся в создании иллюзий, пока однажды утром, взобравшись на свой наблюдательный пункт, он не увидел столб дыма над разрушенным домом клана. Захватив лишь меч в кожаных ножнах, он быстро пошел по еле заметной тропе, по которой ему совсем не хотелось ходить, и сквозь брешь в стене увидел стоящих у костра людей. Одного из них он узнал. Это был Кредок, дружинник Утера. То, что именно он был послан за Мирддином, свидетельствовало, что желание короля велико. И Мирддин понял, что наступило время, о котором его предупреждал голос из Зеркала.

Он знал, что для этих людей, в их богатых нарядах и украшениях, он кажется нищим, диким бродягой или каким-то существом из горских легенд. Однако шел он гордо, зная, что лишь он может выполнить желание короля, даже если для этого придется прибегнуть к обману.

— Ты Мирддин? — в голосе Кредока слышалось явное отвращение.

— Да. И Высокому Королю нужна моя служба,— спокойно ответил Мирддин.— Жизнь в горах, милорд, нелегка!

— Оно и видно!— Кредок не насмехался в открытую, но глаза выдавали его. Впрочем, ему было все равно.

Однако при въезде в город Высокого Короля ему дали новую одежду. Годы войны, сакские рейды увеличили число руин в этом некогда богатом городе. Но некоторые здания восстановили и аккуратно оштукатурили. А внутри создавалось даже впечатление великолепия, так как роскошные драпировки скрывали повреждения.

Мирддина отвели во внутреннее помещение. На незаправленной постели сидел Утер. Он как будто только что проснулся, хотя утро уже давно наступило.

— Здравствуй, пророк.— Утер напился из серебряной чаши и передал ее ждущему юноше, приказав знаком снова наполнить ее заморским вином.— Ты говорил правду в тот день нашей последней встречи. Мне дей-

ствительно нужна твоя помощь. И если ты послужишь мне, можешь сам назначить награду. Убирайтесь все отсюда! — произнес он, обращаясь к собравшимся.— Я буду говорить с пророком по секрету.

— Лорд король, он опасный колдун,— возразил Кредок.

— Неважно. Пока его колдовство приносило пользу этой земле. Не очень значительную, конечно, однако, по крайней мере, она еще никому не повредила. А теперь оставьте меня.

Они повиновались с видимой неохотой. Король ждал, пока они выйдут, потом заговорил чуть слышно, так, чтобы его голос не достиг до стен.

— Мирддин, ты имеешь дело с иллюзиями, как сказал моему брату. Ты говоришь: люди видят то, что хотят видеть. Женщины тоже подчинены этому?

— Да, лорд король.

Утер энергично кивнул. Он отпил небольшими глотками вино.

— Тогда я хочу, чтобы ты сотворил иллюзию для меня, пророк. Недавно я короновался здесь перед войском и своими приверженцами. Не последний из них — лорд Глорис из Корнуэльса. Он пожилой человек, достаточно крепкий, чтобы отвечать на призыв боевого рога, но недостаточно, чтобы удовлетворять молодую жену. А его жена леди Игрена годится ему по возрасту в дочери. Эта леди... прекраснее я никогда не видел! Хотя обладал многими женщинами, и все они приходили ко мне добровольно. Когда я попытался заговорить с ней, она не ответила, а рассказала своему лорду. И он очень невежливо, не попрощавшись, уехал со двора, доставив мне позор! — Лицо Утера вспыхнуло, и он говорил с гневно сжатыми губами.— Ни один человек не может так пристыдить короля, чтобы остальные болтали об этом украдкой. Я уже послал отряд в Корнуэльс, чтобы это стало ясно герцогу Глорису. Однако его леди — о, это другое дело! Я буду держать ее в своих объятиях, и она узнает, как может любить король. Герцога выманили из крепости, но леди там в безопасности, как он считает. Скажи, пророк, смогу ли я проникнуть к ней в будуар, или она попадет ко мне в спальню?

— Ты говоришь об иллюзиях, лорд король. Можно создать иллюзию, настолько сильную — по крайней мере на одну ночь,— что леди будет считать, что к ней вернулся муж. Однако это будет лишь внешность герцога...

Утер громко расхохотался. Мирддин видел, что король уже изрядно опьянел.

— Прекрасная шутка, пророк! Она доставит мне удовольствие. Ты клянешься, что это можно сделать?

— На короткое время, лорд король. И нужно быть близко к крепости герцога.

— Неважно! — Утер махнул рукой.— В моих конюшнях лучшие кони. Если понадобится, мы загоним их насмерть.

Все было сделано по приказу короля. Мирддин обнаружил, что цепляется за седло большой лошади и мчится сквозь тьму. Ехали всю ночь при свете луны. Мирддин не рассуждал, добрый или злой поступок он готовит; его интересовали лишь последствия. Будет рожден еще один сын неба, подобный ему, полуизгнанник в этом мире. И Мирддин почувствовал радость, потому что познал горечь одиночества.

Когда родится ребенок и будет отвезен к Эктору, он сам освободится. Мирддин так яростно жаждал этой свободы, как раб стремится избавиться от цепей.

Через три дня они подъехали к крепости у моря и укрылись в роще. Мирддин один пошел вперед, чтобы взглянуть на крепость, в которую хотел проникнуть Утер, и начал готовиться к созданию высочайшей иллюзии.

Глава 8

Ночь была необычно холодной для конца Белтайна. С моря дул резкий ветер. Даже сквозь толстые стены крепости Мирддин слышал удары волн. Сам он мучился от насморка и не чувствовал уверенности в своих силах.

Утер и его люди спали в укрытии. Было легко подмешать порошка сонной травы в единственную бутыль с вересковым медом: резкий вкус напитка отбивал привкус зелья. И со всем искусством, которое дало ему Зеркало, Мирддин поместил в мозг Утера иллюзию.

И вот он шел по переходам крепости. Ему дважды пришлось прибегать к искажающим полям, чтобы остаться невидимым. На нем начало сказываться напряжение. В комнате впереди... Он остановился перед занавесом, закрывающим вход, и вновь начал создавать иллюзию.

Когда все было сделано, он перевел дыхание и двинулся вперед. Храбро отдернув занавес, он вошел. Если

он действовал верно, женщина внутри увидит лишь своего неожиданно вернувшегося мужа.

В руке Мирддин держал небольшой сверток с сонным порошком. Когда он даст ей под каким-либо предлогом этого зелья, его задача будет выполнена.

Лампа старинного римского образца горела у кровати, сделанной в виде богато украшенного ящика со снимающейся крышкой. Но на кровати никого не было. Женщина стояла у окна, глядя на штормовое море. На ее стройные плечи, чуть скрывая наготу, был наброшен плащ. Услыхав шаги, она быстро обернулась.

Испуганное выражение сразу исчезло. Она неуверенно улыбнулась, как будто не зная, в каком настроении находится вошедший.

— Милорд! Но... как ты пришел сюда?

Мирддин облегченно вздохнул. Иллюзия выдержала испытание. Женщина видела герцога Глориса.

— Где мне еще быть? — спросил он.— Прекрасная леди, эта ночь не для войны.

Она отошла от окна, опустив край плаща. Теперь он хорошо видел, что она создана для радостей любви, хотя сам смотрел на нее без тени смущения, какое ощутил при виде соблазнительного тела Нимье. Герцогиня Игрена была действительно прекрасна, однако красота ее была красотой римской богини. Она смотрела на него, чуть улыбаясь, и он догадался, что в некоторых вопросах она правила старым лордом так же безраздельно, как Утер Британский — Британией.

Кончай эту игру, умоляло что-то внутри Мирддина. В этой комнате, пахнущей женщиной и жизнью, совершенно незнакомой ему, он был так же неуверен, как олень, заподозривший западню. Рука его двинулась к столику, на котором стояла высокая стеклянная бутыль, привезенная из-за моря, и два прекрасных кубка.

— Ночь холодна,— сказал он.— Я хочу согреться вином.

Игрена негромко рассмеялась.

— Есть другие способы согреться, лорд.— Она стыдливо указала на кровать.

Он заставил себя тоже рассмеяться.

— Прекрасно, но вначале, пожалуйста, налей мне вина. А потом мы попробуем твой способ, чтобы определить, который лучше.

Она надула губы, однако ждала, пока он не налил вино в кубки, затем послушно взяла один из них. Он

сделал вид, что пьет, но она опустошила кубок в несколько глотков.

— Милорд, ты необычайно сдержан.— Она подошла ближе, и Мирддин ощутил аромат ее тела. Не обращая внимания на свою наготу, она подняла руки и расстегнула его плащ.— Лорд, ты сегодня сам не свой...

Мирддин хотел отшатнуться, уйти от ее руки. Усилием воли он сдержался. Поставив кубок, он взял ее за руки и сжал их, взглянув ей в глаза.

Лицо ее потеряло игривое выражение, разгладилось, как будто она больше не видела его.

Мирддин мягко отвел ее к кровати. Глаза ее по-прежнему были неподвижны. Ложась на подушки, она не шевельнулась, когда Мирддин отошел.

Окно было полуоткрыто. Занавес и ставни откинуты в стороны. Мирддин удостоверился в том, что они так и останутся. Женщина в постели сонно бормотала, слова ее предназначались не ему, а видению, которое он поместил ей в мозг.

Снаружи послышалось негромкое гудение. Мирддин быстро вышел из комнаты. Стражники его не видели.

Добравшись до своего наблюдательного пункта перед крепостью Глориса, Мирддин обернулся. Ярко светила луна. В отдалении виднелись костры: там простой народ праздновал Белтайн. Он хорошо выбрал ночь: в крепости оставалось лишь немного постоянных обитателей.

Окно, выходящее в сторону моря, он не мог видеть. Да и не его дело, что там происходит. Теперь нужно сохранить иллюзию Утера. Ощущая тяжелую усталость, Мирддин добрался до скрытого лагеря и долгие часы сидел рядом со спящими.

На рассвете Утер зашевелился. Глаза его открылись, однако он не узнавал окружающих. И, протянув руки, он пытался кого-то удержать.

Мирддин быстро вскочил на ноги. Кончиком пальца он коснулся головы короля, над и между глазами. И отдал мысленный приказ:

«Проснись!»

Утер замигал, посмотрел вокруг в сером свете. Зевнул и увидел Мирддина. Лицо его нахмурилось.

— Итак, колдун, твое волшебство как будто подействовало.— Голос его звучал хмуро.— Ты выполнил обещание.— Ни торжества, ни удовлетворения не слышалось в его голосе. И взгляд его избегал взгляда Мирддина.

И Мирддин понял, что, удовлетворив, как он верил,

свою страсть, Утер стыдился теперь своего поступка. И ему не хотелось видеть человека, который был свидетелем этого действия.

— Если ты доволен и я выполнил твой приказ, лорд король, позволь мне удалиться. Мне не нравится жизнь при дворе,— устало сказал Мирддин. Он ожидал, что Утер отвернется от него, но не так внезапно. А ему не хотелось полностью утратить расположение короля, потому что дело его еще не завершено и для его завершения нужно сохранить какую-то связь с двором.

— Хорошо.— Утер совершенно отвернулся. Он даже не взглянул на Мирддина, а смотрел на спящих.— Уезжай, когда и куда хочешь.

Мирддин, не поклонившись, с достоинством принял приказ и пошел к пасущимся лошадям. Взяв свою лошадь,— он решил, что Утер отдаст ее ему для возврата,— он, не оглянувшись на короля, двинулся в путь. Однако, не успел он добраться до вершины небольшого холма, как услышал топот копыт и увидел человека, скачущего на покрытой пеной лошади.

— Король? — крикнул он Мирддину.— Где Утер?

То, что он знает об этом тайном походе, удивило Мирддина. Но всадник был так уверен, что Утер где-то по соседству, что было очевидно: у него какое-то срочное сообщение, ради которого можно нарушить тайну.

— Зачем тебе король? — спросил Мирддин. Любое изменение было существенно и для его планов.— Саксы протрубили в боевой рог?

Человек покачал головой.

— Герцог Глорис... убит в схватке вчера. Король должен знать...

Мирддин указал, откуда он пришел.

— Там ты найдешь короля...

Вестник ускакал раньше, чем он закончил фразу. Пуская свою лошадь рысью, Мирддин обдумывал значение услышанного. Герцогиня Игрена скоро узнает, что в те часы, когда она принимала своего мужа, он был мертв. А Утеру теперь легко будет овладеть женщиной, которую он считает самой желанной. Как скажется их брак на жизни, которую — Мирддин был уверен в этом — Игрена носит теперь в своем чреве.

Будет ли король, опираясь на воспоминания, считать ребенка своим? И что произойдет, когда Утер будет обсуждать его происхождение с герцогиней. Мирддин ясно почувствовал отвращение короля к самому себе в тех

нескольких словах, которыми они обменялись. Каков будет результат этого стыда?

Пройдет больше полугода, прежде чем он об этом узнает. Его собственная задача была ему ясна: ребенок, зачатый этой ночью, должен быть скрыт, спрятан на севере, в доме человека, в жилах которого течет древняя кровь. Он узнает Мирддина по условным словам. Почему бы не убедиться в этом немедленно? И Мирддин повернул лошадь не к пещере, а на север.

Несколько недель спустя он знал, что Эктор — лорд небольшой территории, расположенной среди гор и ущелий. Соседи его уважали, однако обращались к нему только в случаях необходимой совместной защиты. Его люди были известны тем, что крайне уж неохотно принимали незнакомцев. Эктор женился на своей двоюродной сестре: много поколений брак не выходил за пределы их семьи, а он был молодой человек.

Мирддин собирал эти сведения по крупицам у бродячих торговцев. Теперь, когда угроза сакских набегов ослабла, они вновь появились на дорогах. Разговаривал он и с кузнецом, который проработал зиму в крепости Эктора, а сейчас торопился к больной матери; с бардом, который путешествовал в поисках новых мест и людей. То, что он услышал, ему понравилось.

Судя по всему, Эктор был умным человеком и опытным воином. Ему удалось уберечь свои земли от набегов пиктов с севера. Жена его принадлежала к заморской вере, которую теперь называли христианством, она приютила старого жреца этой веры, который был известным целителем. Хотя Эктор ревниво берег свои территории, он без крайней необходимости не обнажал меч, и его подданные процветали, насколько это было возможно в эти беспокойные времена.

Когда Мирддин наконец подъехал к узкой тропе, ведущей в земли Эктора, он обнаружил, что она охраняется. Охранники, непрофессиональные солдаты, попросили его задержаться в лагере, а один из них поскакал с сообщением к дому клана. Мирддин начертил на клочке кожи спираль — знак древних дней — и сказал, что хочет тайно побеседовать с их лордом.

Он ждал почти до заката. Наконец всадник вернулся и сказал, что Мирддин может ехать, а он сам будет его проводником. Лорд ожидал его на центральном дворе дома клана. Мирддину на мгновение показалось, что он вернулся домой и тяжелые годы одиночества позади.

Так же некогда стоял Найрен с обнаженной головой, с приветливым лицом, ожидая гостя. Слуга увел усталую лошадь. Эктор крепко пожал ему руку. Увидев, что они одни, Мирддин шепотом произнес условные слова.

Волосы Эктора были такими же черными, как и у него самого. Треугольное лицо с заостренным подбородком, четко очерченные губы, узкий горбатый нос. Мирддин как бы видел свое лицо, только немного постарше, с небольшими различиями. Они вполне могли быть близкими родственниками.

— Добро пожаловать, брат,— ответил Эктор, не удивившись словам Мирддина, таким древним, что значение их забылось.— Дом родича открыт для тебя.

В этой части план Мирддина осуществлялся легко. Хотя ни лорд Эктор, ни его жена не имели никаких контактов с Небесным Народом, традиция таких связей прочно жила в истории их клана. Они без расспросов приняли слова Мирддина. Хотя он не объяснил обстоятельств появления ребенка, для которого он ищет убежище, они с готовностью согласились помочь ему. Тринихид, хотя она искренне следовала новой вере, проповедуемой Натом — мягким пожилым человеком, который старался лечить тела так же, как облегчить души своим учением,— все же принадлежала клану. Когда Мирддин говорил о важности сохранения ребенка в безопасности, она согласно кивнула.

Двигалась она медленно, осторожно нося свой большой живот, в котором находился долгожданный наследник Эктора. Положив руки на живот, она слушала Мирддина, согласно кивая головой.

Ее спокойное счастье заставило Мирддина почувствовать неловкость, и он держался в стороне от верхнего этажа дома клана, где постоянно находилась Тринихид. Ни одна из женщин, которых он видел при дворе короля, не привлекала Мирддина. Лишь однажды желание шевельнулось в его теле: когда он видел Нимье в ночи, бросившую ему вызов, призвавшую его быть мужчиной.

Счастье Тринихид и забота, которой окружил ее лорд, были чем-то новым для Мирддина. Поскольку в них обоих чувствовалось древнее наследие, они казались ему ближе, чем все другие люди в клане его деда. В их близости было тепло, подобное теплу очага в зимний день, но в таком тепле ему было отказано.

Мирддин чувствовал беспокойство, и в то же время что-то привязывало его к этому месту. Он не мог ре-

шиться уехать и жить в одиночестве в пещере. Он ходил с Эктором на поля, помогал учитывать скот, делал все, что делает лорд небольшого поместья. Он деятельно утомлял себя, чтобы спать не видя снов.

С возвращением кузнеца появились новости. Мирддин внимательно слушал. Король женился на герцогине Игрене. Однако не жил с ней. Она жила среди святых женщин новой веры, потому что носила ребенка своего первого мужа. Пока она не родит, король не требовал ее к себе.

Итак, герцогиня поверила в иллюзию, думал Мирддин. А Утер ничего не делал, чтобы разуверить ее. Для планов Мирддина так даже лучше, потому что Утер не захочет держать ребенка при дворе. Воспитание в других семьях было широко распространено в высшем обществе. Даже король отсылал своих сыновей, не только чтобы избавить их от искушений, которым они легче поддавались бы в его доме, но и для того, чтобы сберечь их жизни. Всегда найдется завистник претендент, который решит, что убийство расчистит ему дорогу к трону.

Он должен ехать на юг до наступления зимы в этих суровых северных горах и отыскать Утера. Однажды он уже сумел внушить королю нужные мысли и сумеет снова. Иначе плохим бы он был обладателем Силы. Ведь это будет сделано для осуществления великого плана.

В течение лета Мирддин испытал одно из тех быстрых физических изменений, которые у него соответствовали спокойному росту других людей. Он стал выше, шире в плечах. Увидев свое отражение в полированном щите, он еще раз поразился своему сходству с Эктором, хотя лицо его не было смягчено чувством, а глаза всегда были полузакрыты, как будто он держал их как тайное оружие. Борода у него была редкая и росла медленно. По несколько дней он не нуждался в бритье. Однако от работы под солнцем он загорел и окреп.

Перед Самейнским пиром он уехал из крепости, сопровождаемый добрыми пожеланиями своих отдаленных родственников, хорошо укрывшими его меч. Меч этот поразил Эктора, но он даже не касался его рукояти, говоря, что давно известно: такое оружие предназначено лишь для одного владельца.

— Да,— согласился Мирддин.— Однако не я его вла-

делец, Эктор. Тот, кто придет, понесет его в битву. Я лишь его слуга в этом и во всем остальном.

Он вел с собой запасного пони, нагруженного припасами, потому что собирался пробираться на юг пустынными дорогами, чтобы известие о нем раньше времени не достигло Утера. Он хотел застать короля врасплох, чтобы легче добиться осуществления своих планов.

Не особенно торопясь, он добрался до пещеры, причем его дважды задерживали бури, длившиеся по целым суткам. На знакомой тропе, которую сами собой находили ноги, хотя остальные люди ее не видели, лежал снег. Послышался хриплый крик, и большая черная птица опустилась рядом с ним. Мирддин протянул руку и радостно окликнул:

— Вран!

Да, это был Вран. Он немедленно вцепился когтями в перчатку Мирддина и, поворачивая голову и каркая, смотрел на него.

— Подожди немного, Вран,— пообещал Мирддин,— я накормлю тебя.

Птица перелетела на камень, а юноша порылся в мешке, достал кусок копченой свинины и бросил на землю. Мгновенно, черный взрыв перьев опустился на мясо.

Никаких следов того, что кто-то побывал здесь за долгие месяцы его отсутствия, не было. А он вернулся лишь по одной причине. Мирддин отстегнул пояс с мечом и спрятал в темном углу пещеры возле самой большой установки. Он заметил, что большинство механизмов теперь молчит. Только на поверхности одного попрежнему бегали огоньки. Долго стоял он перед Зеркалом, глядя на свое отражение. Он теперь выглядел гораздо старше своего возраста — столько лет было Утеру, когда они виделись в последний раз. Лицо у него стало замкнутым, а серая скромная одежда и плащ превращали его в темную, мрачную фигуру. Возможно, именно таким должен появляться колдун в мире, наслаждающемся светом и цветом, блеском драгоценностей и сверканием золота.

Он опять вышел наружу. Вран доедал свое мясо. Прежде чем сесть на пони, Мирддин отыскал еще один кусок.

— Маленький брат,— сказал он, и при звуке его слов ворон перестал рвать мясо, поднял голову и взглянул на Мирддина черными бусинками глаз, как будто

знал, куда он собирается.— Прощай, будь здоров. Когда я вернусь, ты попируешь снова.

Пообещав это, он повернул лошадь в сторону долины, где был расположен дом клана.

Самейн давно прошел, и зимний волк крепко сжал свои жестокие ледяные челюсти на человеческом мире, когда Мирддин оказался в комнате, где сидел Высокий Король Утер. Огонь в очаге яростно ревел, однако давал мало тепла. Как и предполагал Мирддин, Утер был один. Он явно не хотел ни с кем делиться тайной, связанной с колдуном.

— Итак, ты вернулся, колдун,— сказал король вместо приветствия. Ни в лице его, ни в голосе не было приветливости.— Я не звал тебя.

— События позвали меня, лорд король,— ответил Мирддин.— Я выполнил твое желание и не просил награды...

Утер с силой опустил на стол кубок с вином.

— Если ты дорожишь жизнью, колдун, попридержи язык в своем грязном рту! — взревел он.

— *Я говорю не о прошлом, лорд король, это твое* дело. Я прошу того, что в будущем.

— Все стонут и клянчат у трона. Что тебе — золото, серебро, поместье? — насмехался Утер. Но в глазах его было беспокойство, и ему не нравилось то, что он увидел, взглянув на Мирддина. Лицо собеседника даже смутило короля.

— Мне нужен приемыш, лорд король.

— Приемыш...— От удивления Утер широко раскрыл рот. Потом его глаза угрожающе сузились.— Что это за заговор, колдун?

— Никакого заговора, лорд король. Вскоре та, кого ты любишь, родит ребенка. Этот ребенок для тебя — угроза. Всегда иметь его перед глазами.

Утер оттолкнул кресло, готовый прыгнуть на юношу. Он взмахнул рукой для удара. Однако остановился, подавив свой гнев.

— Зачем тебе этот ребенок? — хрипло спросил он.

— Я отчасти ответственен за его рождение, лорд король. Я — человек Силы; и многое из того, во что верю, я предал в ту ночь, чтобы помочь тебе. Теперь я должен заплатить за вмешательство в события. Ребенок вырастет в безопасности, о нем будут хорошо заботиться. Люди забудут о нем. При твоем дворе перестанут шептаться. У тебя и королевы полегчает на сердце. Если же он ос-

танется здесь, найдутся такие, кто захочет использовать его как оружие для переворота. Не все сторонники Глориса мертвы, хотя сейчас они и молчат.

Лицо Утера стало задумчивым. Он ходил взад и вперед у очага, сосредоточенно размышляя.

— Колдун, в твоих словах есть мудрость. Я хотел бы убрать ребенка от двора, как из-за королевы, так и ради его собственной безопасности. Как ты сказал, есть такие, кто не смирится. Если ребенок окажется мальчиком, они станут связывать с ним надежды на будущее. Жена считает... и она верит...— Утер помолчал.— Иногда ей кажется, что она зачала от демона в обличье ее мужа. Она боится родить чудовище... Возьми ребенка, колдун, если хочешь, и не говори мне, где ты будешь его воспитывать и кем. Лучше совсем забыть о нем.

— Хорошо.— Мирддин внутренне расслабился. Он добился своего без опасных споров.— Я остановился в гостинице «Лебедь». Дай мне знать о рождении ребенка, я приду и уйду незаметно.

Утер кивнул, и Мирддин вышел. Предстояло многое сделать. Несмотря на все свои знания и мощь, он не мог ехать зимой на север с новорожденным младенцем. Но он не зря выбрал эту гостиницу. Жена хозяина гостиницы недавно родила и теперь кормила здорового ребенка, гостиница была чистой, а у Мирддина были средства молча спрашивать и получать ответы. Ему оставалось только ждать.

Глава 9

Сообщение пришло в канун праздника Бригитты. Мирддин уже позаботился о питании ребенка. На рынке рабов он купил маленькую смуглую пиктскую женщину, взятую во время набега за древнюю римскую стену. За три дня до этого она родила мертвого ребенка и находилась в таком отчаянии, что торговец не запросил дорого. Мирддин, используя силы Зеркала, смог поговорить с женщиной и пообещал ей свободу, если она будет заботиться о новорожденном. Возможно, она не поверила в его обещание, однако не сопротивлялась, когда он отвел ее в гостиницу, велел умыться и снабдил платьем с плащом, вероятно, лучшими в ее жизни.

Ребенок Игрены оказался мальчиком, в чем Мирддин был уверен заранее. Поскольку имени у него не было, Мирддин поступил так же, как некогда Лугейн. Заменив

отца, он взял ребенка на руки и, глядя в маленькое красное личико, произнес имя, которое услышал от Зеркала:

— Артур!

Три недели спустя он нанял конные носилки и договорился с отрядом, едущим на укрепление северной границы. Ведь придется ехать через все еще необитаемые земли, и отряд послужит защитой. Так добрался он до земель Эктора, где его встретили как родного. Эктор настаивал, чтобы Мирддин остался жить у него. Но юношей владело такое беспокойство, что он не согласился. Чем скорее он уедет отсюда, тем меньше у людей короля или королевских врагов будет возможностей выследить Артура.

Мирддин не думал, чтобы король желал ребенку зла, однако Утер, несомненно, чувствовал бы себя спокойнее, если бы отослал сына за море. Там было много семей, родственных британцам. И Утер мог бы так спрятать мальчика, что никто бы не нашел.

— Когда он подрастет и сможет начать учиться,— ответил Мирддин на предложение Эктора,— я вернусь.— Он был уверен, что Артуру необходимо сообщить те же знания, что перевернули его жизнь.— А до того времени забудь, что он не твоей крови.

Тринихид, держа своего Кея у полной груди, улыбнулась.

— Родич, он будет в безопасности.

Эктор энергично кивнул.

— Клянусь кровью в этом, если ты пожелаешь...

Мирддин тоже улыбнулся в ответ.

— Родич, зачем клятва тем, у кого общая кровь? Я не сомневаюсь, что он станет вторым твоим сыном.

И вот ранней весной он уехал, направляясь на юг, но такой дорогой, которая привела бы его к Месту Солнца, потому что он чувствовал себя очень одиноким. Может, в Лугейне он найдет товарища. К тому же, так он запутает возможных преследователей. А Мирддин не мог избавиться от чувства, что за ним охотятся.

Если король изменил свое намерение, его люди искали бы более открыто. Нет, его как будто преследовала тень, облако, что-то неосязаемое. И он знал, что только Нимье могла командовать такой тенью.

Он не знал глубин ее знаний и решил, что благоразумней будет подозревать самое худшее. Поэтому следует считать, что она узнала об Артуре.

Больше всего он боялся за ребенка. Если, когда он уедет от Эктора, его чувство, что за ним наблюдают, исчезнет, значит, ребенок в опасности. Тогда он немедленно вернется, чтобы организовать защиту. Но, к его облегчению, его продолжала сопровождать тень невидимого соглядатая.

Мирддин тщательно осматривал местность, по которой проезжал, каждую ночь расставлял мысленные тревожные сигналы, чтобы его не застали врасплох. Однако нападения все не было, сохранялось лишь постоянно неприятное чувство наблюдения...

Он думал, что избавится от него в Месте Солнца. Мирддин хорошо помнил, какое необыкновенное чувство силы испытывал он, касаясь каменных часовых древних времен. Насколько сильна Нимье? Очень многое зависело от ответа на этот вопрос. И какие ходы она предприняла за годы после их последней встречи? Он был уверен, что она не сидела сложа руки.

И вот он подъехал к большому кругу стоящих камней, спешился и смотрел, как исчезает утренняя заря, поглощенная восходящим солнцем. Он оказался прав: впервые за последнее время он не чувствовал присутствия наблюдателя. Но он знал, что Нимье не будет долго в неведении; в нем все время стоял страх, что она пойдет по его следам обратно — и доберется до Артура. Безопасность Артура — превыше всего!

Мирддин пересек лужайку у хижины Лугейна. Ему необходим совет друида, необходим товарищ в той странной битве, которую он ведет. Однако, не доходя до примитивного сооружения, он увидел обвалившуюся крышу — тут больше никто не жил.

— Лугейн! — он не смог сдержать отчаянного зова, хотя крик его прозвучал слишком громко в утреннем воздухе. Занавеси из шкуры не было, и он мог заглянуть внутрь хижины. Уже давно здесь не было никого.

Растерявшись, он наклонился и вошел. Бронзовый котел, деревянные чашки и ложки исчезли. Не осталось никаких вещей друида. Но, по крайней мере, нет и никаких следов насилия: Лугейн не стал добычей мародеров или разбойников, решивших навестить его пустынное место.

Юноша медленно вернулся к Королевскому Камню и положил ладонь на его грубую поверхность. Какая сила! Он чувствовал, как его внутренняя энергия сочетает-

ся с излучением камня. Уверенность, пошатнувшаяся при исчезновении Лугейна, вернулась к нему.

Он не бесцельно пришел сюда. Нужно разбудить силы, которые, как он думал, дадут безопасность Артуру и уберут преследователей с его пути. И вот, используя слово и мысль, ударяя в определенном ритме по камню лезвием ножа, он сделал это. Он чувствовал, как отвечают ему камни, как собираются силы, словно невидимое войско. Он собрал силы, направил их — и выпустил их, как стрелу из лука, на север, к маленькой долине, долине Эктора.

Мирддин ощутил усталость, опустошенность. Опустившись на траву, он прижался плечами к Королевскому Камню, глаза его были устремлены в небо, на облака, медленно плывущие по своим делам, недоступным пониманию человека. За облаками, за голубизной неба находятся другие миры, гораздо большие по числу, чем может сосчитать человек. Эти отдаленные миры населены, однако Зеркало редко и бегло показывало ему эту жизнь. Тем не менее, если вернется Небесный Народ, его корабли послужат мостом к этим мирам. Хватит ли у него смелости улететь к другим мирам? Он не знал, но мысль эта возбуждала его. Долго ли будет продолжаться ожидание?

Люди мыслят годами, Повелители Неба — столетиями. Жизнь человеческая коротка. А у Повелителей Неба? Может, в три, в четыре, в сто раз длиннее человеческой? Он чувствовал себя человеком, немного боящимся тех, кто придет по его вызову, если он сумеет сделать все, чему учило его Зеркало.

Мирддин уснул рядом с пони, щиплющим на поляне свежевыросшую траву у камней. Во сне заработало его воображение и показало ему необычные картины, на которые лишь намекало Зеркало. Однако в этих картинах не было ничего угрожающего, хотя они и были неземными. Мирддин ощутил лишь удивление и радость.

Города — какие города! — с сияющими башнями из радужного стекла высоко в небе, совсем иного цвета, чем земные. Другие же башни под поверхностью моря, красные, как драгоценные кораллы, показанные торговцем из южных земель. Но, хоть он мог представить себе города, их обитателей он не видел. Может, человек способен видеть даже в воображении лишь равных себе?

Солнце зашло за облако, собирались тучи. Мирддина разбудил резкий ветер, предвещающий дождь и бурю.

Он взял пони за повод и пошел к хижине Лугейна. Здесь он провел ночь, слушая рев ветра. Дважды молния ударяла в Королевский Камень, как будто он привлекал к себе ярость неба.

Мирддину не раз приходилось попадать в бури, однако такой, по его мнению, видеть еще не доводилось. Он заткнул уши пальцами и закрыл глаза, но буря продолжала преследовать его. В воздухе чувствовался странный запах. Силы, которые люди и не надеялись обуздать, сбесились и готовы были стереть жизнь с лица Земли.

Несмотря на страх, Мирддина охватило сильное возбуждение. Он хотел бежать сквозь хаос, прыгать и кричать, забыть все, стать частью этой ярости, освободиться от напряжения, от необходимости постоянно быть начеку.

Однако к утру буря кончилась. И лишь корни деревьев, направленные в небо, откуда пришла их смерть, напоминали о ней. Мирддин ощутил необыкновенное спокойствие. Как будто буря прогнала его неуверенность и страх. Осталась только свобода, обретенная в эти темные часы.

Вместе с бурей исчезло и ощущение, что его преследуют. Но он не допускал небрежности и подошел к пещере только через несколько дней окольного маршрута, двигаясь со всеми возможными предосторожностями. На этот раз Вран его не приветствовал, хотя Мирддин свистом позвал его и положил на землю еду. Наблюдая и прислушиваясь, Мирддин вдруг осознал, что горный склон охвачен странной тишиной. Не видно птиц. Даже ветер стих.

Он вслушивался не только ушами, но и разумом. Само по себе отсутствие жизни служило предостережением. Он догадывался, что могло произойти. Хитроумный враг не стал тратить время на преследование, а явился прямо сюда.

Нимье!

Он снял с пони седло и упряжь и отпустил животное, стараясь не показывать, что подозревает что-то. Бросив несколько быстрых взглядов в направлении пещеры, он решил, что там никто не был. Камни, которыми он прикрыл вход в расщелину, не тронуты. Больше всего его теперь беспокоил меч. Он был уверен, что ни один из небесных механизмов вынести невозможно: они слишком велики и не пройдут в щель. Как они попали в пещеру,

он не знал; возможно, они находились там уже много столетий.

Другое дело — меч, а Нимье знает, что он обладает мечом. Возможно, она хочет отобрать у него оружие. Положив седло на плечо, он пошел к пещере. Нимье знала о ней, так что он теперь не раскрывает тайны. Однако, если только он проникнет внутрь, Нимье тотчас убедится, что она осталась сзади. Мирддин хорошо знал, что у Зеркала есть своя защита, миновать которую может только он.

Он работал быстро, не оборачиваясь, не оглядываясь через плечо. Он испытывал растущее напряжение. Кто-то пытался подавить его волю, однако он сумел противостоять этой силе. Мирддин как будто вновь слышал звенящий смех Нимье, он чувствовал, что она следит за ним, ждет, давит на его волю, хочет заставить его повиноваться. Но она слишком самоуверенна, слишком убеждена в своей силе. Он же не должен быть самоуверенным, скорее необходима осторожность.

Возможно, она легко добивалась повиновения, создавая иллюзии, которые он тоже теперь умел создавать. И она до сих пор просто не встречала достойных соперников.

Он не стал противиться, потому что на этом этапе их желания совпадали: она хотела, чтобы он вошел в пещеру, он хотел убедиться в сохранности меча. Вот отброшен последний камень. Мирддин вступил в извивающийся туннель. Снова он удивился, что даже расширенный проход тесен для него. Он порвал одежду, протискиваясь, и расцарапал кожу тела.

Пещера была погружена в полутьму, горело лишь несколько небольших огоньков. Мирддин опустил седло и направился прямо к нише, где спрятал меч. Сверток находился на месте, однако Мирддин вытащил меч из ножен, чтобы убедиться, что он цел. В темноте меч сверкнул тусклым собственным светом. Держа рукоять в правой руке, Мирддин пальцами левой провел по гладкой поверхности. Прикосновение, как и к Королевскому Камню, дало ему ощущение необыкновенной силы, огромной энергии, которую он может освободить по своей воле. Это не просто орудие, предназначенное для добывания Королевского Камня. Он будет использован в будущем, а как, это станет ясно со временем. Однако, пока меч цел, и Мирддин опять засунул его в ножны.

— Мерлин! — голос, но незнакомый.

Он обогнул ближайший механизм и посмотрел в темную поверхность Зеркала. Оно покрылось серебристым туманом, и в середине призрачного свечения стояла Нимье. Теперь это была женщина, и ее женские качества, так обеспокоившие Мирддина в Месте Солнца, стали сильнее, гораздо сильнее. Зрелище женщины, глядевшей на него, как будто она действительно стояла за Зеркалом, ошеломило его. Он встретился с ней взглядом.

— Мерлин! — Это был не призыв к вниманию, а скорее приветствие близкому по духу человеку. Несмотря на все, разделявшее их, они были в чем-то близки.

— Увы, бедный Мерлин! — в ее голосе не было насмешки, скорее жалость.— Ты попал в ловушку, и она захлопнулась. Все твои планы теперь уничтожит время. Те, кто поручил тебе твои задачи, умны. Но все же недостаточно. Они поставили охрану вокруг своего Зеркала, однако, возможно, они не знали, что можно поставить охрану вокруг охраны. Мерлин, ты ушел под землю, как преследуемая лиса, но, в отличие от лисы, ты не сможешь выйти назад.

Я установила силовое поле, и оно помешает тебе выйти, пока твоя человеческая часть не погибнет от голода и жажды. Это ужасный поступок, да, но, если тебя не остановили бы, ты натворил бы дел еще хуже. Твой Артур будет жить, однако, ничем не отличаясь от других людей. Так распадается в пыль твоя мечта о королевстве. Артур не получит корону, и смерть в безвестности станет его уделом. Прощай, Мерлин, жаль, что мы не смогли с тобой действовать сообща, как родичи.

И она исчезла в вспышке света. Мирддин протянул руку, как бы пытаясь помешать ее исчезновению, хотя он и знал, что не реальная Нимье стояла там, а лишь ее изображение. Потом повернулся и спустя минуту был в расщелине.

Отверстие на месте, он может просунуть в него руку. Однако тут его кулак встретился с невидимой стеной.

Еще две попытки — вверху и у земли — показали, что преграда непроницаема. Мирддин не стал тратить времени на бесполезные физические усилия. Только у Зеркала мог найтись ответ, и он несколькими шагами вернулся к нему и сел на скамью, как часто делал раньше. Внимательно глядя на свое изображение, он думал о своем положении, уверенный, что Зеркало каким-то образом — каким, он не знал — услышит его мысли и просьбу о помощи.

Он увидел, как ожили застывшие механизмы, и услышал голос Зеркала:

— Силовое поле слишком сильно... пока. А твое тело так устроено, что не выдержит длительного физического напряжения. Но выход есть. Ты будешь спать, Мерлин, и во время сна жизненные процессы в твоем теле замедлятся. При наступлении нужного момента, когда время ослабит силовое поле, ты проснешься и выйдешь, целый и невредимый.

Его изображение исчезло, потом он увидел себя, идущего к длинной машине в дальнем углу пещеры. Вот он просовывает пальцы в маленькие отверстия, нажимает. Крышка машины поднялась. Человек, за которым он следил, разделся, лег внутрь, и крышка закрылась.

Мирддин вздрогнул. Он не сомневался в мудрости Зеркала. Но ему казалось, что он живым входит в могилу. Ему понадобилась вся его храбрость.

Зеркало вновь прояснилось. Он увидел в нем свое отражение и неохотно встал. Смерть от голода и жажды — или эта могила живьем? И то, и другое плохо. Однако он верил Зеркалу и решил последовать его советам.

Длинный ящик открылся, точно так, как показывало Зеркало. Мирддин заглянул внутрь. Внутри разлилось свечение, бледное, но вполне достаточное, чтобы осветить его руки. А дно ящика занимала жидкость, от которой исходил приятный запах. Мирддин разделся, сложил одежду и перебросил ногу через край ящика. Жидкость доходила ему до голени, она была теплой и какой-то успокаивающей.

Он сел на дно ящика. Теперь жидкость поднялась ему до груди, касалась щек. И последнее, что он запомнил: крышка быстро опустилась и отрезала его от мира.

Сны, странные сны о городах, подобных которым он никогда не видел, с высокими башнями, казалось, парящими в воздухе. Люди летают на существах — не птицах, а хитроумно изготовленных из металла. Иногда спящий на мгновение оказывался в теле одного из этих людей, и тут им овладевали такие чуждые мысли, что он даже понять их не мог.

Эти люди свободно передвигались не только над облаками, но и под поверхностью моря. Казалось, в мире нет для них тайн. Однако они не были счастливы. Ими владело какое-то беспокойство, тревога, и Мирддин отшатнулся от контакта с их умами.

И вот наступило время, когда мир сошел с ума. Вою-

щие стороны обрушились на города, причиняя ущерб, который не под силу обычной буре. Волны высотой с горы вздымались из моря и ударяли по земле, стирая все следы человеческой деятельности. Горы дышали пламенем, потоки расплавленной породы стекали по их склонам. Когда они встречались с морями, густые облака пара окутывали землю и воду, скрывая небо.

Когда все это кончилось, затонувшая и обожженная земля именилась, появились новые заливы, новые реки. Во многих местах поверхность земли скрылась под водой, зато в других возникли участки парящей грязи, некогда бывшие морским дном. Однако человек выжил. Небольшие группки людей, ошеломленные, отупевшие, приспосабливались к новому миру. Мало кто из них помнил прошлое, да и то обрывочно. Остальные превратились в тупые существа, которые ели, спали и иногда совокуплялись со звериным бесстыдством.

Эти остатки человечества действительно опустились, стали хуже животных. Некоторые охотились на своих соплеменников, чтобы набить животы, убивая добычу обломками скал. Немногие цеплялись за свои воспоминания. У этих немногих людей хватило ума обособиться, уйти в такие места, где можно было защищаться от безмозглых животных. И снова начался медленный, очень медленный подъем. Правда превратилась в легенды, приукрашенные воображением: поздние поколения не верили, что в прошлом человек был иным, чем в их время. Но всегда были такие, кто помнил лучше, чьи рассказы передавались из поколения в поколение менее искаженными.

Мирддин продолжал спать и видеть сон. Во сне он был из той же самой породы, которая стремилась выжить, терпела поражение, однако никогда не была уничтожена окончательно. Среди людей всегда находились видящие эти странные сны...

Послышался долгий звук, похожий на звон огромного металлического гонга. Мирддин шевельнулся в ящике. Его дыхание, чрезвычайно медленное, ускорилось. Жидкость, полностью покрывавшая его тело, ушла. Веки спящего задрожали.

И как будто это слабое движение послужило сигналом: стержни, поддерживающие крышку ящика, двинулись вверх. Мирддин открыл глаза и издал слабый звук. Мышцы его затекли, однако не больше, чем если бы он

провел ночь на открытом воздухе. Мозг его быстро возвращался к действительности.

Прав ли был голос — ослабло ли силовое поле? Он выбрался из ящика и постоял немного, ухватившись за его край. Механизмы вокруг были охвачены интенсивной пляской огоньков. Тело его быстро высыхало. А жидкость, заполнявшая ящик, стекала с тела большими каплями, не оставляя влаги.

Он поискал глазами свою одежду. Ткань пожелтела и стала непрочной. Время... сколько времени!?

Одевшись, он подошел к Зеркалу. Главное — как долго он проспал?

Голос, сильный, как всегда, ответил на его мысль:

— Шестнадцать лет твоего мира, Мерлин. Силовое поле ослабло. Ты свободен. А та, что установила поле, ничего не сможет предпринять: силы ее истощены. Теперь она будет добиваться твоего поражения иными способами. Пора тебе принимать бой.

Он смотрел на свое отражение. Шестнадцать лет! Но он стал старше не более чем на год. Как это может быть?

— Жидкость сохраняет жизнь, Мерлин. Однако не думай о прошлом. Ты должен выполнить свою задачу. Артур должен стать королем Британии.

— Утер? — это имя он произнес вопросительно.

— Утер умирает. Вокруг него знатные лорды, двое женаты на его дочерях. Но сыновей у него не было, кроме Артура, о чьих правах ты должен заявить. Хоть ты и не сделал для Артура то, что планировалось, не научил его тому, чему учился сам, все же Артур небесной крови. Он наш. Посади Артура на трон, Мерлин, и Британия получит короля, чье имя будет на устах людей и тысячу лет спустя.

Мирддин медленно кивнул.

Артур и меч, они должны быть вместе. С того момента, как они с Лугейном нашли это замечательное оружие, мысль эта не оставляла Мирддина.

— Артур и меч, и ты с ними, Мерлин. И такова задача, для которой ты родился, и не было большей задачи перед человеком. Артур и меч...

Глава 10

Мерлин стоял, глядя вниз, на большой лагерь, где на множестве шатров развевались знамена вождей и рыца-

рей. Он должен помнить, что Мирддина больше нет. Узнает ли его кто-нибудь из собравшихся там? Шестнадцать лет! Артур вырос, а он не принимал участия в его обучении. Но сожалениями ничего не исправишь, нужно смотреть вперед с уверенностью и надеждой.

Благодаря случаю, он сменил свое полуистлевшее от времени платье на длинный шерстяной балахон, в каком ходят барды. Отрастил бороду, хотя она выросла редкой. Балахон он нашел в багаже мертвеца, лежащего на земле; рядом паслась лошадь. Три сакса обагрили землю своей кровью, сопровождая незнакомца, как подобает воинам. Мерлин не знал, кто его благодетель и почему он попал в засаду. Однако он поблагодарил неизвестного за лошадь и одежду и похоронил его лицом к восходящему солнцу.

На пути к временной столице Британии он встретил десятки людей, одиночек и группами. Утер умер уже несколько дней назад, но Совет еще не называл его преемника. Разузнав, как обстоят дела, Мерлин соответственно составил свой план. Теперь он сузившимися глазами изучал расположение лагеря. Знамя Лота, женатого на одной из дочерей Утера, видно было ясно. А вот и Корнуэльский Олень, поднятый сыном Глориса, который не был законным наследником, однако за которого стояли все рыцари Корнуэльса. Мерлин видел незнакомые гербы и догадался, что здесь собрались все лорды, имеющие хотя бы слабую надежду на выдвижение.

Он искал Парящего Ястреба — герб Эктора. И увидел его, но не в центре, конечно, среди палаток знатных лордов, а рядом с шатром короля Уриена из Регеда, этого северного королевства, которое много лет мужественно отражает набеги пиктов из-за древней стены. Мерлин по пыльной дороге направился туда.

Перед ним стоял молодой человек, примеряющий камзол с тесно нашитыми бронзовыми кольцами. Мерлин едва не окликнул его по имени. Юноша поднял голову, взглянул на подъехавшего, и Мерлин увидел молодого Эктора.

— Лорд Кей,— сказал он, руководствуясь догадкой.— Лорд Эктор здесь?

— Отец ушел на Совет герцогов,— ответил Кей, неодобрительно глядя на Мерлина.— У тебя для него известие?

— Мы дальние родственники,— сказал Мерлин. У Кея, в отличие от его отца, было высокомерное лицо.—

Да. У меня есть для него известие.— Он хотел спросить об Артуре, узнать, как прожил его приемыш эти шестнадцать лет. Однако, взглянув еще раз на Кея, решил не спрашивать.

Сын Эктора неохотно приблизился, чтобы отдать долг вежливости гостю, и придержал поводья, пока Мерлин спешивался. Из-за простой одежды, покрытой дорожной пылью, он, вероятно, выглядел немногим лучше нищего. Но внимание мальчика он воспринял как должное. Да так оно и было.

В шатре после яркого солнца было сумрачно. Кей приказал слуге принести вина. Он с любопытством поглядывал на сверток — там находился тщательно упакованный меч,— который Мерлин положил себе на колени, садясь на походный стул, однако ничего не спросил.

— Как поживают твои отец и мать? — Мерлин по обычаю кланов пролил на землю несколько капель и отпил; лучшего вина он не смог бы получить ни в одной гостинице. Он припомнил лето, проведенное в долине Эктора, и как они вместе работали, собирая плоды земли.

— Отец здоров. Мать...— Кей помолчал.— Она умерла прошлой зимой, незнакомец.

Рука Мерлина дрогнула. Он вспомнил, как гордо несла Тринихид сына, как близки они были с мужем. Тяжелый удар для Эктора.

— Да будет она счастлива на Благословенном Острове...

— Мы верим в Христа, незнакомец,— резко сказал Кей.— Ты сам носишь одежду церковного брата, почему же ты говоришь о Благословенном Острове?

Опечаленный воспоминаниями и чувством утраты, Мерлин удивленно взглянул на юношу.

— Одежда на мне не моя,— и он сказал первое пришедшее ему в голову,— я бард.

Желание спросить об Артуре стало таким сильным, что он не мог ему сопротивляться. В палатке, кроме Кея и двух слуг, никого. Неужели Артура оставили в долине? Если так, его план потерпел провал, еще не начав осуществляться.

— Кей, где ты, мальчик?

Голос остался прежним. При входе Эктора Мерлин радостно вскочил на ноги. Но это был не тот Эктор, которого он знал. Он на мгновение замер в неуверенности, глядя с раскрытым ртом, как глупый раб на поле. Стройное тело, которое он некогда знал, растолстело, волосы

поседели. Усталое лицо человека, который принуждает себя по утрам вставать и приниматься за ненавистные дела и не ждет отдыха даже к концу дня.

Однако глаза, смотревшие на Мерлина, остались прежними. Вначале в них мелькнуло изумление, затем узнавание.

— Ты жив! — нарушил Эктор напряженное молчание.— Почему ты не приходил?

— Я был в заключении,— ответил Мерлин.— И лишь недавно вырвался на свободу.

— Ты... ты изменился. Но не постарел. Странно...— медленно сказал Эктор. Тут он, по-видимому, вспомнил что они не одни, и повернулся к сыну.— Отыщи Артура и приведи сюда. Он должен встретиться с нашим гостем...

Когда они остались одни, Эктор продолжал:

— Вырос хороший парень. Однако ты не вернулся, и мы смогли учить его только тому, чему учили и Кея. Я знаю, что должно было произойти по-другому.

— Вы дали ему лучшее, что могли. Тебя не в чем обвинить,— коротко ответил Мерлин.— Вина моя, но я не мог ее предвидеть. Скажи мне, что на Совете. Выбрали уже короля?

Эктор покачал головой.

— Идет спор. Многие поддерживают Корнуэльца. Он показал себя хорошим боевым командиром. Другие стоят за Лота, потому что он женат на дочери умершего короля. Лот честолюбив. Они могут разорвать Британию на части, прежде чем мы увидим конец спора. Уриен размышляет и строит планы, однако не делится ими со мной. А Крылатые Шлемы грабят, как хотят. Опять наступили плохие дни, и нет такого вождя, который смог бы подхватить поводья власти.

— Поводья власти...— повторил Мерлин.— Похоже, я пришел в момент, когда нужно действовать быстро, иначе будет потеряна всякая надежда. Слушай, родич, в Артуре кровь Пендрагона. Он сын Утера. Король велел его спрятать, чтобы до него не смогли добраться такие лорды, как Лот и остальные. У меня есть для него Сила или, по крайней мере, символ ее.— Он резко повернулся и взял меч.— Он должен получить его открыто перед всеми, кто сам думает занять трон.

Вдруг он ощутил молчание Эктора. Подняв глаза, он увидел ужас на лице лорда.

— Что? Он искалечен? Нарушил законы клана? — Выражение лица Эктора испугало Мерлина.

— Он...— Эктор облизал губы.— Он красивый парень и... Клянусь ранами Христа, но почему ты не сказал мне раньше?

— Что с ним случилось? — Мерлин опустил меч и схватил Эктора за руку. Он затряс лорда с севера, как будто силой хотел добиться ответа.

— Утер... он взял ко двору своих незаконнорожденных детей. Одна из его дочерей... Моргауза... она старше своего возраста и знает мужчин. Неделю назад она затащила Артура к себе в постель.

Мерлин стоял, как один из камней Места Солнца, мозг его быстро работал. Артур не сын Утера, но если он сообщит истинные обстоятельства рождения мальчика, кто из лордов последует за ним? Нет, будут болтать о ночных демонах, зачавших его. Мерлин слишком хорошо помнил такие разговоры. Но лежать со своей сестрой — это на всю жизнь бросит пятно на Артура.

— Эта Моргауза,— спросил он,— она замужем?

— Еще нет. Король умирал, однако, когда слух о ее поведении дошел до него, он сильно разгневался. Он призвал леди, которая последнее время находилась с ним, так как была известна как целительница. В ее руки он отдал Моргаузу, хотя девушка не хотела идти. Говорят, ее увезли ночью, связанную и с заткнутым ртом. И никто не знает, куда.

Мерлин облегченно вздохнул.

— Известно ли, что Артур — причина ее высылки?

Лицо Эктора слегка просветлело.

— Нет. Она была близка со многими мужчинами. Утер сам застал ее в постели с одним стражником. Он знал ее характер. И поклялся, что она не сможет позорить его при дворе.

— Тогда мы в безопасности. Возможны слухи, но, если девушки нет, они быстро забудутся. Артур будет править. Я уже получил знак, что это предопределено. Нужно сделать так...

Говоря это, он разворачивал меч. И заметил, что Эктор оправился от шока и согласно кивает головой.

— Помни,— предупредил Мерлин, закончив.— Мирддин мертв, жив Мерлин. Артуру пока лучше не знать о своем происхождении.

— Это...— начал Эктор, однако тут хлопнул входной клапан палатки, и в нее ворвался юноша, как будто за ним гнались преследователи.

Глядя на него, Мерлин испытал шок, почти такой же

глубокий, как только что сам Эктор. Это... это не может быть Артур!

У парня не было никаких примет древней расы. Он был выше Эктора и Мерлина на несколько дюймов, с рыжеватыми волосами, обычными для члена клана, нос не горбатый и узкий, нет сжатого рта, который ожидал увидеть Мерлин. Молодой гигант был похож на Утера. Но как это может быть? В его манерах и лице была открытость, которая, в представлении Мерлина, не совмещалась никак с Древним Наследием.

— Лорд,— сказал юноша, солнечно улыбаясь,— Кей сказал, что ты хочешь поговорить со мной...

— Я хочу, чтобы ты познакомился с этим лордом,— сказал Эктор, указывая на Мерлина.— Благодаря ему, ты стал моим приемным сыном. У него есть для тебя очень важное известие.

Мерлин облизал губы кончиком языка. Его глаза отказывались узнавать в этом красивом мальчике Артура. Если бы он выглядел как член древней расы, тогда Мерлин уверенно рассказал бы ему то, что считал необходимым рассказать. Но сейчас, при виде самого обычного члена клана, он заколебался.

— Лорд? — Юноша вопросительно повернулся к нему. В глазах его было внимание. Может, все эти годы он задавал себе вопросы, на которые не могли ответить его приемные родители. Для Артура было бы естественно задумываться над своим происхождением. А для получения ответа у него не было Зеркала.

— Я Мерлин, обладатель древних знаний.— Он внимательно следил за Артуром, ожидая хоть малейшей реакции, свидетельствующей о том, что Артур не похож на окружающих. Однако лицо юноши отразило лишь удивление.— В тебе королевская кровь...— После случая с Моргаузой, вероятно, лучше не указывать на родство с Утером.— В сущности, ты потомок Максима и Амброзиуса.—«И гораздо более древней и великой расы»,— добавил про себя Мерлин.— В твоем детстве нашлись такие, кто счел, что ты находишься слишком близко к трону. Поэтому было решено, что ты будешь воспитываться вдали от двора. Поскольку лорд Эктор мой родственник, а заботу о тебе поручили мне, я передал тебя лорду Эктору. Однако планы, которые мы тогда составили, не осуществились. Я должен был обучить тебя древним знаниям. Но я попал в руки врага и только недавно освободился из тюрьмы, где провел все эти годы.

Вот что я должен тебе сказать, Артур: до твоего рождения и во время него были пророчества. Ты будешь королем Британии...

Юноша, вначале удивившийся, теперь рассмеялся.

— Лорд Мерлин, кто я такой, чтобы претендовать на трон, из-за которого враждуют важные господа? У меня нет ни одного вассала, нет племени, которое поддержало бы мои требования.

— У тебя есть нечто большее, чем армия.— Мерлин верил в свои слова, он должен был верить Зеркалу.— Это власть над Силой, которая была, есть и будет вечно. И ты докажешь это завтра утром перед всеми. Нет.— Он поднял руку, останавливая вопросы, которые хотел задать Артур.— Я не скажу тебе, как это будет сделано. Ты придешь на испытание ничего не знающим, и ни один человек впоследствии не сможет оспорить результат испытания. Но только ты, рожденный для этого, сможешь осуществить это.

Артур внимательно смотрел на него.

— Ты явно веришь в свои слова, лорд Мерлин. Однако быть королем Британии — мало кто из достойных людей поблагодарил бы тебя за это. Те, кто стремится теперь к короне Британии, не видят тяжести, которую она накладывает на своего владельца.

Мерлин почувствовал, что сомнения его уменьшаются. Если юноша сумел это понять, значит, он действительно принадлежит к древней расе. Если бы только его можно было обучить! Но время прошло. Теперь все зависит от характера Артура.

Эктор обратился к Мерлину:

— Я скажу о нем Совету. Будут кричать о колдовстве...

Артур сделал неожиданное движение.

— Я не участвую в колдовстве! — решительно сказал он.

— Никакого колдовства,— успокоил Мерлин юношу.— Только древние знания, забытые большинством людей. И если кто-либо владеет ими больше меня, то сможет победить тебя. Однако было предсказание, что править будешь ты.

Он держался своей веры в Зеркало. Если она пошатнется, у него не останется цели в жизни. Все, на что он потратил жизнь, ни к чему. Повелители Неба должны были предвидеть и этот час.

Но в то же время Мерлина охватило дурное предчув-

ствие, как будто он потерял давно хранимое сокровище. Его вера в то, что юноша будет похож на существа, летающие между звезд, развеялась в пыль. Даже не было такого ощущения родства, как с Эктором. Между ним и Артуром не было видимого внутреннего узнавания.

Юноша переминался с ноги на ногу, переводя взгляд от Мерлина к Эктору, как бы ожидая разрешения уйти. Когда Эктор кивнул, Артур мгновенно исчез. Ему явно хотелось быть подальше от незнакомца.

— Вот что я подумал,— Эктор говорил довольно кратко, как будто тоже ощутил атмосферу напряжения.— Поблизости есть камень, один из Древних. Он подойдет. Однако станут ли тебя слушать?

— Станут,— угрюмо ответил Мерлин.— Идем к этому камню.

Эктор оказался прав. Это действительно был стоячий камень, очень похожий на камни Места Солнца. Только этот был один. И, возможно, его поставили в честь древней победы или поражения. В нем по-прежнему генерировалась огромная энергия. Проводя пальцами по поверхности камня, Мерлин ощутил эту энергию. Как раз для его целей.

Мерлин развернул меч и, взяв рукоять обеими руками, уперся его концом в камень. Медленно и негромко начал он петь, на этот раз заставляя камень не подниматься, а открыться для касающегося его металла. Он вложил в свою песню все, чему научило его Зеркало, отбросив все постороннее. Остались только камень и металл, и они должны были подчиниться его воле.

Конец меча двинулся внутрь, как будто упирался не в твердый камень, а в мягкое дерево. Дюйм за дюймом углублялся меч в камень. Когда меч вошел на две трети, Мерлин пошатнулся и упал бы, если бы Эктор не подхватил его.

— Древние знания — страшная вещь, родич.— Он крепко обнял Мерлина за плечи.— Не поверил бы, если бы не видел своими глазами. Но Артур не знает слов Власти... Сможет ли он выдернуть меч?

— Только он и сможет,— слабо ответил на это Мерлин.— Он принадлежит к расе, обладающей властью над металлом и камнем, хотя сам этого не знает.— Мерлин держался из последних сил.— Теперь нужно сообщить лордам об испытании...

Впоследствии Мерлин не мог ясно вспомнить, как он стоял против собравшихся. Он знал только, что в нем

была такая Власть, что и без всяких иллюзий люди слушали и верили. С факелами в руках устремились они к камню и увидели погруженный в него меч. И согласились, что предложенное Мерлином испытание должно назвать вождя, и хоть они, наверное, не верили, что кому-нибудь это удастся, что-то заставило их согласиться.

Сам Мерлин так устал, что скорее упал, чем лег, на груду плащей в палатке Эктора; он не видел снов и спал, как человек, одержавший победу над превосходящими силами противника.

Утром Мерлин поел, не чувствуя вкуса и не зная, что ест,— так сконцентрирована была вся его энергия на предстоящем. Позже он нетерпеливо занял место у камня, с трудом напустив на себя внешнюю невозмутимость, чего требовало его положение пророка.

И они пришли, один за другим. Стоял Лот Оркнейский, с лисьим лицом под лисьими рыжими волосами, переводя взгляд с одного человека на другого, как будто решая, как использовать их для своих целей.

Однако меч под его рукой не шевельнулся. Лот даже отдернул руку от рукояти, как будто она была раскалена. Попытался сын Глориса Корнуэльского, пытались другие. Их было так много, что имена их ничего не значили для Мерлина. Большинство из местных племен, но были представители армии Амброзиуса, явно римляне.

Потом пошли молодые. Некоторые юноши только начали носить оружие. Их усилия вырвать волшебный меч были напряженней, как будто они верили тому, где старшие сомневались. Мерлин запомнил только смуглое лицо Кея. Он всегда держался в стороне от двора и поэтому многих не знал.

Однако он затаил дыхание, когда в круг вступил Артур. Солнце превратило его волосы в золото, такое же яркое и чистое, как золото с Западного острова. И тут в мозгу Мерлина слова сложились в определенное сочетание, и он про себя произнес условную фразу.

Артур вытер ладони о полу, как будто они были влажными от пота. Одежда его была освещена так же ярко, как волосы. От него всего исходило сияние. Или только так казалось Мерлину?

Юноша сжал рукоять небесного меча. Мерлин видел, как напряглись мышцы на его плечах и руках от усилий. Лицо его было серьезным. Из всей этой толпы единственным уверенным человеком был Артур.

И вот раздался протестующий хриплый звук. Меч

медленно высвобождался, выходил из камня. Мерлин услышал удивленные возгласы собравшихся. Они все пытались, они знали, что это невозможно, и вот перед их глазами Артур совершал невозможное.

Он продолжал тянуть, рукоять меча пришлась ему точно по руке. Лезвие вспыхнуло огнем. Артур радостно рассмеялся и взмахнул им над головой.

Мерлин не кричал, однако его слова были подхвачены толпой, как будто он провозгласил изо всех сил:

— Да здравствует Артур Пендрагон, Высокий Король Британии, который был, есть и будет!

Всех охватил благоговейный страх. Мерлин видел, что даже Лот отдал мечом салют новому вождю. И Мерлин почувствовал, что напряжение спадает.

Он бросил взгляд на стоявших несколько в стороне женщин. Каждая королева и леди надеялась в глубине души, что великое деяние совершит ее муж и она будет править вместе с ним. Но среди них...

Мерлин сжал кулаки; он мог бы догадаться, что она будет здесь. На этот раз на ней было не простое зеленое платье, а соответствующий наряд. Высокая и стройная, с грацией, по соседству с которой остальные женщины казались полевыми работницами. Ее платье было зеленым, однако украшено богатой вышивкой фантастического рисунка из серебра, на темных волосах серебряный обруч с зеленым камнем.

Она встретила его взгляд и слегка улыбнулась. Он почувствовал угрозу. Нужно защищаться! Если бы он только знал, какими возможностями она располагает! Зеркало говорило, что, заключив Мерлина в пещеру, она почти истощила свои силы. Но, если поле с годами ослабло, Нимье могла восстановить свои силы.

К Артуру подходили лорды и клялись в верности. Мерлин увидел Эктора, как всегда немного в стороне. В два шага он был рядом.

— Эктор,— сказал Мерлин. Голос его заглушался приветствиями.— Кто эта женщина?

Он должен знать, какое положение занимает Нимье при дворе, кто ее поддерживает открыто и тайно.

— Ее зовут Леди Озера. У нее есть своя крепость. Говорят, некогда это был замок странной богини, правившей реками и озерами. Она великий целитель и вплоть до смерти лечила Утера. Люди верят в ее искусство. Однако, если она наша родственница, то никогда не говорила об этом.

— Нет! — взорвался Мерлин.— Она из Темных, Эктор, и ее настоящее имя Нимье. Это по ее воле я находился в заключении. Мы должны следить за ней. Она желает Артуру зла.

Но слишком поздно. Когда Эктор подозвал двух верных людей, чтобы приказать им следить за Леди Озера, она исчезла, и никто не знал, куда. И Мерлин почувствовал, что теперь опасение всегда будет окрашивать его дни и ночи.

Глава 11

Вновь стоял Мерлин в Месте Солнца. Хижина Лугейна превратилась в груду обломков, в которой уже нельзя было распознать жилище человека. Не в первый раз Мерлин подумал, куда исчез Лугейн. И жив ли он вообще? Он вздрогнул, как будто чья-то нога наступила на его собственную могилу. Одиночество, всегда поджидавшее поблизости, накинулось, как дикий зверь, на добычу. Эктор... Эктор пал от удара саксского топора две-три битвы тому назад.

Время теперь считали не годами, а битвами. Артур оказался военачальником, которого все так ждали. Даже в юности он искусней управлял войсками, чем Утер, отражая набеги на Британию. Он проявил больше гибкости и понимания характера племен, чем по-римски жестокий Амброзиус.

Его ответом на набеги Крылатых Шлемов была кавалерия — черные всадники границ. Лошадей фризской породы, более крупных и тяжелых, чем местные пони, скрестили с темными лошадьми севера и получили крепкое и сильное потомство, способное нести воина в полном вооружении. Сами лошади тоже были укрыты кожаными латами с нашитыми на них металлическими полосами.

Саксы, несмотря на свое поклонение белым лошадям, которых они приносили в жертву Вотану, не были настоящими всадниками. И оружием Артура стали быстрые кавалерийские удары по пехоте. Амброзиус в свое время удачно удерживал саксов, отгоняя тех, кого призвал Вортиген как защиту от шотландцев и пиктов с севера. Утер благоразумно сохранил то, чего достиг его брат. Однако Артур повсюда заставил саксов отступить.

Все чаще и чаще саксы садились в свои корабли с драконьими головами, увозили женщин и детей, все иму-

щество, они направлялись за море, прочь от Британии, где люди Артура не давали им покоя, заставляли почти постоянно держать в руке меч или копье, где у них на восходе солнца никогда не было уверенности, что они увидят, как оно садится.

Артур постоянно побеждал.

Мерлин спешился у Королевского Камня, и плечи его слегка согнулись под белой одеждой.

Он коснулся ладонями поверхности камня. Каким юным, полным возбуждения и торжества был он в тот день, когда впервые стоял здесь! Он слишком легко выиграл, чтобы торжествовать. Переправить камень из-за моря, поместить его в землю Британии — уж слишком ничтожно это действие, чтобы праздновать его как победу.

Он устало вздохнул. Да, он сделал Артура королем. Однако Артур, сидящий теперь на троне, не король из его снов. Он вежливо слушает Мерлина. Иногда, только иногда соглашается. Его всюду сопровождают жрецы Христа. И, когда могут, нашептывают о колдовстве Мерлина, опять вспоминают, что он родился от демона.

Теперь Мерлину казалось, что в его планах всегда был просчет. Только трижды он действовал безошибочно: привез камень на нужное место, где в будущем он послужит маяком, освободил небесный меч и посадил Артура на трон.

Однако у Артура не было знаний, от которых зависело будущее Небесного Народа. И его характер был сформирован другими. А Мерлин давно уже знал, что у Нимье есть немало способов добиваться своего.

Прежде всего королева. Рот Мерлина изогнулся в гримасе, как будто он ощутил физическую боль. Королевская дочь и такая красавица, что у мужчин захватывало дыхание, когда они смотрели на нее,— внешне она достойная пара Артуру. А на самом деле — что? Игрушка, кукла, женщина, настолько поглощенная мыслями о своем теле, что ее глаза никогда не останавливались, когда она находилась в обществе; осматривали каждого мужчину, проверяя, оценил ли он красоту ее лица и фигуры. Такова была Гвиневера.

И хотя с тех пор, как Леди Озера с подозрительной улыбкой отвернулась от торжества Артура, он ее не видел, Мерлин чувствовал присутствие Нимье около королевы. Как давно это было...

Мерлин потер лоб рукой. Он чувствовал глубокую

душевную усталость и предчувствие, которого не мог понять. Дважды приходил он в пещеру, однако Зеркало молчало; он не пытался прервать это молчание, но надеялся на свои силы.

Ему по-прежнему иногда снились сны, которые подкрепляли его волю. Он видел вздымающиеся в небо города, видел людей, научившихся летать, изменявших свой мир, как гончар меняет податливую глину. Он видел, на что способен человек, а проснувшись, созерцал убожество и упадок человека в свой век.

У него есть мудрость, но кто примет его советы? Артур — когда это соответствовало его планам. Остальные — лишь немногие, что приходили к нему как к целителю. Большинство служило жрецам из-за моря; все, что не одобряли жрецы, они считали порождением зла. Как он мог пасть так низко?

Теперь он был в стороне от всех, как в броне из непробиваемого льда. Звери в лесу казались ему ближе людей. И всегда его гнетет одиночество.

Сама внешность ставила его особняком: казалось, достигнув мужской зрелости, он перестал стареть. Он благоразумно изменял с помощью трав свое лицо и волосы, искусственно старя их; иначе его продолжающаяся молодость вызвала бы враждебность в людях, которые больше всего боятся упадка сил и приближения старости, которая означает для них смерть.

Холод и тьма...

Неожиданно Мерлин покачал головой и выпрямился. Он позволил неуверенности овладеть собой. Артур правит Британией. Мечом, который вложил ему в руки он, Мерлин, король установил мир. Ни один человек не может одержать победу, не изведав вначале вкус поражения. Наступил час, к которому была устремлена вся его жизнь.

Он с новой энергией, как бы очнувшись от кошмара, огляделся вокруг. Высокие и несокрушимые, возвышались вокруг древние камни. Зеркало учило его: Сила была, есть и будет. И это «будет» лежит перед ним. Он привезет сюда Артура вопреки всем заморским жрецам, отведет его к Зеркалу. Почему он позволил тени лечь на свой разум, нашептывать темные мысли? Он, Мерлин, может быть последний человек на Земле, владеющий древними знаниями! Он слишком долго тратил время попусту. Теперь Артур не занят отражениями набегов, он готов для выполнения своей главной задачи.

И Мерлину, когда он отбросил сомнения, показалось, что камни ослепительно блеснули на солнце, вспыхнули как факелы. Они и были факелами, несущими забытый свет в их темный мир. Мерлин высоко поднял голову, расправил плечи.

Почему же он все-таки позволил неуверенности овладеть собой? Похоже, в словах людей о колдовстве есть какая-то правда, и им внезапно овладело могучее заклятие, как то, при помощи которого Зеркало сохранило ему жизнь. Теперь он ощущал Силу так же ясно, как в тот день, когда поднял Королевский Камень на Западном острове.

И все же ему не хотелось уходить, не хотелось возвращаться в дворец-крепость короля. Камни по духу были ему ближе людей. С глубоким сожалением вспомнил он, как ждал рождения Артура, надеялся, что кто-то разделит его одиночество, особенно сильное, когда он оказывался в толпе.

Мерлин свистнул, и лошадь, которая паслась у стоящих камней, заржала в ответ, подошла к нему и ткнулась головой в грудь, а он трепал ее уши и гриву. Это была знаменитая черная порода, больше и крепче, чем горные пони, более послушная, без тех порывов и независимости, которые иногда заставляли пони сбрасывать любого всадника.

Сев в седло, Мерлин задержался, задумчиво глядя на камни. Он видел насыпь, воздвигнутую над Амброзиусом, этим сильным человеком, который так стремился вернуть прошлое. Только в прошлом он видел безопасность.

Утер лежит не здесь. Чужеземные жрецы положили его тело под полом одной из своих церквей, построенной на месте бывшего римского храма. Сами камни древней постройки теперь служили новым богам.

Видел Мерлин и могилу, в которую он некогда вторгся, чтобы извлечь меч. Кто лежит там? Один из Повелителей Неба, встретивший смерть далеко от дома? Или сын от смешанного брака, подобный ему самому? Мерлин этого не знал, однако рука его взметнулась в воинском приветствии не только человеку, прозванному Последним Римлянином, но и этому неизвестному из глубокого прошлого.

Уезжая от Места Солнца, он укреплял тем свою решимость. Он обратится к Артуру, отведет его к Зеркалу. Артур далеко не глуп: он поймет разницу между древ-

ними знаниями и тем, что невежественные люди называют колдовством.

К тому же наступает время пустить в ход Королевский Камень. В пещере есть необходимый предмет. Его нужно положить под камень, и тогда... тогда вызов будет послан!

В ответ появятся корабли со звезд. Снова человек сможет завоевать небо, землю и море! Мерлин чувствовал, как горячая надежда растапливает лед недоверия. Человек стоит на пороге нового великого времени.

Так думал он на пути в Камелот, и ночью ему снились яркие сны, Артур и Зеркало... сигнал Камня...

Через несколько дней Мерлин приближался к стенам древнего замка, который был превращен Артуром в самую мощную в Британии крепость. Стража хорошо его знала и не остановила у внешних ворот. Мерлин задержался лишь для того, чтобы сменить свое пыльное дорожное платье на более подходящее к великолепию королевского двора.

— Здравствуй, Мерлин.— Артур сидел за круглым столом. Это тоже было изобретением Мерлина: круглый обеденный стол, за которым ни один гордый рыцарь или небольшой король не мог бы утверждать, что его посадили на место, не соответствующее его достоинству.

— Здравствуй, лорд король.— Мерлин сразу заметил среди знакомых лиц новое... Кей больше не сидел по правую руку короля. Нет, это место занимал юноша, почти мальчик.

Глядя на смуглое лицо незнакомца, Мерлин сдержал невольную дрожь. Если в чертах Артура ничего не говорило о присутствии Древней Расы, то во внешности этого юноши оно читалось так ясно, как еще не случалось видеть Мерлину. Разве лишь в Зеркале, отражающем его собственное лицо.

Внешность юноши в одно и то же время была знакомой и незнакомой. Глаза смотрели из-под густых ресниц жестко и непроницаемо. Глаза старика, не соответствующие юному телу. В них виднелась угроза...

Мерлин обуздал свое воображение. Нужно радоваться появлению еще одного представителя Древней Расы. Однако, ничто в этом юноше не радовало его.

— Ты вовремя.— Артур махнул рукой, и виночерпий торопливо наполнил серебряную чашу заморским вином и поднес ее Мерлину.— Ты вовремя, бард, чтобы выпить

за нового потомка Пендрагона, пришедшего ко мне на службу.— Он кивнул на юношу.— Это Мордред, сын леди Моргаузы и мой племянник.

Рука Мерлина сжала чашу. Ему не нужен был даже этот косой, мрачный взгляд, брошенный юношей, взгляд, предвещавший опасность, чтобы понять угрозу.

Племянник Артура? Нет, сын его от той самой девки, которую скрыла Нимье. А по взгляду его Мерлин понял, что юноша знает правду — или, по крайней мере, ту ее часть, что может принести наибольший вред Артуру,— что он действительно сын короля и женщины, известной как сводная сестра короля.

Мерлин выпил вино, надеясь на свою долгую практику в скрывании подлинных чувств.

— Лорд Мордред.— Он кивнул юноше.— Кровь Пендрагона — это высокая честь.

— Да.— Артур улыбнулся.— И он как раз вовремя, чтобы окровавить свой меч и показать характер. На саксном берегу горят сигнальные огни. Эти псы войны опять ищут добычу. Мы выезжаем на охоту.

Глаза короля горели. Мерлин понял, что не сможет остановить Артура. Придется отложить планы знакомства Артура с Зеркалом. Артур по-прежнему не будет знать своего наследия и истинной задачи. И Мордред... сын короля, воспитанный Нимье. Это Мерлин знал инстинктивно. У нее было достаточно времени, чтобы подготовиться к удару. И вот она нанесла его. К злобе того, кто считал себя лишенным законного места, добавляется железная воля Нимье... Этот юноша — страшная угроза.

Однако не только осторожность говорила в Мерлине. В нем начал закипать гнев. С самого начала он слишком верил в удачливость Нимье. Пора отыскать ее. А может ли быть лучшая дорога к ней, чем через Мордреда, ее создание?

Мерлин прислушивался к возбужденным разговорам о новой экспедиции против саксов. Сидя за круглым столом, он поднял взгляд к галерее и переводил его от одного прекрасного лица к другому. Королева хвастала, что ее сопровождают красивейшие женщины Британии, но ни одна не может соперничать с ней.

Вот и Гвиневера. Ее богато украшенное платье желтого цвета, как созревшая пшеница. Маленькая золотая корона на волосах такого же цвета, что и платье. Платье и волосы сливаются, их невозможно разделить. На шее тяжелая золотая цепь с янтарем; когда она наклоняется

вперед, на ее щеки свисают серьги — драгоценные камни. Глаза ее внимательно следят... за кем?

Мерлин проследил направление ее взгляда. Она смотрела на Мордреда и слегка улыбалась. Мерлин внимательно рассматривал королеву: он знал, что за этим взглядом, который он может разгадать, что-то скрывается. И эта неспособность разгадать беспокоила его. То, что женщины оставались для него загадкой, возможно, было каким-то уродством. Однако он не остановился на этой мысли. Он считал Гвиневеру куклой, игрушкой, без собственных мыслей и целей. Но так ли это?

Однако теперь он искал другое лицо. И поэтому отвернулся от яркого солнца королевы к менее яркой радуге окружавших ее леди. Некоторых он знал по имени, других — по внешности, но никогда не рассматривал их внимательно, как сейчас. Однако той, кого он искал, не было. Не было леди, такой же яркой, а может, еще более яркой, чем сама королева. Если Нимье представила двору Мордреда, то сама не явилась, иначе она присутствовала бы на пиру.

Мерлин осторожно поискал ее теми другими чувствами, которые редко использовал в большом обществе: слишком много личностей, излучавших собственную энергию. Нет, он готов поклясться, что Нимье здесь нет.

Однако воля ее здесь, в лице королевского «племянника». Мерлин начал планировать заново. Он не верил, что неожиданное известие о саксах тревожит короля. Как будто сам Артур видит в этом только возможность показать новонайденному племяннику проворство и неуязвимость черной кавалерии.

Теперь — Мерлин знал это, он отмел все сомнения, вызванные его земной половиной,— теперь настал час. Он должен вызвать небесные корабли, пусть и без согласия Артура!

Он погрузился среди пира в собственные мысли. И вдруг понял, что люди вокруг него встают, зовут оруженосцев, готовятся к отъезду. Их охватило возбуждение, яростная жажда битвы. Он чувствовал силу их эмоций, чувствовал, как в нем самом пробуждается та же жажда сражения. И подавил ее другой своей частью, принадлежащей не Земле, а Повелителям Неба. Он должен использовать мысль и невидимые силы, а не примитивное оружие этого мира.

Перед ним стоял кто-то. Мерлин взглянул на Мордреда.

— Тебя называют бардом.— В голосе Мордреда слышался звон невидимого оружия.— И тебя также зовут колдуном и сыном нечеловека.— В тоне его звучала насмешка. Любой другой на месте Мерлина выхватил бы в ответ оружие.

— Все это правда.— Мерлин несколько удивился открытому проявлению враждебности, хотя с самого начала ждал, что человек от Нимье как-то проявится.

— И насколько правда то, что говорят? — На этот раз в голосе Мордреда звучал открытый вызов.

Мерлин улыбнулся.

— Много ли мы знаем о себе? Способны ли отличить правду от вымысла? У каждого из нас есть свои силы, большие и малые. Дело лишь в том, как мы используем данное нам.

— Силы могут быть даны тьмой и светом. Король слушает жрецов света, бард. Старые времена миновали...

Мерлин вновь улыбнулся. Его охватило то же возбуждение битвы, что и остальных при известии о набеге саксов, но по другой причине. Нимье через этого юношу бросала ему вызов. А когда дело доходит до войны, сомнения исчезают. Он может использовать силы, которые по его приказу подняли камень. Он не бесполезное оружие, в его руках такие силы, которые и не снились другим. Продолжая разговаривать с Мордредом, он перечислял эти силы.

— Разве ты никогда не слышал, лорд Мордред,— спросил он, произнося имя с насмешкой и видя, как вспыхнуло лицо юноши,— что существует нечто такое, что было, есть и будет? Та, которая тебя учила, должна это знать.

Он отвернулся от собеседника, но Мордред схватил его за рукав.

— Ты невежлив, бард! И кого это ты имеешь в виду?

Мерлин рассмеялся. Значит, Нимье не полностью владеет этим мальчиком. Хотя в нем и есть древняя кровь, однако он не умеет подавлять вспышки гнева.

— Мальчик,— сказал он, не употребив на этот раз слово «лорд»,— тебя учили многому, но только не хорошим манерам.— Мерлин выдернул рукав.— Прежде всего тебе следует узнать сущность человека, с которым ты говоришь.

Может, он сказал слишком много. Но и в Мерлине тоже была древняя кровь, гордая кровь. К тому же он решил, что Нимье не слишком искусно подобрала свое

оружие. Это не Эктор, даже не Кей, юноша не слишком умен.

Мерлин прошел сквозь толпу возбужденных мужчин. Теперь, когда он принял решение, у него есть своя миссия. Впрочем, у двери он оглянулся. Мордред смотрел ему вслед, а в руке у него была рука заморского жреца. Бритое лицо жреца было взволновано. Мерлин видел, как двигались губы Мордреда. Он не сомневался, что для него готовится какая-то неприятность. Но какая именно... Он пожал плечами.

Он быстро прошел в свою комнату и снял одежду барда. Это белое платье делало его слишком заметным. Он надел простую одежду, взял плащ с капюшоном. Потом отыскал свежую лошадь, заполнил седельные сумы хлебом и сыром с кухни, где слуги делали то же самое для готовящегося к походу отряда. Однако Мерлин выехал раньше и направился в горы.

Уже несколько лет не бывал он здесь, но помнил каждый поворот тропы. И так как он никогда не забывал о своей одинокой жизни в лесах, ему легко было проводить ночи без огня и двигаться тайно. Это стало для него привычным.

Руины крепости Найрена теперь превратились в насыпь, поросшую кустарником. Мерлин долго простоял здесь, вспоминая, чем был дом клана для Мирддина.

Потом подъем. Здесь Мерлин снял с лошади седло и упряжь, стреножил ее и пустил пастись. Убрал камни из расщелины. В пещере было темно. Ни один из механизмов не светился. Мерлин не приближался к Зеркалу. Сейчас не время для вопросов. Он хорошо знал, что нужно делать.

У стены он подобрал цилиндр размером в свою руку. Зеркало давно рассказало ему об этом цилиндре. Инструкцию он помнил так хорошо, как будто выслушал ее всего час назад. Здесь цель его жизни. Нет больше колебаний, попыток действовать через людей, которых предает их собственная природа. Он выполнит волю Повелителей Неба.

Маяк оказался легче, чем он предполагал. Мерлин вынес его наружу и вновь замаскировал расщелину. Зеркало еще понадобится. Рано или поздно сюда придет Артур. Мерлин не знал, сколько времени сигнал будет идти до кораблей. Месяцы, годы... До этого часа Артур должен оставаться королем.

Глава 12

Было темно, когда Мерлин добрался до Места Солнца. Год приближался к концу, урожай собран, а морозными утрами и долгими темными ночами становилось холодно. Камни казались далекими, как будто сознательно избегали контакта с людьми этого мира.

Если бы с ним был сверкающий меч, задача была бы сравнительно легкой. Однако меч у Артура, и Мерлин должен рассчитывать лишь на свои знания. Пробираясь в каменный круг, он вздрагивал не только от холодного ветра. Родство, которое он всегда чувствовал к этим камням, исчезло, закрылось, как дверь на ночь.

Мерлин не ласкал рукой камни, как делал это раньше. Необходимость заставляла его приняться за работу немедленно. Он подошел к Королевскому Камню.

Осторожно положив на землю цилиндр, Мерлин осмотрел камень.

Ясно, что нельзя просто положить цилиндр на камень, как наивно он думал. Хотя это место считалось священным, любой прохожий может заинтересоваться странным предметом. Нет, цилиндр нужно хорошо спрятать, и Мерлин знал, где: под самым массивным каменным блоком.

Он поднимал этот камень, сможет поднять его опять, хотя без меча это значительно труднее. У него с собой только нож, но он не из удивительного металла. Тем не менее его нужно использовать.

От камней падали густые тени, в них что-то таилось. Мерлин постоянно оглядывался, всматриваясь в эти бассейны темноты. Хотя раньше Нимье использовала лишь такие иллюзии, которые он и сам мог вызвать, все же в этом месте оставалось что-то угрожающее.

Мерлин вспомнил слова Лугейна: в древних храмах долго сохраняются таинственные силы, которым некогда здесь поклонялись.

Здесь не место для ночлега. Нужно солнце, которое когда-то почиталось здесь как источник жизни, чтобы вызвать всю его энергию. А пока у него есть время, чтобы подготовиться к величайшему усилию в жизни, большему, чем даже иллюзия, сопутствовавшая рождению Артура.

Снова подобрав маяк, он двинулся к насыпи, некогда бывшей жилищем Лугейна. Тут он расположился на ночь, напился из ручья, который почти затянуло илом

с тех пор, как сюда перестал приходить друид, поел остатки провизии, привезенной из Камелота.

Потом сел, прислонясь спиной к остаткам стены, и посмотрел на Место Солнца. С наступлением темноты поднялся ветер. Пролетая между камнями, он издавал воющий звук. Впечатлительный человек, мог бы услышать в нем жалобы умерших.

Не в первый раз Мерлин задумался о Повелителях Неба. Что они искали здесь? Почему так хотели вернуться? Они так сильны, что легко перелетают от одной звезды к другой. Почему они не найдут для себя другой, лучший мир?

Может, существует какое-то качество, которое можно найти только здесь? Может, человечество нужно им, чтобы выжить? Зеркало отвечало уклончиво, когда он пытался расспрашивать об этом. Когда оно выдавало информацию, Мерлин часто испытывал чувство угнетения: в его мире не было слов для тех необычных предметов и сложных машин, которыми легко пользовались другие. Однако некоторые самые простые вопросы, казалось, в свою очередь, смущали Зеркало.

Хотя он не смыкал глаз, а продолжал следить, как почь поглощает Место Солнца, Мерлин напряженно думал, собирая сведения, накапливая необходимую энергию. Ему предстояла не галлюцинация, а реальное действие.

Он такой же полководец, как Артур, но войско его не люди. Глубже и глубже опускался он в свою память и разум. И неожиданно узнал возникшую в памяти картину. На этом самом месте стояла Нимье, тело ее белело, волосы развевал ветер. Он слышал сладость ее голоса, чуть не касался теплого тела. Нет!

Мерлин решительно подавил это воспоминание. Неужели он может действительно коснуться Нимье, если напряжет все силы? Вон из мозга! Он должен забыть о ней.

Зеркало... Он должен сосредоточиться на Зеркале, как если бы оно стояло перед ним. Увидев Зеркало, Мерлин успокоился. Мерлин слышал его голос, различал слова, он знал, что ему нужно делать.

Он больше не чувствовал усталости. В нем нарастала Сила, заполняла тело и мозг. Ее нужно сдерживать до наступления нужного момента. Мерлин не замечал, как проходило время. Не чувствовал холода. Внутренняя

энергия согревала его, и, несмотря на резкий ветер, он отбросил плащ.

Случайно взглянув на свои руки, лежащие на коленях, он не удивился, увидев, что они слегка светятся. Он чувствовал свою силу, ему все труднее становилось ее сдерживать. Губы его двигались, однако даже шепота не срывалось с них, только в мозгу продолжали звучать древние слова, складываясь в фразы.

Когда небо посерело, Мерлин встал. Хотя он просидел всю ночь, тело его не затекло. Наоборот, он чувствовал себя как бегун, рвущийся в путь. Левой рукой он прижимал к себе маяк. В правой руке наготове нож.

Большими шагами приблизился он к Королевскому Камню и встал рядом с ним, готовый встретить восходящее солнце. Маяк он положил у своих ног. Вот он вытянул руку и со звоном начал ударять ножом о камень, произнося в то же время слова, к которым готовился всю жизнь.

Удар, удар, темп все ускоряется. На небе зарево — предвестник восхода. Голос Мерлина произносил слова-заклинания, может быть, более древние, чем сами камни. Удар, пение, удар...

Камень... он оживал, неохотно, тяжело. Но он ответил! Удары превратились в сплошную металлическую вспышку, от встречи металла с камнем рождались искры. Голос Мерлина поднялся, он требовал, чтобы силы, заключенные в камне, подчинились его воле.

Камень зашевелился, не так быстро, как в ответ на удары меча, однако зашевелился! Мерлин напряг волю, поднял нож, и один конец камня последовал за лезвием.

Мокрая одежда прилипла к телу. Несмотря на холод, Мерлину было жарко, с него струями тек пот. Вверх и вверх. Пока камень не встал вертикально. И тут Мерлин произнес единственное слово, которое не осмеливался произносить раньше,— слово, связывающее Силу. Камень продолжал стоять, и траншея под ним была пуста.

Мерлин опустился на колени. Он начал копать землю ножом. Работал он напряженно. Он не знал, сколько времени Слово будет удерживать камень. Копал, отбрасывал землю, опять копал, глубже, глубже, быстрее.

Наконец углубление готово. Мерлин поставил в него маяк, более легким концом в небо. Работая еще быстрее, он сгреб обратно выкопанную землю и утрамбовал ее руками и рукоятью ножа. Наконец он отбросил нож и выпачканными землей, с обломанными ногтями, руками

коснулся цилиндра в определенном месте, повернул, и крышка легко снялась.

Дрожа от крайнего напряжения и усталости, Мерлин выбрался из-под камня. Опустившись на колени, он взглянул на возвышающийся монолит. Медленно произнес он освободительное слово. Камень упал со страшной силой. Мерлин надеялся, что выкопанное им углубление достаточно глубоко. Он так устал, что мог только лежать, касаясь руками камня, почти без сознания.

Именно прикосновение к камню привело его в себя. Он чувствовал Силу, заключенную в камне, однако на этот раз биение было иным. Поняв, в чем дело, Мерлин испустил крик облегчения и радости. Получилось! Маяк действовал. Но когда прилетят корабли? Откуда? Сколько?

Он слишком ослаб, чтобы сразу встать, и продолжал сидеть, опустив голову на грудь, опираясь руками о камень, все время ощущая мощное биение.

Его привело в себя ощущение опасности. Как будто ветер донес отвратительный запах. Мерлин поискал ощупью в траве нож — свое единственное оружие. Теперь он слышал топот копыт, крик, который мог доноситься только из человеческой глотки.

Саксы? Разбойники? Он знал только, что приближаются враги. Поэтому, не вставая, он отполз в тень камня. Отсюда ему был виден отряд. Всадники не направлялись прямо к его ненадежному укрытию. Мерлин понял, что они не решаются вторгнуться в Место Солнца.

Один из них подъехал со стороны хижины Лугейна, гоня с собой лошадь Мерлина. Мерлин слышал возбужденные голоса, но не разбирал слов. Он, однако, был достаточно близко, чтобы рассмотреть на двоих одежду заморских жрецов. Остальные явно были вассалами одного из племенных вождей.

Жрецы подгоняли воинов. Но, невзирая на нетерпеливые приказы, воины не торопились приближаться к священному месту. Древнейший закон, соблюдаемый всеми племенами, гласил: нельзя проливать кровь и преследовать беглеца в Месте Солнца.

Мерлин был уверен, что они ищут его, но причины понять не мог. Артур дал при своем дворе место верящим в Христа, и многие из его приближенных были христианами, однако король придерживался либеральной политики Амброзиуса. Когда к нему присоединялись воины, готовые сражаться с захватчиками, он не спрашивал,

какому богу они поклоняются. В его окружении были такие, кто склонял колени перед убийцей быков Митрой, а другие верили в древних богов Британии.

Кто разрешил этим всадникам преследовать его? Мерлин готов был поклясться, что это сделано без ведома короля. Хотя Артур никогда не был так близок к Мерлину, как тот надеялся, но все же уважал его и иногда прислушивался к человеку, вложившему меч Британии в его руки. Нет, Артур не стал бы преследовать его. Однако кто-то ведь послал этих охотников. Мерлин подумал о Мордреде. Неужели этот явившийся ниоткуда «племянник» приобрел такую власть в Камелоте?

Жрецы по-прежнему подгоняли всадников, а воины пятились. И вот серые рясы одни двинулись вперед. Один поднял символ своего бога — деревянный крест. Оба пели молитву. Мерлин видел, что младший из жрецов обнажил меч, хотя это противоречило всем представлениям Мерлина: жрец не может быть воином.

Почему он должен прятаться, как загнанный зверь? Возмущенный, Мерлин встал и вышел из-за камня. Он выпрямился, как воин, ожидающий нападения противника.

Когда жрецы подошли ближе, Мерлин разглядел их лица. Одного из них он узнал. И это был тот самый жрец, с которым Мордред говорил на пиру в Камелоте. Итак, его подозрения оправдываются. Эта встреча — дело рук Мордреда.

— Кого вы ищете, люди божьей службы? — спросил Мерлин.

Жрец, державший крест, на языке римлян произносил заклятия против сил тьмы. Он запнулся, однако с яростью продолжил свое пение. Его спутник не поднял меча. Хотя у него были глаза фанатика, он все же не был, видимо, готов напасть на безоружного.

— Демонское отродье! — выкрикнул он, заглушив звуки молитвы второго.

Мерлин покачал головой.

— Вы стоите на месте, которое знало многих богов,— спокойно сказал он.— Большинство из них давно забыто, потому что исчезли те, кто взывал к ним в минуту опасности. Пока люди сознают, что, помимо них, есть гораздо большие Силы, способные привести их к лучшей жизни, к миру, будут существовать боги. И неважно, как человек называет эту Силу: Митра, Христос или Лаг. Сила остается той же самой. Только смертные люди раз-

личаются, а Сила была, есть и будет неуменьшенной и переживет даже Землю, на которой мы стоим.

— Богохульник! — послышался крик жреца.— Слуга зла...

Мерлин пожал плечами.

— Ты берешь на себя мою роль, жрец. Это барду подобает играть словами, и он делает это с большей легкостью и искусством, он может устыдить короля при его дворе. Я не спорю с тобой. То, что я слышал о вашем Христе, убеждает, что он действительно, один из обладающих истинной Силой. Но он не единственный. У каждого племени в свое время появляется собственный бог. Я приветствую вашего Христа, как одного из видевших Великий Свет. Но разве Христос учил вас преследовать человека, не идущего с ним по дороге? Я думаю, нет, а иначе он не принадлежал бы к Великим, для которых ясны и открыты все пути.

Молитва второго жреца затихла. Со странным выражением на старческом лице смотрел он на Мерлина.

— Ты говоришь необычные вещи, сын мой,— сказал он.

— Если ты слышал обо мне, жрец, то знаешь, что я вообще необычный человек. Если хочешь сразиться силами, то знай: это детская игра, а ребенок не сознает, чем играет. Смотри!

Он быстро провел перед собой пальцем. И на вершинах камней вспыхнули огоньки.

Старший жрец смотрел на них спокойно. Его товарищ возбужденно крикнул:

— Работа дьявола!

— Если это так, то уничтожь ее, жрец! Добро должно победить зло,— сказал Мерлин, и огоньки вновь зажглись.

Жрец заговорил по латыни. Однако огоньки продолжали гореть. Наконец Мерлин щелкнул пальцами, и они исчезли. Лицо жреца побагровело от гнева.

— Природа зла не вне человека, а в нем самом,— медленно заметил Мерлин.— В себе он создает возможность для ненависти, страха и всего того, что таится в темноте. Если же он не создает такой возможности, то и не порождает демонов. Я не использую силу для вреда и никогда не использовал. Да и не собираюсь. Ибо, если я обращу на это свои способности, они погибнут. Какого бога я призываю, используя его Силу, это мое дело. Я не заставляю других верить в него. Достаточно, что я

знаю о существовании Силы, которая была, есть и будет.

Старший жрец некоторое время смотрел на него, потом сказал:

— Незнакомец, у нас с тобой разные дороги. Но с этого момента я не верю, что ты помощник злой силы. Ты печально заблуждаешься, и я буду молиться о тебе, чтобы ты отвернулся от ложного пути и свернул на истинный.

Мерлин склонил голову.

— Жрец, все молитвы, произнесенные с добрыми намерениями, замечаются Силой. И неважно, в чье имя они произнесены. Я не желаю тебе зла, не желай и ты мне его...

— Нет! — это крикнул младший жрец, горящий гневом, а может, и испытывающий страх.— Это демонское отродье угрожает всем верующим. Он умрет!

Он сделал неожиданный выпад мечом, и не неуклюже, а искусно. Мерлин решил, что прежде, чем надеть рясу жреца, он был воином. Однако Мерлин был наготове, он видел выражение глаз противника. Рука Мерлина взметнулась. Меч, как притянутый сильным магнитом, отлетел в сторону и ударился о ближайший камень. Лезвие меча раскололось.

— Иди с миром,— сказал Мерлин жрецу, который, не веря своим глазам, смотрел на осколки оружия.— Я не хочу никому зла. Но тебе лучше уехать отсюда. Тут живет древнее заклятие: ни один человек не смеет обнажать меч в священном круге. Установившие этот закон давно мертвы, однако сила их молитв живет. Иди и радуйся, что камни не восстали на тебя.

— Брат Гилдас,— негромко сказал старший жрец,— во имя твоего повиновения господу, уходи. Этот человек идет своей дорогой, и не нам его допрашивать.

Он поймал узду лошади младшего жреца и повернул, ведя за собой вторую лошадь, а всадник сидел на ней молча, будто лишившись дара речи. Когда они подъехали к ожидавшим воинам, старший жрец отдал приказ. Воины отпустили лошадь Мерлина. И поехали с торопливой готовностью, которая свидетельствовала, что если жрецы не верили в силу древних священных мест, то сами воины верили.

Мерлин смотрел им вслед. Снова на него обрушилась свинцовая усталость. Он должен уснуть. Но разумно ли задерживаться здесь?

Он решил, что старшему жрецу можно доверять.

В споре сил он оказался сильнее. К тому же ясно, что воины не захотят возвращаться к Месту Солнца. Мерлин прошел к Королевскому Камню. Солнце пригревало; у него есть плащ. Ветер стих. Мерлин сгреб сухую траву и устроил себе постель.

Проснулся он к вечеру. Его разбудило ржание лошади. Животное паслось между камней и теперь ждало поблизости. Мерлин позавидовал лошади: он проголодался. Накануне вечером он съел последние продукты, а сейчас не то время года, когда можно утолить голод ягодами или орехами. Придется вспомнить детство и испытать удачу с пращей и камнем. Может, удастся добыть кролика.

Выбрав несколько подходящих булыжников, Мерлин начал охоту и обнаружил, что старое умение не забылось. Однако он не покидал круга камней. Здесь он развел костер, добыв огонь ударами ножа о камень. Здесь, у Королевского Камня, он поджарил кролика и съел все до последнего кусочка.

Несмотря на сгущавшиеся тени, Мерлин вновь лег на постель из сухой травы и спокойно уснул. Он чувствовал, что, выполнив задачу жизни, обрел свободу: в этом кругу ничто не может угрожать ему. И спал он без сновидений.

Его разбудило солнце. Задерживаться было незачем. Мерлину казалось, что пройдет немало времени, прежде чем придет ответ на зов маяка. Однако перед отъездом он опять положил руку на камень, чтобы ощутить уверенное мощное биение.

Он двинулся в Камелот. Посылка Мордредом жрецов было открытым объявлением войны, и Мерлин не мог этого спустить. Юноша не должен думать, что хоть в чем-то одержал победу, что заставил Мерлина бежать. Теперь Мерлин свободен и все силы использует на то, чтобы заставить Артура выслушать его. Он установил маяк, и теперь дальнейшее от него не зависит.

В дороге он услышал новость о победе короля над саксами. Он с самого начала считал, что это всего лишь незначительная стычка, но даже такая небольшая победа возвысит Мордреда во мнении воинов.

В трехэтажном внутреннем дворце, обнесенном каменной стеной, у Мерлина была своя комната. Он прошел туда, задержавшись лишь для того, чтобы приказать слуге принести ему котел с горячей водой для умывания. Тело и одежда у него просолились от пота.

Стоя посреди своей маленькой комнаты, он огляделся и почувствовал странное беспокойство: как будто комната ему незнакома. Вот банки с лекарствами, пучки сухих трав, подвешенные к стене, несколько книг на латинском. Камни, странная форма которых привлекла его внимание. Никакого богатства и никаких крашений. Кровать, как грубый ящик с суровым полотном постельного белья. Ни ковров на стенах, ни шкур. И он вспомнил другие комнаты — прекрасные комнаты своих снов.

Увидит ли он когда-нибудь их наяву? Людям потребуется много времени, чтобы восстановить утраченные знания и построить новые города. Даже если корабли прилетят завтра, пройдет не одно поколение, прежде чем мир снова расцветет.

А если Небесный Народ встретится с такими, как Гилдас? Возможно ли переубедить таких? Можно ли будет работать с ними? Найдется ли достаточно людей, которые поверят Повелителям Неба и вместе с ними станут строить будущее? Или страх и благоговение перерастут в ужас, и невежественные люди отвернутся от предложенного им нового мира?

Артур... Теперь Мерлин знал, почему он должен выиграть битву за Артура. Не потому, что Артур не знает себе равных как военачальник, а потому, что он символ, за которым пойдут люди, в которого поверят. И его нужно подготовить к приходу со звезд.

Глава 13

Однако Мерлин не попал к Артуру, потому что король сам пришел к нему. У двери послышался скребущий звук, как будто кто-то пришел с тайным поручением. Мерлин отдернул дверной занавес и увидел короля. Одного.

Но это был не уверенный в себе Артур из пиршественного зала. Прошли годы с тех пор, как он предложил Мерлину выпить за Мордреда. Левый глаз у него дергался. Король угрожающе смотрел на Мерлина.

Артур оглянулся, как бы желая убедиться, что его никто не видел, и резкими шагами вошел в комнату. Заговорил он почти шепотом:

— Мне рассказывали о тебе, колдун. Однако я не верил этим рассказам. Может, я слишком глуп и предпочел заткнуть уши, потому что именно ты привел меня

на трон. И об этом я тоже слышал! — Гнев сверкнул в его взгляде, пальцы на рукояти меча, того самого небесного меча, сжались.— Теперь я добьюсь от тебя правды, даже если ее придется извлекать мечом! Я дошел до того, колдун, что не остановлюсь и перед этим!

— Какой правды ты хочешь, лорд король? — спросил Мерлин, тоже негромко. Ясно, что короля настроили против него. И он знал, кто это сделал.

— Я на самом деле сын Утера?

Мерлин быстро принял решение. Он догадывался, какую позорную историю мог рассказать Мордред и использовать ее, как оружие, против короля, против Мерлина, против всего Дома Пендрагонов.

— Так считал он сам,— медленно сказал Мерлин.

— Значит...— Лицо короля побледнело.— Значит, Моргауза... и я... Мордред...— Неожиданно в его взоре блеснуло понимание.— Так считал он сам,— повторил Артур.— Ты странно подбираешь слова, Мерлин. Может ли быть, что он ошибался? Если же он ошибался, то кто мой отец? Глорис погиб накануне того дня, когда моя мать лежала с человеком, которого сочла своим мужем.

Артур с усилием овладел собой.

— Я слышал странную историю, Мерлин. И она способна покрыть меня черным стыдом, опозорить хуже, чем предателя Вортигена, отдавшего свой народ под топоры саксов. Ты привез меня к Эктору. Только ты знаешь правду. Если я на самом деле сын Утера, то собственная похоть осудила меня на изгнание из рядов честных людей. Моя честь погибла, и если я отдам приказ поваренку на кухне, тот плюнет мне под ноги. Ты говоришь, что Утер с ч и т а л меня своим сыном. Что это значит? Говорю тебе: я близок к тому, чтобы перерезать горло собственным мечом!

Мерлин пододвинул табурет.

— Это странная история, лорд король, и уходит она на много лет в прошлое.

Артур посмотрел на табурет, как будто не хотел засиживаться здесь. Однако все же сел и выпалил:

— Рассказывай, и побыстрее! Если ты даже ненамного облегчишь мою тяжесть... Говори!

— Ты знаешь, что рассказывают обо мне. Это правда.— Мерлин сел на край кровати, по-прежнему говоря шепотом. Напрягая свои особые чувства, он проверил, не подслушивают ли их.— Я сын нечеловека...

Артур нетерпеливо пожал плечами.

— Я знаю: тебя зовут демонским отродьем. Но какое это имеет отношение....

— Не демонское отродье,— прервал Мерлин, используя всю волю, чтобы заставить короля слушать.— Я происхожу от Небесного Народа. Да, в древних легендах содержится правда. Дочери человеческие некогда рожали сыновей от сошедших с неба. И от этих браков возникла могучая раса, создавшая такие чудеса, которые людям и не снились. Однако в конце была жестокая война, опустошившая мир, и земля превратилась в море, а море — в землю. Горы поднялись на равнинах, все изменилось, а немногие выжившие вернулись к дикости и почти ничего не помнили из прошлого. Они опустились ниже лесных зверей.

Но те, кто породил их, о них не забыли. И когда война, изгнавшая их опять на небо,— у Небесного Народа есть могущественные враги, о которых мы не знаем,— когда эта война кончилась, они помнили Землю и стремились вернуться на нее. Они оставили в небе корабли, один из них ответил на сигнал древнего маяка, установленного в наших горах. Корабль принес семя Небесного Народа, и моя мать первой зачала от него.

— Ты сочинил нелепую сказку,— прервал его Артур.

— Посмотри мне в глаза, король,— приказал Мерлин.— Сочиняю я или говорю правду?

Артур смотрел ему в глаза. Потом медленно сказал:

— Хотя это кажется невероятным, ты веришь в свои слова.

— Я готов доказать, что говорю правду,— заявил Мерлин.— Одна из возложенных на меня обязанностей заключалась в воспитании могучего короля, который установил бы мир во всей Британии. Потому что, когда Повелители Неба вернутся к нам, им будет необходим мир. Амброзиус был великим полководцем, однако мир виделся ему только на римский манер. Утер хорошо справлялся с племенами, но он сам принадлежал к ним и разделял не только их достоинства, но и недостатки. Его одолевали страсти, и он не знал самодисциплины.

На коронации он увидел герцогиню Игрену и возжелал ее. Его желание было таким открытым, что муж Игрены уехал от двора, вызвав этим неудовольствие Утера. Глорис оставил жену в совершенной безопасности, как он считал, в крепости на берегу моря; крепость эта никогда не сдавалась врагу, настолько мощно она была укреплена.

Тогда Утер послал за мной и решил использовать мои возможности, чтобы его желание осуществилось. Я сказал ему, что могу создать иллюзию: придать ему внешность Глориса, чтобы он мог насладиться любовью в постели герцогини. Однако я усыпил его, и во сне он увидел все это; а сам я проник в крепость и внушил герцогине другой сон. Но тот, кто приходил к ней, не был человеком нашего мира: она зачала по воле Повелителей Неба.

Утер устыдился своего поступка, а герцогиня, узнав, что ее муж на самом деле погиб до того, как приходил к ней, пришла в ужас и прислушивалась к разговорам о ночных демонах. Поэтому она с готовностью отдала тебя в мои руки.

В венах Эктора тоже была кровь Повелителей Неба, хотя род его произошел от них в глубокой древности. Он с готовностью взял тебя на воспитание. Я должен был учить тебя так же, как учили меня самого, дать тебе знания наших отцов. Однако у меня был и есть враг.— Мерлин остановился в нерешительности. Должен ли он говорить о Нимье? Вероятно, должен. Артура нужно предупредить.— У Повелителей Неба, чье наследие мы делим, тоже есть злобные враги чуждой породы. Они хотят, чтобы мы никогда не поднялись, чтобы человечество всегда оставалось во тьме, так близкой им,— во тьме ненависти, убийств, отчаяния. И враги узнали о моем рождении и произвели моего противника, обладающего такой же властью, как и я, а может, и большей. Мы еще не встречались в открытой схватке. Это существо, порожденное тьмой, люди зовут Нимье, Леди Озера.

На лице Артура ясно читалось изумление.

— Но она помогала Утеру, она дала убежище Моргаузе, воспитала Мордреда...— тут он внезапно замолчал, и выражение его лица стало напряженным и внимательным.

— Да,— спокойно подтвердил Мерлин,— и это внимание к Дому Пендрагонов может объясняться по-разному.

Король сжал кулаки.

— Я понимаю твой намек. Ты думаешь, что она сделала это с целью навредить мне. Однако ты говоришь, а она действует. Ты у нее был в плену?

— Пользуясь своей властью, она держала меня в заключении. Я не знал, что она знает о моем укрытии, пока она не ударила. И вот я не мог выйти до самой твоей коронации, Высокий Король. То, что ты должен

был знать с детства, для тебя утрачено. Потом я узнал, что Моргауза соблазнила тебя, но я считаю, что это тоже дело рук Нимье. Она предвидела, что из этого получится. И вот теперь пользуется плодами своей работы. Она превратила Мордреда в свое орудие...

— Он мой сын,— тяжело сказал Артур.— Я не могу отречься от него.

— Плотью он, может, и твой сын,— согласился Мерлин,— однако душа его принадлежит тьме. И именно он распространяет сплетню, позорящую твое имя, способную уничтожить все, что ты завоевал.

Артур смотрел на свой кулак, лицо его было мрачным.

— Как мне предотвратить это? — невыразительно спросил он. Приступ гнева прошел.— Кто поверит твоему рассказу? Скорее согласятся с болтовней о демонах и прочих страхах. И я паду с трона так же легко, как лист под порывом ветра в конце года.

— Прежде всего ты должен овладеть своим наследием, хотя оно и придет поздно. Я же докажу тебе, что говорил правду. Я согласен, что большинство не поверит. Однако эти новые знания вооружат тебя, и ты сможешь победить Мордреда и ту, что стоит за ним.

— Это твое доказательство?..

— Оно в другом месте, лорд король. И ты должен посетить это место безоружным, даже без щита, и лишь со мной.

— А Мордред будет свободно разливать яд?

— Мы на время чем-нибудь закроем Мордреду рот, и этот акт не будет странным в глазах окружающих. Ведь он все же Пендрагоновой крови, поэтому ты можешь оставить его правителем. Но прими меры, чтобы он не смог сговориться с лордами.

— Будь уверен, я не дам ему такой возможности! — в голосе Артура звучало облегчение.— Теперь нужно придумать объяснение, почему я уезжаю от двора так необычно.

— Лорд король, в том направлении, куда мы двинемся, лежат старые заброшенные крепости. Некогда к морю к ним вела римская дорога. Может ли быть лучший предлог, чем осмотр этих крепостей? Возьми с собой своих дружинников. Когда мы окажемся вблизи места, ты заболеешь. Я буду за тобой ухаживать. Ну, и еще один слуга, которому ты сможешь довериться. Есть у тебя такой?

Артур кивнул.

— Блехерис, пришедший ко мне после гибели Эктора. Он учил меня владеть мечом. Он уже стар, однако тайны хранить умеет.

Мерлин напряг память. Блехерис? Маленький смуглый человек с татуировкой на лбу, не из племени.

— Пикт?

— Да. После одного набега он остался лежать со сломанной ногой, Эктор не разрешил убить его. Он женился на Фланне, моей няньке. Когда ее служба кончилась и Эктор предложил ей свободу и богатство, как ты ей обещал, она отказалась и решила остаться. Блехерис теперь мне ближе всех дружинников.

Мерлин кивнул.

— Мы выедем по твоему приказу, лорд король. И открой свой разум: я не рассказал тебе и половины истории, касающейся нас обоих.

Напряжение и боль, преследовавшие короля, прошли. Их сменило ожидание, какое охватывает человека перед важным испытанием. Но, когда король вышел, Мерлину было над чем подумать.

Мерлин не ожидал, что Мордред очернит собственное рождение, чтобы низвергнуть короля. У королевы не было детей. Мерлин подозревал, что виноват в этом сам король. Возможно, они, полукровки, не могут по какой-то причине скрещиваться с людьми. И об этом свидетельствовало его собственное равнодушие ко всем женщинам, кроме Нимье. Хотя Артур увлекся королевой, однако он так часто отсутствовал, что мог и не догадаться, что их отношения, по существу, остаются стерильными.

Артур, поскольку с Гвиневерой у него не было детей, имел только одного наследника — Мордреда. То, что Артур мог зачать ребенка в незаконном браке с женщиной, противоречило подозрениям Мерлина. А не приложила ли к этому зачатию свою руку Нимье? Она, несомненно, была при дворе, когда это произошло, и сразу после этого увезла Моргаузу. На самом ли деле Мордред является сыном Артура? Может, он, как и Нимье, сын Темного?

Мерлин ощущал в нем наличие Силы, с настойчивостью говорящей о присутствии древней крови. Нет, все же Мордред, как говорят сплетники и как считал Эктор, сын Артура и его так называемой сводной сестры.

Возможно, Мордред распространяет эти слухи, чтобы подчинить себе Артура. Вряд ли это планировала Нимье.

Артур не слабый глупец. Когда ему впервые сообщили об этом, он, конечно, потерял самообладание, но любой бы на его месте впал в отчаяние. А теперь, когда Артур узнал правду, когда он получит доказательство, он будет неуязвим для Мордреда. Нужно подумать, далеко ли зайдет Мордред, чтобы свергнуть своего отца. Неужели он так юн и горяч, что не понимает: позор отца запятнает и его? И, так как король не может проявлять физическую слабость, имя его должно оставаться безупречным.

Мордред честолюбив, в этом Мерлин был уверен. Вряд ли юноша станет вредить самому себе: он слишком хочет стать наследником короля. Вот только если в будущем появятся признаки беременности королевы, он может решиться на безрассудные действия.

А к тому времени — слегка сгорбленные плечи Мордреда распрямились — Артур будет вооружен. Пусть только он доберется до Зеркала. Правда сделает его неуязвимым для таких интриг.

И вот Артур назначил Мордреда правителем на время своего отсутствия и принял всевозможные меры, чтобы помешать возможному сговору. Впрочем, Мордред казался довольным. Он не замечал присутствия Мерлина, хотя жрец Гилдас гневно поглядывал в сторону Мерлина со своего места рядом с троном Мордреда.

Когда они выехали из Камелота, Артур полуобернулся в седле и взглянул на свой дворец. Лицо его было мрачным.

— Не знаю, почему,— сказал он ехавшему слева от него Мерлину,— но будущее как бы затянулось тучами. Солнце светит ярко, однако, когда я смотрю назад, там сгущаются тени.

— Нелегко отбросить неуверенность,— ответил Мерлин.— Ты слишком много узнал за короткое время, лорд король. Время тоже может стать врагом. Немало в этой земле таких, кто восстанет против любого изменения, даже если оно несет с собой мир.

— Это я тоже начинаю понимать. Мои сторожевые отряды ждут сигнальных огней. Как будто жалеют о тех временах, когда мы постоянно были в седле, усталые, измученные и голодные, а впереди и позади нас поджидал враг. Смерть ехала рядом, однако сейчас, за пиршественным столом, они тоскуют об этих днях, хвалятся битвами, лагерями и походами. Даже во мне разгорается

кровь, когда я кладу руку на рукоять меча. Мы рождены для войны, мы жили войной, а теперь, когда война ушла... мы кажемся себе бесполезными.

Мерлин расслабился и рассмеялся.

— Однако не только война может занимать умы и руки людей, лорд король. Вам еще предстоит борьба, но не против своих. Подожди и увидишь. Перед нами такие дела, по сравнению с которыми Девять Великих Битв Британии покажутся играми беззаботных детей.

— Покажи мне это, Мерлин, и я буду благодарен тебе. Я думаю, что родился лишь для одной цели — для борьбы. И если не саксы — не хочу и думать о новых набегах,— мне нужно что-нибудь достойное.

Артур осмотрел три старые крепости и в каждой оставил отряд с приказом тщательно изучить возможность восстановления крепости и доложить ему, когда он будет возвращаться. Так получилось, что, когда они достигли четвертой крепости — Мерлин знал, что дальше им придется свернуть в горы,— с Артуром осталось совсем мало людей.

И среди оставшихся не было ни одного из знатных лордов. Их всех Артур предусмотрительно оставил осматривать крепости. Восемь человек, въехавших в полуразрушенное укрепление, были наименее любопытны. Они лишь повиновались приказам и ни о чем не задумывались.

Вечером Артур пожаловался на головную боль. Он почти ничего не ел, и Мерлин предложил ему лечь пораньше.

Только слуге-пикту король сказал правду — комната, отведенная для короля, должна тщательно охраняться, а его отсутствие — оставаться тайной. Маленький смуглый человек молча склонил голову.

Ночь была безлунной, однако Мерлин не сомневался, что легко отыщет пещеру, как перелетная птица находит через моря дорогу домой. А Артуру прекрасно была знакома наука укрытий и засад, и он с искусством, выработанным долгой практикой, сумел незаметно ускользнуть от отряда. Вместе они перебегали от тени к тени, направляясь в горы.

Мерлин считал, что болезнь короля может затянуться дня на четыре, прежде чем воины отряда забеспокоятся и начнут удивляться, почему не видно ни короля, ни какого-либо вестника с новостями о его здоровье. До пе-

щеры с Зеркалом еще ночь пути, а темнота задержит их. Артур во тьме рассмеялся, как мальчишка.

— Похоже на дни моего детства,— признался он шепотом, когда они добрались до вершины хребта и лежали на животах, пытаясь разглядеть местность впереди.— Так мы с Кеем тайком убегали по ночам. Но тогда мы охотились не за тем, за чем охотимся сейчас. Мерлин, если Кей — сын Эктора, значит, он тоже принадлежит к древней расе, о которой ты говоришь с таким почтением. Может, он тоже владеет древними секретами?

— Все предопределено звездами. Я не выбираю,— ответил Мерлин.— Я поступаю так, как мне указано. Однако, нужно поторопиться, Артур. Впереди долгий путь.

Впрочем, они успели добраться до пещеры еще до рассвета. И Мерлин чуть ли не наощупь открыл импровизированную дверь, отодвинув камни, которые он всегда укладывал так, будто они свалились сверху. И вот вход открыт.

Мерлин прошел вперед. В пещере его встретила не тьма, а вспышки света, все механизмы ожили либо за время его отсутствия, либо при его появлении. Артур с трудом протиснул свое большое тело, но теперь, стоя перед полированной поверхностью Зеркала, он молчал. И Мерлин, бросив на него искоса взгляд, увидел, что король охвачен благоговейным страхом. Здесь ничего не напоминало знакомый мир.

— Зеркало.— Мерлин мягко положил руку на плечо Артуру, приближая его к сверкающей поверхности, и заговорил: — Здесь стоит Артур, Высокий Король Британии, рожденный и воспитанный по приказу тех, кому мы служим.

Их отражение в Зеркале колебалось. Может, сказывалось мерцание огней. Артур вздрогнул, когда из воздуха перед Зеркалом послышался голос:

— Родственный привет тебе, Артур. Для тебя теперь прошлое закрыто. Но наступил для тебя час выбора, ты должен действовать на благо твоего народа, хотя из-за козней врага ты слишком поздно пришел на встречу. Будь внимателен, Артур. Твой выбор решает не только твою судьбу, но и судьбу всей Британии. Мерлин, дальнейшее предназначено только для Артура. Ты ничего не увидишь.

Вперед скользнула скамья, как при первом посещении Мерлина много лет тому назад. Артур сел, как в трансе. Для Мерлина в Зеркале ничего не изменилось.

Он видел только свое и Артура отражение. Однако король испустил восклицание и слегка наклонился вперед, глаза его расширились, губы шевелились.

Мерлин отошел. Конечно, он опоздал с выполнением своей последней обязанности... Однако, может, не совсем опоздал. Может, использовав Мордреда, Нимье ослабила свой контроль над будущим. Иначе король никогда не поверил бы ему. Артур, преследуемый позором, который нес ему Мордред, был подготовлен к принятию рассказа Мерлина.

Мерлин взглянул на короля. Тот, не отрывая взгляда от Зеркала, сидел неподвижно, как будто был сделан из металла, подобно окружавшим его механизмам. Время от времени по лицу его проходило выражение тревоги или решительности. То, что узнавал Артур от Зеркала, медленно преобразовывало его.

К Зеркалу пришел победоносный полководец, привыкший к торжеству на поле битвы. Но теперь это был предводитель другого вида. Сердце Мерлина забилось сильнее при виде этой метаморфозы. Нимье проиграла!

Когда Артур выйдет отсюда, он не будет вздрагивать перед Тьмой. Он превратится в вождя, каким должен был стать уже давно.

Глава 14

Прошли ночь, день, еще одна ночь, прежде чем Артур встал со скамьи и повернулся к Мерлину. В глазах его сверкала уверенность человека, которому предстоит трудная задача. Эта задача потребует всей его энергии, до последней капли.

— Ты видел?..— спросил Мерлин.

— Видел,— ответил король.— Если это и сон, то человек может жить ради такого сна.— Он заколебался.— Однако, брат, мы с тобой не похожи на других людей. Многие не поверят нам, даже если увидят своими глазами. Я...— Он медленно покачал головой.— И нужно стараться.

Мерлин внимательно смотрел на него. В Артуре не было возбуждения, только серьезность, как будто он принял тяжесть, которую должен нести, хочет он того или нет.

— Правильно ли выбрано время? — продолжал король.— Человек так долго жил в страхе, что сейчас на любое новшество он смотрит как на угрозу.

Мерлин испытывал те же сомнения. Захотят ли люди устремиться к звездам?

— Ограниченные умы,— продолжал говорить Артур.— Все это,— он взмахнул рукой, указывая на механизмы,— сочтут работой дьявола. Ты знал это с детства. Я пришел сюда взрослым и легко могу понять такие страхи. А страх ведет к ненависти и разрушению. К тому же существует ведь и Леди Озера.

— А она что? — Мерлин беспокойно шевельнулся.

— Если она наш враг, мы должны больше знать о ней, установить источник ее силы.

— Она знает меня,— ответил Мерлин.— Я давно ее враг. Если она меня обнаружит...

Артур кивнул.

— Верно. Однако она хорошо служила Утеру и известна своим даром целительницы. Мы начали маскарад с того, что я заболел. А нельзя ли это продолжить? Я вернусь в Камелот больной, и окружающие пошлют за Нимье. Тебе, брат, придется пострадать: ведь ты не сможешь меня вылечить. Может, тебе даже на время придется уйти в изгнание.

У Мерлина было одно возражение.

— Лорд король, я знаю эту женщину и испытал ее силу. Что если ты не выстоишь против нее? Тогда все наши планы рухнут.

— Придется рискнуть. Не вижу других возможностей одолеть ее. Иначе она продолжит плести свои интриги и запутает нас, как паук, так что мы не сможем действовать... Брат, ты необычно боишься этой Нимье. Почему?

Мерлин вспыхнул.

— Разве недостаточно, что она задержала меня в плену, когда ты нуждался во мне? Зеркало мало рассказывало мне о силах Тьмы, однако то, что я знаю, устрашает. Подвергать тебя опасности — может, самый глупый поступок в нашем мире.

— Возможно,— согласился Артур.— Но я же знаю, что мы должны выманить ее из укрытия. Говорят, что никто не может добраться туда, если она не хочет: густой туман укутывает древнюю крепость, в которой она живет. Однако, если я смогу удержать ее в Камелоте, ты, с твоими знаниями этих сил, проникнешь в тайное место и узнаешь, в чем ее поддержка.

Артур мыслил военными схемами. Мерлин, однако, неохотно согласился, что план может осуществиться.

— Ты узнал это в Зеркале? — спросил он.

Артур вздохнул.

— Зеркало оставляет людям выбор. Оно показывает, что может произойти, но будущее настолько меняется от действий людей.

— Верно. Хорошо, пусть будет по-твоему, лорд король.— Однако, даже согласившись, Мерлин испытывал неуверенность. Артур избран королем. Теперь он знает о своей истинной роли и должен принимать решения. Но все же он не встречался с Тьмой лицом к лицу, он знаком с делами Тьмы только в связи с Мордредом. Нимье он знает лишь как таинственную целительницу.

Вместе они закрыли вход в пещеру и тайком вернулись в лагерь. Миновав двух часовых, Артур негромко выругался из-за их невнимательности. В комнате их ждал Блехерис.

— Хорошо, что ты вернулся, лорд король,— сказал он с явным облегчением.— Люди беспокоятся. Тирион дважды спрашивал меня, где ты. Он собрался послать вестника к лорду Гавейну в соседнюю крепость...

— Я себя чувствую плохо, Блехерис,— ответил король.— Слушай внимательно, дружище. Вот что нужно сделать. Ты расскажешь всем, что мне хуже. Потом Мерлин прикажет нарубить ветвей и устроить носилки. Ты будешь со мной; принося мне еду и питье, будешь рассказывать о моем бреде, что ты никогда не видел такой лихорадки, что ты очень беспокоишься обо мне. Ты понял?

Маленький пикт перевел взгляд с Артура на Мерлина, затем снова посмотрел на короля.

— Это военная хитрость, лорд король?

Артур кивнул.

— Однако война ведется не мечами и копьями. Я должен вернуться в Камелот серьезно больным, и только ты и Мерлин будете ухаживать за мной, чтобы никто не догадался об обмане.

Блехерис взглянул на дверь.

— Лорд король, люди беспокоятся. Им не нравится это место. Между собой они говорят о древних духах, которые не любят живых и из-за которых ты заболел. Эти разговоры опасны...

Ответил Мерлин:

— Разговоры о демонах могут быть нам полезны.

Лицо Артура было угрюмо.

— Однако опасны для тебя, Мерлин. Вокруг тебя по-

стоянно шли такие сплетни. Тебя могут обвинить в кознях демонов.

— Совершенно верно. Но и эти разговоры послужат нашей же пользе. Да будет так. Иди, Блехерис. Ничего не говори о духах, однако, если услышишь о них разговоры, постарайся выглядеть многозначительно, будто мог бы кое-что добавить.

Пикт улыбнулся.

— Лорд Мерлин, я не знаю, какую игру вы затеяли с королем, но постараюсь как можно лучше сыграть в ней.

Как планировал Артур, так и было сделано. Мерлин дал ему травы, от которой у короля покраснело лицо и поднялась температура. Блехерис рассказал, что сопровождавшие их воины убеждены: король заболел из-за нападения демонов. Все искоса поглядывают на Мерлина. Пикту были даны дальнейшие инструкции. Вернувшись в Камелот, он должен будет распространять слухи, что только Леди Озера, ранее поддержавшая Утера, когда остальные знахари обрекли его на смерть, сможет помочь королю.

Лорды, сопровождавшие Артура, присоединились на обратном пути. Они настаивали на свидании с королем. Однако увидели лишь, что король лежит без сознания; Мерлин казался сильно обеспокоенным, как будто встретился с болезнью, с которой не может справиться, несмотря на все свои знания.

Мерлин знал, что Седрик отправил вестника, и поэтому не удивился, когда на полпути назад — они возвращались медленно, так как их задерживали примитивные носилки — вестник вернулся с одним из жрецов в рясе. К облегчению Мерлина, это был не Гилдас, хотя он ясно ощущал враждебность этого человека. Однако, когда жрец попытался приблизиться к королю, Артур закричал, что его пришел мучить новый демон, и так естественно разыграл бред от высокой температуры, что жрец вынужден был отойти.

Лорды потребовали у Мерлина объяснения, что за болезнь свалила короля. Лицо у Мерлина вытянулось, и он стал говорить о странных духах руин. Кто знает, какие злые дела творились некогда в их тени?

Наконец они прибыли в Камелот, и Артура внесли во дворец и уложили на постель. Но, когда торопливо пришли Мордред и Гвиневера, Артур сел и приказал им уходить, назвав их предателями и убийцами. Казалось,

только присутствие Блехериса и Мерлина успокаивает короля. Артур ни на мгновение не переставал играть роль серьезно больного человека; лишь оставшись наедине с Мерлином, он обменивался с ним несколькими словами шепотом.

На второй день Блехерис начал исполнять свою часть плана. Вернувшись, он как тень скользнул в комнату короля и опустился на колени у постели.

— Лорд король, я сделал, как ты приказал,— прошептал он.— Я говорил о Леди Озера двум горничным королевы, человеку, ожидающему возвращения лорда Кея, и многим другим. Мне кажется, они прислушались.

Голова Артура едва заметно шевельнулась на подушке в знак того, что он слышал и понял. Мерлин облегченно вздохнул. Хорошо, что Кей возвращается после посещения двора короля Уриена на севере. Он никогда не испытывал к Кею такого родственного чувства, как к его отцу, но знал, что Кей исключительно предан Артуру, каким бы грубым и жестоким он ни был по отношению к остальным. Кей, к тому же, очень ревниво относился к приближенным короля, и если он будет рядом, Мерлин с легким сердцем возьмется за выполнение своей части плана.

Он склонился над королем, как бы осматривая больного. Никого не было видно, однако Мерлин говорил чуть слышно:

— Скажи Кею.

Король легонько кивнул. Должно быть, он тоже испытывал необходимость в чьей-либо поддержке, когда не будет Мерлина.

Они ждали, когда созреют плоды деятельности Блехериса. Утром следующего дня в комнату вошла королева в сопровождении Мордреда и Кея. Мерлин верил, что Кей серьезно озабочен, относительно остальных же двоих он сомневался. Он считал, что Гвиневера слишком ценит корону, чтобы желать смерти Артуру, однако нисколько не доверял Мордреду. Сейчас тот должен открыть свои намерения. Чего он добивается? Исполнения желаний Нимье? Пути к трону? Во всяком случае, он опасен.

Но к Мерлину со словами, которых он давно ожидал, обратился Кей:

— Похоже, знахарь, что ты можешь меньше, чем хотел заставить нас поверить. В твоих руках нашему гос-

подину становится не лучше, а хуже. Поэтому мы поищем другого целителя, чтобы вернуть ему здоровье.

— Эй! — прервал его Мордред с высокомерием, которое подействовало на Кея, как бодило на быка.— Добрый брат Гилдас знает это искусство. И поскольку он слуга господа, кто лучше его сумеет изгнать демонов, завладевших королем?

Кей вспыхнул.

— Мы не имеем доказательств искусства этого твоего жреца, мальчик.— Тон его низводил Мордреда до положения ребенка.

— Ты... ты забываешься, Кей! — выкрикнул в ответ Мордред.— Я сам крови Пендрагона.

— А я его приемный брат,— спокойно ответил Кей.

По закону племени приемный брат был не менее близким родственником, чем кровный. В глазах всего Камелота Кей был полноправным братом короля.

Кей отвернулся от юноши, на чьем лице открыто выражалась ненависть, и заговорил прямо с Мерлином:

— Ты не нашел лечения, не сумел даже немного облегчить страдания нашего господина. Поэтому мы пошлем за более искусным лекарем. Известно, что Леди Озера искусно справляется с такими болезнями. Разве не избавила она от них Утера в самом начале?

Мерлин склонил голову.

— Я слишком люблю нашего господина, чтобы возражать против любой помощи. Если вы думаете, что это поможет, призовите Леди.

Кей на мгновение заколебался. Он как будто ожидал горячих возражений, а не немедленного согласия. Гвиневера подошла к постели; теперь она подняла голову и огляделась.

— Милорд, я уже послала за нею. Только она может поднять моего дорогого господина с постели. А что касается тебя, бард, самозванный целитель,— крикнула она Мерлину,— тебе лучше убираться отсюда. Я приказываю! Уходи!

Артур лежал с закрытыми глазами. Он негромко застонал. Мерлин сделал вид, что хочет подойти к нему, однако Кей преградил ему дорогу.

— Королева сказала. Уходи, сын нечеловека. Твое имя не в чести здесь, пора тебе понять это.

Мерлин ушел. Его не беспокоило, что его уход кажется бегством испуганного человека. Гораздо важнее было не встречаться с Нимье. Она может догадаться об

их планах, если увидит его, поэтому будет мудро избегать встречи с ней.

В своей маленькой комнате он занялся подготовкой. Сняв парадную одежду, вновь надел серое дорожное платье, делавшее его похожим на слугу. Потом отобрал из своих запасов определенные предметы. Тут был кусок звездного металла — упавший на Землю метеорит, гладкое стекло того же происхождения. В маленький кожаный мешочек Мерлин положил травы. Этот мешочек он надел на шею. Слабый запах трав будет доноситься до него, проясняя голову, помогая постоянно быть настороже. Последним он взял подарок Лугейна — кусок металла, который когда-то давно помог им найти меч для Артура.

В этих предметах не было никакой магии, как ее себе представляют люди, но у них было родство с неземным. А как сказал когда-то Лугейн: «Подобное ищет подобное!» В течение многих лет Мерлин собирал — незаметно, как он надеялся — сведения о крепости Нимье. Он считал, что рассказы о густом тумане, постоянно окружающем зачарованную крепость,— обычная человеческая реакция на галлюцинации; его этот туман не обманет. То, что он никогда не приближался к замку, возможно, даже лучше: Нимье решила, что он хорошо усвоил урок и никогда больше не попытается меряться с ней силами.

Последним он извлек из тайника за своей кроватью жезл длиной в руку. К концу жезла он приделал звездное стекло, убедившись, что металлические полосы прочно держат камень. В рукоять жезла он вложил метеоритное железо. Затем он положил жезл на руку, испытывая его в различных местах, пока концы не уравновесились.

Потом Мерлин взял на кухне продукты и перекинул через плечо кожаную фляжку; фляжку он не наполнил вином или сидром, а отнес к ручью и там набрал в нее чистой воды. Так, вооружившись собственным оружием и провизией для путешествия, Мерлин вышел из королевского дворца.

Мерлин, уходя, создал иллюзию, так чтобы его никто не заметил и не запомнил. Он был уверен, что его отсутствие в Камелоте не скоро будет замечено.

Мерлин не сразу направился в нужном направлении. Вначале он двинулся на восток, прошел некоторое расстояние по старой римской дороге, пока не дошел до еще более древней боковой тропы. Здесь он свернул и пошел

по местности, казалось бы, совершенно безлюдной. Не прибегая даже к галлюцинациям, Мерлин использовал теперь для укрытия складки местности. Он сознательно не думал ни о Нимье, ни об ее замке.

Мерлин не имел представления о том, какая охрана окружает крепость Нимье. Он не сомневался, что это не обычные стены и люди. В его пещере было особое искажающее поле, которое ослепляло людей, не принадлежащих к древней расе. А если кто-то не сворачивал, имелось особое приспособление, преграждавшее путь. Мерлин не сомневался, что жилье Нимье имеет свои аналогичные защитные устройства.

Однако защита пещеры еще ничего не говорила о защите Нимье. Нужно было ожидать самого худшего.

К ночи Мерлин достиг края леса, который люди называли первой защитой Нимье. Дорога огибала лес, как будто даже в древности люди считали этот лес нечистым.

Мерлин укрылся под кустом, не разжигая костра, и пожевал хлеба с сыром, запив его водой из фляжки. Он послал невидимых разведчиков, служащих его мозгу; и когда эти разведчики вернулись, то доложили: нет ничего, кроме древесных теней. Наконец Мерлин поставил мысленную охрану и задремал: он не осмеливался погрузиться в глубокий сон.

Когда взошла полная луна, он ощутил какое-то движение в лесу, но не животного и не человека. Это были силы, которыми сам Мерлин хорошо владел. Какие бы часовые ни сторожили крепость Нимье, они всегда были начеку.

Мерлин не пытался определить сущность этих часовых. Он не хотел, чтобы они ощутили его присутствие. Он только осторожно отметил место расположения каждого.

Возможно, Нимье полагалась на искажающие поля днем и на пугающие иллюзии ночью, что вполне естественно по отношению к обычным людям. Мерлин отметил проталину к западу от того места, где он лежал. По проталине протекал ручей, неглубокий, но довольно широкий.

Здесь его вход. Он знал то, чего не знают обычные люди: текучая вода избавляет от искажений и иллюзий. Отсюда происходит древнее поверье, что злые силы могут остановиться, не осмеливаясь перейти текучую воду.

Итак, у него есть вход, и он знает, где стоят часовые. Опять возбудив свою охрану, Мерлин задремал.

Рассвело, и он выбрался из-под куста. Он вновь немного поел и двинулся на запад. Прежде чем взошло солнце, он добрался до ручья. Там, где его пересекала дорога, в ручье лежали камни для перехода вброд. Однако Мерлин не пошел по камням, а спустился в центр ручья и двинулся на одинаковом расстоянии от обоих берегов.

Он шел по колено в воде, такой чистой, что хорошо были видны камни дна и быстрые тени рыб. Перед собой Мерлин держал жезл. Жезл находился в равновесии, пока Мерлин не вошел в самую глубину леса.

Все чувства Мерлина были настороже. Он чувствовал присутствие маленьких живых существ, обитателей леса, но ни следа тех часовых, что бродили ночью. Неожиданно жезл сам собой повернулся в его руке. Стекло указало вперед и слегка на восток. Да, жезл хорошо послужил ему, указав прямую дорогу к крепости Нимье. И ему не нужно покидать воду: он пойдет по ручью, пока тот течет в том же направлении.

Жезл в его руке медленно поворачивался, пока снова не занял горизонтального положения. Мерлин находился прямо перед крепостью Нимье. Немного впереди ручей делал резкий поворот, настолько крутой, что он не мог быть естественным. Увидев тщательно пригнанные древние камни, Мерлин убедился, что его догадка оправдана.

Ручей стал гораздо уже, как будто загнанный в искусственный канал. Уровень воды поднялся, идти стало труднее: сильное течение смыло ил и песок, и теперь Мерлин ступал по камням. Благоразумнее было держаться ближе к берегу, под прикрытием нависающих ветвей. Цепляясь за эти ветви, Мерлин убережется от падений.

Мерлин двигался медленно, однако не собирался выходить из воды, которая хоть немного укрывала его. Впереди он увидел, как солнце отражается от обширной водной поверхности. Несколько мгновений спустя он стоял, глядя на крепость Нимье.

Она действительно была Леди Озера. На острове, где лишь один-два куста сумели укорениться среди скал, стоял замок из черного камня.

В нижнем этаже замка окон не было, а выше виднелись узкие щели, дававшие немного света. Камни были необработаны и скреплены по римскому способу.

Справа от замка отходила каменная дамба. В середине ее находился пролом, и Мерлин предположил, что жи-

тели замка имеют возможность перекрывать брешь временным мостом.

Вода озера сама по себе странно светилась. Мерлин знал, что это свидетельствует о наличии иллюзии. Для тех, кто не разбирается в таких делах, все озеро и замок кажутся окруженными непроницаемым туманом, как и говорили об этом слухи.

Мерлин рассматривал замок. Никаких признаков жизни. Как будто давно покинутые руины. Но жезл в руке Мерлина продолжал поворачиваться, указывая на крепость. Если его выпустить, он полетит над водой, притянутый мощным источником силы. Задача Мерлина — преодолеть расстояние до замка не только жезлом, но и всем телом.

Слева водная поверхность задрожала сильней. Мерлин получил неожиданное предупреждение. Он поднялся на берег, осторожно всматриваясь в озеро. Из воды поднялась чудовищная голова с разинутой пастью и обнажила клыки размером с меч.

Глава 15

Это не было иллюзией. Чудовищная голова реальна, хотя ничего подобного Мерлин раньше не видел. Он припомнил сведения, сообщенные Зеркалом, о существовании многих миров и о том, что стенки между этими мирами иногда утончаются. Случайно или благодаря применению мощной энергии жизненные формы одного мира могут проникать в другой; отсюда рассказы о гигантских змеях и драконах, убитых героями.

Хоть существо из воды было чужим для этого мира, оно не становилось менее опасным. И Мерлин не сомневался, что обитатель озера — часть защиты Нимье.

Существо двигалось к берегу с ужасающей скоростью, его голова со страшными кинжалоподобными клыками высоко вздымалась над поверхностью воды, зловещее шипение и отвратительный запах доносились из его пасти. Мерлин повернул жезл в руке с такой же силой, с какой заставлял подниматься камень.

Глаза существа, глубоко посаженные в узком чешуйчатом черепе, больше не смотрели прямо на Мерлина. Как очарованные, следовали они за поворотами жезла. Мерлин испытал облегчение: существо не настолько чуждо, чтобы не поддаваться контролю.

Голова существа слегка поворачивалась направо, налево вслед за поворотом жезла. Мерлин больше не интересовал его. Мерлин проверил мозг существа: чуждый, но разумный, он был открыт теперь.

И по законам этого разума Мерлин сотворил галлюцинацию. Это оказалось проще, чем он думал. Когда он замедлил повороты жезла, существо не двинулось. Голова его продолжала раскачиваться, тусклые глаза смотрели слепо.

Мерлин воспользовался возможностью и остановил жезл, внимательно следя за чудовищем, готовый убежать, если оно двинется. Он послал новую команду в чужой мозг. Кольца длинной шеи начали разматываться и исчезли под водой, и, наконец, на поверхности осталась только рябь.

Мерлин вначале хотел добраться до острова вплавь, опасаясь, что проход по дамбе привлечет внимание жителей замка. Теперь он знал, что этого нельзя делать. Он не знал, долго ли сможет удерживать змееподобное существо. Поэтому он как можно быстрее пошел по берегу к дамбе, продолжая внимательно поглядывать на воду и землю и мысленно проверяя наличие других возможных караульных.

У конца дамбы он остановился, глядя через брешь на остров. Вода необычно блестела: должно быть, его присутствие возбудило действие какого-то из сторожевых механизмов, который должен был ошеломить и смутить незваного гостя.

Под ногами Мерлина лежала древняя дорога. Однако особое удивление вызвал у него сам замок. Он был совершенно не похож на знакомые ему крепости. Как будто темное приземистое здание явилось в этот мир из совершенно другого, как и чешуйчатое чудовище в озере. Вид тяжелых очертаний его стен внушал беспокойство и тревогу.

Может, это влияние какого-то искажающего поля? Мерлин не знал, однако у него не было никакого желания появляться на острове и в замке. Тем не менее, не желания управляли им.

Он вновь начал поворачивать жезл, держа его на расстоянии вытянутой руки от тела. Если его защита сработает, как он надеялся, ни один наблюдатель из замка не сможет ничего разглядеть за сиянием. Мысленная проверка не обнаружила впереди ничего. Только чернота, в которой таилось что-то нехорошее.

Мерлин добрался до конца бреши и увидел выемки в древнем камне. Его догадка подтвердилась: брешь в нужных случаях перекрывалась мостом, который можно было тут же снять. Однако он не мог позволить, чтобы его победила узкая полоска воды.

Глядя вниз, он увидел упавшие камни, зеленые от слизи. Некоторые выступали на поверхность, хотя верхушки их были влажными и тоже слизистыми. Мерлин критически рассматривал промежутки между ними.

Здесь сияние воды было особенно сильно, но все же не настолько, чтобы совсем закрыть от него камни. Если идти этим путем, то придется отказаться от использования жезла и тем самым обнаружить себя перед возможными наблюдателями из замка. Мерлин обдумал эту проблему и не смог найти другого выхода.

Он прочно привязал жезл к поясу: теперь ему понадобятся обе руки. И воля. И вот, перегнувшись через край бреши, со всей возможной осторожностью он опустился на поверхность первого камня.

Мерлин внимательно следил за водой. Если в озере существуют и другие чудовища, сейчас самое подходящее время и место им появиться. Поверхность воды так сверкала, что он не видел, что скрывается под нею.

Следующий камень был покрыт зеленой слизью и находился более чем в шаге. Придется прыгать. И чем быстрее, тем лучше. И Мерлин прыгнул, ноги его скользнули, однако он вцепился руками и не упал в воду.

Гибель была близка. Во рту у него пересохло, он дрожал. Мерлин продолжал цепляться за камень. Следующий был не так далеко, и его поверхность, хотя неровная и грубая, оказалась сухой.

Однако потребовалась вся его решительность, чтобы перебраться на этот следующий камень. И, когда камень качнулся под ним, как бы собираясь перевернуться и сбросить его в воду, Мерлин опять подавил в себе приступ страха.

Следующий камень оказался ровнее, хотя и был покрыт слизью. Мерлин перебрался на него с бьющимся сердцем. Он сидел на третьем камне, восстанавливая дыхание и глядя по сторонам: нет ли признаков, что за ним охотится какое-нибудь чудовище.

Последним прыжком он приземлился у другого края бреши. Он стоял на маленьком скальном выступе, едва поместив на нем ноги. Лицо его находилось в нескольких дюймах от стены, по которой ему предстоит взобраться.

Мерлин вытянулся в поисках опоры для рук, не решаясь поднять голову.

Найдя точку опоры, он подтянулся. Поднявшись на вершину дамбы, он несколько мгновений лежал неподвижно, пока сердце не стало биться нормально, а воля не победила чувства.

Потом он встал на ноги. Перед ним сгустилась тьма, как будто ночь здесь постоянно отгоняла свет дня.

Мерлин отвязал жезл и поднял его перед собой стеклом вверх. Жезл указывал вперед, почти вырываясь из рук. Однако Мерлину не нужно было этого дополнительного доказательства, чтобы знать: то, что находится в замке, не вполне принадлежит этому миру.

Направляясь к черному входу, он пытался определить, ждет ли его за ним какой-нибудь новый охранник. Есть ли у Нимье оруженосцы и служанки, возможно, как и озерное чудовище, проникшие из другого мира или времени?

Если они и были, то защита их для него непроницаема: он не мог обнаружить ничьего присутствия. Стоя перед дверным занавесом, колеблющимся на ветру, Мерлин понял, что Нимье не нужны ни двери, ни замки. Облачный покров был не менее эффективен, чем каменная стена. Мерлин не мог сделать вперед ни шага.

Однако он не собирался сдаваться. Мерлин достал свое последнее оружие — кусок небесного металла, подарок Лугейна. Металл можно было сгибать как физическим давлением, так и силой воли. Мерлин прижимал металл к стеклу жезла, пока оно не было обернуто сверкающим покровом.

Чем ближе он подносил конец жезла к облачной двери, тем светился металл все ярче. И вот он ударил жезлом в центр тьмы, как воин ударяет копьем. В ответ блеснул такой яркий свет, что Мерлин на мгновение ослеп. Над головой как будто ударил гром.

Он закрыл глаза рукой.

Тьма впереди рассеялась. И из-за ясно видимого входа пробивался свет, не от лампы или факела, а более яркий.

Держа жезл перед собой, Мерлин переступил порог.

Как и пещера, когда он ее в первый раз увидел, так и это обширное помещение, занимавшее весь нижний этаж башни, было уставлено машинами. Некоторые из них походили на знакомые ему установки в пещере, на них так же сверкали огоньки. Другие были незнакомы.

И никакого зеркала. Нимье получала инструкции иначе, чем он.

Никакой жизни он не смог обнаружить. У дальней стены виднелась извивающаяся лестница, ведущая на второй этаж.

Мерлин пошел по проходу между установками. Вид знакомых механизмов внушал уверенность. Он поднялся по лестнице на второй этаж, где были окна. Пройдя через отверстие в полу, он ощутил знакомые запахи — запахи трав и кореньев. Принюхавшись, он смог определить то, что и сам хранил и собирал.

Длинный занавес делил помещение надвое. С одной стороны находились табуретки, стол, связки сухой травы на стенах, шкаф с полками, на которых стояли закрытые сосуды и горшки. Осматривая это помещение, Мерлин чувствовал себя почти как дома.

Но было здесь и нечто иное. Аромат трав не мог скрыть другой запах, далеко не так приятный. Кто-то здесь создавал иллюзии, используя наркотики, с которыми — Мерлин знал это — лучше не иметь дела. Это был запах зла, коварный, полускрытый, однако совершенно очевидный.

Мерлин отдернул занавес; за ним оказалась постель, застеленная алой с золотым тканью. Поверх был накинут золотой покров со сложным рисунком. На стенах висели золотые дорогие ковры. Но на них не были вышиты фантастические звери, охотники или другие рисунки, которыми пользуются леди при дворе. Линии на коврах были резкие, сплошь из углов.

Чем-то этот рисунок напоминал города из снов Мерлина. И чем дольше он смотрел на эти линии, тем все беспокойнее становился, как будто за ними скрывалось что-то злое, ждущее. И все же он видел только линии.

Тут находился также ящик в форме кровати, и на нем, прислоненное к стене,— зеркало. Зеркало! Мерлин осторожно двинулся по комнате, тщательно следя за тем, чтобы его отражение не появилось на полированной поверхности. Вполне возможно, что это — ловушка и, вернувшись, Нимье узнает, кто вторгался в ее обитель. Подойдя ближе, он убедился, однако, что это не такое зеркало, как в его пещере, а просто предмет украшения.

В этой части помещения не чувствовалось беспокойства, Мерлин решил, что это личная комната Нимье. Вверх хода не было: в башне было только два этажа.

Он не видел ни следа слуг. Нимье, должно быть, жи-

вет одна. Разве что у нее слуги, которым не нужно помещение, еда и питье.

Вернувшись в первую секцию, опять окруженный травами, Мерлин широко взмахнул жезлом, направляя свой индикатор на стены.

Жезл спокойно лежал в его руке. Находящееся здесь не имело родства со звездами. Все звездное внизу. И Мерлин вернулся на заставленный механизмами нижний этаж.

Больше всего ему хотелось уничтожить все стоящее здесь. Однако если он попытается сделать это, то может не справиться. Он медленно прошел между машинами, подмечая непохожие на те, что он знал по своей пещере.

Таких механизмов было три. Один стоял вертикально — шкаф выше Мерлина. И поверхность его отличалась от остальных: те были полированные, а эта — шероховатая и похожая на непрозрачное стекло. Жезл в руке Мерлина ожил. Прежде чем Мерлин смог удержать его, конец жезла ударился о непрозрачную поверхность на уровне груди.

Поверхность не разбилась, но в ней произошло изменение. Как будто непрозрачная пленка сдвинулась и обнажилось то, что находилось внутри.

Мерлин затаил дыхание. Он смотрел на женщину, стоящую в узком ящике. Хотя глаза ее были открыты, он не видел в ней никаких признаков жизни. Она могла бы быть статуей, если бы не это удивительное сходство с жизнью.

Рыжие волосы длинными локонами спускались на плечи. На шее ожерелье, на запястье браслет. На взгляд, она была молода, однако в то же время была в ней какая-то зрелость, будто она хорошо познала радости тела.

Вначале Мерлин решил, что она мертва, хотя и тщательно сохранена способом, неизвестным в этом мире. Потом присмотрелся внимательнее и даже решился коснуться пальцем прозрачной теперь стенки. В ответ вокруг тела девушка слегка закружились струйки. Она была погружена в жидкость, и точно так же, как он когда-то лежал в своей пещере, не живой, но и не мертвый.

Говорили, что некогда Нимье привела сюда Моргаузу, дочь Утера! Однако, ведь это юная девушка. Она не может быть матерью Мордреда, взрослого человека... разве что ее заключили в этот ящик сразу же после рождения сына. Приглядевшись внимательней, Мерлин заметил

несомненное сходство ее с Утером, но никакого сходства с темноволосым Мордредом.

Зачем Нимье держит ее здесь? Леди Озера, должно быть, предвидит какое-то будущее использование для дочери Утера. И, зная Нимье, Мерлин не сомневался, что цель у нее не добрая.

Он внимательно осмотрел ящик в поисках какого-либо замка. Ничего. Возможно, он открывается нужным словом, сказанном в соответствующем тоне. Хоть ему и жаль было спящую девушку, однако он не видел возможности освободить ее.

Поверхность снова постепенно теряла прозрачность, как будто изнутри ее затягивало изморозью. Пленка полностью сгустилась, чему Мерлин был рад: чем меньше следов его посещения останется здесь, тем лучше.

Он прошел мимо вертикальной тюрьмы Моргаузы к причудливому механизму из проводов, переплетенных металлическими лентами. Ленты образовывали нечто похожее на шлем, с вершины которого провода уходили в стоящий сзади высокий столб.

Перед столбом стояла скамья. На ней и лежал шлем. Мерлин внимательно оглядел все это устройство. И вдруг его охватило возбуждение. Вполне вероятно, что это приспособление для связи, такое же, как и его Зеркало! Если это так...

Мерлин обогнул столб. Он был совершенно гладкий и поднимался почти до потолка. Над его вершиной до потолочной балки оставалось пространство примерно в половину длины *жезла Мерлина. Из вершины столба в* это пространство время от времени поднимались разной длины выступы толщиной в палец.

Даже в своих снах об утраченных городах Мерлин не видел такое. Однако, если это связь между Нимье и теми, кто послал ее на Землю, и если эту связь можно оборвать...

Он глубоко уважал все связанное с Повелителями Неба и очень мало знал о них, поэтому ему не хотелось вмешиваться в их дела. Но он знал также, что у него появилась возможность нанести врагу величайшее поражение.

Жезл предупредил его, что в столбе таится большая сила. Однако, когда он направил жезл в сторону шлема, реакция оказалась более слабой. И провода, соединявшие шлем со столбом, казались такими хрупкими.

Мерлин перевел дыхание. Даже если он и разбудит

такие силы, которые принесут ему смерть, поражение Нимье и тех, кто стоял за ней, стоило этого. Он уже выполнил возложенное на него задание: маяк действует; когда прилетят Повелители Неба, Артур их встретит. Значит, смерть его не так уж важна.

Медленно и осторожно Мерлин провел жезлом по поверхности скамьи, затем положил его, не касаясь проводов, уходящих в столб. Потом, как и тогда, когда нужно было поднять камень, начал постукивать звездным металлом. Негромко запел.

Он не пытался коснуться шлема, всю свою волю устремив на его крепление. Шлем сам собой поднялся над поверхностью скамьи. Он поднимался рывками, как бы сопротивляясь чужой воле. Однако, поднимался. Вот он уже выше головы Мерлина, и провода натянулись туго, как струны арфы.

Мерлин без колебаний продолжал.

Он чувствовал, как за пределами достижимости его разума что-то собирается, бродит невидимое. Но он не обращал на это внимания, сконцентрировав все усилия на том, что нужно было сделать.

Шлем дергался, резко опускаясь и вновь поднимаясь. Однако провода держались. Мерлин настойчиво продолжал.

Послышался резкий звенящий звук. Один из проводов лопнул и вяло повис на столбе. Шлем, освободившись с одной стороны, яростно нырял и дергался, повинуясь приказам Мерлина.

Еще щелчок. Теперь шлем удерживал лишь один провод. Мерлин не позволил, чтобы им овладел триумф. Шлем нырнул, как подбитая птица, чуть не ударив Мерлина в лицо. Голос Мерлина звучал громче и увереннее. И вот произнесено слово приказа.

Лопнул последний провод. Вся жизнь ушла из шлема. Он упал, и Мерлин сознательно наступил на него, превращая хрупкое содержимое в крошево. Подняв смятый клубок кончиком жезла, он понес его перед собой. Последняя установка, назначения которой он не понимал, тоже представляла из себя столб, но без шлема, без проводов, без отверстий в поверхности, даже без огоньков. Мерлин не мог ничего понять. А те, чье присутствие он ощутил в сражении со шлемом, становились все беспокойнее.

Он не знал, кто они, однако чувствовал, что каким-то образом они родственны существам из леса. Его собст-

венная внутренняя сила ушла на борьбу со шлемом, поэтому лучше встретить нападение, если оно состоится, снаружи, а не в крепости Нимье, где у нападающих могут быть неизвестные источники энергии. И, хотя лес тоже захвачен Нимье, у Мерлина есть свои союзники.

Он выбежал из замка. Добравшись до бреши в дамбе, он обернулся и бросил обломки шлема в озеро, где сверкающая вода поглотила их. Лучше было бы закопать их в землю — вода стала союзником врага,— но сейчас Мерлину руки нужны свободными.

То, что произошло потом, так поразило его, что он чуть не растерялся. Он боялся возвращения по скользким камням. И опасался он не только невидимых преследователей, но и лесных слуг Нимье. Если его застигнут на этих скользких камнях, он станет легкой добычей.

Однако, взглянув в сторону берега, он увидел застывшую поверхность воды, соединившую мостом обе части дамбы.

Можно ли довериться ей? Это может быть ловушкой. Впрочем, у него есть возможность проверить. Слегка наклонившись вперед, Мерлин концом жезла коснулся едва видимой поверхности. Послышался глухой удар. Поверхность была вполне реальна.

И вот, опираясь на жезл, Мерлин ступил на невидимый мост, заставляя себя не смотреть вниз.

Глава 16

Во время перехода он не чувствовал уверенности, хотя жезл все время сообщал ему, что он на твердой поверхности. Добравшись до другой стороны бреши, Мерлин испустил вздох облегчения. Но радоваться еще было не время.

Взглянув на деревья темного леса, через который пролегала древняя дорога, Мерлин застыл. Они пробудились наконец, эти сверхъестественные стражи, охраняющие границы замка Нимье, они близко от него. Придется возвращаться прежним путем — по ручью. Однако воспоминание об огромной змее, таящейся в озере, делало спуск в воду задачей, для выполнения которой потребовалась вся его воля.

Мерлин спустился в самую глубокую часть русла, держа жезл в руке; слабые подергивания жезла вместе с обостренными особыми чувствами послужат для него

хорошим предупреждением при любом неожиданном нападении. Вода здесь была не такой чистой, как ниже по ручью, и он шел, скользя и оступаясь. Поднятые им облака ила делали ходьбу еще более трудной.

Он уже далеко прошел по водной дороге и приблизился к повороту, за которым начинался обычный ручей, когда жезл в его руке резко повернулся. В то же время ощущение присутствия Силы заставило его обернуться.

Он ожидал увидеть чудовище, может, то самое, которое он обманул в озере, но не женщину, стоящую прямо на поверхности воды, которая по ее приказу стала твердой.

Она медленно улыбнулась. Как и в ту ночь, когда был найден меч, Мерлин видел Нимье. Она не пыталась прикрыть свое стройное белое тело, она даже отбросила назад черные волосы, чтобы показать себя еще сильнее. Если не считать ожерелья из камней, белых, как и ее кожа, двух широких браслетов и цепочки, на которой висел камень в форме полной луны, лежащий между ее высоких грудей, она была совершенно нагая.

Нимье с насмешливой игривостью подняла голову, как ребенок.

— Мерлин...— Его имя донеслось вздохом ветерка. И вдруг он заметил, что губы ее не движутся. И тут же поднял жезл и ударил — как копьем в битве.

Конец жезла коснулся ее груди рядом с лунным камнем. Колебание воздуха — и ничего. Иллюзия!

Однако, тревожно, что иллюзия позвала его по имени. Нимье, вероятно, подозревала, что он придет, иначе бы ей незачем было создавать такой призрак. Или она в самом Камелоте узнала о его вторжении?

Во всяком случае он встревожился. Со всем в этом мире обращался он с уверенностью и мудростью, только эта женщина будила его чувства и делала неуклюжим, как неопытного юнца. И беспокоили его не силы, которые она могла вызвать. Нет, это было то тонкое слабое влияние, которое действует на мужчину и не поддается его контролю.

После исчезновения иллюзии Мерлин долго стоял неподвижно, ожидая нового появления призрака. Однако его не было. Чувствуя себя преследуемым беглецом, он с плеском пошел дальше, желая побыстрее уйти из этого злого леса.

Знает ли Нимье, какой вред причинил он ее жилищу? Теперь он готов был признать ее способной на все,

Повлияло ли как-либо разрушение шлема на ее планы? Он так мало знает, а должен знать так много.

Тяжело дыша, посматривая по сторонам и крепко держа жезл, чтобы уловить его малейшее движение, Мерлин быстро шел вперед. Ему казалось, что полумрак под кронами деревьев на обоих берегах сгущается. А за ним... что крадется за ним? Он закрыл двери своего воображения, отказавшись от рассуждений. Думать о таком нападении — часто означало вызвать его.

Не слышалось голосов птиц. Мерлин не чувствовал присутствия животной жизни. Но, поскольку привидений больше не было, Мерлин решил, что Нимье оставила только одно на всякий случай, в ожидании его прихода.

Он знал лунный камень, который был на ней. Не из Зеркала, а скорее из легенд племени своей матери. Это был знак одной из трех, избираемых в старину для служения Матери Земле: Девушка с растущим полумесяцем, Мать с полной луной и Старуха с убывающим серпом. Почему Нимье избрала такой архаический символ? Эта местность заселена редко, и он знал, что местные жители придерживаются древних верований. Возможно, многие, главным образом женщины, тайно поклоняются Древней Богине. При этой мысли легкая необъяснимая дрожь пробежала у него по спине. Припомнилось ощущение зла в комнате Нимье, какое-то предупреждение, настолько неясное, что он не сумел понять его.

Мерлин облегченно вздохнул, выбравшись наконец из-под мрачного покрова деревьев. Солнце заходило; Мерлин далеко ушел от края леса, прежде чем поел и попил.

Сегодня полнолуние. Мерлин облизал крошки с губ. Он очень устал: уничтожение шлема Нимье отняло у него много сил. Глупо идти дальше таким слабым и уставшим. Но все же, даже на открытой местности, он испытывал тревожное чувство. Мерлин сидел, скрестив ноги, жезл лежал у него на коленях. Он прислушивался, слушая с ожиданием, которого сам не мог понять. Чего он ждет? Чего?

Сгустились сумерки, а он продолжал сидеть, напрягая все чувства. Он часто поглядывал на черное пятно леса, однако не оттуда исходило ощущение тревоги. Мерлин осматривал и местность перед собой. Он был уверен, что некогда эти склоны были расчищены людьми, которые потом ушли, и поля стали зарастать кустарником.

Мерлин слышал лай лисы, какая-то птица пролетела над ним. Ночь была полна жизни. Чего он ждет?

Время от времени он поглядывал на жезл. Тот был еле виден, стекло и металл на его концах не блестели. Мерлин начинал верить, что угроза исходила не от Нимье. Она осталась без связи с другим миром. Иногда он пытался погрузиться в легкую дремоту, но внутреннее чувство восставало против этого.

Взошла луна, как будто в небо бросили золотую римскую монету. И вот где-то далеко началось что-то вначале неслышное. Внутреннее чувство Мерлина ощутило лишь легкую вибрацию земли и воздуха. Она становилась все сильнее, пока он, наконец, не услышал.

Пение, от которого волосы вставали дыбом, заставило сильнее биться сердце. Он знал слова Силы и умел ими пользоваться, однако эти были чужими для него. Было в этом вопле что-то совершенно чуждое и дикое. Он не мог разобрать ни слова. Пение было древним. В нем не было ничего от Звездного Народа. Оно шло из молодости Земли, задолго до прилета космических кораблей.

Пение перешло в серию резких криков. И Мерлин узнал их.

Под луной шла охота, и он был добычей. У богини, чей символ иллюзия Нимье несла на груди, тоже была своя темная сторона. Этой богине люди приносили кровавые жертвы — проливали человеческую кровь. У нее было два лица, у этой богини, и три возраста, и второе лицо было обращено к тьме. И этого лица люди боялись и старались его умилостивить.

Великая Мать — и Великая Разрушительница человечества!

Однако, поддаться атавистическому страху — значило обречь себя на поражение. Мерлин дважды сглотнул, стараясь унять сердцебиение, собрать силы, которые повиновались ему. Должен быть ответ — и этот ответ не в бегстве. Если только он поддастся этому страху...

Он покачал головой. Ответ был! Он таился в сознании, закрытый сведениями, сообщенными ему Зеркалом. Но ответ принадлежал этому миру, а не миру Зеркала.

Великая Мать и ее жрицы, залившие Землю кровью человеческой...

Великая Мать и...

Из глубины памяти Мерлин извлек то, что когда-то говорил ему Лугейн. У Матери был соперник. Позже соперник стал ее мужем: Рогатый Бог, которому приноси-

ли жертвы охотники. Рогатый Бог... верят ли в него эти жрицы?

Времени для размышлений оставалось мало. Мерлин мог бежать — вся его натура восставала против этого, к тому же он знал, что тем самым погубит себя — или оставаться. Придется обратиться к иллюзии. Она должна быть необыкновенно сильной, потому будет противостоять силе Матери.

Мерлин встал. Сознательно отключился от криков охотниц. Всмотрелся в себя, надеясь, что не всю энергию истратил в замке на озере. Перед ним не было зеркала, в котором он мог бы проверить иллюзию. Он надеялся лишь на картину в своем сознании.

Теперь преследовательницы были так близко, что он видел их белые тела среди кустов, развевающиеся волосы. Подобно Нимье, они были обнажены, лишь на шее ожерелье из желудей. И всех возрастов: девушки, едва достигшие зрелости; матроны со свисающими грудями, кормившие детей; старухи, чья кожа казалась высохшей под луной.

Увидев его, они замолчали. На их лицах была лишь ярость — темная сторона их богини. В глазах горела жажда крови. Мерлин заставил себя не думать ни о чем, только о созданной им защите.

Передовые женщины оказались на расстоянии прыжка, но вдруг они замешкались, в их взглядах мелькнуло удивление. Если его иллюзия подействовала, они видели не мужчину, а темную фигуру, увенчанную лунными рогами,— фигуру, в которой не чувствовалось страха. Рогатый Охотник не боялся ярости богини: ему, как и ей, принадлежали и земля, и небо.

Предводительница своры, высокая женщина с раскачивающимися грудями зарычала. Она дважды пыталась дотянуться до него руками с длинными ногтями, однако не решилась дотронуться. Остальные чуть отступили, неуверенно переводя взгляды от жрицы к Мерлину.

Он поднял жезл, хотя звездное стекло не имело против них власти. Но с ним он чувствовал себя увереннее. И заговорил:

— Вы не охотитесь за мной, женщины Богини.— Это был не вопрос, а утверждение.— Вы можете призвать Землю к ответу, бросить в нее семена, зачать, выносить плод и собрать урожай. Однако все, что живет на Земле, послушно мне. Смотрите!

Он указал жезлом влево. Там стоял, оскалив зубы,

огромный волк. Ни один человек еще не видел такого. Мерлин указал вправо: там сидела гигантская кошка с длинными когтями и клыками. Волк зарычал, а кошка зашипела.

Женщины за жрицей начали отступать. Однако она осталась, зубы ее сверкнули в оскале, таком же зловещем, как у кошки.

— Охотник,— выплюнула она,— не противься Матери!

— Я не просто охотник,— ответил Мерлин,— я — Охотник. Мать знает меня, я ее племени. Взгляни на меня, жрица. Я дик, и гнев мой растет. Служи вашей Матери. Но я не преклоню перед ней колени. Мы равны по силе. Разве не так?

Жрица неохотно склонила голову. Однако не отступила.

— Мы охотимся, когда угрожают Матери,— настаивала она.

— Разве я угрожаю ей, жрица?!

Впервые в ней проснулась неуверенность.

— Может... может, ты не тот, кого мы ищем.

— Но за мной ты привела свою свору,— возразил он.— Я не желаю зла твоей госпоже: мы с ней равно служим силам жизни. Ищи добычу в другом месте, жрица.

Она с удивлением посмотрела на него. Затем попятилась, увлекая за собой других женщин. Мерлин смотрел им вслед. Он не сомневался, что за этим внезапным нападением каким-то образом тоже скрывается Нимье. Неужели Леди Озера обратилась к древнейшей вере, чтобы завербовать себе последователей?

Женщины исчезли, слышался лишь топот их босых ног по земле среди кустов. Очевидно, они двинулись по другому следу. Он надеялся, что никто не бродит здесь в одиночестве: получив однажды отпор, свора сорвет на другом свою ярость.

Так ли появлялись впервые перед людьми Повелители Неба, принимая облик земных богов? Мерлин почти верил, что следовал образцу поведения, применявшемуся когда-то очень давно. Простым людям нужны символы, воплощающие непонятные им огромные силы. А по Земле ходило столько богов. Древние Повелители Неба могли принять облик одного из них: так легче всего заставить людей слушать, привести их на новый путь жизни и мыслей.

Мерлин убрал иллюзию, в которую одевался этой ночью. Он пошел по залитой луной местности по старой дороге, чтобы как можно быстрее уйти из этого зловещего места.

Три дня спустя Мерлин увидел перед собой высокий холм Камелота. Он очень устал и проголодался. Последнюю ночь он провел в пастушеской хижине. Пастух поделился с ним убогой пищей. Он мало что знал и мог сообщить лишь слух, что король болен и не покидает своей комнаты. Итак, Артур продолжает играть свою роль. Подойдя ближе, Мерлин увидел отряд всадников, торопливо скакавших куда-то. Когда они проехали мимо, Мерлин быстро направился к стене замка.

У входа стояло вдвое больше обычного количество стражников, а внутри готовился к выходу новый отряд. Часовые скрестили копья, преграждая Мерлину дорогу.

— Стой!

— Вы меня знаете,— возразил Мерлин.— Так почему не пускаете меня?

— По приказу лорда Кея никто не должен входить...

— Тогда пошлите известие лорду Кею,— ответил Мерлин.— Я не из тех, кого можно заставить ждать.

Часовой колебался, на лице его была враждебность. Однако один из его товарищей ушел, а Мерлин прислонился к стене и приготовился терпеливо ждать. Он хотел знать, что же произошло. Приказы отдает Кей. Значит, Артур все еще играет свою роль или... Мерлин пытался догадаться, что же не удалось в их планах.

Посланный вернулся.

— Иди к лорду Кею,— коротко сказал он Мерлину без всякой вежливости. Мерлин ни о чем не спрашивал.

Всюду признаки войны. Саксы? Неужели же они вторглись во время его отсутствия? Он внимательно прислушивался, но ничего не мог извлечь из приказов и криков солдат.

Мерлин по лестнице поднялся на балкон. Там, у окна, выходящего на внешние укрепления, стоял Кей. Он быстро обернулся.

— Артур? — вопросительно произнес Мерлин.

Лицо Кея стало еще более хмурым.

— Далек ли ты от предательства, бард? — угрожающе спросил он.— Я не знаю этого. А когда узнаю...— Он медленно сжал руку в кулак.— Если мои подозрения

подтвердятся, я возьму тебя за горло и задушу — медленно!

— Ты сэкономишь время,— заметил Мерлин,— если расскажешь мне, что произошло. Когда я уходил, король изображал больного...

Кей по-волчьи оскалил зубы. Это совсем не походило на улыбку.

— Так он сказал мне. Однако посмотри на него теперь, целитель. И если умеешь лечить, принимайся немедленно.

Нимье! Мерлин чуть не произнес это имя вслух. Возможно, они с Артуром потерпели поражение, пытаясь достичь успеха в ее крепости. Яд — удобное оружие, и Нимье умеет им пользоваться!

Он повернулся к двери.

— Я хочу видеть его.

Если Кей попытается остановить его, Мерлин собьет названного брата короля с ног. Ледяной ужас вдвойне усилил его. Если Артур умер!

И вот он опять в комнате короля. Блехерис, сидевший у постели, встал. Он тоже повернул унылое лицо в сторону Мерлина. Но Мерлин не отрывал взгляда от человека на постели.

На этот раз лицо Артура не пылало в псевдолихорадке. Оно осунулось, кожа посерела. Король был похож на мертвеца. Мерлин немедленно принялся за работу, используя все свои знания целителя.

Тело короля было холодным. Мерлин приказал принести нагретые камни, завернуть их и обложить ими тело короля. Затем он использовал свое шестое чувство и немедленно отшатнулся. Хотя симптомы, которые он наблюдал, вполне могли происходить от болезни, за ними скрывалось какое-то зло, державшее короля в плену.

Кей, следивший вначале молча, спросил:

— Что это? Вчера, когда леди Нимье уезжала, он был здоров. А сегодня утром...— Он сжал руки, лицо его исказилось от боли. Кей редко проявлял свои чувства, однако Мерлин знал, что его связывает с Артуром взаимная любовь.— Значит, этот ублюдок, этот предатель...

— Он зачарован,— ответил Мерлин на первый вопрос.— И его нужно как можно быстрее разбудить.

— Ты сможешь?

— Да. Используя некоторые средства. Я пойду в свою комнату, но ты останешься здесь. Никто не дол-

жен приближаться к нему, кроме вас двоих.— Он кивнул в сторону пикта.— Я сейчас вернусь.

Когда Нимье уезжала, король был здоров, размышлял Мерлин по пути к себе. Значит, она наложила на короля замедленный приказ, который подействовал после ее отъезда. На остальные слова Кея он не обратил внимания. Сейчас самое главное — спасти Артура.

В своей комнате он торопливо отбирал необходимые средства, складывая их в корзину. Возвращаясь к королю, он нес с собой и свой жезл. Придя в королевскую спальню, он послал Блехериса за котлом с водой. Пикт разжег жаровню, и Мерлин стал бросать в кипящую воду разные травы. Комната наполнилась ароматом.

— Его меч...— Он обернулся к Кею.— Где его меч?

Ответил Блехерис, ответил не словами, а действием. Он достал ножны из-за шкафа.

— Этот искал его,— сказал он, отдавая Мерлину меч.— Однако не нашел.

Мерлин извлек меч, и тот сверкнул.

— Мордред... Об этом отродье ты говорил, Кей?

— Да.— В голосе Кея звучала ярость.— Он старался навязать лордам свою волю во время болезни короля. Они не поддержали его. Тогда... тогда он стал обхаживать королеву. И она слушала его! Ночью она уехала с Мордредом. Видевшие ее говорили, что она ехала добровольно. Тьфу! Она вдвое старше его. Но стоит ему поглядеть на нее, как она краснеет, как девушка. Она думает, что Артур все равно умрет, а она останется королевой! Что ты делаешь?

— Я возвращаю назад нашего господина... Часть его сейчас в чужом мире, который гибелен для человека. Однако, тише!

Мерлин поднял меч и слегка коснулся его концом лба Артура над и между глазами. Хотя Кей и Блехерис слушали, а его слова не были предназначены для обычных людей, Мерлин начал петь. Глаза его были закрыты, и он старался представить себя стоящим не в комнате короля, а в том месте, куда кто-то — несомненно, Нимье — поместил Артура.

Его окружало ничто, сквозь которое пролетали какие-то странные вспышки. Каждая из этих вспышек была чьей-то личностью, заключенной здесь, в этом аду. Пение Мерлина звучало не как слова, а как смешанные звуки. И от него самого тоже распространялся свет. Меч

служил указателем, с помощью которого Мерлин искал Артура.

Он пошел по светлой дорожке, а вспышки пролетали мимо и гасли. Однако одна золотая вспышка задержалась. Увидя это, Мерлин изменил пение. Раньше слова его были рассчитаны на дальний поиск, теперь в них звучал настойчивый призыв.

По светлой дорожке к мечу приближалась извивающаяся фигура, борясь с удерживающей ее волей. Воля Мерлина вступила в борьбу и подавила сопротивление. Он приказывал, как имеющий на это право. В свой приказ Мерлин вложил всю свою тревогу за Артура, свою веру в него и в их общую миссию.

Вместе они удерживались в полосе света. Им помогал меч. Мерлин открыл глаза.

Он так и не был уверен, видел ли он на самом деле вспышку света, скользнувшую с лезвия меча к голове короля. Но он услышал стон Артура, увидел, как шевельнулась на подушке его голова. Он, Мерлин, выиграл.

Глава 17

Ветер доносил до вершины стены слова человека, стоявшего внизу. Артур, с напряженным осунувшимся лицом, смотрел на барда. За ним стояли остатки некогда гордого двора. Кей монотонно проклинал барда, который по древнему племенному закону был неприкосновенен для мести или физической расправы.

Мерлин изучал барда. Ход настолько хитрый, что за ним не может стоять один лишь Мордред. Он видел в этом Нимье. Однако не слишком ли часто он видит во всем связанном с Артуром руку Нимье? План мог даже отчасти принадлежать Гвиневере, потому что бард внизу был со двора ее отца, известный там остротой языка и злым умом, который позволял ему извлекать максимальную пользу из своего звания барда.

От такой угрозы гордые лорды и короли в прошлом призывали смерть: бард громко пел об Артуре, который лежал с собственной сестрой и зачал сына, за которым теперь охотится; он пел о том, что Артур одержим демонами и не является истинным королем.

Со времени выздоровления король отказывался слушать Кея и остальных, советовавших немедленно начать преследование Мордреда и Гвиневеры. Он снова и снова терпеливо повторял, что обнажить сейчас меч — значит,

уничтожить единство Британии. Вот тогда Британия станет легкой добычей морских волков, которые набросятся на ее беззащитное тело. Мерлин считал Мордреда более дальновидным, чтобы раздувать давний скандал. Он не может ожидать, что лорды поддержат его после того, как раскроется стыд его матери. Пусть Мордред принадлежит к семье Пендрагонов. Ни один лорд не пожелает, чтобы он носил корону. Запятнав Артура, он тем самым запятнал себя. Тогда почему?

Гвиневера тоже многое теряла. Если она сочла Мордреда будущим правителем, зачем она уменьшает его шансы? Слишком много вопросов, и все ведут — он был уверен в этом — к Нимье.

Если она обнаружил вторжение в свою крепость, ярость могла подвинуть ее на действие, которое не вяжется с представлением о коварной интриганке. Она отбросила все укрытия, чтобы нанести смертельный удар. Нимье — он был уверен в этом!

Пение продолжалось, насмешливое, пронзительное, приводящее в ярость человека, который не может ответить. Артур не может, однако Мерлин... Он не должен допускать этого. В прошлом такое оскорбление могло довести до самоубийства.

Мерлин поднял жезл, указывая его концом на барда. Это не настоящее оружие. Он не нарушает закона, обеспечивающего неприкосновенность барда.

Мерлин бросил вперед концентрированную мысль, зная, что бард не решился бы идти сюда, не защитившись невидимыми стенами. Пение продолжалось.

И вдруг бард замолчал. Он покачал головой. Схватился руками за горло.

Прозвенел голос Мерлина:

— Тот, кто выплюнул яд, сам должен проглотить его! Говори, человек малой силы, говори правду!

Потребовалась вся его сила воли, чтобы держать барда. Мерлин правильно рассудил, что этот человек явился хорошо вооруженным. У него была сильная защита.

Бард опустился на колени. Теперь он смотрел прямо на Мерлина, лицо его чудовищно исказилось, как будто во рту у него действительно был смертоносный яд и он не может выплюнуть его, а должен проглотить. Мерлин вновь указал жезлом.

— Говори правду. Нам больше не нужны твои грязные выдумки. Кто послал тебя позорить Высокого Короля?

Как бы против воли губы барда разжались.

— Она...— сказал он. Это единственное слово будто вырвали из него орудием пытки.

— Назови эту женщину,— приказал Мерлин.— Или ты столько наговорил лжи, что уста твои навсегда отвыкли произносить правду? Все будут знать, что ты лжец, и никто не будет тебя слушать.

Во взгляде барда сверкнула ненависть. Однако и страх, и страх становился все сильнее.

— Это рассказала леди Моргауза,— напряженно сказал он.— Кто лучше ее знает правду?

Моргауза — девушка, которую Мерлин видел в крепости Нимье? Для этого Нимье держала ее столько лет? Мерлин слышал за собой приглушенные возгласы удивления.

— Ты видел леди Моргаузу? — Мерлин заставлял себя говорить спокойно.— И ты говоришь, что никто лучше ее не знает правду. Как...

Его прервал резкий голос Артура:

— Да будет так, Мерлин. Король не воюет с женщинами.

На лице барда появилась насмешливая улыбка.

— Красиво сказано, лорд король. Цепляйся за тень чести, какая у тебя осталась. Пусть сын демона лишил меня речи. Достаточно ушей слышало. Лорды лучше запоминают зло, чем добро: так устроен мир. Даже если тебе каким-то чудом удастся доказать свою невиновность, большинство будет охотнее слушать слова обвинения, чем оправдания. Слушайте хорошо. Лорд Мордред обрекает вас на бесчестье. Сейчас он движется, чтобы принести справедливость на эту землю. Если вы встретитесь с ним, то пусть Сила рассудит, кто прав, а кто виноват.

— Отлично! — Услышал Мерлин восклицание Кея.— Лорд король, всякий лорд, серьезно вслушивающийся в эту ложь,— предатель. А с предателями можно обращаться только одним способом. Они увидят мечи честных людей.

Остальные одобрительно зашумели, но сам Артур нахмурился. И обратился он не к Кею, а к барду.

— Бард, ты сделал свое сообщение. Теперь иди.

— И какой ответ ты дашь лорду Мордреду, Великий Король? — Этот титул прозвучал почти насмешливо в его устах.

— Я не стану делить Британию на части по его воле.

— У тебя нет выбора,— возразил бард.— А иначе ты

испытаешь бесчестье перед лицами всех людей. Помни это!

Бард встал с колен, бросил на Мерлина последний взгляд и пошел, повернувшись к королю спиной. Кей зарычал.

— Копье в спину,— свирепо сказал он,— вот достойная плата. Однако он прав, брат. И либо ты будешь сражаться, либо власть перейдет к Мордреду. И как же он использует эту власть? Он — ублюдок. Мало кто из знатных лордов станет ему повиноваться. Начнется грызня между лордами, каждый возмечтает о короне. Что получится из этого? Раздираемая распрями земля станет легкой добычей саксов. Так было после смерти Утера. Лорд король, у тебя нет выбора. Ты загонишь эту подлую ложь в глотку выродка своим мечом, иначе тебя ждет бесчестье перед лицом всех, кто следовал за тобой все эти годы.

Выражение лица Артура не изменилось, и взгляд его перешел от удалявшегося барда к Кею, затем к Мерлину.

— Идите за мной,— коротко сказал он и пошел по стене. Придворные расступились, давая ему проход.

Слишком мало глаз смотрело на короля вопросительно. Кей правильно обрисовал ситуацию. Король будет обесчещен, если не станет сражаться, и в любом случае начнется война между лордами. Все, чего он добился, погибнет, рухнет, как перегнивший плод.

Мерлин, идя за королем, думал о маяке. Долго ли, долго ли? Он не знал ответа на эти вопросы. Может быть, то, что он привел в действие маяк, ввергнет их мир в полный хаос. Однако он не верил, что он мог бы действовать по-другому.

Вместе с Кеем он вошел вслед за Артуром в комнату короля. Король шагал взад и вперед по комнате, сцепив руки за спиной, опустив голову на грудь. В лице его была боль, такая, какую не могла бы вызвать просто физическая рана.

— Братья,— сказал он,— вы одни знаете правду о моем прошлом. Да,— сказал он Мерлину,— я рассказал всю правду Кею, потому что он отчасти тоже древней крови. Но поверит ли кто-нибудь этой правде?

Первым заговорил Кей:

— Если даже поверят, брат, они сочтут это злой правдой и будут смотреть на тебя с еще большей ненавистью. Мало кто способен признать, что существует раса, более одаренная, чем человечество. Жрецы учат: та-

ким был Христос, однако он мертв. Такое люди могут простить только мертвому. Но в его время самого Христоса ненавидели и осудили на самое позорное наказание, которому подвергали лишь рабов и предателей. Люди поклоняются богам, однако, когда боги появляются, люди боятся и ненавидят их.

В природе человека стремление стащить вниз тех, кто поднялся выше. Ты величайший король Британии, более великий, чем Максим, потому что служил стране не из-за честолюбия. Если бы у тебя не было короны, ты продолжал бы служить стране. Люди это знают, но это не заставит их больше уважать тебя. Ты думаешь, что Лот, который претендовал на трон, любит тебя? Ни он, ни герцог Корнуэльский, ни один из тех, кто может притязать на трон.

Да, они используют против тебя этот старый скандал. Однако это юношеский грех, и ясно, что ты не знал о близком родстве с леди Моргаузой. К тому же она побывала не в одной постели, и можно намекнуть, что Мордред вовсе не тобой зач...

— Нет! — прервал Артур.— Мы не станем позорить имя женщины, чтобы отвести от себя угрозу. Возможно, она была тем, что ты говоришь. Но я не стану кричать перед всеми: «Эта женщина обманула и обольстила меня!» Такие дела не для короля.

Кей кивнул.

— Так ты решил, брат. Однако такое благородство не принесет тебе пользы. Люди воспринимают сдержанность как открытое признание своей вины. Но сказать правду еще хуже. Нам в лицо будут швырять «рожденный демоном», пока мы не оглохнем, и это оттолкнет от нас даже тех, кто иначе поддержал бы тебя.

— Он прав,— спокойно сказал Мерлин.— И любой выбор усиливает врага. Паутина хорошо сплетена.

— Ты уверен, что это дело Нимье?

— Так уверен, как будто сам слышал ее приказ Моргаузе научить барда. Она мстит нам. Однако я уверен также, Артур, что она не может больше говорить со своим руководящим голосом. Теперь ей придется полагаться только на себя. И она не может помешать действию маяка.

— Этот маяк,— обратился к нему Кей.— Ты пообещал, что он приведет Повелителей Неба. В каком количестве они прибудут и когда это будет? Помогут ли они оружием нашему королю или будут стоять в стороне, на-

блюдая, как люди сражаются друг с другом, чтобы потом договориться с победителем.

— Я не знаю ответов на эти вопросы,— сказал Мерлин.— Время для Повелителей Неба идет по-другому, чем наши дни и года. Они живут гораздо дольше, чем мы. Может, пройдет много лет, прежде чем их корабли опустятся с неба.

Кей покачал головой.

— Тогда лучше не учитывать их в наших планах. Нам нужно справиться с Мордредом, и побыстрее. Сейчас силы его малы, но люди будут съезжаться к нему. И не забудьте, с ним королева. Само ее присутствие в лагере свидетельствует, что она верит в этот позорный рассказ и поэтому уехала от тебя, Артур.

— Я знаю это,— ответил король. Голос его звучал устало, лицо было измученным и осунувшимся.— Люди будут также говорить, что я выступил против собственного сына.

— Ты выступишь против предателя! — яростно заявил Кей.— Это ты,— он внезапно повернулся к Мерлину,— это твое дело! Если твои знания так велики и всеобъемлющи, то почему...

Однако Артур ответил с силой, какой не ожидал от него Мерлин:

— Не трать времени, брат, на перечисление всех «если». Мерлин делал лишь то, что выпало ему на долю. И от него зависит наш успех в конце.

Мерлин, удивленный, внимательно взглянул на короля. В голосе Артура звучала нота, как будто ему был дан дар предвидения.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

— Когда настанет время,— тем же уверенным тоном продолжал Артур,— это станет известно и тебе, родич. У каждого из нас своя роль.

Они выехали из Камелота не в ярких красках и хорошем настроении, однако не менее уверенные в своей правоте, чем если бы двигались против захватчиков.

Артуру сообщили новости. Войско действительно раскололось, и многие знатные лорды, возможно, по указанной Кеем причине, держались в стороне от враждующих либо открыто примкнули к Мордреду. Мордред осмелился поднять знамя с драконом и провозгласить себя королем, поскольку Артур не достоин трона.

Кей хрипло рассмеялся, когда об этом стало известно в их втором ночном лагере.

— Он глупец,— свирепо сказал он.— Неужели он считает, что Лот, внимательно следящий за событиями, даст ему спокойно усидеть на непрочном троне?

Если Лот ждал, то Константин Корнуэльский не стал выжидать. Вскоре с гордо развевающимся знаменем с медведем он привел свое войско в лагерь Артура. И перед всеми подтвердил свою верность королю. Старая вражда была забыта, и Артур повеселел: ведь Константин был внуком Глориса и единственным кровным родственником короля.

На четвертый день, когда их войско усилилось двумя отрядами черных всадников, освободившихся от дежурства на границе, Артур созвал совет, встретившись с теми лордами и командирами, которые сохранили верность.

— Мы выступили против тех, кто был нашими братьями по мечу и щиту,— сказал король с печалью.— Сотни раз мы вместе смотрели в лицо врагам и встречали смерть. Мы не должны теперь в гневе скрещивать оружие. Я не откажусь от короны, потому что не могу снять с себя обязанностей перед этой землей. Однако тяжелая задача — убивать своих старых друзей.

Он помолчал, но никто из собравшихся не заговорил. Мерлин подумал, что Артур и не ожидает ответа. Он медленно продолжал:

— Никто в будущем не посмеет сказать, что я желал зла тем, кто обманут. Я пошлю вестника к Мордреду и предложу встретиться без оружия и поговорить. Может, мне удастся уговорить его не нарушать мир, добытый дорогой ценой.

Ему ответил Константин, самый знатный, хотя и самый молодой из лордов.

— Лорд король, это поступок человека, который действительно вначале думает о других. Мало кто после такой песни барда способен протянуть руку мира пославшему этого барда. Если ты пойдешь на встречу, я буду рядом с тобой.

— И я... я... я... я...— подхватили остальные. Никто из видевших лицо Артура не сказали бы, что он сделал это из страха — его поступок объяснялся любовью к Британии, которой он служил всю жизнь.

Один из старейших лордов, некий Овьен, в юности служивший в гвардии Амброзиуса, вызвался быть посланником. И Артур, знавший, каким уважением пользу-

ется Овьен, был доволен. Выслушав короля, Овьен выехал из лагеря. Все отдыхали, ожидая, день и всю ночь. На второй день Овьен вернулся.

Он прошел прямо к Артуру.

— Лорд король, я передал твои слова Мордреду. Среди его последователей были разные мнения, однако, наконец, он согласился на переговоры. Он сказал, что встреча состоится у Малых Камней Лангвеллина. Ты приведешь с собой десять сторонников, и он — десять. Жрец Гилдас говорил, что среди этих десяти не должно быть Мерлина, потому что он может привлечь себе в помощь дьявола. Но Мордред рассмеялся и сказал, что способен победить и дьявола. Лорд король, с их войсками едет и леди Моргауза, однако она не состарилась: она такая же, какой была при дворе Утера. И с ней Леди Озера. Люди глядят на них искоса, даже приближенные Мордреда, потому что в том, что возраст не коснулся леди Моргаузы, есть нечто неестественное.

— Если она на самом деле леди Моргауза! — выпалил Кей.— У Утера повсюду было много незаконных детей, и эта, если она выглядит так молодо, может быть дочерью одного из них. Это еще одна хитрость, чтобы повредить нашему господину.

Артур жестом как бы отбросил это дополнение к сообщению Овьена.

— Главное, Мордред согласился на встречу. Пусть это подбодрит нас.

Однако позже, когда наступила ночь, он пришел к Мерлину.

— У тебя есть силы,— начал он.— Можешь ли ты применить их к Мордреду, чтобы он повторил перед своими лордами слова, укрепляющие мир? Я не верю, что можно так овладеть человеком, чтобы он поступал против своей воли, но этот человек может залить нашу землю кровью. Я испробую все, чтобы помешать ему.

— Это зависит от того, насколько хорошо его вооружила Нимье,— откровенно ответил Мерлин.— Я сделал все, что мог, чтобы ослабить ее, однако, насколько это удалось, мы узнаем только в столкновении. Я попытаюсь сделать все возможное, родич.

— Большего я и не прошу,— сказал Артур.— Хотел бы я научиться тому, чему должен был научиться. Я чувствую, что теперь мне нужно больше, чем человеческие силы и воля.— Он медленно встал.— Что ж, пойдем спать, если сумеем уснуть. Завтрашний день прине-

сет мир или кровь, и мы не можем предвидеть, что именно.

— Вот еще что,— сказал Мерлин.— Они назначили местом встречи древние камни. Если это часть забытого святилища, как Место Солнца, тогда я смогу использовать большие силы. Многое спит в таких местах.

— Если только такие места не враждебны нам.

— Лорд король, я обнаружил в этой земле много таких мест. И только в одном была сила Тьмы. Это крепость Нимье. Надеюсь, оно единственное.

Если король спал в эту ночь, то Мерлин не уснул. Он лежал на плаще, закрыв глаза, однако мозг его работал: он напряженно искал что-нибудь такое, что можно использовать как оружие или защиту. Слово за словом собирал он все, что знал, все, что усвоил у Зеркала. Он понимал, что ему предстоит схватка с Нимье, может быть, последняя и решающая.

Хотя он и не спал, утром он почувствовал себя готовым к схватке. И, когда они пошли, он трогал свой жезл, как юноша трогает меч перед своей первой битвой.

Они пришли на узкий участок твердой земли среди болот. Тут и там виднелись зеркала воды, одни затянутые зеленью, другие чистые, но темные, с высоким тростником и другими растениями. На этом участке земли стояли камни, о которых говорил Мордред. На склоне холма разместились войска мятежников.

Люди Артура разместились на противоположном склоне, а король спешился. Вместе с ним пошли Кей, Мерлин, Овьен и другие. Артур не взял с собой Константина, передав герцогу командование войсками. Константин возражал, однако Артур напомнил ему о долге: после Артура он ближе всех к короне.

Артур шел впереди, Мерлин и Кей чуть сзади. Зазвучало пение мятежных войск, и Мерлин увидел тесную группу монахов в рядах под беззаконным знаменем с драконом.

Хотя он внимательно всматривался, он не увидел женщин. Если королева, Моргауза и Нимье были здесь, то воины скрывали их.

Мерлин разглядывал камни, к которым они приближались, рассчитывая скорость ходьбы так, чтобы подойти к условленному месту одновременно с Мордредом. На первый взгляд в этих камнях не было внешних отличий от камней в Месте Солнца. Мерлин все еще удивлялся, почему Мордред выбрал это место. По словам монахов,

окружавших Мордреда, такие места посвящены дьяволу. Почему же тогда?.. В Мерлине росло недоверие: Нимье никогда не позволила бы своей марионетке выбрать место, где спят древние силы, которые Мерлин смог бы пробудить.

Разве что Мордред — ее собственное творение — перестал подчиняться, и теперь он, а не она, отдает приказы.

Камни были поставлены небольшим кругом. Мерлин слегка повернул жезл. Он не уловил даже искры энергии. Камни мертвы, как самые обычные скалы. Что ж, он и не надеялся на иное.

Теперь ему был виден Мордред. Его узкое лицо так и говорило о древней крови, однако было в нем что-то и отталкивающее. Мордред улыбался; у него был вид любимца судьбы. Мерлин осторожно послал мысль, но натолкнулся на барьер, прочный как сталь. Мордред действительно был хорошо вооружен.

Глава 18

Мерлин не ослаблял попыток прощупать врага. Он уловил взгляд Мордреда и его косую усмешку, как будто тот знал, что делает Мерлин, и не боялся. С открытым вызовом Мордред заговорил, обращаясь к Артуру:

— Ты просил о встрече. О чем ты хочешь просить меня?

Мерлин почувствовал, как напрягся Кей, с каким трудом сдержал он гнев при этом оскорблении. Однако ответ Артура звучал спокойно.

— Я не прошу, Мордред. Я говорю тебе правду: если мы начнем войну, Британия погибнет. Тогда все, чего мы добились, будет утрачено.

— Ты потерял свой трон,— ответил с вызовом Мордред.— Ты просишь свою корону, Артур?

Мерлин видел, как вспыхнуло лицо короля. Однако Артур сохранил самообладание, и Мерлин почувствовал гордость за него. Он сам по-прежнему пытался пробить барьер Мордреда и добраться до этого человека. И он так был поглощен этой задачей, что чуть не пропустил грозное предупреждение.

Он быстро повернул голову. Что-то двигалось у ближайшего камня, шурша в траве. Прежде чем Артур смог ответить, один из людей Мордреда с криком удивления

и ужаса обнажил меч и ударил. На мгновение все увидели поднятую голову змеи. Но это не было настоящей змеей. Иллюзия, понял Мерлин. Однако понял слишком поздно.

— Предательство! — Кей выхватил свой меч и ударил человека, обнажившего оружие. А змея исчезла так же внезапно, как появилась.

Мордред с обнаженным мечом прыгнул к королю, но Кей отразил его нападение. И между камнями развернулось сражение. Мерлин увидел и услышал сзади звук труб: Константин приказал наступать. Перед его лицом мелькнула сталь. Мерлин поднял жезл и нанес нападавшему мысленный удар.

Тот дико закричал, меч выпал из его руки, глаза застыли. Он упал, увлекая за собой Мерлина. Сила удара о камень на мгновение оглушила Мерлина.

Вокруг него шло сражение. Человек, получивший мысленный удар, шатаясь, встал, однако тут же упал от удара воина Артура. Вниз по склону шла гвардия Артура, вели его коня, чтобы он мог сесть в седло. Мордред исчез. Мерлин, цепляясь за камень, старался не попасть под копыта, он видел, как Мордред перепрыгивал с кочки на кочку, чтобы соединиться со своими силами, искавшими прохода к месту битвы.

Среди камней лежали четыре тела. Одно из них принадлежало Овьену, его невидящие глаза смотрели прямо на солнце. На его лице застыло выражение удивления, как будто смерть пришла так быстро, что он даже не успел осознать это.

Битва отодвинулась от камней. Мерлин, придя в себя, переходил от одного тела к другому. Он знал, что сегодня понадобятся его знания целителя. Но эти все были мертвы.

Мерлин направился к повозкам, где находились запасы лекарств и бинтов. Тут он сбросил плащ и принялся за работу. Однако он все время сознавал, что подвел Артура. Если бы он не пытался так напряженно овладеть Мордредом, то увидел бы иллюзию и рассеял бы ее, прежде чем началось это убийство. Он не сомневался, что появление змеи — дело рук Нимье.

Он перевязывал раны, спасал жизни, а в долине делали все, чтобы унести как можно больше их. Кто бы ни победил в этот день, Британия проиграла.

Время перестало измеряться проходящими часами. Мерлин работал. Многим он облегчал кончину, другим

давал возможность уцелеть. У тех, кто имел возможность отвечать, он выспрашивал подробности о ходе битвы. Однако раненые видели лишь часть боя. Иногда они рассказывали об отступлении, иногда — о небольших победах, о том, как заставляли отступать мятежников.

В полдень принесли юного оруженосца Кея. Мальчик заплакал, когда Мерлин стал перевязывать его сломанную руку. Он сказал, что его господин погиб, перебив множество врагов.

Итак, Кей погиб, как погиб до него Эктор, устало подумал Мерлин. Кей всегда был правой рукой Артура, и теперь эта его рука отрублена. Кей, Овьен и сколько еще других, последовавших за Артуром, несмотря на ложь.

Он как будто видел ужасный сон, как будто погрузился в ад, который, как утверждают последователи Христа, поглотит всех неверующих. Всюду кровь, тела мертвецов, торопливо оттащенные в сторону, чтобы расчистить место для тех, кому еще можно было оказать помощь.

Запах крови заполнял ноздри, висел вокруг. Кровь покрывала одежду, руки, ноги, даже щеки Мерлина. Кровь пахла смертью, от которой нет спасения. Солнце, которое в начале этой бойни стояло над головой, теперь склонялось к западу.

— Мерлин...— Кто-то потянул его за руку. Мерлин нетерпеливо отмахнулся, занятый ранами воина, который стонал, зажимая руками большую рану в животе. Смерть уже коснулась этого человека.

— Мерлин!

Он оглянулся и увидел маленького человека со смуглым лицом, из которого сочилась кровь. У этого человека было имя. Мерлин порылся в памяти.

— Блехерис! — сказал он.

— Мерлин! — Он дернул его за руку.— Бери с собой свои припасы и пошли!

Мерлин вышел из оцепенения, в которое погрузился от окружавших его страданий и своих попыток облегчить их. Блехерис мог искать его только по одной причине. И в этот момент Мерлин понял, что все испытанные им в жизни страхи ничто перед тем ужасом, который охватил его.

Артур!

Они знали, что смерть может поджидать в битве, но Мерлин не предполагал, что она может завладеть Арту-

ром. Не может быть! Все в нем восстало против этой мысли.

За цепенящим ужасом последовал свирепый гнев. Ему захотелось сдавить два горла: Мордреда и Нимье! Схватив мешочек из льняной ткани, две банки с лечебными мазями, он повернулся к Блехерису.

— Где?

Пикт нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Идем.— Они побежали, и Мерлин легко следовал за пиктом.

Они пробирались среди следов битвы. Сама битва ушла в сторону. В отдалении слышались крики, стоны, вопли раненных людей и лошадей. Блехерис свернул направо, вдоль берега реки, затоплявшей болото. Здесь было больше мертвых и даже раненых, которые слабо стонали. Однако Мерлин не слышал их. Главное — Артур. Артур — это Британия! Артур — сияющее будущее мира!

— Это Мордред,— тяжело дыша, говорил пикт.— Король прорубался сквозь ряды, чтобы добраться до изменника. Он пронзил Мордреда копьем, но тот не умер сразу. Он успел ударить короля.

Слезы смывали кровь со щек Блехериса.

— Этот подлый изменник умер, однако успел оставить свой знак на короле.

Впереди виднелась хижина, вероятно, ею пользовались птицеловы. Снаружи стояли два телохранителя Артура. Мерлин пронесся между ними, и вот он стоит на коленях у тела, лежащего на груде изорванных и окровавленных плащей.

Глаза Артура были закрыты. Капли пота выступили на его лбу и щеках. Дыхание с хрипом вырывалось из горла. С него сняли латы, обнажили тело. В нижней части живота одежда была окровавлена.

Быстро, однако осторожно Мерлин убрал одежду с раны. То, что он увидел...

Люди не живут с такими ранами. Не в эти дни. Но Артур не просто человек, он нечто большее. Мерлин искусно работал, очищая и перевязывая рану.

— Он... он будет жить? — Блехерис следил за его работой, присев на корточки. И с ним рядом — Гавейн, один из телохранителей Артура.

— Не знаю.— Мерлин устало откинулся. Он наконец-то вышел из смертоносного оцепенения, охватившего его с начала битвы. Он ясно вспомнил ящик — гроб в пещере. Он сохраняет жизнь. Сможет ли он вылечить

Артура или по крайней мере сохранить ему жизнь до прилета Повелителей Неба? Ибо их знания больше знаний Мерлина и всех прочих обитателей этого мира.

Однако пещера далеко. Сможет ли он поддерживать в Артуре жизнь, пока они доберутся до нее? Что у него есть? Только небольшие знания, то немногое, чем поделились с ним через Зеркало. Но у него есть воля! И с этого момента вся его воля направлена на спасение Артура.

— Как идет сражение?

Он не может везти Артура по местности, где за ним будут охотиться. Он увидел, как молодой телохранитель гневно взглянул на него: разве что-нибудь может иметь значение, кроме спасения его раненого господина? Однако Блехерис сразу догадался, почему Мерлин задал этот вопрос.

— Если ты хочешь увезти короля отсюда, лорд Мерлин,— ответил он,— люди Мордреда разбиты. Они бегут перед местью черных всадников.

— Куда ты хочешь везти короля? — спросил телохранитель.

— Он тяжело ранен,— ответил Мерлин.— И его нужно отвезти туда, где его сумеют вылечить...

— Мерлин...

Все повернули головы. Артур открыл глаза, голос его звучал тихо. Они затаили дыхание, чтобы не заглушать эту тонкую нить звуков.

— Я убил его...

Это было не утверждение и не вопрос, но Мерлин принял его за последнее.

— Он мертв,— ответил Мерлин без выражения.

— Он меня вынудил. Он так ненавидел меня, что пожертвовал своей жизнью, чтобы убить меня. Почему?

Мерлин покачал головой.

— Не знаю. Он был лишь орудием в чужих руках. Ненависть эта стара. Однажды она уже превратила этот мир в пепел...

— И опять превращает.— Голос Артура слегка окреп.— Единство нарушено, Мерлин.— И рука короля чуть шевельнулась, как бы что-то разыскивая.— Где меч?

— Вот, лорд король.— Блехерис порылся в груде одежды, на которой лежал король. Он поднял древнее лезвие, чтобы Артур увидел его, не поворачивая головы.

— Больше я... не возьму... его в руки,— сказал король.

— Пока не залечатся твои раны,— быстро поправил Мерлин.

— Брат.— Губы Артура изогнулись в слабой улыбке.— Не обманывай себя. Твои знания велики, однако все же ограничены.

— Но ведь сказано,— Мерлин смотрел в глаза Артуру, вливая в него свою волю,— ты тот, кто был, есть и будет.

— Будет...— сонно повторил Артур, смыкая глаза.

Блехерис с испугом смотрел на него.

— Он... он ушел от нас?

— Нет. Он спит и будет спать, не чувствуя боли. А мы тем временем перевезем его в место, где ему помогут.

— Лорд Мерлин, а кто теперь поведет нас за собой? — спросил телохранитель.

— Король передал командование Константину Корнуэльскому. Передайте герцогу, что Артур жив, он только уехал, чтобы излечиться.— Теперь Мерлин рассуждал четко и логично.— Передайте герцогу также, что он должен отыскать лагерь Мордреда. Там он найдет королеву и двух других женщин: леди Моргаузу и Леди Озера. Им ничего нельзя говорить о короле, только что он легко ранен и отдыхает. Герцог должен позаботиться, чтобы эти женщины больше не приносили вреда.

— Лорд Мерлин, все это будет передано герцогу Константину. Однако, как ты повезешь короля и куда?

— В конных носилках, хорошо укутанным. В горы, где есть место, хорошо известное целителям.

Он начал отдавать приказы. Они исполнялись, как будто те, кто верно служил Артуру, цеплялись за самую крохотную надежду, что король выживет. К утру Мерлин был готов вести маленький отряд.

Король лежал в конных носилках, Блехерис верхом на маленьком пони вел его лошадь. Мерлин ехал сзади. Он повидался с Константином, который подтвердил, что войска Мордреда разбиты и королевство в безопасности.

— Герцог,— сказал ему Мерлин,— не скрою от тебя, хотя советую не разглашать это, что король тяжело ранен. У него только один шанс выжить. Для этого нужно достичь места исцеления. Я буду стремиться поддержать его жизнь до того времени. В твои руки он передал командование, и тебе теперь править. Британия здесь тоже была тяжело ранена; ты должен излечить раны страны, как я пытаюсь излечить раны короля.

Константин выслушал и сказал:

— Целитель, я слышал о тебе немало странного, однако никто никогда не говорил, что ты враждебен королю. Наоборот, известно, что к тебе он обращался в случае затруднений. Поэтому я верю тебе. Я буду править Британией, но не как король, а как наместник. Разве только придет известие, что твои надежды не оправдались. Только тогда я начну править как Пендрагон.

— Да будет так! А как женщины?

— Нашли королеву, почти потерявшую рассудок. Она умоляет, чтобы ее отослали в дом святых женщин, которые называют себя сестрами и живут в Авалоне. Леди Моргауза — ее тоже нашли — мертва. Мы не знаем, отчего она умерла: на теле нет ран. Лицо ее не искажено, как если бы она выпила яд. Она скорее похожа на спящую. Однако мы не нашли и следа третьей женщины.

Мерлин вздохнул. Гвиневера и Моргауза не имели значения, другое дело — Нимье. Вызвав к жизни эту трагедию, неужели она будет усугублять ее, пытаясь убить Артура? Его гнев проснулся. Не будет так! Артур выживет, несмотря на все ее чары и иллюзии.

— Ищите ее тщательно,— сказал он, хотя был уверен, что, если Нимье сама не захочет, ее не найдут.— Из всех врагов короля она самый опасный.

Константин кивнул.

— Возьмешь с собой охрану?

Настала очередь Мерлина задуматься над ответом.

— Нет. Большой отряд легче заметить. Силы Мордреда разбиты, но они рассеялись. И среди оставшихся немало захочет рискнуть и попытаться убить Артура. Маленькая же группа может передвигаться тайно, ее трудно выследить. Я возьму с собой только пикта Блехериса. Он опытный следопыт и сумеет скрыть наш путь.

И вот они с максимальной скоростью движутся по дикой местности. И воля Мерлина поддерживала жизнь в спящем короле. Они никого не встретили на избранном Блехерисом маршруте, только дважды на удалении из укрытия следили они за небольшими отрядами, по-видимому, уцелевших мятежников.

Они поднялись в горы, и Мерлин увидел вдали вершину, указывающую местонахождение пещеры. Здесь он повернулся к Блехерису.

— Добрый товарищ, впереди лежит наша цель. Однако я не знаю, что мы найдем там. Если король доберется до пещеры живым, то я надеюсь на его выздоров-

ление. Но если он выживет, этого нельзя сказать о нас...

— Целитель,— ответил пикт,— я жил дольше, чем может надеяться воин моего племени. Король однажды дал мне жизнь, так неужели я откажу ему в этом же? Я человек без рода, а король посадил меня рядом со своим очагом и назвал своим вассалом. Скажи мне, что нужно сделать, и я сделаю.

Трудно было поднять конные носилки на последний перевал: им пришлось нести их на руках. И вот наконец они у входа в пещеру.

Мерлин не был удивлен, увидев Нимье. Она сидела на камне лицом к ним; вся ее фигура излучала терпение, как будто она давно ждала их.

Мерлин легко опустил носилки и затем повернулся к ней.

— Посмотри на свою работу,— сказал он.— Гордись ее результатами, Нимье.

К его слабому удивлению, на лице ее не было выражения торжества.

— В смерти человека нечем гордиться,— ответила она. И не было в ее тоне оживления, не было обращения к его чувствам.— И то, что сделано, должно было быть сделано.

— Почему?

— Потому что люди уже один раз были игрушкой Повелителей Неба, которые пользовались ими беззаботно, учили их тому, что им рано было еще знать, вовлекали их в свои споры. И в результате мир был разрушен, опустошен и чуть не погиб. Впоследствии началась война между звездами и была дана клятва, что никогда не будут использованы другие расы...

— Однако похоже, что эта клятва не особенно соблюдается,— заметил Мерлин.— Ты слуга Темных Сил и принесла Британии такое кровопролитие, которое не забудется и тысячу лет спустя.

— Я сделала то, что должно было быть сделано,— без выражения повторила она.— Ты вызвал бы к жизни знания, которыми люди еще не могут владеть. Они бы использовали эти знания в злых целях. Это ты, Мерлин, призвал короля к изменению мира, и это твои действия убили его.

— Он не мертв,— возразил Мерлин.— И он не умрет, колдунья. В назначенный час он будет стоять у маяка и приветствовать своих родителей.

Она почти равнодушно взглянула на Артура.

— Твой маяк, Мерлин, бесполезен. Повелители Неба измеряют время не так, как мы. Пройдет, может быть, много столетий, прежде чем они ответят на зов маяка. И к тому времени люди будут способны осознать, какое зло несут им дары Повелителей Неба. Ты установил маяк, Мерлин, однако я нанесла поражение твоему королю.

Мерлин покачал головой.

— Еще нет. Мне обещано: он был, есть и будет.

Она смотрела на него с жалостью.

— Мерлин, ты мог стать таким великим, а предпочел остаться таким малым — последователем древних смутных слов, охранником варварского короля, которого скоро забудут.— Она встала и широко развела руки, так что широкие рукава опали и обнажилась ее белая кожа.

— Мерлин,— в голосе ее прозвучала старая призывная нота,— ты знаешь, что мы с тобой родственны по духу. Ни один мужчина Земли не вызывал у меня желания, а ты не можешь положить руку ни на одну женщину из племен. Моя башня и озеро укроют нас от людей, и мы сможем жить спокойно. У нас долгая жизнь, гораздо дольше жизни обычных людей. Разве ты никогда не испытывал одиночества, Мерлин? Мы выполнили свои задачи и теперь свободны...

Он смотрел на нее и чувствовал могучее желание отбросить прошлое и забыть его. Нимье рассмеялась.

— Ах, Мерлин, я вижу, ты помнишь! Да, я могу быть более желанной, чем все женщины. Многому я могу научить тебя, многому!

Мерлин отступил на шаг.

— Не сомневаюсь,— сухо сказал он.— Но я служу королю Артуру.

— Умирающему! — Теперь она смотрела на него насмешливо.— Одинокий Мерлин, мы можем не быть больше одинокими.

Ее слова открывали перед ним дверь, и он почувствовал озноб. Теперь она играла на другой стороне своей натуры.

— Если такова моя участь,— сказал он, радуясь, что его голос звучит уверенно,— я останусь одиноким.

Нимье отвернулась от него, плечи ее опустились. И он понял, что сейчас она уже не играет. Он разрывался, он знал, что больше не увидит ее, что он отказывается от того, что принесло бы тепло в его жизнь. Он чуть было не шагнул к ней. Однако здесь был Артур...

Он следил, как она медленно уходит, зная, что еще

есть возможность позвать ее, что их обоих в чем-то обманули Повелители Неба, которые холодно и бесчувственно сделали их тем, чем они стали. И вот она исчезла. Все кончилось.

Он подошел к тайному входу в пещеру и начал отваливать камни. На помощь к нему пришел Блехерис. Лицо маленького человека было полно отчаяния.

— Лорд Мерлин, что это за место? У меня болит голова, и боль все сильнее...

— Прости меня.— Мерлин вспомнил об охранных устройствах.— Здесь охрана, Блехерис, тебе нужно уходить отсюда. Нет,— добавил он, когда пикт сел на ближайший камень.— Я могу войти в пещеру, и король может. Но мы долго не выйдем оттуда, Блехерис.

Пикт покачал головой.

— Лорд Мерлин, неважно, дни или годы пройдут, прежде чем вы вернетесь. Если судьба пожелает, вы найдете меня ждущим. Это хорошая земля,— сказал он, оглядываясь,— она похожа на мои родные северные горы. Я буду ждать.

И, несмотря на возражения Мерлина, он поклялся, что так и поступит. Мерлин вытащил Артура из носилок и, взяв его на руки, с трудом прошел в пещеру. Он поднес короля к ящику и открыл его. Раздев Артура, он опустил его в ящик. Артур дышал — это все, что знал Мерлин. Крышка медленно закрылась.

В последний раз Мерлин подошел к Зеркалу. В руках он держал меч, который пикт передал ему, прежде чем отойти от пещеры.

Мерлин стоял перед Зеркалом и видел истощенного темнолицего человека в изорванной одежде, покрытой грязью и засохшей кровью. Вокруг гудели механизмы.

До сих пор он действовал инстинктивно. Что дальше?

И Зеркало ответило ему:

— Подойди к ящику справа от тебя, Мерлин, и нажми четыре маленькие кнопки. Ящик сохранит твою жизнь. Когда ты проснешься, люди будут смотреть на звезды. Тогда наступит твой час. Сегодня мы потерпели поражение, нужно ждать лучшего дня.

— Артур? — спросил он.

— Он был, есть и будет... Для тебя приготовлено место. Войди в него и спи.

Мгновение Мерлин колебался, затем задал последний вопрос:

— А Нимье?

— Ее судьба вне наших знаний, Мерлин.

Он положил меч на скамью перед Зеркалом, где сидел так часто. Лезвие по-прежнему сверкало. Только человеческие надежды тускнеют. Мерлин вздохнул.

Он медленно повернулся и отыскал кнопки. Нажал, как ему было приказано. Забегали огоньки. Мерлин тупо смотрел, пока они не погасли снова. Тогда он прошел к ящику. Раздевшись, он вошел внутрь и почувствовал, как поднимается жидкость... Время... время... сколько его пройдет?

Белое тело под луной, приглашающий жест и смех, обнаженные ноги, легко бегущие по закрытой тенями земле... Мерлин уснул.

ДУХИ ВРЕМЕНИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Пронесясь сквозь время в древнее королевство, она стала воинствующей богиней — врагом Зла

Глава 1

Ларец стоял на подставке посреди стола. Джасон Роббинс включил свет, и в его сиянии, семнадцати дюймов длиной, цвета старой слоновой кости, ларец блестел, как полированное дерево. «Или это только кажется?» — удивленно подумала Талахасси. Этот артефакт имел качество — она поискала точное слово, которое знала, но не хотела произносить вслух,— колдовство, вот что это было. На крышке его была золотая инкрустация; на каждой стороне было по золотому диску. Она могла угадать и не прикасаясь, что ларец был отделан очень чистым, мягким золотом, которое применяли в древние времена.

— Хорошо,— седоволосый человек, по-видимому, самый главный здесь, слегка наклонился вперед,— можете ли вы подсказать нам что-нибудь, мисс Митфорд?

Талахасси с трудом отвернулась от ларца, с которого не сводила глаз с тех пор, как Джасон зажег настольную лампу.

— Я не знаю,— честно призналась она.— Здесь есть составные элементы африканской символики, вот — видите? — она показала пальцем туда, где слоновая кость ларца, потемневшая от времени, переходила в золото инкрустации на крышке полосой в виде змеи. Однако, спираль не имела головы, точнее, там полоса драгоценного металла изгибалась под прямым углом, напоминая стилизованный охотничий нож.— Здесь сочетание двух знакомых эмблем, известных из эпохи Древнего царства. Вот эта эмблема на крышке —«плуг», который, как мы думаем, носили правители Мероэ. Остальное принадле-

жит более поздней эпохе. Возможно, это — символ лезвия меча в форме змеи. Но эти два символа, насколько мы знаем, никогда раньше не встречались вместе. Династии Мероэ многое заимствовали у Египта, где змея была знаком королевской власти, обычно — частью короны. Это,— ее палец указал на диски по бокам,— тоже символы. Они очень сходны с золотыми знаками, которые носили «духи-очистители» из Ашанти — слуги короля, обязанностью которых была опека его, защита от любой опасности соприкосновения с общим злом. Однако, хотя здесь сочетание символов из двух, может быть, и трех, эпох африканской истории, этот предмет очень древний!

Человек, представленный Джасоном как Роджер Ней, упорствовал:

— Можете ли вы теперь рассказать нам о музейной ценности вещи? — его тон был нетерпеливым, как будто он ожидал для нее какой-то немедленной неожиданной кары, и его тон вызвал в Талахасси ответное, даже воинственное сопротивление.

— Мистер Ней, я изучаю археологию и сейчас помогаю составлять каталог собрания Луиса Брука. Существует много методов исследований, которые могут указать на датировку этого удивительного артефакта, но для них нужно специальное оборудование. Но я могу сказать, что это очень искусное изделие...— она помолчала, прежде чем задать собственный вопрос:

— Видели ли вы Жезл Власти в собрании Брука?

— Как же тогда быть с этим? Может быть, вы скажете, что это,— он указал на ларец,— являлось частью указанного собрания?

— Если даже это так,— она осторожно выбирала слова,— то данный предмет не был включен в официальный каталог. Тем не менее здесь кое-что есть...— Талахасси тряхнула головой.— Однако, вы не хотите догадок, вам нужна уверенность. Сегодня вечером здесь будет доктор Румен Кэри. Он приезжает, чтобы изучать коллекцию. Я бы предложила вам позволить ему осмотреть это. В настоящее время он — крупнейший авторитет по искусству Судана.

— Ты уверена, что это суданское? — теперь спрашивал Джасон.

Талахасси сделала слабый жест рукой.

— Я уже говорила, что ни в чем не уверена. Могу лишь сказать, что эта вещь стара, очень стара. Я пред-

полагаю, что она происходит из Африки, однако такого сочетания символов я раньше не видела. Если бы я могла...— она протянула руку к ларцу, но рука Нея молниеносным движением накрыла ее запястье. Она посмотрела на него с явным изумлением, а затем — с отвращением.

— Ты не поняла,— Джасон вмешался снова, говоря очень быстро, как будто боялся, что она может найти не лучший выход для своего раздражения, как и прежде, когда они были детьми,— эта штука горячая!

— Горячая?

— Она излучает какую-то энергию,— Ней изучал ее оценивающим взглядом,— именно поэтому мы ее и нашли. Это была чистая случайность...— Он освободил руку, и Талахасси отдернула ее назад, на колени.— Один из наших полевых агентов поехал в аэропорт, чтобы положить багаж в камеру хранения. У него был с собой счетчик Гейгера, и он защелкал. С помощью счетчика служащий обнаружил источник излучения в соседней камере. Тогда он вызвал меня. Мы взяли в порту ключ от этой камеры и внутри обнаружили только это.

— Радиоактивная,— пробормотала Талахасси.— Но каким образом...

Ней покачал головой.

— Не атомная, хотя и обнаруживается счетчиком. Это что-то новое, но лаборанты не хотят превращать его в обломки...

— Я категорически против! — Талахасси была раздражена одним лишь намеком на такой вандализм.— Он, возможно, уникален. Его открывали?

Ней опять покачал головой.

— Здесь нет видимого соединения. И мне кажется, лучше его не трогать лишний раз до того, пока мы не будем хорошо знать, что же мы имеем. Теперь — что это за жезл власти, о котором вы упоминали? Что это такое и где его нашли?

— В старых африканских государствах существовала безграничная уверенность, что дух народа может быть заключен в какой-нибудь особенный предмет. Война Ашанти с Англией сотню лет назад началась лишь потому, что английский губернатор потребовал себе королевский трон в качестве знака переноса правления. Но даже король не мог сидеть на нем. Сидя рядом на циновке на полу, он мог только прикасаться к нему предплечьем, принимая очень важное решение или во время коронации. Трон народа Ашанти заключал в себе силу

всех родовых предков и был священным; он обладал глубоким религиозным, а также политическим значением, которое англичане не попытались выяснить прежде, чем предъявили свои требования.

Другие племена также имели свои символы божественной связи их со своими предками и богами. Иногда после смерти короля такие символы переносились в специальное помещение, откуда их приносили «слушать», когда нужно было сделать серьезное изменение какого-либо закона или для решения, от которого зависело будущее целого народа. Эти артефакты были очень ценными, и существовали племена, в которых вообще никто никогда не видел их, кроме жрецов и жриц.

«Жезл Власти», который нашел Луис Брук, предполагается одним из таких предметов, и то, что он был обнаружен в месте, с которым связано несколько странных легенд, является двойным успехом.

— Так он открыл его в Судане?

— Нет, гораздо западнее. Неподалеку от озера Чад. Существует старая легенда, что когда арабо-египетское королевство Аксум разорило Мероэ, королевский род — а они сами были потомками египетских фараонов и ревниво соблюдали большую часть древних верований — бежал на запад и предположительно нашел убежище вблизи озера Чад. Однако, сколько-нибудь реальных доказательств этого не существовало до тех пор, пока доктор Брук не сделал своей поразительной находки. Он обнаружил неразграбленную гробницу, содержащую множество культовых предметов и саркофаг. Последний был пуст, и, по некоторым признакам, в нем никогда не было тела; вместо него там покоился Жезл Власти.

— Похоронен дух народа,— сказал Джасон негромко.

Талахасси кивнула головой.

— Возможно. Там были надписи, но, хотя этот народ пользовался египетскими иероглифами, более поздний язык Мероэ никогда не был переведен, и надписи остались нерасшифрованными. Трагическая кончина доктора Брука в прошлом году замедлила работу над находками по всей программе приведения в порядок и опознания культовых предметов.

— Я удивлен,— заметил Ней,— что ему позволили увезти что-то из страны и доставить сюда. Молодые государства вдвойне подозрительны по отношению к расхищающим их сокровища — особенно к нам.

— Мы были также удивлены,— согласилась Талахас-

си,— но он получил всестороннее разрешение.— Она заколебалась, а потом прибавила: — Во всем этом деле было что-то странное. Казалось, что они по какой-то причине старались избавиться от всех находок, обнаруженных в их владениях.

Глаза Джасона сузились.

— Может быть, угрожало восстание, предполагавшее использовать древний жезл власти для сплочения?

Внимание Нея переключилось с девушки на молодого человека.

— Вы так думаете?

Джасон пожал плечами.

— Восстания начинались и по меньшим поводам. Вспомните Ашанти и их трон.

— Но вы сами говорили, что это было сто лет назад! — запротестовал Ней.

— Африка очень стара. Она видела подъем и падение трех волн цивилизации, может быть, и больше, а что в настоящее время знают о том, кто правил в Зимбабве или в запутанных укреплениях Янга? У африканцев хорошая память. Короли, жившие позже, могли не иметь писцов, но, подобно кельтским лордам в Европе, которые не имели письменности, они тренировали хранителей памяти среди членов своего собственного рода — людей, которые могли встать на совете и рассказать о событиях, генеалогии, законах за последние три или четыре сотни лет. Эти способности не умирают легко в таком народе.

Внутренне Талахасси была готова рассмеяться. Джасон поразил ее на этот раз своими познаниями — правда, он привлек ее собственные лекции,— хотя в прошлом он достаточно часто пожимал плечами, слушая ее замечания, и считал их разговоры смертельно скучными. Во всяком случае, кого беспокоило, что произошло две тысячи лет тому назад? Самое лучшее время было здесь и теперь.

— Хм-м.— Ней за письменным столом откинулся на спинку стула. Теперь он не обращал внимания ни на молодых людей, ни на ларец. Его глаза были полузакрыты, как будто он был погружен в глубокое раздумье.

Талахасси прервала этот миг тишины.

— У меня есть предложение,— дерзко сказала она. Никто из присутствующих не внес в дело ясности, находясь под влиянием авторитета Нея (правда, она сердилась на Джасона, который вот так сразу привел ее сюда, хотя было ясно, что Ней является высокопоставленным

лицом из тех, кого никогда не называют открыто, если они не хотят этого сами).— Я предлагаю поместить это,— она указала на ларец,— в сейф музея. Есть только один человек, доктор Кэри, который может сделать о нем правильные выводы, если это вам нужно.

Ней раскрыл глаза, затем остановил на ней долгий внимательный взгляд, как будто, просто глядя на нее, он мог прочесть ее мысли. Девушка вздернула подбородок на долю дюйма и стойко выдержала его пристальный взгляд.

— Хорошо,— решил он.— И я хочу, к тому же, посмотреть на этот ваш «жезл». Но не сейчас. Мы должны подумать о том, кто спрятал это — здесь. Роббинс, вы пойдете с ней.— Он бросил взгляд на запястье.— Музей скоро закроют, как я понимаю. Лучше поспешить. Нам не нужно никаких действий, выходящих за обычные рамки, если в этом деле нет политического подтекста.

Он вынул кожаный чемоданчик и с треском открыл его. К удивлению Талахасси, внутри он был выстлан металлом. Затем из внутреннего отделения чемоданчика Ней достал клещи и захватил ими ларец. Поскольку Талахасси встала, Ней передал чемоданчик Роббинсу.

— Да, это свинцовое покрытие, мисс Митфорд. Мы приняли меры против радиации, хотя и не знаем ее природы. Роббинсу лучше нести ларец так. Когда приедет Кэри?

— Он уже должен быть здесь.

— Очень хорошо. Попросите его набрать этот номер,— Ней нацарапал на карточке какие-то цифры и протянул ей,— так скоро, как только он сможет. И благодарю вас, мисс Митфорд. Положите чемоданчик и его содержимое в сейф. Роббинс проводит вас.

Он повернулся и поднял телефонную трубку, как будто Талахасси уже растворилась в воздухе. Девушка подождала, пока дверь закроется за ней, прежде чем заговорила снова:

— Кто это, играющий в Джеймса Бонда?

Джасон покачал головой.

— Не спрашивай меня, девочка. Все, что я знаю,— это то, что сам Главный Шеф не смог бы работать лучше, если бы появился в этих краях. Я — мелкая сошка, но меня попросили, когда вчера нашли эту штуку, чтобы я вызвал кого-нибудь, кто бы сказал: «О бог мой, конечно же, это из Африки!» Я думаю, что после этого кто-нибудь пошел и запросил компьютер, который частично

мог открыть им правду, а я бы распрощался с работой. Но я видел, что это вещь не современная — вот почему я позвал тебя.

— Джасон, ты серьезно думаешь, что это политическое? Я знала, что находка жезла в саркофаге была необычной, мысль о похоронах «духа» вызывает особенное чувство. Но эта вещь...

— Но Талли, это же ты, моя дорогая, связала этот предмет с вашим жезлом, помнишь?

— Потому что в них есть что-то общее.— Она наблюдала, как он убирал в автомобиль тяжелый чемоданчик.— Только я просто не могу определить, что именно. Это скорее ощущение, в него не ткнешь пальцем.— Она прикусила губу. Опять она со своими предчувствиями. Иногда ей доказывали, что она ошибается, а когда она была...

— Одно из этих твоих ощущений, не так-ли? — Левая бровь Джасона приподнялась.— Они у тебя все еще бывают?

— Ну, много раз они оправдывались! — отпарировала Талахасси.— И ты знаешь об этом.

— Тебе бы предсказывать судьбу,— сделал вывод Джасон, выводя автомобиль на трассу, в сильное движение начинающегося часа пик.— Успеем ли мы сделать все до того, как это хранилище мертвых знаний закроют на ночь?

— Для посетителей они закрывают в четыре, но для персонала сзади есть служебный вход, от которого у меня есть ключ. Сигнализацию обычно не включают до тех пор, пока Хауэс не проводит всех, находящихся в здании музея, и не закроет дверь на ночь. Доктор Кэрй, возможно, там.

Джасон сосредоточился на езде. Талахасси сидела тихо. Она пыталась понять странное внутреннее волнение, которое испытывала с тех пор, как заняла место в автомобиле. Дважды она резко поворачивала голову, чтобы взглянуть на узкое заднее сиденье маленького автомобиля Джасона. Никого. Однако ощущение присутствия еще кого-то было настолько сильным, что она стала нервничать; ей приходилось напрягать всю свою волю, чтобы не оборачиваться вновь и вновь.

В ней росла уверенность, что они везли что-то важное. Нет, думала она, это не из-за доводов, которые выдвинул таинственный мистер Ней, а по какой-то другой причине. Вероятно, ее «предчувствие» работало сверхурочно, и она попыталась выбросить из головы все мысли о том,

что они везут, и даже о музее. Ее отпуск — он начинался в следующий понедельник. Она ждала приезда доктора Кэри...

Нет, все же у нее предстоял настоящий отпуск, и она собиралась полностью отключиться от работы. Но полететь в Египет и присоединиться к партии Матраки! Египет — Мероэ... Она не могла удержать мысли на планах отпуска. Это навязчивое ощущение продолжалось. Но она не поддастся ему!

Уличное движение ослабло, как только Джасон свернул с автострады и повел машину быстрее по боковым улицам, ведущим к музею. Было темнее обычного — тучи сгустились — вероятно, собиралась гроза.

Когда машина выехала на узкую заднюю дорожку, используемую для доставки грузов, и остановилась, Талахасси быстро выскочила. Она достала ключ и открыла дверь, в то время как Джасон следовал за ней, и чемоданчик оттягивал его руку.

— Кто здесь? — Свет был только в дальнем конце холла, и, казалось, было вдвое темнее обычного.

Затем вспыхнул верхний свет, и она увидела главного сторожа.

— Ох, это вы, мисс Митфорд. Как раз собирался запирать.

— Нам надо положить кое-что в сейф, мистер Хауэс. Это мой кузен, мистер Роббинс. Он здесь от ФБР.

— Видел ваш портрет, мистер Роббинс, в газете на прошлой неделе. Это была хорошая работа, когда ваши парни захватили всех этих контрабандистов с наркотиками.

Джасон улыбнулся.

— Шеф сказал бы, что дело обычное. Но я рад, что широкая публика иногда оценивает наши усилия.

— Доктор Кэри приехал? — сейчас Талахасси хотела только избавиться от чемоданчика и вычеркнуть из жизни это здание и этот день.

— Да, мэм. Он в личном кабинете доктора Гринли, на пятом этаже. Вам быстрее подняться на дальнем лифте, чем по лестнице.

— Я оставлю свою машину прямо здесь,— показал Джасон.— Постараюсь вернуться как можно скорее.

— Все будет хорошо, мистер Роббинс. Никто не тронет ее там.

Талахасси торопливо направилась за угол и в лифт. Джасон большими шагами шел рядом с ней.

— Что-то ты вдруг заспешила,— заметил он.

— Я хочу положить это в сейф,— сказала она очень выразительно, о чем тут же пожалела, когда его левая бровь опять вопросительно поднялась.

— Хорошо,— добавила она в свою защиту.— Я не могу передать, что чувствую. Здесь... здесь что-то неправильно.

Взглянув на нахмурившееся лицо Джасона, она вдруг пошла спокойнее.

— Пусть так. Я понимаю твое предчувствие как реальность. Все это было подозрительно с самого начала. Где этот сейф?

— В кабинете доктора Гринли.

— Очень важно — не забудь сказать этому Кэри о желании Нея поговорить с ним.

Она почти забыла о Нее. Теперь она надеялась, что сможет найти карточку в своей сумочке. Необходимость, которая охватила ее, абсолютно ни на чем не основывалась, кроме ее нервов. Она, однако, чувствовала, что если не сможет избавиться от чемоданчика и того, что внутри, может случиться нечто ужасное. Это чувство было настолько острым, что она не смела позволить Джасону узнать его силу. Он мог подумать, что она лишилась рассудка.

Лампы в холле на пятом этаже были погашены, и их шаги отчетливо звучали на мраморном полу. Но Талахасси напряженно ловила другой звук — возможно, стук каблуков кого-то третьего. Убеждение — нет, это не могло быть просто убеждением,— что у них есть невидимый спутник, усилилось. Талахасси хмуро закусила губу и так и шла, собрав все свое самообладание, чтобы смотреть прямо вперед, отказываясь взглянуть через плечо, где ничего быть не могло.

Она подошла к двери кабинета директора со вздохом облегчения и с нетерпением распахнула ее, рука ее метнулась к выключателю, чтобы зажечь свет. Прежде чем этот жест завершился, она негромко вскрикнула. Затем поток света залил комнату, чтобы показать, как глупо она себя вела. Конечно, никто не шел за ней. Кроме нее и Джасона, который теперь закрывал за ними дверь, здесь никого не было.

— Что случилось? — требовательно спросил он.

Талахасси с усилием рассмеялась.

— Я полагаю, что это все из-за секретности дела. Мне показалось, что я увидела движущуюся тень...

— Только Тень знает...— торжественно пропел Джасон.— Ты очень возбуждена сегодня вечером, Талли. Заканчивай свою работу, и я поведу тебя обедать.

— Некоторые становятся бодрыми,— нашлась она,— когда ярко горит свет.

— Извини меня.

Тяжело вздохнув еще раз, Талахасси обернулась. Внутренняя дверь между этим кабинетом и соседним отворилась. Ее с явным неодобрением разглядывал стройный мужчина, который был по крайней мере на дюйм или около того ниже нее. Это не было необычным: когда рост девушки пять футов одиннадцать с половиной дюймов без каблука, она не обращает внимания на многих мужчин.

Он был худощав, с острым носом и раздраженно изогнутым ртом. Его песочного цвета волосы были тщательно зачесаны назад поверх розоватой лысины, которая была хорошо видна сквозь редкие пряди волос, доходящих сзади до воротничка.

— Я полагаю, что это кабинет доктора Гринли...— его узкие губы формировали каждое слово, как если бы он объявил им, что уже говорил об этом.

— Я — Талахасси Митфорд, ассистент доктора Гринли в африканском отделе.

Он осмотрел ее, как поняла Талахасси, с заметным отвращением, и она могла ощутить его негодование. Был ли он одним из тех, кто не любил и принижал любую женщину, которая осмеливалась претендовать на знания в их области? Она уже встречала мужчин такого рода.

— Вы очень молоды,— отметил он в манере, которая сделала это замечание неуловимо оскорбительным.— Но вы, конечно, осведомлены, что это место, собственно, не является единственным для свиданий.

Он посмотрел на Джасона за ее спиной. Что бы он под этим ни подразумевал — Талахасси была вынуждена подавить свой пылкий темперамент всей силой своего самоконтроля, какую она могла собрать. В конце концов она должна работать с этим мужчиной (или с любым другим, нравилось ей это или нет) до тех пор, пока коллекция Брука не будет полностью описана.

— Нам нужно кое-что положить в сейф.— Она ненавидела себя даже за это объяснение, но знала, что должна так поступить.— И...— Она открыла свою сумочку. Хоть в одном случае ей повезло. Эта карточка была прямо сверху, и ей не пришлось тратить сколько-нибудь

времени, беспорядочно перерывая содержимое сумочки, чтобы найти ее.— Мне вручили это для вас. Вы должны позвонить по этому номеру как можно скорее.

Она положила карточку на край заваленного стола доктора Гринли и, больше не взглянув на мужчину, пошла к сейфу. Пока Хауэс не подключил на ночь сигнализацию, его еще можно было открыть.

Джасон, с гримасой, которую она хорошо знала (у него был свой темперамент, даже если он давно усвоил, как подавлять его), обошел стол с другой стороны с чемоданчиком наготове. Она так и не узнала, да ее в этот момент и не заботило, взял ли доктор Кэри свой драгоценный телефонный номер или нет. Как только дверь сейфа открылась с усилием, Джасон задвинул чемоданчик внутрь. Талахасси захлопнула дверь, повертела циферблат. Все еще игнорируя доктора Кэри, она подошла к телефону и набрала домашний номер доктора Гринли.

— Дома ли доктор Джой? — спросила она, как только услышала приятный грудной голос миссис Гринли.— Да, это Талли. Ох. Хорошо, когда он придет, скажите ему, что здесь, в сейфе, находится кое-что. Это получено из ФБР.

Она заметила кивок Джасона, чтобы она воздержалась от пересказа этой истории.

— Да. Они нуждаются в совете специалиста относительно этого. Они встретятся с ним завтра. Нет, я больше ничего не знаю. Но это ужасно важно. Нет, я не пойду домой прямо сейчас — Джасон находится в городе, и мы пойдем поужинать. Благодарю вас. Я скажу ему. До свидания.

Она положила трубку и хмуро улыбнулась Джасону, все еще раскрасневшаяся от разговора.

— Миссис Гринли говорит, что если у тебя есть время до отъезда, загляни и повидайся с ней. Теперь,— она повернулась к мужчине, который и не пытался прислушиваться к разговору,— вы знаете, почему я тут нахожусь, доктор Кэри. Если вы собираетесь проверять меня, вам нужно только позвонить к Гринли.

— Не спешите,— сказал он, когда Талахасси повернулась, чтобы уйти.— Так как вы работали с картотекой Брука, я хочу, чтобы с самого утра вы были здесь. Она должна быть полностью перепроверена, конечно.

— Пожалуйста,— тихо сказала Талахасси.— У вас, конечно, свои собственные методы работы.

— Разумеется! — огрызнулся он.

До нее дошло, что он смотрел на нее с какой-то разновидностью крайнего раздражения — как будто явный факт, что она существует и должна быть частью его повседневного окружения в будущем, был оскорблением, которое он находил тяжело переносимым. Его враждебность была такой очевидной, что она начала терять самообладание, но также у нее росло любопытство, отчего так ярко вспыхнула эта, по-видимому, только что возникшая неприязнь.

Когда она и Джасон спускались в лифте, она осознала кое-что еще. Ощущение присутствия третьей личности исчезло, даже ее странное предчувствие стерлось в памяти. Возможно, она оставила это все позади, в сейфе, и, если оно имело какое-то действие, пусть теперь беспокоится доктор Кэри — это может пойти ему на пользу.

Глава 2

Талахасси удовлетворенно вздохнула, и Джасон засмеялся.

— Для мрачного цыпленка ты, несомненно, съела китайский обед в хорошем стиле,— прокомментировал он.

— Я люблю «Дыхание Конга», я люблю свежую свинину, я люблю...

— Булочки судьбы? — Он разломил одну и развернул бумажку, лежавшую внутри, с видом судьи, объявляющего приговор.

— Хорошо, хорошо, это вполне подходит. «Пища лечит голод, знание лечит невежество». Какая веская мысль вложена в твою?

Талахасси предъявила свою собственную бумажку.

— Как странно...

— Что странно? Они положили в твою булочку меню нашего банкета, Талли?

— Нет,— ответила она слегка отсутствующе и прочла: —«Дракон порождает Дракона, Феникс порождает Феникса».

— Я не вижу в этом ничего необычного. Просто еще один способ высказывания «подобное порождает подобное».

— Это также может иметь и другое значение. Дракон являлся символом императора — никто более не смел использовать его. И феникс был тем же для императрицы,

Это может означать, что члены королевской семьи могут порождать только членов королевской семьи.

— Как раз то, что я сказал, не правда ли? — спросил Джасон, внимательно наблюдая за ней.

— Я не знаю — ох, я полагаю, что это так.

Но почему у нее было это минутное странное ощущение, что записка в булочке судьбы, которая содержала только старую поговорку, имела для нее особенное значение?

— Послушай, я ничего не говорил, потому что чувствовал, что ты не хочешь разговаривать об этом,— Джасон оборвал ее раздумье.— Но что ты собираешься делать с этим Кэри. Ясно, что он собирается держать себя как животное, если сможет. Я удивляюсь, почему?

Талахасси с самого начала обеда до его конца старалась выбросить свое столкновение с доктором Кэри из памяти. Но она должна посмотреть в лицо этому раньше или позже, так почему бы не сделать это теперь, тем более что Джасон открыто повел разговор об этом.

— Может быть, потому,— ответила она откровенно,— что я — темнокожая. Но, думаю, прежде всего потому, что я — женщина. Существует много докторов философии, и не все они являются белыми, которые обижают женщину, посмевшую вторгнуться в их собственную область. Вот одна из причин, мой дорогой, почему мы боремся за эмансипацию — а ты слышал об амазонках, призывающих вновь возродить матриархат! Как это ни странно, некая разновидность матриархата существовала, и прямо в Африке, очень долго. Когда королева в Европе могла быть передвинута, подобно шахматной фигуре, на доске какого-нибудь интригана, королевы далеко к югу предводительствовали своими собственными армиями и обладали таким влиянием, о каком белая женщина не смела и мечтать. В каждом королевстве было три господствующих женщины, если не больше — королева-мать, необязательно мать правящего короля, но, вернее, самая значительная женщина королевской семьи предшествующего поколения; сестра короля, потому что только она могла родить наследника королевской власти — сыновья короля, как правило, в счет не шли; и его первая жена. Например, в Ашанти жены короля должны были собирать все налоги и имели собственную, очень надежную охрану, слуг и тому подобное, чтобы заниматься этим делом.

— Итак... если Кэри — эксперт по африканской исто-

рии, каким он считается,— отметил Джасон,— то он, вероятно, знает все это. Может быть, именно поэтому он хочет принизить тебя прежде, чем ты возьмешь, по праву своего рождения, руководство отделом в свои руки. Но,— теперь Джасон стал серьезным,— будь осторожной с ним, Талли. Я думаю, что он может быть опасным человеком, если он выставляет это напоказ.

Она кивнула.

— Я знаю, и ничего не может быть хуже, чем отдельская политика. К счастью, доктор Гринли достаточно долго наблюдал за моей работой, чтобы знать, на что я способна. Джасон, уже почти половина десятого! — она взглянула на свои часики.

— Нож, которым свежуют слона, должен быть не большим, а острым!

Она пристально взглянула на Джасона.

— Теперь объясни, что под этим подразумевается?

— Нам досталась какая-то доля мудрости Востока,— он жестом указал на разбросанные остатки булочек.— Я же снабжен кое-чем из нашего собственного естественного племени. Другими словами, следи за каждым своим шагом.

— Я, вероятно, буду постоянно делать это, пока не наступлю себе на ноги,— согласилась она, вставая,— Я люблю обоих Гринли и поэтому не стану раскачивать никакие лодки, чтобы не причинить неприятности доктору Джою.

Когда Джасон отпирал дверь ее квартиры, они услышали изнутри настойчивый, пронзительный телефонный звонок.

— Ох! — Она резким движением распахнула дверь и пробежала через темную гостиную, стремясь как можно быстрее схватить трубку телефона, который издавал продолжительный требовательный звонок.

— Талахасси? — это был доктор Джой, и он говорил необычным, напряженным голосом.

— Да.

— Хвала создателю, что я нашел вас. Не можете ли вы приехать в музей прямо сейчас? Я не стал бы вас просить, но дело крайне важное.— Затем линия отключилась так внезапно, что она, испугавшись, на мгновение застыла на месте. Для доктора Гринли такой образ действия был необычен...

— Кто это?

— Доктор Гринли.— Она положила трубку.— Он

только что попросил меня приехать в музей — в такое-то время! — и повесил трубку. Что-то случилось! Это очевидно!

— Я подброшу тебя.— Джасон двинулся позади нее и запер дверь, взяв ключ из ее руки. Она чувствовала себя слегка ошеломленной. За два года работы — сначала как младший ассистент, потом как самостоятельный специалист — этого никогда не случалось. Сейчас она была встревожена так же, как и тогда, когда чувствовала присутствие этой тени третьего, которого, конечно, никогда не было там, сопровождавшего ее по музею.

— Случилось что-то ужасно скверное,— пробормотала она, когда Джасон уселся в автомобиле рядом с ней и, запустив двигатель, начал выводить машину со стоянки.

— Уверен, это Кэри,— отозвался он.

Но что мог доктор Кэри сделать или сказать такого, что бы заставило доктора Джоя вызвать ее почью в музей? Она ничего не могла придумать и была все еще сбита с толку, когда Джасон доставил ее к той же самой задней двери, в которую они входили несколькими часами раньше. Теперь в вестибюле было светло, а прямо за дверью ожидал Хауэс. Он распахнул ее.

— Поднимайтесь прямо наверх, мисс Митфорд. Лифт ждет.

Джасон двинулся было следом, но Талахасси остановила его.

— Нет, ты останешься здесь, Джас — если это касается работы отдела, я совершу более чем дурацкую ошибку, впутав в это постороннего.

— Ты уверена? — Он был озабочен, и в голосе его сквозило сомнение.

Она энергично кивнула головой, надеясь, что этого достаточно, чтобы успокоить его.

— Уверена. И если разговор затянется, я позвоню вниз, и мистер Хауэс передаст тебе. Я же знаю, что ты улетаешь рано утром. Так будет правильно, мистер Хауэс?

— Безусловно, мисс.

Когда Талахасси вошла в лифт, она наполовину ожидала ощутить это другое присутствие. Но здесь не было ничего, кроме до некоторой степени сверхъестественного ощущения, которое всегда было частью музея, когда он закрывался для публики и большинство обслуживающего персонала уходило, усиленного, возможно, потому, что

была ночь. Гроза, которая давно собиралась, все еще не разразилась, хотя небо снаружи было по-прежнему закрыто тучами, и теперь она услышала, даже через толстые стены, окружавшие ее, раскаты, которые могли быть только отдаленным громом.

Гром барабанов — почему-то это выражение проскользнуло в ее мозгу в то время, когда она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, ожидая, пока лифт доберется до пятого этажа. Барабаны так много значили в Африке — знаменитые «говорящие барабаны», чьи умело подобранные звуки действительно могли подражать племенным языкам так, что их можно было понимать...

Дверь лифта открылась, и она окинула взглядом просторный холл. За матовым стеклом двери кабинета доктора Гринли горел свет. Талахасси обнаружила, что дышит учащенно, как будто она только что бежала. Она заставила себя идти более медленно. Она не собиралась врываться в кабинет доктора Гринли, как беззаботный ребенок, которого позвали поиграть.

Когда она постучала и услышала в ответ приглушенный голос, она уже полностью овладела собой. Минутой позже она уже смотрела ему в лицо через письменный стол, который больше не был завален бумагами, как это было всегда на протяжении того времени, что она знала его. Эти бумаги были разметаны по полу: метель разбросанных страниц, книг, журналов. Кабинет был в таком диком беспорядке, что она, открыв рот от изумления, застыла в проеме двери. Это выглядело не хуже, подумала она, чем если бы здесь поработал небольшой ураган.

— Что... что случилось?

Доктор Джой выпятил челюсть.

— Как раз это мы и пытаемся установить. Некто, несомненно, упорно что-то здесь искал; насколько мне известно, тут не было ничего, заслуживающего таких усилий.

— Нет? — этот высокомерный голос раздался из угла комнаты. Доктор Кэри сидел на стуле, оглядываясь вокруг с удовлетворением, которого он не мог скрыть от сузившихся глаз Талахасси.— Спросите эту вашу мисс Митфорд, что она и ее возлюбленный заперли так подходяще в вашем сейфе нынче вечером.

Доктор Джой даже не взглянул на него.

— Талахасси, если у вас есть этому хоть какое-нибудь объяснение, я был бы вам за него благодарен.

Талахасси кратко отчиталась:

— Сегодня ближе к вечеру меня вызвали в аэропорт. За мной послал Джасон. Они обнаружили там нечто странное в одной из камер хранения и хотели, чтобы это опознали. Я... хорошо, я полагаю, что артефакт немного похож на Жезл Власти в собрании Брука. Итак, руководитель... кстати,— теперь она повернулась к доктору Кэри,— вы позвонили по номеру, который он вам послал? Он, возможно, объяснил бы все это...

— Какой номер? — Доктор Джой выглядел озадаченным.

— Я сказала этому мистеру Нею, что доктор Кэри приезжает оценивать коллекцию Брука. Он написал на карточке номер телефона и попросил связаться с ним как можно скорее.

— Кэри? — Доктор Джой повернул голову.

Но тот не выказал и признака смущения.

— Я не знаю этого человека. Если ему были нужны мои услуги, он должен был обратиться только прямо ко мне — чего он не сделал. Нет, я не позвонил.

«Почему?» — удивилась Талахасси. Человек, казалось, принял предложение как оскорбление.

— Но вы положили этот артефакт в сейф? — спросил доктор Джой.

— Да. Он в чемоданчике со свинцовым покрытием — вот почему Джасон принес его наверх, помогая мне.

— Свинцовое покрытие? — Доктор Джой был изумлен до крайности.

— Они сказали, что артефакт испускал какой-то неопознанный тип излучения. Вот они и приняли меры предосторожности.

— Он на самом деле африканский — настоящий артефакт?

— Взгляните и убедитесь.— Талахасси была взволнована с тех пор, как увидела кабинет, и теперь она чувствовала нарастающее раздражение.

Она положила руку на циферблат сейфа и тут же вспомнила о ночных тревогах. Но доктор Джой уже предвидел ее просьбу и позвонил по телефону Хауэсу, чтобы тот отключил сигнализацию. Когда дверь открылась, она вытащила чемоданчик, который был так тяжел, что она была вынуждена поднимать его обеими руками, чтобы поставить на крышку стола. Громко щелкнув замком, она открыла его. Ларец лежал там, и доктор Джой нетерпеливо подался вперед.

Талахасси подцепила ларец клещами за верх и осторожно достала находку. К ее удивлению, доктор Кэри не подошел к столу. Она взглянула на него и увидела, что он спокойно сидел там же, с неясной саркастической улыбкой на тонких губах, наблюдая за ними, как будто они ввязывались в неприятности, о которых он не имел намерения их предупреждать. Его позиция была более чем даже странной, настолько странной, что в Талахасси проснулось ощущение чего-то затаившегося здесь, выжидающего...

Доктор Джой нетерпеливо выхватил у нее клещи и медленно повернул ларец кругом.

— Да, да! Но что это? Смешанный стиль — хотя древний, бесспорно очень древний! И просто оставлен в камере хранения! Мы должны определить его происхождение. Кэри, что вы думаете он собой представляет — что за культура?

Кэри поднялся. Он двигался быстро, странно. Его глаза теперь алчно устремились на ларец, и злобный взгляд исчез. Двумя большими шагами он достигнул стола, грубо толкнув Талахасси в бок. Наклонившись вперед, прежде чем остальные смогли помешать ему, так как они не были подготовлены к его внезапному движению, он положил руки на стороны ларца.

Здесь не было ни звука, но, когда доктор Кэри поднял руки, верхняя часть ларца откинулась. Внутри был небольшой сверток, завернутый в пожелтевший материал.

— Не трогайте! — Талахасси схватила локоть Кэри.— Излучение!

Он даже не взглянул на нее. Наоборот, он с грохотом сбросил на стол крышку ларца и схватил сверток. Доктор Джой попытался вырвать его, лицо у него выражало полное изумление.

Доктор Кэри уклонился от него, точно так же он легко освободился от Талахасси. Он яростно рванул обертку свертка. Она поползла клочками, как будто вещество истлело со временем. То, что находилось внутри, после того, как остатки покрытия были сорваны, было предметом около фута длиной. И форма его была знакома им всем. Это был анк — очень древний ключ ко всякой жизни, который каждый представительный бог или богиня Египта держали в одной руке. Он был вырезан из какого-то вещества, которое казалось кристаллическим, и на нем не было видно ни трещинки, ни эрозии.

Доктор Кэри уронил его на крышку стола.

— Что? Почему? — Он тер и тер руки о переднюю часть своего пиджака, как будто он боялся и ненавидел что-то прилипшее к ним. И теперь его лицо было сморщенным и искаженным.— Почему?..— повторил он тоном выше, чем обычно, как будто он ждал от них ответа, что явилось причиной для его действий.

В этот момент здесь раздался удар грома, который, казалось, прозвучал так близко над головой, как будто крыша сама собиралась рухнуть на них. Талахасси съежилась и завизжала, она не могла сдержать это. Секундой позже погас свет, и они остались в темноте!

— Нет! Нет! Нет! — выкрикнул кто-то — звук становился все слабее с каждым отрицанием.

— Доктор Джой,— Талахасси наконец-то обрела голос,— Доктор Джой! — Она попыталась обогнуть стол и побежала по направлению к столу, почти теряя равновесие. Затем она застыла в неподвижности.

В комнате был свет. Но он исходил ни от лампы, ни от светильника, как она знала. Его излучал анк на столе. Вещь пылала.

И этот жар тянул ее — и одновременно она поняла, что присутствие, которое она ощущала раньше, вновь появилось, но значительно сильнее прежнего.

Анк поднялся над столом. Он двигался — и тянул ее за собой. Она пыталась позвать на помощь, уцепиться за стул, за стену, за что-нибудь, что могло затормозить ее продвижение. Но она ничего не могла поделать.

— Доктор Джой! — на этот раз ее мольба прозвучала как слабый шепот, способность говорить громко оставила ее. Это... это *присутствие* управляло ею лучше, чем если бы кто-то положил руки ей на плечи и подталкивал ее вперед.

Сопротивляясь, как никогда прежде в своей жизни, Талахасси последовала за плывущим по воздуху призрачным анком, неохотно переставляя ноги. Теперь они находились во внешнем холле, она и *существо*, которое она не могла видеть, но знала, что оно было с ней, заставляя ее выполнить какое-то задание.

Здесь не было света, за исключением того, который испускал анк. Однако, он, казалось, стал пылать ярче, так что она могла видеть лестничную клетку. Держась за перила, она спускалась все ниже и ниже, все время находясь под этим принуждением, подталкивающим ее.

Она обнаружила, что умоляет кого-то, даже не шепотом, потому что голос больше ей не повиновался,

а мысленно. Это — эта воля, что держала ее,— она была кошмаром. Это существо не могло существовать — не могло! И все же оно существовало.

Они достигли четвертого этажа, анк поколебался здесь в холле. Смутно — из-за своего страха — Талахасси поняла, куда они направлялись — по направлению к трем комнатам, где помещалась коллекция Брука. Она каким-то образом отдала часть себя. Так случилось, и, очевидно, она ничего не могла сделать, чтобы предотвратить это.

— Талахасси!

Ее имя глухо прозвучало из лестничной клетки позади. Доктор Джой! Но он слишком опоздал — слишком опоздал... «Слишком опоздал — для чего?»— вяло спросила часть ее сознания.

Опять прогремел раскат грома, но вместе с ним зазвучало что-то еще, которое пульсировало даже тогда, когда гром затих. Барабаны — зовущие барабаны. Талахасси, вскинув руки, зажала уши, но не смогла заглушить этой неясной, требовательной вибрации звука. И теперь здесь добавилось еще позванивание, как будто встряхивали мелкие кусочки хрусталя. Этот звук мог быть идентифицирован только с единственным моментом прошлого — в старом Египте у храмовых жриц был систрум. Они иногда раскачивали его, считая, что его звук должен привлечь внимание древних богов.

Она сходила с ума!

Но этого не случилось. Здоровый и смышленный разум Талахасси начал восстанавливаться. Здесь было некоторое логическое объяснение для всего этого. Должно быть! Часть ее — та часть, которая управляла ее движениями — находилась в зависимости от влияния присутствия. Ее же разум все еще был свободен.

Они были уже у двери третьей и последней комнаты. Их встретил свет. Но не обычный свет, какой знала Талахасси. Это было сияние, исходящее из глубин основной витрины в комнате. Она не удивилась его источнику. Кристаллическая верхушка жезла светилась, возможно, слабее, но излучение частично походило на то, которое испускал анк, парящий сверху.

Затем анк остановился, повиснув в воздухе, как если бы девушка сама поддерживала его на уровне груди. Принуждение изменилось. Ей было дано новое распоряжение: приказ, которому она более не была способна

сопротивляться, так же как и той беззвучной команде, которая привела ее сюда.

Она протянула руки, подчиняясь воле этого другого, чтобы отыскать запор витрины. Но она не смогла открыть его. Тотчас же принуждение усилилось, обрушившись на нее как физические удары. Чужая воля требовала, чтобы она освободила жезл. Но она не могла, он был заперт. Здесь не было способа освободить его, никакого способа... Часть ее сознания, которая была свободной, спорила с невидимым, даже тогда, когда ее тело раскачивалось вперед и назад под этой подхлестывающей командой.

Из тьмы раздался голос. В какой-то момент, в безумной надежде, Талахасси подумала, не идут ли доктор Джой или Хауэс, чтобы спасти ее. Затем она осознала, что не может понять ни слова из этой страстной речи. Она была такой же горячей и гневной, такой же эмоционально сильной, как и воля позади и вокруг нее. И все же эта речь исходила не от присутствия, которое привело ее сюда.

Контроль над ней частично ослабел. Как только это случилось, она каким-то образом почувствовала гнев, который овладел невидимкой, в свою очередь, при звуке этого голоса. Но если оно могло отвечать, то не сделало этого.

Теперь эти слова приходили в кадансе странного песнопения, ритм которого согласовался с отдаленным рокотом барабанов. Талахасси больше не удивлялась тому, как и что она слышала и откуда это пришло. Она только присела перед витриной, в которой лежал увенчанный светящейся короной жезл, желая уползти прочь с места сражения. Так как воля, которая привела ее сюда, теперь встретилась с другой, и они вступили в борьбу.

Талахасси внезапно подхватило и злобно швырнуло на витрину. Она вскрикнула, заслонив лицо руками, испугавшись, что стекло разобьется и разрежет ее тело на куски. Но хотя она ударила с такой силой, что была вся в синяках, этого оказалось недостаточно, чтобы разбить витрину и выполнить намерение этой воли.

Это отступило, сцепившись снова в борьбе с невидимым другим.

Теперь пел более чем один голос. Она была уверена, что пока ее оставили в покое, и неподвижно распласталась на витрине. Ее разум мутился. Она испытывала тошноту и головокружение, в то время как силы, вне ее

знания и представления, в бешеном круговороте носились вокруг нее. Затем анк выплыл из-за ее плеча, повиснув прямо над витриной.

Широко раскрыв глаза, она наблюдала, как жезл зашевелился и начал подниматься до тех пор, пока не встал вертикально без какой-нибудь поддержки. Он подпрыгнул вверх, его пылающая верхушка тяжело ударилась о верхнюю часть витрины, в то время как анк устремился вниз, чтобы встретиться с ним в той же самой точке.

Стекло треснуло, разбилось вдребезги и упало. Освобожденный жезл закружился в воздухе. Тени собрались вокруг него в лихорадочном танце, когда он, наклонившись, опустился на пол.

Анк парил над ним, как бы стараясь побудить жезл еще к одному усилию. Была ли это тень руки — руки такой призрачной, что она лишь чуть-чуть обрисовывалась в свечении анка? Но что-то было, Талахасси была уверена в этом, и это что-то протянулось к жезлу. Но прежде чем оно сумело приблизиться достаточно, чтобы схватить его, жезл переместился сам. Не вверх, как прежде, а как змея, несмотря на всю его жесткость, по полу.

Опять воля завладела Талахасси, крутанула ее и почти злобно толкнула вслед за ускользающим жезлом. Анк летел над ней, как бы бросая себя ей в лицо и защищая от чего-то, что она не могла видеть; так что он парил, совершая эффективные стремительные движения, в то время как она была вынуждена повиноваться приказам своего странного захватчика. Она должна взять жезл в свои руки — теперь было только это повеление, заполнившее все ее сознание.

Снова раздался голос. И Талахасси смутно осознала, что песнопение прекратилось. Анк поплыл прочь от нее, скользя по воздуху, и повис в углу комнаты, по направлению к которому двигался жезл и, спотыкаясь, за ним брела Талахасси. С тех пор, как она двигалась на манер марионетки, обладающей разумом, повинуясь чужой воле, она была неуклюжей, медлительной, все время стараясь вырваться из-под этой власти.

Но воля была неумолимой, а ее ненависть горячей. Нет, эта ненависть относилась не к Талахасси, как к глупому орудию, которым нужно воспользоваться, но, вернее, к врагу, противостоящему этой воле. Она увидела теперь, что жезл лежит спокойно.

Еще раз призрачное очертание двинулось через сия-

ние его верхушки. Между тем воля швырнула ее вперед. Она споткнулась и упала, в то время как ее протянутая рука сомкнулась на другом конце жезла как раз тогда, когда он дернулся вверх. Талахасси держала, как ей приказывали и заставляли. Эта сжимающая рука могла быть призрачной — если это была рука,— но в ней была сила, остановившая жезл. Анк опустился и коснулся светящейся верхушки жезла.

Это было подобно попаданию в область взрыва. Последовали свет, жар, боль и такой грохот, что Талахасси оглушило. У девушки было ужасное ощущение, что ее закрутило над безмерной пустотой небытия. Это другое присутствие осталось позади. Ее руки вцепились теперь в жезл не по принуждению. Так как она продолжала сжимать жезл ради спасения своей собственной жизни. В нее хлынуло знание того, что она должна позволить этому продолжаться, в противном случае, ответом была смерть — смерть, которая была настолько противоестественной, что будет намного хуже любой другой, когда-либо угрожавшей человеку.

Она собрала все свои силы, каждый их кусочек, которые еще в ней остались, чтобы удержать жезл. Вокруг нее не было *ничего*, небытие такое все отрицающее, что это угрожало пробить брешь в ее здравомыслии. Держать... ДЕРЖАТЬ!

Затем небытие сомкнулось вокруг нее в огромном и ужасном вращении абсолютной черноты. Отчаявшись, она потеряла сознание.

Глава 3

Было горячо, как будто она лежала в топке какого-то очага, окутывающего ее удушливым жаром при каждом порыве огня. Талахасси попыталась отодвинуться от этого жара, все еще не думающая о чем-нибудь другом. Она открыла свои глаза.

Солнце — такое пылающее, что оно на мгновение ослепило ее. Слабо вскрикнув, Талахасси отпрянула, закрыв глаза руками. Было жарко, и она лежала под солнцем — где? Ее мысли начали слабо шевелиться, освобождаясь от оцепенения, оставшегося от тех прошедших кошмарных минут.

Все еще заслоняя глаза, она с усилием, причиняющим боль, оттолкнулась от твердой поверхности, на которой

лежала, локтями и слегка приподнялась, заставив себя оглядеться.

Непосредственно перед ней была голая скала. И на ее поверхности она смогла различить рисунок в виде неясных правильных линий, глубоко вытравленных временем. Она поползла к этой скале, загребая песок израненными руками для создания упора для ног. Затем она обернулась, испытывая головокружение и тошноту, сознавая, что каждое вымученное движение может отправить ее вновь парить в этой темной пустоте. Ее затуманенное сознание отказывалось даже думать об этом... месте.

Большие скалы вдали. Или это были огромные камни, когда-то очень давно добытые из каменоломни и являющиеся частью разрушенной стены? Но у их подножия...

Талахасси подавила крик, готовый вырваться из ее горла, и часто-часто замигала, чтобы быть уверенной, что она действительно видела это тело, распростертое на камнях и песке.

Незнакомка лежала лицом вниз, с вытянутыми вперед руками. Одна рука сжимала анк, другая — жезл. Они больше не испускали свет. Или, возможно, в этом ослепляющем солнечном свете свечение их излучения могло быть неразличимо.

Талахасси медленно двинулась вдоль скалы, которая была ей опорой. Была незнакомка потерявшей сознание? И кто... и почему... и где?.. Она чувствовала, что она, наверное, сошла с ума или подошла к границе здравомыслия в течение того времени, когда жезл тянул ее вперед.

На теле было тонкое, как паутинка, хлопковое платье, сотканное настолько искусно, что через него можно было видеть прекрасную смуглую плоть. Оно было сделано просто: длиной от под мышек до лодыжек, оно удерживалось на плечах двумя широкими полосками из того же материала; пояс сверкал самоцветами на фоне снежно-белой одежды. Волосы незнакомки длиной до плеч были заплетены во множество мелких косичек, каждая из которых оканчивалась золотой бусинкой, и здесь же находилась узкая полоса того же драгоценного металла, образующая небольшую диадему, удерживающую эти косички в прическе.

Талахасси кое-что припомнила. Она придвинулась немного ближе, страшась наклониться, чтобы имеющееся головокружение не уронило ее прямо на незнакомку. Чтобы избежать этого, она осторожно опустилась на ко-

лени и протянула руку к плечу, где коричневая кожа была темнее, чем ее собственная.

Она с трудом перевернула незнакомку, тело которой вяло и безвольно подалось ее усилиям, на спину. Она была каким-то образом убеждена, что это — смерть. Но взглянув в лицо другой, Талахасси громко вскрикнула и отшатнулась.

Песок покрывал чувствительные губы, прилип к бровям, которые были подкрашены и удлинены обильной косметикой. Но само это лицо... НЕТ!

Не считая незначительной разницы в цвете кожи, Талахасси смотрела вниз на те же самые черты лица, которые она видела каждый раз, когда стояла перед зеркалом! Правда, были и различия — крашенные брови искусственно удлинялись к вискам, густые тени, наложенные под закрытыми теперь глазами, диадема же в передней части имела сходство со змеей, приготовившейся нанести удар.

— Египет...— прошептала Талахасси.— Египет и члены королевской династии... Потому что эту змеевидную диадему могла носить только женщина из Рода, очень близкая к трону.

Она отползла назад на четвереньках. Девушка была мертва, Талахасси не сомневалась в этом. Теперь она со страхом озиралась вокруг...

Они находились в месте, которое было очищено от песка, возможно, ветром какой-нибудь песчаной бури, возможно, усилиями человеческих рук. Вокруг были раскиданы развалины, слагающие их камни разъедены и обезображены теми же самыми ветрами, несущими песок. И она находилась в какой-то местности, которую она не знала! Дрожа от нарастающего страха, она скорчилась против скалы, которая раньше служила ей опорой, и попыталась понять, что случилось. Для этого не существовало никакого разумного объяснения, да и вообще никакого не было!

Она была до сих пор объята усиливающейся паникой, когда уловила звуки, сначала отдаленные, а затем все более близкие. Это было такое же песнопение, как и то, которое она слышала как раз перед тем, как с ней случилось это невероятное событие. Только теперь оно раздавалось гораздо чище и отчетливее. Это — они — приближалось! Она еще раз попыталась подняться на ноги, но буквально не имела силы сдвинуться с места. Она

могла только съежиться там, где находилась, в то время как кошмар продолжался и продолжался.

В этом усиливающемся песнопении не было ни одного слова, которое она могла понять. Но она начала склоняться к мнению, что различает более чем один голос. Талахасси сделала еще одно безнадежное усилие. Она должна спрятаться! Но под этим палящим солнцем, в этой пустыне камня и песка она не видела ни одного тайного убежища.

Внезапно голоса смолкли. Теперь раздавалось звяканье систрума. Талахасси слабо рассмеялась. Египет! Но почему ее бессознательное состояние (которое, конечно, направляет этот жуткий сон) так направлено на воспроизведение Египта?

И ей было так жарко, и она испытывала сильную жажду. Может быть, там, в ее собственном мире, она была в горячечном бреду. Или — фрагмент воспоминания проскользнул через ее мысли — лежало в основе всего этого излучение, слишком большая доза неизвестного излучения от анка?

Она услышала пронзительный крик и повернула голову. Фигура, появившаяся меж обломков разрушенной стены, составляла одно целое со всем остальным. Женщина, которая для сидящей на корточках Талахасси выглядела неестественно высокой, бежала по направлению к ним. Ее фигура, покрытая той же разновидностью белой одежды, в которую была одета умершая девушка, была человеческой и женской.

Но на ее плечах вместо человеческой головы находилась золотистая голова львицы с диадемой из двух металлических перьев, расположенных рядом и высоко и прямо поднятых над верхней частью закругляющегося черепа львицы.

Создание спешило к распростертому телу девушки. Затем она впервые увидела Талахасси и замерла почти на середине широкого шага. Неподвижные черты золотого звериного лика не изменились. Но хотя губы не двигались, раздался ряд слов с вопросительной интонацией.

Талахасси медленно покачала головой. Когда львиная голова приблизилась к ней, она смогла теперь увидеть, что это была маска с прорезями для глаз, через которые носящая ее могла смотреть. Другая быстро повернулась от Талахасси к умершей девушке. Она стала на колени у тела, ее покрытая маской голова медленно двинулась взад и вперед, посмотрев сперва на разукрашенное лицо

на песке, а затем на Талахасси. Почти нехотя она протянула руку и подняла анк. Но жезл она оставила лежать там, где мертвая уронила его.

Дважды она нерешительно протягивала руку, как бы собираясь схватить его, но не заканчивала движения. Затем — Талахасси вздрогнула — донесся порыв ветра, такого холодного, что он в этом напоенном солнцем месте был подобен удару. Женщина поднялась, посмотрела в том направлении, откуда дул этот ветер. Талахасси увидела странное движение в воздухе, как будто там вращалось какое-то призрачное существо.

Женщина в львиной маске взмахнула анком. Из-под маски вырвалось несколько горячих слов, звучащих как проклятия. Анком она быстро начертила ряд крестов в воздухе, спереди и сзади, как бы воздвигая защитную стену против чего-то, что старалось ворваться к ним.

Воля, которая держала Талахасси и заставляла ее повиноваться, со слабым нажимом вновь попыталась войти в ее разум. Однако, на этот раз ей удалось устоять. Ей показалось, или услышала она затем в отдалении — очень слабо — раздраженный крик? Она не была уверена.

Но движение воздуха стало слабее, потом окончательно исчезло. Женщина длительное время ожидала, глаза из-под маски были сфокусированы на том месте, где происходило волнение воздуха. Затем Талахасси увидела, что жесткая напряженность ее тела ослабевает. То, что старалось добраться до них, пропало.

Теперь маска опять качнулась по направлению к Талахасси, и та, которая носила ее, сделала повелительный, резкий жест.

Хотя она не хотела этого, Талахасси отползла от скалы и потянулась за жезлом, повинуясь искусно отданному распоряжению. Еще раз ее пальцы сомкнулись на его гладкой поверхности, и она подняла его вверх. Женщина в маске застыла, как изваяние какой-то богини в древнем храме.

Затем ее голос вновь нарушил раскаленный воздух. На ее повелительный призыв без видимого усилия прибежали две рослые женщины. Обе были одеты в те же самые простые белые одежды, их волосы, заплетенные в той же манере, как и у мертвой девушки, свободно ниспадали на плечи, глаза у них были обведены и удлинены мазками черной краски. Но головные повязки, которые они носили, представляли собой полоски ткани; у каждой на середину лба свешивался золотой медальон, выполнен-

ный в форме львиной морды, соответствующей маске их старшей.

Они были явно потрясены и возбуждены тем, что увидели. Но по резкой команде их руководительницы подняли тело покойной. Такахасси показали кивком следовать за ними.

На этой жаре ее длинная юбка и блузка неприятно прилипли к коже, пока она с трудом брела за женщинами, главным образом потому, что не видела, что ей делать еще. Где она находилась? Как попала сюда? Она чувствовала, что немедленно должна собрать все свои силы для спасения разума, или она обезумеет.

Мрачные развалины находились, как она обнаружила, когда они обогнули очень большую скалу, где она имела укрытие, на краю склона. Здесь располагались разрушенные части стен, ряд маленьких, отчетливо остроконечных пирамид, многие из них с обломанными верхушками; сухая мертвая земля вела вниз к единственному большому и украшенному колоннами зданию, которое, казалось, находится в состоянии какого-то ремонта.

Но при взгляде на эти маленькие пирамиды у Талахасси перехватило дыхание. Она могла закрыть глаза и мысленно воспроизвести серию фотографий, которые она действительно очень хорошо знала.

Нет, не Египет, но его малоизвестная меньшая сестра — Мероэ из Нубии. Мероэ, где собрались последние, поблекшие остатки славы старого Египта, которая действительно в более поздние времена дала трех фараонов, которые завоюют земли к северу, будут править всей готовой угаснуть страной древнего Кхема и станут носителями великолепной двойной короны. Мероэ, о которой было известно так мало и делалось так много догадок. Была ли это Мероэ, которая теперь лежала перед ней? Но как... как она очутилась з д е с ь?

Две женщины, за которыми она брела, несли свою ношу по направлению к этому единственному большому зданию. Талахасси не нужно было поворачивать голову, чтобы посмотреть, так как она хорошо знала, что жрица-львица шествовала позади нее — ибо она должна быть жрицей.

В Мероэ поклонялись богу-льву — Эпидемеку. Львиц там не было, если не считать похожую на львицу, как она помнила, Шекмет, богиню войны в более северных странах.

Снова она двигалась под рассчитанным принуждением,

хотя оно и не было таким сильным, как то, которое посылало ее через музейные коридоры. Она могла даже бросить ему вызов, если бы пожелала, Талахасси верила в это. Но зачем? Гораздо лучше было держаться этих людей до тех пор, пока она не сможет так или иначе выяснить, что случилось. Жезл Власти скользил в ее потной руке, и она сжала его покрепче. Почему жрица отдала его ей? Он должен быть в высшей степени важным для этих людей, кто бы они ни были, однако именно ей было приказано нести его. Талахасси могла только предполагать, что они в какой-то мере боялись его. Если это он доставил ее сюда — тогда она могла понять причину этого. С другой стороны, если это было правдой, тогда он мог просто разрушить это странное сновидение и вернуть ее в собственное время и мир. Таким образом, чем ближе она будет теперь держаться к нему, тем лучше.

Они перешли от ослепительного блеска солнца и его иссушающей жары в храм. Прямо перед ними находился сам Эпидемек в двойной короне, с символическим плугом королей и королев Мероэ в одной руке. Каменное лицо было очень старым, разъеденным, но в нем была величественность — аура уверенной силы, безо всякого высокомерия.

Женщины положили тело девушки у ног десятифутовой статуи, разгладили платье на ее стройных ногах, скрестили руки, чтобы раскрытые ладони расположились на ее неподвижной груди. Затем одна из них встала на колени у головы, другая — у ее ног, и они начали причитать.

Еще одна резкая команда жрицы заставила их замолчать. Она показала жестом Талахасси пройти мимо Эпидемека во внутреннюю комнату храма. Здесь были следы обитания — хотя, подумала Талахасси, оно было только временным. Четыре толстых свертка, набитые чем-то мягким, могли служить постелью ночью, и здесь же находились ярко расшитые подушки, которые лежали на длинных циновках, покрывающих пол. Один угол занимали корзины и два высоких кувшина. Но то, что находилось в противоположном углу комнаты, сразу же привлекло внимание Талахасси. Три пластинки металла, отливающего черным, над которыми играло слабое радужное сияние, образовывали маленькую пирамиду с плоской вершиной. На нее вертикально был поставлен предмет, который, не-

сомненно, был неуместен здесь, среди признаков древнего прошлого, которые находились вокруг.

Это был продолговатый предмет из стекла и все же непрозрачный, молочно-белый. По верху и низу трех его плоскостей, которые она могла видеть, пробегала рябь постоянно меняющегося цвета, затмевающего радужные краски на подставке. Продолговатый предмет имел, быть может, фута два высоты, и от него исходило тихое жужжание, что у Талахасси могло ассоциировать только с ровно работающим механизмом. Но это было таким анахронизмом в сравнении со всем остальным, что она могла только изумленно смотреть и удивляться.

Она вошла в комнату, повинуясь жестам жрицы. Но никто больше за ней не последовал. Вместо этого жрица осторожно положила анк на порог и подняла голову, закрытую маской, решительно показав, что Талахасси останется здесь. Затем она шагнула назад в главную часть храма.

Девушка обошла комнату. Она обнаружила, что высокие кувшины в углу были закрыты, и когда она сдвинула крышку ближайшего из них, то увидела в нем воду. В тот же миг, как будто вид жидкости вызвал в ней ответную реакцию, она так захотела пить, что подняла бы весь кувшин, если бы могла, и позволила бы его содержимому смыть привкус песчаной муки у нее во рту. Здесь же была и чашка, покоящаяся на стопке тарелок по соседству, и она схватила ее.

Выпитая эта вода более чем что-либо еще пробудила ее от замешательства, которое владело ею с тех пор, как она очнулась среди развалин. Она не помнила, чтобы когда-либо пила или ела (так как теперь она потянулась за фиником, лежащим вместе с другими в небольшом липком комке на тарелке, покрытой прозрачной крышкой, достаточно удобной, чтобы ее можно было снять) в любом сновидении прежде.

Финик был очень липкий, так как, должно быть, лежал в меду. А также очень сладкий, так что ей пришлось смывать привкус его во рту еще одним большим глотком тепловатой воды. Пища, вода, циновки для ночлега — и этот предмет в углу, который, конечно, не принадлежал ни Мероэ, ни Египту.

Ровное жужжание, издаваемое им, закончилось вспышкой очень яркого света, который проходил теперь не беспорядочными линиями, а отчетливой спиралью на передней панели. В то же самое время раздалось потрескива-

ние, которое становилось все громче и настойчивее с каждой секундой.

Талахасси осторожно приблизилась к этому предмету. Он казался сверхъестественным, главным образом потому, что был чуждым всему остальному в этой комнате, всему, что она видела снаружи, настолько чуждым, чтобы сделать любого осторожным. Однако, сверкающая спираль света исчезла так же быстро, как и возникла, оставив снова только вибрирующее жужжание.

В комнате была только одна дверь, но высоко из стены вывалилось несколько камней, и солнечные блики яркими пятнами лежали повсюду. Талахасси, странно не желая поворачиваться спиной к столбчатому предмету, тихо подкралась к двери. Она не имела понятия о планировке этого храма. И теперь из-за стены, должно быть, из отдаленных помещений обители, она вновь услышала звяканье систрума, бормотание голосов, поющих чуть ли не шепотом.

Могла ли она выскользнуть наружу? Талахасси осмотрела анк, лежащий у входа. Он находился в довольно густой тени, так что опять было видно слабое мерцание излучения вокруг него. Когда она попыталась протиснуться мимо, то наткнулась на некое подобие сплошной поверхности — не твердой и неподвижной как стена, а на барьер, который слегка подавался, а потом отталкивал ее.

Отступив к одной из подушек на полу, девушка села, скрестив ноги, и попыталась оценить свое положение. Теперь она неторопливо сделала то, чем не хотела заниматься раньше: попыталась проследить эту невероятную ситуацию с самого начала.

Ее принудили, в самом деле, следовать за анком в комнату коллекции Брука. Там произошло, по-видимому, единоборство между двумя невидимыми силами — возможно, личностями. Затем ее заставили взять жезл, после чего она окончательно очнулась на песке среди развалин.

Все это было совершенно реальным и продолжалось слишком долго, чтобы быть просто сновидением. Она не употребляла и никогда не собиралась употреблять наркотики. Но, может быть, это нечто такое, при употреблении чего человек мог воображать себе что угодно.

Данные о прошлом, которое она знала, могли быть получены из ее собственной памяти. Только, опровергая это, здесь находился странный предмет в углу, который определенно не мог принадлежать тому Мероэ, которое она знала по научным работам и по личным наблюдениям

найденных предметов прошлого. Если она не одурманена наркотиком и не спит — то что же с ней случилось? И почему у мертвой девушки черты ее лица, черты, которые не могла даже скрыть экзотическая косметика, различие в цвете кожи?

Где же она?

Здесь не было ни логического, ни приемлимого ответа для того, что случилось: во всяком случае она не могла найти ни одного.

Было жарко, очень жарко, несмотря на толстые стены каменной кладки. Глаз уловил какое-то мелькание на стене. Ящерица быстро убежала в никуда, прежде чем Талахасси успела хотя бы разглядеть ее. Она расслышала шаркающий звук и настороженно следила за входом, пока не вошла жрица, остановившая на мгновение, чтобы поднять анк, который так эффективно держал ее в плену.

Одна из женщин, сопровождавших жрицу, вошла за ней и, не обращая внимания на Талахасси, направилась прямо к плетеной корзине с крышкой. Она подняла ее. Талахасси уловила специфический запах, весьма ароматный, в застойном воздухе этого места, когда женщина вытряхнула белое платье, похожее на те, какие носили они все. Она отложила его в сторону и наклонилась, чтобы еще раз погрузиться в корзину; на этот раз она достала пару сандалий, имеющих ремешки, которые просовывались между большим пальцем и остальными, держались они на ноге шнурами, которые оплетали лодыжки. Последней из вещей она достала болванку, на которой был парик, волосы которого были заплетены во множество маленьких косичек, заканчивающихся золотой бусинкой, такой же, какой был надет на погибшей девушке. На него она осторожно приладила то, что тотчас же вручила ей жрица — обруч, несущий нападающую змею.

Пронаблюдав за составлением этого гардероба, жрица теперь повернулась к Талахасси, ясно показывая ей жестами, чтобы она сбросила одежду, которая была на ней. Когда девушка не подчинилась, жрица подняла анк, угрожая применить его. Если Талахасси не подчинится добровольно, могут быть вызваны силы, которые жрица использовала.

Талахасси медленно сделала то, что ей приказали. Как только она уронила свою последнюю одежду, то обнаружила, что младшая жрица уже стоит рядом с ней, держа маленький горшок. Используя какое-то жирное,

но ароматное вещество из этого сосуда, она начала намазывать его равномерно на руки и плечи Талахасси.

Она работала быстро и искусно. И когда она закончила, Талахасси увидела, что ее кожа стала в точности того же цвета, как и у женщин рядом с ней. Ей помогли облачиться в новую одежду; украшенный драгоценностями пояс, который, она была уверена, она видела на мертвой девушке, сомкнулся на ее талии. Затем они показали ей жестом встать на колени, и младшая жрица ножом подрезала волосы Талахасси, состригая их почти у самого черепа.

Ее глаза были обведены мазками кисточки, которую обмакивали в другой горшочек с косметикой. И, наконец, заботливо был надет парик с диадемой. Младшая жрица отступила в сторону, в то время как женщина в маске осматривала результат ее трудов — критически, предположила Талахасси. Она не сомневалась, что ее намеренно переодели и загримировали, чтобы она заняла место умершей.

Изумление еще раз отступило. На этот раз она почувствовала некоторое возбуждение, растущее в ней. Сновидение, галлюцинация, неважно, что это было,— теперь в ней пробудилось сильное любопытство. Отрывочная история Мероэ всегда интересовала ее. Сейчас она хотела знать, как долго будет продолжаться ее иллюзия, как далеко она ее заведет. И, как ни странно, она хотела тем или иным образом продолжать эту игру (ибо для нее это казалось игрой) так долго, как сможет.

Когда она опять встала с жезлом (которого никто не касался, но на который жрица указала ей, приказывая вновь взять его) в руке, она страстно желала узнать, как выглядит теперь. Жрица стояла очень спокойно. Талахасси не могла видеть глаза за отверстиями маски, но не сомневалась, что они сейчас прочесывали ее с головы до ног; осмотр этот был прерван только тогда, когда раздалось громкое потрескивание из светящегося блока в углу.

Она увидела, что жрица вздрогнула как бы от изумления. Затем она заторопилась к нему и опустилась на колени перед этой колонной бегущих по спирали цветов, заполнивших переднюю панель. Талахасси предположила, что она прислушивалась к чему-то, что имело отношение к ней. Раздался поспешно подавленный вздох другой женщины, которая поспешила к двери и исчезла.

Талахасси сгорала от любопытства. Если бы она

только поняла, могла в действительности узнать, что все это значит!

Потрескивание прекратилось. Тем не менее, жрица сейчас же протянула вперед руку и стирающим движением коснулась блока. Спираль исчезла. То, что появилось вместо нее,— был символ, который Талахасси знала как Глаз Гора. Когда изображение его стало устойчивым, жрица приблизила свою маску как можно ближе к поверхности блока и заговорила — мягкие шипящие звуки, подумала Талахасси, не были теми же самыми, которые звучали в песнопении, что она слышала раньше.

Глаз пропал из поля зрения. Снова там была только свободная игра не сформированного цвета, жужжание механизма. Жрица поднялась и приблизилась к Талахасси. На такое небольшое расстояние, что девушка могла хорошо видеть темные человеческие радужные оболочки внутри глазных прорезей маски. Она чувствовала, что женщине необходимо срочно что-то ей сообщить, хотя она понимала, что та не может передать ей то, что нужно.

— Чего вы хотите от меня? — спросила Талахасси. Женщина показала на вход, а затем на себя и на Талахасси. Из-за массивной пряжки своего пояса она вытащила длинный нож и нацелила его сначала на собственную грудь, а затем на Талахасси, опять показывая на вход — на этот раз с почти злобным ударом ножом по воздуху.

Девушка догадалась, как она верила, что ей хотели сказать, хотя это и выглядело весьма дико.

— Опасность... для нас обеих,— сказала она вслух.

Эти глаза осмотрели ее еще раз твердо и изучающе. Затем львиная маска слегка кивнула, как будто при более энергичном движении эта вещь слетела бы с головы ее носительницы.

Жрица показала на свой нож, на жезл, а потом опять на нож. Пыталась ли она сказать, что жезл был фактически таким же оружием, как лезвие, которое она вытащила, удивилась Талахасси. Но против чего использовалось это оружие — или кого?

Ее голова дернулась, когда она услышала шум наверху — звук, который становился все громче и громче. Снова это было частично знакомо, хотя не в каком-нибудь мире, где правила Мероэ. Если Талахасси не ошибалась, это была какая-то разновидность летательного аппарата, и, судя по звуку, он заходил на посадку!

Глава 4

Жрица не двинулась, хотя она слегка повернула голову к двери, как будто все ее внимание было уделено чему-то, что могло произойти снаружи. После нескольких секунд ожидания Талахасси услышала голоса мужчин, как ей показалось, звучащие гневно. Теперь жрица шагнула вперед, к Талахасси, так что они стояли вместе, глядя на дверь.

Раздался резкий треск, заставивший Талахасси вздрогнуть. Она не могла быть уверена, но этот звук был сильно похож на выстрел! Подобно светящемуся блоку в углу, идея современного оружия здесь была анахронической. Ее руки коснулись пальцы. Жрица сделала незаметный жест, который настоятельно просил Талахасси поднять жезл перед собой. Она вспомнила обычную позу большинства старых египетских изваяний — анк, цеп, крюк держали именно так.

Остальные женщины вошли, пятясь, в комнату, их голоса выражали горячий протест. Тесня их, вошло трое мужчин.

При виде их убеждение, что она каким-то образом попала в далекое прошлое, у Талахасси исчезло. По праву, эти вновь прибывшие должны были носить короткие юбочки и держать в руках копья или луки. На самом же деле вновь прибывшие были ближе к ее собственному миру по их одежде, так как каждый был одет в цельную униформу, обрезанную на локтях и коленях.

Одежда их была тускло-зеленого цвета, только на плече выделялась маска Эпидемека. Головной убор их, казавшийся неуместным, сделанный из двухцветной полосатой материи зеленого цвета, походил на головной убор древних египетских воинов, имеющий сходство со сфинксом. Что же касается остального, то каждый из них нес то, что, очевидно, было оружием, похожим и все же не похожим на ружья ее времени, подумала Талахасси. Это были не винтовки и не револьверы, но нечто среднее между ними по длине. И короткие стволы лежали на сгибах рук, наведенные на женщин, так как люди, державшие их, были готовы стрелять.

Заметив Талахасси, они остановились — их глаза широко раскрылись. Потрясение или явное удивление? Она не могла быть уверена. Жрица рядом с ней нарушила молчание. Никогда Талахасси не желала так сильно знать, что же происходило, как в этот момент.

Двое мужчин позади руководителя отступили на пару шагов. Их смущение ясно бросалось в глаза. Что или кого бы они не предполагали обнаружить здесь, это были не те, кому они противостояли теперь. Жрица подняла анк и повелительно заговорила, тогда как предводитель этой тройки хмуро смотрел на нее. Шрам, который рассекал его правую щеку от виска до подбородка, не давал какого-либо указания на милосердие в его выражении лица. Он не уступал, только сердито смотрел на женщину в маске львицы.

Жезл! Талахасси решилась на небольшой эксперимент. Она чуть-чуть наклонила жезл так, что его кристаллическая верхушка была направлена на мужчину. Он быстро перевел пристальный взгляд со жрицы на девушку. Она увидела, как изменились его глаза.

Он боялся! Страх внушала либо она, либо жезл, и Талахасси думала, что вернее всего последнее. Теперь выражение угрюмого расстройства искривило черты его покрытого шрамами лица. Талахасси сделала шаг вперед, затем другой. Он отступил, но не так поспешно, как двое сопровождавших его, которые сломались и побежали, как только девушка приблизилась к ним.

Их предводитель не сдался легко. Талахасси почувствовала опасность, таящуюся в этом человеке. Она умела каким-то образом улавливать эмоциональные реакции других по отношению к себе, определяя, когда ее принимали, терпели или не любили. Но этот человек излучал не антипатию, скорее это была ненависть. Она была так уверена в этом, как будто он выкрикивал проклятия ей в лицо.

Изгнание его таким способом могло быть наихудшим действием, какое она могла сделать. Однако две женщины быстро уступили дорогу, и она знала, что жрица непоколебимо двигалась позади нее. Они *хотели*, чтобы она выполнила как раз то, что делала!

Солдат что-то враждебно бормотал сквозь стиснутые зубы, но шаг за шагом медленно отступал, в то время как она продвигалась вперед. Теперь они перешли во внешнюю комнату храма с изваянием Эпидемека, маячившим из-за плеча мужчины. Назад и опять назад — наружу, в белый ослепительный блеск пустынного солнца, в пылающее пекло.

Она уловила мельком что-то, стоявшее не слишком далеко отсюда. Но она не могла рассмотреть его внимательно. Но вместо этого она была вынуждена следить за

человеком перед ней. Она до сих пор теснила его назад, пока они не очутились на самом краю храмовой мостовой. Внезапно он перекинул ремень своего оружия через плечо и произнес последнюю резкую фразу, в которой она могла прочесть угрозу, даже не понимая слов.

Он, казалось, не желал поворачиваться к ней спиной. Он шел боком, подобно крабу, косясь на нее, когда спускался по широким наружным ступеням и шествовал прочь — весь его вид выражал злобное бессилие — к летательному аппарату.

На взгляд Талахасси, этот аппарат обладал кое-какими отличительными чертами вертолета, но здесь не было вращающихся лопастей на верхней части. Как только мужчина добрался до отверстия в его боку и влез внутрь, он поднялся в облаке песка и гравия, но посредством чего — она не поняла.

На боку летательного аппарата были изображены какие-то знаки, но эти обозначения не имели смысла для девушки. Снова прикосновение к ее запястью, и жрица, как и раньше, слегка наклонив голову в маске, предложила им вернуться внутрь разрушенного храма. Одна из женщин сзади заговорила, а затем плюнула вслед исчезающему летательному аппарату. Звук его отлета уже замер.

Жрица больше не тратила времени зря. Она двинулась быстрым шагом, который почти что переходил в бег, чтобы скорее достигнуть внутренней комнаты; Талахасси торопилась за ней. Здесь женщина в маске, встав еще раз на колени перед светящимся блоком, разразилась целым каскадом повелительных слов, говоря прямо в него.

Талахасси подошла поближе к женщине, которая плюнула вслед отступающим солдатам.

— Кто? — Она попыталась вложить в это слово ее собственного языка значение вопроса, одновременно показывая наружу.

Какое-то мгновение казалось, что женщина не собирается отвечать, если она в самом деле поняла вопрос Талахасси. Потом она медленно и обдуманно произнесла одно слово:

— Юсеркэф.— По крайней мере прозвучало что-то похожее на это.

Часть знания Талахасси, которая уже искала незначительные беспорядочные знакомые намеки на это место, настроилась на смысл этого слова. Юсеркэф — древний

нубиец — или египтянин? Она была уверена, что это — имя мужчины. Но было ли это имя руководителя вторгшейся группы или того, кто его послал? Если бы она только знала. Она была готова швырнуть жезлом в стену от неведения, а затем немного посмеяться с облегчением. Сможет ли она когда-либо выяснить, что случилось, где она находилась и почему? «Почему» могло быть важнее всех других пунктов, подозревала она.

Они загримировали ее, чтобы она сыграла роль. По-видимому, она была кем-то, кто, с жезлом в руке, имел полномочие изгонять вооруженных людей, которые несомненно явились сюда не просто так, а с какой-то неприятной целью. И у нее было только единственное имя — Юсеркэф,— на котором надо было строить ответ.

Имена? Они очень много значили. У некоторых народов личное имя имело такое большое значение, что они никогда не открывали его чужестранцам, чтобы не давать посредством этого чужакам какой-нибудь духовной власти над ними. Она могла начинать с имен — это первый шаг в любом языке.

Она энергично ткнула себя пальцем в грудь и вновь *спросила:*

— Кто?

Женщина взглянула сначала на жрицу, все еще что-то мурлыкающую у пластины. На этот раз ее нерешительность была гораздо более заметной. Все же она наконец ответила.

— Ашаки,— повторила Талахасси, стараясь придать слову то же самое произношение. Затем она указала на жрицу.

— Кто?

— Джейта.— На этот раз пауза была недолгой. Вероятно, женщина подумала, что раз небо не обрушилось в первый раз, то оно выдержит и дальше.

— Джейта.— Теперь палец девушки нацелился на женщину.

— Кто?

— Мэйкда.

Другая женщина имела имя Идия. Талахасси слегка приободрилась. Если они немного хотя бы сотрудничали с ней, то она могла бы что-нибудь выяснить.

— Где? — она провела рукой вокруг в жесте, который, как она надеялась, должен быть понятен другой, которая внимательно следила за ней. Но три слова, которые затем она получила в ответ, вообще ничего не зна-

чили. И было очень досадно опять зайти в тупик как раз тогда, когда она добилась пусть маленького, но прогресса.

Жрица встала перед пластиной и произнесла то, что могло быть только рядом приказов. Женщины заторопились собрать соломенные тюфяки на полу, свалив их в одну кучу в углу. На все остальное они не обратили внимания, но корзину, из которой брали одежду для Талахасси, теперь унесли с собой. Они доставили ее в тень от изваяния Эпидемека.

Джейта занималась с пластиной, осторожно прижимая пальцы к нижней части каждого из трех прямоугольных блоков, на которых она располагалась. Как будто этим разъединив некую схему, она подняла ее, и свет тотчас же исчез с ее поверхности. Наклоном головы она подозвала Талахасси. Было ясно, что они готовятся покинуть храм. Уходят — куда?

Если бы она только могла видеть больше, чем просто глаза жрицы из-за маски. Любой мог бы понять по выражению лица больше, если бы он был внимательным.

Однако, она попыталась еще раз, махнув рукой наружу и спросив:

— Куда?

Снова в ответ больше чем одно слово, и они тоже вообще ничего не значили. И все же Талахасси поняла, что это были не те слова, которые Мэйкда произнесла раньше. Их место назначения? И как они собирались путешествовать?

Ответ на это пришел довольно быстро: через секунду раздался повторный рев в воздухе. Вернулись захватчики с подкреплением? Талахасси крепче сжала жезл. Второй отряд, вероятно, не удастся запугать так легко.

Опять приземлился летательный аппарат, взвихрив песок и гальку темным облаком, таким большим, что оно скрыло весь вход в храм. Когда все это рассеялось, из машины выбрались чьи-то фигуры и торопливо направились к ним. Снова униформа, но не тускло-зеленая, как у первого отряда. Эти были красного оттенка, близкого к ржавому цвету. И те, кто носил их, бесспорно были женщинами.

Увидев Талахасси, трое из них бросились на колени и подняли одну руку ладонью наружу, но в другой руке держали на изготовку оружие того же самого типа, что и у мужчин. Их руководительница не стала на колени,

а просто подняла одну руку к Талахасси и затем разразилась потоком возбужденной речи.

Жрица коротко ответила, подав им знак рукой по направлению к ожидающему летательному аппарату. Талахасси шла с неясным нежеланием. Она появилась в этом мире в этом пункте. Если бы она осталась здесь — существовал ли какой-нибудь способ, с помощью которого она могла бы найти дорогу назад, в свой собственный мир? Ибо она убедилась теперь, вопреки своим ожиданиям, что это не могло быть сном. И не было причины думать, что у нее галлюцинации, если только неизвестное излучение анка не вызвало их.

Они кое-как втиснулись в летательный аппарат. Жрицу и Талахасси усадили на двойное сиденье, в то время как храмовые женщины и амазонки уселись на полу, держась за плетеные ремни над ними. Талахасси могла видеть еще одну женщину в униформе за управлением. Она не успела разглядеть окружающую обстановку, потому что летательный аппарат взлетел со внезапным толчком, что вызвало у нее ощущение, неприятно похожее на то, какое возникает в скоростном лифте.

Она была далековато от маленького окошка, так что она не могла даже мельком увидеть местность, над которой они пролетали. Но у нее было ощущение скорости, которая была, несомненно, больше, чем скорость вертолетов в ее собственном мире.

Ситуация была подобна рассматриванию грандиозной головоломки, или, вернее, двух головоломок, где все части были произвольно перемешаны так, что одна не могла иметь смысла без той или другой. Жрицу в маске, руины — это она могла так или иначе принять лучше, чем летательный аппарат. Она видела подобное прошлое в течение всех лет своего обучения, хотя бы на картинках. Но что общего имели древние Египет или Нубия с неведомыми механизмами и оружием?

От тяжести парика, который они насильно надели на нее, болела голова. Она страстно желала сдернуть его, однако каким-то образом знала, что даже такое незначительное проявление независимости могло привести к серьезным последствиям. Предводительница солдат открыла небольшой отсек, расположенный напротив стенки пилотской кабины, и достала металлическую фляжку и несколько чашек без ручек. Несмотря на неровный полет летательного аппарата, она налила немного жидкости в чашку, примерно до половины, и осторожно вручи-

ла ее жрице, которая, в свою очередь, с приказной церемонностью протянула ее Талахасси.

Она приняла, пробормотав слова благодарности, и отпила. Содержимое было кислым и таким холодным, что у нее даже дух захватило. Она жадно допила остальное, только теперь поняв, что ее тело нуждалось в жидкости, хотя она не осознавала этого, пока не начала пить.

Другая чашка была предложена жрице, но она отказалась. Талахасси начала удивляться, как женщина могла выдерживать ношение маски такое длительное время и почему она делала так. В храме это могло совершаться по каким-то соображениям церемониала, но почему она цепляется за нее теперь?

Затем внезапно они заскользили по крутой спирали по направлению к земле и приземлились со слабым толчком. Офицер-амазонка поспешила открыть дверцу и выбралась наружу со своим отрядом, как будто ожидая какую-то неприятность, от которой они должны защищать. Жрица, если только Джейта действительно являлась жрицей, мягко прикоснулась к руке Талахасси и сделала ей знак выходить следующей.

Она двигалась несколько неуклюже, поскольку, хотя жрица была одного с ней роста, как и предводительница солдат, другие были по крайней мере на четыре или пять дюймов ниже, и летательный аппарат явно предназначался для их нормального роста, а не для ее. Когда девушка одним шагом прошла сквозь отверстие на землю, оказалось, что вокруг нее уже не пустыня. Серые камни и песок, глухие стены развалин — все это исчезло.

Здесь была пышная зелень, что дала отдых ее глазам. На расстоянии нескольких футов тропинка из камней, расположенных красочными мозаичными узорами, вела в туннель, стены которого образовывали пальмы и покрытые яркими цветами кусты. Она ощутила аромат цветов, сильный, почти одуряющий, увидела в просветах фрагменты чего-то, что могло быть только зданием, по крайней мере трехэтажным, утопающим в буйной зелени.

Амазонки стояли в напряженном ожидании, по две с каждой стороны. Когда Талахасси медленно и нерешительно двинулась по дорожке, они строем пошли сзади, пропустив вперед на шаг или два только жрицу.

Это было, конечно, передвижение вслепую. Она не имела ни малейшего понятия, куда она направлялась или что должна была здесь делать. Но было огромным облегчением войти в тень пальм и высоких ветвящихся ку-

старников. По дорожке что-то мелькнуло, направляясь к ней, и Талахасси замерла, затем в смущении негромко рассмеялась. Ибо вновь прибывшими являлись два котенка. Очень необычные котята, так как у каждого на кончике правого уха было золотое кольцо и оба носили к тому же ошейники с маленькими звенящими колокольчиками.

Котята остановились, задрав кверху крошечные головки, и уставились на нее таким немигающим взглядом, какой бывает у кошек, когда они испытывают чувство, соответствующее у человека беспокойству. Если они были кошками умершей девушки — тогда обман Талахасси был бы раскрыт... Она остановилась и протянула руку. Теперь все зависело от них. Если ее разоблачат, как чужестранку, то что будут делать амазонки, идущие позади? Если Ашаки была принцессой, как означала диадема на ее душном парике — хорошо, что могло быть наказанием за ее самозванство? Больший из котят нерешительно двинулся вперед, чтобы обнюхать пальцы Талахасси. Понюхал второй раз, затем проворно лизнул их кончиком шершавого маленького языка.

Меньший котенок издал звук, что-то вроде мяуканья, и прыгнул на своего товарища. Легко ударив лапой, он стремительно помчался опять по дорожке, его брат, или сестра, тотчас же бешено кинулся вдогонку.

Талахасси облегченно вздохнула, надеясь, что ее вздох не услышали. Она не просила о своей роли, но, конечно, хотела быть уверенной, что ее не разоблачат в самый опасный для нее момент.

Джейта заговорила, обращаясь к Талахасси с почтением, какого она прежде не оказывала. Она показала на здание, полускрытое густой растительностью, очевидно, убеждая девушку идти туда.

Они прошли через густые заросли, которые, казалось, служили изгородью между садом и посадочной площадкой. Теперь здание перед ними, окруженное заботливо ухоженными цветочными клумбами, было ясно видно. Массивные колонны примыкали к фасаду, поддерживая нависающую крышу. Колонны, как и развалины, были знакомы. Это были не классические колонны западного мира, унаследованные от греков. Скорее, их задумали похожими на толстые стебли цветов, верхушки которых венчали полураскрытые бутоны.

Дверь, которую они прикрывали, была очень широкой и выходила не в холл или комнату, но скорее во внутрен-

ний двор, в центре которого находился продолговатый бассейн, окаймленный по краям плавающими лотосами. Охранники у двери, тоже амазонки, мгновенно вытянулись по стойке «смирно». На расстоянии ожидала группа одетых в белые одеяния женщин, которая рассыпалась по приказу жрицы, хотя расходились они неохотно, многие оглядывались на Талахасси, как будто надеялись, что она отменит распоряжение Джейты. Второй приказ послал двух женщин, прибывших с ними из храма, в ту же самую сторону, и они пошли впереди с корзиной для одежды.

Когда эти двое прошли через одну из дверей, которые с четырех сторон выходили во внутренний двор, Талахасси уловила намек. Умная Джейта — она теперь знала точно, куда она должна идти и что сделать, чтобы не ошибиться дверью, что могло бы ее выдать. Как только расшитые дверные драпировки опустились у нее за спиной, она с любопытством осмотрела это незнакомое жилище.

Стены были расписаны стилизованными цветами лотоса, обрамляющими голову львицы, которая соответствовала маске, что носила ее спутница. Здесь была узкая кровать, четыре инкрустированных ножки которой напоминали лапы леопарда. Складные столики располагались рядом с двумя креслами с прямой спинкой, ножки которых напоминали кошачьи. И здесь же находилась обитая мягким скамья перед более массивным предметом обстановки, который состоял из двух рядов выдвижных ящиков, пустое пространство между которыми было покрыто плитой инкрустированного дерева, на ней располагались зеркало и множество маленьких, причудливо вырезанных и инкрустированных коробочек и баночек. Когда Талахасси шагнула вглубь комнаты, она увидела себя полностью в зеркале и открыла рот от изумления.

Она смотрела в лицо незнакомке. Густая косметика вокруг глаз — линии которой тянулись далеко назад, достигая края парика,— скрывала лицо почти как маска. Ее смугловатая кожа, сам парик — она могла сойти с какой-нибудь расписанной стены гробницы в Фивах или Мемфисе!

— Ашаки! — она не сознавала, что произнесла это имя вслух, пока сама себя не услышала.

Трудно было отвернуться от незнакомки на зеркальной поверхности. Она... она **не была** Ашаки. Внезапно ее руки начали дрожать. Она чуть было не выпустила

жезл, если бы не быстрое предостерегающее восклицание, которое заставило ее отвести взгляд от этого обманчивого изображения.

Одна из храмовых женщин подошла к ней, держа в руках продолговатый ларец, покрытый золотом; рельефным рисунком на нем выделялись те же самые медальоны, охраняющие дух, которые она уже выделяла на другом ларце — где, как давно это было? Жрица прижала пальцы к двум точкам на его поверхности, чтобы поднять крышку. Внутри мягкая обивка имела углубление, длинное и узкое, несомненно предназначенное для жезла. Талахасси с облегчением положила его внутрь и увидела, как ларец закрыли и положили на кровать.

Затем Джейта подняла руки к затылку и нажала на него так же, как она делала с ларцем для жезла. Мгновением позже маска распалась на две половины, которые взяла одна из женщин.

Талахасси обнаружила, что смотрит в лицо женщины, которая не отличалась красотой. У нее был крючковатый нос, как клюв ястреба, ее подбородок заострялся, и казалось (когда она поворачивалась в профиль), что он изгибается навстречу этому самому клюву. Коротко остриженные волосы на голове серебрились, и она не использовала косметику, чтобы подвести глаза или подкрасить полные губы. Лицо это было лицом человека, приказам которого повинуются, и не медля. И все же сила в нем, подумала Талахасси, не сочеталась с каким-либо проявлением жестокости. Она даже выстроила, в своем собственном разуме, идею олицетворенной справедливости, которая могла бы лучше всего подойти Джейте.

Теперь жрица изучала Талахасси внимательно, последовательно, как художник мог бы подробно рассматривать какое-нибудь произведение рук своих, беспощадно отыскивая самую незначительную погрешность. Другие женщины отступили к двери, подняли руки в салюте и ушли. Талахасси сделала глубокий вдох и позволила себе сесть в одно из кресел. Джейта продолжала стоять до тех пор, пока Талахасси, догадавшись о причине, не подала знак рукой своей компаньонке, указав на другое кресло. Хотя эта комната была гораздо прохладнее, чем в разрушенном храме, она хотела бы сбросить парик, избавиться от песка, который налип на ее окрашенную кожу. И все же теперь она более всего нуждалась в средстве связи.

Дверь приоткрылась, и Идия почти украдкой вновь

проскользнула внутрь. В руках она держала прикрытую корзину, которую передала Джейте. То, что жрица вынула оттуда, было ящичком, из которого свисали два шнура. Идия торопливо пододвинула один из столиков ближе, и Джейта поместила на него ящичек. Она подняла один из шнуров и вставила его твердый наконечник себе в ухо, дав Талахасси знак сделать то же самое с другим.

Девушка почти рывком втолкнула свободный конец внутрь и сразу же почувствовала результат. Телепатия? Нет, потому что этот обмен, очевидно, происходил благодаря ящичку. Но она на самом деле приняла сообщение — не из губ в уши, но из сознания в сознание:

— Не бойся, леди.

Талахасси, наполовину поднявшая руку, чтобы выдернуть шнур, все же овладела своими нервами. Это было то, чего она желала больше всего: средство связи — выяснение отношений.

— Кто вы? Где я? Как я попала сюда? — задавала она вопросы быстрым шепотом.

— Не спрашивай — до тех пор, пока ты не выучишь наш язык, леди. Здесь слишком много теней, которые имеют уши и рты, чтобы шепнуть в ненадежных местах то, что уловили эти уши. Я — Дочь Эпидемека, хотя многие из нашего народа, к сожалению, в эти годы отклонились от Истинного Учения. Что же касается места, где ты находишься,— то я не могу сказать более чем, что это Империя Амона в двухтысячном году после разделения Севера и Юга. Это не твой мир. Что же касается того, как ты попала сюда,— в настоящее время это повествование должно быть коротким, потому что у нас так мало времени. Но оно пойдет таким же манером, как детеныш следует за матерью.

То, что лежит там,— она жестом показала на упакованный теперь жезл,— является душой нашего народа. Ох,— она сделала гримасу, как будто откусила чего-то очень кислого,— в наши дни много таких, кто не верит в доктрины, что сделали Амон великим под нашим Господином, Солнцем. Они полагаются на труд своих собственных рук, говорят, что рожденное из их мыслей — является только их, а не исходит из Учения Существа более высокого, чем они сами. Однако, даже эти распущенные мыслители знают, что без Жезла в ее руках Кэндейс не отдает приказов, которым должны повиноваться. Без него она является пустым местом, так как в

Жезле находится вся сила ее Рода. И только один из Рода может держать его.

— Кэндейс! — Талахасси забыла о предупреждении другой.— Это был титул древних королев Мероэ!

Глаза, обращенные к ней, сузились.

— Кто ты, которая говорит о Месте Умерших?

Требование было подобно боли в ее голове, достаточно резкой, чтобы заставить ее поднять руку ко лбу. В нем была нота враждебности...

Глава 5

Талахасси колебалась. Где она — оставалось главным вопросом, на который она хотела бы получить ответ. «Империя Амона» — это название ничего не значило для нее. Однако Джейта необычайно быстро среагировала на упоминание о Мероэ. Теперь она пыталась сформулировать встречный вопрос, но с осмотрительностью.

— Я не знаю Империи Амона,— первой сделала она свое признание.— Насколько мне известно, очень давно тому назад — может быть, две тысячи лет — здесь существовало королевство Мероэ, народ которого недолго даже владел Египтом. Но оно было уничтожено давно тому назад, оставив только развалины и немногочисленные имена королей и королев, о которых мы в наши дни почти совсем ничего не знаем, кроме этих имен. Итак — я спрашиваю тебя — во имя милосердия, Дочь Эпидемека, где я теперь нахожусь?

Теперь наступила очередь Джейты помолчать некоторое время, которое для Талахасси тянулось очень долго. Неторопливо продумав ответ, она наконец сказала:

— Я не знаю, как много знаний ты можешь иметь о том, что может быть сделано с помощью древних сил. За время моей жизни только некоторые из нас, кто обучался Далекому Взгляду и Командованию Высшим Путем, постигают несомненно то, о чем я расскажу тебе сейчас. И если тебе нужно доказательство, что я говорю правду, вспомни о своем присутствии здесь.

Мы непрестанно в течение столетий разрабатывали некоторые духовные способности, которые известны с очень старых времен. Ты говорила о Египте — ты подразумеваешь Страну Кхем, царство Двух Корон?

Талахасси кивнула.

— А, тогда ты должна также знать, что последователи Внутреннего Учения там тоже имели таланты, которые были выше понимания обычных людей. Когда захватчики ворвались в Кхем, эти посвященные, вместе с некоторыми из Рода, спаслись бегством на юг, прибыв в страну Куш, где даже Люди Лука признали их и их учение и дали им убежище. Все больше и больше они старались направить свои познания на пользу Внутренним Путям. Потом, в свое время, Куш сам подвергся нападению — это были новые варвары с севера, а также жадные торговцы Аксума, которые хотели подавить наше могущество и захватить в свои руки все богатство, что текло через Мероэ.

Опять ядро Ученых и членов Рода должно было спасаться бегством — на этот раз на запад, в страну, которая никогда не была связана с Кхемом и где они были чужими на самом деле. Но в эти дни они уже накопили достаточно данных от своих опытов, что дало им силу завоевать управление над народами этой страны, которые были непросвященными и считали Талант волшебством, которым они сами не могли командовать.

Поиск Знания продолжался длительное время. И бывали годы, когда наше руководство страной оспаривалось, годы, когда только редкая горстка нас хранила секреты, с помощью которых мы так долго побеждали. Мир вокруг нас менялся, иногда медленно, иногда быстро, когда появлялся здесь предводитель с незаурядными способностями. Из этих предводителей некоторые имели Силу, и тогда мы выходили из укрытия и работали так много, как могли. Другие же учили, что человек должен рассчитывать на свои руки и работать ими, а не заниматься внутренним духом и управлением им. И тогда нас не слушали.

Но то, что мы узнали недавно,— время движется не только в одном измерении, обегая нас подобно ленте, движущейся так быстро, что мы не можем уловить это движение. Нет, временной охват гораздо шире, так что этот мир, в котором мы движемся, лежит близко к другим мирам, существующим в том же самом пространстве, однако, отделенных от нас барьерами этого иного вида времени. Так что есть миры, в которых Амон не существует,— поскольку ты говоришь мне, что он не существует в твоем мире.

— Пространственно-временные континуумы! — Талакасси изумленно посмотрела на Джейту.— Но эта тео-

рия — исключительно выдумка, используемая в романах моего времени как образный прием!

— Что бы ты ни думала об этом, мы доказали, что это правда. И разве ты не находишься здесь, в Амоне?

Талахасси облизнула внезапно пересохшие губы. Фантастическое, безумное?.. Какие другие слова она могла найти, чтобы истолковать такое предположение? Тем не менее, было ясно, что Джейта абсолютно серьезна.

— Допусти, что это так,— продолжала жрица,— и знай, что год назад некий Хасти нашел способ проломить барьер этого времени — с целью разрушить сам Амон!

Ее глубокопосаженные глаза сверкнули пламенем, и она, казалось, даже в мысленной речи, выплюнула имя «Хасти», как будто оно было непристойностью.

— Мы, самый древний народ, владели двумя сокровищами в те древние дни, когда впервые бежали в Куш. Это истина — предмет, на котором так долго фокусировалась Сила, становится, в свою очередь, вместилищем этой силы, иногда такой могучей, что только обученные и те, кто принадлежал к Роду, могут коснуться его и остаться в живых.

— Жезл.— Талахасси бросила взгляд на ларец на кровати.

— Жезл, в котором столетиями собиралась мысленная сила членов Рода. Даже я, кто может управлять Ключом Жизни, не осмеливаюсь положить на него незащищенную руку.

— Тогда почему же я могу? — засомневалась Талахасси.

— Этого я не знаю, хотя у меня есть два предположения; сущность первого в том, что в своем мире ты являешься аналогом принцессы Ашаки, которая отдала свою жизнь, чтобы вернуть обратно то, что было украдено. Второе — это то, что, раз ты происходишь из другого мира, твоя внутренняя сила имеет иную природу и скорее отталкивает, чем притягивает Силу, заключенную в Жезле. Но это другой вопрос. Я должна рассказать тебе то, что ты еще должна знать, и быстро — у нас нет времени, чтобы говорить о всех вещах. И здесь есть такие, кто насторожится, как только они узнают, что Жезл возвращен.

Он был захвачен созданием Хасти, потому что сам Хасти действует за спиной сына последнего Фараона, Юсеркэфа. У нас было много королев, и они правили по

праву своего рождения, неподвластные воле любого мужчины. Если они брали супруга, он находился в стороне от власти и не мог править от их имени. Не может этого и Юсеркэф, и это для него больное место. Так как наша Кэндейс была самым старшим ребенком сестры короля Пафора и, таким образом, наследницей.

Новые люди среди нас — те, кто неугомонен и хочет уничтожить наследие нашего прошлого,— они стараются идти чуждыми путями. И Идайзи, которая является старшей женой Юсеркэфа, хотела бы стать королевой. Поэтому ради власти она заигрывает с Хасти и его знанием.

Создание Хасти было послано в мир за временным барьером, чтобы оно спрятало там Жезл. Там оно было освобождено, чтобы притягивать силу тех, кто родственен Хасти по образу мысли,— тех, кто ненавидел правление женщин — для получения энергии и помощи. Таким образом Кэндейс не могла предстать перед народом на Празднике Середины Года с ним в руке. И из-за этой кражи она могла потерять трон. Однако, это не удалось провести тайно, как Хасти планировал, и, когда Жезл на самом деле исчез, нашелся способ узнавания, что он сделал и почему. Тем не менее нам потребовалось много исследования и экспериментов, прежде чем мы смогли решиться сами с надеждой отворить ту же самую дверь. И Ключ, которым мы владели,— он сам в последний момент был захвачен — остались только мертвые охранники, чтобы напоминать, что мы когда-то обладали им. Ибо Ключ и Жезл связаны между собой, и один всегда может указать путь к другому.

Нам стало ясно, что кто-то, обладающий силой, чтобы держать Жезл, и способный к мысленному поиску его, также должен проделать дверь в параллельное время — хотя это было отчаянным и, возможно, смертельно опасным делом. И принцесса Ашаки, чье обличье ты приняла, поклялась, что это рискованное предприятие должна выполнить лишь она. Так как Кэндейс нельзя было рисковать, а в этом поколении других Чистокровных нет, так редки стали теперь наши ряды. Таким образом, мы отправились к самому святому месту, где вибрации Силы были наибольшими, и там она бросила себя в неведомое. Там она должна была также встретиться с полной силой некой ненависти, похожей на ненависть Хасти.

Кэри? Мысль Талахасси ухватилась и замерла на человеке, который так откровенно выражал свою не-

приязнь... Весьма вероятно, это мог быть Кэри, независимо от его знания или веры, кто сфокусировал враждебность.

— Когда она возвращалась,— Джейта помедлила и затем продолжала,— то, наверное, потому что ты тоже положила руку на Жезл, должна была тащить с собой и тебя. А это была такая большая нагрузка на Талант, который мы собрали у наших сторонников. Таким образом, она ушла от нас, хотя и выполнила великую задачу, которую сама же на себя и взвалила. К тому же — там было это создание Хасти, которое, должно быть, преследовало ее,— возможно, это было необходимо для нее бороться с ним также в твоем времени. Хотя оно пришло вслед за вами... но,— теперь мысль Джейты выражала полное удовлетворение,— теперь я была способна заблокировать его с той стороны, так как Ключ и Жезл вернулись. Я не знаю, ухитрился ли его хозяин вытащить его назад с помощью какого-нибудь из безнравственных способов, какими он пользуется, но если ему удалось — тогда Хасти знает, что мы сделали. Юсеркэф также знает, поскольку это были личные охранники его семьи, которые ворвались к нам в Мероэ и были вынуждены признать, что они не имели права вторгаться к Дочери Рода.

Наконец, в объяснении Джейты появилась логика, хотя и безумная, как это могло казаться Талахасси. Если бы она могла принять все это как действительность, тогда факт ее внезапного переноса сюда стал бы понятным.

— Чего вы от меня хотите? — спросила она.

Выражение изумления на миг изменило жесткие, как гипсовая маска, черты лица Джейты.

— Ты еще спрашиваешь? Кэндейс, которая знает обо всем этом,— за исключением гибели Ашаки (хотя сообщение об этом уже находится на пути к ней) — сейчас на севере с официальным визитом у Народа Моря. Она должна вернуться к началу Праздника Середины Года. К этому времени мы должны иметь Жезл приготовленным для ее руки. Но для всех остальных ты должна быть Ашаки! Те, кто находился с нами в Мероэ, принадлежат ко второму кругу Верующих и Служителей. Они поклялись молчать об этом деле, ибо я нуждалась в их силе, объединенной с моей, чтобы осветить путь для возвращения Ашаки. Но в Амоне ты — Принцесса-Наследница и должна быть ею...

— А если я не хочу помогать твоим планам? Я была втянута в это не по своей воле...

— Каким образом? — задала Джейта встречный вопрос.

Талахасси обнаружила, что рассказывает о безумном деянии ночью в музее и каким образом она была принуждена следовать за анком к жезлу, о присутствиях, которые она ощущала во время этого странного противоборства воль.

— Создание Хасти. Это было оно, кто украл Ключ и спрятал его таким образом. Это было оно, кто надеялся добраться до Жезла раньше, чем Принцесса прорвалась бы, чтобы потребовать его. Это было оно, кто положил на него твою руку и таким образом привел ее к смерти.

— Ты говоришь его «создание». Что ты имеешь в виду? — спросила Талахасси.

Минуту или две ей казалось, что Джейта не собирается отвечать. Затем сообщение пришло, хотя и с явной неохотой.

— Мы не знаем, каким образом Хасти открыл это существо или как он забросил своего слугу с Жезлом в этот другой твой мир и затем послал следом за ним Ключ. Он установил вокруг своей работы экраны, природу которых мы не можем выяснить. А те, у кого есть наш Талант, не отваживаются шпионить за ним, потому что они могут быть немедленно обнаружены каким-то необъяснимым путем посредством его собственной разновидности силы, которую мы открыли, когда пропал Жезл. Быть раскрытым Хасти — это смерть — мы так думаем,— ибо ни один из тех, кого мы посылали, не вернулся, а также мы не смогли потом найти их с помощью личного сканнера. Они... они просто исчезли. Но его слуга, который выполнил это дело,— он, она или оно — не мог быть из тех, кто обладал Талантом. Ибо это также должно регистрироваться определенными приспособлениями, которые помогают нашему мысленному наблюдению, а этого не произошло. Мы знаем только, что, вероятно, было какое-то изменение в воре-посланце, которого он отправил. Ты говоришь, что видела Принцессу только как тень, и этот другой был также тенью — духом в твоем мире. Ну что ж,— в голосе Джейты вновь было удовлетворение,— этот другой останется духом, поскольку Ключ воспротивился возвращению создания!

— Если я сыграю эту роль, как ты желаешь,— Талахасси пристально смотрела прямо в глаза женщины, когда она формулировала эту мысль со всей силой, которую могла собрать,— затем, когда это будет сделано и твоя

Королева будет опять в безопасности, сможешь ты вернуть меня в мое собственное время?

— Скажу тебе правду. Как это обстоит теперь, я не уверена. Но если Юсеркэф будет побежден и все будет хорошо,— то, может быть, сама Кэндейс сможет выполнить это дело. Если так — она будет поддержана силой всех нас, кто управляет Талантом.

— Но ты не уверена? — упорствовала девушка.

— Не уверена,— согласилась жрица.— Что мы сможем сделать, мы сделаем. Однако... сейчас мы должны кое-что сделать, или все, ради чего мы зашли так далеко, будет потеряно.

В этой фразе была непреклонная решимость, и Талахасси снова насторожилась.

— Что?

— Ты должна стать Ашаки — не только внешне, как сейчас, но и внутренне,— овладев ее воспоминаниями и знанием.

Талахасси могла видеть разумность этого, но ведь это займет некоторое время, и сможет ли она хорошо выучить язык, а также все мельчайшие подробности жизни девушки, которую она заменила? И разве имели они недели?

— Это займет некоторое время...

Джейта встряхнула головой.

— Мы не можем дать тебе Талант, если ты не рождена с ним. Но все остальное может быть перемещено сознание в сознание из наших архивов...

— Из чего?

— Сокровищница знаний принадлежит всем тем, кто следует путем Силы, а также тем из Рода, кто будет править. Жезл,— она жестом показала на ларец.— Это их по праву, но он не обогащает их память. Наоборот, все мы, кто имеет Талант, дважды в год приходим в обитель и там отдаем свои воспоминания в лоно Великой Силы. Таким образом, если я хочу узнать, о чем размышляла Дочь Эпидемека, которая была до меня, я иду в эту сокровищницу и получаю память той, что, может быть, жила два поколения тому назад и носила Золотую Маску. Ты должна знать то, что знала принцесса Ашаки...

— Компьютерные банки памяти! — перебила Талахасси, возбужденная тем, что может провести такое отождествление со своим собственным временем.

— Я не понимаю,— ответила Джейта.— Изображение в твоем мозгу — оно чуждое — похоже на те вещи, ко-

торыми пользуется Хасти. Но кто знает, какую форму принимает Знание в другом временном мире? Здесь есть еще один человек, которого мы должны посвятить в твою тайну, так как только он имеет достаточно силы, чтобы применить мою печать и открыть для использования память Ашаки. Я уже послала за ним, и, если судьба к нам благосклонна, он должен появиться здесь перед рассветом. Теперь я настоятельно советую тебе — ешь, спи, отдохни хорошенько, ибо то, что тебе предстоит, является не простой задачей. Мы пользуемся такими записями только в исключительных случаях. Тебе придется впитать очень многое и сделать это так быстро, как только возможно.

Джейта вытащила наконечник у себя из уха, смотала провода и аккуратно положила их на крышку ящичка, стоящего между ними. На хлопок ее рук явилась Идия и поклонилась.

Наконец Талахасси могла сбросить парик, ее голова была необычно легкой без его удушающей тяжести. Но когда она кинула взгляд на свою остриженную голову в зеркале, она немного испугалась. Неужели она действительно т а к безобразно выглядит без волос? Она бы желала, чтобы леди Амона не придерживались этого щепетильного наследства Египта. Другая занавешенная дверь вела в купальню, где она с удовольствием окунулась, смыв оставшийся песок пустыни, хотя она заметила, что кожный краситель, который они наложили на нее в храме, не исчезает. Когда она обернула вокруг себя широкий прямоугольник из мягкой хлопчатобумажной ткани и вернулась в другую комнату, она обнаружила Идию, ставящую поднос с блюдами, что содержали в себе небольшую жареную птицу, какие-то фрукты, которые Талахасси определила как ломтики дыни и маленькие красноватые бананы, и хлеб, нарезанный тонкими пластиками и намазанный, по всей вероятности, джемом из фиников.

Теперь стало темнее, и с наступлением темноты засверкали два светильника, сделанные в форме свечи, на которых не плясало пламя. Напротив, сияние было рассеяно по всей их длине. Идия оставила ее одну, и у Талахасси появилось время подумать, пока она ела. Если она сможет принять эту первую предпосылку косвенных путешествий посредством необщепринятой теории временного перемещения, тогда все становилось на свои места. Однако, теперь ее беспокоили мысли о приобретении бережно хранимых воспоминаний Ашаки. Правда, это

здорово поможет в изучении языка. А если она сможет сыграть роль принцессы лучше, будучи в состоянии узнавать собственных людей и знакомые места, она будет в большей безопасности, чем теперь. Но было еще неясно, как она пройдет этот вызывающий опасение курс и как он может изменить ее разум.

Осмелится ли она на самом деле на риск любого такого вмешательства? Она должна потребовать от Джейты полное изложение того, что такая акция может повлечь за собой, когда она увидит жрицу снова. Покончив с едой, Талахасси медленно обошла комнату, рассматривая принадлежности на туалетном столике. Она протянула было руку, чтобы выдвинуть один из ящиков, но затем воздержалась. Она сознавала, при всем ее любопытстве, касающегося девушки, которой ей теперь предполагалось быть, что не имела никакого права что-либо узнать таким путем.

Раздалось мягкое «мур-р-р», и из-под края наружного дверного занавеса один за другим бесшумно проскользнули котята, которых она встретила в саду. Здесь они, видимо, были дома, поскольку стали носиться прыжками друг за другом по кровати, скача через нее, затем перепрыгнули с ее края на крышку туалетного столика, где они мягко приземлились, и с легкостью, свидетельствующей о долгой практике, прошлись среди флаконов и баночек, стоящих на нем. Наконец они вернулись на кровать и свернулись там клубочками; один из них сонно взирал на Талахасси над закругленной спинкой другого, как бы спрашивая, почему она не присоединилась к ним.

Но она вовсе не хотела спать. Кусок ткани, который она обнаружила на скамейке возле купальни, одевался с трудом, и она не рисковала вылезать из него. И она не желала вновь брать парик, который теперь находился на подставке перед зеркалом — приподнятая голова кобры на диадеме, казалось, следила за ней сознательным взглядом маленьких алмазных глаз. Когда Идия вернулась за подносом, на котором приносила ужин, она ободряюще улыбнулась Талахасси и протянула руку к чаше светильника в форме свечи, хотя и не касаясь его светящейся поверхности. Как только она опустила пальцы вдоль него, свет померк. Талахасси поняла инструкцию, поданную в виде пантомимы, улыбнулась в ответ и кивнула.

Тотчас же ее потянуло ко сну. Это был длинный день — или, может быть, дни. Впервые она задала себе вопрос, в то время как она выскользнула из ткани и

нырнула в кровать, стараясь не беспокоить котят, что же случилось там, в ее собственном времени и месте. Как они объяснят ее отсутствие? Могли они подумать, что она взяла как их таинственную находку, так и жезл? Что же касается доктора Кэри, думала она, он никогда не поверит тому, что случилось. Возможно, для нее даже лучше, что она перенеслась сюда, а не осталась смотреть в лицо ему с дикой историей, которую она вынуждена была бы рассказать, когда бы настоящая Ашаки выполнила свое скрытое дело.

Один из котят сменил позу и положил голову на ее ногу, как будто это была подушка. Это было реальностью, здесь и сейчас, она больше не могла этого отрицать. Итак, она погрузилась в сон гораздо скорее, чем могла предполагать.

Талахасси пробудилась от тяжести на груди и, немного ошеломленная этим, открыла глаза, чтобы уставиться прямо в кошачью мордочку. Маленький рот издал нетерпеливое мяуканье, и она увидела, что из-под дверного занавеса в комнату пробивались заметные лучи солнечного света. Минутой позже вошла Мэйкда. Было очевидно, что она обеспокоена, потому что она начала показывать жестами, как только заметила, что Талахасси за ней наблюдает, давая понять, что нужно вставать, как будто существовала какая-то необходимость в спешке.

Котенок зашипел, когда девушка осторожно сдвинула его к краю, чтобы соскользнуть с постели. Мэйкда опять начала жестикулировать — на этот раз показывая на дверь купальни. Талахасси обнаружила, что купальня вновь наполнена водой, на этот раз ее поверхность была усыпана лепестками цветов; рядом с купальней стояли два открытых горшочка, издающих странный, душистый запах. Она искупалась и вытерлась полотенцем, поданным Мэйкдой, а затем, по ее указанию, зачерпнула пальцами жирный, ароматный крем из горшочка, который понравился ей больше, и начала втирать его в свою ставшую темной кожу. Запах вещества, которое она использовала, был не очень сильным, но достаточно ароматным, чтобы доставить удовольствие.

На этот раз платье, которое Мэйкда держала наготове для нее, не было строгим белым одеянием жрицы, но скорее походило по стилю на восточный халат с поясом, популярный в ее собственном мире. Оно было нежного светло-розового цвета, края широких рукавов были расшиты золотыми нитками, ширина этой каймы составляла

шесть дюймов; пояс из золотых звеньев, охватывающий ее стройные бедра, прижимал к телу складки.

Мэйкда энергично принялась за работу, наложив ей толстый слой косметики вокруг глаз. Но Талахасси была рада видеть, что она не потянулась за тяжелым удушающим париком. Вместо этого женщина достала из одного из ящиков туалетного столика маленькую, похожую на тюрбан шапочку из золотой сетки, и из этого же ящика она взяла шкатулку, из которой вынула широкий воротник, почти покрывающий плечи и опускающийся на грудь Талахасси. Он был отделан рядами мелкого орнамента из розового кварца, прозрачного хрусталя и покрытого эмалью металла — все оправлено в золото.

Талахасси осматривала результат их совместных усилий по созданию безупречного туалета принцессы, в то время как Мэйкда стояла сзади, застегивая воротник-ожерелье. Варварский? Не совсем, решила она. Более похоже на утонченную игру в варварство, что-то вроде тех причуд, что временами охватывали всех, она знала, опирающиеся, в частности, на рисунки Африки, Южной Америки, майя, в качестве их источника. Ожерелье имело значительный вес, и она поводила плечами, пытаясь приспособиться к его присутствию.

— Ашаки!

Голос мужчины прямо за дверным занавесом. Рука Мэйкды взлетела к губам, лицо ее выражало ужас.

— Ашаки! — в оклике прозвучало растущее нетерпение, и Талахасси решила, что, кто бы ни стоял там, он не был расположен откладывать встречу. Кто мог быть так близок к ней, чтобы окликать Принцессу Крови таким образом? Кузен, который имеет виды на трон? Глубоко вздохнув, Талахасси поднялась. Было бесполезно медлить — рано или поздно ей придется столкнуться лицом к лицу с тем, кто нетерпеливо требовал ее присутствия.

Она направилась к двери. Мэйкда в отчаянии всплеснула руками. Однако девушка, внимательно взглянув на младшую жрицу, когда проходила мимо, подумала, что не заметила в ней никакого страха. Была бы она испугана, если бы это был Юсеркэф? По-видимому, теперь она согласилась с Талахасси, что с незнакомцем нужно встретиться, так как пошла к двери, чтобы откинуть занавес.

Талахасси, увидев, кто стоял за дверью, застыла, но все же смогла произнести имя:

— Джасон!

Глава 6

Но уже в тот миг, когда Талахасси произносила это имя, она знала, что это не был Джасон, которого она знала всю свою жизнь. У него были достаточно точные черты лица Джасона, но Джасоном он быть не мог.

— Ашаки? — теперь он произнес ее имя не требовательным, а скорее вопросительным тоном, и по мере того как он пристально разглядывал ее, выражение радости на его лицо постепенно перешло в замешательство.

Трудно было поверить, что этот мужчина не был Джасоном, хотя одежда, которую он носил, имеющая сходство с униформой солдат, которые первыми ворвались в храм (и все же отличающаяся от нее ржаво-коричневым цветом и, кроме того, имеющая украшения из сверкающего золота на воротнике и голову льва на груди), определенно не имела отношения к ее Джасону. И не могло быть у него широких золотых браслетов на запястьях, пояса с кинжалом, у которого была рукоять из драгоценного металла, покоящегося на одном боку.

— Херихор!

Из сводчатого прохода, находящегося сбоку от бассейна, появилась торопящаяся Джейта. Как и у Талахасси, ее голова была теперь покрыта тюрбаном, таким же маленьким, но она по-прежнему носила простое белое платье, как знак ее положения.

Он повернул голову и затем отсалютовал ей, как будто приветствуя пост, который она занимала, прежде чем разразиться речью, которой помешала поспешно поднявшаяся рука Джейты, призывающая к молчанию, в то время как она огляделась вокруг, как бы желая убедиться, что другого слушателя, кроме Мэйкды, поблизости нет.

Потом она повелительно подозвала их, и оба они — Джасон (нет, Херихор) и Талахасси последовали за ней. Они миновали бассейн и пришли в другую комнату, где стоял стол, заваленный листами плотной бумаги, некоторые из которых были свернуты в рулоны. В то время как стены вокруг... в других обстоятельствах Талахасси нетерпеливо бы принялась изучать находящееся там. Нигде, кроме музея, она никогда не видела такого множества артефактов, которые лежали или стояли на полках, покрывающих стены почти от пола до потолка. Джейта указала Талахасси на кресло и пододвинула к нему два стула.

Речь жрицы была быстрой, отрывистой, и Талахасси

могла предполагать по незначительным изменениям в выражении лица мужчины, что она, должно быть, пересказывает события ближайшего прошлого.

Сначала девушка считала, что он отказался принять то, что услышал. Затем он взглянул на Талахасси так оценивающе, что она была убеждена, что теперь он поверил сообщению жрицы. Возможно, в этом мире такие вещи не были необычными. И в то время как выражение его лица менялось, он становился все менее и менее похож на Джасона. В очертании его рта появилась жестокость, какой она никогда не видела у своего кузена. Дважды его рука инстинктивно хваталась за рукоятку кинжала на поясе, как будто он с трудом мог сдерживать побуждение вытащить *это оружие. Чтобы использовать* против нее? Когда он в первый раз окликнул ее, в его голосе была нотка, что наводила на мысль о каких-то эмоциональных узах с Ашаки, которая существовала прежде.

Теперь он так внимательно вслушивался в то, что говорила Джейта, как будто ее слова могли быть приговором, серьезно касающимся его. Когда жрица закончила, *он ответил ровным холодным* голосом, ни разу больше не взглянув на Талахасси. Затем он встал и стремительно вышел из комнаты, вновь вызвав у нее мимолетное воспоминание о Джасоне, который точно таким же выразительным способом держал плечи, когда был раздражен, невзирая на то, давал ли он выход своему раздражению или нет.

Джейта проводила его взглядом, приподняв руку, как будто хотела остановить его. Затем она покачала головой, по-видимому, в ответ на свои собственные мысли и еще раз подозвала Талахасси.

Они вернулись обратно в комнату девушки, где Мэйкда и Идия сдвинули вместе два маленьких столика у кровати, которые предназначались поддерживать ящик, из которого вели изолированные провода. Это была не та же самая аппаратура, которой они пользовались для общения, ибо на этот раз оба провода были присоединены к одному обручу. Джейта показала жестом Талахасси на кровать и потянулась снять маленький тюрбан, прежде чем девушка вполне осознала, что она собирается делать.

Талахасси опасливо рассматривала обруч. Ей не нравилась мысль использовать его, хотя жрица, по-видимому, считала это необходимым. Но если говорить честно, был ли у нее выбор? Она не могла действовать здесь вслепую.

А если это приспособление начинит ее фактами, даст ей знание, которого ей недоставало, тогда она действительно не имела права отказываться. Однако ей все же хотелось улизнуть, даже тогда, когда Джейта укрепила обруч у нее на голове и подтолкнула ее на узкую кровать.

Жрица взяла у Мэйкды очень маленький флакончик и проткнула булавкой его конец, плотно закрытый чехлом из туго натянутой кожи. Прежде чем Талахасси могла уклониться, она быстрым движением сунула флакончик девушке под нос. Странный ароматный запах...

Талахасси не сразу обрела ясность ума после этого вынужденного сна, когда открыла глаза, чтобы увидеть Идию, сидевшую на скамеечке у изголовья кровати. Кажется... на ее голове что-то было, или нет? Но теперь это исчезло...

Индуктор памяти!

— Проснулась, Великая Леди?

— Да.— Затем Талахасси осознала, что ответила на том же самом языке, на каком был задан вопрос.

Она была... она была Ашаки из Рода. Но она была также и кто-то еще. Она нахмурилась, в то время как она пыталась подогнать одну память к другой. Идия заторопилась за занавес. Этот аппарат, он исчез.

Это свершилось — она села на кровати, испытывая необычную слабость в своем теле, как будто была тяжело больна, и сразу же попробовала встать на ноги, вынужденная некоторое время держаться за кровать. Это была ее комната. Она могла рассматривать каждый отдельный предмет в ней как привычный и хорошо знакомый, они были очень дороги ей по прошлым ассоциациям. Но это были воспоминания Ашаки, а не ее, поспешила сообщить другая часть ее сознания. По крайней мере с ней не случилось единственного, чего она боялась,— она не лишилась своей собственной личности, неважно как ясно теперь она могла обращаться к прошлым воспоминаниям умершей девушки.

Только... у нее заныла голова, и она сжала ее. Так много... она нуждалась во времени — времени, чтобы рассортировать то, что лежит там. И с этими воспоминаниями пришел страх, больше не за себя, а тот страх, который был у принцессы, страх, что, по крайней мере, вынудил Ашаки взяться за опасное предприятие, которое окончилось ее смертью.

— Получилось? — это прозвучало не как утвержде-

ние, а как вопрос. Джейта вошла в комнату быстрым скользящим шагом.

— Я помню... слишком много...— ответила Талахасси.

— Здесь не может быть слишком много, Великая Леди. Ибо ты должна сыграть роль не только перед теми, кто любит тебя и желает тебе добра, но и перед теми, кто высматривает то, что может быть использовано против тебя. Времени у нас даже меньше, чем мы думали. К тому же мы подверглись нападению шпионского луча, лишившего нас связи с храмом в Новой Напате. В то же время Принц-Главнокомандующий принес новости...

Она ходила взад и вперед, как могучая львица, на которую она, казалось, частично была похожа при их первой встрече, запертая в клетке. В выражении ее лица было более чем беспокойство. В нем обосновалось теперь ощущение приближающейся беды.

— Ты должна выслушать Принца,— она опять резко повернулась к Талахасси.— Его тайные агенты доставили ему новости еще более скверные, чем мы могли вообразить.

Херихор — опознала принца память Ашаки. Не Джасон — Херихор. Он был из Рода, но в меньшей степени, и являлся главнокомандующим основных пограничных войск мужчин на севере. И... он был помолвлен с Ашаки с детских лет, хотя они не могли вступить в брак, пока последователи Великого Учения не позволили бы принцессе отойти от этого рода деятельности.

— Я... я не могу ясно мыслить,— запротестовала Талахасси, массируя ноющую голову ладонями, как будто она могла таким образом избавиться от боли.

— Мэйкда принесет целебный напиток. Выпей его весь, Великая Леди. Мне бы хотелось, чтобы ты действительно смогла отдохнуть сегодня. Но время уходит — мы не можем теперь знать, что происходит где-нибудь в другом месте, пока мы находимся тут. Кэндейс... есть сообщение, что несвоевременные бури в пустынных землях препятствуют ее возвращению. Она может так задержаться, что Праздник Середины Года свалится на нас прежде, чем она прибудет. Принц-Главнокомандующий послал к ней с сообщением двух самых верных офицеров. Никто из них не вернулся. Нам сообщили, что этими бурями повреждены все средства связи. Но те, кто распоряжается посылкой сигналов, могут вполне быть ставленниками Юсеркэфа. Да проглотит его Сет!

Младшая жрица вернулась, неся бокал, и стала на

колени, чтобы вручить его Талахасси. Она с сомнением принюхалась к запаху бесцветной жидкости, но память подкрепила ее догадку, что это было просто укрепляющее.

И Джасон — Херихор — вошел как раз в тот момент, когда она сделала большой глоток, скривившись от горького привкуса. У него было каменное лицо, и он не встречался с ней глазами, глядя выше и за нее. Если он действительно любил Ашаки, а память теперь настойчиво утверждала, что он любил, он должен ненавидеть ее. Талахасси испытала слабое сожаление о том, что он был так тороплив в разговоре, хотя она понимала, что он хотел сказать то, что должно быть сказано, и затем быстро уйти, чтобы не видеть ее.

— Я не могу рассеять шпионский луч,— кратко начал он.— Но здесь нет ошибки, он идет с юго-запада. А Четвертая Армия Ашанти находится между нами и Напатой.

Из ее памяти выскочило имя.

— Айтуа? — спросила Талахасси.

Херихор кивнул.

— Айтуа и, возможно, также Укайя. Я не знаю, как далеко распространилось гниение. Достоверно известно, что Хасти имел встречу — втайне от других — с обоими нашими уважаемыми родственниками и немногими избранными из армии. Было подмечено, что они не вызвали ни генерала Шабека, ни маршала Настазена. И полковник Намлия ничего не знала до тех пор, пока не стало уже поздно ставить какую бы то ни было стражу. Они осмелились войти в Южный Дворец без надлежащего разрешения. И,— он пожал плечами,— они имели что-то такое, что побеждало любое наше приспособление. Хасти наобещал много в отношении нового оборудования, и, возможно, теперь он создает его. Двое из моих лучших людей, посланные следить за ними, исчезли — даже их персональный контроль не подсказывает, где они находятся...

— Мертвы? — Талахасси пока что с трудом обращалась к нужным воспоминаниям, чтобы понять то, что он говорил.

— Нет... по крайней мере личность их не стерта. А я имею лучшего наблюдателя для поиска на этом уровне.

Наблюдатель, подсказала память Ашаки,— некто, обученный удивительному и, для Талахасси, непонятному учению храмов, где по-видимому, психометрия, все еще едва понимаемая в ее мире, могла быть приспособлена

для точного и конкретного использования при обнаружении людей.

— Я ходил к Зихларзу.— Теперь Херихор расхаживал взад и вперед в той же самой манере хищника, заключенного в клетку, как раньше делала жрица.— Он говорит, что то, чем пользуется Хасти, не соответствует ни одному приспособлению, рожденному Высшим Знанием, и что даже с акцентированной Силой он сам теперь не может уловить мысли более чем половины подозреваемых офицеров и советников.

Джейта воскликнула:

— Что же сделал этот слуга Сета, что может противостоять Высшему Знанию?

— Это твоя сфера деятельности, а не моя, Дочь Эпидемека,— огрызнулся Херихор.— Я только знаю, что три флайера, пытавшиеся парить над Южным Дворцом, разбились. И пилоты были мертвы, когда мы нашли их. Я сделал все, кроме вызова войск, в которых я уверен. Это в основном личная охрана Кэндейс и северные армии. Мы можем официально предпринять, например, такую акцию в результате этого — выбить ворота с помощью армейских сил, хотя если мы совершим это, то можем вполне навлечь на себя тот же самый бунт, которого мы опасаемся. Налдамак должна вернуться. Я привел Гвардию в состояние готовности. На то, что Хасти имеет...— он развел руками.— Он, возможно, даже способен сбить флайер, на котором она летит, хотя мы проверяли это соображение в течение последних двух дней. Похоже, что, какое бы то ни было влияние под его контролем, предел досягаемости этой силы все же ограничен. Мы были глупцами, не приставив к нему надежную стражу с самого начала. Глупцами! — Он ударил кулаком по ладони другой руки.

— То, что происходит,— набросился он на Джейту, как будто обвинял ее в каком-то преступлении,— это от слишком большой веры в единственный путь Силы. Хасти далеко обогнал Великое Знание, могу поклясться в этом!

— Он рассчитывает на труд человеческих рук,— Джейта выглядела такой же рассерженной, как и принц.— Человек же не может действовать один без поддержки высших сил.

— Не может? Скажи это моим погибшим воинам, Дочь Эпидемека. Они умерли, задохнувшись, как будто были листьями, которые кружит буря. И не сила Вели-

кого Знания сделала это! И даже Зихларэ, который, как считают, вмещает в себе высшую степень вашего знания, не может объяснить это для самого себя. Хасти необходимо остановить — но скажи мне, как? Я больше не буду бесполезно посылать людей в смертельную западню.

Джейта, казалось, подавила в себе минутную вспышку гнева.

— Мы осуществили то, что задумали. Жезл и Ключ находятся в безопасности, в наших руках...

— Ценой еще одной смерти! — бросил он ей.

— Даже если бы это была цена нас всех из Круга Таланта, тем не менее мы отдали бы за это свои жизни,— ответила она спокойно.

— Я знаю,— сказал он негромко.— Я знаю, почему она должна была пойти. Но от этого ее потерю переносить не легче. А что, если Жезл и Ключ не являются ответом? Что если Хасти открыл что-то, что является сильнее?..

— Нет! — сильно прозвучал голос Джейты.— Мы работали над собой сотни веков, чтобы достичь того, что имеем. Я не верю, чтобы какая-то вещь из металла могла противостоять Великому Знанию, с которым мы работаем и которое поддерживает жизнь в самом этом мире! Если этот человек попытается так...

— Я не из Храма, дочь Эпидемека,— ответил Херихор резко.— И я видел в прошлом, что Веру Избранных можно совершенствовать. Разве не они заставили пустыню цвести и плодоносить, укрепили нашу расу, пока мы не встали твердо против варваров севера и юга? Ни один человек этого не отрицает: что сделано, то сделано. Но если Хасти создал что-то еще, тогда мы должны принять это, потому что, возможно, даже Великое Знание может оказаться под угрозой.

Великое Знание. В виде эксперимента Талахасси, прислушиваясь к диспуту, развернувшемуся перед ней, только краем уха, попыталась извлечь воспоминание (или ряд воспоминаний), касающееся природы этого. Но на поверхность отчетливо всплыла вся жизнь Амона и ее место в ней, когда она вызвала это воспоминание, совсем другое... Нет, вызывать его — все равно, что пытаться поймать клочки порхающих теней руками. По-видимому, принцесса не регистрировала этого, возможно, считая слишком секретным, чтобы хранить его где-то, откуда оно могло быть извлечено.

Она могла извлечь историю этого временного уровня

из своей старой памяти. Египет, который в ее собственном мире славился таким количеством культов, чтобы быть первоисточником оккультного учения, действительно открыл на этом уровне и усовершенствовал тип мозгового контроля и генеральное сверхчувственное восприятие (сосредоточенные в обученном жречестве и королевской династии), что ограничивало эти способности культов, утверждавших, что они когда-то имели их.

Хотя Египет становился добычей захватчиков, сперва греческих и потом римских, как в истории ее собственного мира, он не исчез. Отступив на юг к Кушу, современному Судану, выжившие члены Теократии вновь возродили свою цивилизацию до высшего уровня с помощью своего собственного учения. Арабы из современной Эфиопии попытались вторгнуться к ним, но были отброшены в течение войны, которая снова обескровила крепкое ядро жречества — напряженное использование своей силы привело к смерти или к умственному коллапсу многих из них. Так пало Мероэ, в то время как горстка беженцев — королевская семья и те, кто остался от обладавших Знанием — спаслась бегством на запад.

Во время последующего поколения было очень мало таких, кто проявлял способность к обучению, чтобы поддерживать жизнедеятельность замкнутого Круга Талантливых. Таким образом их ряды в более позднее время истощились, однако через поколение после их бегства на запад на трон взошел король с необычайным талантом. По очень древнему обычаю Рода он женился на своей сводной сестре, которая уже прошла три из четырех стадий, ведущих к полному обладанию Силой. Вместе они заложили основы Империи. Это оказалось благоприятное время, рассматриваемое теперь как золотой век, потому что тогда за короткое время родилось множество имеющих Талант, а некоторые из них стали к тому же правителями провинций, занятых расширяющейся Империей.

Затем последовал пик процветания и успеха, который продолжался около двух веков. Их безопасности благоприятствовал тот факт, что в этом мире не появился Магомет и не распространился ислам, заливший кровью центрально-африканские государства, как случилось в истории, которую Талахасси знала.

Среди низших классов постепенно распространилось коптское христианство, но стойкое внутреннее ядро правителей и должностных лиц осталось почти фанатически привязанным к Великому Знанию. И в королевской ди-

настии продолжали рождаться те, кто обладал Талантом.

Европа, как узнала Талахасси из своей новоприобретенной памяти, не вмешивалась. Хотя торговые корабли из Португалии, Испании и Англии посещали порты Империи, северяне не решились на попытку такого завоевания, которое принесло бы проклятие работорговли на этот континент. Со времени появлений европейцев Империя установила тесные торговые связи с Индией, Китаем и Дальним Востоком. С тех пор Мероэ-Египетская цивилизация развивалась беспрепятственно, их собственные изобретения и оборонительные средства сравнялись, если только не превзошли то же самое у торговцев.

Всегда искусные металлурги и руководимые Великим Знанием, которое планировало и экспериментировало, народ Амона создал современную цивилизацию на одном уровне с любой из высоко поднявшихся африканских наций ее мира, однако гораздо более стабильную благодаря сути веры, из которой он черпал вдохновение столетиями. Теперь, наконец, она оказалась под угрозой, но не снаружи, а изнутри. Вновь произошел заметный спад рождений Талантливых. Ашаки была единственной в королевской семье, обладающей Силой, за два поколения. И потому, что количество таких сильно уменьшилось, появились предложения, чтобы правители Амона должны применять другие способы для его защиты.

Сила сама по себе была традиционна, так что поначалу к Хасти прислушивались лишь немногие. Зависть Юсеркэфа и непритворная ненависть его главной жены к его королевским кузинам, чьи достоинства были выше, чем она когда-либо могла надеяться сравняться,— все это дало Хасти шанс. Его собственное происхождение было темным, так как он появился лишь несколько лет назад, держась в стороне от храма, но добившись поддержки Юсеркэфа.

Джейта гордо выпрямилась.

— Никакой мозг не работает без благосклонности Того, Кто Стоит За Пределом Измерения. Если это случится, то тогда порвутся связи между нами и людьми. Погляди на жителей севера с их постоянными войнами, голодом, мором... Разве народ Амона сталкивался с этим на протяжении сотен веков? Мы открыли наши сердца всему живому вокруг, и таким образом через нас дух жизни льется в руки земледельца, который ухаживает за хлебными злаками, скотовода с его стадами. Наши люди грезят красотой, и она рождается под их пальцами. Если

мы сажаем дерево, разве мы оставляем его на произвол судьбы? О нет! Тот, кто сажает, вкладывает в него дух жизни, который стремится опять наружу, чтобы помочь росту корней под землей. Мы — строители, а не разрушители — и если мы отвернемся от истины, то и в самом деле погибнем.

— Сколько сейчас людей, имеющих Великое Знание? — Херихор подбросил ей вопрос.— Сколько в эти дни рождено детей, которых мы могли бы привести в храм, чтобы пробудить любовь к Таланту и обучить его применению? Что, если мы становимся слишком старыми, а наша кровь — слишком жидкой? Что, если придет время, когда этот жизненный дух не может быть вызван?

— *Существуют отливы и приливы*,— ответила Джейта.— Если мы находимся теперь в состоянии отлива, наступит и прилив. Но в настоящий момент существует опасность, что те, кто думает плохо о нас, должны напасть. Из-за того, что, как ты говоришь, нас мало. По этой причине мы должны напасть первыми, чтобы вырвать с корнем этого Хасти и те мерзости, с которыми он трудится.

— Если мы сможем,— мрачно заметил Херихор.

— Посмотри, что мы уже сделали,— резко сказала Джейта.— Разве мы были уверены, что сможем отыскать место, где Жезл был спрятан? Однако мы сделали это, несмотря на то, что Ключ тоже был украден. Они вернулись в наши руки. И я скажу тебе, мой Принц, что Жезл — это гораздо больше, чем думают многие верующие.

— Что именно ты имеешь в виду? Это — символ власти, и, очевидно, его на самом деле нельзя держать никому, кто не происходит по прямой линии из Рода. Но что в нем есть еще? — задал он вопрос.

— Мы до сих пор не знаем,— ответила она искренне.— Но именно тогда, когда мы вернули его, в нем была высвобождена сила, которую мы все еще не понимаем. Или, возможно,— она взглянула на Талахасси, молчаливо сидящую на кровати,— это было делом кого-то еще.

— Я ничего не имею от вашего Таланта,— быстро возразила девушка.— Вы дали мне достаточно ее памяти, чтобы я могла понять, чего не имею.

Херихор перевел взгляд с нее на Джейту и вновь на нее, его глаза теперь внимательно рассматривали загримированное лицо Талахасси, как будто под этой косме-

тической маской он надеялся прочесть правду, которую должен узнать.

— Да, Дочь Эпидемека,— число твоих сторонников теперь уменьшилось еще на одного, которого, я думаю, ты считала самой способной из всех. Это большая потеря для тебя.— В его голосе слышалась горечь, а его взгляд был холоден, выражение лица — замкнуто. Неужели он на самом деле ненавидит ее? Талахасси была уверена, что так оно и есть.

— Мы не знаем, с чем мы столкнемся.— Джейта, казалось, выигрывала время.— Ясно только, что, кроме всего прочего, мы должны хранить в безопасности Жезл и Ключ и молиться, чтобы Кэндейс поскорее вернулась домой. Поскольку шпионский луч лишил нас связи, по-видимому, будет лучше послать какого-нибудь человека прямо в Храм, чтобы переговорить с Зихларзом. И охранники...

— Я знаю свое дело. Когда я прибыл, то привел с собой Полк Ибиса. И два гонца отправлены к тем командирам, которым я еще могу полностью доверять. Один ответил, когда я был еще в воздухе. Он движется по земле, чтобы сохранить открытой северную дорогу,— если сможет. Так как, если Хасти дотянется этой силой до него, кто знает, с какими скверными сюрпризами нам придется столкнуться.

Он быстро кивнул головой им обеим сразу и ушел прежде, чем жрица могла заговорить снова. Талахасси нарушила молчание вопросом, который прозвучал неожиданно для нее самой, хотя она и задала его:

— Он очень сильно любил ее?

Секунду или две Джейта казалась настолько погруженной в какие-то свои собственные мысли, что не прореагировала на этот вопрос. Затем она вздрогнула, изумленно посмотрела на Талахасси, так что девушкой овладело странное стыдливое ощущение, как будто вопрос, который она задала, нарушил какое-то важное правило вежливости.

— Принц Херихор был избран как консорт для Принцессы,— тон Джейты был очень отчужденным и запрещающим,— хотя он и не был чистокровным членом Рода. Предполагалось, что смешивание крови такого рода, пожалуй, усилит заново династию в следующем поколении. Ребенок Ашаки должен быть — был бы — тем, кто наденет следующую корону.

Итак, брак по расчету и государственным соображе-

ниям. И все же Талахасси считала, что тот приветственный оклик снаружи ее спальни ранним утром содержал кое-что еще: теплоту чувства. Но она не должна оценивать этих людей, решительно заявила она сама себе. У нее могли быть воспоминания Ашаки, отфильтрованные их запоминающей машиной, но она не обладала никакими сведениями о Херихоре: видимо, это было скрыто специально. Фактически, теперь она была поглощена открытием, которое только что сделала,— ни одно из этих воспоминаний, которые она до сих пор испытала, не вызывало даже скрытых намеков на эмоции. Она не осознала даже, что Джейта, пристально понаблюдав за ней одну-две секунды, бесшумно вышла из комнаты. Ибо Талахасси опробовала некоторым образом эти воспоминания, привлекая к переднему плану ее разума каждого из людей, которые, как она предполагала, были тесно связаны с ней, чтобы дождаться какой-нибудь реакции, симпатии или антипатии — какой бы ни была она слабой. И до сих пор она не могла обнаружить ни одну из них.

Глава 7

Головная боль Талахасси притупилась, она была способна съесть все, что позднее принесла ей Идия, и почувствовала, как сила вливается в нее. В самом деле она ощущала почти эйфорию, состояние, которое вызвало у нее подозрение. Было ли укрепляющее средство какой-то разновидностью наркотика, чтобы привязать ее более тесно к воле Джейты? В воспоминаниях Ашаки, которые она смогла извлечь, она не находила почвы для такого подозрения. Но это еще ничего не значило.

Она вышла к бассейну и села на скамью, пристально глядя в воду, где цветы лотоса широко раскрыли свои остроконечные лепестки. Теперь она знала, что это было ее собственное поместье, или Ашаки, неофициальное убежище, куда Принцесса много раз удалялась для научных занятий и созерцания прошлого. В душе она была уверена, что здесь она в такой безопасности — до тех пор, пока она б ы л а Ашаки,— насколько это было возможно в этом мире.

Появились котята, стремительно выскочив ниоткуда, и запрыгали рядом с ней. Один из них, сидя в некотором отдалении, заговорил по-кошачьи, пристально глядя вверх прямо в лицо Талахасси, как будто передавал ей

какое-то сообщение. Когда она протянула руку, он нежно прикусил ее пальцы, самые кончики, тогда как другой котенок широко зевнул и сонно свернулся клубочком.

Это умиротворяло. Она смогла почти отбросить чувство перемещения. Может ли Ашаки укрепиться в ней и занять господствующее положение? Талахасси беспокойно шевельнулась. Насколько она рисковала, открыв доступ к своему мозгу этим имплантированным воспоминаниям?

Имелось...

Талахасси застыла, напряженная. Оба котенка возбужденно поднялись, повернулись на скамье, чтобы уставиться на что-то за ее спиной. Они сморщили свои губы в безмолвных ворчаниях. Рука девушки потянулась к рукоятке кинжала на поясе. Позади нее — теперь — была опасность.

Она заставила себя подняться медленно, будто бы ничего не подозревая. Крик вызовет кого-нибудь из амазонской стражи. Только было здесь что-то... Это она уже ощущала прежде, не как принцесса Амона, а точнее как она сама, Талахасси Митфорд.

Она медленно повернулась, чтобы встретиться лицом к лицу с тем, что скрывалось там. Хотя это было днем и не в темном здании, в другом времени и мире, здесь вновь было это присутствие — она не могла лучше описать это. Только она ничего не могла разглядеть...

Ничего? Нет! В дверном проеме того помещения, где Джейта наставляла ее,— там мерцала тень. И эта тень...

Талахасси не могла определить это как более чем каким-то затуманиванием ее собственного зрения, затуманиванием, ограниченным этим единственным участком. Собрав все мужество, которым она обладала, девушка направилась к этому. Ее рука двинулась, но не по ее воле, а направляемая памятью Ашаки, в жесте, чтобы нарисовать в воздухе очертания Ключа.

Здесь была... не угроза, она ясно осознала это, когда она взяла под контроль свой страх, который начал отступать. Здесь была нужда в чем-то, что мимолетно затронула ее. А потом это потемнение исчезло. Как будто закрылась дверь. Какова природа двери, и почему она появилась? Ашаки была мертва. Это не могло быть тенью-личностью принцессы, которая вторглась в мир Талахасси и запоздало явилась теперь сюда. Обе памяти уверяли ее, что это невозможно.

Но здесь было то, другое существо. Сгустившееся в

воздухе среди развалин, пока Джейта не отправила это присутствие прочь. Другое существо — он или она, кто был послан этим Хасти украсть и спрятать величайшую защиту Амона,— могло оно быть затаившимся? Если так — теперь они могли столкнуться с опасностью, с которой не могло справиться даже все хваленное Древнее Знание. Ибо когда враг невидим...

Талахасси заставила себя подойти к этому дверному проему, пристально взглянуть в комнату за ним. Но она знала, что существо исчезло. Холодный озноб страха, что оно могло принести с собой, уже постепенно исчезал. Однако, уход его не означал, что оно не вернется.

— Великая Леди?

Талахасси была так испугана голосом сзади, что она чуть не вскрикнула. Но она овладела своим замешательством прежде, чем она повернулась, чтобы взглянуть в лицо полковнику Намлии собственной персоной.

— Да, воин льва.— Старое-старое официальное обращение пришло непрошенным из второй памяти.

— Просят аудиенцию... Принцесса Идайзи. Она хочет поговорить с Великой Леди.

Идайзи — жена Юсеркэфа — та, чья зависть вызвала многие из этих бед, которые произошли здесь. Но почему она прибыла?

— Ты можешь разрешить ей войти, но вызови также Дочь Эпидемека и Принца-Главнокомандующего Херихора.

— Приказано — сделано,— официально ответила амазонка.

Талахасси вернулась к скамье, умышленно усаживаясь. Она догадывалась, что Идайзи посмела явиться так дерзко лишь потому, что отправилась для сбора интересующих ее сведений. Она была одновременно коварна и самонадеянна, чтобы предпринять такую акцию. Память Ашаки предоставила многое относительно Идайзи, но мало или ничего хорошего.

У главного входа в дальнем конце бассейна возникло движение, когда стройная женщина в шафранно-желтом наряде и маленьком дорожном парике решительно вышла вперед, в то время как ее эскорт задержался у ворот. Талахасси не поднялась, чтобы приветствовать ее. Положение Ашаки было гораздо выше, чем положение этой самонадеянной самки. В старые времена, до того, как был пересмотрен удушающий этикет двора, эта женщина должна была ползти на четвереньках и целовать

ремешок сандалии Принцессы. В ее жилах не бежало ни капли настоящей Крови.

Даже если не анализировать эмоцию, вырвавшуюся из воспоминаний, Талахасси чувствовала, что такие эмоции существуют. Так как сам вид привлекательного разукрашенного лица Идайзи тотчас же вызвал вспышку ярости.

Женщина была очень красива, с точеными чертами лица, прекрасно очерченными губами. Хотя она была миниатюрна и изящна, однако, она имела великолепную осанку и держалась с той прирожденной уверенностью, какую дает женщине красота. Какими бы презрительными воспоминания Ашаки ни были, Талахасси осознала, что принцесса всегда понимала, какую привлекательность Идайзи имела для ее слабовольного кузена и как это совершенство плоти легко могло вертеть им в своих целях.

— Я вижу тебя, Идайзи.— Талахасси-Ашаки приветствовала гостью не как близкий — близкого, не как равный — равного, а скорее как член Рода — второстепенного по положению. И она увидела мгновенно спрятанную вспышку в глазах Идайзи. Как будто что-то в Талахасси теперь великолепно разожгло ненависть, проецированную другой.

— Великая Леди принимает свою служанку.— Голос другой был мягкий, не содержащий и намека на гнев. Талахасси должна была признать, что Идайзи была превосходная актриса.

На дорожке позади раздался стук сандалий и ботинок. Девушке не нужно было оглядываться, чтобы узнать, выполнила ли Намлия ее распоряжения. Подошли Джейта и Херихор. Она не хотела встречи лицом к лицу с этой... этой гадюкой без свидетелей, которым могла бы доверять.

— Приветствую тебя, Дочь Эпидемека,— продолжала Идайзи.— И тебя, Главнокомандующий Севера.— Она кротко улыбнулась.— Какая же крайняя необходимость возникла, что тебя отозвали с твоего поста, тогда как Солнце Славы Налдамак не с нами?

— Я и не представлял себе, леди, что твоя заинтересованность военными целами так проявлена.— Голос Херихора был холоден.

Она только улыбнулась, дружественно и снисходительно.

— Разве мой Лорд не защищает так же нашу зем-

лю? — мягко противопоставила она. — Как его жена, я многому научилась.

«Этому ты учишься, — подумала Талахасси, — или, пожалуй, более правильно будет, что это он научился у *тебя*!»

В ней шевельнулось беспокойство. Идайзи не пришла бы сюда бесцельно. Так пусть побыстрее выкладывает им суть дела. Хотя она могла доверять своей внедренной памяти, однако вокруг этой женщины было что-то, что являлось угрозой, которую она должна побыстрее убрать. Это могло быть против правил этикета и обычая, но она решила теперь обойтись без них.

— Ты домогалась встречи со мной, Идайзи, — прямо сказала Талахасси, — и для этого должна быть причина.

— Беспокойство о твоем благополучии, Великая Леди. В Новой Напате ходят слухи, что ты тяжело больна...

— Ну? — Талахасси осознала этот испытующий взгляд, которым та окинула ее. Она задавала себе вопрос, что же на самом деле было *сообщено* Идайзи о том, какой будет ответ со стороны врагов на это вторжение в другой мир? Подозревали ли они о настоящем положении дел — смерти Ашаки? Если так, Идайзи должна быть теперь смущена, хотя она и не выказала ни единого следа удивления.

— Слухи, — обдуманно продолжала она, — часто порождены и вскормлены ложными сообщениями. Как ты видишь, я вполне здорова. Как одна из Талантливых, я удалилась для обновления своего духа — так как всем известно, что время от времени это полагается делать.

— Когда Солнце Благодати и ее сестра по Крови обе удалились и никто не был послан держать Жезл, возникла тревога. — Рот Идайзи все еще улыбался, голос оставался тихим и кротким, но Талахасси хотелось бы читать более ясно в этих опущенных глазах.

— И к кому должен был перейти Жезл, — спросила Талахасси, надеясь, что ее голос так же обманчиво мягок, как и голос той, — принимая во внимание, что не оставалось ни одного чистокровного из Рода, чтобы положить руку на него?

Улыбка теперь исчезла, губы плотно сжались, как будто та имела ответ, который она не высказала вслух только из-за благоразумия.

— Но, — Талахасси была вынуждена пойти на это, так как память Ашаки предупреждала ее, чтобы она не осмеливалась злоупотреблять так сильно в области дея-

тельности, противоречащей обычаям двора,— поскольку ты прибыла с беспокойством о моем здоровье, добро пожаловать. Путь к Новой Напате долог, а вечер близок. Вас приглашают пообедать и переночевать в этих стенах, тебя и твоих людей.

Это прозвучало не очень любезно, да она и не стремилась быть любезной. К тому же она услышала слабое движение, исходящее от Херихора, который находился позади слева от нее, и поняла, что он, по-видимому, был недоволен тем, что она сделала. Но отослать Идайзи сейчас — означало открытый разрыв, который они, вероятно, не имели права допускать. Талахасси хлопнула в ладоши и, как только появились две служанки, распорядилась:

— Эскорт Леди Идайзи в помещение для гостей. Проследите также, чтобы те, кто ей служит, хорошо отдохнули.

Идайзи улыбнулась снова, и при виде этого легкое сомнение поднялось в Талахасси. Женщина хотела остаться, она явилась сюда только по этой причине. Почему? Теперь она сделала изящный жест почтения и ушла, направляясь к другой стороне бассейна по направлению к помещениям в задней части поместья; со стороны входа появились ее люди, чтобы следовать за ней. Две служанки и еще одна женщина, старше по возрасту и горбатая, которая ковыляла по дорожке, опираясь на палку. Да, это была старая карга, которая всегда находилась при Идайзи. Одни говорили, что она — старая няня, которая заботилась о ней как о ребенке,— другие пересказывали более фантастические предположения.

— Она никогда не появляется бесцельно,— Херихор заговорил первым, пристально глядя на этот упорядоченный уход, когда Талахасси поднялась и повернулась лицом к двум другим.

— Лучше,— напомнила Джейта,— что теперь она будет у нас под присмотром. Наша Леди не могла выгнать ее за дверь, даже если между ними нет никакой дружбы. Может быть, мы узнаем, что привело ее сюда.

— Узнать что-нибудь от этой женщины? — Херихор грубо рассмеялся.— Она подобна скорпиону, прячущемуся под камнем, ее жало всегда поднято, хотя тень камня и прячет ее угрозу. Мне это не нравится.

— Мне тоже,— искренне сказала Талахасси.— Но, как говорит Джейта, чем еще можно было завершить разговор с ней? Мы все еще не готовы на открытый разрыв с ее группировкой. Пусть Дочь Эшидемека займется этим

делом: здесь есть, пожалуй, кое-что, о чем можно будет узнать побольше с помощью Таланта.

Джейта кивнула.

— Да. Что же касается нынешнего положения вещей, то нам придется довольствоваться тем, как все обстоит. Неплохо было бы намекнуть полковнику Намлии, что почетную охрану с наступлением ночи нужно удвоить...

— Особо уделив внимание наружной части помещения для гостей.— Когда левая бровь Херихора поползла вверх, как частенько бывало у Джасона, сердце Талахасси на мгновение замерло. Если бы он только был Джасоном! Если бы она могла быть уверена, что он не держит на нее какого-нибудь недоброго чувства, что служит ей не только по обязанности!

— Мы должны сделать все, что можно,— только эти слова и сорвались с ее губ. Она без удовольствия дождалась этого испорченного вечера, в который ей пришлось разделить с Идайзи ужин: теперь ей не хотелось даже пробовать его.

По крайней мере, они не сидели за одним столом, и их разделяла почти вся ширина комнаты. Так как оказалось, что обитатели поместья придерживались старого египетского обычая, по которому блюда подавались на маленькие отдельные столики, рядом с каждым располагался стул. Талахасси, Херихор, Джейта и Идайзи располагались в одном конце комнаты, в то время как домочадцы достаточно высокого ранга находились несколько поодаль. Среди последних велась непринужденная, негромкая беседа, хотя в ней не участвовала горбатая фигура у противоположной двери — старая карга, сопровождавшая Идайзи. Однако среди высших царило полное молчание, как будто каждый был целиком занят исключительно своими собственными мыслями.

Раз или два Талахасси вздрогнула от ощущения существования наблюдавшего. Она увидела, что Джейта взволнованно взглянула через ее плечо на расписанную стену позади них. Уловила ли жрица также это ощущение, что что-то парило над ними? Девушка страстно желала поскорее закончить с едой, поскольку Идайзи будет вынуждена уйти, так что она смогла бы поделиться с Дочерью Эпидемека своим странным впечатлением рядом с бассейном.

Однако Идайзи пока не выражала никакого желания уходить. Она покончила с едой. Сразу же одна из служанок, стоявшая у стены наготове, чтобы прислуживать,

подскочила с резным ларчиком, из которого принцесса выбрала тонкую коричневую палочку и поднесла ее к губам, ожидая, пока служанка поднесет к ее кончику огонек. Из палочки очень тонкими колечками поднялся дым, когда Идайзи глубоко затянулась, так что вспыхнуло крошечное пятнышко пламени.

— Весьма прискорбно, что ты, которая последовала Высшим Путем, Великая Леди,— сказала она,— лишена многих наслаждений жизни. Эти палочки приятных грез лучше всего успокаивают нервы.

Завиток дыма поплыл по направлению к Талахасси. Запах его был тошнотворно-сладким, и она, не думая, отогнала его.

— Леди,— раздался голос Джейты,— это дом для тех, кто следует Высшим Путем. Таких...

— Нельзя осквернять моей палочкой грез? — Идайзи рассмеялась.— Я принимаю выговор.— Она ткнула пылающим кончиком в остатки вина в своем кубке.— Прости меня, Дочь Эпидемека. Мы во внешнем мире не так сдержаны в своей жизни. Древние пути,— она изысканно пожала плечами,— они сковывают человека, а это так излишне. Ибо многое может быть познано через открытые волю и разум.

Она вела себя вызывающе, намеренно поступая так, поняла Талахасси. А почему Идайзи чувствовала себя такой независимой, чтобы говорить подобным образом... здесь?

Херихор поставил свой кубок, его глаза впились в Идайзи с таким же целеустремленным напряженным вниманием, какое было — в прошлом — у Джасона, когда он обдумывал какую-нибудь проблему. Талахасси была уверена, что он, как и она, был теперь встревожен опасностью, исходящей от Идайзи, и истинной целью ее прихода сюда.

Идайзи, казалось, смогла прочитать эту мысль. Ее ленивая улыбка исчезла. Теперь она слегка подалась вперед на своем стуле.

— Великая Леди, есть дело, которое должно быть обсуждено. Однако, неофициально...— И ее глаза переместились к людям в другой части комнаты.

— Так мы и предполагали,— ответила Талахасси.— Тогда пойдемте к бассейну.

Херихор почти тотчас же встал у нее сбоку, протянув руку так, чтобы она смогла достать пальцами до его запястья. Когда она встала, Талахасси кивнула Джейте,

но не сделала подобной любезности по отношению к Идайзи. Чем скорее эта женщина выплюнет какой бы то ни было яд, который она принесла сюда, тем лучше. Так как память Ашаки очень ясно напоминала, что могла сделать Идайзи.

Когда Талахасси и Херихор подошли к двери, там уже находилась полковник Намлия. И Талахасси распорядилась:

— Мы поговорим конфиденциально... у бассейна. Присмотри, чтобы нам не мешали.

— На моей голове есть это.— Полковник подняла руку, чтобы коснуться эмблемы льва в передней части ее льняного головного убора в виде сфинкса.

Две ее амазонки, повинуясь поданному знаку, пододвинули другую скамейку поближе к той, где Талахасси отдыхала раньше. Затем они заняли свои посты на значительном отдалении вне пределов слышимости, повернув свои спины к четырем, сидевшим здесь: Талахасси между Херихором и Джейтой, Идайзи на меньшей скамье, сидя лицом к троим, которые выражали, это она должна была видеть, открытую враждебность против нее.

— Ты хотела говорить, я вижу тебя,— сказала Талахасси.

— Принцесса, Жрица, Главнокомандующий,— Идайзи медленно переводила взгляд с одного лица на другое,— и все так склонны остерегаться одной безоружной женщины — меня. Ты допускаешь у меня качества, которыми я не обладаю, Великая Леди.

— В таком случае будь довольна, что не обладаешь, поскольку гнев Рода — не такое легкое действие, чтобы встретиться с ним.— Пришли слова из памяти Ашаки. До сих пор Идайзи все улыбалась, а теперь она рассмеялась, негромко и мелодично.

— Такой тяжеловесный язык, Великая Леди! Кто-нибудь еще подумает, что Род собрался произнести одно из этих Семи Проклятий, которые, как нам говорят, могут высушить плоть, раздробить кости. Это не имеет значения, что меня ненавидят здесь, однако я искренне беспокоюсь. Род удерживает власть очень длительное время — способами такими древними, что само описание их обращается в унылую пыль. Всему приходит конец, ты когда-либо задумывалась об этом, Великая Леди? Членов Рода, Высшего Пути, теперь уже совсем немного, горсточка против, пожалуй, более чем половины нации.

Не существует средства от ограниченности ума; это

ведет только к застою и поражению. Конец вашего пути очень близок, и если никто не позаботится об ответвлении другой тропинки впереди, может наступить хаос. Никто из нас не хочет видеть Амон разорванным войной брат на брата, сестра на сестру. Но ветвь дерева, которая не сгибается под ураганным ветром, ломается и уносится.

— Предостережение, Леди? — Талахасси прервала этот поток метафор. — Так ты полагаешь, что вы достаточно сильны, чтобы давать предостережение? Это в самом деле интересно.

Улыбка Идайзи стала угасать.

— Вы здесь не имели новостей из Новой Напаты, я думаю, в течение нескольких часов. Даже за маленькую часть такого промежутка времени многое может измениться, Великая Леди.

— И какое важное событие произошло в Новой Напате за эти часы?

— Перемены, Великая Леди. Не всем по душе прошлое. Говорят, что Храм Света теперь закрыт, так что никто не может ни войти, ни выйти снова. Слухи могут разжечь в народе насилие. А распространяются слухи, что Сын Эпидемека, сам Зихларз, поражен безумием, так что он воет как шакал пустыни и напускает на своих собственных подчиненных смерть из мозга. Не игнорируй слухи, Великая Леди, их сердцевина часто содержит истину. И не относись скептически к тому, что я предлагаю. Изменение пути не займет много времени.

— Это изменение — путь для Юсеркэфа? — спросила Талахасси. — От такой перемены здесь могут произойти только неприятности. Он не потомок по прямой линии, и его потомство — хотя, как я знаю, ты до сих пор не обеспечила нашего лорда никем, кто мог бы назвать его отцом — не имеет права сидеть на троне Льва.

— Следовательно, кроме тебя, не существует наследника, Королевская Дочь? Ах, но ты теперь также отстранена от трона, поскольку исповедуешь обет безбрачия для тех, кто стремится придерживаться Высшего Пути. И этот доблестный лорд ожидает тебя так долго, что уже смотрит в другом направлении!

Она повернулась к Херихору, в очертаниях ее лица появилась язвительность, которая содержала угрозу нацеленного кинжала. Талахасси не сомневалась, что Идайзи собирается выплеснуть кое-что, что, как она думала, должно быть правдой.

— В прежние времена, Принц-Главнокомандующий

Херихор, наши мужчины брали более чем одну жену. Знает ли Великая Леди, помолвленная с тобой, слухи о белокожей северянке, которая теперь самонадеянно рассчитывает носить драгоценности, подаренные тобой?

Херихор слегка пошевелился, но на его лице не появилось никакого изобличающего выражения.

— Твои слуги хорошо поработали, Леди. Но, будь я на твоем месте, я бы подверг их доклады более тщательному изучению. Те, кто шпионит по приказу, часто рассказывают только то, что угодно слышать их хозяйке.

— Возможно, Лорд Принц.— Она бросила лицемерный испытывающий взгляд на Талахасси, как будто хотела оценить эффект своего разоблачения.

Вероятно, она надеялась вызвать этим вспышку! Как бы то ни было, хотя Принц не произнес опровержения злобному обвинению Идайзи, Талахасси с презрением относилась к любому заявлению из этого источника. Фактически же, она могла представить себе несколько причин, почему Херихор мог быть в хороших и даже конфиденциальных отношениях с женщиной с севера, через которую могла поступать внушительная информация, затрагивающая положение на границе. Неужели принцесса полагала, что она в данный момент вела дело с круглыми дураками? Когда Талахасси смотрела на Принца-Главнокомандующего, она видела Джасона, а Джасон имел свои секреты, в которые она никогда не думала совать нос.

— Меня никогда не интересовал безответственный разговор слуг. Однако твое предостережение теперь произнесено. Я увидела тебя, Идайзи.— Талахасси умышленно использовала выражение освобождения для стоящего ниже по рангу и была подозрительно рада видеть губы женщины, сжатые в гримасе.

Когда она встала, Идайзи также была вынуждена подняться, и по обычаю двора она не могла заговорить опять. Но как только она удалилась, Талахасси поспешно сказала Херихору, надеясь выразить своим распоряжением доверие к нему:

— Видите, что она что-то выжидает. Я бы хотела также, чтобы она и ее шпионящие слуги убрались отсюда как можно быстрее. Она прибыла больше для того, чтобы высматривать, а не чтобы предостеречь, во всяком случае так я думаю. Поэтому за ней нужен глаз.

— Она носит мозговой заслон,— сказала Джейта, понизив голос.— Это не ее Талант. К тому же она не осме-

лилась бы говорить о делах Храма так, как она говорила, если бы это не было действительностью.

— Но Зихларз...— запротестовал Херихор.

— Да, Зихларз, он является Сыном Эпидемека в наше время.— Голос Джейты был напряженным. Она пристально смотрела вслед Идайзи, уже почти исчезнувшей в полумраке на другом конце бассейна.— Это скверно, очень скверно. Великая Леди... мы должны знать!

— Херихор?..— Талахасси придала вопросительную интонацию его имени.

— Разумеется, если существует какой-нибудь возможный способ, мы будем знать, и скоро. У меня есть с собой офицер — я поручу ему руководство внешней охраной. Он выполнял такие дела в прошлом; он справится и теперь. Ты разрешишь попробовать?

— Я велю тебе это!

Затем он ушел. Талахасси протянула руку к жрице.

— Есть кое-что еще: здесь было присутствие, точно такое, какое я чувствовала в другом мире...— она торопливо пересказала свое приключение перед прибытием Идайзи.

— Да, это, возможно, дух того, кто похитил Жезл и Ключ. Он пытался следовать за тобой по коридору, открытому Ашаки, чтобы достигнуть твоего мира. Мы запечатали коридор. Несмотря на это, он имеет достаточно силы, чтобы преследовать тебя... Мы должны снова принять меры предосторожности!

Было поздно, когда Талахасси в конце концов добралась до постели. Она дискуссировала с Джейтой, позднее вновь с Херихором, который отрядил своего офицера. И пришло сообщение, что Идайзи и те, кто сопровождал ее, надежно заперты в своих апартаментах, охрана выставлена караулить.

Когда она вытянулась на кровати, слабо мурлыкающие котята рядом с ней, она была так утомлена, что чувствовала себя выжатой до полного отсутствия вообще любой эмоции. Идайзи думала, что сплетня, касающаяся варварской женщины Херихора, будет опустошающей. Однако тогда она не могла знать, что Херихор был — был похож — Джасоном — товарищем-братом... воз...

Было неотчетливое волнение, питающее эту мысль, но она слишком устала, чтобы пытаться исследовать источник ее беспокойства.

Она вернулась к реальности от ворчания котенка. В комнате было темно. Только тусклый свет озарял края

дверного занавеса. Однако... здесь был незванный гость. Она не нуждалась в ворчании, чтобы знать, что кто-то стоял рядом с ее кроватью.

Талахасси открыла рот, чтобы криком вызвать охрану. Но тут брызги жидкости обожгли ее губы и глаза, увлажнили ее щеки. Она провалилась, чувствуя тошноту и головокружение, в темное ничто.

Глава 8

Талахасси тонула, вокруг нее была вода, и не за что было ухватиться. Волны плескались над ее головой, в то время как она боролась за воздух для легких. Она тонула! Тем не менее, волны отступили, хотя она могла до сих пор чувствовать их биение на своем изнуренном теле. Не море... не вода, однако она могла чувствовать движение и слышать звук. Гул машины!

Мысли ее шевелились вяло, однако также пробуждалась искра предусмотрительности. Постепенно пришло воспоминание о том, что случилось. Она находилась в своей постели, и затем?.. Несколько мгновений осознания, эти брызги в ее лицо...

Она была, конечно, не в своей постели теперь, не в поместье. Так где же она находилась? Хотя она, вероятно, в этом же времени, подумала она с эксцентричным желанием рассмеяться, уже привыкшая к невероятным переменам места действия.

Хотя Талахасси не открывала глаз (пусть, кто бы ни находился рядом с ней, думают, что она до сих пор без сознания), она напрягла свои руки, чтобы понять, что они были надежно привязаны к ее бокам, ее бедра и ступни были лишены подвижности тем же самым тщательным способом. На ее запястьях и лодыжках не было оков, вернее сказать, она была завернута в какой-то материал, как в кокон, хотя они оставили ее голову свободной.

Итак, она была пленницей и на флайере. Как они улетели из ее тщательно охраняемого поместья — это вопрос. Если только они (кто бы они ни были) не прошли методически кругом, обрызгивая всех охранников и обитателей поместья из этого портативного маленького приспособления, которое они так эффективно использовали на ней. За ними стояла Идайзи, в этом она была уверена. Какими полными идиотами они были, даже позволив ей войти.

Когда мысли Талахасси привлекли воспоминания Ашаки, она не смогла обнаружить и намека, чтобы такое нападение было когда-либо известно прежде. Идайзи сидела там и предостерегала их... Гнев Талахасси разгорелся. Она посмела... посмела! Память Ашаки запылала от мысли, что она осмелилась поднять руку на одного из Рода! Они должны знать, какое может быть возмездие за это оскорбление.

Но кто были «они» в этом случае — кто, кроме Идайзи, конечно, и ее слуг? Юсеркэф, возможно, и за его спиной Хасти — этот таинственный человек. Когда это имя всплыло в ее памяти, Талахасси поняла, что осторожность чуть было не затмилась ее гневом. Она должна узнать все, что можно.

Сначала она положилась на слух. Двигатели ритмично гудели. Она, должно быть, лежала прямо на полу кабины, который, как ей стало ясно, был очень холодный и жесткий. Здесь должен быть пилот и... она попыталась вспомнить, сколько же человек сопровождало Идайзи. Она полагала, что две служанки и эта старая карга нянька. Но жена Юсеркэфа никогда не появлялась без отряда своей собственной персональной охраны. Идайзи не пренебрежет этим престижем даже ради предположительно частного визита.

Никто из охраны не показывался в поместье. Конечно, нет, потому что амазонки не позволили бы этого. Даже все люди Херихора, за исключением одного адъютанта, содержались в казармах за взлетно-посадочной площадкой. Поместье было домом женщин, как и приличествовало незамужней Дочери Великого Солнца.

Сейчас вокруг нее могло находиться полдюжины братов, так что чем дольше они считали ее бессознательной и беспомощной, тем лучше. Теперь, когда ее уши опознали звук двигателей, она расслышала слова, всегда отрывистые, так что она не могла полностью разобрать их. Ее обоняние также помогало ей: она смогла уловить благоухание — слева от нее — возможно, Идайзи. И с этим... да, слабый запах этой тошнотворной сладости от такой же палочки, какую Принцесса начала раскуривать в поместье.

Чуть поодаль — другой запах, неопределенно отталкивающий. Однако вокруг нее все хранили молчание. Вероятно, так может чувствовать себя загнанная в угол мышь, которую караулит ленивый кот.

В ритме флайера произошло изменение; она полагала, что они снижались, хотя и не была в этом уверена. Затем резкий толчок — приземление. Мотор заглох. Внезапно ей в лицо пахнул ветер, принеся не свежесть бриза в поместье, а скорее комбинацию запахов, которые пробудили память самой Талахасси,— это было похоже на зловонное дуновение родного мира — запах города.

Кто-то, проходящий мимо нее, слегка оттолкнул ее в сторону. Но никто не подошел, чтобы вынести ее,— пока еще нет. Очень медленно она чуть приподняла веки. Поле ее зрения было весьма ограниченным, но не до такой степени, чтобы она не видела солдата в тускло-зеленом. И в руках его... ларец с ЖЕЗЛОМ!

В этот миг она едва не выдала себя. Что они вытворили в поместье, чтобы вновь завладеть этим? Возможно, они убили? Она испытала тошноту, когда она представила такую вещь. Если они привели и других в такое же беспомощное состояние, так же легко, как и ее, тогда вполне возможно, что за этим последовала смерть, оставив ее всецело, без ее желания, в руках тех, кому от нее мало проку.

Собственно, только одно могло иметь значение — она одна в отсутствии Императрицы могла держать в руках Жезл. Обладали ли они также Ключом? Она могла предполагать, что они не должны пренебречь им. Внутри материи, которая сжимала ее, она ощутила холод, когда подвела итог и получила ответ, которым являлось, вероятно, полное бедствие. Какое у нее осталось оружие? Память — частичная — умершей девушки, память, а не сила, которую имела в своем распоряжении девушка, и те мужество и находчивость, которые были ее собственными от рождения. Жезл... она могла держать его, она доказала это. Но могла ли она управлять тем, что он олицетворял? Талахасси не была уверена, подчищалась ли эта лента с записью памяти Ашаки, прежде чем она была навязана ей, но она верила, что подчищалась. Естественно — они должны сделать это для своей же собственной пользы. Что Джейта знала о Талахасси Митфорд, что могло бы убедить жрицу предоставить ей полную память ее предшественницы? Следовательно, она не могла бороться на уровне Ашаки, она могла только блефовать. А всякий блеф мог быть так легко раскрыт.

Снова раздался топот тяжелых шагов. Талахасси решительно полностью закрыла глаза. Ее резко дернули вверх, все еще лежащую ничком. Она, вероятно, нахо-

дилась на носилках, так как они не коснулись ее тела. Теперь носилки наклонились так, что она могла соскользнуть, но поверх материи вокруг ее талии имелся ремень, чтобы удерживать ее.

Еще раз она украдкой бросила взгляд из-под чуть-чуть приоткрытых век: огни, и за ними клочок ночного неба, а также спина с широкими плечами, покрытыми зеленой униформой. Все это внезапно исчезло, когда носилки, на которых она лежала, были затолкнуты в темное тесное помещение. И она услышала звук, подобный хлопанью двери, после чего весь свет исчез.

Заработал мотор, они опять двигались. Но здесь не было отверстий, так что она не получила ни одного намека, куда они могли везти ее. Странно, что она проделала эту часть путешествия в одиночестве. Затем что-то скользнуло по полу, на котором носилки так неудобно покоились, и стукнулось о стенку. Может быть, это ларец с Жезлом? Из-за врожденного благоговения, с которым большая часть населения империи смотрела на этот артефакт, Талахасси не думала, чтобы они могли спокойно находиться рядом с ним.

Она попыталась собрать воедино факты, которыми располагала. Не было сомнения, что ее насильно увезли, нагло похитили из ее собственного дома. И никто бы не осмелился на такое дело, если бы человек, отдающий приказы, не верил, что он, или она, непременно избежит всякого возмездия. Особа Наследницы была священной, даже хотя в эти последние годы многие из древних заветов повыветривались.

Рассчитывать на какую-нибудь помощь от Джейты или Херихора — нет. Как-то очень трудно было поверить, что те, кто захватил ее, оставят в живых хоть одного такого могущественного противника. Итак, она могла надеяться только на себя, с единственной только поддержкой — подчищенными воспоминаниями Ашаки. Тем не менее, то, что она ощущала в данное время, больше не было страхом, а только закипающим гневом. Она обучалась самоконтролю раньше, однако ее эмоции не становились менее бурными из-за того, что она подавляла их. Теперь она должна заставить гнев работать на нее, как она делала несколько раз в прошлом, чтобы поддержать ее собственную решимость добиться успеха в деле и усилить мужество, которое подкрепило бы эту решимость.

Идайзи, Юсеркэф, Хасти — она начала методично вы-

вывать в своей памяти все воспоминания Ашаки, касающиеся этих троих. Юсеркэф — он, пожалуй, был слабым звеном. В монархии, которая прочно основывалась на матриархальном наследовании, сын короля обладал небольшой властью. Если бы он женился на Ашаки — тогда бы он мог надеяться на корону. Но он никогда не имел этой возможности.

Члены Рода сочетались браком по обязанности, а не по собственному выбору, по крайней мере их первым и официальным браком, хотя царствующие королевы имели своих фаворитов, короли — своих наложниц, и довольно часто. Однако в этом поколении было решено, что должна быть влита свежая кровь, в надежде на то, что это приведет к новому потомству с Талантом. Императрица Налдамак была выдана замуж в ранней юности за очень отдаленного кузина, который двумя годами позже погиб при крушении флайера. И от этого брака не было детей, да и не могло быть иначе, так как врачи заявили, что Императрица бесплодна. Таким образом, продолжение династии зависело от Ашаки — если бы она не погибла.

А если бы она погибла? Тогда продолжение династии, возможно, зависело бы от Юсеркэфа.

Идайзи была всего-навсего дочерью провинциального правителя и имела, кроме того, следы крови заморских варваров — поскольку ее провинция находилась на морском побережье, где велась под тщательным присмотром торговля с чужеземцами. Что она фактически будет императрицей, если к Юсеркэфу перейдет трон, Ашаки всегда знала об этом.

С неохотой она выбрала воспоминание о Хасти. Здесь были управление и власть, и иногда одно не было частью другого. Кто-то мог предпочесть стоять за спиной Императора и через него обладать подлинной властью. Как раз в этом подозревали Хасти. И, кажется, эти подозрения были обоснованы.

Если Налдамак, вернувшись к Празднику Середины Года, взойдет на трон во время ритуальных церемоний без Жезла в своих руках... именно этого они пытались добиться с самого начала. Теперь они обладали и тем, и другим — Жезлом и Ашаки! Или видимостью этой принцессы. Из памяти, которую она исследовала, Талахасси узнала, что о Хасти было меньше всего известно, в основном, только догадки.

И то, что Идайзи сообщила,— что Верховный Жрец Зихларз заперт в своем храме,— было предостережением,

что он не мог быть вызван. Ей лучше рассчитывать только на себя, Талахасси, чем на влитую память умершей или на чью-то помощь извне.

Хотя это было слабым успокоением.

Экипаж, в котором она была заключена, остановился. Она закрыла глаза. Теперь только уши...

Она услышала лязг задвижки на задней стенке транспортного средства. И затем свежий воздух — на этот раз немного менее испорченный испарениями города,— так как носилки, на которых она лежала, вытащили наружу. Теперь ее несли, и ее носильщики торопились, двигаясь рысью. Здесь было больше света, который она уловила сквозь очень узкую щелочку между веками, которую она позволила себе, чтобы видеть.

— В Красную Палату.— Впервые она отчетливо разобрала слова.— И позвать милорда.— Это говорила Идайзи.

Красная Палата? Да, она находилась в Южном Дворце — этом центре, куда люди Херихора были неспособны проникнуть,— в который были вызваны подозреваемые предводители мятежа. И эта комната имела довольно ужасную историю, ибо внутри нее сто лет тому назад брат убил брата в борьбе за трон и руку сводной сестры, которая уже выбрала себе консорта.

Даже Талант не сохранил династию свободной от порока честолюбия и алчности. Возможно, из-за этого он так ослабел в этом поколении. От злоупотребления или принуждения этот вид силы исчезал. Извращенная, она могла обернуться против того самого человека, который пытался сделать из нее оружие или марионетку. Может быть, Идайзи выбрала теперь эту обитель позора по достаточной причине. В таких местах, где сильнейшая эмоция была выпущена в каком-то гнусном и кровавом поступке, обычно оставался, даже в течение поколений, остаток зла, которое могло заслонить ясное зрение Талантливых, оставив их открытыми для вторжения того, чего боялись больше всех действий. Но она не Ашаки, так что ей не нужно было опасаться такого вторжения.

Ее носильщики завернули за угол, потом за другой. В конце концов носилки поставили вниз, но не на пол, а, по-видимому, на кушетку, так как поверхность немного подалась под тяжестью Талахасси. Она слышала, как они ушли, и все же была уверена, что она не одна. И она напрягла слух, ловя малейший звук.

— Ашаки? — Теперь уже не «великая Леди». Идайзи, вероятно, так обращалась к домашней прислуге.

Почти тут же последовала злобная увесистая пощечина, которой Талахасси не ожидала. Не раздумывая, она открыла глаза. Идайзи наклонилась над ней, улыбаясь, глаза ее были расширенные и оживленные.

— Я так и думала,— заметила она.— Хасти говорил, что сонные брызги не будут действовать слишком долго. Ты пыталась схитрить, но время для уловок прошло, сестра.— Она подчеркнула последнее слово.— Ты никогда не жаловала меня этим именем, разве не так, Ашаки? И не протягивала мне руку при любом приветствии. Ты «видела меня», когда я приходила к тебе. Теперь я вижу тебя!

Ее губы растянулись, показывая почти что злобное выражение, скорее чем улыбку, обнажая маленькие острые зубки, очень белые против красноты ее губ.

— Я вижу тебя,— повторила она, растягивая эти слова, как будто, произнося их, она получала какой-то род удовлетворения.— Но захочет ли кто-нибудь видеть тебя долгое время? Подумай об этом, сестра!

Талахасси придала своему лицу такое безмятежное выражение, какое только смогла, и не ответила. Злость Идайзи могла быть слабым местом. А она должна обращать внимание на всякое слабое место и подготавливать для своего использования.

Идайзи повернулась и теперь приблизилась к столу, в то время как Талахасси переместила свою голову таким образом, чтобы она могла наблюдать. Она была права. Жезл был доставлен с ней. Здесь находился ларец, в который она поместила его по распоряжению Джейты. Пальцы Идайзи на миг задержались на крышке, но она не сделала попытки открыть ее. Она только оглянулась через плечо на свою пленницу.

— Ты видишь — это тоже у нас, несмотря на все ваши старания держать его под рукой. И как легко было взять — и тебя, и его. Я слышала так много болтовни о Силе, о Таланте. Всю мою жизнь люди испытывали благоговейный страх перед этим предметом, сила которого не могла быть удостоверена. Видишь, как легко это было нанести поражение тебе? — Она засмеялась.— Я говорила о других путях, сестра,— теперь мы пойдем по ним. И ты ничего не сможешь сделать, чтобы повернуть вспять время и изменить это, ничего!

Она жадным жестом провела рукой по всей длине

ларца. Талахасси подумала, что, несмотря на все высказанное Идайзи пренебрежение к Таланту, она была тем не менее достаточно осторожной, чтобы не вынимать Жезла; внутренне она не была так уверена в свободе своего другого пути, хотя она хотела, чтобы общество поверило. Талахасси могла ощущать болезненное желание женщины, желание, чтобы это могла быть ее собственная рука, которая подняла бы этот символ из его ложа, чтобы ей не нужно было больше действовать через Юсеркэфа.

Как раз когда Талахасси мысленно рисовала себе портрет кузена Ашаки, тогда он сам внезапно появился в поле зрения. Он не обладал ростом Херихора, и, хотя эти двое, возможно, были равны по возрасту, вялое тело Юсеркэфа и обидчивое выражение лица добавляли дань добавочного времени. Он не носил униформу, а скорее свободные шаровары, скрепленные на лодыжке, и слишком вычурную белую куртку без рукавов, почти полностью расшитую замысловатыми узорами. К тому же, его голова была лишена парика, принятого при дворе. Вместо него он носил на голове свернутый пламенно-красный шарф, что было ошибкой, так как это подчеркивало почему-то вечно раскрытые толстые губы его, эти толстые щеки и двойной подбородок, которые уменьшали и ослабляли его выступающие челюсти.

— Маскак сказал...

Затем его взгляд миновал Идайзи, и он увидел Талахасси. Сначала его глаза расширились в неподдельном, как она могла считать, удивлении, потом он негромко захихикал.

— Так ты сделала это!

Идайзи внимательно наблюдала за ним, и Талахасси не пропустила тень презрения на ее лице, когда она ответила:

— Милорд, ты разве сомневался в успехе нашего плана!

— Существовало много препятствий. Она находилась в своей собственной резиденции — охраняемая,— ответил он. Теперь он приблизился к тому месту, где лежала Талахасси, и уставился вниз, на нее, затем он рассмеялся снова.

— Приветствую, кузина.

Идайзи встала рядом с ним.

— Она не отвечает. Но она научится, разве не так, милорд?

Он кончиком языка провел по нижней губе. Он как бы добрался до блюда, что содержало какую-то сладость, которой он наслаждался.

— О да, она будет отвечать! — согласился он.

Он протянул руку с толстыми пальцами и потрепал Талахасси за подбородок. В нем было что-то от маленького мальчика, который отважился на некоторое действие и должен довести его до конца. Идайзи, вероятно, была переполнена триумфом в этот момент, но Юсеркэф, при всей его кипящей злобе и враждебности, не был до сих пор уверен в успехе.

— Милорд.— Рука Идайзи, которая была на его кисти, оттянула его прочь от их пленницы, назад к столу.— Взгляни, что лежит здесь, готовое для твоих рук!

Ее пальцы потянулись к ларцу, и она открыла запоры, откинув крышку, чтобы похвастаться Жезлом. Злобная радость стерлась с лица ее супруга, как только он посмотрел вниз. После этого он вздохнул так глубоко, что даже Талахасси могла слышать слабое шипение выдыхаемого воздуха.

— Он твой, возьми его! — Теперь выражение лица Идайзи содержало более чем тень презрения, которого Юсеркэф не видел. Он был слишком поглощен Жезлом...

— Я... я не имею Таланта...— сказал он, не так, как говорил бы полной страстного желания женщине, а скорее как бы извлекая какое-то предупреждение из своих собственных мыслей.

— Талант! — фыркнула Идайзи.— Он тебе не нужен, милорд! Разве Хасти не дал нам и не даст еще опять гораздо больше силы, чем эти суеверные, сующие всюду свой нос жрецы могут представить для управления? Ты из Рода, тебе надо только поднять это, и ты сможешь управлять Империей. Неужели ты такое ничтожество,— ее голос стал резче, сварливее,— что ты не можешь совершить даже это небольшое действие, чтобы добиться трона? Ты говоришь, что ты мужчина, по крайней мере докажи это хоть сейчас.

Он облизал свои толстые губы, в то же время вытер свои руки о нижнюю часть куртки, как будто они были мокрыми и он был не в состоянии держать что-либо в них достаточно крепко.

— Хасти идет.— Идайзи придвинула ларец с Жезлом чуть-чуть поближе к Юсеркэфу.— Встреть его с Жезлом. Ты теперь понимаешь, что это будет означать? Он чересчур высокого мнения о себе, хотя его план добыть

это провалился. Ты должен заставить его понять, что ты из Рода.

Юсеркэф еще раз вытер свои руки о бедра. Он неуверенно взглянул на Идайзи, потом обратно на ларец и его содержимое.

— Покажи ему,— зашипела она.— Ты должен сделать это — или он не будет орудием, в котором мы нуждаемся. Вернее, он будет обдумывать и планировать для себя! Он потерпел неудачу, а мы преуспели. Докажи ему это, муж — и тогда ты будешь держать его в кулаке. Так как здесь не должно быть два ума и две воли, когда ты придешь к власти — только одна!

«Да, твоя»,— подумала Талахасси. Однако, как Идайзи ни подстрекала, казалось, что Юсеркэфу не давал покоя страх. Да и как могло быть иначе, подсказала память Ашаки. Никто, даже из Рода, не мог владеть Жезлом, если в них не было внутри того, что соответствовало бы не поддающемуся определению явлению, которое сохраняло древнюю веру сильной через все эти столетия изучения и исследования.

Юсеркэф поднял одну руку, и Талахасси заметила, что она дрожала. Какой же сильной должна быть воля Идайзи, чтобы принудить его к такому поступку. Она не была уверена, какой результат мог получиться, но не сомневалась, что это не принесет пользы Юсеркэфу.

Возможно, он собрал весь свой незначительный запас мужества для этого величайшего поступка, потому что совершил поспешное хватательное движение правой рукой, сжав своими пальцами рукоятку на ладонь ниже львиной маски, и выдернул Жезл из обитого мягким ларца.

Лишь один миг он держал его перед собой, как держала Талахасси, когда солдаты ворвались в развалины. Затем... он закричал сильно и пронзительно, более подобно женщине, чем мужчине. Жезл выпал из его руки, ударился о пол и завертелся.

Но рука Юсеркэфа... все еще оставалась оцепеневшей перед ним... Кожа на его пальцах так покраснела, как будто через нее выступила кровь. Постепенно плоть обесцветилась до пепельно-серой. Он вновь закричал, так как его пальцы утончились до когтей, сплавленных так, что он не мог согнуть их.

Идайзи отпрянула, ее лицо в первый раз отразило ужас, когда она уставилась на эту кошмарную руку, в то время как пронзительные крики Юсеркэфа превратились

в раскаты безумной агонии. Его жена чуть не запнулась о Жезл и занесла было ногу, чтобы отшвырнуть его, но затем остановилась, как будто теперь она страшилась, испытывая смертельный ужас, любого контакта с предметом. Юсеркэф упал на колени, тело его тряслось. Он до сих пор пронзительно кричал, даже когда лежал ничком на полу.

В комнату ворвались люди — первыми охранники с оружием наизготовку. Но когда они увидели то, что лежало на полу рядом с их господином, рассмотрели, во что превратилась его рука, они попятились прочь! Их отход расчистил дорогу другому человеку.

Хасти!

Он был так же высок, как Джасон, и худощав. Черты его лица были изящнее, чем у Юсеркэфа — он вполне мог сойти за сына Рода, хотя оставалось неразгаданной тайной, кто он был. Его нельзя было проследить далее, чем на десять лет назад, когда он был найден пустынным патрулем рядом с мертвым верблюдом, сам едва живой. Однако он походил на людей Империи, а не на северного варвара, и после своего выздоровления он сумел произвести такое впечатление на командира крепости, к которому он был доставлен, что этот офицер отправил его в Новую Напату с рекомендацией к генералу Немусу.

С начала его прибытия судьба, казалось, благоволила к нему. Несмотря на то обстоятельство, что он не приобрел ни близких друзей, ни доверенных лиц, он, когда хотел, мог расположить людей к себе. И никто не отрицал его богатой одаренности. Даже Зихларз не смог определить степень его интеллекта. С самого начала своей жизни в Новой Напате он избегал всего, что относилось к Храму. К тому же, он иногда давал понять остальным, что он презирает и придерживается невысокого мнения о том, что считал ничем не подтвержденным суеверием; эта позиция привлекала и тешила эгоизм тех, кто не мог надеяться когда бы то ни было войти в состав правящего центра Империи.

Теперь он встал на колени рядом с Юсеркэфом и протянул свою руку, чтобы сжать запястье этого съежившегося ужаса. Кинув на клешнеподобные пальцы единственный изучающий взгляд, он направил свое внимание на мужчину, чьи пронзительные вопли перешли в скулеж. Нагнувшись, он пристально посмотрел прямо в расширенные глаза Юсеркэфа и пробормотал что-то таким

тихим голосом, что только травмированный человек мог услышать. Остальные из этой компании, включая Идайзи, держались на значительном расстоянии, как будто Принц был действительно проклят, и это проклятие в свою очередь вполне могло охватить их всех.

Веки Юсеркэфа медленно сомкнулись. Затем его голова безвольно свесилась набок, рот приоткрылся, из уголка его потекла тонкая струйка слюны. Хасти быстро принял на себя командование.

— Унесите в его покои! — Он щелкнул пальцами на охранников, которые довольно откровенно не хотели приближаться вообще, но не могли не повиноваться. Только когда они вынесли принца из комнаты, Хасти огляделся по сторонам — на Идайзи, на Жезл и в конце концов и наиболее проницательно на Талахасси.

В этом пристальном взгляде, который он сосредоточил на ней, ничего нельзя было прочитать. И в связи с этим обстоятельством внутри нее начал подниматься страх, который, как она считала, она держала под контролем. Он не проявлял душевного волнения, она не могла догадаться о его намерениях. Казалось, он смотрит на нее как на вещь, а не на живое существо. То, что Ашаки больше всего страшилась в Хасти, была эта особенность — теперь Талахасси пришла к заключению, что она угнетала ее также.

Глава 9

— Итак, Принцесса... — Хотя он до сих пор смотрел на Талахасси, это была Идайзи, к кому он обращался.— Кажется, ты проявила деятельность.

По-видимому, эта невозмутимая нотка превосходства, которая откровенно прозвучала в его голосе, вырвала Идайзи из шокового состояния. Губы ее сжались, в то время как она выпрямилась, обретя еще раз самообладание.

— Мы достигли цели,— ответила она.— Здесь лежит то, что твой помощник, которого ты отправил, должен был достать и не принес.— Она указала на Жезл своей ногой, а не рукой.

— С тем же самым, очевидно, неудачным исходом. Милорд Принц не смог удержать его.

Хасти опустился вновь на одно колено, чтобы внимательно изучить Жезл, достав из верхней части своего

длинного серого одеяния что-то такое маленькое, что он смог скрыть это в ладони своей руки. Этим он провел по всей длине рукоятки, стараясь, как заметила Талахасси, не коснуться ее. Он проделал это дважды, туда и сюда, а затем разжал кулак для внимательного осмотра металлического предмета размером не больше спичечного коробка ее собственного времени.

Он нахмурился, и одинокая глубокая складка пролегла между его бровями, в то время как он продолжал изучать то, что держал.

— Радиация.— Слово, которое он произнес, предназначалось не для его слушателей, а больше для себя.— Но какая?..

Единственным гибким движением Хасти поднялся на ноги, одним крупным шагом достиг Талахасси. Тотчас же его руки развязали узлы, что удерживали ее в заключении.

— Что ты делаешь? — Идайзи метнулась к нему.— Она...

— По-видимому, если все рассказы — правда,— и на этот раз его надменное пренебрежение к Идайзи было весьма откровенным,— принцесса Ашаки может держать в руках этот символ могущества, и он не принесет ей никакого вреда. Я должен иметь доказательство этого здесь и теперь. Или ты, Принцесса, имеешь желание поднять его с пола?

Когда последняя из окутывающих ее оберток была снята, Талахасси приподнялась, единственная ее одежда — тонкая ночная сорочка. Тело ее все одеревенело, а ее спина болела из-за длительного пребывания в одном положении. Но она села, свесив ноги с кушетки и храня на своем лице такое непроницаемое выражение, какое только могла.

— Можешь ли ты поднять это? — Хасти перешел прямо к делу.

— Я из Рода и Высшего Пути,— ответила она уклончиво. Талахасси не была уверена, какой способ контроля они могут применить к ней. Однако, если бы она взяла Жезл в свои руки, она, возможно, была бы тогда в состоянии воздействовать на них, хотя воспоминания Ашаки дали ей только очень смутный и неполный намек, как этот символ власти может быть использован.

— Не позволяй ей этого! Она проклянет нас, и мы умрем! — Идайзи схватила его за руку, оттащила немно-

го назад.— Ты освободил ее... откуда тебе известно, что она может вытворить с Жезлом в своей руке!

— Она сделает самую малость,— невозмутимо ответил Хасти.— Я должен увидеть это. Теперь!

В одной руке он до сих пор держал предмет, который использовал, чтобы исследовать Жезл, а в другой у него со сверхъестественной быстротой появилось нечто иное — сверкающий диск, который он раскрутил в воздухе, вращая его за конец цепочки. Против воли глаза Талахасси были прикованы к этому. На нее обрушилось то же самое принуждение, которое удерживало ее под контролем другого в прошлом, в музее.

Таким образом, вынужденная подчиниться, она поднялась резким движением, точно не хозяйка своего собственного тела, и потом нагнулась, чтобы сомкнуть свою руку на Жезле. Рукоятка вызывала ощущение теплоты, была почти живой в ее руке. Было что-то, что она могла сделать — должна бы сделать,— однако воспоминание Ашаки не было достаточно ясным, чтобы подсказать ей. Нет, как пленница Хасти, она должна поднять Жезл и отнести его, три-четыре нетвердых шага вперед, чтобы поместить его еще раз внутрь защитного ларца.

— Прекрасно, Великая Леди.— Он насмехался над ее титулом, когда наклонился, чтобы захлопнуть крышку, скрывающую Жезл от взгляда.— Итак, это правда, ты обладаешь каким-то контролем над этой вещью.— Теперь он поворачивал ларец перед ней, держа его постоянно на уровне ее сердца и осматривая его поверхность. Еще раз его брови хмуро сдвинулись, и он потряс головой, может быть, отвергая направление своих мыслей.

— Ты видишь, Принцесса,— обратился он к Идайзи,— как новое знание сталкивается со старым и побеждает его? Она теперь так же покорна моей власти, как может быть охотничий леопард на привязи.

— Она слишком опасна. Она может принести нам смерть,— резко возразила Идайзи.

— Вполне согласен. Тем не менее это была ты, кто привез ее сюда, Принцесса.

— Потому что мы нуждаемся в заложнике, пока наши планы не созреют полностью. Они считают ее Наследницей, поэтому не захотят потерять ее.

— Так это ты придумала все это? — Хасти улыбнулся — холодно.— В старых способах заложников и сделок нет надобности. Разве мы не договорились, Принцесса, что наступает время отвергнуть прошлое и начать все

по-новому, отбросив бремя древнего суеверия и обычая?

— Мы все еще недостаточно сильны...

— Мы имеем все, в чем нуждаемся... в настоящий момент. Если потребуется больше, мы хорошо знаем, где это взять.

Идайзи вгляделась в него с неприкрытой горечью. Возможно, она только сейчас начала понимать, предположила Талахасси, что властвовать за спиной Императора Юсеркэфа будет, в конце концов, не его жена, а этот человек.

— Тогда как мы поступим с ней? — Она ткнула в их пленницу пальцем, как будто хотела, чтобы это был меч, нацеленный забрать жизнь девушки.

— Она не будет представлять опасности, Принцесса... у меня.— Произнося эти слова, Хасти позволил кружащемуся диску успокоиться, втиснул его назад в складки одежды. Но прежде чем Талахасси, избавленная от этого принуждения, смогла двинуться, чтобы предохранить себя, его рука снова появилась на свет, держа цилиндрик. Еще раз в ее лицо были выпущены те же самые усыпляющие брызги, благодаря которым ее доставили сюда пленницей. Она запомнила падение вперед, и это было все.

Она пробуждалась медленно, но теперь она не притворялась, пытаясь запутать тех, кто захватил ее в плен, если бы они интересовались ее состоянием, потому что она представляла, что во второй раз ничего этим не добьется. Вокруг нее был ослепительный свет, достаточно яркий, чтобы заставить ее зажмуриться, и она услышала странные звуки, которые ни с чем не могла сравнить.

Поверхность под ней была ровной и твердой, когда она приподнялась на локтях, чтобы осмотреться. Она была... посажена в клетку! Вокруг нее действительно имелась сеть из проволоки, прикрепленная к четырем прочным стойкам, которые удерживали ее в одной части очень большого помещения. Но здесь было гораздо больше, чем ее собственная клетка.

Талахасси не испытывала затруднений в идентификации предметов, которые, наверное, были бы абсолютно чуждыми для Ашаки. Это была разновидность лаборатории, едва ли отличимая от всех, в которых она когда-то бывала студенткой. Слева от нее располагался потрескивающий ящик высотой почти до потолка, а дальше были два длинных стола, заставленные ретортами, бал-

лонами, инструментами. И воздух слегка раздражал резким запахом химических препаратов.

На ближайшем столе... стояла клетка, смоделированная точно как ее, но слегка иной формы и значительно меньших размеров, и в ней находился Жезл, опять вынутый из ларца. Несмотря на это яркое освещение, Талахасси считала, что она видит мерцание излучения вокруг самоцвета, который венчал его верхушку. Рядом с ним лежало что-то еще — Ключ... или, по крайней мере, анк, который был довольно похож на тот, что она видела в руке Джейты, чтобы являться его близнецом. И тем не менее он не выставлялся раньше как часть добычи Идайзи.

Было что-то... внезапная непродолжительная вспышка воспоминаний Ашаки сверкнула при виде этого. Но она быстро поблекла, когда Талахасси попыталась выделить ее более отчетливо. Она осталась с ощущением, что с Жезлом и Ключом вместе что-то можно было сделать для ее собственной защиты и, может быть, атаковать тех, кто был инициатором ее похищения.

Клетка не имела никакой видимой двери, и когда она для пробы протянула руку по направлению к решетке, какой-то предостерегающий инстинкт заставил ее воздержаться от прикосновения к ней. Она не могла пожертвовать своим единственным одеянием, однако кусок ткани вокруг ее головы мог быть использован.

Талахасси тщательно свернула его в плотный узел, а потом осторожно притронулась одним концом — держа свои пальцы так далеко, как только могла — к заградительному барьеру. Произошла мгновенная вспышка, так что Талахасси оцепенела. Что если бы ее рука или кисть вошли в контакт с этим? Теперь она сидела, поджав ноги по-турецки, в середине своей клетки и старалась представить будущее — хотя будущее было более чем непредсказуемым.

Ее мысли были невеселыми и ничего не представляли, однако прошло немало времени, прежде чем она начала осознавать, что она не одна в этой комнате. Хотя она поднялась на ноги и медленно повернулась кругом, долго и внимательно осматривая каждую часть длинной комнаты, здесь не было никого еще. И комната сама по себе была очень открытой, без укромных уголков или мест, которые были бы ей не видны.

Однако... она была н е о д н а!

Какое-нибудь следящее устройство? Талахасси не со-

ставляло труда поверить, что такое могло быть нацелено на нее. Но она не могла бы о щ у щ а т ь подобную вещь! Это было бы невозможно. Следовательно, природа явления была другого сорта. Личность... да, это было то же самое ощущение, которое она испытала в своем собственном — или Ашаки — доме, что здесь присутствовала определенная личность, невидимая, может быть, неслышимая (если она пыталась общаться) и все же существующая.

Талахасси медленно опустилась обратно на пол клетки. Она столкнулась сейчас с чем-то, что было абсолютно непривычным для нее. Как можно узнать, где находится с у щ е с т в о, которое является невидимым (поскольку в этот раз здесь не было ни малейшего намека на тени, она подумала, которые она видела прежде в таких случаях), но которое присутствует з д е с ь?

Она поворачивалась кругом, методически осматривая комнату, изучая каждую часть с мучительной интенсивностью, пытаясь «услышать», если можно употребить это слово, своим разумом. Не здесь, не здесь... не здесь... Постепенно она почему-то становилась уверенной, что каждое суждение, исключающее часть помещения, было правильным.

В конце концов... она знала!

Э т о висело около другой клетки... клетки, где находились Жезл и Ключ.

Кто? Идайзи говорила об использовании ее как заложницы, термин, который предполагал, что остались те, кто мог торговаться за ее жизнь. Может быть, Налдамак, по ее возвращении? Последователи Высшего Пути, заблокированные теперь внутри их городского храма? Или Джейта и Херихор? Но разве не прошла всеохватывающая смерть по поместью, которую она сама почти что признала? Она вспомнила, что Хасти отбросил предложение о заложниках как малозначащее. А это была собственная твердыня Хасти — Талахасси ничуть не сомневалась в этом.

Те, кто шел Высшим Путем, всегда разыскивали такие явления, которые могли быть выражены моральной силой — для контроля над своими собственными разумами, для усиления и развития своих собственных талантов. Хасти, очевидно, был тем, кто добился, сам по себе, примерно тех же самых результатов. Она потому находилась здесь, что он преуспел в деле. Гипнотизм — вот что является объяснением для этого крутящегося диска,

который подчинил ее его воле. К тому же существовал химический препарат, от которого человек быстро терял сознание, кроме того, первоначальное похищение и сокрытие Жезла и Ключа в другой плоскости сознания, плоскости, которая была ее собственной. Какие еще другие средства и орудия он разработал?

Оно до сих пор находилось там, это существо. Время от времени она проверяла свое странное ощущение осведомленности и постоянно получала тот же самый ответ. Было ли оно личностью посланца, который исполнял волю Хасти в перемещении Ключа и Жезла и потом был «вытолкнут» быстрым действием Джейты в пустыне? Могла ли она общаться с этим или с ним? Должна ли она рискнуть попробовать? Теперь, когда Хасти имел оба символа власти в своих руках, мог ли он полностью освободить своего посланца... или он не мог?

Руки Талахасси сжались в кулаки. Как много было такого, что она хотела — страстно желала — знать. А все, что она могла понять,— это предположения.

В дальнем конце комнаты раздался резкий звук. Здесь не было висячих занавесей, таких, какие она видела в поместье, а скорее нечто вроде двери, которую она знала большую часть своей жизни. Хасти, его длинное серое одеяние сменилось на белый рабочий халат длиной до колен и без рукавов, целеустремленно прошел по проходу между двумя длинными столами с оборудованием, чтобы стать лицом к ней.

Он, должно быть, сразу же обратил внимание на обгорелый край матерчатого узла, который она бросила возле себя, поскольку теперь он улыбался.

— Ты уже поняла безрассудство любой мысли о бегстве и ты поступила сообразительно,— прокомментировал он.— Как ты догадалась, что в стенах вокруг тебя может заключаться некая подобная опасность?

— Я разобралась,— ответила она со всем спокойствием, которое могла собрать.— Точно так же,— что-то заставило ее добавить,— я знаю, что мы сейчас не одни здесь.

Он быстро посмотрел вокруг, даже слегка вздрогнул, что продемонстрировало кратковременное чувство беспокойства в нем, которого Талахасси не ожидала увидеть. Она отметила это в своей памяти как трещину в фасаде его абсолютной власти.

Тотчас же он засмеялся.

— Духи воздуха, Великая Леди? Или тень Самого

Эпидемека, набирающего силу, чтобы дать свободу Его Избранной?

— Что находится здесь, варвар,— она сознательно придала этому слову весь оскорбительный смысл, который поддерживался среди знати,— не от Эпидемека и не от Пути, а из твоего действия. Оно висит сейчас над Вещами Силы.— Она показала на заключенные в клетку Жезл и Ключ, как будто она могла в самом деле видеть там некую тень.— Оно было послано тобой, поэтому возвращается к тебе.

Он повернул голову, чтобы взглянуть в направлении, которое она показывала. Еще раз он рассмеялся.

— Ты пытаешься запутать м е н я своими древними глупостями? Я не так глуп, чтобы верить подобному.

Талахасси пожала плечами.

— Веришь ты или нет, Хасти... но Акини здесь.— Из какого источника пришло это имя в ее разум? Она не могла сказать, она только произнесла его вслух, как будто в этот момент его прошептали в ее ухо — или крикнули ей в отчаянии с очень-очень далекого расстояния.

Его глаза метнулись к ней.

— Ты знаешь многое, Великая Леди. Однако ты без толку стараешься использовать имя погибшего человека, чтобы заставить меня поверить в вашу «Силу». Такое имя вполне могло быть известно ранее тем, кто служит вашему делу. Я говорю это потому, что это дело мертво, так же как и ты умрешь, как только и если я захочу этого. Ты веришь мне? Да, в глубине себя, ты веришь. Хорошо, теперь мы понимаем друг друга. И хотел бы я встретить мужчину или женщину... человека, который не торговался бы за свою жизнь.

Если ты отдашь мне свое знание — как, например, ты повредила этому безвольному дураку Юсеркэфу, не трогая его пальцем,— об энергии, которая заключается в этом,— он показал на заключенный в клетке Жезл,— тогда мы сможем заняться совместным делом. Ты думаешь, что мне хотелось заключать какое-нибудь длительное соглашение с Юсеркэфом и этой самкой леопарда, которая вертит им по своей прихоти? Они были полезны. Теперь они больше не нужны. Их можно стряхнуть, как пыль с рук.

— Ты хочешь Древнее Знание, хотя сам говоришь, что оно больше не имеет никакой ценности,— ответила Талахасси.— Кажется, ты противоречишь себе своей собственной речью.

— Я противоречу? Нисколько, Великая Леди. Что в твоем знании существует часть необъясненного и, возможно, пригодного к употреблению, это я допускаю. Амон развивался длительное время, а перед ним было Мероэ, и еще раньше — Египет. То, чем вы владеете сейчас, должно быть, только жалкие крупицы того, что было когда-то великой чуждой наукой. И существуют другие пути, как добиться возвращения той эпохи — более короткие и прямые пути. Научи меня секрету такой силы, какую эти вещи могут «генерировать»,— он опять показал на меньшую клетку,— и не останется ничего, чего бы я не смог достигнуть! Хочешь ты возвыситься, чтобы поставить ногу на саму Луну над нами, Великая Леди? Кто знает, может быть, и это будет осуществлено!

Хотя в его голосе звучал энтузиазм, она чувствовала его неискренность. Вот так он и уговаривал людей, недовольных прошлым, присоединиться к его мечте о будущем. Неужели он думал, что человек с Талантом не сможет разобраться в том, кто он был — человек, который хотел властвовать, получить силу в свои руки, пока не вообразил бы себя Владыкой Жизни и Смерти?

Девушка не отвечала, только пристально глядела на него. Та же самая часть ее чувств подсказала ей, что то, что нависало над заключенными в клетку талисманами, теперь пододвинулось ближе к нему.

— Нашептывает ли Акини в твое ухо, Хасти? Он сейчас находится так близко от тебя, что может положить руку на твое плечо.

— Итак... ты выпустила свою черную магию? Отлично, только не рассчитывай, что это поможет тебе здесь. Я извлекал секреты из умников достаточно раз, Великая Леди. Не думай, что я позволю тебе убежать. Смотри — я даю тебе только незначительный образчик того, что может быть сделано.

Он шагнул к потрескивающему ящику, нажал указательным пальцем на определенное место. Талахасси резко дернулась. Было такое впечатление, как будто ей на голову надели обруч, который сжимался, сдавливал голову. От страха у нее во рту стало кисло.

Затем без ее усилия пришла память Ашаки. Именно этого он хочет: сделать так-то и так-то. Вся жизнь — это состояние разума, используй твой разум как орудие...

И тут она как бы смогла уйти в себя, двигаясь поспешно по каким-то хорошо знакомым тропинкам в место безопасности, куда не смогут проникнуть ни боль и ни

страх, в твердыню, где сущность ее личности может удерживать барьеры против любого нападения.

Она считала, что, вероятно, не найдет в памяти Ашаки те участки, которые ведали Силой... однако, такой участок существовал. К тому же, может быть, это был страх, который повернул надлежащий ключ, чтобы впустить ее внутрь.

Так... и так... и так!

Она увидела тени, та самая клетка, которая вмещала ее, стала тонким, как дымка, предметом, подобно паутине, которую неспеша можно было убрать прочь, если бы на то была ее воля. И Хасти — он был уже не человек, а скорее луч света, пульсирующий мрачным багровым цветом, цветом надменности и себялюбия, который ни один человек не должен содержать внутри себя. Ибо всякое знание появляется из Источника Жизни, а такие, как Хасти, сознательно отрицают этот источник и говорят, что он — ничто.

Раздался щелчок, резкое возвращение к фокусу обычного состояния. Хасти вновь стал самим собой, стоящим у машины, рассматривающим Талахасси, нахмурившимся, так что глубокая складка пролегла между его глаз. Тотчас же он улыбнулся, неторопливо, как улыбалась Идайзи в свое время, с тем же самым смакованием наслаждения, которое ему хотелось бы продлить до предела возможного.

— Итак, ты являешься, возможно, немного значительней, чем я думал,—сказал он.— И все же, в конце концов, мы придем к условиям, моим условиям. А из-за твоего упрямства эти условия будут становиться жестче, чем дольше ты противишься мне.

Он двинулся прочь широкими шагами, как будто полностью выбросил ее из головы. Талахасси глубоко вздохнула раз, а затем другой. Но ее внимание было нацелено на спину Хасти. И не потому, что она боялась его возвращения или другого нападения, а потому, что позади него, хотя он шел при полном освещении этого помещения, которое не могло содержать тень и не способствовало этому, следовало разреженное н е ч т о, которое она могла теперь видеть. То, что держало под наблюдением Жезл, материализовалось сейчас в большей степени, чтобы прицепиться к Хасти почти как обветшавший плащ.

Он задержался в дальнем конце комнаты, чтобы наклониться над столом. Талахасси полагала, что она, возможно, видит лист бумаги, лежащий там, на котором он

сконцентрировал свой пристальный взгляд. Дух парил вокруг, кажется, слегка подталкивая сперва одно из неподатливых плеч мужчины, а потом другое, стараясь привлечь внимание к себе, или что-то в том роде, как думала девушка. Однако Хасти не подал вида, что он знал о его присутствии. И девушка подозревала, что это было правдой.

Она ожидала, что это возвратится, плывя по направлению к клетке с Жезлом, поскольку Хасти отложил лист бумаги и тотчас же занялся с прибором на столе. Вместо этого дух, казалось, скользнул назад в воздух и исчез, и она не могла ощущать его присутствие сколько-нибудь дольше. Но она знала его имя — Акини. А зная его, она, по очень древней доктрине, обладала незначительной долей контроля над духом, или должна бы обладать, если бы она вспомнила надлежащий ритуал.

Теперь ей оставалось обдумать, что же случилось с ней в течение того периода времени, когда Хасти приложил все усилия, чтобы заставить ее подчиниться его механизму. Он потерпел неудачу, какой бы замысел он ни разрабатывал, чтобы добиться своего. Но она все еще была пленницей, так же, как Жезл и Ключ. Талахасси не рассчитывала, что извне придет какой-нибудь спаситель, громогласно заявляя о ее освобождении, хотя она продолжала сомневаться, что Хасти контролировал все события таким образом, как бы ему хотелось заставить ее поверить.

Единственное намерение, в котором он открыто признался,— он больше не собирался, даже если у него раньше и были другие соображения, выдвигать Юсеркэфа как Императора. Талахасси не была уверена в настроении народа. Признают ли они такого властителя, правителя не из Рода? Они, казалось, приняли закрытие Храма, которое было против всех правил и законов и которое раньше могло бы собрать толпу, орущую во все горло и сражающуюся, чтобы добраться до богохульника, который распорядился о такой акции.

Он пытался договориться с ней, но вернее всего, что он в конце концов должен направиться непосредственно к источнику и договариваться с Налдамак, Императрицей. Женщина, которая носила тройную корону, не являлась теперь той же самой девушкой, которую Ашаки называла сестрой давным-давно. Из-за осмотрительности, а также из-за печали и утраты женщина в ней превратилась так сильно в правителя, что теперь она навсегда

отдалилась и производила впечатление человека, который мыслил скорее всего абстракциями, и только после всего человеческое чувство, любящее, ненавидящее, опасающееся.

Мог ли Хасти использовать против Императрицы это странное средство гипнотизма (так как крутящийся диск несомненно был им) и таким образом превратить Налдамак в свою марионетку? Тогда внешне их мир оставался бы тем же самым, тогда как внутри он бы создал иное общество, завладев старым.

Более того, Налдамак была бы отстранена — хотя воспоминания Ашаки содержали только видимую вероятность, кое-какие предположения, чтобы точно утверждать это. Правда, последнее могло в самом деле случиться и было бы вполне логично. Тогда почему Хасти предлагал соглашение, пытался навязать его ей — Наследнице?

Потому что она была тем, кем была. Налдамак принесла торжественную присягу, что она не выйдет опять замуж, да и не могла она сейчас по закону, когда ее бесплодие абсолютно доказано. Но с ней, Наследницей...

Талахасси кивнула головой. Даже находясь в таких условиях, в каких она в настоящее время была, она смогла отыскать кривую усмешку для рухнувших надежд Идайзи. Жена Юсеркэфа, вместо того, чтобы способствовать своему собственному плану, сыграла на руку Хасти, доставив ему Наследницу. Она задала себе вопрос, осознавала ли это Идайзи; безусловно, она не была так глупа, чтобы поверить тому, что могла бы командовать своим бывшим союзником в дальнейшем.

Хасти перелил зеленоватую жидкость из одного лабораторного стакана в другой и поднес его ближе, чтобы добавить его содержимое, капля за осторожной каплей, в чашку на столе лишь на небольшом расстоянии от клетки с Жезлом. Оттуда пошел тошнотворный запах, такой раздражающий, что Талахасси закашлялась, несмотря на ее усилия сохранять тишину.

Закончив свое дело, мужчина поднял голову, чтобы взглянуть на нее, в то время как он поднял чашку одной рукой.

— Возможно, шанс,— он держал чашку так высоко, что она не могла увидеть ее содержимого,— предупредить неизбежную смерть нашего дорогого Принца. Довольно незначительный шанс, как я думаю. Но, поскольку я вызван творить чудеса, я постараюсь сделать все

наилучшим образом. Принцесса Идайзи... — Он покачал головой с издевкой. — Увы, Великая Леди, раз она не может открыто требовать твоей крови, я полагаю, она должна попытаться весьма энергично достигнуть этого другими и более скрытыми методами. Нет, не потому, что она любит своего дорогого Лорда, а потому, что корона, о которой она неизменно мечтала, пусть и невидимой, была сметена.

Ну, все-таки это надежда. Что касается тебя, Великая Леди, то поразмысли также — то есть, сколько может человек, даже обученный в Храме, оставаться запертым без пищи или воды. Без пищи — может быть, дольше. Они говорят, что те, кто имеет Талант, скорее питаются, чем истощаются, через пост. Но вода — другое дело.

И как будто его слова были ключом, чтобы открыть дверь для нужд ее тела, язык Талахасси шевельнулся во рту, который, казалось, внезапно пересох.

Глава 10

Жажда, стимулированная этим намеком Хасти, стала пыткой. Талахасси положила голову на руки, сжимающие колени, в то время как она сгорбилась в клетке. Он «обработал» ее однажды крутящимся диском, который принудил ее выполнить его приказ; сделал ли он это вновь более умело только через слова? Она боролась, чтобы контролировать свои мысли — перекрыть мысленные изображения бегущей воды, кубков, наполненных и ожидающих, чтобы их подняли.

Верил ли Хасти, что он мог сломать ее защиту при помощи безумной жажды и таким образом одолеть ее? Кап... кап... Звук наносил удары по ее самообладанию. Она медленно подняла голову, всмотрелась в дальний угол лаборатории. Там находилась раковина, выдолбленная из массивного камня, к которой подходила труба. И из нее стекала капля за каплей жидкость, хотя она не замечала и не слышала этого раньше. Было ли это усовершенствованием пытки, устроенной Хасти?

Она снова закрыла глаза, стараясь не слышать этого звука, монотонного, так или иначе смертоносного для ее самообладания. Она не сомневалась, что именно это Хасти и имел в виду, когда он говорил на эту тему. Он хотел использовать ее тело, чтобы добраться до ее разума...

Ее захлестнула паника. Она поспешно закрыла рот обеими руками, чтобы не закричать от страха. Это было его оружие — страх. А ее оборонительным сооружением являлся гнев, который она взрастила в себе как стену против ее собственного отчаяния.

Кап... кап...

Она неистово затрясла головой, как будто этим действием могла заблокировать звук. Однако это не был путь для борьбы. Ее самое лучшее оружие заключалось в единственном месте, в этом она была уверена, в памяти Ашаки. Как она делала и раньше, она начала опробывать, привлекать это знание, все более и более осознавая его отрывистость — пробелы которого, если бы они заполнились, могли бы пригодиться ей.

Ашаки прошла через длительные тяжелые испытания Храма, научилась там управлению над физическими процессами ее собственного тела, о чем только ходили слухи, как о возможном, в собственном мире Талахасси. Следовательно, где-то здесь должен находиться ответ на это...

Ладони ее рук были влажными от пота, как будто клетка вокруг нее еще раз накалилась, но нити проволок оставались тусклыми и не пылали жаром. Она заставила себя дышать медленно, равномерно. Так... так...

Опять она как бы прорвалась сквозь стену, потому что подключился новый запас силы, о котором она и не подозревала, что он существовал. Но... сохранять контроль... не быть слишком самоуверенной. Она как будто ползла по какой-то очень скользкой тропинке, с угасанием, подстерегающем на каждом краю, как Талахасси выяснила, чтобы удержать и в конце концов использовать эту частицу памяти. Ощущение жажды отступило. Оно было до сих пор здесь, да, но оно больше не делало из нее бездумного создания.

Она открыла глаза, проверила свой контроль, наблюдая за стеканием капель из трубы. Так как теперь... да... она могла держаться!

Но дверь позади этого трубопровода медленно открылась, как бы украдкой. Мгновением позднее через нее проскользнула фигура, поспешно затворив эту дверь. По проходу между столами пробежала Идайзи, приблизилась к передней стороне клетки.

В течение минуты она только стояла, изучая Талахасси. Тем не менее на этот раз в ее глазах не было сверкания злобы, да и насмешливая улыбка при виде

ее врага, пойманного в ловушку подобным образом, не появилась на ее лице.

— Послушай.— Она придвинулась к клетке на такое расстояние, что почти могла прикоснуться к проволочной сетке.— Ты обладаешь способностями. Хотя этот человек и захватил тебя, он все еще не осмеливается приблизиться даже пальцем к этому для своих целей.— Она показала на Жезл.— Он... он рассчитывает использовать т е б я для выполнения его вожделений...

— Хасти намеревается,— сухо заметила Талахасси,— править Амоном сам.

— Да.— Идайзи поджала губы.— Он говорит, что постарается исцелить моего Лорда... я думаю, он лжет.

— И он больше не нуждается в тебе?

На лице Идайзи появилось откровенное бешенство.

— Это... это варвар... и даже хуже, чем варвар. Он даже не человек, не из этого мира! О, он полагает, что это надежно скрыто, но Зихларз установил правду. Он прибыл в этот мир через некую дверь, открытую демоном. Где, ты думаешь, он научился этому? — Ее вскинутая рука обвела лабораторию.

— Ты очень желала принять его помощь, ниспосланную демоном или нет,— подчеркнула Талахасси.

Идайзи засмеялась.

— Почему бы и нет? Мы думали тогда, что он существовал исключительно по нашей милости. Мы могли разоблачить его, кто такой он был — некто, кто не имел права существовать. Он сулил нам... показывал нам...

— Достаточно, чтобы заставить вас поверить, но не достаточно, чтобы насторожить вас,— продолжила Талахасси за нее.— Это был его план, разве нет, укрыть Жезл и Ключ вне времени?

Идайзи провела рукой по лбу, сдвинув официальный парик, но не пытаясь поправить его.

— Да. Но это не сработало, ибо ты вернула их. Однако, если он смог открыть такую дверь один раз, то это может быть проделано снова... и он может привлечь людей, чтобы служить ему.

— Ты не обладаешь разумом ребенка, Идайзи, и не являешься человеком, чьи мысли перегружены Величайшим Злом. Неужели ты не понимала, что из этого может получиться?..

Идайзи прикусила суставы пальцев своего крепко сжатого кулака. Талахасси хотелось рассмеяться. Думала ли Идайзи, что она могла подобным образом ввести

в заблуждение человека с Талантом? (Талантом? — выразила сомнение другая часть ее разума, которой она не удосужилась ответить.) Разумеется, абсолютному изменению замыслов женщины нельзя было доверять. Возможно, это был еще один тактический ход, разработанный Хасти с целью ослабления собственной воли Талахасси. Но если он полагал, что ее можно было победить посредством такого хода, как этот, что ж, он придерживается слишком низкой оценки на ее счет.

— Он... — Идайзи не ответила на ее вопрос, но полностью переключилась на другую тему. — Он не похож на других мужчин, уверяю тебя. Он считает, что все женщины являются слабовольными и нерешительными. Он внутренне презирает наш народ, потому что они прислушиваются к женщинам, которые властвуют над ними!

— И все же ты полагала, что он будет слушаться тебя, подчиняться тебе, — указала Талахасси. — Итак, я спрашиваю вновь — почему?

— Потому что я не знала! — Ее голос стал резким и высоким, как будто этот вопрос каким-то образом задел ее за живое. — Этого не было до тех пор, пока мой Лорд не был поражен, когда он показал, что представляет собой на самом деле...

— Теперь ты себе противоречишь. Разве ты не говорила, что уже знала, что он не нашего рода?

— Я не знаю, что говорю! — Ее руки, сжатые в кулаки, поднялись, как бы для того, чтобы ударить по проволочному заграждению клетки и, может быть, по Талахасси. — Мы знали, что он не похож на нас, но не знали, насколько. Он разговаривал со мной — м н о й, — как будто я варварская невольница. Он... в нем было то, что он не осмеливался демонстрировать мне раньше.

— Не осмеливался — или не хотел? — спросила Талахасси. — Однако, почему ты сейчас пришла ко мне? Ты же видишь, что я надежно заперта с помощью его устройства. Что я могу сделать?

Идайзи покачала головой.

— Я не знаю. Но ты изучала Высший Путь, несомненно, что-нибудь имеется, что ты можешь сделать.

— Возможно. Возьми и принеси мне Ключи Жезл... — потребовала Талахасси от нее. — Тогда мы узнаем.

Идайзи на самом деле повернулась, как будто для того, чтобы поднять эти талисманы. Потом она отпрянула.

— Если я прикоснусь к тому, что удерживает их, я погибну.

— Так я и думала,— сухо прокомментировала Талахасси.— Таким образом, ты попалась в свою собственную утонченную ловушку. Однако, что о других — тех, что в Храме? Ты обращалась к Зихларзу?

— Храм под охраной... не из людей... а одно из его созданий. Никто не выходит наружу уже три дня.

— А те, которые были моими собственными охранниками... может быть, ты усыпила их и затем перерезала им глотки? — Талахасси заставила себя говорить спокойным голосом, точно так же, как она поддерживала контроль над своим телом.

— Нет! — Идайзи посмотрела в изумлении на нее.— Усыпила, да, когда мы захватили тебя. И, может быть, на день после этого. Но они не смогут прийти. Хасти разместил свою охрану вокруг самого города, так что только его приверженцы могут войти и никто не может уйти. Он также надеется поймать в ловушку Императрицу.

— Захватив благополучно таким образом Новую Напату, он может делать все...

— Нет! Есть одно действие, которое он не может осуществить! — прервала ее Идайзи.— Он не может взять Жезл. Он пытался, когда тот попал в его руки в первый раз, и потерпел неудачу. Вот почему он постарался спрятать его в такое место, куда, он считал, никто другой не мог проникнуть. Он не может держать Жезл ни на капельку дольше, чем Юсеркэф.

— Ты видела его попытку? — задала вопрос Талахасси.

— Да. В своей руке он держал коробочку... такую маленькую коробочку. Он водил ею над Жезлом, и она стала щелкать так, что он поспешно отдернул ее. Но он имел кого-то, кто служил ему,— кого он удерживал силой своего взгляда и своей воли,— и этот некто забрал Жезл... и пропал!

— Однако, как же этот некто не пострадал от Жезла?

— Хасти надел ему на руки рукавицы, которые были очень тяжелые. Ими он держал Жезл, не получив при этом вреда.

— Разве он не может удалить Жезл опять? И, если он может делать много странных и удивительных вещей, разве он не в состоянии править без него?

Идайзи изумленно уставилась на нее.

— Но ты же знаешь, из чего сделан Жезл. Он сердце нашей нации... нашего народа! Без него мы прекратим

существование. Почему же ты говоришь, что Жезл — ничто и Хасти может править без него?

Непростительная ошибка, мгновенно поняла Талахасси. Народ Амона в продолжение веков воспитывался в этом убеждении. И если бы Жезл на самом деле был отобран у них, они бы распались как государство, исчезли как нация, потому что они верили, что это должно быть так.

— И тем не менее он завладел им и спрятал,— подчеркнула она.

— Он был укрыт только на время. Хасти знал, где он находится — и только четверо знали, что он исчез. До тех пор, пока ты и Джейта не разгадали это!

— Но ты захватила его... и меня.

Идайзи ударила кулачками друг о друга.

— Юсеркэф из Рода, никто не отрицает этого. Императрица не вступит в брак, она почти удалилась от общества. А ты... ты из Высшего Пути. Как ты будешь управлять? Юсеркэф — родной сын Императора. Почему же он не должен быть правителем здесь? — Ее слова катились одно за другим в стремительном натиске.— У других народов королю наследует родной сын...

— У варваров,— уточнила Талахасси.— Их ты знаешь гораздо ближе, чем я. Ты говоришь о Жезле как о настоящем сердце нашего народа. Правильно, но, в свою очередь, с ним неразрывно связаны наши собственные обычаи. Мы не придерживаемся путей варваров.

— Можешь укорять меня происхождением, если ты хочешь! Да, моя бабушка была из народа западного моря — но она ничуть не стала хуже от этого. Она была дочерью короля... каковой ты также являешься.

Итак, их подозрение о происхождении Идайзи оказалось верным. Правда, это не имело значения для Талахасси.

— Какое это имеет значение теперь, чья кровь течет в наших венах? Достаточно того, что Хасти был предоставлен самому себе в его делах. А так как ты знаешь его лучше, чем я, то что в таком случае ты предлагаешь? — Она возвратила их к главной теме. И она действительно желала получить ответ Идайзи на этот вопрос.

Когда женщина заколебалась, Талахасси задала другой вопрос:

— Как эта клетка, в которой я нахожуть, контролируется? Я узнала, что в ее стенках имеется энергия, так что я не могу рассчитывать пробить себе путь наружу.

Идайзи встряхнула головой.

— Я не знаю. В этой комнате прежде я была только раз. И тогда Хасти сказал, что повсюду для неосторожного лежит смерть и что нельзя касаться вещей, которые находились здесь.

— Тогда почему ты пришла? — настаивала Талахасси. — Сказать мне, как безнадежно бороться против этого варвара, которого ты пыталась использовать как марионетку, которая без труда теперь поворачивается в твоей руке, чтобы угрожать тебе?

— Я пришла потому, что... что, несмотря на все, Хасти сказал — Талант существует. И если есть в Высшем Пути то, что является таким же сильным, как его механизмы... настоятельно просить тебя использовать это против него, прежде чем будет слишком поздно!

Талахасси изучала ее сузившимися глазами. Она начала эту беседу, полагая, что прибытие Идайзи — утонченная атака, или отвлекающий маневр, против нее, вполне вероятно, начатая под воздействием Хасти. Но это новое чувство подсказывало ей теперь, что женщина была в самом деле полна страха, что она говорила почти то, что думала. Хотя в прежнее время искренность не сопутствовала этой женщине, сейчас страх заставил ее быть более-менее правдивой.

— Я догадываюсь, что ты подразумеваешь под этим... однако, кажется, действительно поздно, — заметила Талахасси. — Но ты кое-что можешь сделать — приведи в готовность тех, кто захочет подняться, чтобы уничтожить Хасти, открой путь для Джейты и Херихора...

Идайзи уже трясла головой.

— Я же говорила тебе — он имеет своих собственных охранников в Напате...

— Охранники могут быть... — начала Талахасси, когда женщина перебила ее:

— Не этих охранников — поскольку они не люди, как я говорила, а точнее предметы, которые он создал в этом помещении. Мы не имеем понятия, как командовать ими, так же как я не могу освободить тебя из этой клетки. Его пути не являются нашими.

— Может быть, нет. — Талахасси не спускала глаз с блока, откуда доносилось это постоянное потрескивание, того места, откуда манипуляции Хасти вызвали эту зондирующую пробу для овладения ее разумом. — Это то, — она показала, — что, я считаю, контролирует эту

клетку. Что ты можешь видеть на передней части его? — Предмет находился перед ним под неудачным углом, так что она не была уверена в распределительном щите.

Идайзи передвинулась, чтобы встать перед ним, пальцы она сплела за спиной, как будто больше всего на свете страшилась какого-либо контакта с предметом.

— Здесь есть панель; на ней светится маленькая красная лампочка. Ниже нее располагается ряд кнопок.

— Сколько кнопок?

— Четыре.

Четыре, и самая дальняя кнопка управляла мучительной болью, которой Хасти поразил ее. Могла ли какая-нибудь из остальных трех освободить ее? Это был незначительный шанс, но Талахасси не осмеливалась пренебречь им.

— Не трогай кнопки, которая находится справа с краю от тебя. А испробуй кнопку самую дальнюю от тебя слева.

— Трогать — это смерть. Он сказал так! — Идайзи даже не пыталась поднять руку.

— Если ты не пришла помочь мне — тогда почему?

— Используй свои собственные силы, — ответила Идайзи. — Вы, из Высшего Пути, говорили в прошлом, что с их помощью может быть сделано очень многое. Я тебя предупредила, но я не прикоснусь к этому предмету, порожденному дьявольским знанием.

Потом она повернулась и убежала, как будто за ней гналось нечто ужасное. Талахасси проводила ее взглядом. В самом деле, использовать ее собственные силы. Действительно ли Идайзи была движима паникой, или весь ее разговор был уловкой, стремлением узнать, что Талахасси, с хваленным Талантом, могла сделать? Ее уверенность, что женщина была искренней в своем страхе, поколебалась. Правда и ложь могли быть так искусно смешаны, что одно не могло быть легко отсеяно от другого.

Но ей не давала покоя мысль об этих четырех кнопках. Если бы она только смогла уговорить Идайзи проверить их! Она вперила взор в блок слева от нее, как будто одной волей могла повлиять на его секрет, чтобы добыть свободу.

Исключительно волей! Память Ашаки отозвалась еще одним фрагментом. К несчастью, фрагментом, на котором она ничего не могла построить. Она только знала, что Ашаки сама один раз была очевидцем такого искусства,

как телекинез. Однако, она была проведена несколькими адептами, действующими совместно, соединившими свои силы. И это не было широко распространенным.

Она закрыла глаза, чтобы блокировать «здесь» и «сейчас», лучше уловить любой намек из этой второй и искаженной памяти. Кое-какие подробности были такими понятными, что она была в состоянии верить, что сама совершала такие действия. Другие... они делались неясными, расплывались, когда она пыталась сосредоточиться на них. Можно было подействовать на мозг животного, взять его под контроль, заставить выполнить какое-нибудь дело в пределах его физической способности. Но такое обращение с другими жизненными формами нельзя позволять. Ибо всякая жизнь должна быть почитаема, и человек не должен превращать в рабов любые виды. К тому же, где в этой комнате она должна найти что-нибудь, на что она могла оказать воздействие, даже если бы она обладала возможностью сделать так?

Где...

Талахасси напряглась. Это... это присутствие — для которого было действительным имя Акини — оно вернулось. Она открыла глаза и взглянула на клетку с Жезлом, над которым вновь парило оно.

Однако... Акини — оно — был не один!

Она не могла ничего видеть, только чувствовать, что здесь находилось более чем одно присутствие в настоящий момент. Она наблюдала, не делая движений, едва осмеливаясь сделать глубокий вдох.

— Акини...— Талахасси облизнула губы, произнеся имя вслух.

Наступило что-то вроде неподвижности — как будто то, что она не видела, застыло, внимательно слушая, потому что теперь эти присутствия были сфокусированы на ней.

— Акини.— Она снова произнесла имя, и на этот раз ее услышали.

Неожиданно на нее обрушился поток возбуждения, как волна накатывается на утес,— гнев, страх — но не по отношению к ней. Нет, эта эмоция захлестнула ее, чтобы поглотить, только потому, что она присутствовала здесь и каким-то образом установила ниточку контакта с личностью, которая ее породила.

Но контакт казался целиком односторонним. Если это — Акини — знало ее или **отвечало**, как она полагала, за то, что случилось, он — это — не мог отреагировать.

За исключением того, что в воздухе возникло завихрение, неясное очертание, дух — подобно туманному силуэту с каплевидным расширением вместо головы, руками-хворостинками, такими же ногами, цилиндрическим телом... Это извивалось, как будто стараясь установить то, что было намеком на ноги, на пол, однако оно колебалось и расплывалось. Но, как бы то ни было, оно каким-то образом могло контролировать свое перемещение до такой степени, что приблизилось к передней части ее клетки.

Опять эмоция — мольба — беззвучный крик о помощи.

— Акини.— Она призвала все свое самообладание, так как колеблющееся существо вызывало у нее нарастающий ужас, и она принудила себя глядеть на него.— Я пленница... я не могу помочь тебе... с е й ч а с.

Оно — он — понял?

Он явно пытался удержать хотя бы и слабую видимость, которой обладал. А потом одна из рук-хворостинок начала удлиняться, вбирая в себя паутиноподобное вещество, из которого он весь был сформирован, до тех пор, пока здесь в воздухе не заскользили беспокойные кольца того, что, возможно, было гигантской змеей — очень тонкой в диаметре, но длинной. Оно образовало петлю вокруг клетки, из которой Талахасси следила за ним широко раскрытыми глазами. Она уже была способна частично принять духа, которого она увидела сначала, но это было нечто другое, и оно по-прежнему растягивало свою субстанцию, утоньшая и утоньшая ее, до нитевидных размеров.

Конец нити висел в воздухе перед ограждением клетки. Талахасси вскинула руки к лицу. Она знала, что должно произойти. Теперь нить старалась проникнуть между проволоками смертоносной ячейки! Добраться до нее! Она потеряла самообладание. Вскрикнув, она зарылась лицом в колени, обхватив руками голову сверху, чтобы защитить ее — хотя защиты не было, она была убеждена, что могла бы противостоять тому, что сейчас охотилось за ней.

Произошло соприкосновение, холодное, вызывающее покалывание вверх по руке от запястья, где нить встретилась с ее плотью. Она попыталась сжаться еще сильнее, в комок, тихо плача, ни о чем теперь не думая, кроме стремления спастись.

Затем... нить исчезла!

Талахасси не нужно было поднимать глаза, чтобы

осмотреть лабораторию, она и так знала. Разрушение нити было ментальным, а не физическим действием. На мгновение она даже обрадовалась его уходу, своему спасению — хотя по какой причине она страшилась его, она не могла бы сказать.

Раздался звук открываемой двери. Возвращающаяся Идайзи? Она ни в коем случае не должна видеть Талахасси, доведенную до такого бедственного положения. Девушка боролась за контроль над своим дрожащим телом, своими в значительной степени, смятенными мыслями и привлекла последние остатки своей энергии, чтобы поднять голову.

— Как настроение, Великая Леди?

Затуманенный взгляд Талахасси прояснился. Однако в настоящее время Хасти, хотя он и захватил ее, не шел ни в какое сравнение с тем, что висело в воздухе, пытаясь достать ее через переплетение тюремных стен.

— Хочешь ли ты пить? — спросил он со злобной издевкой, отойдя от стенки клетки к раковине, чтобы подкрутить конец капающей трубы. В ответ на это действие хлынула стремительная струя воды.

— Вода, Великая Леди. В данный момент, я должен сказать, она показалась бы тебе гораздо слаще, чем самое редчайшее из вин. Разве это не так?..

Она покачала головой, не столько в отрицание, сколько, пожалуй, для того, чтобы прояснить свои мысли. Хасти был человеком, это же другое существо... Она содрогнулась.

— Не надо воды? Они хорошо подготовили тебя.— Он отвернулся от струи из трубы и снова начал вертеть диск на сверкающей цепочке. Но на этот раз она была настороже и закрыла глаза. Он не сможет загипнотизировать ее второй раз.

— Тупая самка!

— Акини тоже был тупым? — спросила она.

— Акини! Откуда ты взяла это имя? Потрудились ваши шпионы? — В его голосе появилась ранее не существовавшая резкость. Сказав это, он удалился от раковины, подойдя поближе к клетке.

На ее губы как будто легла предостерегающая рука. Так как это существо, отсутствующее в течение недолгого времени, вновь появилось здесь. Вспышка гнева — направленная на Хасти... отчетливый совет, призывающий ее к молчанию.

— Как, в свою очередь, ваши, должно быть, трудились,— ответила она. Однако она не открывала глаза, хотя, как она полагала, больше не слышала слабый свист цепочки, рассекающей воздух.

— Это несущественно.— Он еще раз овладел собой.— Ты, вероятно, хочешь знать, поскольку он твой родственник. Юсеркэф «не отправился на запад»— как твой народ так эвфемистически говорит о смерти. Он будет жить — калекой — и не более благодарен тебе за это, чем любой человек на его месте. Что до тебя, то я оставляю тебя твоим сновидениям, Великая Леди... и я не думаю, что в эту ночь они будут приятными!

Она могла слышать шарканье его сандалий по полу. Он миновал ее клетку, направляясь к блоку, на котором располагались кнопки. Новое нападение на ее разум? Она слишком изнурена теперь... она не могла сохранять контроль... она не могла...

Уловила она, или нет, слабое щелканье кнопки? Раздалось жужжание, еле уловимое, но постоянное, обтекающее ее, как будто проволоки сетки были перебираемы, как могли быть струны арфы — поющие... убаюкивающие... Ее голова еще раз склонилась вперед так, что лоб покоился на коленях. Она пыталась напрячь свою волю, чтобы остаться бодрствующей, но не смогла...

Клетки не было... взамен, она шла по коридору и знала, что произойдет в конце. Это было испытание послушника, который должен взглянуть без страха в лицо смерти и затем переродиться, или никогда уже не следовать Высшим Путем. Страх двигался за ее плечом, подбираясь шаг за шагом к ней, но она не поворачивала головы, чтобы посмотреть, какую форму он выбрал. Она заставляла себя дышать ровно, медленно, как дышит человек, который полностью расслабился, чтобы делать каждый шаг таким же неторопливым, как предыдущий. Позади ее лежали годы обучения в Храме, перед ней — только это последнее тяжелое испытание, и тогда она могла доказать свое право на Силу, которую она чувствовала теперь бьющейся внутри нее, ищущей выход, потому что только посвященный мог подлинно освободить ее.

Там, впереди, висел темный занавес смерти-в-жизни, и позади него находилась жизнь-в-смерти, противостоящая ей. Ашаки высоко держала голову, как будто она уже носила венец победы посвященного. Ее рука двинулась, стиснула занавес и отдернула его. С мужеством воина она ступила в глубокую тьму.

Глава 11

Это было ее последнее испытание. Годами тренировки, иначе говоря, познанием самой себя и глубин своих мыслей, даже когда с ними было неприятно сталкиваться лицом к лицу, она была подготовлена к этому моменту, чтобы противостоять страхам, из которых эти мысли родились. Ибо никто не может обладать Силой, пока не научится полностью владеть собой.

Она была готова...

Но что-то еще билось в ней. Не ее страх, нет. Это было крайне необходимым, предупреждающим. Ашаки колебалась внутри этой всепоглощающей тьмы, пыталась понять.

Это... это она уже испытывала раньше! Ее заставили оживить в памяти прошлое каким-то внешним воздействием. И для этой силы имелось только единственное объяснение — через нее, Талахасси, она могла узнать секреты, которые никто, кто обладал ими, никогда не должен раскрывать.

Что было правдой, что было сновидением? Было ли это фальшивое предупреждение, посланное ей как проверка? Она не обладала реальным знанием, с чем сталкивался посвященный, за исключением того, что это должно утомить ее до предела. И было ли исходной точкой такой проверки внушение, что она не являлась правдой, а только ложью?

Она подняла руки к голове, осознавая, что они дрожат от напряжения, накопившегося в ней.

Правда — ложь? Что, о, что?

Паника... она не должна паниковать! Она была Ашаки из Рода, той, кому предназначалось с рождения идти этим путем. Следовательно, правда должна быть определена тем способом, которому она была обучена. Она привела в порядок свой рассудок, отогнала панику, разыскала те руководящие принципы, которые должны находиться под рукой в случае нужды.

Они были настолько четкими, как будто она написала их. Однако, они находились *не там*! Она попробовала еще раз. Не было ничего, вообще ничего, и она не ощущала того прихождения Силы, которое уже должно было бы появиться у нее.

Итак, это было не так, как это должно быть. Но... что случилось? Ее раскачивало, пока она не двигалась, сражаясь с силой, которая, должно быть, подталкивала

ее,— это принуждение пришло *извне*, не было рождено ее собственной волей!

Она была Ашаки. Кто осмелился вести такую опасную игру с членом Рода? Кто отважился бросить вызов Жезлу и Ключу?

Она была Ашаки... она была... она была...

Сама ее личность стала неясной. Ашаки? Нет, тогда кто? Она подозревала, что у нее вырвался стон, и однако не слышала его в окружении этого абсолютного мрака.

Она *была* Ашаки! Она должна быть ею, так как если она откажется от Ашаки... тогда здесь окажется чужестранка, а человек не может существовать как чужестранец. Нет, эта атака была частью чего-то, что пыталось добыть через нее секреты Высшего Пути. И с этим ответом в ее затуманенном разуме воцарилось спокойствие. Кто осмелился так обращаться с ней? Существовал единственный ответ — Хасти!

Темный ритуальный коридор пропал, как будто его имя в ее разуме развеяло некие чары. Она стояла теперь на открытом месте под жарким солнцем северной пустыни. Перед ней находились расколотые стены древнейшей гробницы. Она торопилась (или, казалось, неслась, едва касаясь поверхности земли, как будто она скорее летела, чем переступала ногами по песку и гравию) по направлению к ним.

Там располагался храм, поврежденный временем и древними недругами, но он до сих пор стоял. Эпидемек, которому как утверждали несведущие, она и ее род поклонялись, однако, чья громадная статуя действовала как наиболее подходящее напоминание чего-то еще, что никогда не могло быть схвачено и сохранено в каком бы то ни было камне, даже самым искусным скульптором, стоял, глядя ей в лицо.

Незрячие глаза пристально смотрели поверх ее головы, руки, крепко держащие Жезл и Ключ, также находились над нею. Тем не менее талисманы не были каменными. Они светились жизнью, пульсировали силой. Она должна была только дотянуться и сжать их. Тогда все, что являлось порочным, не отважилось бы сковывать ее. Она потянулась вверх, напрягаясь сильнее и сильнее, однако кончики ее пальцев не могли даже прикоснуться к нижней части Жезла. Она делала неистовые усилия, осознавая разумом, как именно могущество Жезла должно быть соединено с могуществом Ключа через посвященного и что должно получиться от такого соединения.

Она была Ашаки, она единственная имела право притронуться к вещам Прошлого. Внутри нее нарастала Сила, поскольку она со знанием дела притягивала ее, так как было очевидным, что когда она пользовалась ею в трудном положении, тогда эта Сила увеличивалась и изливалась. Она была Ашаки.

Тотчас же гробница заколыхалась перед ее глазами, как будто была рисунком на ткани. Многочисленные трещины пересекли ее от края до края. Она разорвалась и исчезла, оставив ее смотрящей на... небытие, пустоту.., которая старалась овладеть ее разумом, беспрепятственно стерев все, что она знала, даже ее собственную личность. Нет!

Она собрала Силу, натягивая ее вокруг себя, как человек мог натянуть плащ против воздействия грозы. Пустота не смогла добраться до нее. Ибо она была Ашаки.

Она увидела, что пустота, в свою очередь, разрушается, не разрывается постепенно как гробница, а мгновенно раскалывается. Перед ней возникли предметы. Она находилась не в зале храма, не в северной пустыне, она была...

Клетка!

И по ту сторону этого барьера за ней наблюдал сузившимися глазами Хасти.

Талахасси была слегка ошеломлена. Однако она понимала, что он пытался сделать с ней. Он, должно быть, старался узнать неприкосновенное, запретное, заставляя ее во сне вновь пережить посвящение. То, что он мог приводить ее в такое состояние, как только что сделал, было пугающим — тем не менее, она победила!

— Ты сильнее, чем я предполагал,— сказал он неторопливо.— Однако не так уж сильна. В этот раз я подвел тебя к порогу, в следующий раз ты переступишь его. Пусть жажда и голод ослабят твое тело, и ты не сможешь, следовательно, эффективно противостоять мне.

Она не ответила ему. Почему она должна? Он установил условия их борьбы, и с ними она должна столкнуться.

— Я удивлен...— продолжал он задумчиво.— В тебе есть нечто такое, что я еще не понял, и это не является порождением твоей сущности. Поскольку эта особенность регистрируется, несмотря на твое упорство. Слушай внимательно, Великая Леди, я обладаю возможностями, о которых в твоем мире нет и понятия...

Тогда она в первый раз заговорила:

— Мой мир? Значит, ты из другого мира, Хасти?

Он нахмурил брови. Пожалуй, он совершил ошибку. Если он и совершил ошибку, то быстро решил, что это несущественно, так как он ответил ей:

— Существуют миры на поверхности миров, Великая Леди. Разве ваше собственное «учение»,— он произнес это слова с презрительной усмешкой,— не дает понятия о таком?

— Мы знаем, что существуют отдаленные миры. Взгляни на звезды, которые являются светилами. Многие из этих жарких миров мы не можем видеть,— ответила она спокойно. Но внутренне она была встревожена, так как он подобрался слишком, слишком близко к Талахасси, которая бездействовала, когда Ашаки сражалась в ее сонном единоборстве, однако теперь она пробудилась.

— Ваши легенды,— задумчиво продолжал Хасти.— Что они говорят о таких мирах, Великая Леди?

Ашаки пожала плечами.

— Зачем ты спрашиваешь меня, Хасти? Ты, вероятно, познакомился с ними давным-давно. Должно быть, ты скажешь мне сейчас, что пришел из такого мира? Ты ожидаешь, что я буду смотреть на тебя как на бога, потому что ты, возможно, обладаешь таким знанием, какого мы не имеем? Знание разнится, оно состоит из многих разновидностей, происходит из разных источников. Твое основано на том, что находится вокруг нас в этой комнате. Оно не наше, и вряд ли найдется какой-нибудь подходящий человек из нашего рода, чтобы использовать его. Вследствие этого, я могу поверить, что оно, может быть, неземное...

Выражение его неудовольства усилилось, в то время как он глядел на нее.

— Значит, такое соображение не пугает тебя?

— С какой стати? — ответила она.— Неужели ты считаешь, что я должна сказать, что ты являешься демоном, как сказали бы необученные люди? В тебе есть что-то, чего нет в нашем племени — и нет никого подобного тебе, по слухам, среди варваров. Таким образом, ты, возможно, пришел из места, которое мы не знаем, доказательством существования такого места служит то, что ты находишься здесь и в настоящее время опасно вмешиваешься в наши дела.

Она опять пожала плечами.

— Опасно вмешиваюсь в ваши дела.— Он подхватил

ее слова.— Да, с твоей точки зрения это так, я полагаю. Но что если я смогу предложить тебе многое...

— Купец не предлагает товар на кончике меча,— резко оборвала она и получила удовольствие при виде ответной вспышки в его глазах. Ах, значит она в самом деле уколола его.— Ты не хочешь договариваться с нами, ты желаешь Империю. Хотя я не знаю по какой причине, разве только в тебе есть такое бурлящее вожделение властвовать, что ты готов схватить все, что можешь, как прожорливый попрошайка набивает рот обеими руками и потом поспешно тянется за добавкой. Почему ты теперь так щедр со мной, Хасти? Не потому ли, что ты не сломал меня так быстро, как предполагал? Нет ли какого-нибудь ограничения во времени для твоего вмешательства?

Он хранил молчание, и она испытала небольшой прилив торжества. Если бы только это предположение было верным! Какое ограничение во времени, кем установлено и по какой причине? Она имела вопросы, но кто ей даст ответы? Ибо она полагала, что в этой беседе она вытянула из него больше, чем любой человек в Амоне знал.

Она разозлила его, но не беспокоилась об этом.

— Для особы женского пола ты быстра на слова, дерзкие слова...

— Значит, среди твоего племени Хасти, существуют представители моего пола, уважаемые меньше? Это убеждение варваров. Я слышала, что их женщины на севере вступают в брак, чтобы превратиться в собственность мужчин. У нас это не так. Не раздражает ли это тебя немного?

— Это не раздражает меня вовсе. Меня только удивляет, что ваши мужчины являются такими безынициативными слабоумными идиотами, что продолжают принимать такой образ жизни,— сухо сказал он, несмотря на гнев, который она чувствовала в нем.— Хорошо известно, что женский ум ниже...

— Ниже чего, Хасти? — Последнее слово осталось за ней, так как он не ответил, а повернулся и зашагал прочь. Она подождала, пока за ним не закроется дверь, бдительно следя за каждым его шагом, поскольку он мог направиться к ящику. Это была сила из ящика, которая приблизила ее к краю воспоминания о посвящении и таким образом, едва не предоставила ему кое-какие сведения, которые он старался выведать.

Она еще раз осталась одна. Он оставил воду сочащей-

ся из трубы в раковину. Ее рот был сухой. Теперь к тому же и желудок начал заявлять о своей пустоте. Она скрестила на нем руки, крепко сжав себя, как будто с помощью одного прикосновения могла убедить себя, что не голодна.

Если бы она только могла убедить Идайзи испытать этот ряд кнопок. Одна из четырех должна раскрыть клетку. Она оставалась здесь взаперти по воле Хасти. Она попыталась занять свой мозг намеками, которые он обронил. Действительно ли он был из удаленного мира? Память Ашаки предоставила несколько очень древних сказаний о «Небесных Лордах» с неправдоподобным знанием, которые посетили Кхем Двух Стран тысячи лет тому назад. Память Талахасси была готова менее понятно лепетать о летающих тарелках и спекуляциях о древних пришельцах с других планет, давших толчок истокам цивилизации в этом времени и мире.

Или, может быть, Хасти проскользнул через другую щель в пространстве-времени, такую, какая захватила ее, просто шагнул из другого мира, подобного этому, однако мир этот следовал иным историческим путем? Правда, это не имело значения — он не только находился здесь, но и как следует оснастился, чтобы внедрить в Амоне его собственную модель образа жизни.

Она испытывала жажду! Текущая тонкой струйкой вода... И она была достаточно голодной, чтобы испытывать слабость. Как долго она могла сопротивляться этому? Она не была даже уверена, сколько времени находилась здесь. Этот период вынужденного бессознательного состояния, возможно, продолжался намного больше ее представлений о времени. Как долго она могла выдержать?

У нее возникла головная боль как от яркого света, так и от отсутствия еды. К тому же, очевидно, ее мужественная борьба с потребностями тела была почти проиграна. Еще раз она оперлась лбом о руки, скрещенные над ее поджатыми коленями. Она была почти готова заснуть от полного изнеможения.

Она почувствовала холодное прикосновение к одному локтю, ощущение покалывания, которое распространялось из этой точки контакта вверх по ее руке. Она ощущала что-то подобное этому прежде. Ее разум, казалось, стал инертным. Что?..

Она заставила себя взглянуть вверх. На этот раз ее особое восприятие было слишком притупленным, чтобы

предупредить об опасности. С наружной стороны клетки извивалось это змеевидное существо, и оно снова вводило завиток, чтобы вступить в контакт с ней.

Даже ее страх поднимался медленно, и она не могла сделать усилия, чтобы уклониться от существа. Оно прилипло к ее телу. И теперь оно не казалось таким рассеянным, таким разреженным. Со слабым отвращением Талахасси наблюдала, как нить становится молочной и непрозрачной. В то же время она осознавала, что оно каким-то образом высасывало из нее силу. В нижней части этой нити образовывался неясный намек на ранее несуществующую массивность. Она вытянула вторую свою руку, безнадежно пытаясь оторвать то, что прицепилось к ней. Но она не смогла. Оно осталось, высасывая, высасывая.

Талахасси стала бессильно плакать. Несмотря на ее вызывающие слова к Хасти, ее усилие остаться собой, с этим она не могла больше сражаться. К тому же она была изнурена борьбой, которую вела раньше, чтобы защищаться.

Она съежилась на полу, тихо постанывая. Существо по-прежнему питалось — если можно назвать это вампиро-высасывание питанием. Затем, прежде чем она совсем потеряла сознание, это отпустило ее. Она увидела с изумлением, что в воздухе перед этим мерцанием, которое она идентифицировала как Акини, появляется кое-что еще. Оно было молочно-белым, и это была рука. Рука, которая завершалась запястьем. Ее пальцы теперь были сопнуты, как будто были приведены в действие.

Приоткрыв от удивления рот, Талахасси приподнялась на колнях. Рука двинулась прочь от нее, продвигаясь вперед через воздух, как будто ей было поручено некое дело, которое она должна выполнить. Очертание все время менялось, как будто удерживать его в порядке было чересчур колоссальной задачей.

Однако это было в настоящее время уже перед ящиком... приближаясь к ряду кнопок. Еще одно сновидение? Может быть, сновидение, вызванное Хасти, чтобы дополнить ее муки и сломать упорное сопротивление, в результате чего он мог бы полностью превратить ее в свою марионетку?

Рука метнулась вперед. Она не могла видеть из клетки, чем именно рука занималась. Но, безусловно, в металлической сетке вокруг нее ничего не изменилось; на какой-то миг она испытала сильное разочарование. Если

рука существа не предназначалась для убийства, она в некоторой степени надеялась, что та, возможно, находится здесь для помощи. Только... ничего не произошло. Она была так же надежно заперта, как всегда.

Все то время, как рука расплывалась, необычное вещество, из которого она была сформирована, теряло форму пальцев, распадаясь на струйки. Это вновь двигалось, хотя и было бесформенным, но не назад по направлению к ее клетке, а скорее к ближайшему столу. На мгновение, в течение которого она успела дважды моргнуть, это повисло над меньшей клеткой, которая заключала Жезл и Ключ.

Могло ли это быть?..

Сердце Талахасси учащенно забилось. Пожалуй, она не была свободной — пока еще,— однако этот другой... Она следила за тем, как непостоянная капля, в которую слилась рука, прошла через сетку меньшей клетки, чтобы рвануться к Жезлу и так же быстро отпрянуть, не только отпрянуть, а и рассеяться в ничто.

В воздухе было ощущение удара. Акини исчез, отброшенный той же самой силой, которую он — оно — пытался использовать. Но чем он занимался у контрольного блока? Может быть выключил какое-нибудь невиданное защитное устройство, которое Хасти установил для охраны того, что было похищено?

Ашаки... Ашаки обладала знаниями, что могло быть сделано. Если бы Талахасси полностью подчинилась Ашаки, то, возможно, появится шанс. Но если бы она так подчинилась, смогла бы она когда-либо стать собой?

Только... сейчас она полагала, что даже такая утрата, как эта, была заслуживающей внимания возможностью спастись бегством. Она закрыла глаза, демонстративно вызвала память Ашаки, раскрыла свой разум к тому, что другая собиралась предоставить.

Ашаки прижалась к полу. Ее тело ослабло, это правда, но она могла до сих пор извлечь немного внутренней энергии, достаточное количество, она молила, чтобы осуществить то, что должно быть выполнено. Она зафиксировала свой пристальный взгляд на украшенной драгоценными камнями верхушке Жезла.

— Иди ко мне! — приказала она со всей силой, оставшейся в ее распоряжении.— Иди ко мне!

Жезл медленно поднялся с поверхности, на которой он лежал, более легкий конец быстрее, под пологим наклоном, чем тяжелый, украшенный драгоценными кам-

нями наконечник. Теперь он нацелился вверх под острым углом, верхний конец был направлен на переплетение проволоки его клетки.

— Иди ко мне!

Верхушка коснулась сетки клетки. Реакции не было. Пот струился по лицу Ашаки, ее подмышки и ладони рук стали мокрыми.

— Иди ко мне!

Верхушка Жезла давила на клетку все сильнее и сильнее. Ашаки стремилась отдать ему все, чем она обладала. Затем клетка наклонилась, со стуком упала на бок. И, поскольку она была без дна, Жезл был свободен. Он повернулся и устремился через воздух, нацелившись непосредственно на Ашаки, в то время как она призывала его.

Подобно копью, он ударил в стенку ее собственной клетки. Возникла ослепительная вспышка, которая побудила ее вскрикнуть, когда бумеранг излучения поразил ее. Тем не менее у нее хватило времени прикрыть глаза. Когда она рискнула снова взглянуть, то увидела, что Жезл лежал на полу. Но там, где он ринулся на клетку, чернело пятно, в котором появились отверстия, начавшие распространяться. Металл быстро рассыпался, как разбитый гриб-дождевик.

Теперь она посмотрела за пределы этой увеличивающейся дыры на Ключ и вяло подняла руку.

— Приди! — она позвала в пятый раз.

Ключ поднялся, медленнее и более лениво, так как в данный момент она звала с предельным напряжением своей слабеющей силы. Однако он повиновался ей, перемещаясь рывками по воздуху и опустившись наконец в трясущуюся ладонь, которую она протянула ему навстречу.

Отверстие в экранирующей сетке было уже достаточно велико, чтобы пропустить ее. И при прикосновении Ключа в нее влилась свежая сила. Она выползла в отверстие, задержалась, чтобы подобрать Жезл, а потом, со своим оружием в руках, встала в полный рост и осмотрелась.

Такое применение Силы вызвало волнение во всей окружающей атмосфере. Если в этом здании находился кто-нибудь, кто обладал хоть мизерным количеством Таланта, то он, должно быть, предупрежден. Она выжидала, используя силу, восстановленную в ней талисманами

своего народа, чтобы вслушаться, но не ушами, а ее разумом.

Она не смогла уловить незамедлительной реакции на волны энергии, которые испускала. Однако она имела моральный долг, намеревался ли дух спасти ее или только использовал, чтобы освободить Жезл. А долги, для одного из тех, кто шел Высшими Путями, были тяжелым бременем.

«Акини?» — Разумом, не голосом, она обратилась к созданию, которое пришло к ней на помощь. Она не имела понятия, что он хотел от Жезла и Ключа. Но он явно не собирался вкладывать их в руки Хасти, поскольку весь этот труд был для того, чтобы освободить их.

Но кругом было только мысленное безмолвие. Когда Акини старался дотянуться до Жезла, был ли он — оно — разрушен вплоть до исчезновения? Почему-то Ашаки не верила в это.

Она проковыляла к раковине со струйкой воды из трубы. Взяв Жезл и Ключ в одну руку, она подставила другую под эту менее чем в палец толщиной струйку. Вода наполнила целиком ее ладонь, и она поднесла жидкость к губам, осторожно выпив, повторяя это много раз, пока ее жажда не была наконец утолена.

Она была до сих пор голодна, однако это должно подождать, пока не сможет разыскать еду. Теперь она решительно направилась к двери, сначала пошатываясь от слабости, но с каждым мгновением, что она держала драгоценные талисманы, слабость понемногу уменьшалась, так что наконец она пошла почти своим прежним уверенным крупным шагом.

На этой внутренней стороне, по-видимому, не было ни запора, ни ручки. Ну что ж, она могла прибегнуть опять к заряду Жезла, чтобы прожечь себе проход. Однако она предпочла бы не делать этого. Кроме того, ей не хотелось истощать его энергию.

Тем не менее, когда она положила ладонь прямо на дверь, ее поверхность слегка подалась, так что она медленно двинула ее вперед, все время прислушиваясь, едва осмеливаясь дышать, чтобы этот слабый звук не заглушил посторонний шум.

Теперь эта щель была достаточно широкой, так что она могла видеть слой темноты за ее пределами. Выждав очень продолжительное мгновение, чтобы вновь удостовериться, что там вообще не было ни звука, она выскользнула наружу.

Впереди и вокруг нее была темнота, однако и Ключ, и Жезл испускали для нее достаточно света, чтобы обнаружить, что она находилась сейчас в узком коридоре, который простирался в более густую темноту как налево, так и направо за пределами зоны освещения талисманов.

У нее были две альтернативы и ни одного указателя относительно того, куда ее могло привести каждое направление. Здесь не было ни одного звука, тем не менее Ашаки решила, что тут существовала необычная пустота, как будто все то, что составляло жизнь, какой она знала ее, было остановлено.

Налево... направо... Ее голова поворачивалась, в то время как она разыскивала какое-нибудь указание относительно того, какой путь приведет ее назад к жизни, которую она знала. В конце концов, она повернула направо, держа Жезл и Ключ перед собой, чтобы лучше освещать себе дорогу, и тронулась в путь.

Глава 12

После того, как она покинула дверь лаборатории, никакого другого проема в стене не было. К тому же коридор сузился. В нем было очень темно, и в воздухе присутствовала странная депрессия. Она, возможно, приближается к какой-то очень древней гробнице, которую живые не тревожили в течение длительного периода времени. Затем коридор внезапно завершился рядом ступенек, которые вели вниз в более непроницаемый мрак, далеко за пределами проникновения сияния Жезла и Ключа.

Таким образом, ее выбор оказался ошибочным. Ей следовало бы пойти влево, а не вправо. Могла ли она вернуться, или, возможно, ее бегство уже обнаружено?

Талахасси сильно устала, несмотря на энергию, которую она получала от талисманов. Ее длительное недоедание вызвало дополнительную слабость. Продолжать путь вниз, в эту тьму, было безрассудством. Назад...

Каким-то образом она медленно повернулась, посмотрела назад. Тотчас же до нее донесся звук. Звук шагов обутых в сандалии ног, отраженный от стен, тогда как ее собственные босые ноги не производили никакого шума. Появилась вспышка света — хотя она была очень кратковременной и отдаленной. Кто-то рывком растворил

дверь лаборатории. Она была отрезана, с темным спуском, как единственным путем для бегства. Хасти!

Ее сердце застучало быстрее. Она не могла даже предположить, какое неизвестное оружие он мог иметь в своем распоряжении. Что он должен разыскивать ее, Талахасси ничуть не сомневалась. Однако была одна вещь...

Придав устойчивость своим рукам со всем самообладанием, которое она могла собрать, она обратила лицо к этой далекой двери, подняв Ключ и Жезл. Она манипулировала ими в воздухе, натягивая невидимые силовые линии, тогда как вслух она шепотом произносила Слова Власти. Итак, пусть он приходит. Он познакомится кое с чем, что, возможно, не поймает в ловушку его тело, но ударит по его разуму, пусть даже и чуждому.

Потом, с дурным предчувствием, она начала спуск. Коридор наверху производил впечатление сухого и прохладного, но, когда она с большой осторожностью передвигалась от ступеньки к ступеньке вниз, холод становился промозглым. Воздух вокруг нее, несмотря на это необычное застойное свойство, содержал налет сырости.

Новая Напата находилась на реке. Тянулся ли этот лабиринт вниз, чтобы сблизиться с теми участками, где река очень давно тому назад была ограждена и упрятана? Она прислушивалась не только к оклику сзади, но и ко всякому звуку внизу. То, что она сделала, чтобы заблокировать этот путь для своей собственной защиты, истощило запас энергии в Жезле и Ключе. Теперь их сияние потускнело, освещая чуть больше, чем одну ступеньку впереди. В ноздри неприятно ударили запахи сырости, гниения и чего-то тошнотворного, чему она не могла найти названия. Ступени по-прежнему шли вниз, в сердцевину мертвенно-зловещей ямы. Кто проложил эту дорогу и для чего ее использовали в прошлом, она не могла себе представить. По крайней мере, Ашаки ничего не знала об этом раньше.

Ступени вели вперед, ниже и ниже. Талахасси так устала, что дрожала с головы до ног. Только ее воля сохраняла разум ясным. Достаточно ясным для...

Она остановилась, ее ноги вместе на ступеньке, покрытой слизью, и высоко подняла голову.

— Акини? — Здесь снова было присутствие. Нет, более чем одно! Они теснились около нее, как путники в безлюдной местности могли бы тесниться у лагерного ко-

стра, чтобы согреть их руки. И что притягивало их — талисманы!

Она была права, один из этих был Акини. Но кто были другие? Если бы она только могла поддерживать связь, узнать, в чем они нуждались, так как их возбуждение оказывало физическое воздействие на ее разум, пускало корни в ее мыслях. Они были жаждущими. Как ее собственный телесный голод грыз ее, так какой-то более сильный голод терзал их — голод, который концентрировался на том, что она несла. Они даже, казалось, не сознавали ее присутствие, а только то, что она имела при себе.

— Акини! — Она вновь попыталась достичь этого единственного присутствия, которого она могла назвать по имени.

«Дай... нам... жизнь...»

Только пульсация мысли, такая слабая и отдаленная, что она едва могла уловить ее.

Жизнь? Разве Жезл и Ключ означали жизнь для для этих обрывков личности?

«Жизнь!» — Слово было не интенсивнее в этот раз, но более настойчивым.

Ашаки покрепче сжала талисманы. Ей казалось, что присутствия старались ухватиться за то, что она держала, вырвать их из ее рук. Однако они были слишком слабыми, чтобы добиться этого.

Она глубоко вздохнула и затем ответила:

— Выведите меня отсюда, если можете... и я, использующая Силу, также постараюсь дать вам жизнь!

Можно ли договориться с этими пропавшими созданиями? А если бы она заключила такое соглашение, то как в таком случае она сможет выполнить свою часть его? Она не знала. Тем не менее существовали Зихларз, Джейта... другие из Высшего Пути... наверняка сообща они смогут дать этим духам либо жизнь, либо вечный покой.

Это слабое дерганье талисманов прекратилось. Однако они не исчезли. У нее отлегло от сердца. Вероятно, они поняли. Если они являлись порождениями этого мрака, они несомненно знали пути внизу.

«Акини?» — Она задала вопрос этой мыслью.

Что-то коснулось ее запястья. Она вздрогнула и поглядела вниз. Нитеподобный завиток обосновался там. И через него пришла мысль:

«Вперед».

Она могла только довериться в этом. Если это было истинное соглашение, то она одержала победу. Но, так как отступления назад не было, она должна принять то, что случилось. Она опускалась все ниже. Присутствие Акини было здесь, другие также, однако они немного отодвинулись, следуя позади нее.

Они достигли подножия лестницы и направились в место отвратительных запахов и воздуха такого плотного, что она задыхалась, когда шла. Однако ей не пришлось путешествовать на большое расстояние. На стене справа от нее эта нить, которая касалась ее запястья, разместилась в центре каменного блока, еле видимого в тусклом сиянии.

Ашаки поднесла Ключ и Жезл поближе. Тут был контур древнего сводчатого прохода, но он был заложен каменными блоками, плотно скрепленными, чтобы запечатать то, что когда-то начиналось в этом месте. Ашаки подняла Жезл, заставив его выделять больше силы. Она постучала его верхушкой по верхней части камня, и в то время как делала так, тихо произносила древний напев Строителей. Этого она никогда не делала раньше. Она не была даже уверена, что понимала все слова, которые освобождали такую силу. А в дни, когда Строители использовали Талант, тогда определенное количество их действовало сообща, объединяя свои воли в единую мощную силу.

Тем не менее камень сдвинулся. Ашаки медленно тянула Жезл к себе, и камень следовал за ним, чтобы опуститься у ее ног. Израсходовано так много силы, чтобы освободить единственный камень! Сможет ли она удалить другой? Она не была уверена, но еще раз подняла Жезл и прошептала напев. И еще раз камень подчинился требованию ее Таланта.

Еще три блока были перемещены таким образом. Она не могла больше заниматься этим! Когда она остановилась, то качалась на ногах, глаза ее затуманились. Однако отверстие существовало... достаточно ли большое, чтобы пролезть через него? Придется совершить это!

Ее единственное непрочное одеяние изодралось, на коже появились кровоточащие порезы на руках и ногах — царапины, которые жгли. Но она пробралась через отверстие, чтобы очутиться уже в другом темном ходе. Однако в этом коридоре не было так сыро, как в прежнем, и теперь существовал легкий ветерок, обдувающий

ее со всех сторон, что до некоторой степени подбодрило ее.

Ашаки с трудом двигалась вперед на покрытых синяками и кровоточащих ногах, качаясь из стороны в сторону в этом узком проходе, так что сперва одно плечо, а потом другое болезненно соприкасались с камнем. Но ровная дорога была очень короткой. Она вновь очутилась перед ступеньками, очень узкими ступеньками, ведущими наверх, в темноту.

Она с трудом тащилась вверх от одной ступеньки к следующей. Весь мир сузился для нее до этой одной труднопроходимой лестницы. И она ничего не сознавала, пока не достигла ее, лестничную площадку около четырех шагов шириной. В стене справа от нее, немного ниже уровня ее глаз, так что ей пришлось слегка нагнуться, чтобы заглянуть в него, имелось смотровое отверстие, из которого струился бледный свет. Она могла видеть только незначительную часть того, что находилось по ту сторону, однако этого было достаточно, чтобы как встревожить, так и вселить в нее надежду. Поскольку она созерцала внутренний двор дворца, куда были обращены личные апартаменты Налдамак во Внутреннем Дворце!

Здесь не было никаких признаков двери, да и в любом случае она не имела желания безрассудно появиться перед всеми — нет, до тех пор, пока она не разобралась лучше в ситуации, с которой возможно, столкнется лицом к лицу. Опять вверх...

Талахасси не считала ступенек, однако здесь имелась вторая лестничная площадка. Нет, это был конец самой лестницы. А когда она заглянула в другое отверстие, там было темно, как будто оно было закрыто. Взяв Ключ и Жезл в одну руку, она поискала ощупью по стене перед собой. Наверняка здесь располагался какой-нибудь механизм для открытия двери!

Ее пальцы вошли в углубление в камне, которое было едва заметно, даже когда она держала талисманы рядом с ним. И это была ее ослабевшая сила, когда она подалась вперед, которая, должно быть, отомкнула скрытое запирающее приспособление.

Ашаки вывалилась через узкое отверстие, чтобы запутаться в драпировках, которые она почти сорвала с роскошных стенных креплений, когда падала. Ее голова и плечи лежали на ковре комнаты, в которой она оказалась так непостижимо, и аромат изысканных духов, свежесть чистого воздуха наполняли ее ноздри, очищали

легкие от вони, заполняющей эти темные проходы внизу.

Она была так истощена, что даже не пыталась передвинуться. Сам Хасти мог находиться перед ней в этот момент, и она была бы даже не в состоянии вызвать силу, чтобы противостоять ему.

Раздался испуганный крик, который привел ее в себя. Она немного приподнялась на дрожащей руке и взглянула вверх затуманенными глазами на лицо, которое было ей знакомо.

— Села...

— Великая Леди! Но откуда...

— Села,— она снова выдавила это имя из последних сил.— Никто... не должен... обнаружить... меня...

Старая няня Налдамак... захочет ли она, или сможет ли, понять?

— Никто... Села... Кэндейс в опасности... Никто... не должен... обнаружить... меня...

— Великая Леди, никто и не обнаружит.— Это был старческий голос, тонкий и слабый, но в нем была та же самая решительность, которую Ашаки слышала всегда.— Леди, я не смогу нести тебя; можешь ли ты идти?

Слова доносились откуда-то издалека. Ашаки заставила себя подняться на колени.

— Голодная... такая голодная... Никто... не должен... знать...

Ключ и Жезл — они лежали там, где она выронила их при падении. Теперь она подтащила их к себе.

— Села,— обратилась она к женщине, наклонившейся над ней.— Покрывало... для драгоценных вещей. Они должны быть спрятаны!

— Да, Великая Леди.— В этом голосе было успокоение. Сгорбленная от старости фигура исчезла и снова вернулась, прежде чем Ашаки могла двинуться, через ее руку был перекинут длинный узкий кусок украшенного прекрасной вышивкой материала — чехол со стола. Она с трудом опустилась на колени перед Ашаки и растянула его, затем присела на пятки, когда девушка, медленно выполняя эту работу, компактно заворачивала талисманы.

— Села... куда?..

— Великая Леди, положись на меня — они будут в безопасности! — Села встала, и в ее протянутые руки Ашаки благодарно передала то, за что несла ответственность. Если и была одна верная душа во всей Новой Напате,

это была Села, для которой Налдамак являлась и оставалась всем миром.

Ашаки не помнила, как она добралась до постели. Однако, когда она проснулась, в комнате было темно, за исключением слабого светильника. А возле светильника сидела на стуле Села, клевая носом.

— Села.— Ее собственный голос был едва ли громче хриплого шепота, тем не менее он заставил няньку поспешить в ее сторону.

— Леди, Леди.— Она погладила плечо Ашаки, где находилась повязка с болеутоляющей мазью, которая была наложена, чтобы хоть немного утихомирить острую боль от легкой раны, которая горела там.— Как ты себя чувствуешь теперь?

— Как чувствую?

— Ты говорила так безумно, и слова, которые я не понимала. Все время я давала тебе бульон и вино... и ты, казалось, не узнавала меня. А твои бедные руки, твои ноги. Леди, что случилось с тобой?

— Я была пленницей... до этого времени.— Она говорила слова, которых Села не понимала... это другая часть ее памяти начала пробуждаться. Она была Ашаки... нет, она была кем-то еще. Кем? Талахасси! Итак, эта ее часть не была навеки предана забвению, как она боялась, что это могло случиться.

— Кэндейс?

На лице Селы отразилась тревога.

— Великая Леди... они ничего мне не говорят! А после того, как ты появилась, я оставалась внутри этих стен. Здесь есть девушка-служанка — она принята на службу после того, как ты удалилась из Напаты... однако она из моего родного селения, и я могу доверять ей. Это она приносила нам пищу. И она говорит, что ходят слухи, что Кэндейс... погибла! В пустыне, когда поднялась буря. В городе об этом повсюду шепчутся. Тем не менее,— она вызывающе вздернула подбородок,— я не верю этому. Моя дорогая Леди — она умна, очень умна. И она имела законное основание остерегаться даже тени. К тому же, с ней были Поклявшиеся-на-Мече — двенадцать из них,— хотя они путешествовали, переодевшись в одежду придворных дам или служанок. Неужели ты думаешь, что они допустили бы, чтобы ей был причинен вред? Я не верю, что она погибла в какой бы то ни было буре, скорее всего, она надеется, что ее враги поверят этому. Но ты — Великая Леди,— что случилось с тобой,

кто, мы полагали, находилась в безопасности в Гизане?

Талахасси рассказала подредактированную версию того, что произошло после того, как она была насильно увезена из поместья. Села вздохнула с выражением неодобрения.

— Итак, в эту комнату теперь открыт потайной ход! Это зло, Великая Леди. Однако ты вернула Драгоценные Вещи, чтобы отвратить угрозу, и когда Кэндейс вернется... тогда все будет оценено! — Она довольно энергично кивнула головой, так что край ее головного убора в виде сфинкса заколыхался.

— Эта служанка, о которой ты говорила...— Талахасси уселась в постели. Ее израненное и избитое тело протестовало каждым движением, так что она чувствовала, что, по отношению ее, была не готова в теперешнем состоянии вступить в единоборство с кем бы то ни было — не говоря уже о таком могущественном враге, как Хасти.— Возможно, она найдет способ, чтобы связаться с поместьем. Я не знаю, живы ли еще Джейта и Херихор...

— Они живы, Великая Леди. Ты спала два дня и три ночи... ты, казалось, дремала даже тогда, когда я приносила еду и кормила тебя. Поэтому ты не знаешь. Принц-Главнокомандующий держит под контролем северные дороги, каждую из них. Он вызвал приказом свои собственные полки и четыре других, которые являются лояльными и на которые можно положиться. Я думаю, что он старается сохранить открытым путь для Кэндейс. А Дочь Эпидемека приходила под стены Напаты и официально требовала право входа — она была видима многими. Но Храм... он закрыт с помощью какого-то гнусного колдовства этого демона из пустыни, и никто не видел, или слышал, тех, кто был таким образом заперт внутри.

Принц Юсеркэф, говорят, страдает от лихорадки, поэтому в его дворе командует его Леди. И ни один мужчина, и ни одна женщина не имеют представления, где скрывается сам Хасти или какое зло он замышляет.— Села перевела дыхание, когда она завершила этот поток слов.

— Можно ли отправить послание Принцу-Главнокомандующему?

— Великая Леди, существует какое-то необычное колдовство, наложенное на ворота. Они стоят открытыми, но никто не может пройти через них. И люди очень напуганы этим обстоятельством. Однако... Леди... есть кое-

что...— Села теребила в руках свое одеяние.— Я видела это лично сама, когда вышла на отдаленную внешнюю галерею, поджидая Кэндейс — увидеть, если возможно, как ее флайер приближается.

— Что ты имеешь в виду?

— Что никакой человек вообще не может пересечь барьер, который мерзкий Хасти установил в воротах, но животные могут. Это был осел торговца фруктами, который убежал от своего хозяина, в то время как тот спорил со стражей. И он прошел за ворота, как будто там не было ничего, кроме пустого воздуха, как мы и видим. Но, когда хозяин собрался последовать за ним, он не смог пройти. А осел пошел дальше по дороге.

— Животное может прорваться.— Талахасси уловила суть.— А птица?

— Птицы в саду летают высоко,— ответила Села.— Однако, как может животное послужить твоей цели, Великая Леди?

Голуби могли бы — если бы это была ее собственная эпоха, подумала Талахасси, и она имела удобную клетку с обученными птицами. Но блуждающий осел, даже лошадь, которая могла бы бродить через ворота, не мог быть надежным посланцем. Это была глупая и беспочвенная идея, тем не менее ее разум цеплялся за нее.

Будь она в состоянии попасть в Храм, она верила, что тогда не было бы никакой проблемы. Там находилось несколько обученных в Таланте, которые могли путешествовать за пределами своих тел — посещать другие места. Такой человек мог связаться с Джейтой и передать сообщение, так как их подготовка была нацелена, в частности, на такие случаи. Если только Хасти не предвидел это также и не воздвиг какую-нибудь преграду, подобную клетке, в которой он запер ее, пока дух не...

Дух — Акини!

Она повернулась к Селе.

— Села, ты знаешь многое о дворце и о всех тех, кто обитает в нем. Ты когда-нибудь слышала имя Акини?

Это произвело такое впечатление, как будто она протянула руку, чтобы нанести тяжелый удар по гонгу для вызова прислуги.

— Акини! Великая Леди... что ты знаешь об Акини? Разве его мать не приходит ежедневно сидеть в наружном дворе, дожидаясь его? Она плакала, пока в ней не осталось больше слез, но до сих пор не верит, что он пропал, не сказав ей ни слова. Он был носителем опахала

у Принца Юсеркэфа и в течение одной ночи исчез! Никто не знает куда... только его мать не верит, что он ушел с варваром...

— С варваром? С каким варваром?

— Он был тем, кто прибыл в Новую Напату с миссией к Кэндейс, однако она уже отбыла на север. По нашим законам, как ты знаешь, он не мог оставаться здесь после трех закатов. Тем не менее Принц Юсеркэф принял его, и говорят, что варвар почувствовал симпатию к Акини и предложил ему хорошее вознаграждение за путешествие с ним обратно к побережью, разговаривая о нем с теми людьми, через чьи территории он должен следовать. Однако мать клянется, что Акини не намеревался заниматься таким делом, и она подала прошение, чтобы должностные лица Кэндейс установили, что стало с ее сыном.

— Этот варвар... что он за человек?

— Великая Леди, как ты знаешь, северные варвары не похожи на нас — они имеют волосы разных оттенков, и их кожа гораздо светлее. Но этот человек был иным даже вдвойне. Он, возможно, вполне мог сойти за одного из Древних Людей, покинувших Кхем, ибо он выглядел похожим на эти древние изваяния, которые хранятся во Дворце Далекой Памяти. Он плохо объяснялся на нашем языке и всегда оглядывался вокруг себя, как будто в самом деле все было для него необычным.

— Пытался ли он найти Хасти?

— Не так, Великая Леди. И, как ты знаешь, он был под непосредственным наблюдением Поклявшихся-на-Мече, пока находился в Новой Напате, поскольку варвары не бродят свободно по нашим городам. Нет, он хотел встретиться с Кэндейс, а когда захотел увидеть того, кто управлял на ее месте, то эта женщина,— Талахасси поняла, что Села подразумевала Идайзи,— отправила ему слово, что ее супруг из Рода. Но разобрался он или нет, что его обманули, я не имею представления. Они провели только одну официальную аудиенцию и больше не встречались. Так что, наконец, варвар уехал...

Второй Хасти? Они получили все, в чем нуждались, от Хасти, который находился здесь, удрученно подумала Талахасси. Следовательно, Акини... он действительно существовал — человек, о котором Села была осведомлена. Но чем Акини был теперь? И каким образом он был так переделан, или пойман в ловушку, чтобы существовать как призрак, завихрение воздуха? Это являлось делом

рук Хасти, в этом она была уверена. Если бы она только могла установить контакт с Зихларзом, так как даже память Ашаки не могла дать ответ на такую загадку, как эта.

Оставался другой вопрос — как могла она связаться с Джейтой и Херихором, успокоить их, что талисманы были вне достижения вражеских рук и находятся в безопасности? Животные могли выйти наружу, однако, ненаправляемые, что могли они делать потом? Ненаправляемые — она начала рассматривать это. Собаки были отмечены в разыскивании хозяев на большом расстоянии, принюхиваясь к почти несохранившимся следам. Кошки умели в ее собственном времени и мире преодолевать длительные дистанции, чтобы воссоединиться с семействами, которые уехали или потеряли их из автомобилей во время путешествий.

Херихор, как приличествовало его высокому положению, имел дом в Новой Напате, но редко бывал там. Безусловно, не достаточно, чтобы держать домашнее животное. Тем не менее... Она должна обдумать — составить план — исключительно слабый и весьма сумасбродный шанс.

— Села, кто в настоящее время находится в доме Принца-Главнокомандующего? Ты можешь разузнать?

— Я могу выяснить, хотя это может занять некоторое время, Великая Леди — только немногим я могу доверять здесь. Однако, здесь есть одна из Поклявшихся-на-Мече, которая болела лихорадкой, а теперь поправляется. Я помогла вылечить ее. Я могу привести ее к тебе, и она, возможно, сможет лучше поведать, что происходит в городе. Но сперва, Великая Леди, я настоятельно прошу тебя поесть. Ты очень слаба, и твое тело так изнурено, что ты выглядишь, как будто ты перенесла лихорадку!

— Ну, довольно.

Села извинилась, что еда, которую она принесла, была в основном сухой, но служанка могла пронести только порцию обычной еды на подносе, предположительно, предназначенной для Селы самой, хотя добавляла сушеные финики, сыр, маленькие булочки, которые она могла припрятать в разных местах своей одежды.

Села помогла Талахасси облачиться в одно из самых незамысловатых платьев Кэндейс, надев на ее стриженную голову свернутый льняной головной убор. Тем не менее, глядя в зеркало, девушка была вынуждена признать, что походила на человека, выздоровевшего после

несчастного случая. Она до сих пор испытывала жажду и жадно пила фруктовый сок и воду, которые Села приносила ей. Но, по крайней мере, она была готова встретиться с этой амазонкой из гвардии Налдамак, от которой ее план, хотя по-прежнему туманный, зависел в такой степени. Когда Села привела молодую воительницу в свою комнату поздно ночью, Талахасси все еще сомневалась, если та могла выполнить такое дело.

— Великая Леди! — В глазах вошедшей явственно читалось изумление, однако она мгновенно отдала салют. А память Ашаки опознала в ней девушку, призванную из одного из северных владений Императрицы, ее семья в течение поколений преданно служила трону.

— Приветствую тебя, Монига. Наступают тяжелые времена.— Она внезапно решилась на то, что собиралась сказать.

— Правда, Великая Леди. У тебя есть для меня какое-то поручение? — Другая девушка была смышленна и также прямо перешла к делу.

— Возможно ли для тебя проникнуть в дом Принца-Главнокомандующего Херихора и найти там какую-нибудь вещь, которая находилась близко к его телу? Клочок обмундирования, которое он носил, но только не выстиранное — хотя это, возможно, нереально? Если нет, что-нибудь, что он держал в руках и не слишком давно?

— Великая Леди, в его дом я могу сходить. Смогу ли я достать то, что ты хочешь,— это другое дело. Но будь уверена, что я постараюсь.

— Есть кое-что еще — если ты добудешь эту вещь, которая содержит запах Принца-Главнокомандующего, тогда ты также приведешь ко мне Ассара из псарни охотничьих собак.

— Леди, сказано — следовательно, должно быть выполнено.— Амазонка отсалютовала и с большой осторожностью выскользнула в дверь, которую Села держала открытой для нее.

— Теперь...— Талахасси повернулась к няне.— Я нуждаюсь в ручке, чернилах и бумаге — это должно быть в рабочем кабинете Кэндейс.

— В самом деле, они находятся там... но я принесу их Великой Леди. Не двигайся дальше этой комнаты. В верхних коридорах была замечена служанка из крыла Принца Юсеркэфа. У нее не было подходящего объяснения, почему она так заблудилась.

Талахасси непроизвольно кинула взгляд на стену, где

висел гобелен, закрывающий потайной ход. Села слегка улыбнулась, хотя выражение ее лица было до сих пор озабоченным.

— Никто не пройдет этим путем, Великая Леди, не произведя основательного предупреждения о своем приближении. Я установила надежную звуковую сигнализацию, ту, которую сама Кэндейс использует у своей другой двери на тот случай, когда не хочет, чтобы ее беспокоили. Ты можешь отдыхать спокойно, сколько надо.

Однако, могла ли она, Талахасси задала себе вопрос? Как долго ограждение, которое она сплела в этой преисподне, сможет удерживать Хасти, если бы он попытался разыскать ее здесь? Она должна быть постоянно настороже, и ее внимание переключилось от настенного гобелена на сундук, в который, она знала, Села положила завязанные в узел Ключ и Жезл.

Глава 13

Талахасси разложила лист плотной бумаги на углу туалетного столика своей «сестры» и рассеянно вертела в руках ручку. На мгновение она испугалась. Она могла написать сообщение в своих собственных словах — но это могло быть непонятно. Вновь должна принять меры память Ашаки, поэтому она еще раз открыла дверь для этого. Буквы выскальзывали так медленно в ее памяти, что ей приходилось сгибать и отрывать бумагу, где она делала так много ошибок при переводе послания, которое, она надеялась, только надеялась, могло достичь Херихора, где бы он сейчас ни находился. Это было такое рискованное предприятие, что она не осмеливалась рассчитывать на успех.

С бесконечной осторожностью она переписывала на бумагу буквы общепринятого текста, которые развились из очень древних иероглифов севера.

«Ашаки... в безопасности; также... Драгоценные Вещи. Город запечатан. Кэндейс... необходимо предупредить».

Она перечитала это дважды, чтобы быть уверенной, что не наделала ошибок при транскрипции. Затем она свернула его в маленький квадрат и взглянула на Селу.

— Мне нужен кусок ткани приблизительно такой величины,— она показала его руками,— и она должна быть золотистого цвета. К тому же, необходима самая крепкая нитка, какую ты сможешь найти, с иголкой.

Старая женщина не задала вопросов, а направилась сразу к одному из комодов с платьями и начала рыться в его содержимом. Среди платьев оказалась накидка, на которую Талахасси указала.

— Это как раз тот оттенок!

Села развернула предмет одежды. Накидка была украшена богатой вышивкой по кайме, однако верхняя часть была чистой, и от нее она безжалостно отстригла кусок материи, который попросила Талахасси. Это была очень прочная шелковая ткань, и, когда девушка потянула ее в одну сторону, чтобы проверить на прочность, она убедилась, что ткань была очень плотно соткана. Она завернула послание в ткань, сделав пакетик, который мог быть спрятан в ладони ее руки. Села вышла, но быстро вернулась с веретеном из слоновой кости, на котором была намотана льняная нить, такая крепкая, как какой-нибудь шнур, с иглой, венчающей ее.

Теперь только оставалось выяснить, сможет ли Монига осуществить свою часть дела — и сколько времени это займет, чтобы выполнить такое. Талахасси не могла больше сидеть спокойно. Несмотря на боль в забинтованных ногах, она шагала взад и вперед по спальне, не подходя близко к занавешенным окнам в одной из стен. Хотя окна выходили в сад для уединения Кэндейс и освещение внутри комнаты было очень ограниченным, она не хотела, чтобы кто-нибудь догадался, что апартаменты были заняты.

— Села... — Она посмотрела на женщину, которая возвратилась к своему стулу в углу. — Что насчет Храма? Изменилось ли что-либо относительно Сына Эпидемека и его жрецов?

— Нет, Великая Леди. Только... — Села сделала паузу и опустила глаза.

— Что только, Села?

— Великая Леди... в городе ходят слухи... даже те, кто служит Дочери Амона, повторяют их. Они говорят, что Сын Эпидемека, вероятно, уже мертв и с ним все те, кто шел Высшим Путем... что они были убиты потому, что вызвали демонов, которые набросились на них.

— Молва может быть причиной большой беды. Нет такого оружия, с которым, в конце концов, так трудно совладать, как язык врага.

Она должна уйти отсюда, даже если не могла покинуть город. На минуту ей показалось, как будто ее опять посадили в клетку, и она была если и не в таких тяже-

лых условиях, как под властью Хасти, то все же почти так же беспомощна.

— Села, эта служанка, о которой ты мне говорила... ты можешь привести ее ко мне?

— Великая Леди, в это время она находится со служанками в спальном помещении, где они размещаются вшестером. Вызвать ее — значит, дать повод для наблюдения.

— Можешь ли ты достать мне одежду, какую она носит днем во время работы?

— Великая Леди...— Села вскочила со своего стула и, приблизившись, встала перед Талахасси. Она была маленькой женщиной и, очевидно, когда-то пухленькой. Теперь же плоть на руках была рыхлой, а ее полнота сконцентрировалась в животе. Ее лицо было переплетением тонких морщин, так что подведенные глаза имели странный вид, почти такой, как будто они были вставлены в едва ли не голый череп. Тем не менее она держала себя с авторитетом человека, занимающего важное положение при дворе, и теперь частица этого авторитета звучала в ее голосе.

— Великая Леди, что ты собираешься теперь делать?

— Я должна уйти из этой комнаты. Ты не сможешь продолжать укрывать меня здесь тайно в течение длительного периода, Села.

— Возможно, не нужно скрываться, Великая Леди. Вызови Поклявшихся-на-Мече. С ними перед дверью, какой человек может проникнуть к тебе?

— Хасти... или кто-нибудь из его приверженцев смогут,— хмуро ответила Талахасси.— Разве он не похитил меня из поместья, где у дверей стояла моя собственная охрана? У него больше хитростей, чем у верблюда блох на его шелудивой коже. И мы даже теперь не знаем, какой силой он управляет. Сам Зихларз, да и другие не могли запереть ворота Новой Напаты, как сделал этот неизвестно откуда взявшийся чужак. Нет, он, вероятно, убежден, что я здесь, но, может быть, прежде чем он сможет действовать так откровенно, как он должен, чтобы добраться до этих комнат, я уйду.

Она пересекла комнату, чтобы стать перед большим зеркалом на туалетном столике.

— Я высокого роста,— она посмотрела неодобрительно на свое отражение,— и не могу этого скрыть.— Память Ашаки напомнила ей, что такой рост являлся чем-то, что было частью наследственности Рода.— Что касается

остального, то, я думаю, это может быть исправлено. Достань мне такую одежду, Села, какую носит служанка.

Старая няня колебалась.

— Великая Леди, умоляю тебя, подумай об этом снова. Что ты будешь делать, куда пойдешь?

— На это я не могу ответить, потому что пока еще не знаю. Однако я не сделаю ничего необдуманно, это я обещаю тебе, Села.

Няня покачала головой, но вышла. Талахасси села на скамеечку перед туалетным столиком. На ее лице сейчас не было ни следа косметики. Она вгляделась немного более пристально, придвинув лицо ближе к поверхности зеркала. Даже при таком слабом свете, как при занавешенных окнах, она не могла ошибиться. Это красящее вещество, которое они наложили на ее тело, когда она взяла на себя роль Ашаки, в некоторой степени стало обесцвечиваться. Безусловно, она выглядела сейчас бледнее, чем была, когда в последний раз глядела на себя в зеркало в прошлом, в поместье.

Однако просить Селу использовать... нет! Она не намеревалась увеличивать свои затруднения, дав понять женщине, так любящей Кэндейс, что она не являлась в действительности сестрой Императрицы. Подожди-ка... она видела служанок в поместье, у которых кожа была даже намного темнее, чем у Джейты, Херихора или двух жриц. Она несомненно могла использовать это в качестве предлога для ее просьбы к старой няне. Талахасси была довольна собой, рассуждая так логически.

Она начала открывать баночки и коробочки, аккуратно выстроенные в ряд перед зеркалом, заглядывая в них. Некоторые содержали ароматизированные масла, благоухание которых, сконцентрированное под притертыми крышками, опьяняюще распространялось в воздухе. Нашлись хорошо знакомая краска для век и две баночки с тонко пахнущими кремами, маленький флакон с чем-то красным, которое могло быть жидкими румянами или же, в противном случае, губной помадой. Но никакая служанка не должна употреблять большую часть этого.

Она резко повернула голову. В отличие от занавесей, которые скрывали дверные проемы в поместье, вход в личные апартаменты Кэндейс имел дверь, установленную для полного уединения. И она уловила в ночной тишине скребущий звук.

Талахасси прокралась так бесшумно, как могла, через внешнюю комнату. Потом она услышала звук, который

ее успокоил — поскуливание. По-видимому, Монига достигла цели!

Тем не менее Талахасси была по-прежнему настороже, когда открывала дверь. Там стояла амазонка и держала на туго натянутом поводке Ассара.

— Внутрь! — Махнула им девушка, незамедлительно затворив дверь. Ассар вновь заскулил, высоко подняв голову и принюхиваясь. Из всех Сэлукских охотничьих собак на псарне он был самым лучшим для преследования дичи, наиболее смышленным из своей очень древней породы. Оба эти дара были теперь необходимы, а возможно, и третий — восприятие приказов, отдаваемых таким способом, который даже Ашаки никогда не применяла. Жрецы из Храма работали в этом направлении с кошками, большими и маленькими, так как они всегда были священными животными Эпидемека. Однако кошки охотились через зрение, и только одна из хорошо выдрессированных дворцовых охотничьих кошек могла бежать по запаху на большое расстояние.

— Ты принесла это?

— Да, Великая Леди.— Амазонка подала один из тех широких ритуальных браслетов, которые носили на запястье, эволюционировавшихся из приспособлений для для стрельбы древних лучников. Он надевался на подкладку из кожи.

— Его Высочество прислал его в город месяц тому назад, потому что камень в оправе,— Монига показала на большой покрытый резьбой сердолик,— расшатался. Там больше ничего еще не было, что бы он носил в последнее время.

— Этого должно быть достаточно. Ты оказалась как быстрой, так и сообразительной, Монига.

— Великая Леди требует, ее желание — закон,— формально ответила амазонка, но ее лицо просияло.

— Ассар... хороший Ассар.— Талахасси положила руку на голову собаке. Его гладкая шерсть была золотистой, мягкой и шелковистой. На ушах, ногах и хвосте она пушилась длинно и грациозно.

В ответ на ласку собака завиляла хвостом и последовала за ней в спальню, где она взяла маленький пакетик, который подготовила. В то время как она пришивала его к ошейнику, Ассар стоял терпеливо, обратив взор к ее лицу, время от времени очень тихо поскуливая, как будто спрашивая, что должно быть сделано.

Она удачно подобрала цвет, пакетик на фоне его гор-

ла с трудом можно было отличить от его собственной окраски. После этого она подняла кожаную подкладку, которую принесла Монига, поворачивая ее так, чтобы чувствительный нос мог обнюхать подкладку, где, если ей вообще должно было повезти в этой сумасшедшей авантюре, должен сохраниться запах Херихора.

Талахасси предоставила охотничьей собаке несколько минут, чтобы та внюхалась в запах, а потом встала перед ней на колени, так что они почти смотрели глаза в глаза, и положила руки с обеих сторон ее высоко поднятой головы. После этого... она вызвала усилием воли в своем мозгу изображение Херихора, затем северной дороги, опять Херихора. Она настойчиво повторяла задание, проделав это не менее дюжины раз. Хуже всего, что она не была полностью уверена, достигла ли она головного мозга, такого чуждого ее собственному, понял ли Ассар, что должно быть сделано. Тем не менее она еще раз истощила свои собственные силы концентрации. Теперь ей оставалось только ждать или успеха, или неудачи.

Несколько неловко поднявшись на ноги, Талахасси протянула поводок амазонке.

— Есть малые ворота Нефора... Который сейчас час?

— Не больше двух часов до рассвета, Великая Леди.

— Хорошо. Вот что ты должна выполнить, Монига, и так, чтобы никто не видел, если возможно. Выпусти Ассара около ворот. Если он пройдет через них, тогда у нас появится небольшой шанс установить контакт с Принцем-Главнокомандующим. Если мне не повезет, он, разумеется, должен вернуться с тобой. Однако прими все меры предосторожности, чтобы тебя не выследили.

— У ворот стража Принца Юсеркэфа, но они не поднимут тревогу.— Амазонка выразительно сморщила нос, выказав этим презрение.— Они верят, что барьер совершенно непроницаем.

— Однако... действуй осторожно.

— Мы будем осторожны, Великая Леди.— Амазонка отдала салют, и Талахасси выпустила собаку и женщину в дверь. Она вздохнула и устало направилась в спальню, чтобы еще раз рухнуть в постель, где и лежала, вперя взор в разукрашенный потолок, ее мятущиеся мысли не давали ей какого-либо покоя.

— Великая Леди.— Села проскользнула внутрь с присущей ей способностью на появление у постели прежде, чем кто-либо мог даже осознать, что она уже была здесь.— Ты должна отдохнуть... или может наступить

нервное истощение. Я не знаю, что ты намереваешься сделать, но ты не в состоянии заниматься этим теперь.

Ее морщинистая рука ласково коснулась лба Талахасси, и девушке показалось, что ощущение прохлады от ее пальцев быстро распространяется через все ее напряженное тело, расслабляя нервы и мускулы.

— Выпей, Леди.

Прежде чем она смогла шевельнуться, умелая рука скользнула под ее голову, приподняв ее, пока губы не соприкоснулись с бокалом. Она выпила, в настоящее время ее усталость переборола необходимость действовать.

— Спи...— Рука Селы погладила ее лоб, в этом ласковом и любящем жесте были мир и безопасность. Было так много... так много...

— Спи...

Глаза Талахасси закрылись, как будто веки стали такими тяжелыми, что она не могла уповать снова поднять их. И если она видела сны, то при пробуждении у нее не осталось от них никаких воспоминаний.

Солнечный свет окаймлял оконные занавеси, когда она проснулась. И в комнате было жарко — вентиляторы, конечно, не работали в связи с отсутствием Кэндейс. Она почувствовала, как в подмышках, на висках и под грудью скапливается пот. Мигнув раз или два, она села в постели и потянулась за высокой стеклянной бутылью, стоявшей на ночном столике, налила почти полный стакан, который находился тут же, воды и осушила его залпом. Стул Селы в углу был пуст. Из жарких и душных комнат апартаментов не доносилось ни звука.

На одном из кресел неподалеку была сложена белая одежда. Однако прежде всего она хотела выкупаться; очистить свое лоснившееся от пота тело, хотя бы только на минуту, и восстановить утраченные силы она могла прохладной водой, которая обмыла бы кожу.

Перекинув одежду через руку (это была одежда служанки, которую она просила у Селы), Талахасси направилась в роскошную ванну Кэндейс, где вода нагреталась в бассейн из какой-то львиноголовой трубы, в этом бассейне поверхность воды достигала почти до плеч сидящего человека, а потом выходила наружу через водосливную щель в стене. Она глубоко погрузила руки в душистый крем, который пенился и отмывал как мыло. Но ее кожа с т а л а светлее... гораздо светлее.

Насколько хорошим было зрение Селы? Ослабили ли его хоть сколько-нибудь годы? В настоящее время от од-

ного этого зависело разоблачение. Она обмылась и вытерлась досуха одним из полотенец, висящем на ближайшей вешалке. Затем она облачилась в узкое белое платье, которое было очень похоже на одеяния жриц, за исключением того, что бретельки на плечах были белыми, а не красными, и не было пояса, чтобы затянуть одеяние, на талии.

— Великая Леди...— Села торопливо вошла внутрь.

— Послушай.— Талахасси была поглощена своей собственной проблемой, надеясь таким образом отвлечь внимание Селы от изменения цвета кожи.— Если я хочу превратиться в служанку, Села, у меня должна быть более темная кожа. Сможешь ли ты что-нибудь использовать, чтобы изменить меня таким образом?

Руки Селы были стиснуты. Теперь она заломила их, как будто в испуге.

— Леди... они прибыли! — Она, казалось, не слышала вопроса Талахасси.

Херихор? Джейта? Смела ли она поверить этому?

— Кто прибыл? — Она боролась со своим собственным нарастающим возбуждением. Внешний вид Селы не наводил на мысль, что пришла какая-нибудь помощь. Наоборот, ее морщинистое старое лицо отражало смятение.

— Четверо величайших Номархов, Великая Леди. Они были созваны на совет, хотя Кэндейс и не присутствует здесь. Их вызвали именем Принца, поскольку им сообщили, что от нашей Леди в течение двух дней не было никакого сообщения и с ней, наверно, случилась беда из-за песчаной бури! Великая Леди, если это правда...— Она дрожала так, что Талахасси обняла ее сгорбленные плечи, подвела Селу к креслу и помогла сесть в него. Став на колени, она сжала ее трясущиеся руки своими и произнесла очень мягко:

— Дорогая Села, если бы наша Леди была мертва... разве я не знала бы об этом? Я имею Талант, и она также в некоторой степени обладает им. Неужели мы не почувствовали в таком случае смерть, когда она откроет Далекие Ворота для тех, кого мы любим? Клянусь тебе, что этого не случилось. Будь уверена, что Принц-Главнокомандующий использует свои вооруженные отряды на границе, чтобы найти Налдамак, и никто лучше его не знает те территории.

Тем не менее, скажи мне, какие Номархи прибыли в Новую Напату по такому лживому вызову?

Глаза Селы, полные слез, были прикованы к ней.

— Это правда, Великая Леди — она не Ушла За Пределы?

— Разве я не сказала бы тебе, Села, тебе, которая любила и служила ей всю свою долгую жизнь... которая держала ее у своей груди, когда ей было только час от роду? Ты была ей матерью в течение всей жизни. Это тебе я должна первой рассказать, если бы узнала о таком несчастье.

— Она моё Яркое Солнце, сердечко мое...

— Я хорошо знаю это, Села...

— Когда она была маленькой, я была ее защитником и утешителем, когда она стала Кэндейс, она отплатила мне уважением, поставила меня первой среди своих личных слуг, даром что я стара и иногда забывчива. Никогда она не попрекнула меня, Леди. А теперь... теперь они говорят, что она мертва!

— Однако, поскольку она не мертва, мы должны не допустить распространения любого такого слуха, прежде чем они наделят совет на это. Какие Номархи, Села?

Села последний раз слабо всхлипнула.

— Номархи... Номархи Слона и Гиппопотама...

— Оба с юга,— снабдила намять Ашаки,— и из тех, кто поднимал мятеж сто лет тому назад.

— И Леопарда, Козерога...

— С запада, где торговля с варварами. Понятно. А Лев, Гепард, Бабуин... они не прибыли? Север против юга... запад против востока.

— Великая Леди, Слон имеет очень много воинов. Когда они восстали под руководством Чаки в давние времена, многие лишились жизни, прежде чем Возлюбленный Эпидемека — Фараон Юни, который правил в то время,— восстановил закон в стране. И ходят слухи о новом варварском оружии...

— Да. А следовательно, мы должны знать, что они затевают. Осмелятся ли они собраться в Большом Зале Совета?

— Так оно и есть.

— Отлично, у Кэндейс есть секреты, которые не известны даже такому близкому родственнику, как Юсеркэфу.— Талахасси поднялась.— Там будет внимательный слушатель, о котором они не предполагают. Вот что, Села, ты должна сделать. Я хочу пойти в определенное место и не желаю, чтобы на меня обратили внимание во время передвижения. Можешь ли ты достать мне мазь,

чтобы кожа у меня стала темнее, так чтобы я походила на служанку с юга?

Села, казалось, пришла в себя от первого испуга. Наклонив голову немного вбок, она рассматривала Талахасси, которая надеялась, что ее собственное беспокойство не бросается в глаза. Затем старая няня улыбнулась.

— Думаю, что это может быть осуществлено, Великая Леди. Леди Идайзи... ты, возможно, не знаешь этого, тем не менее это правда, что в ней есть кровь варваров. Она такая же бледная от природы, как брюхо рыбы. Она даже своему лорду никогда не позволяет увидеть себя в таком обличии. Существует масло, которое она хранит в тайне, но это не такая тайна, как она думает. А сейчас, так как она готовится радушно принять Номархов, в ее внутренних покоях никого не должно быть. Используем это в твоих интересах.

— Только не рискуй, Села.

— Риск, Великая Леди? Разве Кэндейс не дала мне власть осуществлять надзор за всем ее домашним хозяйством? Если я проверяю старательность служанок и хорошо ли выполнена их работа — я, в таком случае, занимаюсь своим законным делом.— Она засмеялась, и Талахасси вторила ей.

— Села, ты очень мудрая женщина...

— Великая Леди, если бы я направляла т е б я и если бы тебя не отослали в Храм для воспитания, ты бы имела представление, как много человек может узнать обо всем окружающем, просто слушая и почти ничего не говоря.

Когда няня опять ушла, Талахасси села и позволила памяти Ашаки еще раз войти в нее, в свой находящийся в сознании разум. Ашаки могла вспомнить день, когда последний Фараон взял Налдамак и ее (она иногда временно наведывалась домой из храмовой школы) с собой в определенный коридор и показал им тайну, которую только Правительница и Наследница могли знать. Они дали обет молчания в тот день. Однако она не нарушала его теперь, потому что эта тайна предназначалась в качестве вспомогательного средства как раз в такой ситуации, как эта.

Этот совет был созван именем Юсеркафа. Верили ли провинциальные правители, вызванные сюда, что она, Ашаки, тоже умерла? Или случилось то, что они просто еще раз созрели для мятежа, вероятно, оплаченного и вооруженного либо Хасти, либо кем-то из западных вар-

варов, которые всегда негодовали по поводу обращения с ними Амона, отказа Империи вступать в деловые отношения или влезать в их раздоры, так как они были разделены на множество наций, беспрестанно грызущихся друг с другом то в одной политической и военной борьбе, то в другой.

Два южных нома являлись в наименьшей степени цивилизованными по стандартам самого Амона. Три Императора в прошлом расширили границы так далеко к югу, что они охватили людей различных рас, верований и обычаев — чуждых Древнему Знанию, вечный источник смут, вспыхивающих время от времени. Тогда как в западных номах... в них располагались торговые города, где варвары приготовляли свою собственную разновидность отравы для нарушения мира.

Теперь это было причиной неприятностей. Она поднялась и еще раз принялась расхаживать по комнате. Это было правдой, как она заверила Селу, что если бы Налдамак действительно умерла, она сама знала бы об этом. Предупреждение от родственника к родственнику было способностью, распространенной среди членов ее семьи. Тем не менее, то обстоятельство, что Императрица все еще жива, не давал гарантии ее безопасности. Она вполне могла находиться под контролем какой-нибудь тайной силы, порожденной Хасти. И что за чужестранец, который появился неизвестно откуда, точно так же, как сам Хасти, и который хотел видеть Кэндейс? Какую опасность он олицетворял собой?

То, что Херихор контролировал лояльные силы на севере, где, по всей вероятности, рассчитывали отыскать Кэндейс,— это было единственным незначительным очком в их пользу. Это и тот факт, что талисманы по-прежнему находились вне достижения вражеских рук. Как бы то ни было, она получила удобный случай подслушать, какой дьявольский напиток Юсеркэф или Идайзи приготовляли здесь.

Если бы Села только поторопилась! Она не хотела пропустить ничего из сказанного на заседании совета. К тому же... было кое-что, что ей нельзя оставлять здесь. Талахасси подошла к сундуку и достала узел с Жезлом и Ключом. Она не чувствовала себя в безопасности где-нибудь вдали от них. Притом, в покоях не было места, в котором можно было бы надежно укрыть талисманы, чтобы их не обнаружили при тщательном обыске.

Она не упускала из виду этот проход в глубины.

Села могла считать его хорошо защищенным с помощью сигнализации, о которой она упоминала, однако звуковое предупреждение немного стоило против какого-нибудь нападения Хасти с неизвестными силами, которые, возможно, находились у него под контролем.

Она опустила узел на кровать, чтобы потуже завязать свернутую материю. Да, это она захватит с собой.

Талахасси все еще держала его, проверяя эти узлы, когда щелкнул замок двери и внутрь бочком пробралась Села, прижимая к боку одним из своих костлявых локтей большое число салфеток и осторожно несущая в руках высокий кувшин.

Глава 14

— Взгляни, Великая Леди, разве теперь это не то, что ты хотела? Кто узнает Принцессу Ашаки в таком обличье?

Талахасси еще раз стояла перед зеркалом на туалетном столике Кэндейс. Села была совершенно права. Это была не Ашаки, кого она увидела там. Ее кожа вновь стала темной, даже темнее, чем в первый раз, когда ее натирала жрица. К тому же, аккуратное применение косметических средств угрубило черты ее лица, придав ему полноту, которая не была типичной для нее.

Она прикрыла голову льняным головным убором в виде сфинкса, а края его выпустила вперед, чтобы еще лучше затемнить и замаскировать свои черты лица. Оставался только рост, который мог выдать ее. Но она не собиралась расхаживать ни по какому часто посещаемому коридору в открытую в течение долгого времени. И ей хотелось надеяться, что никто не уделит ей внимания, ничуть не больше, чем любой служанке, занимающейся своим обычным делом.

Узел, в который она заключила талисманы, был подготовлен для переноски в одной из просторных корзин, которую Села вынула из потайного стенного шкафа, предназначенной для транспортировки недавно выстиранных постельных покрывал.

Однако все это потребовало времени, очень дорогого времени. А совет уже мог начать заседание. Она неожиданно наклонилась и прижала накрашенные губы к морщинистой щеке Селы.

— Приемная мать моей родной сестры,— сказала она

нежно,— я благодарю Великую Силу, что ты пришла мне на помощь. Это такая услуга, какую не мог бы оказать даже Род. Да будет на тебе благословение Того, Кто Хранит Всех Нас!

— Великая Леди.— Села подняла руку и, в свою очередь, коснулась кончиком пальца нарумяненной щеки Талахасси.— Да будут благословения и благоприятная фортуна на том, что ты собираешься осуществить. Если наша дорогая Леди выберется из пустыни, чего более мы можем просить? Теперь ты подожди, пока я не удостоверюсь, что коридор пуст. Если тебя увидят, выходящей отсюда...

Она уже была на пути к наружной двери, когда в нее поскребли. Кто?.. Талахасси крепко прижала корзину, и ее сердце начало биться быстрее. Голова Селы приподнялась, в то время как она прислушивалась к этому звуку. Затем, прежде чем Талахасси могла остановить ее, она поспешно открыла дверь.

Это была Монита, которая проскользнула в дверь. Но ее ладно сидящая форменная одежда исчезла. Как и Талахасси, амазонка была одета в платье служанки, и она учащенно дышала, в то время как перехватила у Селы дверь, плотно затворила и прижалась к ней плечами, как будто хотела создать барьер из своего собственного тела, чтобы удержать какую-то погоню.

— Что такое? — спросила Талахасси и увидела изумленное выражение на лице амазонки, ее изучающий пристальный взгляд.

— Великая Леди... но ты?...— Девушка чуть не заикалась.

— Да, я ухожу в другом обличье. Однако, что ты хочешь сообщить нам?

— Великая Леди, Ассар прошел через ворота... и он прошел без труда. Никто не видел его в сумерках. Он как будто понимал, хотя он всего лишь охотничий пес, что не должен быть обнаружен. Но — когда я шла обратно — Великая Леди, именем Принца Юсеркэфа они сменили охрану дворца...

Талахасси услышала свистящее дыхание Селы.

— Поклявшиеся-на-Мече?

— Великая Леди... их окружили, когда я уходила по твоему приказу. Сейчас они заперты в казармах. А капитан... она была обезоружена и уведена. Они поставили в дверях казарм тот же самый барьер, что и в городских воротах. Никто не может выйти наружу.

— И это люди с юга, кто стоит на страже?

Монига кивнула.

— Совершенно верно, Великая Леди. Я видела эмблемы Слона на их форме. К настоящему времени этот дворец принадлежит им. И я думаю, что они также сменят часовых у ворот. Это воины варваров, Великая Леди... некоторые даже имеют на лицах татуировки диких племен.

— Ты все сделала очень хорошо,— медленно произнесла Талахасси.— Теперь... ты останешься здесь с Селой и будь уверена, что никто не узнает, где ты нашла убежище. Возможно, придет время, может быть, очень скоро, когда я буду нуждаться в Поклявшейся-на-Мече у себя за спиной, чтобы быть уверенной, что ничей кинжал не настигнет меня.

— Великая Леди, что ты собираешься делать? Во дворце находятся чужестранцы, большое количество стражников с юга...

— Это я знаю. Тем не менее, несмотря на это, мне необходимо узнать больше, ради Кэндейс и, возможно, самой Империи. Не волнуйся. То, что я собираюсь сделать, может быть выполнено только мной, однако это должно быть осуществлено.

На мгновение показалось, что Монига не отойдет от двери. Однако, так как Талахасси настойчиво взирала на нее, амазонка уступила дорогу.

— Великая Леди,— взмолилась она,— возьми меня с собой! У меня есть это.— Она засунула руку за лиф своего платья и вытащила ручное оружие.

— Это нам, возможно, потребуется позднее. Нет... я займусь этим одна. Это секрет Кэндейс, который к тому же, может быть известен только мне... и, вероятно, он нам поможет. Села, держи эту дверь на запоре... не открывай даже служанке, которая, как ты упоминала, должна прийти сюда. Хасти обладает средствами поражения, за пределами нашего знания, и некоторые из них подчиняют наших собственных людей его воле. Такое средство было применено, в результате чего я оказалась в его руках. Не открывайте эту дверь!

— Воля высказана, так быть этому,— официально ответила Села. Монига выглядела так, как будто еще раз хотела запротестовать, но Талахасси поспешно выскользнула через дверь, и няня крепко заперла дверь за ней.

К счастью, ей не надо было далеко идти. Люди,

которые запланировали этот секрет при сооружении «современного» дворца около трех сотен лет тому назад, хотели, чтобы правитель мог быстро добраться до него. На мгновение она остановилась, напряженно прислушиваясь.

Слева от нее находился ряд арочных отверстий, выходящих в сад для уединения Кэндейс, расположенный во внутреннем дворе. Через них лился солнечный свет, и это были яркие лучи послеполуденного солнца. Она могла слышать звуки, производимые птицами, крик одного из этих павлинов, расплодившихся из пары, подаренной индийским правителем два или три поколения тому назад. Это был громкий крик, достаточно громкий, чтобы заставить ее в тот миг вздрогнуть от испуга.

Тем не менее сам коридор был пуст. Поскольку было известно, что Кэндейс уехала, вдоль его не было караульных. Талахасси поспешно заторопилась дальше, придерживаясь правой стены, так далеко от арок, как только могла.

Коридор от сада вел в помещение, которое правители использовали в прошлом для более конфиденциальных аудиенций. Здесь находились более скромное, менее выразительное трон-кресло, несколько почетных стульев для гостей — членов Рода,— но большей частью оно было голым.

Несмотря на это, позади двери, что сообщалась с ним, Талахасси могла слышать бормотание голосов. Да, совет собрался! Она должна действовать очень быстро и бесшумно.

Она обогнула стену малого зала для аудиенций до южного угла, где были панели из покрытого резьбой дерева, пропитанные маслом и отполированные с предохраняющим средством. Поставив корзину у ног, она подняла руки, чтобы разместить их в места, которые была обучена находить так много лет тому назад. Она не забыла, а вернее, Ашаки не забыла. Ее пальцы легко вошли в углубления, которые никто не смог бы заметить из-за глубокого и интенсивного резного орнамента. Тотчас же она надавила почти что всем своим весом вниз.

Раздался скрипучий звук, который заставил ее торопливо оглядеться. Потом неподатливые рычаги, не употреблявшиеся, возможно, в течение долгого периода времени, пришли в действие. Две панели раскрылись, и она протиснулась в отверстие, затем задержалась, чтобы зата-

щить за собой корзину, прежде чем закрыла это тесное помещение.

Было не темно — с одной стороны пробивался свет, и здесь находилось то, к чему она припала, чтобы наблюдать и слушать — она была в состоянии отлично видеть все, что находилось по ту сторону, через узор резного орнамента, такого замысловатого, что он хорошо скрывал свое предназначение с другой стороны стены.

Зал Совета мог быть новым для Талахасси, но память Ашаки нашла его хорошо знакомым, хотя она опознала только двух из шести мужчин, сидевших там,— генерала Айтуа и Номарха округа Слона. Здесь не было Хасти, который, как она думала, обязательно должен был присутствовать, не было также ни Юсеркэфа, ни Идайзи.

Тем не менее, не успела она как следует усесться в своем нынешнем ограниченном помещении, полусогнувшись, как открылась дверь и вошла величавой походкой Идайзи, позади которой шествовал носитель опахала.

Она осмелилась! Память Ашаки подлила масла в ее гнев — эта женщина имеет наглость посягать на отличия Налдамак, которые никогда бы не были пожалованы ей! Она, должно быть, вполне убеждена, что и Кэндейс, и сама Ашаки устранены или лишены возможности действовать. Информировал ли ее, в таком случае, Хасти, что его пленница убежала?

Хасти считал, что эта женщина и ее супруг являлись марионетками, которые должны быть использованы и отброшены. Идайзи сама приходила к Ашаки заключить сделку, или только делала вид. Что же в таком случае изменилось, так что теперь Принцесса полагала, что она могла созвать совет и заставить подчиняться себе?

— Это время серьезных дел,— резко произнесла Идайзи, оборвав приглушенные голоса формального приветствия и махнув рукой, чтобы мужчины садились.— Вы вызваны, мои Лорды, по распоряжению моего супруга, Принца Юсеркэфа, который, хотя лежит, страдая от лихорадки, по-прежнему осознает, что безопасность Империи превыше всего, дело, зависящее от силы таких, как вы — тех, кто является лояльными к нему.

Она сделала паузу, в то время как быстро оглядела одно лицо за другим, смотря в глаза каждому по очереди и задерживая этот прямой пристальный взгляд в течение мгновения или двух, как будто таким образом давала некое предостережение или требовала, в ответ, еще одно

торжественное заверение о лояльности. Вероятно, она была удовлетворена тем, что увидела, так как тотчас же продолжила:

— Теперь уже точно известно, что Кэндейс исчезла во время песчаной бури. Трудно поверить, что тот, чей флайер был захвачен такой яростью погоды, мог бы спастись. А Принцесса Ашаки по своей собственной воле устранилась от правления, принеся, взамен, решающую присягу Храму, связав себя с этой сферой деятельностью до конца жизни.

Вот как? В данный момент это было умно, признала Ашаки. В результате ее длительных отлучек из Новой Напаты по делам Храма здесь осталось немного тех, кто знал ее лично. А те, кто был ее самыми решительными сторонниками, чтобы посадить на трон,— Зихларз, Джейта и Херихор,— были весьма беззастенчиво устранены с этого совета. Эти люди должны принять факт, что она могла совершить этот поступок, в основном, потому, что они хотели верить так.

— Наследница должна произнести такие заявления перед Советом, а затем у Главного Алтаря перед всеми представителями Гильдий и Мастерами, так же как перед Номархами,— сказал мужчина, который носил символ Леопарда. Он не употребил ни одного из принятых почтительных выражений при обращении к Идайзи.

Ашаки не знала его, за исключением имени, которое было Такарка, поскольку он только недавно вступил в наследство этой самой западной территорией Империи, и то после смерти дальнего родственника. Однако он часто имел дело с белокожими варварами севера, и она автоматически относила его к разряду тех, кто могли быть подкуплены Хасти. Было теперь сюрпризом получить от него такое заявление.

— Что она и сделает в надлежащее время. Хотя ничего не может быть осуществлено до тех пор,— ловко подстраховалась Идайзи,— пока не будет точно установлена смерть нашей Солнце Славы. Между тем, Наследница отвлечена в месте устремленной вдаль медитации и не может сама управлять Империей.

— Конечно, конечно,— забормотал генерал Айтуа в поддержку этого.

— Если Наследница все еще не присягнула открыто,— настаивал Такарка,— тогда она должна быть вызвана...

Теперь уже он оглядел каждого из своих компаньонов,

как будто в удивлении, что ни один голос не поднялся, чтобы поддержать его.

— Это Закон,— произнес он отрывисто и резко.

— В годы кризиса,— ответил на это Номарх Слона,— не всегда можно полагаться на закон. Племена за пределами моей собственной территории становятся беспокойными. Нужна твердая рука, чтобы держать их под контролем. Дайте им возможность услышать, что у нас нет правителя, и они примут это как сигнал, чтобы вторгнуться. Это отняло у нас целых два года, прежде чем нанести им поражение, и это было двести лет тому назад. Имеются все основания считать, что они торговали с северными варварами. Ходят слухи, даже больше, чем просто слухи, что они получили оружие, которое равно по силе или даже превосходит то, что мы можем выставить на поле битвы против них.

Генерал Айтуа заворчал.

— Не принимайте во внимание эти постоянные вопли о нашей готовности,— огрызнулся он.— В настоящее время мы тоже, возможно обладаем кое-чем, что застанет их врасплох... и других. Что, Леди,— он взглянул непосредственно на Идайзи,— о войсках севера? Какую роль они будут играть — за или против твоего Царственного Супруга? Говорят, что между ним и Принцем-Главнокомандующим существуют старые счеты. А Принц-Главнокомандующий не только член Рода, но и помолвлен с Наследницей, что до сих пор остается в силе. Разве вы думаете, что он покорно отступит в сторону, если в этом вопросе существуют такие разногласия?

Идайзи поджала рот.

— Точно так же, как ты предупреждаешь, что наша армия может иметь секреты, не открытые для широкой публики, генерал, так и я скажу, что есть другие секреты. Если Принц Херихор стремится к трону вопреки всех обычаев, он никогда, в таком случае, не войдет в ворота Новой Напаты... живым!

Номарх Леопарда чуть наклонился вперед на своем стуле для высоких особ.

— Я слышал, что в Новой Напате находится чужестранец — человек с иным знанием. Он и есть тот секрет, о котором ты говоришь, Леди? Если так... почему он не находится здесь, чтобы дать нам возможность увидеть и услышать его? Мы сохранили нашу страну потому, что не отказывались от того, что было нашим величайшим дарованием, в Кхеме и впоследствии. Варвары зависят от того,

что они создадут своими руками... и взгляните на историю их стран. Есть у них что-либо, чем они могут похвалиться? Смерть королей, немало сраженных завистливыми соперниками на своих собственных почетных местах, убийство людей с очень кратковременными периодами беспокойного мира, в которые они могут еще раз подготовиться к морю крови в своих странах. Я слышал их похвальбу об этом — считающих это благородным,— поскольку для победителя, а не для сокрушенного,— почести. Я слышал, как они убеждают себя своим собственным хвастовством.

А во скольких войнах мы, из Амона, принимали участие? — Он протянул руку с раскинутыми пальцами и начал загибать их пальцем другой руки, в то время как он говорил:

— В далеком прошлом нас изгнали гиксосы, которые захватили Кхем, позднее мы сражались с захватчиками с севера — три раза. В конце концов, мы ослабли, потому что нас было немного, а их — огромное количество, прибывая все в новых полчищах туда, где, когда один из нашего Рода погибал, не находилось ни одного, чтобы занять его место. Теснимые ими, мы были изгнаны на юг — в Мероэ.

Однако другое наше оружие становилось сильнее. Люди могли сражаться разумом и духом — не побеждать агрессоров, а отправлять их назад, туда, откуда они пришли. Мы удерживали Мероэ против людей с востока до тех пор, пока наша вера не ослабла и мы не лишились нашей самой крепкой защиты. Таким образом, мы снова переместились, на этот раз к западу. И здесь, под предводительством Рамзеса Льва, мы основали эту Новую Напату и не ушли отсюда!

Наоборот, наши огни разгорались ярче, и мы учились и усиливались... так был рожден Амон. Пять войн всего... и один мятеж на юге в течение чуть ли не восьми тысяч лет. Ни одна группа северных варварских государств не может похвастаться этим.

— Милорд,— горячо произнесла Идайзи.— Все, что ты рассказываешь,— правда. Тем не менее это также правда — мы вновь пришли к временам, когда Талант становится редким, немногие рождаются с задатками Силы в них. Даже линия Рода сокращается, разве это не так? Опять наступает такой период жизни, на какие ты ссылаешься, когда мы ослабеваем в том, что защищало нас. Следовательно, чтобы Амон мог продолжать существовать, мы должны прибегнуть, в нашем очень трудном поло-

жении, к другим средствам. Это не то, что мы хотим, но это реальность, которой мы вынуждены смотреть в лицо.

А одно из наших самых сильных оборонительных средств — надежно укрепленный трон. Если мы не имеем этого, то как же тогда сможем вести за собой народ?

Умно, умно, умно — Ашаки хотелось зашипеть подобно разъяренной кошке. Логика Идайзи была неопровержимой.

— Может, в таком случае, Юсеркэф держать Власть? — впервые заговорил Номарх Гиппопотама. Он был человеком средних лет и, Ашаки слышала, как об этом говорили, вовсе не дурак, предпочитающий продвигаться вперед посредством интриг, охотнее, чем открытыми действиями. Его тучному телу, вероятно, было очень неудобно размещаться на маленьком стуле, а его глаза были всегда почти полузакрыты, придавая ему глуповатый вид, но он отнюдь не был глуп.

— Он из Рода! — быстро ответила Идайзи.

— А где сама Власть?

— Находится в безопасности! — ответила она, может быть, слишком поспешно. Номарх Гиппопотама был самым неподходящим человеком, которому Ашаки испытывала желание солгать, не имея изобилия внешней убежденности, которая прикрыла бы ее ложь. Тем не менее, Идайзи, возможно, не могла подготовить ничего другого, побуждаемая действовать недостатком времени. Что если бы они потребовали, чтобы Жезл и Ключ были предъявлены здесь и сейчас?

— Где Зихларз? — Это снова был Такарка.— И Номархи с севера? Это не полный совет, и, таким образом, мы не можем принимать решения.

— Север...— Идайзи заколебалась.— Милорды, я должна сообщить вам о прискорбном событии — северные войска оказались изменниками. Они высказались за Херихора. И как вы думаете — кто разыскивал наше Солнце Славы... кто?

Она предъявила этот вопрос как обвинение.

— У тебя есть доказательство? — Такарка смотрел ей в лицо.

— Почему, по-вашему, здесь нет Зихларза? Храм закрыт для оплакивания. Однако мы не можем проверить то, о чем узнали. Но разве осмелился бы Принц-Главнокомандующий примерять Шлем Льва, если бы наша Леди действительно была жива? Если же он нашел ее... он ничего не сообщил, рассчитывая воспользоваться удобным случаем, чтобы убедить Наследницу и, таким обра-

зом, править от ее имени как Царственный Супруг...

— Мы не можем принимать решения без полного состава совета,— решительно сказал Такарка.— Пусть Юсеркэф предстанет перед нами с Властью, и мы будем знать правду: что Кэндейс на самом деле мертва, а Наследница отказалась от своих прав. Ибо только тот, кто является законным правителем, может появиться таким образом.

— Это хорошо сказано, мой Лорд,— согласился Номарх Гиппопотама.

Номарх Слона колебался в течение непродолжительного времени, а потом тоже кивнул. Глаза генерала Айтуа сфокусировались на полу перед ним, как будто его мысли блуждали где-то в другом месте, и он вообще не высказался, в то время как другой Номарх, нервный маленький человек с дергающимся веком, быстро кивал.

Идайзи встала. Ее лицо оставалось невозмутимой маской, однако Ашаки могла ощущать ее кипящую ярость... а под этой яростью присутствовал страх. Был ли этот ход сделан без ведома Хасти, отчаянная попытка заручиться поддержкой тех вельмож, которые, как она рассчитывала, пойдут за ней даже против общеизвестных возможностей чужестранца? Ашаки начала думать так, когда Принцесса с достоинством покинула помещение. не уделив ни слова прощания никому из людей, которых собрала.

— Юсеркэф,— Номарх Слона произнес вслух только это единственное слово, тогда как его собрат южанин в первый раз широко раскрыл глаза и на мгновение пристально смотрел на него.

— Да, но не здесь.. не в данный момент,— загадочно высказался генерал, в то время как он неуклюже поднимался с места, как будто он был почти таким же грузным и бесформенным, как Номарх слева от него.

Они не вышли одновременно: южане удалились первыми, затем генерал, чуть ли не наступая им на пятки, до сих пор выглядевший озабоченным, как будто он немедленно должен удостовериться, что войска, подчиненные ему, о б л а д а л и оружием, о котором он намекал. Двое оставшихся Номарха тоже вышли порознь — сначала Номарх Леопарда протиснулся мимо второго, и последний Номарх смотрел ему вслед с выражением, которое Ашаки не смогла истолковать.

Ей было жарко в этой конуре и все же жарче от мысли о расстройстве ее плана. Не существовало какого-нибудь

сносного способа, с помощью которого она могла бы проследить за ними за пределами этого помещения. Они, наверное, размещены в Крыле Благородных Гостей, окруженные многочисленными своими собственными охранниками, находящимися в боевой готовности, поскольку их господа были явно выбиты из колеи в своих стремлениях. Там она не могла сыграть роль даже дворцовой служанки, так как опасалась быть раскрытой.

А она узнала так мало. О многом из этого можно было догадаться. Похоже, что в рядах врага есть один союзник — Номарх Леопарда. Тем не менее, она не могла полагаться, доверять ему или нет, только на то, что подслушала здесь. Как бы то ни было, в некоторой степени утешала мысль о том, что существовали скептики и что члены совета не проявляли готовности оказать поддержку Идайзи в каком-нибудь непредвиденном действии. Им было подарено дополнительное время...

И м? Из кого в настоящее время состояли Королевские силы в Новой Напате? Из женщины, столь старой, что она видела два поколения, единственной переодетой амазонки, вооруженной лишь ручным оружием, служанки, на которую они, возможно, могли, а может быть, и нет, положиться... и ее самой, хотела она этого или нет. Она была вовлечена в это и вынуждена принимать участие в сражении Ашаки, если не ради Амона, то ради своей собственной жизни.

Она вернулась обратно в апартаменты Кэндейс, заметив, что пол галереи освещен солнцем гораздо слабее, чем раньше, когда она шла в другую сторону. Жгучее солнце пустыни... как долго могла Налдамак оставаться в живых, если это была правда, что ее флайер исчез в буре. Даже если она выжила при его крушении, суровые условия этой местности не предоставляли более чем день или два дальнейшего существования.

Однако она не была мертва. Ибо Ашаки было бы известно об этом. Почему-то Талахасси была в этом уверена. Она добралась до двери внешней комнаты и теперь подала сигнал царапаньем по ее поверхности, торопливо кинув взгляд вправо и влево; когда она занималась этим, корзина, содержащая талисманы, была ненадежно уравновешена у ее бедра.

Они, должно быть, ожидали прямо за дверью, потому что та была поспешно распахнута. И амазонка была так обеспокоена, что, ничуть не заботясь о рангах, протянула

мозолистую, с цепкими пальцами руку, чтобы втащить Талахасси внутрь так быстро, как могла.

— Они не смогли договориться,— сказала девушка тем, кто ожидал ее.— Номарх Леопарда ведет противодействие претензиям Идайзи. Но она рассказала им две басни — что Кэндейс мертва или, возможно, пленница Херихора... и что он стоит во главе мятежа против трона!

— Ложь! — прошипела Села.

— Конечно, нам это известно. Тем не менее, доказательство — другое дело. Хасти там не было... по-видимому, она созвала этот совет без его ведома. Я думаю, что она боится его... и правильно. Если бы мы только могли усилить разногласия в их собственных рядах! Если бы я только имела поддержку Сына Эпидемека, или хотя бы двоих-троих человек из Храма, это могло быть возможным разжечь их подозрительность и опасения...

— Великая Леди! — Села приблизилась к тому месту, где она стояла, в руках узел с Жезлом и Ключом, а внутри нее — горькое разочарование.— Ты держишь,— напомнила ей няня,— то, что является сердцем и душом Амона... разве ты не можешь обратиться к их Силе?

Талахасси вздрогнула. Если бы она действительно была Ашаки... да. Однако эти пробелы в воспоминаниях Ашаки были такими обширными. Она могла призвать талисманы к себе, как проделала в той лаборатории, но другие их назначения — это было частью знания, которая не была передана с помощью лент. Тем не менее... она могла попытаться... Храм! Он мог быть закрыт для физического доступа, но закрыт ли он также для силы мысли? Если бы она смогла установить связь с Зихларзом, в чьем разуме заключались самые насыщенные слои Мудрости в этом поколении!..

Она повернулась к двум женщинам.

— Есть кое-что, что я могу попытаться осуществить. Вы должны хорошенько охранять меня, так как, возможно, то, что действительно является мной, должно произвести поиск за пределами сфер плоти, что вмещает меня.

— Разумеется, Великая Леди,— амазонка ответила первой,— мы сделаем все, что сможем. Хотя куда?..

— При удачном стечении обстоятельств, может быть, к Зихларзу.— Если они узнают правду, то будут, возможно, более усердными.— Теперь позвольте мне настроиться соответствующим образом.

Глава 15

Она плыла в пространстве, которое не существовало ни в одном мире, какой она знала. Перед ней находилась высокая темная стена, отделяющая ее от тех, кого она разыскивала. Зихларз и другие из Высшего Пути были позади этого. Однако этот путь был закрыт — по крайней мере для того, кто не обладал всем тем, что было известно одной Ашаки.

Тщетно борющаяся, Талахасси снова и снова пыталась пробиться сквозь стену, преследуемая мыслью, что дефект заключается в ней самой, в неполной памяти, которую ей предоставили. Она нуждалась в глубочайших секретах их обучения. И была ли эта стена изобретением врага или вынужденным средством защиты против какой-нибудь ментальной атаки, этого она также не знала.

Хотя Хасти не мог воздвигнуть такой барьер в этом месте между мирами, существовали те с далекого юга (колдуны диких племен), которые придерживались извращенных и темных сил... которые должны опасаться сильнее всех Света Храма. И они вполне могли пойти в упряжке мятежных сил.

Стена была непроницаема; она была утомлена и расстроена этим. В этом месте полузнание не могло слишком долго сохранять ее в целости и сохранности. И все же она до сих пор цеплялась за обрывок надежды...

Затем...

Перед стеной вспыхнула колонна чистого пламени, такого же золотистого, как маска, которую носила Джейта. Из этого пламени возникла сама эта маска, чтобы смотреть в лицо освобожденной от телесной оболочки Ашаки.

«Дочь Эпидемека?» — В этом месте не было речи, которая могла быть сформирована посредством губ и языка, потому что существовало только восприятие личности.

«Я пришла»,— ответил ей мысленный образ маски.

«Есть огромная нужда...»

«Гораздо нужнее то, чтобы ты добралась до нас, Сестра-в-Свете...»

«Как смогу я осуществить это?» — задала вопрос сущность Ашаки.

«Прибегни еще раз к нижним путям. Там существуют секреты, которые могут направлять тебя. Ты поработала очень хорошо, и тебе сопутствует удача. Там могут быть те..»

Однако окружающую обстановку сотряс крик, и от

этого звука сумеречный мир распался на фрагменты и исчез. Ашаки — Талахасси — рвануло силой более интенсивной, чем любой ветер, отбросило от стены, от пламени, которое было Джейтой. Она не могла уклониться от этого непреодолимого давления. Потом пришло восприятие надежной опоры, иначе говоря, возвращение. Девушка потрясенно открыла глаза.

Два светильника бросали на потолок необычные тени. А неподалеку она услышала слабое постанывание. Несмотря на безграничную усталость, которая навалилась на нее, она каким-то образом ухитрилась повернуть голову.

Кто-то сжался там, закрыв руками лицо. И, когда Талахасси с трудом приподняла себя, она увидела, что на полу лежало второе тело. Эта маленькая съежившаяся фигурка — Села! А эта другая, дрожащая от ужаса,— амазонка Монига! Но что проникло сюда? Какое-нибудь нападение, предпринятое Хасти?

Она опустила ноги на пол, уселась поудобнее, хотя ее замедленные движения были нерешительными.

— Успокойся! — Ее голос был тихий, но она вложила в него все свое отчетливое влияние, которое могла сейчас вызвать.

Амазонка не подняла головы, ее стоны становились громче. Талахасси каким-то образом встала и с трудом преодолела два шага до женщины. Она наклонилась, рискуя потерять равновесие, и ударила Монигу по щеке. Потому что Монига подняла голову, чтобы показать лицо, почти бессмысленное от того, что могло быть только истинным ужасом. И зная о спартанской подготовке, которая сформировала ее, Талахасси без труда могла поверить, что то, что бы ни привело ее в такое состояние, вероятно, находилось полностью за пределами любого нормального восприятия.

— Успокойся! — резко произнесла она. Затем эти широко раскрытые глаза сфокусировались на ней, и кое-что из полной паники постепенно исчезло с лица женщины.

Талахасси опустилась на колени, протягивая руки к неподвижной фигурке Селы. Сперва она подумала, что старая женщина умерла, потом ее ищущие пальцы обнаружили очень слабое биение пульса.

— Помоги мне! — Она отдала второй приказ.

Амазонка двигалась неуклюже, как человек, который исполнял распоряжения, не понимая их. Вместе они

сумели перенести Селу на постель, которую Талахасси только что покинула. Ее небольшое морщинистое лицо было очень бледным, почти зеленоватым, а рот слегка приоткрыт, из одного угла тянулась тонкая нитка слюны.

— Вина,— приказала Талахасси.— Принеси вина.— Под ее руками тело Селы было на ощупь очень холодным. Старая женщина была в шоке. Девушка натянула на нее покрывала; и когда Монига, у которой руки до сих пор дрожали так, что чуть не расплескалось все вино, принесла ей бокал, Талахасси приподняла голову няни до уровня собственного плеча, поддерживая ее так, чтобы она могла влить в этот рот немного жидкости.

Села поперхнулась, открыла шире рот и проглотила. Ее пульс участился. Талахасси опустила ее обратно на постель, повернулась к Мониге.

— Расскажи мне, Монига, что случилось?

К счастью, девушка, казалось, вновь обрела в какой-то степени как свое мужество, так и разум. Теперь, когда Талахасси взглянула на нее, она вспыхнула как от стыда.

— Великая Леди... здесь... здесь были существа...— она чуть запнулась.— Я сражалась с Поклявшимися-на-Мече в Менкани, когда люди пустыни ворвались в Форт и мы двинулись снова овладеть им. Я видела много, Великая Леди, что было наполнено ужасом. Но это... это не из нашего мира!

— В каком смысле? — спокойно спросила Талахасси, понимая, что должна действовать терпеливо.

— Когда ты спала, появились они. Они были подобны теням... или что-то вроде завихрения в воздухе. Как я могу подобрать слова, чтобы описать то, что я никогда раньше не видела? Тем не менее, они существовали... они, в некотором роде, были разгневаны, и их ненависть... ее можно было ощутить!

Опять духи.

— Я сама видела эти существа, Монига. Они существуют. И, полагаю, я знаю, что они могут разыскивать. Только у меня нет силы, чтобы дать им это.

— Великая Леди... они собрались вокруг тебя, когда ты лежала. А когда мы попытались защитить тебя... они...— Рука Мониги метнулась к голове.— Каким-то образом они проникли в наши разумы... с ужасными намерениями... Они хотели убить меня... Однако я выстояла против этого, Великая Леди... я выстояла!

Затем они вызвали боль, и Леди Села закричала. Я подумала, что она умерла. А когда они набросились

на меня... Великая Леди, я не была уверена, как долго могла бы продержаться против них! Думаю, что я пронзительно закричала...

— Ты не могла сделать большего, Поклявшаяся-на-Мече. Эти существа не могут быть встречены с каким бы то ни было оружием, которое человек может держать в руке. То, что ты противостояла их силе, является поединком чести для тебя,— подбодрила ее Талахасси.

Она получила, по крайней мере, часть сообщения Джейты. Однако вновь прибегнуть к нижним путям, где до того парили духи, когда она считала, что на этот раз не могла ожидать ничего другого, кроме враждебного отношения с их стороны, было действительно опасно. Она расположилась на краю постели и попыталась привести в порядок мысли. Села, казалось, спала, как и следовало ожидать. Ее лицо избавилось от клейма невыносимого страха. А Монига окончательно пришла в себя.

— Слушай теперь внимательно.— Талахасси понимала, что у нее нет выхода. Сообщение Джейты было весьма ясным. Она должна беспрепятственно выбраться из Новой Напаты, и существовала только единственная дорога, та, которая вела через эти покрытые наносами коридоры внизу.— Есть вещи, которые мне необходимы,— так как я получила сообщение от Дочери Эпидемека через путь Таланта. Можешь ли ты найти и скрытно принести их мне?

— Великая Леди, приказано — значит, будет сделано,— ответила Монига, отдавая официальный салют ее ранга.

— В таком случае, это — продукты — такие, какими армия пользуется в течение маневров — в достаточном количестве в вещевом мешке, чтобы хватило на несколько дней. А также ночной осветительный прибор с только что заряженным элементом. Достань их так быстро, как возможно. И с ними хлеб, мясо, чем я могу сразу же пообедать.

— Это я могу достать, Великая Леди.— Монига уже двигалась к двери.

Когда та закрылась за амазонкой, Талахасси принялась за дело. К ней вернулась, в некоторой степени, сила, и она не должна позволять себе заглядывать вперед относительно того, на что это может быть похоже: быть настигнутой духами где-то в этой полной темноте внизу. Нет, лучше думать о том, что она должна сделать прямо сейчас.

Она порылась в комоде с предметами одежды Налда-

мак и отыскала то, в чем нуждалась,— униформу, которую Императрица носила, когда принимала парады своих войск в официальных случаях. Используя ножницы из туалетного столика, она спорола все знаки различия ранга, оставив однотонное одеяние, не отличающееся от того, которое в ее собственном мире называли тренировочным костюмом.

Он был немного тесноват ей в груди, но она сумела застегнуть все пряжки, а ботинки, к счастью, пришлись впору, хотя стесняли ноги после свободных сандалий. Села по-прежнему спала — без сновидений, как надеялась Талахасси.

Талисманы она решила нести открыто. Тем не менее, для того, чтобы не уронить их, она закрепила вокруг каждого веревочные петли, чтобы потом привязать к запястью. Она прикрыла голову шарфом, завязав его под подбородком. Она уже кончала это, когда услышала сигнал и впустила Монигу.

С плеча амазонки свисал весьма нагруженный мешок, и она балансировала подносом с едой, которую попросила Талахасси. В то время как девушка усаживалась поесть и попить, она отдавала последние распоряжения.

— Я ухожу отсюда, Поклявшаяся-на-Мече, через потайной путь. Организуй охрану и не допускай, чтобы Леди Села испытывала недостаток внимания. Сохраняй в тайне, что я была здесь, если тебя обнаружат. И присматривай хорошенько за путем, которым я ухожу, так чтобы никто не смог незаметно на тебя напасть.

— Великая Леди, мне бы хотелось пойти с тобой.— Монига переоделась в свою униформу, и на ее поясе висело оружие.

— Нет. Это такой путь, по которому только Жезл может вести меня. Ты окажешь более великую услугу, охраняя эту дверь. Возможно, что, когда я вернусь, я вновь приду по этой дороге, вероятно, приведя с собой помощь. Мы должны быть уверены, что не идем в засаду.

— Великая Леди, будь уверена, что я обеспечу такую охрану!

Талахасси взвалила на плечи мешок с провизией. Она закрепила петли шнурков от Ключа и Жезла вокруг своего левого запястья, другой рукой подняла фонарь. По ее приказу Монига отвела в бок стенные драпировки, и она вошла в потайной путь. Раздался перезвон, и она вспомнила про установленную Селой сигнализацию. Она объяс-

нила насчет этой сигнализации амазонке и только потом отправилась вниз, во мрак.

На этот раз фонарь давал ей гораздо больше света, чем излучение, с помощью которого она освещала путь раньше; его луч отчетливо рассекал темноту, ясно освещая лестницу и стену. И прошло не слишком много времени, когда она достигла древней замурованной двери и проползла через отверстие в это место скверных запахов и предполагаемой притаившейся опасности.

Сориентировавшись по дворцу наверху, Талахасси повернула налево в неизвестный проход. Лестница являлась одним тех секретов иной эпохи, вероятно, сооруженных изначально для бегства Царственного Семейства, когда разразилась бы катастрофа, как это случилось в Мероэ. Следовательно, должен существовать какой-нибудь выход за пределами города. И он, она надеялась, не должен быть перекрыт барьерами, которые установил Хасти.

Как влажность, так и зловонные запахи усилились. Она тщательно старалась выбирать путь, так как пол коридора был в такой степени покрыт слизью, что время от времени ее ботинки скользили. Луч фонаря на мгновение зацепил поднятую голову какой-то твари — либо большой ящерицы, либо змеи. Однако она исчезла с глаз, как будто свет представлял угрозу. Она ожидала нападения духов (в конце концов, это место вполне могло быть выбрано ими для засады) и, в связи с этим, была постоянно настороже, не позволяя себе расслабляться даже тогда, когда прошло какое-то время, а этого не случилось.

Сырость скапливалась здесь в вязкие, зловонные лужи, которые она огибала на таком расстоянии, каком только могла. Затем коридор завершился мрачным потоком, от которого поднимался такой смрад, что ей не верилось, что этим можно дышать в течение длительного периода времени. Она на минуту засунула фонарь за пояс и опустила шарф, что прикрывал голову, чтобы закутать им рот и нос в тщетной попытке отфильтровать хоть как-то эту мерзость.

Течение в потоке было быстрым, и она была уверена, что это был один из главных коллекторов для канализации города. Она не имела понятия, каким глубоким был этот переполненный отходами поток. Она заколебалась. Дорога обрывалась здесь. Это означало, что тот, кто следовал по ней, вынужден преодолеть канализационный коллектор в этом месте. Тем не менее, отважиться

на это, не имея представления о глубине, когда она могла быть сбита с ног и затянута под отбросы, чтобы захлебнуться? Нет, она должна отыскать какой-нибудь другой путь.

Прижавшись плечом к стене, Талахасси наклонилась вперед так далеко, как осмелилась, чтобы осветить лучом фонаря стену справа от себя, потому что коридор пересекался канализационным коллектором под острым углом. Там имелась тропинка... если кто-нибудь мог назвать ее так, ибо она была едва ли шире, чем две ее ступни, поставленные рядом. Хотя поток плескался только немного ниже ее края, однако она была обильно покрыта мерзкими наносами, которые, наверное, оставили более высокие волны.

Выбрать этот путь — значит, рисковать потерей точки опоры для ног на каждом шагу, но выбора не было. И как долго она могла вдыхать этот загрязненный воздух, не теряя сознание? Было без толку затягивать время — раз есть дорога, значит, надо по ней идти.

Она протиснулась за угол, где встречались проход и канализационный коллектор, чтобы ступить на этот запачканный выступ. Ее предположение было весьма верным. Здесь слизь потайного коридора превратилась в более вязкое болото, которое засасывало ее ноги на каждом шагу. Она передвигалась так медленно, что отвратительная атмосфера представляла все более усиливающуюся угрозу для сознания.

Талахасси утратила всякое представление о времени. Голова ее болела, и она ощущала тошноту, головокружение. Один раз из потока поднялась покрытая чешуей голова, и раскрылись челюсти, чтобы с лязгом захлопнуться, когда она быстро направила свет прямо в маленькие злобные глазки. Крокодил... к счастью, довольно небольшой, чтобы представлять реальную опасность, и, по-видимому, не терпевший свет. Тем не менее, где присутствовал один, вполне могло быть больше.

Она неожиданно достигла ниши в стене, в которой находилась заложенная дверь, и направила свет фонаря внутрь. Позади этой двери угадывался арочный проход, похожий на тот, через который она проложила себе дорогу в другом коридоре, однако этот также был заложен. Она втиснулась в это более обширное пространство и постаралась мыслить более ясно.

Если ее расчеты были верны, эта заложенная дверь находилась в неподходящем месте, чтобы вести по ту сто-

рону стен. А в своем теперешнем состоянии она не была уверена, что смогла бы даже применить силу Жезла так, чтобы вытолкнуть один-единственный камень из кладки. Лучше продолжать путь — должен же канализационный коллектор где-то выходить на поверхность, в этом она могла быть уверена.

Ей очень хотелось передохнуть в этом ограниченном пространстве, которое она встретила, если бы не то обстоятельство, что воздух здесь был не лучше, чем в канализационном канале. Так что она без особого желания двинулась на ощупь дальше. Она не могла быть уверена, но разве уровень воды, текущей рядом с ней, не начал понижаться? Выступ шел горизонтально и не поднимался. К тому же, она с трудом могла поверить, но воздух теперь стал менее вонючим. Она снова взяла себя в руки и быстро направила свет фонаря вверх. Свет зацепил край колодцеобразного отверстия в хорошем состоянии, которое она осматривала с обратной стороны, с его нижней части. Кроме того, там виднелся ряд скоб, достаточно больших, чтобы держаться за них рукой, опираться ботинком, подтягиваясь при этом все выше и выше. За пределами городской стены или внутри? Она опасалась, что до сих пор находилась внутри. Не имело смысла размещать такой проход с наружной стороны стен. И если она собирается тратить свои силы, чтобы подняться по нему, а потом убедиться, что она по-прежнему пленница... Она не думала, что была бы тогда в состоянии заставить себя опять спуститься в зловонное место.

Все же неизвестный проход располагался внутри города. Что-то шевельнулось в самой отдаленной части ее мозга; хотя она не могла объяснить это.

Все еще сомневаясь, она продолжила движение по выступу. Теперь было бесспорно, что уровень воды понизился. Так что камень, по которому она ступала, был менее испачкан, то здесь, то там отчетливо выделялись небольшие участки скалы, в которой тропа была пробита. К тому же, атмосфера стала отчасти чище.

Она...

В этот момент они и ударили; когда она успокоилась, не обнаружив их. Духи совершили нападение на ее разум, а не на тело. Она пошатнулась, но не упала. И она не выпустила фонарь. Наоборот, она прислонилась плечами к стене, как будто таким образом могла защитить свою спину, и поводила лучом света туда и сюда по воде.

Там что-то двигалось. Не духи, а может быть, какая-

нибудь тварь, которую они вызвали, чтобы сдернуть ее вниз.

— Если я умру здесь,— произнесла она сквозь стиснутые зубы, обращаясь к пустому воздуху... пустому для ее зрения, однако наполненным компанией, которую она могла ощущать,— тогда ваши надежды не сбудутся. Я не обладаю силой, чтобы помочь вам. Тем не менее есть другие, более искусные и сильные, чем я, и их я пытаюсь найти. Разве вы хотите, чтобы вместе с моим телом сейчас погиб и ваш шанс?

Существо в воде приближалось. Но она по-прежнему не могла видеть колыхания в воздухе.

— Акини.— Она назвала единственное имя, которое было ей знакомо.— Я сказала вам сущую правду!

Они до сих пор угрощающе висели здесь, и она не могла различить среди них эту единственную более сильную личность, к которой обращалась. В воде возник водоворот, когда на поверхности канализационного коллектора появилась ужасная бронированная голова, ее пасть разинута до такой степени, чтобы продемонстрировать запятнанные чем-то зубы. Этот крокодил не был той маленькой рептилией, которую она видела раньше. Он, вероятно, был такой старый, так долго плавал в этом омерзительном месте, что вмещал в себе все зло, которое могло накапливаться годами.

Талахасси крепче ухватила Жезл. Против этого существа из вековых нечистот она имела только это. Как тогда, когда она своей волей заставила Жезл подняться из защитной клетки, которую Хасти установил над ним, так теперь наклонила его верхушку по направлению к существу, которое подтягивало свое чешуйчатое тело выше. Массивные когтистые передние лапы потянулись к выступу, на котором она стояла.

Власть...

Свет, который она направила на эту безжалостную голову, не произвел никакого впечатления. Его заставляли атаковать воздействия тех, кто в настоящее время жадно следил из темноты.

Власть!

Талахасси сдерживала себя, чтобы не завизжать от ужаса. Обитатель канализационного коллектора воплощал в себе все, что являлось кошмаром.

«Власть,— потребовала она от памяти Ашаки,— дай мне то, что ты знаешь и когда-то использовала. Дай мне... или я... мы погибнем!»

Из верхушки Жезла вырвалась нить пламени, гораздо более невыносимо яркого, чем пламя газового резака. Она ударила между маленьких глазок крокодила. Животное заревело так, что этот звук, который неприятно отразился от стен узкого туннеля, продолжал звенеть в ее ушах даже тогда, когда, высоко подпрыгнув, оно обрушилось в воду, и поток еще раз скрыл его. Девушка наблюдала, как оно исчезает, с трудом веря, что память Ашаки ответила ей таким образом.

Обладала ли эта память индивидуальностью? Такого не могло быть, так как она была чем-то, что было извлечено, а потом втиснуто в ее разум с помощью технологии этого народа. Ашаки умерла. Несмотря на это, Ашаки все сильнее и сильнее оказывала ей поддержку... могла ли запись создать что-то иное?

Они все еще находились здесь — духи. Однако они не пытались вновь применить это. Они излучали сомнение, это она могла ощущать. Они притягивались тем, что она несла, но существовал страх, крывшийся в основе их нужды.

В течение томительной минуты она ожидала какого-нибудь нового нападения, какого-нибудь удара из невидимости. Когда этого не произошло, она заговорила снова:

— Я заключила соглашение с тобой, Акини. Но я не смогу выполнить его, если ты не дашь мне возможность собрать воедино тех, кто знает, где ты пребываешь и что тебя держит. Я не забуду... не должна.

Они до сих пор были здесь, однако ответа не пришло. Она не могла ждать больше. Талахасси решительно двинулась дальше, но она знала, что духи следовали за ней. Пусть... если им хотелось.

Водяной туннель повернул в сторону. И свежий легкий ветерок дохнул ей в лицо. Где-то, не слишком далеко впереди, должен находиться выход из этого водного пути. Она выключила фонарь, остановившись на секунду или две, пока ее глаза не приспособились и она не смогла видеть при помощи Жезла и Ключа. Затем, делая очень осторожные шаги, она двинулась вперед.

Впереди было отверстие, единственное отверстие, перегороженное решеткой. Через проход, расположенный в самом низу, изливались отходы канализационного коллектора, однако отверстие находилось выше, около самого выступа. Она заторопилась по направлению к нему, потому что тропа здесь была относительно свободной от

наносов. Приблизившись, она резко сдернула шарф, закрывавший нос и рот, жадно вдыхая чистый воздух.

Она для сохранности засунула фонарь в униформу и начала прослеживать прутья решетки руками. По ту сторону была ночь, и, казалось, бушевал сильный ветер. Сквозь решетку залетали песок и пыль, которые заставляли ее кашлять,

Хотя она отыскала, где прутья были закреплены в каркасе, тем не менее не обнаружила никакого запорного устройства с этой стороны. И решетка была надежно укрепленной, не поддавшись ни на дюйм под ее нажимом. Жезл... она должна проложить себе дорогу через...

С той стороны донесся звук, приковавший ее руки к металлической решетке, заставивший ее насторожиться и напрячься. Раздался тихий жалобный вой... к прутьям протиснулась тень.

Она вдохнула специфический запах псины.

Ассар? Неужели охотничья собака просто вышла за ворота и потом бродила вокруг города? Ее надежда была столь слабой, что до этой минуты она не отдавала себе отчет, насколько полагалась на нее.

— Ассар? — она прошептала имя.

Раздался возбужденный лай, и она ясно осознала свое безрассудство. Этого шума было достаточно, чтобы насторожить любые человеческие уши в окрестности. И вполне могло быть, что Хасти и южные Номархи держали своих людей с наружной стороны запирающего барьера.

Ответный шепот... шепот, который она не надеялась услышать,

— Ашаки?

— Кто?..

— Ашаки... Джейта сказала, что ты должна прийти... по этому пути. Ты уже здесь?

— Херихор? — Она едва не выкрикнула «Джасон».

— Да, мидели. И ты скоро выйдешь наружу... отойди немного назад.

Она отошла по выступу на шаг или два. Перед решеткой появилась вторая тень, и она услышала скрежет металла о металл. Затем что-то двинулось — решетка выпала наружу, и она услышала хмыканье, как будто Херихор не рассчитывал, что это будет так легко.

Секундами позднее она услышала его призыв:

— Выходи, Леди, путь открыт.

Он подался вперед, чтобы вывести ее на свежий ночной воздух.

Глава 16

В палате находилась разнородная группа. На этом военном совете они обладали почти равноправным положением. Джейта сидела рядом с Талахасси, а за ней располагался Херихор, с правой стороны — Кэндейс Налдамак. Слева от нее находились два северных генерала и полковник Поклявшихся-на-Мече.

Талахасси ощущала сухость во рту и горле. Она непрерывно говорила с того времени, как Херихор привел ее сюда, подробно рассказывая о лаборатории, где Хасти разрабатывал свои тайны, о проходе, который она обнаружила. На листе бумаги Херихор сам изобразил схематически подземные пути, как она запомнила их. А рядом с рукой Налдамак лежали Ключ и Жезл.

Кэндейс была худощавой и тонкой, ее лицо, тонкокостное под темной кожей, было старше, чем память Ашаки изображала его для Талахасси. Тем не менее, нельзя было ошибиться насчет яркой искры интеллекта в ее темных глазах, характерной черты, с которой она схватывала относящиеся к делу данные в повествовании Талахасси и интересовалась подробностями.

— Хасти! — произнесла Кэндейс, когда Талахасси закончила.— Всегда Хасти.— Она повернула голову, чтобы обратиться к генералу слева от нее.

— Настазен, что обнаружили твои разведчики в пустынных территориях?

— Солнце Славы, есть рапорт о том, что очень давно тому назад этот чужеземец был найден кочевниками у мертвого верблюда и доставлен ими к одному из наших патрулей, так как он внешне похож на жителя Амона. Они подумали тогда, что он является разбойником, скрывающимся от нашего правосудия. Однако имеется второе сообщение, более свежее, что недавно из того же самого района пустыни появился другой человек и он похож на Хасти. Тем не менее, он не осведомлялся о своем собрате, а наоборот, хотел видеть тебя, наше Солнце Славы. И он был отправлен в Новую Напату дожидаться твоего соизволения... именно так Наследнице сообщили о его прибытии. Вьючные сумы на верблюде этого человека были тайно обысканы, и выяснилось, что они содержат очень небольшое количество продовольствия, как будто он путешествовал на короткое расстояние.

Вследствие этого, после того, как он ушел, сотник из этого форта послал другой патруль проследить его путь,

Они пришли к долине среди скал, и, хотя не было видно ни одной стены, тем не менее, там существовал барьер, сквозь который ни один человек не смог проложить себе дорогу.

— А что было с человеком, который прибыл в Новую Напату?

— Видели, как он вышел из ворот, этих плотно закрытых ворот, Солнце, и потом исчезнул.

— Так что барьер только для нас, а не для этих чужеземцев,— вмешался Херихор.

Однако снова заговорила Кэндейс:

— Как вам известно, я и мои люди были найдены пустынным патрулем. Но мы не выжили бы, если бы раньше, неведомо откуда, не появились два чужеземца, которые дали нам пищу и воду и указали направление, куда идти. Я начинаю думать, что Хасти, возможно, имеет врагов среди своего собственного рода, кто бы и откуда бы они ни были. Тем не менее сердцевина его силы находится в Новой Напате, и там мы должны столкнуться с ним. Сестра,— она улыбнулась Талахасси,— ты очень хорошо поработала в городе, а также за его пределами. Мы в долгу перед тобой за возвращение этих вещей,— она указала на талисманы,— а теперь и за возможность атаковать Хасти в его собственном логове. Юсеркэф и его игра в государственную измену — это несущественно в данный момент. Главное — это чужеземец, который оказывает поддержку таким мятежникам.

Ты разместил свои передовые силы.— Она взглянула на Херихора.— Могут ли они быть проведены по этому пагубному туннелю, чтобы нанести удар не только по дворцу, но и по городу, и, самое главное, по гнезду Хасти?

— Солнце, только прикажи,— ответил он быстро.— Если они узнают, что ты жива, то большинство горожан поднимется по твоему боевому кличу.

— В таком случае, пусть это будет сделано! — приказала Кэндейс.— Только не нападай на гнездо, лишь сторожи его, пока мы не подойдем.— Она кивнула Джейте и Талахасси.— Ибо с парализованным Храмом мы трое, возможно, единственные люди с Высшим Знанием, кто сможет выступить против какой бы то ни было дьявольщины, которую разрабатывает этот Хасти...

Джейта внезапно подняла голову, но посмотрела не на Налдамак, а на задний план поверх ее плеча. Их

палатка совета хорошо охранялась. На страже находились Поклявшиеся-на-Мече и отборные воины из личной охраны Херихора. И собравшиеся в палатке говорили тихими голосами, чтобы было невозможно подслушать. Тем не менее теперь рука жрицы взметнулась вверх в повелительном жесте, который заставил замолчать даже Кэндейс, оглядывавшую ее сузившимися глазами.

— Кто-то приближается.— Голос Джейты был чуть громче шепота.— Чужак...

Налдамак подала неприметный сигнал, и жрица встала с табуретки, отогнула часть висячего дверного занавеса и выглянула наружу. Секундой позднее она кивнула Кэндейс.

— Это не Хасти. Но кто-то из его племени.

Лицо Херихора отразило нарастающий гнев.

— Как тот умудрился проникнуть через внешнюю стражу? — яростно спросил он, возможно, не их, а этих самых стражников.

— Из этого явствует,— задумчиво сказала Налдамак,— что такой, как он, может проделать это. Так как тех, кто пришел к нам в пустыне, мы не видели до тех пор, пока они уже не стояли там перед нами. Приведите его ко мне.

— Солнце...— начал протестовать один из генералов. Однако Налдамак отрицательно покачала головой.

— Если я обязана моей жизнью и жизнью моих людей такому человеку, то не думаю, что он сейчас намеревается причинить мне вред. Приведи его, Дочь Эпидемека!

Жрица кивком головы выразила согласие и выскользнула в дверь. Тем не менее Херихор и два генерала демонстративно вытащили свое ручное оружие и хранили его наготове. Талахасси пододвинулась немного на складном стуле, так что ей можно было лучше видеть любого вошедшего.

В течение секунды или двух, когда он наклонил голову, чтобы пройти под дверным занавесом, который Джейта отдернула для него, потому что он был высоким человеком, она была уверена, что это сам Хасти, который с помощью какого-то трюка добрался до сердца их лагеря. И она наполовину привстала, чтобы выкрикнуть предупреждение. Затем она увидела, что, даже если они были из той же самой расы, между новоприбывшим и тем, кто держал Новую Напату под своей волей, существовало отличие.

Этот человек носил широкие одежды пустынного всадника, и все же она чувствовала, что это не был его обычный наряд. И он был старше, однако имел ауру врожденной властности, такую, какая могла проявляться только у члена Рода. В то время как он оглядывал Налдамак, то поднял руку ладонью наружу, в приветствии, которое они не опознали, но поняли, что с таким приветствием лицо высокого звания встречает лицо высокого звания, равный смотрит в лицо равного.

— Ты — Кэндейс Налдамак.— Это был полувопрос, полуутверждение.

— Это правда.— Херихор немного наклонился вперед, на его открытом лице ясно читалось подозрение.— А кто ты, чужеземец?

— Это не имеет значения, кто я,— ответил мужчина с той же властностью, которая была в манере его поведения, в самой его сущности.— Ваша Императрица обязана нам своей жизнью. Теперь мы просим кое-что взамен.

— Я знаю тебя...— тихо произнесла Налдамак.— Ты был третьим человеком в пустыне, тем, кто стоял в стороне и не подходил к нам. Да, я обязана вам жизнью, своей и тех, кто является моими самыми преданными слугами. Что ты хочешь от нас взамен?

— В городе находится человек, нашей крови и из нашего племени. Он нарушил наши обычаи и законы, придя сюда. Как мы нарушили их, разыскивая его. Тем не менее, мы должны это сделать, какую бы цену нам ни пришлось заплатить впоследствии. Он овладел вашим городом, он желает править здесь. Не считайте его незначительным противником, Кэндейс Налдамак, так как, когда он бежал оттуда, откуда мы все прибыли, то захватил с собой приспособления, находящиеся за пределами понимания вашего мира. Они должны быть уничтожены, человек — схвачен. Однако мы связаны клятвой не применять к нему нашего собственного оружия...

Джейта бесшумно возвратилась к группе, но не села на место. Вместо этого она осталась стоять, пристально глядя на чужака. Талахасси уловила замешательство, а потом нарастающее изумление, которое наполовину было благоговением, в выражении ее лица. Внезапно рука жрицы поднялась в воздух, и она начертила пальцем какой-то узор, незнакомый даже памяти Ашаки.

Человек, стоявший перед Налдамак, повернул голову,

встретил пристальный взгляд Джейты, чтобы ответить ей взглядом почти что угрожающим.

— Что ты делаешь? — требовательно спросил он.

Джейта неторопливо, во второй раз, начертила этот же символ.

— Ты не можешь знать...— В первый раз его внешняя самоуверенность слегка поколебалась, а затем он быстро добавил:

— Что такое знание сохранится...

— После всех этих столетий? — закончила Джейта его слова.— Я Дочь Эпидемека по прямой духовной линии, о, дальний путник, из тех, кто...

— Нет! — Его жест был запрещающим.— То, что ты знаешь, вообще противоречит всему, во что мы верим. Но, если ты знаешь, тогда ты также понимаешь, чем этот Хасти является и что ему нет места здесь. Это огромный и решающий проступок, который он совершил.

Налдамак перевела взгляд от чужеземца на Джейту, а потом снова обратно. Затем она заговорила решительно:

— Мы не собираемся спорить здесь о том, из какой части этого мира прибыл Хасти, предмет нашего разговора — как мы можем захватить его. Ты говоришь, человек из пустыни, что он обладает приспособлениями, находящимися за пределами нашего понимания. И все же ты не желаешь сам выступить против него. Как же тогда, по-твоему, мы можем захватить его? — спросила она с вызовом.

— Только вытащите его из собственного укрепления, или места, которым он завладел, и он будет захвачен нами.

Херихор невесело рассмеялся.

— Незначительное дельце, и легко выполнимое, ты хочешь сказать? Почему бы тебе самому не расставить сети на собственную рыбу, чужеземец? Мы узнали, что существуют потайные пути к его берлоге, и мы, действительно, исключительно охотно покажем их тебе.

— Я не могу принимать участия в ваших сражениях, Принц-Главнокомандующий. Так же, как у ваших собственных жрецов, у меня есть определенные ограничения, наложенные на меня, которые я не могу нарушить. Тем не менее в одном я предупреждаю вас — если вы проникните тайно в это его укрепление, разрушьте его полностью. Там имеются устройства, которые, опрометчиво примененные, могут не только обратить Новую Напату в пыль, чтобы осквернить землю, но также выпустить

смерть на весь ваш мир. Он прибыл хорошо подготовленным для того, что собрался совершить.

— Вновь овладеть, возможно, древним наследством? — Талахасси не знала, откуда пришли эти слова или почему она произнесла их вслух. Это произошло, как будто она повторила что-то, что не было рождено ни в той, ни в другой памяти, которые теперь обе стали ее.

Тотчас же этот пронизывающий, почти угрожающий пристальный взгляд был обращен на нее. Она испытала странное ощущение, как будто ее мысли зондировались. Инстинктивно, она усилила охрану того, что знала Ашаки, укрепляя ее частично силой, что всегда была ее собственной.

— Ты! — Он шагнул по направлению к ней, в его лице нарастающая угроза. Затем она уступила место замешательству.— Ты не...— начал он, а потом прервался.— Это несущественно, кто ты — ты не служишь ему. Но, пожалуй, из всей этой компании это ты можешь наилучшим образом противостоять ему. В тебе есть то, что является естественной преградой для сил, которые находятся в нашей власти. Я должен сказать, Кэндейс Налдамак, что эта девушка,— он неторопливо показал на Талахасси,— из всех твоих людей лучше всего подходит для борьбы с Хасти.

Херихор поднялся со своего места.

— Кто командует здесь, чужеземец? Кто ты такой, чтобы указывать нам, кому надо рисковать? Ты разговариваешь с нами, как генерал разговаривает с зеленым новобранцем, а мы не в подчинении у тебя...

— Твоя манера вести себя,— вмешалась Кэндейс,— не производит хорошего впечатления на моих офицеров. Я отношусь благосклонно к твоим предостережениям, однако наши военные планы остаются нашими...

Он исчез!

— Что!..— Херихор поднял оружие, но все, на что он смотрел, был только пустой воздух.

—Куда он девался? — Обратился один из генералов к Джейте, как будто она одна могла дать какой-то ответ на загадку.— Ты знала его, или подобных ему, Дочь Эпидемека. Кто они такие, в таком случае, он и этот другой дьявол, творящий свое зло в самой Новой Напате? Или это какой-нибудь секрет, слишком великий для наших умов?

— Это старый секрет, Настазен, и такой, каким я не имею права поделиться. Но кое-что я скажу — его род

был известен первым людям, которые обитали в Кхеме. И в течение нескольких поколений между нашими предками и теми существовало общение. Потом они ушли, однако оставили нам это знание, на котором основаны вся наша длительная история и учение. Что касается того, как он удалился — он, возможно, вообще не присутствовал здесь во плоти. Они были способны, как говорят нам легенды, облекать в материальную форму свое изображение на далекие расстояния...

— Создавать духов? — спросила Талахасси.

Джейта нахмурилась.

— Нет, эти духи, которые как помогали, так и преграждали тебе дорогу, рождены злодеянием Хасти. Они являются — или являлись когда-то — людьми нашего собственного рода, отправленными в межпространство ради замыслов Хасти — сферу, в которой они недостаточно плотно заблокированы, так что их мысли и страстные желания могут проникать к нам, если они накапливают энергию для этого, которую могут получить только посредством вытягивания ее из нас. Могут ли они быть возвращены с уходом Хасти — этого даже я не могу знать.

— Если Хасти также может ускользнуть впоследствии подобным образом,— заметил генерал Шабек,— похоже, что наша задача станет намного труднее. Может быть, чем скорее мы приступим к этому, тем лучше.

— Прошли чуть ли не сутки с тех пор, как Ашаки ушла из Новой Напаты. Мы не можем быть уверены, знает ли Хасти, где она теперь. Кажется, что, несмотря на свое хваленное могущество, он не смог обыскать дворец, иначе он бы проследил тебя до сюда, сестра. Следовательно, у силы, которой он владеет, возможно, есть какие-то пределы. Я думаю, что Номархи, которых созвала Идайзи, все еще не провозгласили Юсеркэфа Императором. Таким образом, будет лучше, если мы двинемся как можно раньше. Милорды,— обратилась Налдамак к генералам,— выводите соединения, которые вы сформировали. Я полагаю, что вы подобрали людей, которые не будут слишком взбудоражены этими «духами». Не забудьте сказать им, что Ашаки верит, что эти невидимки имеют достаточное основание ненавидеть Хасти; что один из них, по крайней мере, оказал помощь Принцессе в очень трудном положении. Ашаки... Джейта...

Налдамак помедлила.

— Я не посылаю других туда, куда не иду сама.

Мы направимся непосредственно во внутренний дворец. Я и половина моей охраны поднимемся по тайной лестнице в мои собственные апартаменты. Я должна сама появиться там. И...

— Я пойду в лабораторию.— Хотя Талахасси снова не намеревалась произносить это, слова сами слетали с ее губ.— Да,— отвергла она протест, ясно читаемый в выражении лица Херихора.— Этот чужак сказал, что я могу наилучшим образом противостоять Хасти. Так быть этому...

Рука Налдамак повисла над Ключом и Жезлом.

— Воспользуйтесь тогда этим, сестра.— Она пододвинула Ключ к Ашаки.— Это символ всего нашего учения. Следовательно, он может быть тебе полезен в этот час.

— Я пойду с ней.— Джейта подняла львиную маску, которая лежала рядом с ее сиденьем.— Как Дочь Эпидемека, я имею свои собственные определенные силы, как должен обнаружить Хасти.

— Так быть этому.— Кэндейс кивнула.— Мы двинемся, как только наступит глубокая ночь.

Талахасси никоим образом не рассчитывала, что будет идти обратно по зловонным путям канализационного коллектора, тем не менее, она шла здесь и во главе немалой компании, включающей Налдамак, которая двигалась между несколькими своими охранниками немного сзади, и Джейту, идущую плечом к плечу с ней.

Теперь у них было достаточно света, и хотя девушка внимательно следила за любым кажущимся сгущением воздуха, чтобы дать знать о присутствии духов, казалось, что они больше не охотились.

Они прошли под колодцем, который вел вверх, и здесь отделили половину их вооруженного отряда, которая под предводительством генералов должна подняться по этому проходу, чтобы попасть прямо за стены Новой Напаты. Если они смогут прорваться через то, чем бы ни завершался этот колодец, превосходно. Если они не смогут, то им придется опять идти вниз и воспользоваться дворцовым путем. Однако их спланированная стратегия покоилась на одновременных атаках с наружной стороны дворца и изнутри.

— Это странная дорога.— Голос Джейты звучал глухо из-под маски. Ашаки-Талахасси хотелось бы знать, фильтровала ли маска хоть немного эту ужасную вонь. Они шли медленно, тщательно выбирая точки опоры. Но

дополнительное освещение и общество облегчили ей переход.

В конце концов, они достигли подножия лестницы, что вела в апартаменты Кэндейс, и здесь двое охранников принялась за работу, выламывая камни, чтобы полностью открыть путь. Налдамак прикоснулась к руке Талахасси.

— Да будет с тобой удача, сестра. Это жестокое рискованное предприятие, опасная игра, ставками в которой будут не только наши собственные жизни, а также сам Амон. Если мы потерпим неудачу, Амон погибнет. Используй Ключ, когда у тебя возникнет необходимость, а я таким же образом использую Жезл.

— Да придет и к тебе удача,— у Талахасси хватило сообразительности, чтобы ответить. Даже память Ашаки не могла дать ей ощущения близости к этой решительной женщине. С самого детства они вели различный образ жизни. Тем не менее, в том, что она могла довериться Налдамак, в этом Талахасси была весьма уверена. Со временем она должна доверить ей последний секрет из всех — что Ашаки больше нет.

С Джейтой, тремя амазонками охраны и двумя воинами, которых она взяла по настоятельному требованию Херихора, Талахасси устремилась к собственной твердыне Хасти. По пути туда она встретила духов.

Она услышала слабый вздох Джейты, которая подняла руку, скрестив пальцы определенным образом. Талахасси взмахнула Ключом, его обычное сияние затерялось в свете фонарей. Однако она чувствовала рукой тепло, испускаемое им, как будто он теперь распространял энергию, природы которой она не могла понять, даже со знанием Ашаки.

Движения не было, только это ощущение кружащихся существ, как будто невидимые пальцы дергали их одежду, теребили волосы, пытаясь всевозможным образом привлечь их внимание. Не поворачивая головы, Ашаки объяснила.

— Здесь те, о которых вам говорили,— спокойно сказала она.— Они не могут причинить вам вред. Возможно, они склонны, в некотором роде, оказать нам помощь.

Те, кто сопровождали ее, не ответили, но она могла ощущать их беспокойство от такого общества. И она высоко оценила их мужество, когда они двинулись дальше, почти не производя шума ботинками по древнему камню, с решительностью, означавшей, что они выдержат

большее, чем то, что сейчас демонстрировали духи, чтобы помешать их замыслу.

К несчастью, впереди как раз *могло* находиться нечто более определенное. Какие предохранительные приспособления Хасти был способен разбросать вокруг центра своей деятельности, девушка не имела понятия, однако он сам мог вооружиться после ее побега.

Увидев впереди лестницу, она отдала приказ погасить фонари. Медленно поднимаясь по этим ступенькам, они делали остановки, чтобы прислушаться к любому звуку впереди. Духи были частью их компании. Они по-прежнему не выказывали желания к общению. Может быть, они также выжидали, чтобы быть уверенными, что Хасти не приготовил засаду.

Делая один весьма осторожный шаг за другим, две женщины поднимались все выше, вслед за ними — остальные. Не включая фонарей, передвигаясь только с помощью Ключа, испускавшего исключительно сильно сияние, Талахасси вступила в коридор, Джейта следовала на шаг позади. Она ожидала увидеть хоть какой-нибудь свет, возможно, из-за двери лаборатории, но если там кто и был, дверь, по-видимому, была плотно закрыта.

Прошептав, чтобы они теперь расположились чуть дальше впереди, Талахасси придвинулась поближе к стене, так что ее плечо задевало о поверхность, когда она передвигалась. Дверь не могла быть слишком далеко. Нет... в свете Ключа она увидела здесь ее гладкие филенки. Тем не менее, не было никакого указания на отверстие какого-нибудь замка. Дверь могла быть так же запечатана, словно заложенная камнями, что раньше закупоривали другой путь.

Талахасси провела ладонью по поверхности, вверх и вниз на длину руки в оба направления. Не было ничего, за что она могла бы ухватиться. А когда она надавила, сначала осторожно, а потом с гораздо большей силой, дверь осталась неподвижной.

Оставался Ключ. Она не подвергала его какому-нибудь такому испытанию. Раньше она пользовалась только Жезлом. Но если это *действительно* ключ, каким же еще лучшим образом она могла использовать его? Сконцентрировавшись на том, что она держала, она подняла крест, ухватив его за петлю на верхушке, и придвинула его нижнюю часть к поверхности двери, как будто в самом деле вставляла ключ в замок. В то же самое время она почувствовала, как рука Джейты сжала ее руку, в ко-

торой находился Ключ, и от этого контакта излилась сила, гармонировавшая с ее собственной, так что анк питался их объединенными волями.

Последовала вспышка с фейерверком искр... хотя не такая интенсивная, как тогда, когда Жезл ударил в клетку, в которой Хасти ранее запер ее. Затем... защитный барьер, который удерживал дверь, почти мгновенно исчез. От ее толчка дверь широко распахнулась, почти ударившись о внутреннюю стену, двое охранников поспешили вперед, оттеснив их, чтобы прикрыть и ее, и жрицу от любого возможного нападения, если потребуется, своими собственными телами.

Однако внутри никого не было. Талахасси могла видеть клетку, до сих пор стоявшую с прожженным отверстием в стенке. И здесь же находилось все остальное из множества принадлежностей, что заполняли столы, выстроившиеся в ряд у стены. Тем не менее кое-чего недоставало. Талахасси постаралась припомнить, чего именно.

Очень скоро она поняла. Это было покинутое рабочее место: ничего не пузырилось, не бурлило и не щелкало. Активность, которую она видела прежде, прекратилась. Означало ли это, что Хасти бежал, получив какое-то предупреждение о их приближении? Талахасси не верила, что это было так, скорее всего, он перенес свою деятельность куда-нибудь в другое место. То, что осталось здесь, возможно, теперь ничего не стоило, однако они, безусловно, должны сделать все это непригодным к употреблению.

— Будь осторожна, моя принцесса,— сказала Джейта, как будто она прочитала мысли девушки.— Здесь до сих пор может быть многое из того, что опасно. Мы должны действовать осторожно, пока не поймем, что к чему.

Талахасси признала благоразумие этого предупреждения. Но как м о г л и они разобраться? Или остеречься опасных предметов, с которыми они никогда прежде не сталкивались? В своем собственном времени и мире она обладала только самым поверхностным знанием химии или физики. К чему она могла приблизиться, когда ее так ограничивало предупреждение.

— Ключ укажет нам,— вновь подсказала ей Джейта.

Ашаки-Талахасси прошла вперед к ближайшему столу, вытянув руку, державшую Ключ. В то время как охранники сторожили у входа в помещение, она неторопливо двигалась вдоль столов; в течение этого времени Ключ дважды перемещался в ее руке, показывая вниз

подобно лозе рудоискателя. Один раз это произошло над небольшим металлическим ящиком, а затем над лабораторным стаканом, наполненным ядовито-желтой жидкостью. Каждый раз Джейта брала, что было указано таким образом, и относила это к сломанной клетке, располагая свои трофеи внутри. Еще два ящичка и жезл, не такой длинный, как талисман, однако, до некоторой степени, похожий на него кое-какими характерными чертами, за исключением того, что ему не хватало львиной головы, были присоединены к уже унесенным вещам, прежде чем они закончили.

Потом Талахасси подозвала двоих охранников, в то время как остальные остались на страже.

— Уничтожить,— приказала она и показала на столы.

Быстро продвигаясь вдоль них, они разбили и искрошили все. У стены находился ящик, похожий на картотеку, и из него Талахасси сама выхватила содержимое: листы плотной бумаги, покрытые чертежами и диаграммами, незнакомыми ей. Она бросала их в клетку, пока они не нагромоздились кучей над вещами, которые Ключ выделил как опасные. Так как теперь она знала, как положить конец им и, может быть, всей этой дьявольской комнаты.

— Наружу... все вы! Двигайтесь к лестнице Кэндейс и не теряйте зря времени!

— Что ты собираешься делать? — спросила Джейта, пока хорошо обученные воины выполняли то, что им было приказано.

— Я хочу кое-что попробовать, чтобы этот источник бед Хасти никогда не мог быть снова использован! Ты также отойди к двери, Дочь Эпидемека. Потому что то, что я собираюсь высвободить здесь, может представлять серьезную опасность. И возьми это.— Она сунула Ключ в руки жрицы.

Джейта отошла, теперь она находилась у двери. Руки Талахасси протянулись к этим четырем кнопкам на передней панели ящика, которые контролировали клетку. Возможно, при бегстве из этой тюрьмы она сломала прибор. Тем не менее, она должна попытаться.

Кончики ее пальцев легли на кнопки и нажали — энергично.

Проволочная сетка в задней части, где она до сих пор была неповрежденной, накалилась. Она отпрыгнула назад, толкая Джейту перед собой, чтобы достигнуть наружной стены.

— Лестница... нам надо добраться до лестницы! — громко закричала она, крепко сжав руку жрицы и увлекая ее вперед.

Глава 17

Они уже находились далеко внизу на лестнице, ведущей на нижний уровень, слыша топот ботинок охранников по камню впереди них и видя лучи их фонарей, когда пришел ответ на дерзкий поступок Талахасси. Раздался грохот и взметнулся неистовый шквал огня — сзади. Толстые стены вокруг них дрогнули.

Обе женщины прыжками преодолели последние несколько ступенек, на что не осмелились бы раньше. Звук оглушил их, однако Талахасси подала знак рукой двигаться дальше, и они бросились вперед ко второй лестнице, ведущей в апартаменты Кэндейс. Тут они стали медленно подниматься гуськом, и она шла последней, тяжело дыша и чувствуя головокружение от сотрясения при взрыве.

Наверху они встретили Налдамак и Монигу. Села была у двери внешней комнаты, внимательно прислушиваясь. Талахасси увидела, что губы Налдамак шевелятся, как будто она задала какой-то вопрос, и покачала головой.

— Шум... я не слышу,— сказала она.— Но мы уничтожили, я надеюсь, многое, что Хасти мог бы использовать против нас.

Она опустилась, судорожно глотая воздух, на край постели Кэндейс. Села принесла ей бокал воды, и она жадно выпила.

Занавеси на окнах, выходящих в сад для уединения, были раздвинуты, так что ночной ветер, наполненный ароматом цветов, успокаивающе обвевал ее разгоряченное лицо и руки. Было хорошо сидеть здесь и не заботиться о том, чтобы принимать решения.

Ее слух постепенно восстановился.

В коридорах слышались крики... более приглушенный шум доносился из города. Налдамак стояла у одного из окон, выходящих в сад, слегка наклонив голову, в то время как она внимательно прислушивалась и, возможно, таким образом делала вывод, что же могло случиться, прямо из волн шума. Талахасси увидела, что ее губы шевелятся, и на этот раз уловила шепот, которым она говорила:

— Храм открыт... Зихларз обратился к нам...

Через внешнюю комнату быстро прошла амазонка, отсалютовала Кэндейс.

— Солнце Славы, препятствия в воротах прорваны. Однако воины Слона многочисленны.

— Если я покажусь сама,— быстро решила Налдамак,— тогда они будут выглядеть явными мятежниками, и я не думаю, что после этого у них найдется какая-нибудь причина для бунта.

— Солнце...— Амазонка попыталась загородить ей дорогу.— Ты всего лишь человек. Один-единственный удар, направленный злой фортуной, располагающей этим, может убить тебя. Нас недостаточно, чтобы оградить тебя...

— Есть кое-что, чего не ведает никто из воинов Слона,— возразила Кэндейс.— Мы пойдем к Храму по внутреннему пути.

Львиная маска Джейты согласно кивнула, и Талахасси неохотно встала. Это было дело Ашаки, но память теперь так разрослась в ней, что она не могла противиться.

Амазонки сомкнулись вокруг Налдамак и двух ее спутниц. Они пробирались по коридорам, дважды видя мертвых, скорчившихся у стен. Их вооруженные отряды встретили сопротивление даже здесь, в сердце дворца Налдамак. Внизу по другому лестничному пролету... в отдалении крики, щелкающие звуки выстрелов. Затем они вошли в потайной путь к Храму, путь, который закрывал Хасти.

Кэндейс теперь уже бежала, и Талахасси упорно старалась держаться наравне с ней, хотя она устала и все еще, до некоторой степени, была ошеломлена взрывом в лаборатории.

Однако, когда они достигли другого конца этого коридора, то наткнулись на врагов. Амазонки охраны закрыли Налдамак, чтобы сформировать защитную стену из собственных тел, применив свое оружие, чтобы уничтожить тех, кто находился в шоковом состоянии от встречи с ними. Очевидно, когда невидимый барьер Хасти перестал действовать, он отправил сюда воинов с отдаленного юга, людей, которые никогда не признавали убеждения Амона полагаться на жрецов.

Позади этих воинов Талахасси увидела какое-то тело, закутанное в белую храмовую одежду... белое, испещренное теперь алыми пятнами. Но амазонки также нашли цели. И Талахасси, движимая ужасом Ашаки перед тем, что могло случиться, метнулась к Кэндейс, прижав ее

к полу коридора, как раз тогда, когда над их головами пролетел огненный луч, выстрел из оружия, неизвестного ей.

Амазонки рванулись вперед, их боевой клич заглушил шум стрельбы. Это было то самое неистовство женщин, чья мифическая воинственность являлась легендой в течение многих поколений, которое, должно быть, потрясло варваров, как бы ни жаждали они битвы. Они проиграли сражение, инертная масса под неудержимым натиском приведенных в исступление женщин.

Схватка закончилась, едва начавшись. Тем не менее три амазонки лежали среди мертвых, когда Кэндейс и Талахасси с трудом встали на ноги.

— Кровь в Храме,— воскликнула Джейта.— Какое богохульство они учинили там?

— Зло,— ответила Налдамак. Она обратилась к амазонкам: — Поклявшиеся-на-Мече, вот что я скажу вам, которые послужили мне жизнью и смертью. Вы — мои сестры по оружию.

— Солнце,— ответила их капитан, прижимая к груди руку, из которой струилась кровь,— это наша привилегия — выравнивать тебе тропу. В выполнении долга воина нет доблести. Однако, кажется,— она кивнула на мертвого жреца,— что эти порождения порока уже вошли туда. Молю тебя, будь осторожна...

— Чтобы я не перечеркнула все то, что вы сделали? Да. Жизнь, за которую было заплачено кровью друзей, не должна быть потрачена зря. Но внутри находится то, что может прекратить это кровопролитие.

Они осторожно пошли дальше по нижнему ярусу Храма, амазонки впереди — как разведчики. Налдамак обратился к Талахасси и Джейте:

— Здесь не все благополучно. Разве вы не чувствуете этого? Вокруг нас безмолвие, где должна быть сила.

В памяти Ашаки всколыхнулся страх. Да, у членов Рода, когда они входили сюда, должно было бы появляться незамедлительное ощущение прибытия в родной дом, восприятие товарищества. Неужели... Хасти всем здесь принес смерть? Никто, ни мятежник, ни даже южный варвар, не осмелился бы на такое действие. У них были свои собственные боги и колдуны, тем не менее большинство их относилось с благоговейным страхом к Могуществу Храма, несмотря на то, что это, вероятно, было чуждым им.

Джейта предупреждающе подняла руку.

— Не пытайтесь искать! — скомандовала она.— Такой мысленный призыв может быть предупреждением. Мы должны двигаться вперед только в теле, храня наши разумы закрытыми.

Они подошли к подножию лестницы, ведущей в огромный центральный зал, подлинному сердцу Храма. Теперь Талахасси увидела, что Жезл в руке Налдамак стал символом власти сверкающего великолепия, испускающего яркое свечение. А Ключ, который держала Джейта, интенсивно засиял в ответ.

У подножия лестницы Кэндейс повернулась к амазонкам.

— Сестры, здесь мы расстанемся, потому что никто, кроме людей с Силой, не может войти в сокровенный путь — не из-за какого-нибудь стремления к секретности, а так как вы сами сгорите в огне, который сосредоточен здесь и которому только посвященные могут противостоять.

— Солнце,— запротестовала капитан,— если варвары прошли этим путем перед вами...

— Тогда они уже мертвы или безумны,— ответила Налдамак.— Это Сила. Я, вашими же Клятвами, запрещаю вам следовать за мной.

Капитан выглядела так, как будто она хотела бы вторично запротестовать, однако Налдамак уже поднималась по лестнице, и Талахасси пристроилась слева от нее, на шаг позади, Джейта — справа от нее.

В одиночестве, трое медленно поднимались все выше, и все это время они прислушивались, скорее их разумами и телами, чем ушами. Вполне могло быть, что они восходили в место смерти. Ибо то, о чем предупреждала Кэндейс, являлось правдой: никто из неподготовленных находиться в эманациях этого места не мог выдержать концентрации силы, которую из поколения в поколение накапливали здесь отзывающиеся на Талант. Подобно Жезлу и Ключу, это было хранилищем, только гораздо большим, всей Силы, из которого они все черпали по мере потребности.

Они вступили в грандиозный зал. Сами стены здесь светились от пульсаций энергии. И в этом свете они увидели тех, кого пришли разыскивать. Дюжина мужчин и женщин, облаченных в белые одежды, большей частью, старых. И впереди их сам Зихларз, его темное лицо тоньше, заостреннее, но по-прежнему властное.

Стоящий перед ним лицом к лицу... Хасти!

И в тот же миг Талахасси поняла, что происходило. Они были вовлечены в безмолвную дуэль.

Чужак, взявшийся неизвестно откуда, прикрыл свой разум каким-то собственным тайным способом, а в его руках находился обруч из ярко блестящего металла, который он пытался сфокусировать так, чтобы пробить защиту храмового сообщества.

Они были настолько погружены в это единоборство, сила против силы, что казалось почти лишенными жизни для любого ментального зондирования. Ни одно выражение лица в этой молчаливой компании жрецов и жриц не изменилось, когда Налдамак со своими спутницами быстро прошла за спину Хасти.

Кэндейс сейчас держала пылающий жезл, как охотник — копье, поднеся его почти к самому плечу. И она медленно продвигалась к правой стороне неподвижного Хасти, как будто хотела как можно ближе подойти к нему, прежде чем атаковать.

Она остановилась, и ее две спутницы встали рядом с ней. Джейта, державшая высоко, на уровне сердца, ярко горящий Ключ, протянула вторую руку и коснулась плеча Налдамак, оставив достаточно пространства для Жезла. Память Ашаки заставила Талахасси сделать то же самое с левой стороны Кэндейс.

Это было подобно заталкиванию рук человека в огонь. Тело, которого она коснулась, было таким горячим, что это чуть не побудило Талахасси отдернуть пальцы. Теперь шел отток из ее собственного тела в тело Налдамак.

В ту же самую минуту Хасти повернул голову, хотя они подошли беззвучно по полу, выложенному мозаикой. Его глаза расширились, но он не шевельнулся.

Налдамак метнула Жезл. Это был искусный, направленный в цель бросок, в результате чего тот прошел через обруч из металла, который держал в руках Хасти.

Он откинул голову назад и расхохотался.

— Тебя не так легко победить, Повелительница Магии.

— Чужеземец... твое время здесь истекает. Выбирай — смерть или уход...

— Какую смерть, Кэндейс? Взгляни на свой Жезл — он выходит из игры.

Это была правда. Жезл на полу Храма утратил свою яркость, как сереет и покрывается пеплом прогорающий уголь в топке. Однако на лице Налдамак не было никакого ужаса.

— Дух Амона не умирает, чужеземец.— Она протянула руку, и Жезл, поднявшись с пола, вернулся к ней. В ее руке он сразу опять расцвел с той же самой яркостью, хотя Талахасси почувствовала, как возрастает отток ее энергии в Королеву, когда блеск усиливался.

— С этим,— Хасти держал обруч чуть-чуть повыше, как будто хотел, таким образом, привлечь все их внимание,— я могу истощать ваш «дух» снова и снова и, тем не менее, не получу при этом никакого вреда для себя.

— Дочь Эпидемека,— прозвучал голос Зихларза, обрывая высокомерные слова Хасти,— кого ты привела с собой в это место?

Он указал в пространство между Хасти и Кэндейс. Талахасси могла видеть завихрение воздуха, хотя она все еще не ощущала присутствия духов.

— Спроси их, кто и что они есть, Сын Эпидемека,— ответила Джейта.— Они отыскали нас в темноте, однако более страстно разыскивают другого.

Хасти вновь рассмеялся.

— Они являются моими отбракованными марионетками, жрец. Я могу преобразовать людей в подобных им. Они служили мне, но недостаточно прилежно. В настоящий момент они наверняка прибыли выпрашивать жизнь еще раз. Они слишком слабы, чтобы причинить мне вред.

— Открыватель Запретных Ворот,— ответил ему Зихларз,— может быть, ты слишком широко распахнул их?

В воздухе присутствовали три завихрения. Они переместились, чтобы окружить Хасти с трех сторон. Но он пожал плечами и улыбнулся.

— Я не тот человек, которого можно отогнать от цели призраками... или таким «Знанием», за которое ты цепляешься, старик. Талант становится очень редким, не так ли? И мои механизмы, в конце концов, возьмут над ним верх.

Тогда Талахасси подала свой собственный голос.

— Акини! — позвала она.— Я называю твое имя, я даю тебе то, что могу предложить...

Она протянула руку, которая оставалась свободной. Однако она не разорвала контакт с Кэндейс и через нее с Джейтой. Одно из замутнений в воздухе, находившееся позади Хасти, подлетело ближе.

— Она назвала имя! — голос Зихларза заполнил весь величественный зал.— Пусть Сила будет ее!

Точно так же, как энергия вытекала из нее, когда Налдамак использовала Жезл — по-видимому, безуспешно — сейчас она устремилась в нее.

Плоть ее трепетала по всей длине стройного тела. Она могла чувствовать движение на коже своей головы, как будто ее подстриженные волосы шевелились, каждая прядь поднимающаяся для выделения какой-то силы.

Что-то коснулось ее открытой ладони — такое холодное, что это было подобно толчку боли после удара кинжалом. Тем не менее, Талахасси стояла непоколебимо. И от этого прикосновения, как это случилось в клетке, потекла субстанция, извлекаемая из нее, всасываемая существом в воздухе.

Она увидела, что Хасти полуобернулся и повернул свой обруч в ее направлении, но между ним и ею скользнули две другие пертурбации воздуха, так что его фигура заколыхалась перед ее глазами. Однако она не опустила руку, и существо, что кормилось за счет ее силы, продолжало получать питание.

То, что формировалось в воздухе, не обладало сходством с человекоподобной формой, хотя это было то, что она ожидала увидеть. Скорее, это была змея, все время уплотнявшаяся, вытягивающаяся, питающая не только себя, но и своих компаньонов также. Теперь она могла смутно слышать нарастающее пение Джейты, видела справа краешком глаза, что Жрица использовала сверкающий Ключ, чтобы чертить в воздухе линии, которые тускло светились и оставались даже после того, как Ключ отодвигался.

Талахасси подумала, ощущая внезапный страх, что ее сила, которая была истощена, скорее всего, бессмысленно, не возвратится. Однако существо, которому она разрешила прикрепиться к ней, не ослабило своего высасывания. Обрекла ли она всех их на неудачу?

— Акини! — возвал Зихларз.— Дверь готова... вы можете уйти!

Змееподобное создание отпустило ладонь девушки, и ее рука безвольно упала. Она могла видеть, даже не поворачивая головы, что здесь в самом деле существовала дверь, нарисованная в воздухе.

Тем не менее Хасти, губы которого плотно прижались к зубам, а в глазах был виден след безумия, был поднимающим свой обруч, не нацеленный больше на жрецов и жриц, которым он так долго не давал передышки, а скорее, как будто он хотел сфокусировать всю силу,

которую держал под контролем с помощью обруча, на двери в воздухе.

— Акини! — После призыва Зихларза ее собственный голос казался очень слабым и тонким, как будто пришел не из ее губ и горла, а с далекого расстояния.

Змей извивался в воздухе, образуя петли, как будто радуясь, что обрел себе пусть даже и такую форму. Однако ни он, ни кружащиеся духи не сделали никакой попытки пройти через этот проход, который Джейта предоставила для них. Дверь сюда оттуда, где бы это ни было. И все же они не ушли.

Вместо этого, завитки продолжали оставаться между Хасти и тремя женщинами, которым он угрожал. А змееподобное создание... оно метнулось к нему, как, возможно, лассо, брошенное в собственном мире Талахасси, чтобы поймать дикого быка. Оно поднялось само выше уровня его рук и обруча, нацеливаясь на голову. Он попытался увернуться, уронил предмет, который держал, подняв руки, чтобы отогнать змея.

Но оно не отступило. Обвившись вокруг его головы, оно полностью скрыло его очертания, охватив непосредственно лицо. Он безуспешно пытался отодрать это, идя шатаясь вперед. Теперь завитки расположились с каждой стороны, так что, когда он спотыкался и качался, его, казалось, бросало от одного к другому: они хранили его в вертикальном положении и подгоняли вперед. Они направляли его, ослепленного и, вероятно, задыхающегося под змеиными кольцами, в дверь, которую открыла Джейта.

Он сделал шаг, затем другой... и... исчез! Дверь также исчезла как раз тогда, когда он прошел через нее, оставив внушающее суеверный страх ощущение пустоты в зале, как будто что-то было завершено, забрав при этом часть их жизни таким способом, который Талахасси не могла описать даже для себя.

— Но... я думала, что им хотелось пройти через дверь к нам,— озадаченно сказала она. Обитатели Храма устремились вперед.— Почему они не прошли через нее?

— Возможно, они не могли. Они были слишком давно высланы в это существование. А более всего им хотелось,— неторопливо произнесла Джейта,— того, кто отправил их туда.

— Тогда... он станет духом...— Талахасси могла видеть опасность этого. Она воспринимала угрозу от этих других, а они были слабаками по силе целеустремлен-

ности, хотя уподоблялись чужеземцу из пустыни. Что если бы Хасти возвратился, для того, чтобы таким образом преследовать их?

— Они закрыли дверь, Дочь.— Зихларз стоял рядом с ней.— У тебя хватило мужества вступить с ними, некоторым, образом, в деловые отношения, и теперь они убрали того, кто один имел силу разрушить все, чем мы являемся и что нами сделано.

— Он был...— сказала Джейта, но Зихларз предупреждающе выставил руку.

— Не будем говорить вслух о том, кто он был. Такое знание погребено в прошлом и погребено основательно. Достаточно того, что он не из нашей плоти и не из нашего мира.

— Существуют те, кто пришел, разыскивая его,— сказала тогда Налдамак.

— Они узнают своим собственным способом, что он ушел. И в такое путешествие, в которое даже они не готовы отправиться. Время и пространство могут быть покорены человеком... но остаются другие измерения, к которым мы не осмеливаемся подступиться, если хотим остаться людьми.

Талахасси сидела в саду Кэндейс. Город, который находился в смятении, теперь патрулировался лояльной стражей. К тому же, Храм был открыт, так что оттуда истекал мир, который мог умиротворить возбужденные умы и успокоить мятущиеся души.

Мятущиеся души! После исчезновения Хасти она ловила себя на том, что время от времени всматривается в воздух, прислушивается, отправляя это внутреннее восприятие, с помощью которого Ашаки так много сделала, для определения чуждой мысли, чуждого духа. Было ли правдой то, что, когда Хасти был уведен «марионетками», которых презирал, он на самом деле был блокирован от этого мира? Был ли он так же быстро переброшен в другое пространство-время, как была она — в руины древнего Мероэ?

Другое пространство-время...

Сегодня вечером она была Талахасси, в то время как сидела здесь в сумерках одна. Хотя ее выпачканная униформа сменилась элегантным платьем той, чью личность она заимствовала, а голову покрывал церемониальный парик, она не была Ашаки!

Она размышляла о том, на что намекала Джейта на

последнем совете, который они провели несколько часов тому назад,— что Хасти пришел из пространства, а не из времени. Что структура Кхема самого в самые ранние дни была установлена в результате экспериментов, выполненных умами не из этого мира, и что их кровь и таланты сохранились в некоторых потомках, чтобы стать частью иного пути познания, направленного на духовную суть. Таким образом, люди, чьи далекие предки были знакомы со звездами, в настоящее время предпочли раньше познать себя, возможно, полнее, чем кто бы то ни было из их рода в минувших веках.

Они больше не видели этого второго чужеземца. Возможно, думали они, это правда, что он и те, кого он представлял, узнали о судьбе своей дичи и ушли после этого своими собственными дорогами.

Однако здесь осталась Талахасси Митфорд, которая также была не из Амона и которая теперь должна уйти своей дорогой. Она видела, как Джейта открыла дверь, через которую удалился Хасти. Тем не менее, ей не хотелось быть запертой в нежизни духа. Если была возможной дверь между ее миром и этим, то она должна быть настоящей...

— У тебя странные мысли, Царственная Леди.

Талахасси подняла глаза от затененной дорожки у ее ног. Джейта и Налдамак, и с ними Херихор, с рукой на перевязи, свидетельствующей о том, что он, как Принц-Главнокомандующий, не только приказывал, но и вел своих воинов в бой, и, наконец, Зихларз — все они находились здесь. Этим четверым она должна теперь рассказать правду, что бы ни случилось в результате этого.

— Я не ваша Царственная Леди. Ты,— она обратилась непосредственно к Джейте,— знаешь, кто и что я есть. Теперь прошу вас, поскольку я послужила вашей цели, позвольте мне уйти.

Джейта, вероятно, поделилась своим знанием с другими. Даже в этом тусклом свете Талахасси могла видеть, что никто не выказал удивления...

— Дочь моя...— начал Зихларз, но она перебила его:

— Лорд Жрец, я не ваша дочь и не из вашего рода!

— Нет, ты менее и более...

— Менее и более? Как может человек быть и тем, и другим?

— Потому что каждый из нас формируется с рождения, не только через кровь и наследственность, заложенных в нас, но также через тех, кого мы любим и кто,

в свою очередь, любит нас, через знание, предоставляемое нашим жаждущим умам для познания себя. Ты не Ашаки — хотя Ашаки, частично, стала тобой,— но ты не сможешь, на самом деле, никогда вырвать ее из своей памяти и мышления. Однако ты также являешься собой и, следовательно, обладаешь иными качествами... которые присущи тебе одной.

— Можете ли вы отправить меня назад? — резко спросила она.

— Нет.— На Джейте теперь не было ее львиной маски, и в сумерках ее лицо выглядело очень усталым и осунувшимся.

— Почему? — Она видела, как жрецы занимаются делами, которые она считала невыполнимыми.— У тебя есть Ключ, а у Налдамак — Жезл... а ты,— теперь она обращалась к Зихларзу,— обладаешь всем знанием Высшего Пути.

— Должен быть якорь, чтобы притянуть человека,— сказала Джейта.— Когда были посланы Акини и те другие — безымянные существа,— они были притянуты силой Жезла... чтобы, в первую очередь, забрать и спрятать его. Затем Жезл был доставлен в такое место, где когда-то существовал подобный ему предмет. Когда был похищен Ключ, он также, возможно, был перенесен туда, поскольку там находился Жезл, чтобы притянуть его.

Однако, когда Ашаки, в свою очередь, отправилась на поиски, ее рука на Жезле и Ключе, ее право держать и взывать к ним было таким, что оно также притянуло тебя. Так как ты являлась — в своем мире — человеком, которым бы она была, если бы жила в твоем времени и пространстве — вы были равны по своей сути. Неужели ты думаешь, что, в противном случае, воспоминания Ашаки могли бы быть переданы тебе? Теперь якоря, находящегося по ту сторону, нет. Когда Акини и те другие не были притянуты вовремя назад — ты видела, во что они превратились. Потому что в твоем мире они, по-видимому, не имели аналогов... так что они потерялись между мирами. Хасти, возможно, тоже потерялся. Мы надеемся, что подобные ему не существуют где-нибудь в другом месте.

Ашаки погибла, поскольку не могла перетянуть свое второе существующее «я» из одного мира в другой, не отдав всей энергии своего тела. Для тебя не осталось двери, потому что там ничего нет, что привязывало бы тебя.

— Ты — Ашаки и ты — более...— в первый раз заговорил Херихор.

Налдамак протянула обе руки.

— Принц-Главнокомандующий говорит правду, сестра. Был ли этот твой другой мир настолько мил тебе, что ты не можешь жить без него? Если бы там имелся горячо любимый человек, может быть, что смогло бы вытянуть тебя. Но если бы это было на самом деле, то об этом было бы известно Сыну Эпидемека. Поэтому я говорю тебе, сестра,— ты не менее чем Ашаки в наших глазах. Теперь взгляни на нас и прочти правду!

Испытывающий взгляд Талахасси прошелся по лицам тех, кто разделил ее секрет. Ашаки... всегда Ашаки, более или, может быть, менее... однако, никоим образом, не дух вне времени. Здесь она была реальной, приветствуемой. Она взяла руки Налдамак, предложенные ей, и *приняла все остальное*, что было в их лицах и сердцах, когда они смотрели на нее.

ГАРАН ВЕЧНЫЙ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Часть 1

1. Сквозь голубой туман

Через шесть месяцев и три дня после того, как вконец измученная Великой войной 1985—88 годов Земля подписала Шанхайский мир, в парке Нью-Йорка на скамейке сидел молодой человек и безнадежно разглядывал гравий под своими скверными, изношенными башмаками. Его научили сидеть на месте пилота в контрольной кабине истребителя, и больше ничему. Поиски надежного места в цивилизованном мире стоили ему здоровья и гордости.

Кто-то подошел и сел на другой конец скамейки. Летчик внимательно оглядел его. Вот у этого типа приличная обувь, теплое пальто, и весь его вид свидетельствует о том, что он обеспечен и доволен жизнью. Хотя человек этот был уже не первой молодости, он был легок в движениях и выглядел подвижным и деятельным.

— Не вы ли капитан Гарайн Фитерстон?

Удивленный летчик кивнул. Два года назад он, капитан Гарайн Фитерстон из Объединенной Демократической Армии, руководил опасным истребительным рейдом в опустошенных странах Азии и нанес сокрушительный удар большой экспедиционной армии, тайно сгруппировавшейся там. Это было эффективное дело и принесло пережившим его некоторую славу.

Новоприбывший достал из бумажника газетную вырезку и показал ее летчику.

— Вы — тот человек, которого я ищу,— сказал незнакомец, пряча вырезку обратно.— Храбрый, инициативный и умеющий думать пилот. Человек, командовавший таким рейдом, стоит того, чтобы в него вложить деньги.

— Это — предложение? — устало спросил Фитерстон. Он уже не верил в удачу.

— Я Грегори Фарсон,— сказал тот, как будто это было ответом на вопрос.

— Антарктический человек?

— Именно. Как вы, вероятно, слышали, моя последняя экспедиция была остановлена неожиданным распространением военных действий на тот район. Теперь я снова собираюсь плыть под парусами на юг.

— Но я не понимаю...

— Каким образом вы можете мне помочь? Очень просто, капитан Фитерстон. Мне нужны пилоты. К сожалению, большинство из них взяла война. Мне повезло, что я встретил такого, как вы...

Это было действительно просто. Однако Гарайн окончательно поверил в это, лишь когда они через несколько месяцев достигли ледяного берега полярного континента. Увидев на берегу три больших самолета, он заинтересовался движущими мотивами, которые скрывались за планами Фарсона.

Когда грузовой корабль отплыл, чтобы вернуться только через год, Фарсон собрал всех. В группе было трое летчиков — все ветераны войны, и два инженеры, которые большую часть своего рабочего времени тратили на вычерчивание карт.

— Завтра,— шеф оглядел всех,— мы отправляемся вглубь страны. Сюда,— он указал на красную линию на разложенной перед ним карте.— Десять лет назад я участвовал в экспедиции Вердена. Однажды, когда мы летели к югу, наш самолет попал в какой-то причудливый поток воздуха и сбился с курса. Мы летели вслепую и вдруг увидели вдалеке плотный голубой туман. Он как бы поднимался прямой линией от плоскости льда к небу. К несчастью, горючее у нас было на исходе, и мы не рискнули приблизиться, чтобы исследовать этот туман, и повернули назад, к базе.

Верден, кстати, не заинтересовался нашим рапортом, и мы так и не провели исследования. Три года назад экспедиция Каттака искала по приказу Диктатора залежи нефти и тоже видела этот туман. Так вот, сейчас мы отправимся его исследовать!

— Почему,— спросил с любопытством Гарайн,— вы так жаждете попасть в этот туман?

Фарсон замялся было, но ответил:

— Есть предположение, что подо льдом, покрывающим этот континент, скрываются богатые залежи минералов. Я думаю, что этот туман является результатом какой-то формы вулканической активности и, возможно, трещин в земной коре.

Гарайн хмуро смотрел на карту. Он не очень верил этому объяснению, но Фарсон платил, так что Гарайну пришлось откинуть сомнения,— приходится прощать человеку, который тебя регулярно кормит.

Четыре дня спустя они вылетели. Хэмли, один из инженеров, Раульсен, пилот, и Фарсон заняли один самолет, другой инженер и пилот — второй, а Гарайн — с дополнительными припасами — находился один в третьем самолете.

Он радовался своему одиночеству, когда они поднялись в бело-голубую пустоту. Его самолет был тяжело нагружен, поэтому не мог и пытаться следовать за другими в верхние слои атмосферы. Они сообщались по радио, и Гарайн, защелкивая наушники, вспомнил, что говорил утром Фарсон:

— Туман искажает радиоволны. В нашей последней экскурсии слышимость была очень скверной, вроде как,— он засмеялся,— речь на иностранном языке.

Пока они двигались над ледяной поверхностью, Гарайн подумал, что, может быть, это была и в самом деле речь — какой-нибудь тайной экспедиции, вроде экспедиции Каттака.

В герметически закрытой кабине он не чувствовал мороза, машина шла гладко. С легким вздохом удовлетворения он откинулся на мягком сиденье, не сводя глаз с курса, которым следовали самолеты над ним и впереди него.

Примерно через час после вылета с базы Гарайн увидел далеко впереди темное облако. И тут же зазвучал в наушниках голос Фарсона:

— Вот он. Держите прямо вперед.

Облако росло и стало уже пурпурно-голубой стеной между небом и льдом. Первый самолет быстро приблизился к этой стене и нырнул в нее. Внезапно машина сильно затряслась и качнулась к земле, как будто потеряла управление. Затем она выпрямилась и пошла вниз, Гарайн слышал, как Фарсон спрашивал, в чем дело, но первый самолет не отвечал.

Самолет Фарсона снижался на полной скорости. Дей-

ствия первого самолета внушали тревогу. Может, этот туман был ядовитым газом?

Гарайн послушно двинулся вперед, пока не встал крыло в крыло с Фарсоном. Туман был прямо перед ними, и Гарайн видел теперь в нем движение маслянистых, непрозрачных волн. Мотор прорезал их. На стеклах была липкая, мглистая влага.

Вдруг Гарайн понял, что он не один. В пустой кабине был другой разум, куда более сильный. Гарайн яростно боролся с ним — с самой мыслью о нем. Однако, после долгой мучительной минуты, в течение которой его, видимо, изучили, невидимка взял верх. Руки и ноги Гарайна до сих пор управляли машиной, но чужак контролировал его.

Самолет мчался сквозь плотный туман. Машина Фарсона пропала из виду. И, хотя Гарайн все еще боролся против давившей на него воли, силы его слабели. И тогда пришел приказ идти в самую сердцевину темных волн.

Их закружило. Один раз, когда туман раздвинулся, Гарайн мельком увидел искореженную скалу с желтыми ребрами. Фарсон был прав: ледяная кора здесь треснула.

Все ниже и ниже. Если приборы не врали, самолет был уже ниже уровня моря. Туман редел и, наконец, исчез. Внизу расстилалась долина, покрытая яркой зеленью. Там и сям виднелись группы чего-то похожего на деревья. И он увидел желтый поток воды.

Но что-то в этом ландшафте было пугающе-чуждым. Пока Гарайн кружился над ним, он все время пытался освободиться от чужой воли, которая привела его сюда. В наушниках раздалось какое-то кваканье, и присутствие тут же исчезло.

Подчиняясь пилоту, машина снова начала набирать высоту. Гарайн яростно стремился вверх, подальше от этой зеленой местности. И вот туман снова поглотил его. Он видел капли воды на стеклах. Еще сотня футов — и он освободится и от тумана, и от этого неправдоподобного мира внизу...

Вдруг левый двигатель зловеще зашипел и замолк. Самолет накренился и заскользил в пике. Внизу он снова завертелся в ровном свете зеленой страны.

Там росли деревья — высокие деревья, похожие на папоротники, с чешуйчатыми малиновыми стволами. Самолет несся прямо на них. Гарайн пытался справиться с управлением. Машина выровнялась, пике сменилось планированием. Он увидел открытое пространство земли

и тут же почувствовал царапает какую-то поверхность. Прямо перед ним маячило дерево-папоротник. Самолет помчался к длинным ветвям. Далее — страшный грохот, взлетели вверх обломки дерева и металла. Поднялась алая туча, а затем глаза Гарайна заволокло мраком.

Гарайн очнулся. Тело было наполнено болью. Он был закован в искореженной массе металла, которая когда-то была кабиной. Через дыру в стенке у самой его головы пробился длинный зеленый шип, за который еще цеплялись искромсанные листья. Гарайн смотрел на него, боясь шевельнуться, чтобы боль не усилилась.

Затем он услышал снаружи какое-то топотание, как будто мягкие руки толкали и тянули обломки самолета. Ветка затряслась, и часть кабины с лязгом отвалилась.

Гарайн медленно повернул голову. Через отверстие пробиралась гоблиноподобная фигура.

Она была примерно пяти футов ростом и шла на двух ногах как человек, но ноги были короткие, похожие на обрубки и заканчивались ступней с пятью пальцами равной длины. На тонких стройных руках с маленькой кистью было только по четыре пальца. У создания был высокий, красиво округлый лоб, но подбородка не было, и лицо отчетливо напоминало морду ящерицы. Спина была тускло-черная с бархатистой поверхностью. Нижнюю часть тела покрывала короткая металлическая юбка с поясом удивительной работы, украшенным драгоценными камнями.

Некоторое время существо разглядывало Гарайна, и эти немигающие золотистые глаза отогнали от летчика всякий страх. В их глубине не было ничего, кроме глубокой жалости.

Человек-ящер шагнул и легко отвел со лба Гарайна взмокшую от пота прядь волос. Затем он дотронулся до металлических оков, державших летчика, как бы оценивая их прочность, повернулся к отверстию и, как видно, отдал приказ, а затем снова присел на корточки возле Гарайна.

Появились еще двое и стали разламывать остатки кабины. Они делали это очень осторожно, но Гарайн потерял сознание еще до того, как они его освободили.

Когда Гарайн снова начал воспринимать окружающее, он обнаружил, что лежит на носилках, покачивающихся между двумя неуклюжими животными. Их можно было

принять за маленьких слонов, только у них было по четыре бивня и совсем не было хобота.

Они пересекли равнину и поднялись по холму в высокую пещеру, где четверо людей-ящеров взяли носилки. Гарайн уставился на потолок. На черном камне была вырезана масса ветвей и цветов. В воздухе танцевали пылинки, излучавшие слабый свет. Когда они собирались группами, свет становился ярче.

Два человека-ящера в длинных мантиях сначала поговорили с шефом носильщиков, а затем склонились над Гарайном. Один из них покачал головой, глядя на искалеченное тело летчика, и знаком велел нести носилки во внутреннюю комнату.

Здесь стены были бледноголубые. В самом центре комнаты находился длинный блок кварца. Носильщики поставили носилки рядом и вышли. Человек-ящер в мантии разрезал острым ножом одежду на летчике и обнажил тело. Затем они положили Гарайна на кварцевый стол и закрепили металлическими обручами. Один из них подошел к стене и потянул за светящийся прут. Феерический голубой свет упал с потолка на беспомощное тело Гарайна. Он чувствовал, как у него пульсирует каждый мускул, каждый сустав, как покалывает кожу, и скоро боли как не бывало.

Свет погас. Три человека-ящера подошли к Гарайну, завернули его в мягкую мантию и отнесли в другую комнату. Она была круглая как гигантский пузырь. В центре пола было углубление, заполненное подушками. На них и положили Гарайна. Наверху сформировалось розоватое облачко. Гарайн смотрел на него, пока не уснул.

Что-то теплое прижалось к его голому плечу. Он открыл глаза и некоторое время не мог сообразить, где он. Затем почувствовал, что кто-то вертится рядом с ним на мантии, и взглянул туда.

Если люди-ящеры напоминали своей гротескностью гоблинов, то у этого посетителя было что-то от эльфа. Ростом он был не более трех футов, и его обезьянье тельце сплошь покрывала шелковистая белая шерсть. Крошечные ручки — безволосые и вполне человеческие, а ноги очень напоминали кошачьи лапы. По бокам круглой головки торчали широкие веера-уши. Мордочка мохнатая и на верхней губе — жесткие кошачьи усы. Как потом узнал Гарайн, это была Ана.

Беспечные маленькие существа выбирали себе хозяина

или хозяйку из Народа, а одна из них пришла к Гарайну. Они охотно сопровождали своих покровителей и молчаливо радовались самому незначительному подарку. Честные и храбрые, они могли выполнять мелкие поручения, носить письма выбранному ими другу и оставались с ним до смерти. Это были не люди, но и не животные. Считалось, что они появились много веков назад в результате какого-то эксперимента Древних.

Похлопав Гарайна по плечу, Ана заинтересовалась его волосами, сравнивая бронзовые пряди со своей белой шерсткой. Поскольку Народ был безволосым, волосы выглядели в Пещерах странно. С довольным мурлыканьем Ана потерлась головой о руку Гарайна.

С легким щелчком открылась дверь в стене. Ана вскочила на ноги и бросилась приветствовать вошедших. Один из Вождей Народа, первым нашедший Гарайна, вошел в сопровождении нескольких подчиненных.

Летчик сел. У него не только не было никакой боли, он чувствовал себя сильнее и моложе, чем был несколько месяцев назад. Он улыбнулся и радостно протянул руки к человеку-ящеру. Тот сделал то же самое.

Люди-ящеры захлопотали вокруг Гарайна, надевая на него короткую юбку и драгоценный пояс,— по-видимому, это была единственная одежда, которую носили в Пещерах. Когда это было закончено, вождь взял Гарайна за руку и повел к двери.

Они прошли по коридору с резными и инкрустированными блестящими камнями и металлом стенами и, наконец, вошли в громадную пещеру, стены которой скрывались в тени. На возвышении стояли три высоких трона. Гарайна подвели к подножию помоста.

Самый высокий трон был из розового хрусталя. Направо от него — зеленый нефритовый, гладкий от времени. Левый трон был вырезан из цельного агата. Розовый и агатовый троны были пусты, а на нефритовом восседал один из Народа. Он был выше остальных, и в его глазах, устремленных на Гарайна, светились мудрость и печаль.

— Хорошо! — прозвучало в мозгу летчика.— Мы сделали мудрый выбор. Этот юноша достоин быть мужем Дочери. Но его надо испытать, как огонь испытывает металл. Он должен вывести Дочь наружу и сразиться с Киптой...

Шипящее бормотанье эхом прокатилось по холлу. Гарайн прикинул, что тут собралось не менее сотни людей Народа.

— Ург! — скомандовал сидящий на троне.— Возьми этого юношу и обучи его. И тогда я снова поговорю с ним. Ибо,— печаль сквозила в его словах,— розовый трон должен быть занят снова, а черный агат сгорит в порошок. Время течет быстро.

Вождь увел изумленного Гарайна.

2. Гарайн узнает о темных существах

Ург привел летчика в одну из шарообразных комнат, в которой была низкая мягкая скамья, а перед ней — металлический экран. Они сели.

Последовал урок языка. На экране появлялись изображения различных предметов, а Ург называл их, отчетливо произнося, чтобы Гарайн мог повторить. Позднее американец узнал, что лечебное излучение, которому он подвергался, ускорило его умственные способности, поэтому он усвоил словарь в немыслимо короткий срок.

Судя по картинкам, Ящерный Народ управлял миром кратера. Тут были и другие формы жизни: слоноподобные ТАНДЫ — животные для переноски грузов; похожие на белок ЭРОНЫ жили под землей, занимались сельским хозяйством при малом освещении и два раза в год застенчиво выходили, чтобы обменять зерно на жидкую резину, производимую Народом; еще были ГИБИ, гигантские пчелы, также дружившие с Народом. Они снабжали пещерных жителей медом и воском, а в обмен получали убежище на время Великих Туманов.

Народ был высокоцивилизованным. Руками они делали только тонкую резьбу или ювелирные изделия, а все остальное — шитье металлической одежды, приготовление пищи, обработка полей, рытье новых пещер — делали машины.

Освобожденные от физического труда, они стали приобретать знания. Ург показывал на экране обширные лаборатории, громадные научные библиотеки. Однако, все они знали, что в самом начале их учили Древние Существа другой расы. И сам Народ появился в результате направленной эволюции и экспериментов, проведенных Древними.

Вся их мудрость заботливо охранялась, но от кого или от чего — Ург не говорил, хотя утверждал, что существует вполне реальная опасность. Что-то об этом было записано на голубой стене кратера, что-то, что оспаривало владычество Народа.

Гарайн хотел было продолжить расспросы, но зазвучал гонг.

— Пора обедать,— сказали ему.— Пошли.

Они пришли в большую комнату с тяжелым столом из белого камня, идущим вдоль трех стен, и скамейками перед ним. Ург сел, нажал на круглую ручку в столе, предложив Гарайну сделать то же. Стена напротив них раскрылась и появились два подноса. На подносе стояла тарелка с горячим мясом под вкусным соусом, каменная чашка с овсянкой и кисть каких-то плодов прямо на ветке с листьями. Ана смотрела так тоскливо, что Гарайн отдал ей фрукты.

Народ ел молча. Закончив, они быстро встали, и подносы исчезли в стене. Гарайн обратил внимание, что здесь были одни мужчины, и вспомнил, что еще ни разу не видел женщин. Он рискнул спросить. Ург рассмеялся.

— Ты думаешь, что в Пещерах нет женщин? Ну что ж, пойдем в Холл Женщин, и сам увидишь.

В Холле Женщин захватывало дух от богатства камней, за которые можно было купить целую нацию. Камни сверкали на куполообразном потолке, на расписных стенах. Здесь находились женщины и девушки Народа. Их темные тела покрывали платья из серебряной сетки. На каждом пересечении нитей находился крошечный камешек, так что женщины были покрыты как бы сверкающей чешуей.

Их было немного — наверное, не более ста. Некоторые держали на руках свои уменьшенные копии, которые таращились на Гарайна круглыми желтыми глазами и робко сосали кончики темных пальцев.

Женщинам поручалась самая тонкая ювелирная работа, и они с гордостью показывали незнакомцу свое рукоделие. В дальнем конце холла изготовлялась удивительная вещь: серебряная сетка, которая служила основой их платьев, была укреплена здесь, и три женщины вставляли в каждое микроскопическое отверстие маленький розовый камень. Кое-где они клали по узору крошечные изумруды или пламенные опалы, так что в конце концов получалась радуга.

Одна из работающих погладила рукой платье и, искоса взглянув на Гарайна, с легким поддразниванием в голосе объяснила:

— Это для Дочери, когда она взойдет на трон.

Дочь! Как это говорил Лорд Народа? «Этот юноша

достоин быть мужем Дочери». Но ведь Ург говорил, что Древние ушли из Тэйва.

— Кто это — Дочь?

— Трэла Света.

— Где она?

Женщина вздрогнула, в ее глазах появился страх.

— Трэла лежит в Подземелье Мрака.

Подземелье Мрака? Имеется в виду, что Трэла умерла? Значит, он, Гарайн Фитерстон — жертва для какого-то ритуального жертвоприношения, которое соединит его с мертвой?

Ург дотронулся до его руки.

— Нет. Трэла еще не вошла в Место Предков.

— Ты читаешь мои мысли?

Ург засмеялся.

— Мысли читать легко. Трэла жива. Сэра служила Дочери, когда та была среди нас. Сэра, покажи, пожалуйста, какая она была.

Женщина подошла к зеркалу, вделанному в стену, такому же, каким пользовался Ург для уроков языка, и, пристально вглядевшись в него, подозвала летчика.

Зеркало затуманилось, и он увидел, как сквозь стекло, комнату со стенами и потолком из розового кварца. На полу лежал толстый розовый с серебром ковер. В центре находилось ложе из груды подушек.

— Комната Дочери,— возвестила Сэра.

Подвижная панель в стене отошла, и в комнату вошла женщина. Очень молодая, почти ребенок. Счастливая улыбка пухлых губ, радостный блеск фиолетовых глаз. Сложена она была как человек, но красоты неземной. Нежные краски слабо играли на ее жемчужно-белой коже, и Гарайну вспомнился перламутр с его переливами от света к тени. Иссиня-черные волосы спускались до колен. Платье из серебряных нитей опоясывалось вокруг талии темнорозовыми драгоценными камнями.

— Такой была Трэла, когда Темные Существа взяли ее,— сказала Сэра.

Ург засмеялся, услышав разочарованный вздох Гарайна, когда изображение исчезло.

— Зачем тебе жалеть о видении, когда сама Дочь ждет тебя? Тебе остается только вывести ее из Подземелья Мрака.

— Где это Подземелье...— Гарайна прервал трезвон гонга.

— Темные существа! — воскликнула Сэра.

Ург пожал плечами.

— Если уж они не щадят Древних, можем ли мы надеяться ускользнуть? Пойдем в Тронный Зал.

Перед нефритовым троном Лорда Народа стояла небольшая группа людей-ящеров рядом с двумя носилками. Когда Гарайн вошел, Лорд произнес:

— Пусть иноземец подойдет ближе и посмотрит на работу Темных Существ.

Гарайн неохотно подошел и остановился у носилок. Лежавшие на них изо всех сил старались передать сообщение, прерывая его стонами и криками агонии. Это были люди Народа, но их кожа была не черного, а зеленого с плесенью цвета.

Лорд наклонился вперед.

— Достаточно,— сказал он.— Можете умереть.

И, как бы повинуясь приказу, измученные люди оставили жизнь, за которую они до сих пор цеплялись, и затихли навсегда.

— Взгляни на работу Темных Существ,— сказал правитель Гарайну.— Джейв и Бети были захвачены ими, когда шли с поручением к Гиби. Видимо, Темные Существа нуждаются в материале для своих лабораторий. Они собираются и Дочь отдать своим страшным работникам!

Ужасный вопль ненависти поднялся в Зале. Гарайн стиснул зубы. Отдать это чудесное видение, которое только что было перед его глазами, на такую смерть!

— Джейв и Бети были заперты недалеко от Дочери и слышали угрозы Кипты. Наши братья были заражены страшной болезнью и отпущены, чтобы они принесли заразу к нам. Но они выкупались в луже кипящей грязи. Они умерли, но вместе с ними умерло и зло. И поскольку мы воспитываем таких людей, как они, я думаю, что Темные Существа не успокоятся. Слушай, иноземец, рассказ о Темных Существах и Подземельях Мрака, и о Древних Существах, которые вывели Народ из грязи давно высохшего моря и сделали его великими, о Древних, которые в конце концов пришли к своему упадку.

До того, как страны внешнего мира родились из океана, до того, как Страна Солнца и Страна Моря — Атлантис поднялась из расплавленных скал и песка, далеко на юге была страна. Сухая страна скал, равнин и болот, где жила, плодилась и умирала грязная жизнь.

Затем пришли с далеких звезд Древние Существа. Их раса была старше, чем эта земная. Их мудрецы следили

за рождением Земли из Солнца. И когда их мир погиб, унося в небытие большую часть людей, оставшаяся горсточка бежала в новый мир.

Когда они вышли из космического корабля, они попали в ад. Вместо своего любимого дома они получили голые скалы и зловонную грязь. Вырыв этот кратер — Тэйв, они вошли в него с сокровищами со своего корабля, а также с несколькими живыми существами, пойманными в болотах. Из этих существ они создали Народ, Гиби, Тандов и обрабатывающих землю Эронов.

Народ оказался наиболее способным к мудрости и стремлению вверх. Но познания Древних все еще остаются для него недостижимыми.

За тысячелетия, которые Древние прожили за охранявшей их стеной тумана, внешний мир изменился. На север и на юг пришел Холод, в Стране Солнца и Стране Моря ступали ноги настоящего человека. Древние следили в своих зеркалах видения, как человек расселился по всему миру. Они умели продлять жизнь, но все-таки раса вымирала. Нужен был новый приток крови. Поэтому были приглашены несколько человек из Страны Солнца. И на время раса расцвела.

Древние решили оставить Тэйв ради внешнего мира. Но океан поглотил Страну Солнца. Раса Древних своевременно пополнилась от Страны Моря и снова приготовилась к Исходу, но океан снова обманул их.

Люди, оставшиеся во внешнем мире, одичали и возвратились к первобытному состоянию. Древние не хотели смешивать свою кровь с этими полуживотными; они укрепили стену тумана и остались. Однако, некоторые из них решили вкусить запретный плод и пригласили дикарей. От этих чудовищных браков произошли Темные Существа. Они живут только ради того зла, которого они достигли, и могущества, применяемого для жестокости.

Грех был обнаружен не сразу. Когда он стал явным, другие Древние могли бы уничтожить потомство, но закон запрещал убийство. Древние могли пользоваться своим могуществом только для добра, в противном же случае могли его лишиться.

Поэтому они выселили Темных Существ на крайний юг Тэйва и отдали им Подземелье Мрака. Никто из Темных Существ не бывал севернее Золотой Реки, а Древние не ходили южнее ее.

Примерно в течение двух тысячелетий Темные Существа соблюдали закон. Но они работали, создавали

— Слушай внимательно, иноземец,— начал Трар.— У нас мало времени. Через семь дней начнутся Великие Туманы. Никто не сможет выйти из убежища и остаться в живых. Трэлу нужно вывести из Подземелья до наступления этого времени. Этот жезл будет твоим оружием; Темные не знают его секрета. Смотри.

Двое из Народа поставили перед ним металлический брусок. Трар прикоснулся к нему жезлом. Хлопья ржавчины быстро распространились по всей поверхности бруска, и он рассыпался кучкой пыли, на которую наступил ногой один из Народа.

— Трэла находится в самом сердце Подземелий, но люди Кипты с годами стали беспечны. Смело входи и надейся на удачу. Они не знают о твоем появлении здесь и о словах Трэна относительно тебя.

Ург выступил вперед и поднял руку в знак просьбы.

— В чем дело, Ург?

— Лорд, я хотел бы пойти с иноземцем. Он ничего не знает о Лесе Моргелей и о Кипящей Луже. В лесной стране легко заблудиться...

Трар покачал головой.

— Нельзя. Он должен идти один. Так говорил Трэн.

Ана, весь день ходившая следом за Гарайном, пронзительно засвистела, на цыпочках подошла к нему и дернула его за руку.

Трар улыбнулся.

— Это создание может пойти; его глаза отлично послужат тебе. Ург проводит тебя до внешнего портала Места Предков и покажет дорогу к Подземельям Мрака. До свидания, иноземец, и да будет с тобой Дух Древних!

Гарайн поклонился правителю и вышел в сопровождении Урга. Недалеко от двери стояла кучка женщин. Сэра выступила вперед с небольшим мешочком.

— Иноземец,— быстро сказала она,— когда ты увидишь Дочь, скажи ей, что Сэра ждет ее много лет.

Он улыбнулся.

— Скажу.

— Не забудь, иноземец. Я считаюсь красивой леди среди Народа, у меня хватает поклонников, но, мне кажется, я могу позавидовать Дочери. Нет, я не буду объяснять,— она лукаво засмеялась.— Ты потом поймешь. Вот тут еда. Теперь иди быстрее, чтобы успеть вернуться сюда до Туманов.

Их провожали добрые пожелания женщин. Ург по-

шел вниз по лестнице. Внизу была каменная ниша, где горел тусклый розовый свет. Ург пошарил внутри, достал пару высоких котурнов и помог Гарайну зашнуровать их. Они были точно впору. Их обычно носили Древние.

Проход перед ними был узкий и кривой. Под ногами лежал толстый слой пыли с отпечатками ног Народа. Обогнув угол, они подошли к высокой двери, выступавшей из мрака. Ург нажал на нее. Раздался щелчок, и камень отошел назад.

— Здесь Место предков,— сказал Ург, войдя внутрь.

Они стояли у входа в колоссальный зал, куполообразный потолок которого исчезал в тени. Толстые колонны из светящегося хрусталя разделяли его на проходы, ведущие к овальному возвышению. Проходы были заполнены ложами, и в каждом мягком гнезде лежал спящий. Ближе к двери лежали мужчины и женщины Народа, а ближе к возвышению — Древние. На некоторых ложах были надписи. Сын пренормана Ирландии. Ург провел согнутым пальцем по архаическим буквам, вырезанным в камне, который служил основанием ложу.

— Спи спокойно, любимец Света. Свет вернется в назначенный день.

Гарайн подошел к возвышению.

— Кто лежит здесь?

— Первые Древние Существа. Подойди и посмотри на тех, кто создал Тэйв.

На возвышении ложа стояли в два ряда. Между ними, в центре, стояло одинокое ложе, выше остальных.

Пятьдесят мужчин и женщин выглядели так, будто прилегли на часок отдохнуть. Спокойные лица улыбались, глаза окружали тени усталости. У них были нечеловеческие особенности, которые исчезали у их потомков.

Ург двинулся к высокому ложу и подозвал Гарайна. Там лежали мужчина и женщина. Голова женщины лежала на плече мужчины. Ург остановился перед ними.

— Смотри, иноземец, это один из тех, кто был призван из вашего мира. Марена из дома Света благосклонно взглянула на него, и их счастье длилось долго.

У мужчины на ложе были золотисто-рыжие волосы. На его руке был тяжелый золотой браслет. Однажды Гарай видел такой на груди мужчины.

В их лицах было что-то такое, что заставило Гарайна отвернуться — будто он вторгся туда, где человеку быть не следует.

— Здесь лежит Трэн, Сын Света, первый Лорд Пещер, и его Леди Трэла, Живущая в Свете. Они лежат так тысячу лет и будут лежать до тех пор, пока планета не обратится в прах под ними. Они вывели Народ из грязи и создали Тэйв. Таких, как они, больше не будет.

Они молча прошли по проходам. Гарайн мельком увидел еще одного белокурого мужчину — видимо, тоже иноземца, поскольку Древние все были брюнетами. Ург еще раз остановился, прежде чем выйти из зала. Он подошел к ложу мужчины, завернутого в длинную мантию, лицо мужчины было искажено агонией.

Ург назвал его имя:

— Трэн.

Это был последний Лорд Пещер. Гарайн хотел было подойди ближе, чтобы рассмотреть мертвое лицо, но Ург нетерпеливо повлек его к двери.

— Это южный вход в Пещеры,— объяснил он.— Положись на Ану, она поведет тебя и убережет от кипящей грязи. Если встретишь моргелей — быстрее убивай, это слуги Темных Существ. Да сопутствует тебе удача, иноземец!

Дверь открылась и Гарайн вышел на поверхность Тэйва. Мягкий голубой свет был таким же сильным, как и тогда, когда Гарайн впервые увидел его. С Аной на плече и с зеленым жезлом и мешком пищи в руках он зашагал по сырой почве.

Ург поднял руку в прощальном приветствии, и дверь захлопнулась. Гарайн пошел один, взяв обязательство вывести Дочь из Подземелий Мрака.

3. В Подземельях Мрака

В Тэйве не было смены дня и ночи, и голубой свет был всегда. Однако Народ искусственно делил время. Тем не менее, Гарайн, недавно прошедший через лучи здоровья, не чувствовал усталости. Когда он колебался в выборе дороги, Ана начинала щебетать и уверенно показывала вперед.

Перед ними вырос густой лес папоротниковых деревьев. В лесу было тихо и мрачно, и Гарайн впервые обратил внимание на особенность Тэйва: здесь не было птиц.

Им пришлось пересечь только западную часть леса. Через час они вышли к реке. Мутные воды были густо-

шафранового цвета. Гарайн решил, что это и есть Золотая Река, граница владений Темных Существ.

Он обошел излучину и пошел по мосту, такому старому, что угловые камни источились от времени. Мост вывел их в обширную долину, покрытую высокой увядшей желтой травой. Налево слышалось шипение и булькание, в воздухе стояло огромное облако пара. Гарайн задыхался от ветра, наполненного химикалиями и дувшего в его сторону. Пока они шли по долине, все время во рту и носу ощущался серный налет, и Гарайн обрадовался, когда попал в папоротниковую рощу, в которой скрывался родник. Там Гарайн помылся, в то время как Ана развязывала мешочек с едой, который дала им Сэра.

Они поели лепешек из зерна и сухих фруктов. Затем Ана дернула Гарайна за руку и показала вперед.

Гарайн осторожно пополз через густой кустарник. Наконец он вылез на свет и увидел вход в Подземелья Темных Существ. Две высокие колонны, высеченные в виде отвратительных чудовищ, охраняли грубо пробитое отверстие. Легкий зеленый дымок вился и танцевал в их разинутых пастях.

Гарайн внимательно пригляделся к входу и потихоньку двинулся вперед. Дойдя до зеленого тумана, он собрался с духом и вошел внутрь.

Туман окутал Гарайна. В легкие вползал горячий, влажный, слабо окрашенный воздух с тошнотворно-сладким запахом разложения. Зеленые пылинки в воздухе давали очень мало света и, казалось, цеплялись за незваного гостя.

Пустив Ану вперед, он спускался по ступенькам вниз, мягкие подошвы его котурнов ступали бесшумно. В стенах располагались через правильные интервалы ниши, в которых стояли небольшие статуи. Над каждой извращенной фигурой была корона из зеленых пылинок.

Ана остановилась, ее широкие уши расправились, чтобы уловить малейший звук. Откуда-то из-под земли донесся бешеный собачий лай. Ана вздрогнула и попятилась поближе к Гарайну.

Лестница становилась все уже и круче, и все отчетливее звучал захлебывающийся лай. Затем проход перегородила черная каменная решетка. Гарайн увидел сквозь нее лестничный пролет, ведущий вниз, в шахту. Из шахты неслось рычащий смех.

Снующие там существа казались придуманными де-

моническим умом: гладкие, бесшерстные крысоподобные звери величиной с пони. С острых морд стекала рыжая слюна. Но в их глазах светился разум. Это были моргели, сторожевые псы и рабы Темных Сил.

Со второго пролета лестницы, идущего непосредственно через шахту, донесся стонущий зов. Открылась дверь, и внизу появилось двое. Моргели прыгнули было вперед, но быстро отступили под ударами бичей.

Хозяева моргелей по виду были людьми. На них были черные набедренные повязки и длинные плащи-крылатки. На головы были надвинуты капюшоны с зубчатыми гребнями, напоминавшими петушиные. Насколько Гарайн мог судить, они не были вооружены, если не считать бичей.

Появилась вторая группа: два Темных Существа тащили пленника. Он делал отчаянные и безнадежные попытки освободиться, но они подтащили его к краю шахты и остановились. Моргели, почуяв обещанную добычу, пригнулись внизу.

На лестнице, несколькими ступеньками выше, стояли две фигуры, на которых смотрели стражники, ожидая приказаний. Один был мужчиной их расы, стройный, красивый и злой, с холодным лицом патриция. Его рука властно держала за локоть спутницу.

Этой спутницей была Трэла. Ее голова была надменно поднята. Былая улыбка исчезла, лицо выражало только печаль и покорность, однако дух белым пламенем метался в ее глазах.

— Смотри! — приказал ее тюремщик.— Разве Кипта не выполняет своих обещаний? Если ты не возьмешь обратно свои слова, Леди Трэла, мы бросим Дандэна в пасти наших рабов.

За нее ответил пленник.

— Кипта, сын подлости, Трэла не для тебя. Помни, Возлюбленная,— обратился он к Дочери,— день освобождения близок!

Гарайн почувствовал непонятную пустоту от легкости, с которой пленник назвал Трэлу «возлюбленной».

— Я жду ответа от Трэлы,— сказал Кипта.

И та ответила:

— Зверь из зверей, ты можешь послать Дандэна на смерть, можешь как угодно оскорблять меня и вредить мне — все равно я знаю, что Дочь не для тебя. Скорее я своими руками оборву нить своей жизни и понесу за это кару от Старших.— Она перевела взгляд на плен-

ника.— Я прощаюсь с тобой, Дандэн. Мы снова встретимся за Завесой Времени.— И она протянула к нему руки.

— Трэла, дорогая...

Один из стражников ударил пленника по губам, оборвав его речь.

Но теперь Трэла смотрела мимо него, прямо на решетку, за которой скрывался Гарайн. Кипта потянул ее за руку, чтобы привлечь ее внимание.

— Смотри! Так умирают мои враги! В шахту его!

Стражники толкнули своего пленника к краю шахты, и моргели подползли ближе, пристально глядя на молодое скорчившееся тело. Гарайн понимал, что он не должен вмешиваться. Ана потянула его направо, где был проход под аркой. Оттуда можно было попасть на балкон, идущий вокруг шахты.

Те, внизу, так увлеклись своим развлечением, что не заметили чужого. Однако, Трэла глядела вверх, и Гарайн подумал, что она его увидела. Что-то в ее позе привлекло внимание Кипты, и он тоже поднял глаза вверх и на мгновение застыл от изумления, а затем втолкнул Дочь в дверь позади.

— Эй, иноземец! Добро пожаловать в Подземелья! Итак, Народ вмешался...

— Привет, Кипта! — Гарайн сам удивился словам, так легко слетавшим с его языка.— Я пришел, как было обещано, и останусь, пока Черный Трон не будет уничтожен.

— Даже моргели не хвастаются добычей, пока она не попала им в зубы. Что за зверь с тобой?

— Чистый зверь, Кипта, какого у тебя нет. Вели своим двуногим моргелям оставить юношу в покое, пока я не рассердился,— и он покачал зеленым жезлом.

Глаза Кипты сузились, но улыбка не увяла.

— Я давно уже слышал, что Древние не могут убивать...

— Как иноземец, я могу и не придерживаться их ограничений,— ответил Гарайн,— и ты сам это увидишь, если не отзовешь своих вонючих скотов.

Хозяин Подземелий засмеялся.

— Ты такой безмозглый, как Танд. В Пещерах тебя больше не увидят!

— Выбирай, Кипта, да побыстрее!

Главарь Темных, казалось, размышлял некоторое время, а затем махнул своим людям.

— Оставьте его! — приказал он.— Иноземец, ты храбрее, чем я думал. Мы можем договориться...

— Трэла уйдет из Подземелий и Черный Трон будет уничтожен — таковы условия Пещер.

— А если мы не согласимся?

— Тогда Трэла уйдет, Трон будет уничтожен, а в Тэйве будет такой Судный День, какого еще не бывало.

— Ты вызываешь меня?

И снова Гарайн произнес неизвестно откуда взявшиеся слова:

— Я воспользуюсь, как в Ю-Лаке...

Прежде чем Кипта успел ответить, в шахте началась суматоха: Дандэн, отпущенный стражниками, помчался скачками, преследуемый моргелями. Гарайн упал плашмя на балконе и спустил вниз конец своего пояса.

В следующее мгновение он уже тащил туго натянувшийся пояс. Пятки Дандэна уже были над щелкающими челюстями моргелей. Летчик схватил юношу за плечо и помог перебраться через перила.

— Они ушли! Все! — закричал Дандэн, как только встал на ноги.

Он был прав: моргели лаяли внизу, а Кипта и его люди исчезли.

— А Трэла? — воскликнул Гарайн.

— Они увели ее обратно в камеру. Они считают, что сберегут ее там.

— Ну, тогда они ошибаются! — Гарайн поднял жезл. Его товарищ засмеялся.

— Нам лучше скорее идти, пока они не подготовились.

Гарайн поднял Ану.

— Куда идти?

Дандэн показал на проход позади. Затем он забежал в боковую комнату и вышел с двумя плащами с капюшонами, чтобы они могли сойти за Темных Существ.

Они шли по совершенно пустым туннелям. Им никто не препятствовал. Все Темные ушли из этой части Подземелий.

Дандэн обеспокоенно засопел.

— Неладно это. Я боюсь ловушки.

— Пусть себе ставят, лишь бы мы прошли.

Проход повернул вправо, и они вошли в овальную комнату. Дандэн опять покачал головой, но не рискнул протестовать, а, наоборот, рывком открыл дверь и вошел

в маленькую прихожую. Гарайну показалось, что в темных углах что-то шелестело и скрипело. Дандэн так резко остановился, что американец налетел на него.

— Эта комната стражей — и она пуста!

Гарайн заглянул в большую комнату. На стенах висели полки со странным оружием, спальные матрацы стражников были аккуратно сложены, но людей не было.

Они пересекли комнату и прошли под аркой.

— Даже перегородка не опущена,— заметил Дандэн и указал наверх. Там висела каменная решетка. Гарайн озадаченно осмотрел ее. Но Дандэн потянул его в узкий коридор, где по обе стороны шли зарешеченные двери.

— Камеры,— объяснил он и потянул засов у одной из дверей. Дверь качнулась, и они вошли внутрь камеры.

Трэла поднялась им навстречу. Забыв о переодевании Гарайн был поражен ее ледяным приемом и отступил назад. Однако, Дандэн шагнул вперед и схватил Трэлу в объятия. Она отбивалась, пока не увидела лицо под капюшоном. Тогда она радостно вскрикнула и обняла Дандэна за шею.

— Дандэн!

Он улыбнулся.

— Да, но это заслуга иноземца.

Она подошла к Гарайну и внимательно посмотрела ему в лицо.

— Иноземец? Такое холодное имя не для тебя, раз ты служишь нам так.

Она протянула ему руки, и он поднес их к губам.

— Как тебя зовут?

Дандэн засмеялся.

— Такое извечное женское любопытство!

— Гарайн.

— Гарайн,— повторила она.— Как похоже...

Ее перламутровая кожа слегка порозовела.

Рука Дандэна легко опустилась на плечо спасителя.

— Он и вправду на него похож. Пусть он с этого дня носит другое имя: Гаран, Сын Света.

— А почему бы и нет? — спокойно ответила она.— В конце концов...

— Вознаграждение, которое полагалось бы тому Гарану, может быть его? Расскажи ему историю его тезки, когда мы снова будем в Пещерах...

Дандэна прервал испуганный писк Аны, а затем насмешливый голос:

— Итак, добыча сама вошла в ловушку. Немногие охотники могут этим похвастаться.

В дверях стоял Кипта. Порок и злоба плясали в его глазах. Гарайн бросил свой плащ на пол, но Дандэн, видимо, прочел его мысли, потому что схватил его за руку.

— Ты, видимо, набрался мудрости, Дандэн, если встаешь между нами? Если бы это сделала Трэла... Но прекрасная женщина считает меня слабым.— Кипта так посмотрел на ее гордую фигуру, что Гарайн охотно придушил бы его, если бы не Дандэн.— Теперь у Трэлы имеется второй шанс. Как тебе нравится, Леди, что эти мужчины окажутся в Комнате Инструментов?

— Я тебя не боюсь,— ответила она.— Трэн однажды сделал пророчество, а он никогда не говорил зря. Мы завоюем свободу...

— Это уж как решит судьба. А пока что я оставлю вас одних.

Он вышел и с шумом захлопнул за собой дверь. Они услышали скрежет задвинутого засова и удаляющиеся шаги.

— Зло ушло,— тихо шепнула Трэла.— Наверное, лучше было бы позволить Гарайну убить его. Нам надо уходить...

Гарайн снял жезл с пояса. Зеленые светящиеся пылинки собрались на его полированных гранях.

— Дверь не трогай,— посоветовала Трэла,— только ее петли.

Под действием жезла камень начал разрыхляться и опадать хлопьями. Дандэн и Гарайн взяли дверь и положили ее на пол. Трэла быстро схватила с пола плащ Гарайна и закуталась в него, чтобы скрыть блеск расшитого камнями платья.

В коридоре стоял безжизненный холод. Светоносные пылинки исчезли, как если бы отцвели.

— Быстрее! — приказала Дочь.— Кипта убрал живой свет, и мы можем заблудиться в темноте.

Когда они достигли конца холла, там тоже не было света, и Гарайн наткнулся руками на каменную решетку, которая на этот раз оказалась опущенной. Откуда-то с другой ее стороны раздался серебристый смех.

— Эй, иноземец,— насмешливо позвал Кипта,— с твоим оружием тебе не трудно будет пройти через решетку, но темноту ты не сможешь победить так просто, а также то, что бегает по холлам.

Гарайн уже работал жезлом и через пять минут очистил путь. Но когда они хотели идти вперед, Трэла остановила их.

— Кипта спустил охотников.

— Охотников?

— Моргелей и... других,— пояснил Дандэн.— Темные ушли, и только смерть идет этим путем. Моргели видят в темноте...

— Ана тоже.

— Хорошая мысль,— одобрил Сын Древних.— Ана выведет нас.

Как бы в ответ Ана потянула Гарайна за пояс. Гарайн взял Трэлу за руку, а другую она протянула Дандэну. Они цепочкой прошли через комнату стражи. Затем Ана остановилась и прислушалась. Ничего не было видно, но тьма, висевшая над ними, казалась складками занавеса.

— Что-то преследует нас,— прошептал Дандэн.

— Бояться нечего,— сказала Трэла.— Эти не осмелятся нападать. Я думаю, они смоделированы Киптой. Те, кто не имеют настоящей жизни, больше всего боятся смерти. Это — создания...

Что-то медленно ползло позади.

— Кипте не стоило бы и пытаться,— пренебрежительно продолжала Дочь.— Он знает, что его уроды не нападут. Только на свете они будут ужасны — и тогда только из-за страшных их форм.

Ана снова подергала за пояс хозяина, и они вошли в узкий проход. Там ощущение преследования возобновилось, и, хотя Трэла продолжала уверять, что никакой опасности нет, Гарайна наполнило чувство отвращения.

Они прошли через три холла в длинный коридор, который заканчивался в шахте моргелей. Здесь, полагал Гарайн, их ждала самая большая опасность от моргелей.

Ана резко остановилась и прижалась к ноге Гарайна. Из темноты выступили два желтых диска с шафрановыми искрами в глубине. Гарайн сунул жезл в руки Трэлы.

— Что ты собираешься делать? — спросила она.

— Пойду расчищать путь. Здесь слишком темно, чтобы пользоваться этим оружием против движущихся тварей...— И он двинулся к немигающим глазам.

4. Бегство из подземелий

Не сводя глаз с этих бездушных желтых дисков, Гарайн оторвал капюшон, свернул его в комок и прыгнул вперед. Его пальцы скользнули по гладкой коже. Острые клыки схватили его за плечо, тупые когти царапали по ребрам. Зловонное дыхание било в лицо, горячая слюна капала на шею и грудь Гарайна.

Капюшон был всунут в глотку моргеля, и зверь начал медленно задыхаться. Из ран Гарайна капала кровь, но он мужественно держался до тех пор, пока не увидел, что желтые глаза угасли. Умирающий моргель сделал последнюю попытку освободиться и потащил своего противника по каменному полу. Затем тяжелое тело зверя застыло в неподвижности. Задыхаясь, Гарайн привалился к стене.

— Гарайн! — закричала Трэла. Ее рука коснулась его плеча и потянулась к лицу.— У тебя все хорошо?

— Да,— выдохнул он.— Пошли дальше.

Пальцы Трэлы задержались на его плече. Теперь она шла рядом, ее плащ издавал шуршащие звуки, когда он слегка касался стены и пола.

— Подожди,— внезапно сказала она.— Эта шахта моргелей...

Дандэн подошел к ним и шепнул:

— Я проверю дверь.— Через минуту он вернулся.— Открыта.

— Кипта думает,— задумчиво сказала Трэла,— что мы пойдем в безопасную галерею. Поэтому он пустил нас через шахту. Моргели лучше охотятся на почве.

Они прошли через шахту. Из-под пола поднимался удушающий пар, и они шли очень осторожно. Дандэн шел впереди.

— Дай-ка свое оружие, Гарайн,— окликнул он, когда они поднялись по лестнице, никем не потревоженные.— Эта дверь закрыта.

Гарайн толкнул оружие в руку Дандэна и прислонился к скале. Его тошнило, голова кружилась. Глубокие раны на плече и руке дергало и жгло. Они до сих пор двигались в темноте, поэтому его недомогание прошло незамеченным.

— Это странно,— пробормотал он.— Мы идем чересчур легко...

Из темноты до него донесся голос:

— Правильно замечено, иноземец. В настоящий момент ты свободен, так же, как Трэла и Дандэн. Но наш счет впереди. А теперь — прощай, до новой встречи в Тронном Зале. Я аплодирую твоей храбрости, иноземец. Возможно, ты все же пойдешь служить мне.

Гарайн повернулся и метнулся по направлению голоса, но ударился о стену. Кипта захохотал.

— Не с твоей ловкостью Танда схватить меня!

Его смех оборвался, как будто за ним закрылась дверь. Трое молча заторопились вверх по уклону. Наконец они вышли на дневной свет Тэйва.

Трэла сбросила плащ и протянула руки к стране в кратере. Сверкающее платье плотно облегало ее. Она тихо запела, увлеченная собственной радостью. Дандэн протянул к ней руку, и она ухватилась за нее как смущенный ребенок.

Гарайн тупо размышлял, сможет ли он дойти до Пещер: его рука и плечо горели как в огне. Ана подобралась поближе к нему, вглядываясь в его побелевшее лицо.

Из Подземелий донесся вой. Трэла вскрикнула, и Дандэн ответил на ее невысказанный вопрос:

— Они пустили моргелей по нашему следу!

Вой из Подземелий эхом отозвался в лесу. Значит, моргели были и впереди, и позади их! Гарайн мог убить одного, Дандэн — другого, Трэла могла защищать себя жезлом, но в конце концов моргели убьют их.

— Мы потребуем защиты у Гиби с Утеса. По закону они должны помочь нам,— сказала Трэла и, приподняв длинное платье, пустилась бежать по направлению к скалам. Гарайн поднял плащ с земли и накинул его на плечи, чтобы скрыть раны. Когда он не сможет бежать вровень с Трэлой, то она не должна догадаться об истинной причине его отставания.

Впоследствии Гарайн мало что мог вспомнить об этом бегстве по лесу. В конце концов до его ослабевшего слуха донеслось бульканье воды. Он был далеко от своих товарищей, которые шли по песчаному берегу реки, а затем без колебаний прыгнули в маслянистую воду и легко поплыли к другому берегу. Гарайн сбросил плащ и подумал, что не сможет побороть поток, если войдет в него. Но Ана уже бегала кругами по берегу, приглашая Гарайна следовать за ней. Гарайн устало вошел в желтый поток.

Слегка солоноватая вода смыла кровь и пот с его

ноющего тела, но нестерпимо жгла раны. Он не мог бороться с течением, и его сносило вниз. В конце концов ему удалось выползти, когда течение прибило его к берегу, и он лег, задыхаясь, уткнувшись лицом в мох. Когда Трэла и Дандэн нашли его, вода капала с его испачканной одежды, а Ана гладила его мокрые волосы. Трэла вскрикнула огорченно и положила его голову себе на колени, в то время как Дандэн осмотрел его раны.

— Почему ты не сказал нам? — потребовала Трэла.

Он не пытался отвечать, радуясь, что лежит так, и ее руки поддерживают его. Дандэн исчез в лесу, но быстро вернулся, неся кучу раздавленных листьев. Он закрыл ими раны Гарайна.

— Вам лучше было бы идти,— сказал Гарайн.

Дандэн покачал головой.

— Моргели не умеют плавать. Чтобы добраться сюда, они должны бежать к мосту, а мост далеко отсюда.

К ним подбежала Ана. В ее маленькой руке была гроздь пурпурных ягод. И так они пировали, Гарайн непринужденно на ложе из папортника, принимая пищу из рук Трэлы.

В травяном пластыре Дандэна явно было что-те целебное, потому что после короткого отдыха Гарайн смог встать, всего пару раз поморщившись от боли. Но они пошли уже медленнее. Дорога шла через узкие мшистые долины и солнечные прогалины, где цвели странные цветы, которые распространяли сильный аромат. Поток, которому они следовали, дважды разветвлялся, и одна из ветвей пошла через луг к стене кратера.

Трэла внезапно наклонила голову и издала громкий, мелодичный свист. Сверху опустилось желтое с черным насекомое величиной с ястреба. Оно дважды облетело вокруг ее головы и затем уселось на протянутую руку Трэлы.

Пухлое тело насекомого было агатово-черным, согнутые ноги — по три с каждой стороны — хромово-желтые. Круглая голова с большими фасеточными глазами заканчивалась острым клювом. Крылья, слабо трепетавшие в воздухе, были черными с золотыми крапинками.

Трэла погладила круглую головку, в то время как насекомое прижалось нежно к ее щеке. Затем оно снова поднялось в воздух и улетело.

— Нас ждут, и теперь мы можем идти спокойно.

Скоро они услышали вдалеке бормочущие звуки.

Показалась стена кратера, где росли низкорослые деревья.

— Это город Гиби,— заметил Дандэн.

За скалу цеплялись башни и башенки из множества восьмигранных сот.

— Они готовятся к Туманам,— сказала Трэла,— и будут сопровождать нас к Пещерам.

Они миновали деревья и подошли к восковым небоскребам, высившимся вокруг. Над ними парила громадная туча Гиби. Гарайн чувствовал, как их крылья касаются его тела. И все они толкали друг друга ревниво, чтобы находиться около Трэлы.

Мягкий шорох их крыльев стих, когда появилась крупная Гиби выдающейся красоты. Остальные отлетели, и Трэла приветствовала Королеву Сот как равную, а затем повернулась к своим спутникам и передала им сообщение Королевы Гиби.

— Мы пришли как раз вовремя. Завтра Гиби покидают свой город. Моргели перешли через реку и вышли из-под контроля: вместо того, чтобы охотиться за нами, они бросились опустошать лесные земли. Весь Тэйв предупрежден. Но они могут быть захвачены Туманом и уничтожены. Мы отдохнем в скальных пещерах, и Гиби придут за нами, когда настанет время уходить.

Гарайн проснулся от громкого шепота. Над ним наклонился Дандэн.

— Нам пора идти. Гиби запечатывают последние соты.

Они торопливо поели лепешек из зерна и меда. Снова появилась Королева. Первый рой уже вылетел на восток.

С народом Гиби, грозовой тучей нависшим над ними, они пошли через луга. Пурпурно-голубой туман загустевал там и тут странными образованиями, похожими на пыльных дьяволов пустыни, которые поднимались и плясали, а затем исчезали вновь. Тропическая жара Тэйва усилилась; это было так, как будто почва сама испарялась.

— Туманы приближаются. Нам надо торопиться,— произнес Дандэн.

Они прошли через лесок, окаймляющий луг, и вышли на центральную равнину Тэйва. Здесь царила тягостная тишина. Ана, сидевшая на плече Гарайна, вздрогнула.

Они перешли на быструю ходьбу; Гиби держались вместе. Трэла чуть не плакала.

— Они летят так медленно — из-за нас. А еще так далеко...

— Смотрите! — Дандэн указал на равнину.— Моргели!

Стая моргелей, объятая страхом, неслась вскачь. Они пробежали в сотне ярдов от людей, но не свернули со своего пути. Некоторые лишь зарычали.

— Они уже, считай, мертвые,— заметил Дандэн.— Им не успеть добраться до убежища в Подземельях.

Прошлепав через мелкий ручей, трое припустились бегом. Трэла споткнулась и сбила шаг. Гарайн сунул Ану Дандэну и, прежде чем девушка успела запротестовать, подхватил ее на руки.

Туман становился гуще, окутывая их как занавесом. Черные волосы, тоньше, чем шелк, перехлестнулись через горло Гарайна. Голова Трэлы лежала на его плече, ее вздымающиеся груди изгибались дугой, когда она вдыхала душный воздух.

Затем неожиданно они столкнулись с толпой Народа. Кто-то бросился к Трэле с напевным криком: это Сэра приветствовала свою госпожу.

Женщины унесли Трэлу, оставив Гарайна слегка разочарованным.

— Туманы, иноземец,— сказал Ург, показывая на отверстие Пещер. Двое из Народа нажимали на рычаг. На отверстие опустилась хрустальная пластина и, щелкнув, встала на место. Пещеры были наглухо закрыты.

Туман снаружи стал теперь чернильно-черным и волнами бился о защитный барьер. Ночью он будет еще чернее.

— Так будет сорок дней. Все, что без защиты,— умрет,— сказал Ург.

— Значит у нас есть сорок дней для подготовки,— вслух подумал Гарайн. Лицо Дандэна просветлело.

— Хорошо сказано, Гарайн. Сорок дней до прихода Кипты. У нас много дел. Но сначала надо принести дань уважения Лорду Народа.

Они прошли в Тронный Зал. Увидев Дандэна, Трар поднялся и протянул ему жезл власти с нефритовым наконечником. Сын Древних коснулся его.

— Приветствую Живущего в Свете и иноземца, который выполнил завет Трэна. Трэла снова в Пещерах. Теперь ты должен превратить этот Черный Трон в пыль...

Гарайн достал из-за пояса разрушающий жезл, но Дандэн покачал головой.

— Еще не время, Трар. Кипта должен закончить то, что он начал. Темные Существа придут сюда через сорок дней.

Трар задумался.

— Значит, дело идет к концу. Но Трэн не говорил о новой войне...

— Но он предвидел конец Киптьі!

Трар выпрямился, как будто сбросил с плеч тяжесть.

— Ты правильно говоришь, Лорд. Чего нам бояться, когда здесь есть человек, который сядет на Розовый Трон? Слушай, о Народ, в Пещеры вернулся Свет!

Народ эхом откликнулся на его крик.

— А теперь, Лорд,— Трар с уважением повернулся к Дандэну,— каковы твои приказания?

— Перед тем, как немного поспать, я пойду в Комнату Обновления вместе с этим иноземцем, который более не иноземец, а Гарайн, принятый Дочерью согласно закону. А пока мы отдыхаем, пусть все приготовят...

— Живущим в Свете сказано!

И Трар сам проводил их из Холла.

Они прошли по извилистым переходам к глубокому бассейну, в котором прятались странные пурпурные тени. Дандэн разделся и нырнул в него. Гарайн последовал его примеру. Вода бодряще пощипывала тело, и они пробыли в ней недолго. Из бассейна они прошли в шарообразную комнату вроде той, где Гарайн лежал после лечения световыми лучами. В середине комнаты лежали подушки, и они с наслаждением вытянулись на них.

Гарайн проснулся с тем же ощущением ликования, какое он чувствовал раньше. Затем они оделись и поели, и Дандэн отправился в лаборатории. Гарайн пошел было с ним, но Сэра перехватила их.

— Дочь хочет поговорить с Лордом Гарайном...

Дандэн улыбнулся.

— Иди,— приказал он.— Распоряжения Трэлы не могут быть третированы.

Холл Женщин был пустынен. И коридор по ту сторону, выложенный по кровле и стенам плитами хрусталя с розовыми переливами, был как вымерший. Сэра отдернула золотистый занавес, и они вошли в комнату аудиенций Дочери.

Полукруглое возвышение из прозрачнейшего хрусталя, нагруженное розовыми и золотыми подушками, было обращено к ним. Перед ним фонтан, в форме цветка,

качающегося на изогнутом стебле, посылал брызги воды в мелкий бассейн. Стены комнаты были разделены на альковы мраморными колоннами, каждая из которых изгибалась наподобие папортникового листа.

Из-под куполообразного потолка, подвешенные на цепях из скрученного золота, семь ламп, каждая созданная из одного желтого сапфира, давали мягкий свет. Пол был мозаикой из золота и хрусталя.

Две маленькие Аны, которые играли среди подушек, забормотали в ответ на приветствия Гарайна. Но здесь не было и следа хозяйки комнаты. Гарайн повернулся к Сэре, но прежде чем он смог выразить свой вопрос, она спросила насмешливо:

— Кто такой Лорд Гарайн, что он не может подождать с терпением? — Но она отправилась на поиски Дочери.

Гарайн недовольно оглядел комнату. Столь роскошное помещение — не место для него. Он шагнул к двери, но тут появилась Трэла.

— Приветствую Дочь! — Его голос звучал официально и холодно, даже для него самого.

Ее руки, поднятые для приветствия, упали. Лицо ее затуманилось.

— Приветствую тебя, Гарайн,— медленно ответила она.

— Ты послала за мной...

Он торопился поскорее уйти из этой драгоценной шкатулки и от недостижимого сокровища, которое в ней находилось.

— Да,— холодно сказала она.— Я желала узнать, беспокоят ли тебя твои раны и как ты устроился.

Он взглянул на свое гладкое тело, полностью излеченное мудростью Народа.

— Я в полном порядке и рад делать ту работу, которую мне поручит Дандэн...

Она резко отвернулась от него, так что ее платье как бы зашипело на полу.

— Ты можешь идти,— приказала она.

Он слепо повиновался. Она говорила с ним, как со слугой, которого можно вызвать и отослать. Даже если ее любовь принадлежит Дандэну, она могла бы предложить Гарайну хотя бы дружбу. Но в глубине души он знал, что дружба была бы жалкой крохой того пиршества, к которому стремилось его сердце.

Позади послышались шаги. Значит, она велела по-

звать его обратно! Его гордость возмутилась. Но это была Сэра. Ее голова выступала вперед до тех пор, пока она поистине не стала напоминать пресмыкающееся.

— Дурак! Моргель! — зашипела она.— Даже Темные не третировали ее так! Убирайся из Холла Женщин, пока тебя не разорвали в куски!

Гарайн постарался не обращать внимания на ее брань и упреки. Он попросил одного из Народа проводить его в лаборатории.

Пройдя глубоко под поверхностью Тэйва, где светоносные пылинки разгоняли даже тень мрака, они вошли в место непрекращающейся деятельности. Здесь стояли столы с грудами инструментов, стеклянных колец, металлических трубок и других материалов. Это была фокусирующая точка для беспрерывных потоков Народа. В дальнем конце Гарайн увидел высокого Сына Древних, работающего над каркасом из металла и блестящего хрусталя.

Дандэн благодарно взглянул на подошедшего Гарайна и быстро проинструктировал его, и вскоре Гарайн стал лучшим помощником Дандэна. Они лихорадочно работали над устройством защиты, чтобы успеть закончить его до конца сезона Туманов. Они проводили в лабораториях дни и ночи. Дважды они входили в Комнату Обновления, но кроме этих необходимых экскурсий, они не выходили из лабораторий. От Трэлы не было никаких известий, и никто о ней не говорил.

Жители Пещер полагались на два способа защиты: ядовитая зеленая жидкость, которую наливали в хрупкие стеклянные шары и бросали на врага, и энергетический экран. Незадолго до рассеивания Туманов это оружие было перенесено ко входу и установлено там. Дандэн и Гарайн в последний раз проверили его.

— Кипта сделал ошибку, недооценив своих врагов,— рассуждал Дандэн, ласково дотрагиваясь до края экрана.— Когда я был взят в плен в день гибели моего народа, меня доставили в лаборатории Темных, чтобы их ученые могли изучить секреты Древних. Но я оказался более способным к роли ученика, чем к роли учителя, и открыл защиту от Черного Огня. Впоследствии я узнал, что Кипту раздражала моя мнимая глупость, и он попытался воспользоваться мной, чтобы вынудить Трэлу подчиниться ему. За это — как и за многое другое — он заплатит. Давай подумаем об этом...

Он повернулся, чтобы приветствовать Трара, Урга и других вождей Народа, которые подошли незаметно.

Между ними стояла Трэла. Ее взгляд был устремлен на прозрачную стену, отделяющую их от редеющего Тумана. На Гарайна она обратила не больше внимания, чем на Ану, игравшую с ее шлейфом, или на женщин, шептавшихся позади нее. Однако Гарайн отступил в тень — и видел не орудия войны, а облако черных волос и прекрасные белые руки под роскошной вуалью.

Ург и еще один вождь налегли на дверной рычаг. С протестующим скрипом стеклянная стена ушла в скалу. Зелень Тэйва звала их прогуляться по ее свежести; жизнь возрождалась. Но на всем этом пространстве луга и леса царила странная тишина.

— Поставить часовых,— приказал Дандэн.— Темные скоро появятся.

Он подозвал Гарайна и сказал Трэле:

— Давай пойдем в Тронный Зал.

Но Дочь не ответила на его улыбку.

— Сейчас не время заниматься пустяками. Лучше воззвать к помощи тех, кто ушел до нас.

Сказав так, она бросила на Гарайна ледяной взгляд и пошла обратно. Сэра несла за ней шлейф.

Дандэн взглянул на Гарайна.

— Что произошло между вами?

Гарайн тряхнул головой.

— Не знаю. Мужчине никогда не понять женщину.

— Но она на тебя злится, и ты должен знать, почему.

На мгновение Гарайном овладело искушение сказать правду: что он не осмелился сломать барьер, который она воздвигла между ними, объяснить Дандэну, что дело не только в его гордости. Но он молча покачал головой.

Никто из них больше не видел Трэлы до тех пор, как в Пещеры вошла Смерть.

5. Битва в пещерах

Гарайн и Дандэн смотрели на равнину Тэйва. На некотором расстоянии от них стояли две тонкие башни со стальными верхушками. В действительности это были полые трубы, содержащие Черный Огонь. Перед ними хлопотали фигуры в черной одежде.

— Видимо, они считают, что мы уже разбиты. Позволим им думать так,— комментировал Дандэн, дотраги-

ваясь до экрана, который они установили перед входом в Пещеры.

Пока он говорил, Кипта важно прошел по высокой траве и крикнул:

— Эй, скальный житель, я хочу поговорить с тобой...

Дандэн обогнул экран. Гарайн шел на шаг позади.

— Я слушаю тебя, Кипта.

— Хорошо. Я надеюсь, что твои уши служат тебе так же хорошо, как и глаза. Вот мои условия: Трэла будет жить в моих комнатах, а иноземец будет развлекать моих капитанов. Открой Пещеры без сопротивления, чтобы я мог по праву занять место в Тронном Зале. Сделай это, и между нами будет мир...

Дандэн неподвижно стоял перед экраном.

— Вот наш ответ: вернись в Подземелья; сломай мост между твоей страной и нашей. Пусть Темные Существа никогда не появляются здесь, всегда...

Кипта расхохотался.

— Значит, таково ваше решение! Тогда мы сделаем так: Трэла будет моей на время, а потом я отдам ее своим капитанам...

Гарайн прыгнул вперед и ударил Кипту кулаком по губам; его пальцы схватили Кипту за горло, в то время как Дандэн, пытавшийся оттащить Гарайна от его жертвы, вдруг закричал:

— Берегись!

Из травы выскочил моргель. Его зубы сомкнулись на запястье Гарайна и вынудили его отпустить Кипту. Тогда Дандэн свалил моргеля тяжелым ударом своего пояса.

Кипта ползком добрался до своих людей. Нижняя часть его лица была залита кровью. Он с дикой яростью выкрикнул приказ.

Дандэн потащил Гарайна за экран.

— Будь осторожнее! — говорил он, задыхаясь от ярости.— С Киптой надо расправляться не голыми руками, а другими средствами.

Башни качнули своими верхушками по направлению к входу. Дандэн приказал плотно заклинить экран.

Моргель, сбитый Дандэном, пошатываясь, поднялся на ноги. Когда он наполовину прохромал расстояние, отделявшее его от хозяина, Кипта приказал открыть огонь. Широкий луч черного света вылетел из верхушки ближайшей башни и ударил зверя в голову. Раздался визг агонии — и моргель обратился в серый пепел, тут же унесенный ветром.

Черный луч ударил в экран и был отражен с глухим треском. Трава под ним сгорела, осталась лишь голая опаленная земля. Те, кто стоял в Пещере за своей хрупкой защитой, почти ослепли от блеска вспыхнувшей травы и закашлялись от едкого дыма, клубами выходившего из трещин скалы.

Затем луч угас. Тонкий дымок вышел из верхушек башен, от почерневшей земли пошел пар. Дандэн облегченно вздохнул.

— Выдержало! — воскликнул он, отбросив, наконец, державший его страх.

Люди Народа тащили к экрану трубчатые машины, в то время как другие несли сосуды — шары с зеленой жидкостью. Дандэн стоял в стороне, как будто эта работа была исключительно делом Народа, и Гарайн вспомнил, что Древним Существам было запрещено отнимать жизнь.

Теперь здесь командовал Трар. По его приказу шары были помещены в ложкообразные патроны. Бойницы экрана щелкнули и открылись. Трар дал сигнал. Шары медленно поднялись, проскользнули в бойницы и поплыли к башням.

Один, нацеленный поближе, ударился о выжженную землю и лопнул. Жидкость медленно вытекла наружу и обратилась на воздухе в серозеленый газ. Другая струя газа поднялась уже от подножия одной из башен — и затем другой...

Мгновенно последовали мучительные вопли, которые вскоре ослабли до нытья. Они могли видеть очертания людей или животных, некоторое время качавшееся в тумане.

Дандэн отвернулся, его лицо побелело от ужаса. Гарайн зажал уши руками, чтобы не слышать этих криков.

Наконец все затихло; никакого движения у башен не было. Ург заложил в ближайшую машину светящийся розовый шар и выпустил его во вражеский лагерь. Шар втянул в себя остатки газа, очистив воздух. Тут и там лежали сморщенные, мертвенно-бледные существа. Башни нависали над ними.

Одна из прислуживающих Трэле женщин ворвалась в их круг.

— Скорее! — Она вцепилась в Гарайна.— Кинта схватил Трэлу!

Она помчалась обратно, американец за ней. Они вбе-

жали в Тронный Зал и увидели борющуюся группу перед возвышением.

Гарайн услышал звериное рычание и не сразу понял, что оно исходит из его собственной глотки. Через секунду его кулак прилип к отметинам на лице Кипты. С воплем ярости Темное Существо выпустило Трэлу и бросился на Гарайна, вцепившись ногтями ему в лицо. Дважды Гарайн ухитрялся вырваться и нанести хорошие удары по ребрам врага. Наконец ему удалось сделать захват, которого он жаждал и его пальцы сомкнулись на горле Кипты. Несмотря на сопротивление Темного Существа, он держал его до тех пор, пока обмякшее тело не перестало двигаться.

Задыхаясь, Гарайн поднялся с залитого кровью пола и ухватился за Нефритовый Трон для опоры.

— Гарайн! — Руки Трэлы обхватили его, жалеющие пальцы касались его ран. В эту минуту он забыл Дандэна, забыл все то, что старался помнить. Она была в его объятиях, его рот искал ее губы. Она не отвечала, но уступала, как цветок уступает ветру.

— Гарайн! — прошептала она нежно. Затем, уже застенчиво, бросилась прочь.

За ней стоял Дандэн с белым лицом и плотно сжатыми губами. Гарайн опомнился и, опустив глаза, старался не смотреть на любимую.

— Итак, иноземец, Трэла бросается в твои объятия...

Гарайн быстро обернулся. Кипта сгорбился на широком сиденье агатового трона.

— Нет, я не умер, иноземец,— и не тебе убить меня, как ты думаешь сделать. Сейчас я уйду, но вернусь. Мы уже встречались и ненавидели, сражались и умирали раньше — ты и я. Ты был тогда неким Гараном, Маршалом Воздушных Сил Ю-Лака на исчезнувшем мире, а я был Лордом Кума... Это было в дни, прежде чем Древние Существа еще не проклали путь в космос. Ты, я и Трэла — мы были связаны вместе, и даже рок не может разбить эти оковы. Прощай, Гарайн. А ты, Трэла, вспомни конец того Гарайна. Он был не из легких.

С последним злобным хихиканьем он откинулся назад на троне. Его избитое тело резко упало. Затем четкие линии трона стали расплываться и мерцать, а затем трон и сидящий на нем исчезли. Они уставились в пустое место, над которым возвышался Розовый Трон Древних Существ.

— Он сказал правду,— пробормотала Трэла.— Мы

имели другие жизни, другие встречи — и так будет впредь. Но сейчас он возвращается в темноту, которая его породила. Все кончено.

Глухой шум неожиданно наполнил Пещеры; стены закачались Ящеры и люди, они столпились вместе, пока колебание не прекратилось. Наконец появился вестник с сообщением от Гиби, что Подземелья Мрака завалены землятрясением. Угрозе Темных Существ определенно пришел конец.

Поскольку в Пещерах были обвалы и некоторые проходы оказались закрытыми, небольшое число людей Народа пострадало. Разведчики Гиби донесли, что местность около входа в Подземелья осела, и что Золотая Река вышла из берегов и разлилось озером на этом месте.

Насколько они могли узнать, никто из Темных Существ не пережил битвы и обвала Подземелий. Но не было уверенности, что горстка поставленных вне закона все же не могла остаться где-нибудь в Тэйве.

Сам кратер изменился. На центральной равнине появилась цепь холмов, деревья в лесу попадали, как подрубленные гигантским топором, и лужа кипящей грязи исчезла.

Вернувшись в свой город, Гиби нашли большую часть своих восковых небоскребов разрушенными, но они принялись строить все заново без жалоб. Белки-фермеры появились из своих нор и снова принялись работать на полях.

Гарайн чувствовал себя лишним во всей деятельности, охватившей Пещеры. Больше чем когда-либо он был здесь иноземцем, а не жителем Тэйва. Неугомонно он исследовал Пещеры, проводил долгие часы в Месте Предков, изучая людей внешнего мира, бывших его предшественниками в этой странной земле.

Однажды ночью, когда он вернулся в свою комнату, нашел там Дандэна и Трара, ожидавших его. В позе Дандэна была какая-то удивительная суровость, а в манерах Трара — трезвая рассудительность.

— Был ли ты в Холле Женщин после битвы? — резко спросил Сын Древних.

— Нет,— коротко ответил Гарайн, удивляясь, что Дандэн обвиняет его в двойственном поведении.

— Отправлял ли ты послание Трэле?

Гарайн сдержал поднимающееся раздражение.

— Я не отважился на то, чего не могу.

Дандэн кивнул Трару, как будто его подозрения подтвердились.

— Теперь ты сам видишь, Трар, как обстоит дело.

Трар медленно покачал головой.

— Но такого проступка никогда не было...

— Ты забыл,— резко напомнил ему Дандэн.— Это было однажды — и наказание было взыскано. Так будет и теперь.

Гарайн растерянно переводил взгляд с одного на другого. Дандэном, казалось, владел безжалостный гнев, а Трар выглядел несчастным.

— Это должно произойти после Совета, так желает Дочь,— сказал Лорд Народа.

Дандэн шагнул к двери.

— Трэла не будет знать. Совет состоится сегодня вечером. А пока посмотри, чтобы он,— Дандэн указал большим пальцем на Гарайна,— не оставил этой комнаты.

Таким образом Гарайн оказался пленником под охраной одного из Народа, не способный понять, в чем Дандэн его обвиняет, или как он возбудил ненависть правителя Пещер. Наверно, взыграла ревность, и Дандэн решил окончательно избавиться от соперника.

Решив так, американец охотно пошел в комнату, где ждали судьи. Дандэн сидел во главе длинного стола, по правую его руку — Трар, а остальные вожди Народа — поодаль.

— Вы знаете обвинение,— со злобой сказал Дандэн, когда Гарайн вошел и остановился перед ним.— Этот иноземец собственным языком обвинил себя. Поэтому я прошу, чтобы вы вынесли ему такой же приговор, как и иноземцу второго призыва, который восстал против требования.

— Иноземец признал свою вину? — спросил один из Народа.

Трар печально наклонил голову.

— Да.

Гарай открыл рот, чтобы спросить, в чем его обвиняют, но Дандэн сказал:

— Что вы скажете, Лорды?

Они долго молчали, а затем дернули своими головами в знак согласия.

— Поступай как хочешь, Живущий в Свете.

Дандэн невесело улыбнулся.

— Смотри, иноземец.— Он провел рукой над стеклом показывающего зеркала, вделанного в верхнюю часть стола.— Такова судьба бунтовщика...

В гладкой поверхности зеркала Гарайн увидел изображение пролома в стене Тэйва. У ее подножия стояла группа мужчин Древних, и в их кругу боролся пленник. Они заставили его влезь на стену кратера. Гарайн видел, как он добрался до края и медленно двинулся по нему, шатаясь от испарений, стараясь увернуться от пара горячих источников, пока не скатился вниз, в кипящую грязь.

— Так он кончил, таков будет и твой конец...

Спокойная жестокость этого приговора подняла в Гарайне волну гнева.

— Лучше умереть, чем задерживаться в вашей норе,— с ненавистью крикнул он.— Я спас тебе жизнь, а ты посылаешь меня на такую смерть, даже не сказав, в чем меня обвинили. Ты немногим отличаешься от Кипты — за исключением того, что он был открытым врагом!

Дандэн вскочил, но Трар удержал его за руку.

— Он говорит справедливо. Спроси его, почему он не выполнил требования.

Пока Дандэн колебался, Гарайн наклонился через стол, швыряя свои слова, подобные оружию, прямо в это холодное лицо.

— Я признаюсь, что люблю Трэлу — люблю ее с той минуты, когда увидел ее на ступеньках шахты моргелей в Подземельях. С каких это пор любовь к тому, кто не может принадлежать тебе, является преступлением — если ты не пытаешься отнять его?

Трар выпустил руку Дандэна, его золотистые глаза блеснули.

— Если ты любишь Трэлу — требуй ее. Это твое право.

— Разве я не знаю,— Гайран повернулся к нему,— что она принадлежит Дандэну? Когда Трэн высказал свою волю насчет ее, он не знал, что Дандэн выживет. Неужели я унижусь до того, что стану принуждать ее к нежелательной для нее сделке? Позвольте ей идти к тому, кого она любит...

Дандэн мертвенно побледнел, его руки, все еще лежавшие на столе, задрожали. Лорды Народа один за другим выскользнули из комнаты, оставив их вдвоем.

— А я думал приговорить тебя к смерти,— прошептал Дандэн хрипло, как будто слова выходили между

сухих губ.— Гарайн, мы думали, что ты знаешь,— и все-таки отказываешься от нее.

— Что знаю?

— Что я — сын Трэна и брат Трэлы.

Пол закачался под ослабевшими ногами Гарайна.

— Какой же я дурак,— медленно произнес американец.

Дандэн улыбнулся.

— И какой благородный дурак! А теперь иди к Трэле, которая заслуживает того, чтобы услышать обо всей этой путанице.

И Гарайн, на этот раз с Дандэном, прошел второй раз по этому коридору, чтобы откинуть золотистые занавеси и предстать перед Дочерью. То, что она прочла в лице Гарайна, заставило ее вскочить с подушек и броситься в объятия. В словах они не нуждались.

И с этого часа началась жизнь Гарайна в Тэйве.

Часть 2

1. Лорд Ю-Лака

Часто я (бывший Гарайн Фитерстон из мира по ту сторону Туманного Барьера, а ныне Гаран Пламени, муж Лучезарной Леди, Трэлы, Дочери Древних Существ) слышал полузабытые легенды о этой царственной расе, которая прилетела с умирающей планеты через пустоту пространства, чтобы приземлиться на антарктическом побережье нашего молодого мира и выжечь здесь гигантский костер Тэйв для будущего своего жилья.

Время от времени, как мне рассказывали, они возобновляли энергию их рода, приглашая определенных людей из мира по ту сторону барьеров, которые они воздвигли. Я был одним из таких приглашенных. Но я пришел поздно и в смутное время. Ибо зло пришло в кратер, и конфликт расколол порознь жителей здесь. И теперь, из-за этого разгрома, который мы нанесли с помощью поруганной природы Кипте, Лорду Черного Пламени, и его приверженцам, из Древней Расы осталось только двое: моя жена и ее брат.

В момент своего низвержения Кипта сделал несколько непонятных обещаний насчет нашего неопределенного будущего, а также несколько насмешливых упоминаний о далеком прошлом, которые меня заинтересовали. Ибо он сказал, что мы трое — Трэла, Кипта и я — были связаны вместе. Мы жили и сражались в далеком прошлом, и снова будем жить и сражаться в далеком будущем.

Трэла рассказала мне историю Гарана, который лежит в Пещере Спящих. Но задолго до него — очень задолго — были и другие.

Поэтому, когда я спросил Дочь о словах Кипты, она привела меня в одну из странных шарообразных комнат, где были зеркала видения, вделанные в столы. И здесь села на скамью, покрытую подушками, потянув меня вниз рядом с собой.

— Мы пришли из далека во времени и пространстве, любимый,— мягко сказала она,— но все же не настолько издалека, чтобы я не могла вспомнить начало. А ты помнишь?

— Нет,— ответил я, глядя на зеркало.

Она вздохнула.

— Может быть, это справедливо: то была моя вина — мне и нести груз памяти. То, что мы сделали, мы двое, в великом городе Ю-Лаке на исчезнувшем мире Кранда, легло между нами надолго — очень надолго. Теперь это, наконец, ушло, но я боюсь вызвать это снова.

Я резко встал.

— Тогда мы оставим это.

— Нет! — она схватила мою руку.— Мы дорого заплатили, три раза мы платили за это. Один раз в Ю-Лаке и дважды в Пещерах. Теперь наше несчастье ушло, и мне хочется снова увидеть самое замечательное событие, которому я когда-либо была свидетельницей. Смотри же, мой Лорд!

Она подняла свои тонкие руки над зеркалом. Оно затуманилось.

Я стоял на причудливо изогнутом балконе из опалесцирующего камня, покрытого замысловатой резьбой, и смотрел вниз, еще не вполне проснувшись, на фантастический город. В розовом небе, странном для моих полуземных глаз, но все-таки близком, появились первые золотистые полосы близкого рассвета. Ю-Лак, Мо-

ГУЩЕСТВЕННЫЙ лежал подо мной, а я был Лордом Гараном, Маршалом Императорских Воздушных сил, пэром Империи.

По рождению я не имел права ни на этот титул, ни на должность, так как моя мать была придворной дамой, а отец — офицером. Они нарушили закон, запрещающий браки между различными кланами и кастами, и поженились тайно, и так обрекли меня с самого рождения быть одним из государственных воспитанников и нижайшим из низших.

К счастью для меня, и таких же неудачников, подобных мне, Император Форс, когда он взошел на Розовый Трон в Дворце Света, издал декрет, позволяющий государственным воспитанникам служить в армии. Я сделал свой выбор в пятнадцать лет и подчинил себя военному мечу.

Жизнь была тяжела, но это избавляло от худшей участи, и — имея некоторое честолюбие и одаренность, несомненно унаследованные от моего отца,— я шаг за шагом поднимался вверх. Через четырнадцать лет я стал Маршалом Императорских Воздушных Сил и военным лордом, произведенным собственной рукой Императора.

Но солдат, стоявший на балконе и глядевший вниз на удивительную красоту утреннего Ю-Лака, не был ни счастлив, ни доволен. Все его с тяжелым трудом завоеванные почести значили для него не более, чем многочисленные шрамы на его теле. Ибо он осмелился (хотя ни один человек не знал этого) поднять глаза и отдать сердце одной, столь же далеко стоящей над ним, как красное солнце Кранда находилось далеко над желтыми полями.

Я, ветеран бесчисленных пограничных стычек и рейдов, был подавлен и томился, как мальчишка и самый неоперившийся рекрут, беспокойно дремлющий в казармах под моей башней. Хотя в течение дня я решительно изгонял свое нечестивое стремление, однако ночью и на рассвете мои память и сны выходили из-под контроля, как ни страдал и ни старался я держать их в узде.

Подобно жрецам, кающимся в великом храме Оуна, я терзал себя воспоминаниями, которые причиняли куда более невыносимое страдание, чем любая телесная рана. Среди моих товарищей я слыл закаленным воином, холодным сердцем и неинтересующимся ничем, кроме неотложных дел моего ведомства.

Три года — Великий Оун, неужели это было так давно? Тогда я командовал флагманским кораблем Импера-

тора, трижды счастливым судном, которое было выбрано перевезти Лэди Трэлу из ее храмовой школы в Торане в хрустальный дворец ее отца, венчавший центральный холм Ю-Лака.

Имперская Принцесса была окружена бесчисленными придворными ее свиты, но одной благославленной ночью она ускользнула от них всех и вошла в контрольную кабину, где я — несомненно, по указанию Свыше — остался дежурить в одиночестве. И когда прошел наш украденный час, она была для меня не Имперское Величество, а Трэла.

С тех пор я видел ее дважды. Один раз в тот день, когда я преклонил колено перед Императором, получая от него жезл моего звания, и осмелился поднять глаза на золотой трон по его правую руку. А второй? Это было в императорских садах удовольствий, где я ожидал аудиенции. Она прошла мимо с ее дамами. Кто я такой, с выжженным на плече военным клеймом, чтобы смотреть на Несравненную Особу?

Касты на Кранде были строго разграничены. Человек мог высоко подняться в какой-нибудь одной, но не мог перейти в другую. Крестьянин мог стать лордом страны и дворянином, но никогда ни он, ни его сыновья не могли служить при дворе и во флоте.

Так же военнослужащий, даже если он рожден с титулом, не имел права жениться на дочери Ученых. Они были нашими правителями и великими дворянами, находящимися бесконечно выше обычных людей по объему своих знаний. Они обладали огромной способностью так же использовать и подчинять своей воле людей и природные силы, как я властвовал над безмозглыми рабами на полях, этой субчеловеческой расы, которую Ученые создали в лабораториях. Они были особой расой, благословенной — или проклятой — со сверхчеловеческими силами.

Однако Трэла была моей возлюбленной, и все декреты Императора и цепи древних обычаев не могли ни уничтожить этого факта, ни стереть образ Трэлы из моего сердца. Я думаю, что так и закончил бы свою жизнь, довольствуясь лишь поклонением ей в моих снах, но Судьба совершенно иначе решила будущее всех ничтожных человеческих созданий, которые ползали по шару, каким был Кранд.

В это утро я недолго предавался жалости к себе и бесплодным желаниям. Крошечный колокольчик зазве-

нел в комнате позади меня, давая знать, что кто-то желает войти в мою спальню. Я подошел к диску на стене и провел по нему рукой. На его полированной поверхности появилось изображение моего адъютанта, этого молодого пройдохи, Анатана из Хола.

— Войди,— сказал я в отверстие трубки, помещавшейся рядом с диском, таким образом своим голосом открывая дверь.

— Привет, бездельник, в какую стычку ты опять впутался? — покорно спросил я, привыкший принимать с раннего утра кающегося, но виновного молодого офицера, являющегося ко мне, чтобы я вытащил его из какого-нибудь затруднительного положения, в которое он попал из-за беспечности и юношеской храбрости.

— Как ни странно,— ответил он весело,— ни в одну. Хвала Оуну. Но внизу ждет посыльный из дворца.

Несмотря на все мое самообладание, мой пульс ускорился. Я снова повернулся к моему вызывающему диску и приказал писарю во внутренней канцелярии заверить посыльного, что я приму его, как только должным образом экипируюсь.

Анатан сам разложил мой мундир и снаряжение, пока я плескался в ванной. Одновременно он болтал о сплетнях и слухах в казармах и при дворе.

— Лорд Кипта приехал нанести нам визит,— сказал он.

Я уронил тунику, которую уже взял в руки.

— Кипта из Кума? — спросил я резко, надеясь, что мое смятение не будет замечено.

— Какой же еще? Здесь существует только один Кипта, о котором я знаю.— Его внезапно округлившиеся невинные глаза не обманули меня.

Но Анатан, несмотря на все его легкомысленные разговоры и манеры, всегда был верен мне, и я не боялся, что он изменит мне теперь. Ни к кому я не чувствовал такой ненависти, как к Кипте из Кума, который имел силу раздавить меня как насекомое и который также сумел бы быстро использовать эту самую силу, узнай он когда-либо о моих истинных чувствах к нему.

В каждой груде фруктов всегда найдется один плод, который мягче и более склонен к гниению, чем другие — и если этот самый плод не убрать, он со временем испортит и остальные. По моему мнению, Хозяин Кум как раз и был таким гнилым плодом среди Ученых.

Он не общался более с членами своей касты, а жил

замкнуто в высокой мрачной каменной цитадели своего темного, продуваемого ветрами города, проводя здесь тайные эксперименты в своих лабораториях, находящихся далеко под поверхностью Кранда. В чем именно заключались эти эксперименты, никто из Ученых не мог сказать, но я имел свои подозрения и они были не из приятных. У всех знаний существует как темная, так и светлая сторона, и, если слухи были справедливыми, Кипта поворачивался к мраку гораздо чаще, чем к свету. Я слышал рассказы и даже записал один или два, но без доказательства, что я мог сделать? Лорд Кипта был Ученым по рождению, а я был государственным воспитанником, который из-за благосклонности Императора добился некоторых известности и положения. Если я хочу сохранить и то и другое, или даже свою жизнь, мне лучше было бы забыть смутные истории.

Кипта был весьма популярен у определенной категории офицеров моего корпуса. Время от времени он щедро принимал гостей, и его кошелек был всегда открыт для тех, кто временами испытывал финансовые затруднения. Но мой подозрительный ум рассматривал это как желание Кипты сделать как можно больше военных обязанными ему. Я всегда очень вежливо благодарил его за многократные приглашения, но ссылался на неотложные дела. Глядя на меня, Анатан и лучшие из его товарищей поступали так же.

Однако, это случалось не часто, чтобы Хозяин Кума покидал свою высокую главную башню. Он предпочитал приглашать компанию к себе, а не искать ее вне своей крепости. Но в прошлом месяце был сбор Ученых Ю-Лака, и он, несомненно, был вызван Императором присоединиться к ним.

Если он приехал занять свое место среди пэров, то его не ожидали так рано, я об этом знал. Как Командующий Аэропортом Ю-Лака, я не получил предупреждения об его приезде, так чтобы я мог приготовить стоянку для его личного корабля среди прогулочных и походных судов семьи Императора. Его внезапное появление, почти необъявленное прибытие означало неприятность для любого человека, подумал я с беспокойством.

Я застегнул пряжку на своих украшенных драгоценными камнями чешуйчатых доспехах, служивших больше для церемониала, чем для защиты, и защелкнул замок перевязи для меча. Взяв из рук Анатана свой серебристый военный плащ, я оставил апартаменты.

Лестница, которая вела из моей личной резиденции к служебным кабинетам, вилась изящной крутой спиралью вокруг центрального стержня конусоподобной башни. Ее стены были цветисто украшены фресками со стилизованными сценами войны и охоты — занятий, всегда соединяющихся воедино в умах моей расы. Но тут и там в гладкую отделку окрашенной поверхности были глубоко вделаны обзорные зеркала, так что идущий мог быть во мгновение введен в контакт с любой частью громадной военной базы, сердцем которой была коническая башня.

Мне интересно было проверить подготовленность моих младших офицеров, пока я шел. Я мельком увидел один из почти устаревших верховых отрядов, возвращающийся с ранних утренних маневров. Люди ехали верхом непринужденно, их маленькие, покрытые чешуей животные, жаждущие приюта конюшен, волочили их тяжелые бронированные хвосты по пыли учебного плаца. Таких отрядов осталось только два, и у них были необременительные обязанности: быть стражами Императора, когда он желает путешествовать по стране.

Торговля, в лице разделенных границей купцов, первой продемонстрировала выгоды пересечения наших переполненных островами морей и горных стран быстрым и безопасным воздушным транспортом. Военные вскоре последовали их примеру. Пехота и отряды всадников были поспешно расформированы; высокомерные и всемогущие Воздушные Силы расширили и укрепили свое положение за одно десятилетие. Военно-морской флот исчез из пришедших в упадок гаваней Кранда, исключая горстку судов, гниющих, хотя они качались на якорях, что могла удостоиться титула, который гордо носило когда-то полмиллиона военных кораблей.

Недовольное выгодами и превосходством, которое оно похитило у сил защиты, Воздушное Министерство пыталось, как я сперва подозревал и мог теперь доказать, установить непоколебимую монополию. Какую дикую цель они поставили для себя, только Оун знал, и все же, вопреки всем предупреждениям, правители Кранда отказывались вмешаться против них.

Я нет-нет, да трогал пальцами рукоятку своего меча, пока шел. Люди давно уже не пользовались металлом, чтобы разрешать свои страсти и ненависти; оружие, которое я носил, было лишь приятной игрушкой, символом моего ранга. На войне использовались более искус-

ные вооружения: жидкости, которые сжигали и замораживали, смерть, которая скручивала сам воздух вокруг жертвы. А ужасы, и во сне не снившиеся большинству рода человеческого, разрабатываемые в различных лабораториях. Выскочившая вспышка — какой человек может предвидеть результат? И этот сбор Ученых в Ю-Лаке. Ни одно дикое племя на границе не было охвачено мятежом; пять великих наций много лет жили в мире. Однако, я волновался, и моя рука невольно касалась рукоятки меча для большей уверенности, хотя говорят, что нет лекарств против страха.

Посыльный из дворца, изящный молодой офицер, прикрепленный к охране Императора, нетерпеливо ожидал моего появления.

— Трон желает присутствия достопочтимого Лорда Гарана,— официально изложил он.— Он будет иметь честь присутствовать в Зале Десяти Принцев в третьем часу.

— Слышать — значит повиноваться как этому, так и всему другому,— пробормотал я стандартный ответ, требуемый от получателя императорского послания.

Он преклонил колено и коснулся пола передо мной в знак приветствия.

В третьем часу? Тогда у меня еще есть время съесть завтрак, прежде чем я должен буду пойти. Взяв Анатана под локоть, я прошел в столовую, которая располагалась внутри башни. Мы заняли два сиденья у полированного стола, который тесно прижимался к стене. Анатан дважды нажал крошечную кнопку на конце стола. Стенная панель, обращенная к нам, опустилась назад, и выскользнули чашки с едой. Пища была приятного вкуса и чрезвычайно питательная, но так приготовлена с искусственными окрасками и привкусами, что ни один не мог даже сказать, каково естественное происхождение того или иного блюда. Этот обычай, введенный жителями сверхцивилизованного города, мне никогда не нравился, и я тосковал по грубой, но, для меня, более сочной пище, какую подавали в пограничных лагерях или в маленьких деревенских гостиницах.

Горожане, пресыщенные всем, что могла предложить им утонченная жизнь, разучились радоваться жизни. На их наполненные ароматом «дворцы удовольствий» крепкий деревенский люд смотрел с праведным ужасом. И, если те многочисленные рассказы, которые мы слышали, были обоснованы, тайная полиция могла действи-

тельно найти многое, что могло заинтересовать их, в одном из этих прекрасных, почти сказочных замков.

Как бы читая мои мысли, Анатан прервал молчание.

— В квартале Сотан появился новый «дворец».

— Итак,— снисходительно заметил я,— ты наткнулся на него прошлой ночью?

Он покачал головой с притворной печалью.

— Он не для таких, как я. Я шел мимо и видел, как туда вошел Кандон из Стала, а у двери стояли охранники Лорда Пэлкуна.

— Видимо, крупная игра?

Я удивился вслух, когда он назвал имена двух самых богатых и влиятельных людей из низшего ранга Ученых, которые содержали резиденции в Ю-Лаке.

— И это, и кое-что еще.— Он усмехнулся в знакомой манере, от которой его мальчишеское лицо стало злым.— Если Лорд Гаран захочет нанести визит туда, не понадобится ли ему компаньон?

— И когда это, щенок, я бессмысленно тратил время за занавесями «дворцов удовольствий»? Но я обещаю тебе,— добавил я легкомысленно, не будучи способным прочитать будущее,— когда я войду во дворец в Сотане, то ты будешь рядом со мной.

— Договорились! И это является обещанием, мой Лорд,— нетерпеливо выкрикнул он. Таким образом мы прекратили разговор, потому что я залез в одномоторный флайер, который должен был перенести меня через город к посадочной площадке за хрустальными стенами дворца Императора.

2. Хозяин Кума

Все еще было раннее утро, воздушные линии над большей частью города не были переполнены прогулочными и деловыми судами, которые парили бы, ныряли вниз или мчались наперерез в более позднее время. Кроме одного или двух патрульных, мимо которых я пролетел, никто не пересек мне путь, до тех пор пока я точно не развернул свой корабль, прежде чем приземлиться на площадке рядом со средним, наклонным шпилем крепости.

Затем случилось так, что легкий, черный двухместный флайер, чьи плавные линии указывали на скорость и надежность в управлении, грубо вклинился перед носом

моего корабля, пошел вниз и приземлился плоским брюхом как раз на то место, которое я наметил для себя.

С темпераментной речью, приготовленной для опрометчивого юнца, который так своевольно узурпировал облюбованное мной место, я посадил свой крошечный флайер рядом с блестящим черным скоростным судном. Но это был не отпрыск какого-нибудь придворного, с кем я встретился лицом к лицу, когда вышел из машины.

Так как, с пренебрежительной улыбкой, содержащей, по-моему, более чем подозрительную насмешку, скривившую его тонкие губы, высокий Хозяин Кума задержался у начала направленного книзу откоса. На его надменно поднятой голове не было ни церемониальной короны, ни шлема, и утренний ветер трепал его кудрявые черные волосы и рвал тяжелые фалды длинного оранжевого плаща.

Рядом с ним стоял его пилот, хмурый малый, Джеплен из Тока, который имел дурную репутацию среди боевых людей в течение многих лет. Он, по крайней мере, не претендовал на мою дружбу, а хмурился так воинственно, что его брови сошлись вместе как колючий кустарник.

— Наш достопочтенный Лорд Гаран,— промурлыкал Кипта.— Можем ли мы отважиться поздравить победителя Тэрнана с подвигом? Джеплен проявил жестокий приступ зависти, когда вести о твоем успехе достигли нашего жалкого захолустья. Я даже удивился его полному выздоровлению. Оно полное, или нет, Джеплен? — он изводил насмешками своего угрюмого офицера.

— О, да,— проворчал тот, все время стараясь очень ясно прочесть по лицу Кипты его истинное мнение обо мне и моих действиях.

Мое военное обучение не могло мне помочь в словесных и мысленных изгибах дворцовой речи, где могут хвалить человека фактически в лицо, в то же время сильно презирая его. Так как моя речь была склонной становиться такой прямой, как мысли, я не любил разыгрывать придворного более, чем это было необходимо.

— Вы оказываете мне чересчур большую честь, милорд,— ответил я со всей учтивостью, какую смог собрать.— Слово похвалы от Хозяина Кума не отпускается необдуманно.

Его опущенные веки слегка приподнялись, улыбка стала более ярко выраженной.

— Дни, проведенные при дворе, отполировали солдата, чтобы создать из него настоящего придворного,— заметил он уже с прямой и нескрываемой насмешкой.

Человек моей касты и ранга не досчитался бы зубов за меньшее. Положение Кипты защищало его от моего негодования, и он отлично это знал, и все же никогда прежде его враждебность не была такой открытой. Неудивительно — в моих венах кровь ускорила свой бег,— если он открыл какой-нибудь след моей деятельности и пытливого недоверия к нему. Его маска чувства товарищества слетела, и я увидел подлинное лицо человека, который пользовался этой маской для своих целей.

Итак, хотя мои мышцы и напряглись, я обуздал свой возрастающий гнев. Но когда-нибудь, если Оун позволит, я встречусь лицом к лицу с этим насмехающимся дьяволом как мужчина с мужчиной.

— Я благодарю Хозяина Кума.— Мой ответ был таким холодным, каким я смог его сделать, но тем не менее формально вежливым.

Он плотнее запахнул плащ вокруг своих широких плеч и резко повернулся, с Джепленом по пятам. Я подождал минуту или две, пропуская их вперед, прежде чем последовал за ними по скату вниз.

Пока я стоял здесь, меня заинтересовали плавные линии кумского флайера. Корабли были моей жизнью, и новые очертания всегда меня привлекали. Хотя я не рискнул задержаться, чтобы исследовать его внимательно, я понял, что его форма, в особенности внешний вид моторного отделения, предполагала какое-то совершенно новое развитие, нечто совсем отличное от нашей самой современной конструкции.

По-видимому, рабочие темного северного острова нашли какую-то новую форму продвижения вперед, создав в результате машину намного меньше и более компактнее, чем я когда-либо видел.

Я неохотно оторвал себя от этого рассматривания, зная, что Кипта заподозрит меня, если я задержусь слишком долго. Но я решил, когда поставил ногу на откос, открыть секрет элегантного судна прежде, чем его хозяин снова быстро бы удалился из Ю-Лака.

Откос кончался единственной широкой ступенькой, и затем я очутился на зеленой и янтарной мостовой, которая вела в Зал Девяти Принцев. Вздымающиеся ко-

лонны из отполированной меди поддерживали кровлю в покрытом проходе, но бока были открыты для наполненных ароматом ветров. Налево от меня четыре потемневшие ступеньки из тусклого зеленого камня вели в первый из удивительных садов, которые делали внутреннюю часть раскинувшейся цитадели местом чудес и наслаждений.

Направо ступеньки, ведущие вниз, были круче, давая доступ к бронзовой площадке, где полдюжины или около этого ярко раскрашенных яликов качались на желтой, усыпанной лепестками воде одного из пяти каналов. Так как было еще рано, никто, кроме одинокого охранника, не ходил по галерее. Ни одна дама, не смотря на мои дерзкие надежды, не гуляла по дорожкам сада и не проплывала в образе лепестка по каналу. Там царила только спокойная тяготящая тишина.

Но Зал Девяти Принцев был занят, когда я вошел. Одна из самых небольших совещательных палат и приемных комнат дворца, зал был снабжен массивным столом, вырубленным из единого бревна и обработанный знаменитым науглероживающим процессом в лабораториях Императора, так что он стал таким твердым и прочным, как вековые скалы Имуринского моря. Точно в центре у этого стола, расположенного так, чтобы сидящие за ним видели единственный вход в палату, стояло кресло из того же самого материала, а по обеим сторонам кресла — скамьи без спинок.

Благодаря моему положению, я хорошо знал Императора и членов его всесильного совета. Ибо большая часть последних были справедливыми, хотя и строгими, людьми, требовавшими от своих подчиненных стойкой и абсолютно преданной верности к государству. Убедившись в моей честности, они предоставили мне почти полную свободу в моем ведомстве, требуя только полумесячные рапорты. В прошлом, с тех пор как я вступил в свою высокую должность, наши отношения были довольно дружескими, хотя никогда не становились теплее, чем допускала строгая формальность двора.

Но сейчас здесь произошло изменение в их отношении. Долгие годы почти постоянной войны и служения в армии снабдили меня шестым чувством, появляющимся у тех, кто ходит по самому краю опасности. И теперь я тотчас ощутил напряжение и некоторую холодность, которой встретили меня, как только я вступил внутрь.

То ли я олицетворял какую-то личную опасность, то ли какой-то неизвестный мне случай встревожил их — я не знал. Но то же самое ощущение, которое направляло мою руку к мечу этим утром, когда я торопился встретиться с посыльным Императора, снова дернуло мои пальцы по направлению к оружию на бедре. Я почувствовал, как натянулась кожа на моих плечах. Здесь пахло тревогой.

— Маршал Флота приветствует Лорда Воздуха, Правителя Пяти Морей, Любимого Оуном...— начал я официальное приветствие.

— Достаточно.— Голос Императора сухо оборвал меня.— Садись, Лорд Гаран,— вон там.— Он указал на табуретку приблизительно в шести шагах от того места, где я стоял. Я повиновался, но теперь во рту у меня внезапно пересохло. Здесь существовала опасность — для м е н я!

— Ты содержишь тайную службу информации, или нет!

— Да, Великий. Это существенная часть моих обязанностей.

— А это тоже часть твоих обязанностей? — Он передал две металлические пластинки служителю, стоявшему сбоку. Тот обогнул стол и остановился передо мной, держа то, что он нес, так что я мог увидеть это.

Вырезанные на мягкой поверхности металла чертежи и формулы были совершенно незнакомы для меня. Полностью озадаченный, я поднял глаза на холодную маску, которой было лицо Императора.

— Я никогда не видел этого раньше, Ваше Величество. И я не понимаю их смысла.

— И все же они были найдены среди секретных документов твоей разведывательной службы,— ответил он многозначительно.

Я взглянул ему прямо в лицо.

— Я повторяю, Великий, что никогда не видел этого раньше.

После чего Малкус из Трота, тощий — кожа да кости — человек, начисто лишенный всяких добрых чувств, захихикал, прикрыв рот волосатой рукой. Эта злая пародия на человека с его клокотавшим в горле смехом разозлила меня, чего несомненно он как раз и добивался.

— Стоит ли Маршал Флота перед судом за преступ-

ление, Великий? Я умоляю вас, милорды, будьте немного откровеннее с вашим слугой.

Император нахмурился.

— Жалоба на этот твой отдел и тебя была подана людьми Кума...

Кум! Это название разорвалось красным пламенем в моем разуме. Кум! Значит, я был прав, подозревая какой-то дьявольский смысл в необъявленном прибытии Кипты.

— За некоторыми личными делами Хозяина была установлена слежка...

Я вздрогнул. Тут моя совесть действительно была нечистой. Я подыскивал ключ к мрачной загадке Кипты. В этом я был виновен.

— А теперь, как и предсказывал Лорд Кипта, среди твоих бумаг было найдено это.— Рот Императора скривился.

— Ваше Величество и милорды, я могу только повторить то, что уже говорил: эти пластинки, которые вы показали мне, я никогда раньше не видел. Если они действительно были найдены среди бумаг Флота, то я не знаю, как они попали туда. Но я обещаю вам,— закончил я искривленными губами,— что не буду медлительным в изыскании сути этого странного дела.

Малкус снова захихикал, его неприятное кудахтанье непрошенного веселья отдалось эхом по всему залу.

— Смотрите, добродетель оскорбился,— изрек он, веселясь.

Я быстро повернулся к нему.

— Вы насмехаетесь надо мной, милорд?

Он пожал плечами, но не удостоил меня другим ответом. Я поднялся на ноги. Твердыми руками я расстегнул пряжку перевязи с мечом и снял ее.

— Великий, так как кажется, что я не являюсь более достойным вашего доверия, я возвращаю в ваши руки этот символ моего звания. Я был простым и откровенным солдатом, и солдатом собираюсь быть. Я немного знаю о зигзагах государственной политики, но мне ясно, что стране зачем-то нужен козел отпущения. Если мое личное разжалование пойдет на пользу Ю-Лаку, я готов получить распоряжения. Ибо я знаю, что был преданным при всех обстоятельствах по мере своих сил и способностей.

— Теперь это, милорды, немногими может быть произнесено в Ю-Лаке сегодня,— быстро и ясно произнес чей-то голос. Я обернулся.

В дверях стоял человек моих лет, судя по одежде — Ученый. Но даже среди Великих я знал только троих с такой могучей духовной силой. Ее имели Леди Трэла и Император, и — Кипта. Но у куминца была чужая воля, не такая, как у других. Кем был этот новоприбывший, я не знал, но какая-то сокровенная часть меня, нерушимая часть, признала и приветствовала предводителя людей.

— Приветствую тебя, Трэн,— Император поднялся.

— Мир и вам, Ваше Величество. Позвольте приветствовать вас, милорды.

С легкой грацией он пересек комнату, чтобы встать рядом со мной.

— Что я вижу? Почему благородный полководец отдает свой меч? Может ли хоть один человек в чем-нибудь упрекнуть Гарана из Ю-Лака?

— Но совсем недавно,— сказал я горько,— я также просил ответить на этот ваш последний вопрос, милорд.

Наши глаза встретились и я почувствовал некоторую теплоту, распространяющуюся по мне.

— Я наблюдал за тобой, Лорд Гаран. И, говоря открыто перед этим собранием, я скажу, что здесь нет другого человека внутри пределов внутреннего моря, на которого я охотнее всего возложил бы свое доверие. Это говорю я, Трэн из Гурла!

Император улыбнулся, его холодная маска раскололась.

— Подними свой меч, милорд. Где доказательство преступления отсутствует, там не может быть аргументов за или против человека. Но было бы хорошо добраться до сути этого дела, хотя бы ради собственного успокоения. Слово, сказанное в ухо мудрого человека, более важно, чем шорох мимолетнего бриза.

Совершенно ошеломленный этим внезапным резким изменением, я застегнул свою перевязь и преклонил колено, чтобы коснуться пола перед собранием.

— Могу ли я уйти, Великий?

Император кивнул. Я повернулся уходить, но, как я знал, глаза Трэна были на моей спине до тех пор, пока я не вышел из палаты. Какая-то игра, чьей ставки или цели я не мог понять, была разыграна, или, возможно, игра только что началась. Но то что я был частью этой игры — в этом сомневаться не приходилось.

Все еще ломая голову над этой странной встречей в Зале и прощальными словами Императора, я отклонил-

ся к садам, взамен возвращения прямо к посадочной площадке и своему флайеру.

Мне было ясно приказано возвратиться домой и выявить личность, или личности, ответственную за появление куминских документов среди моих официальных документов. Я должен был безотлагательно пустить в ход свою секретную машину наблюдения и следствия.

Но мои мысли продолжали странствие к идее, что кто-то пытался дискредитировать меня перед собранием, хотел таким образом сместить меня с занимаемой должности. Это могло означать только одно обстоятельство — я был угрозой. Воздушные Министры, с их неуклонно растущей властью, или Кипта из Кума, от которого каждая капля крови во мне начинала пульсировать,— кто из них действовал против меня теперь? Ибо в прошлом году я копался в секретах обоих, стараясь обнаружить нечто таинственное, которое — я з н а л — лежало там, дожидаясь, когда будет открыто.

Где-то на Кранде был центр беспорядков, ответственный за каждую пограничную стычку, за каждое усиление городских смут, даже за редкие авиационные катастрофы — в этом обстоятельстве я был твердо убежден. Но — доказательство? Какой человек может вызвать призрачное чувство свидетельствовать в своих интересах?

Эта мысль повлекла за собой любопытство. Почему Трэн из Гурла, которого, насколько мне известно, я никогда раньше и в глаза не видел, появился в тот самый момент, когда его речь в мою пользу смогла весьма помочь мне? Я полагал, что был знаком со всеми Лордами из Ученых, но он был мне неизвестен. И все же, человек с таким личным магнетизмом и силами должен быть широко известен. Гурл был скалистым островом далеко на севере; он не вмещал городов какой-нибудь значительности, и его жители в основном были бедствующими рыбаками. Кто был Трэн из Гурла?

Погруженный в эту и другие проблемы, я забрел в сады глубже, чем предполагал. И теперь я оказался на обширной, ровной лужайке с густой желтой травой, где собралась группа леди, смотрящих на шалости пары крошечных существ, называемых Анами. Я собрался было сразу же ретироваться, но одна из девушек, увидев меня, крикнула:

— Милорд, сжальтесь над нашим положением. Ана Сэн-сэн удрала в кусты и не хочет выходить, потому что

эти две злючки дергали ее за шерсть. Она там кричит. Не выручите ли вы несчастное существо ради нас?

Это была Аналия, которая так обратилась ко мне, младшая сестра Анатана, дочь старинной и благородной военной семьи. Сейчас, выполняя ее просьбу, я сбросил мешающий мне плащ и снял шлем, прежде чем, подбадриваемый их криками, полез в густые кусты.

Ана сама подошла ко мне, и я вынес ее в триумфе; мои волосы ужасно взъерошились и пара длинных ярко-красных царапин прочертила мое предплечье. Аналии доставило удовольствие восклицать надо мной и ничего не делать, но все же направила меня на соседнюю полянку, где был фонтан и где мои пустяковые раны могли быть исцелены.

В их бесхитростной компании я забыл до некоторой степени о своих постоянных тревогах. В сущности я никогда не был неопытным и пользующимся наслаждениями беспечным юношей. Со дня своего пятнадцатилетия я принял на себя положение и заботы мужчины, и с этого дня я никогда не ослаблял ни на один час своей бдительности против мира, в котором, как я знал по тяжело добытому опыту, было нелегко существовать. Но теперь, в эти короткие полчаса, в компании придворных девушек, я вернул обратно небольшую часть той неопытной юности.

Все это закончилось слишком быстро. Но я не пожалел об этом из-за такого окончания. Из-за тонких листов папоротниковых деревьев вышла та, которую я хорошо знал.

Трэла из Ученых стояла, улыбаясь нам.

Каждая струя ее черных волос казалась для меня сетью вокруг моего сердца, и, очарованный ею, я находился в оцепенении. Я был счастлив стоять и наблюдать за игрой выражения на ее лице, в то время как ее леди с радостными криками собрались вокруг нее.

3. Дворец удовольствий в Сотане

— Привет тебе, милорд Гаран.— Она улыбалась, глядя мне в лицо.

— Привет и тебе, Цветок Ю-Лака.— Я приложил к губам и ко лбу протянутую мне руку.

— Ты пренебрегаешь нами, милорд. Неужели заботы твоего ведомства ложатся такой тяжестью на тебя, что ты не можешь часок-другой провести с нами?

Я стоял, разинув рот, неспособный собрать свои мысли в находчивый ответ на эту мягкую насмешку.

— Я, как всегда, в твоем распоряжении, величественная Леди,— запинаясь, пробормотал я.

— Тогда ты должен повиноваться мне сейчас,— быстро сказала она.— Поможешь мне в Голубом Бассейне, милорд. Мне нужна там лишняя пара рук. Нет, малышки, вы останьтесь здесь.

Отделавшись таким образом от своих девушек, она повела меня с собой. Но вместо того, чтобы идти по тропинке к Голубому Бассейну, она разыскала маленький садик в гроте и села там на каменную скамью.

— Садись, Гаран; я многое должна сказать, а времени для этого у меня мало. Во-первых — дай посмотреть на тебя. Сколько же времени прошло? Три года, не так ли? Я могу даже сказать тебе количество часов в днях. Ах, почему ты не родился?.. Но достаточно! Ты сделал разумно для себя, Гаран.

— Только потому, что...— начал я горячо, но ее нежные пальцы поспешили запечатать мои непослушные губы, преградив путь потоку опрометчивых слов.

— Не то, Гаран, не то! Существуют другие вещи, о которых мы должны поговорить. Ты, кажется, рылся в опасных омутах знания, задавая щекотливые вопросы неподходящим людям. И что ты узнал?

Я пожал плечами.

— Довольно немного. Каждая тропинка приводит в конце концов к глухому барьеру.

Она кивнула.

— О, они умны, очень умны. Но ты сделал кое-что для начала. И поэтому — будь бдительным, оглядывайся назад по ночам, Гаран. Ты идешь по прогнившему мосту; ты уверен, что он не разрушится, чтобы увлечь тебя в бездну. Но с этого часа ты не должен сражаться в одиночку, воин. Ты знаешь Трэна из Гурла?

— Я увидел его впервые час назад.

— Трэн, как и ты, прикладывает свое ухо к земле и таким образом слышит вещи, не предназначающиеся ему. Дважды его путь тайного расследования пересекался с твоим, и тогда он понял, что здесь существует другой, кто сомневается в будущем. Ибо не все мы, Гаран, бездельники и дети, играющие на солнце. Некоторые из нас готовятся к подходящему шторму...

— Значит, ты имеешь какую-то определенную мысль о том, что нагрянет? — прервал я нетерпеливо.

— Еще нет. Тут неделю тому назад открылся новый дворец удовольствий в квартале Сотан.

Я нахмурился, сбитый с толку ее быстрой переменой темы разговора.

— Да, мой помощник говорил мне.

— Было бы неплохо, если бы ты посетил его, Гаран.

— Но...— торопливо запротестовал я.

— О, достаточно хорошо известно, что ты не ходишь в подобные заведения, но позволь мне уговорить тебя побывать там сегодня ночью. Нет, большего я не могу сказать. Будь осторожен, Гаран. А теперь уходи, и быстро, прежде чем придут мои девушки, разыскивая меня. Три года, Гаран...— Ее голос угас, после того как она отправила меня прочь. Я не осмелился оглянуться назад.

Ошеломленный собственными спущенными с цепи эмоциями, я добрался до посадочной площадки и своего флайера. Черный корабль из Кума до сих пор находился там, отчужденный и производящий впечатление среди яркоокрашенных судов, которые теперь заполняли поверхность платформы, но я уделил ему не более чем один мимолетный взгляд. Все мои мысли были далеко от того, что не касалось этой встречи, и я размышлял, что могло быть скрыто внутри этих ее двух слов — «три года».

Я полностью пришел в себя только тогда, когда мой флайер приземлился на площадке оборонительной башни и я увидел мальчишескую фигуру Анатана, торопливо бросившегося мне навстречу. Тогда я вспомнил обещание, которое так необдуманно дал ему этим утром. Невозможное стало действительным.

— Приехал Закат из Ру, милорд. Он ждет вас в офицерской комнате,— почти выпалил молодой офицер, прежде чем мои ноги коснулись настила посадочной площадки.

— Немедленно приведи его в мои личные комнаты,— приказал я.

Ру был самой северной колонией Ю-Лака, блиставшего цепью зависимых стран. Три месяца в году его опустошенные ветром равнины были почти непригодными для жилья. Но богатства, лежащие в его промерзших горах, привлекали нас, так что мы держали Ру в ревнивых тисках. Линия укрепленных постов, крошечных оазисов цивилизации — таковы были границы, которые мы возвели в этой мрачной стране.

Закат был офицером старой школы, которые управляли людьми и страной тяжелой, но всегда справедливой рукой. Я доверял ему больше, чем любому другому из подчиненных мне офицеров. Событие достаточно серьезное, чтобы привести его в Ю-Лак, было действительно тяжелым, чтобы омрачить будущее. С ощущением внезапного холода от этого я расхаживал по своей внутренней комнате, ожидая его появления.

— Привет, Лорд.— Плотная фигура в дверях вытянулась в официальном приветствии.

— Входи, Закат. Я рад снова пожать твою руку. Но какая судьба привела тебя из твоего обрамленного снегом севера?

— Злая судьба, Гаран.— Он смерил меня своими глазами, пока отвечал, и затем, с вздохом облегчения, добавил: — Все в порядке. Ты до сих пор не стал городским жителем, получив титул лорда. Здесь нет ни ожирения, ни трясущихся рук, ни мрачных глаз — ничего, что могло бы изменить тебя. Ты до сих пор тот лихой парень, который сопровождал меня в Улал в давние дни?

— Я не изменился, военный пес. Виму, и ты тоже. Дай мне открытое сражение, и я буду рад...

— Открытое сражение! — Он скривился.— Этого я не могу предоставить тебе, Щетина Темного Существа! Может ли человек сражаться с призраками и победить?

Поразительно было слышать свои собственные мысли, которые исходили от этого северного полководца.

— Что случилось в Ру?

— Ничего такого, на что я мог бы наложить свою руку, иначе я быстро покончил бы с этим, можешь быть уверен,— многозначительно сказал он.— Это всего лишь растущая тревога, перешептывания, источник которых я не могу проследить, необоснованные слухи, мятежные разговоры. Скажу тебе откровенно, Гаран, я сейчас одинок в Ру.

— Ты хочешь помощи? — предположил я.

Он встряхнул головой.

— Ты должен знать меня лучше, чем кто-то, парень. Когда это было, чтобы я бежал, скуля, к своим хозяевам? Нет, не помощь в материальном смысле. Но иногда две головы лучше, чем одна. Я хочу откровенно поговорить с единственным человеком в Империи, которому я могу полностью доверять. В Ру беспокойно, и я не могу

проследить, в чем дело. Ибо в первый раз я остался безо всякой поддержки..

— Не ты один страдаешь,— вмешался я резко.

— Что ты имеешь в виду?

— Не считая тебя, Анатан из Хола и еще один человек,— я вспомнил ее в саду,— я также являюсь одиноким сегодня. Этим утром Император проверял мою лояльность.

— Что! — Он скочил на ноги, глядя на меня в страшном изумлении.

— Это правда. И все потому, что подобно тебе я пытался обнаружить основу всей этой массы интриг, которые растут и увеличиваются по всему Кранду. Я тоже сражаюсь с призраками, Закат.

— Так,— он опять опустился на свое место,— какой же выход существует из этого положения? Ну, парень, похоже, мы снова в Улале, но в этот раз мы должны драться не кулаками, а умом. Давай поговорим и уясним, что же случилось за те годы, которые прошли с тех пор, как мы вместе сражались.

— Расскажи мне о Ру,— потребовал я.

Он нахрмурился.

— Трудно выразить в словах то ощущение, которое охватывает меня, когда я передвигаюсь от гарнизона к гарнизону. Внешне все хорошо; в этом смысле все в порядке. Страна находится в мире с варварами; беспорядков на рудниках там нет. И все же я чувствую, будто иду по мосту, подпорки которого разрушены. Меня преследует мысль, что сердцевина этого проклятого дела лежит обнаженной перед глазами, и я мог бы обнаружить ее, будь я чуточку умнее. Это дело задумано дьяволом.

В прошлом месяце добыча в Сапитских рудниках была на десять процентов ниже, чем обычно. И тем не менее инженеры встретили меня с вежливыми объяснениями, для которых я не имею достаточно знаний, чтобы проверить их. За последние три месяца там произошло несколько сотен самоубийств. Вновь набранные рекруты находятся в скверном состоянии — умственно, морально, физически. Близ Форта Штаб-квартиры убиты три настуха, и нельзя понять, как они были способны проникнуть так далеко вглубь колонизированных стран и как их не заметили. Противоестественные огни появились в небе, и дважды штабель легковоспламеняющейся руды был подожжен таинственным способом. У горцев

появилась новая тайная религия. Случаи все пустячные, но, собранные вместе, достаточные, чтобы заставить человека крепко задуматься.

— Кого ты подозреваешь?

Он пожал плечами и затем ответил мне уклончиво:

— Там находился человек из Кума, который совершил путешествие через горы.

— Кум! Всегда Кум! — Я ударил кулаком по подлокотнику своего кресла.

— Да, всегда Кум,— тяжело отозвался Закат.— А теперь, каковы фантомы, которых ты преследуешь так безрезультатно?

— Хлебные бунты в провинции Кэт, возникшие из-за незапланированного неурожая. Дождя там было в избытке, почва — самая плодородная в Империи, но в этом году поля были удивительно бесплодными. И Ученые не смогли объяснить этого, по крайней мере мне.

Затем здесь появился новый культ Блуждающей Звезды или приблизительно такой же бессмыслицы. Я подвергнул дисциплинарному взысканию четырех своих людей за посещение ими митингов и за подстрекание к беспорядкам впоследствии. Кто-то тайно пронес бутылки портукала в казармы, и я повесил одного человека за введение в употребление практики вдыхания дыма листьев райта. Ты знаешь, к чему это приводит? — Он кивнул, и я продолжал: — Как и ты, я интересуюсь Кумом. И мой интерес возрос настолько, что я привел в движение определенный механизм три месяца назад.

— И какой результат? — в его вопросе было нетерпение.

— Да никакого. И все же я не думаю, что разведчики, которых я посылал туда, были абсолютными дураками.

— Изменники? — предположил он.

— Возможно. Но что я могу сделать? Час тому назад меня предупредили, чтобы я остерегался. И затем это дело с находкой секретных куминских документов среди моих бумаг. Император приказал мне предоставить человека, ответственного за их нахождение там, или отвечать самому за это дело.— Я продолжал объяснять Закату все, что произошло со мной на суде.

— Что ты знаешь об этом Трэне? — спросил я в заключение.

Он встряхнул головой.

— Ничего. Гурл — довольно незначительная, пропах-

шая рыбой обнаженная скала в господствующем море. Я посетил дежурный гарнизон, находящийся там, только один раз, вскоре после того, как получил клеймо. Ученых там не было, во всяком случае тогда. Но Лорд Гурла заинтересовался твоими делами с какой-то целью. Я должен вспомнить его. А что тут делает Кипта? Раньше он не слишком жаловал вниманием общество членов своей касты.

— Когда ты возвращаешься в Ру? — внезапно спросил я.

— Рано утром,— ответил он с некоторым удивлением.— Почему ты спрашиваешь?

Я улыбнулся.

— Тогда ночью ты будешь традиционным солдатом-отпускником...

— Что ты имеешь в виду? — прервал он.

— Сегодня ночью мы вместе посетим новый дворец удовольствий в квартале Сотан.

Он взглянул на меня с некоторым отвращением.

— Никак не думал, что Гаран из Флота дошел до посещения дворца удовольствий...— начал он, но я перебил его.

— Мы пойдем с поручением. У меня есть основания предполагать, что проницательный человек может обнаружить там кое-какие интересные факты. Ты должен был бы знать меня лучше, Закат, и не подозревать так всецело.

Хмурые морщины на его лбу разгладились.

— Три года абсолютной власти и изнеженной жизни часто изменяют человека к худшему, парень. Но я не хотел бы думать, что этим мир наложил на тебя печать.

— Значит, ты пойдешь?

— И охотно. Несмотря на все,— в его тоне появился озорной юмор,— я не откажусь осмотреть интерьер дворца удовольствий за чужой счет.

— Добро, значит, договорились. А теперь, что ты скажешь насчет того, чтобы провести со мной утренний смотр?

— Давай! Это мне больше по вкусу, чем все дворцы удовольствий в этом вашем тепличном городе.

Итак, с Анатаном и Закатом по пятам, я начал свой ежедневный обход. Похоже, что в моем мозгу, обостренном утренним делом, появилось достаточно подозрений в слабости моих людей. Частичные отклонения в выполнении точных приказов, следы расхлябанности, которая

продолжала существовать несмотря на мои выговоры, едва различимое начало упадка в первоклассных отрядах, некоторая опрометчивая дерзость, отмечаемая в самых молодых людях,— я увидел все это и результат принес домой к себе, так как никто еще, кроме меня, и других, подобных мне, не стоял перед растущим призраком какой-то неизвестной опасности.

Я знал, что Закат тоже видел, что лежит отчетливо перед нами, и что он тоже тщательно анализировал и взвешивал впечатления от утренней проверки. Мы сидели за обедом в столовой вместе, но почти не разговаривали до тех пор, пока не закончили, и я повернулся к нему.

— Ну?

Он покачал головой.

— Какой человек может подвергнуть дисциплинарному взысканию призраков? Я видел здесь то же самое, что и в Ру. И что я могу посоветовать, когда сам не могу привести в порядок собственный дом? Но клянусь Меченосной Рукой самого Оуна, парень, я пойду с тобой до конца, что бы ни случилось. А теперь давай пойдем в этот ваш дворец, раз ты так решил.

Мы устремились в мою гардеробную и там переоделись в богатую, но небросающуюся в глаза повседневную форму, потому что я надеялся скрыть наши личности, если смогу. Анатана предупредили сделать то же самое, и, пока я прикреплял тяжелый мешочек с похожими на бруски монетами к поясу, мы встретили его за дверью, тяжело дышащего от волнения.

— Запомни,— предостерег я,— что мы должны по возможности остаться неузнанными и ночью находимся на службе. Не вздумай отделиться от нас и, самое главное, держи язык за зубами.

— Слышать — значит повиноваться, Лорд.

Напоследок я оглянулся вокруг. Какое-то внутреннее чувство, должно быть, подсказало мне, что пройдет немало времени, прежде чем я пойду обратно по этому коридору.

— Пошли.

На посадочной площадке нас ждал скромный флайер без каких-либо опознавательных знаков, и мы залезли внутрь. Анатан взял управление на себя, и мы по пологой спирали поднялись над военным кварталом. Мы с моим помощником договорились приземлиться на общественной стоянке, примыкающей к дворцу, так как

только постоянным и хорошо известным завсегдатаям предоставлялась привилегия использования конфиденциальной стоянки на его крыше.

Закат сильно протестовал, но мое желание секретности одержало верх, к моему сожалению. Очень скоро под нами заблестели фиолетовые светильники общественной стоянки, и Анатан посадил флайер. Служащий подошел, чтобы направить нас в ряд других кораблей и получить плату, которую Анатан приготовил заранее. Закат и я держались в тени, надвинув наши шлемы так, что клювообразные козырьки затемняли наши лица.

Анатан сунул в карман квитанцию за корабль, и мы пошли по откосу, который вел вниз до уровня улицы. Там, никем не замеченные, мы скользнули в толпу. Ю-Лак всегда становился прекраснее с наступлением ночи. Тогда ритм его жизни получается полным и шумным, иллюзия беззаботного веселья скрывает праздное времяпровождение горожан.

— Направо,— Анатан направлял нас.

Я буквально задохнулся, когда впервые увидел объект нашего изучения. Сокровища, должно быть, лились рекой при постройке той грезы, что стояла перед нами. Стены с вырезанными на них животными и цветами были сделаны из кремового хрусталя, чуть розоватого наверху и густошафранового у основания.

Широкий портал был открыт в соответствии с правилами, однако слабо мерцающая портьера скрывала наслаждения внутри от глаз случайного прохожего. На двенадцати розовых ступенях, ведущих наверх к нему, бездельничали телохранители и слуги, одетые в ливреи полдюжины или более самых богатых лордов города. Все касты, кроме военной, были представлены здесь.

Изящная смуглая девушка-рабыня, с раскосыми, вызывающими глазами, стояла, ожидая, чтобы распахнуть портьеру для нашего прохода. Она лукаво вскинула на меня глаза и с усмешкой сказала:

— Вы решили сегодня почтить нас своим посещением, Лорд Гаран?

Моя слабая надежда на секретность пропала.

— Да, лунный цветок. Разве скромному солдату Флота запрещено участвовать в ваших развлечениях?

— Ничуть! — Странно рассмеялась она. Затем, выдернув из-за пояса похожий на флейту свисток ее пустынной родины, она извлекла из него низкую мелодичную ноту.

Тонкая белая рука выскользнула из-за портьеры и поманила нас внутрь. Терианка улыбнулась.

— Гид ждет вас, милорд. Входите.

Со своими двумя спутниками я прошел через разрез портьеры.

4. Айла и Лания

Квадратный вестибюль, в котором мы оказались, освещался мягким желтым светом одной из новых солнечных ламп. Напротив нас был широкий сводчатый проход, прикрытый пурпурной с зеленым металлическим отливом занавесью. С рукой на складках этой занавеси стояла ожидающая нас проводница, девушка с покрытых льдом берегов Северного Ахола. Ее стройная фигура была закутана в янтарный шелк, и широкие полоски из мягкой меди охватывали ее грудь и талию. Ловко уложенная масса ее золотисто-рыжих волос скрывала почти все лицо, оставляя лишь узкий белый клинышек.

При нашем появлении она опустилась на колени и коснулась ладонями пола.

— Не соблаговолят ли благородные Лорды следовать за мной? — Ее голос был тонкий, но достаточно мелодичный.

Закат дернул меня за руку.

— Они, кажется, собираются получить слишком много удовольствия от нашей компании, парень. У меня такое ощущение, что мы лезем в клетку сапта.

Я предупреждающе сжал его пальцы. Но я также почувствовал, что мой пульс участился. Иллюстрация Заката была подходящей. Всего три дня назад я был свидетелем, как измученного и старого грифа ласково уговаривали спуститься по откосу, который вел к клетке тигантского сапта. И он довольно охотно пошел к своему концу, доверяя людям, которые убеждали его.

Девушка отодвинула занавес. Я без колебания вошел.

Комната, в которой мы очутились, была похожа на золотую чашу, вырезанную, чтобы встретить губы какого-нибудь горного божества. Она была овальной формы, окруженная кольцом сводчатых проходов, количество которых достигало двенадцати, похожих на тот, через который мы вошли, каждый из них был закрыт драпировками, цвета которых сбивали с толку и переходили в другие. Стены наверху сходились резко в конус, острие которого было открыто к звездам.

С того места, где мы стояли, пол опускался широкими ступенями, полностью окружавшими комнату. В центре этих все сужающихся рядов было небольшое овальное отверстие, из которого поднимались ленивые струйки окрашенного, душистого дыма. Массивные ступени были завалены грудами бесценных металлических изделий, украшенными драгоценными камнями графинами, стояли маленькие столики, нагруженные лакомствами. И здесь сидели, развалясь, большинство из тех, кто пришел до нас, которым прислуживали красотки дворца.

И они были прекрасными. Никогда раньше я не видел, чтобы все расовые типы, живущие под солнцем Кранда, собирались вместе. Каждая поражала своей красотой. Подобно темнокожей терианке у входной двери и белой ахолианке рядом со мной, каждая была идеальным образчиком своей расы.

Я услышал тяжелое дыхание Анатана и смешок Заката.

— Приятно грабить такое место,— сухо заметил Закат.— Нетрудно понять, почему эти дворцы закрыты для офицеров-летчиков низшего ранга. Сюда бы несколько моих руанских парней...

— Дыхание Зэнта,— перебил Анатан,— взгляните на эту девушку в черном. Видели ли вы когда-нибудь подобную ей?

Он указал на одну из пещерных жительниц Лапидиана. Ее волосы, обесцвеченные до белизны кости поколениями народа, который жил без света, обвивали гордую голову тяжелыми кольцами. Она была закутана от горла до пят в совершенно черное, но белые руки были обнажены до плеч. У нее был поразительный и выдающийся внешний вид, когда она медленно двигалась среди рядов своих куда более ярко одетых подруг.

— Не хотите ли вы остаться здесь, милорды? Или вы, может быть, пройдете во внутренние дворы? — мягко спросила ахолианка, когда мы вдоволь насмотрелись.

— Во внутренние дворы,— быстро ответил я, прежде чем Анатан успел запротестовать.

Мы последовали за ней по самой верхней ступени, на которую выходили двенадцать занавешенных сводчатых проходов. Анатан дернул меня за плащ и шепнул:

— Попросите показать Госпожу Дворца. Так полагается при первом посещении.

Удивляясь, откуда он получил свои познания, я выполнил его указания. Ахолианка кивнула и немедленно

отдернула прочь огненную с серебром портьеру, висящую на другой двери. Мы прошли мимо многих чудес. Я запомнил одну комнату, стены которой были из прозрачного хрусталя, а за ними плавали живые чудовища из внешних морей, странные создания с фосфоресцирующими телами или челюстями, сверкающими в тусклом свете. Там были и другие комнаты, такие же странные или такие же сверхъестественно прекрасные. Затем, наконец, мы вошли в маленькую комнату с белыми стенами и полом. Но свод был покрыт лаком ночной черноты, усыпанным большими звездами из хрусталя. Здесь на ложе арко-алого цвета возлежала та, кто правила всем этим красочным лабиринтом.

Судя по ее одежде и сильно накрашенному лицу, это была женщина Аркта. По контрасту с девушками снаружи, она была отвратительно плоской. Худая вплоть до истощения: ее туго обтягивающую фигуру платье из серебряной сетки показывало каждую кость и впадину. Лицо было густо раскрашено, как принято на ее родине: огромные пурпурные круги вокруг впалых глаз, оранжевые рубцы на губах, а все остальное набелено.

Однако, ее роскошные волосы по праву находились в этом дворце очарования. Черные и очень длинные, они не были изуродованы шпильками или заколками, а свободно падали и лежали на полу, когда она сидела.

Тем не менее, я уставился, раскрыв рот от изумления, не на правительницу дворца удовольствий, а на мужчину, который сидел, развалясь, у ее ног и болтал заплетающимся языком. Трэн из Гурла, держа нетвердыми руками кубок с вином, искоса взглянул на меня. Опершись на ее ложе для опоры, он поднялся, покачиваясь, на ноги.

— Твои новые друзья, Айла? Могу ли я тогда выразить недовольство, что другие добиваются твоего общества, или нет? Увы, твоя благосклонность не для меня одного. Но могу я хоть остаться, или должен уйти?

Она покачала головой, а ее глаза, обращенные к нам, смотрели холодно и недружелюбно.

— Останься, милорд. А вас, милорды-незнакомцы, я рада видеть в своем владении. Но стоит вам только шепнуть Лании о своих желаниях, и перед вами окажется все, чего бы вы ни пожелали.— Она показала жестом в сторону ахолианки. Так же небрежно она отпустила нас.

Трэн глумливо захохотал и качнулся ко мне.

— Эту сладость не тебе собирать, солдат. Иди поищи другие сады для своей добычи.

Что-то слабо щелкнуло о застежку моего плаща возле горла и упало в складки моего кушака. Разыгрывая сконфузившегося простака, я быстро вышел со своими спутниками из палаты, оставив Айлу и ее титулованного лорда в уединении, чего они и хотели.

Мои пальцы коснулись плеча Анатана, и я приблизил свои губы почти к его уху.

— Отвлеки на минуту эту Ланию.

Он бросил на меня быстрый взгляд и затем скользнул вперед, чтобы держаться рядом с плавно движущейся девушкой-проводником. Я нащупал в своем кушаке и вытащил овальный серебряный шарик величиной с мой ноготь. Быстрый осмотр под прямыми лучами одной из коридорных ламп открыл тонкую линию, проходящую по его середине. Я был достаточно знаком с такими средствами для безопасной передачи секретных посланий. Одним вращением пальцев я разделил его на половинки и затем развернул кусочек исписанного шелка. Он гласил:

«Через час в Комнате Грифов. Никому здесь не доверяй».

Я молча протянул записку Закату. Он быстро просмотрел единственную строку и затем хищно усмехнулся.

— Похоже, мы лаем на горячий след, Гаран. Комната Грифов. Теперь наше дело — разыграть гуляк. Твой парень Анатан должен помочь нам здесь.

Я встревожился, когда увидел темную голову Анатана рядом с золотистой головкой ахолианки. Ибо было ясно даже для самого бестолкового зрителя, что они достигли некоторого взаимопонимания и увлеклись флиртом. Необходимо было предупредить мальчика, чтобы он сейчас не свалял дурака.

Я прибавила шагу и поравнялся с ними. С выставленными напоказ манерами кабацкого забияки я оттеснил плечом Анатана и бесцеремонно окликнул его спутницу:

— Эй, хозяйка. Мы отдали долг вежливости вашей госпоже, теперь веди нас к вашему приюту радостей. Подавай нам ваши чудеса.

Анатан готов был возмутиться моим непристойным поведением, когда, используя фалду своего плаща как штору, я сунул записку Трэна ему в руку. Толчок в спину сказал мне, что он прочел и понял.

— Что бы вы хотели, милорды? — спросила Лания

с ласковой покорностью.— Вина? У нас самые лучшие. Крепкое белое марочное вино из Ру, густое пурпурное из Хола, золотистое из Кума — и множество других. Не позабавят ли вас танцовщицы? В одном из наших залов золотистые девушки из забытых храмов Кора следуют мистическим лабиринтам былых богов, во всем Ю-Лаке вы не увидите ничего подобного. А может быть, вам нужны подруги на вечер? Девушки из пустынь Териата, так сильно предающиеся любви, как неистовые ветры их родины, лапидианки с серебряными волосами и страстными губами, женщины Аркта, владеющие всеми сладостными городскими пороками? У нас имеются здесь все нации, все характеры.

— Храмовые танцовщицы,— быстро выбрал Закат, и я одобрил его выбор, потому что из того, что Лания предложила нам, это казалось наименее вероятным для вовлечения нас в будущие затруднения.

Молча, она повернула в поперечный коридор, который вскоре стал скатом, ведущим вниз. Затем я впервые заметил тень тревоги на лице Заката. Анатан был явно мрачен и шел немного позади, как бы сомневаясь в нашем смелом предприятии. Сначала я подумал, что он просто надулся, но позднее понял, что у него был значительный аргумент сомневаться в нашем необдуманном выборе вечернего развлечения. Зал походит на тропические джунгли страны Кор, и он предполагал, что может находиться у подножия этого зловещего ската.

Хотя Кранд объединялся в культе Оуна и был так объединен веками, все же на нем до сих пор продолжали существовать в таких примитивных странах, как Кор и Ру, храмы древних богов, этим темным существам наш город поклонялся раньше, пока сам не выполз из логова зверя. Я, сам, знал очень немного о этих забытых и теперь тайных обычаях; в сущности, немногие, кроме приверженцев, знали о них. И эти адепты Кора были последним оплотом древней религии.

Тонкий звук волынки, такой высокий в гамме, что наши человеческие уши с трудом могли различать его тона, разорвал тишину. И с этим звуком пришло низкое биение, как будто воздух, мертвый и отяжелевший от неисчислимых лет, пульсировал за пределами восприятия в каком-то нечеловеческом ритме.

Закат неожиданно запнулся, шаркая ногами и меняя шаг.

— Ритм — гипнотизирующий контроль,— пробормотал он.— Не поддавайтесь ему.

Анатан тоже постоянно менял шаг — то широко шагал, то волочил ноги. Я начал подражать им. Скат, казалось, тянется в глубины самого Кранда, и в его гладких полированных стенах не было отверстий. Постоянно сверкающие светильники, размещенные на потолке над нашими головами через равные промежутки, постепенно меняли оттенок: от теплого золотого до леденящего голубого, а затем до какого-то туманного серого. Но до сих пор чуждый назойливый звук волынки и таинственное биение отбивали такт для наших шагов, несмотря на то, что мы и прыгали, и тащились, чтобы избежать их вяжущих чар. Только Лания равнодушно шла вперед, не оглядываясь на нас.

Наконец мы пришли в комнату вроде прихожей с тусклосерыми стенами и полом. Лания издала своим высоким голосом воющий крик, и сразу же часть стены отошла внутрь, выставляя темнату за ней.

— Мы должны принять меры предосторожности.— Лания кивнула по направлению к тайной двери.— Некоторые из наших чар не для обычных глаз.

Через похожую на щель дверь жуткая музыка слышалась громче, ее звуки, казалось, имеют какую-то странную жизнь и существуют сами по себе. Ахолианка прошла внутрь, а мы последовали за ней, но Закат, всегда быстро соображающий, обнажил свой разящий меч и сунул его в дверную щель, так что она осталась открытой на добрых два дюйма.

Мы очутились в абсолютной черноте, темноте такой густой, что она казалась реальным покрывалом. Чья-то рука коснулась меня, и мои пальцы сжались на украшенном драгоценными камнями браслете Анатана. Минутой позднее я услышал справа от себя тяжелое дыхание Заката.

— Ждите и смотрите, солдаты.— В голосе Лании была едва различимая тонкая насмешка.

Чуждый и прерывистый ритм звучал все громче и грознее.

— Двигайте пальцами, руками против этого ритма,— прошептал Анатан. Я почувствовал, как его запястье свободно вертится в моем захвате. Я послушно старался выполнить его советы.

Затем, из темноты над нами, вылетел одинокий луч света, зеленый, переходящий в серый. Этот свет казал-

ся гниющей эманацией чего-то гнусного и давным-давно мертвого. В нем было осторожно задуманное зло. Пока мы, как зачарованные, следили за этим лучом, золотые крылатые призраки проплыли по нему, двигаясь по кругу все время, пока, наконец, они не коснулись черного мозаичного пола, плиты которого, видимо, были вырублены в каменоломнях Древней Расы, тех, кто правил Крандом прежде, чем человеческая нога коснулась его поверхности.

Большие золотистые крылья опустились, сложились и исчезли, как будто их владельцы больше не собирались пользоваться ими. Затем пятнадцать живых желтых фигур начали свой танец. Буйный и прекрасный, и все же полный древнего смысла, который был чрезвычайно злым, этот танец производил впечатление. Каждая поза — соблазнительное приглашение, каждый скользящий шаг, казалось, стремился извлечь из глубины души наблюдателя ту темную часть его, которая унаследована им от зверей.

Когда я почувствовал это, то начал бороться каждой унцией своей внутренней силы, чтобы преодолеть эти давно живущие мысли и страсти, которые вызывали во мне танцовщицы сплетением своих чар. Я снова увидел перед собой залитые кровью улицы Улала, когда мы грабили его, и все то, что изменилось там, когда, опьяненные кровавым вожделением, мы устремились в город, который сопротивлялся нашему могуществу слишком долго. И там были случаи, превратившие этот день...

Я ухватился в темноте за своих товарищей.

— Пошли отсюда! — закричал я. Я почувствовал их пробуждение под моими руками, как будто они стряхнули с себя какой-то ошеломляющий сон. А затем мы повернулись и освободились от зрелища этих золотистых танцовщиц и злой паутины, которую они сплели вокруг нас.

Сунув пальцы в щель потайной двери, мы распахнули ее. Закат взял обратно свой меч, и затем мы вышли на откос, с переутомленными и широко раскрытыми глазами, с так колотящимися сердцами, как будто мы участвовали в гонке, которая утомила нас до крайности. Мы уже прошли полпути вверх, когда нас догнала янтарная тень.

— Танцовщицы — крепкий орешек, солдаты.— Насмешка опять звучала в интонациях голоса Лании.— Похоже, чересчур крепкий для вас.

Я повернулся к ней, наполовину всерьез, наполовину играя роль, которую выбрал для себя.

— Хватит с нас ваших дьявольских таинств. Мы желаем человеческих радостей, а не тех, что вызывают ночные демоны!

— Слышать — значить повиноваться, Лорд. Что вы скажете о спокойном ужине в отдельной комнате — в присутствии подходящих компаньонок?

— Хорошо, хозяйка,— одобрительно проворчал Закат.

Как бы поняв, наконец, что нам по вкусу, она повела нас по лабиринту поворотов, изгибающихся коридоров и искусно сделанных палат, пока мы не пришли в маленькую, но причудливую комнату, созданную из голубой стали. Стены и свод образовывали полушарие, на котором размещались четыре фигуры в натуральную величину. Это были великолепные серые грифы, возносящиеся как будто в гневе.

Закат внезапно сжал мне руку, но я сам уже понял, где мы находимся. Мы стояли в комнате, в которой Трэн назначил нам встречу.

В дальнем конце комнаты был низкий диван, и Лания пригласила нас сесть туда, в то время как она пошла распорядиться о нашем обслуживании. Но, уходя, она заглянула как раз в мое лицо.

— Нравится ли вам эта комната, Лорд?

— Вполне,— коротко ответил я.

К моему величайшему изумлению она засмеялась и откинула свою голову назад так, что мы впервые отчетливо разглядели лицо под ее ловко уложенной массой медных локонов. Анатан вскочил на ноги с резким вскриком, в котором сочетались открытие и огорчение:

— Аналия!

— Она самая, брат.— Она снова засмеялась. Затем, пройдя вправо, она отдернула портьеру, висевшую там. Оттуда вышел Трэн, все признаки опьянения слетели с него, опять энергичная, властная личность, которую я видел сегодня утром в Зале Девяти Принцев.

И он вел Айлу за руку, но теперь здесь было трудно уловимое различие в ее поведении, как будто под гримом находился скрытым другой человек.

— Ты не узнаешь меня, Лорд Гаран? — тихо спросила она.

И тотчас же я упал на колени, глядя, разинув рот от изумления, в это отвратительно размалеванное лицо, потому что это была моя Леди Трэла, которая стояла здесь,

скрытая под гримом и кричащими одеждами женщины Аркта.

Она с улыбкой обернулась к Трэну.

— Мы оказались лучшими актерами, чем предполагали, милорд. Нет, Гаран, я не та Айла, которую ты видел раньше. Айла и Лания находятся... где-нибудь в другом месте в этот час. Мы заняли их места. Настоящая Айла до некоторой степени другая...

— Что неудивительно,— сухо заметил Трэн,— поскольку она ставленница Кипты. Теперь давайте перейдем к делу. Часы летят исключительно слишком быстро, когда опасность кружит над миром.

5. Похищение Трэлы

— Вполне ли разумно говорить здесь? — резко спросил Закат.— Стены дворцов удовольствий славятся своими ушами.

— Здесь их нет. Эта комната безопасна. Айла и Кипта заботятся об этом, потому что она служит для их целей,— ответил Трэн.— А что случилось с Лордом из Ру, что он стал таким подозрительным?

— Ничего — на что я могу наложить руку,— проворчал Закат.

— Ничего такого, на что ты можешь наложить руку. Мы все можем сказать это. И все же в течение двух лет ты, Лорд Гаран, допытывался и выслеживал в закрытых сферах. Даже на расстоянии Гурл ощущает тревогу в воздухе. И никто из нас не ошибся,— Трэн торжествующе возвысил голос,— потому что это самое место, где мы сидим, опровергает самоуверенное спокойствие нашего мира. Знаете ли вы, кто стоит за Айлой, кто так искусно спланировал каждое пятнающее душу удовольствие в этой куче навоза? Кипта, куминец! Именно он в это самое утро пытался запутать тебя перед советом, Лорд Гаран, и таким образом избавиться от человека, который начал подозревать слишком много.

Этот ночной демон Айла под стать ему по изворотливости ума, и весь этот чудесный «ящик»— ее западня, чтобы захватить тех, кого Кипта хочет,— Кандона из Стала, Пэлкуна и всех остальных. А кто есть у нас, кто до сих пор не ослеплен, кто может еще ясно видеть, чтобы отвернуться от Кипты и всех его дел? Горсточка

против мира. Около двадцати человек моей касты, Лорд из Ру, ты и твой помощник, находящийся здесь. А на кого ты можешь положиться?

— Откровенно говоря — ни на кого, кроме тех, кого ты назвал. Мой корпус полностью пропитан заразой, которую я не могу определить. По моему мнению, весь Ю-Лак испорчен какой-то отвратительной хандрой.

— Потому что Ю-Лак — это Кранд, и ты близок к истине. Кипта сделал даже больше, чем он предполагает. Ибо, если бы он знал свою силу, мы все внезапно перестали бы существовать. Говоря начистоту, Кипта является ревностным собирателем того, что мы знаем как «Темное Знание», и он близок с силами, которые откликнулись на его зов, так близок с ними, что он хочет заставить весь Кранд принять участие в его радости.

— Это наша вина — Ученых,— прервала Трэла.— Мы слишком долго были пассивными, утратив интерес ко всему, кроме глубин наших собственных познаний. Будь мы более бдительны, более осторожны против сил Потустороннего Мрака, это зло никогда бы не распространилось среди нас. Разве Зи-Лин, основатель нашей расы, позволил бы Кипте прожить хотя бы час после обнаружения его происков?

— Ты забыла,— в низком голосе Трэна прозвучала печаль,— что Зи-Лин правил объединенным народом. А сколько человек пойдет за нами? Нет, нам придется сражаться в одиночку и, может быть, проиграть.

— А как ты предлагаешь бороться с ним? — вмешался Закат.— Силой оружия? Я думаю, Кипта имеет более мощные средства.

— Вот именно. Поэтому мы должны хитростью проникнуть в его укрепления, ибо, прежде чем составлять наши планы, мы должны знать цель и место его нападения. Один из нас должен пробраться в Кум.

— Невозможно,— сказал я кратко.

— Почему?

— Ты думаешь, что я не пытался сделать это? — Я повернулся к Трэну. Хоть я и не Ученый, но знаю свой долг и всегда выполнял его по мере своих способностей.— Когда я был в отпуске три месяца назад, то лично предпринял такую попытку. Я вернулся ни с чем. Только с этим...— Я расстегнул свой военный плащ и распахнул его, обнажив горло, чтобы показать тонкий голубой шрам.— Я едва остался жив.

— Так.— Трэн внимательно посмотрел на меня.— Я этого не знал.

— И никто не знал до данного момента. Какой же мужчина гордится неудачей?

— Но наша проблема остается в прежнем состоянии,— сказал Трэн.

Трэла покачала головой.

— Напротив, она решена.

— Что ты подразумеваешь?

— В Кум поеду я. Меня Кипта не будет подозревать. С чего бы? Я ведь держалась в стороне от всяких лабораторных работ, не проявляла интереса к научным исследованиям, так что даже мой отец считает, что я позорю нашу касту. Я поеду в Кум из любви к приключениям, и его Хозяин ничего не заподозрит.

— Нет! — Слово вырвалось из моих уст, как удар меча.— Ты не сможешь выполнить это! Если мои подозрения насчет Кума справедливы, ни один незапятнанный человек не рискнет идти туда в надежде вернуться опять непорочным. Кипта играет со смолой.

— А кто такой Лорд Гаран, чтобы указывать мне?

Несомненно тогда, в тот необдуманный момент, я чуть было не раскрыл свой столь ревниво охраняемый секрет.

— Покорнейший из твоих многочисленных слуг, Величественная Леди. И все же, даже я осмеливаюсь сказать, что это дело не для тебя.

— И он прав,— сурово поддержал меня Закат.— Кум — не место для женщины.

Трэн согласно кивнул. Но Трэла не была убеждена. Какие добавочные аргументы она собиралась выдвинуть, чтобы поддержать свой план, мы никогда не узнали, потому что внезапно из куполообразного потолка над нами донеслись тихие звуки перезвона. Трэн и Трэла застыли и затем посмотрели друг на друга глазами, в которых словно пламя горело возбуждение.

— Это предупреждение,— сказал гурлиец.— Кто-то идет по проходу. Нам надо уходить

— Внутренний коридор,— предложила Трэла.— Покажи им, Трэн.

Он встал и шагнул к портьере, из-за которой они с Трэлой вышли. Обнаженная стена разошлась, открыв узкую дверь, через которую мы протиснулись, один за другим.

— Проходи, Трэн,— прошептала Трэла.— Вспомни,

что этот портал закрывается только женским голосом.

Он послушно присоединился к нам, но Леди Трэла не последовала за ним в коридор. Взамен половинки стены сомкнулись с щелчком, и мы очутились в темноте, сбитые с толку. Трэн бросился к этой глухой стене.

— Это самое явное безрассудство! — горячился он.— Она же не сможет сыграть роль Айлы достаточно хорошо, чтобы ввести в заблуждение кого-нибудь из приближенных этой женщины.

Услышав эти слова, я понял теперь, какую шутку сыграла с нами Трэла. Выставив нас из комнаты, она собралась смело встретить вновь прибывшего, кем бы он ни был. Я навалился плечом на стену, помогая Трэну в его тщетных попытках открыть эту неподатливую дверь.

Кто-то болезненно вцепился в мою спину длинными ногтями.

— Оставь! — крикнула мне в ухо Аналия.— Эта дверь открывается только на звук одного голоса. Дай я попробую.

Мы с Трэном отступили, предоставив Аналии место, в котором она нуждалась. Мы хранили молчание, пока она говорила наизусть какое-то заклинание высоким пронзительным голосом Лании.

Потайная щель появилась вновь, и в тот же миг мы смогли увидеть и услышать то, что происходило в Комнате Грифов. Что касается меня, то я не удивился, увидев красивое смуглое лицо Кипты с его слегка насмешливой улыбкой. Но сзади его стоял еще один. Трэн схватил меня за руку.

— Айла!

Да, это была настоящая Айла, Айла из белой с черным комнаты, с ее тощим телом и великолепными волосами, размалеванным лицом и наполненным злобой голосом. Напротив нее, гордо выпрямившись, стояла Трэла. Две Айлы, но какие непохожие.

— ...неожиданная радость,— вкрадчивым голосом говорил Кипта.— Леди Айла польщена, что вы нашли удовольствие в ношении того типа одежды, которую она ввела в употребление в Ю-Лаке. Но боюсь, что мы должны быть довольно невоспитанными, чтобы спросить о причине этой восхитительной встречи...

Айла положила конец его насмешкам, так как увидела предательское колыхание портьеры, скрывающей потайную дверь, за которой мы прятались. Этот гобелен

был выткан таким образом, что просвечивал со стороны двери, но из комнаты казался плотным.

— Дурак! — зашипела она на Кипту.— Она не одна. Забирай ее отсюда...

При этих словах я рванул портьеру в сторону и бросился вперед с мечом в руке, но было уже поздно. Ибо Кипта, с быстротой одной из тех древесных змей, которые обитают в лесах Кора, дернул Трэлу к себе и толкнул сопротивляющуюся девушку в безжалостные руки Айлы. Он встретил мою атаку, развернув диван поперек прохода.

Я упал, ругаясь, а моментом позже на меня свалились Закат и Трэн. Но я мельком увидел Анатана, перескочившего наши тела и теперь находящегося лишь в двух шагах позади Кипты.

Дико озлившись, я вскочил на ноги. Закат, крича о мести, уже рванулся вперед, и я бежал недалеко позади него. Но мы недолго неслись, потому что, обогнув поворот коридора, наткнулись на Анатана, яростно колотящего по стене кулаком и рукояткой меча.

— Они прошли здесь! — крикнул он, как только мы возникли перед ним.

Но на гладкой изогнутой стене не было и следа двери. Здесь и нашли нас, расстроенных, Трэн и Аналия. Ученый превозмог свою ярость.

— Они удрали в Кум,— утвердительно заявил он.— Только в Куме они будут в безопасности, потому что знают, что против них поднимется весь Ю-Лак.

— В Кум, значит.— Я согласился с убедительностью его аргумента.— Хорошо...

Я повернулся, но он схватил меня за запястья.

— Куда ты собираешься?

— В Кум.

— Как ты туда попадешь?

— У меня есть флайер...

Он сразу вмешался.

— Они собьют тебя в пределах шестимильной зоны от своих морских укреплений. Здесь есть другой путь.

— И какой?

— Через то место, где вы видели танцовщиц Кора. Этот холл — часть древних Путей Мрака, туннелей, вырытых под поверхностью Кранда теми существами, которые трудились здесь раньше, чем стал господствовать человек. Путь в Кум, который находится здесь, для такого человека, который осмелится выбрать его.

— Я осмелюсь пойти по любой дороге,— горячо ответил я.

Закат продемонстрировал свои желтые зубы.

— С хорошим клинком в руке мужчина может разобраться в своей дороге. Когда мы отправляемся?

Трэн вытащил из мешочка на поясе пачку листков для письма и протянул их мне.

— Составь просьбу о безотлагательном отпуске для себя и Заката...

— И для Анатана тоже! — воскликнул юноша.— Нет,— прибавил он, увидев несогласие на моем лице.— я пойду, так как собираюсь последовать вашему примеру.

— Тогда составь на троих. Посмотрим, хватит ли моих полномочий. Нам нужны запасы продовольствия и оружие...

Закат коснулся своего меча, но Трэн покачал головой.

— Если верить легендам, мы должны встретиться с некими опасностями, против которых нужно кое-что более убедительное, чем сталь.

— Даже так? — вмешался я.— Что ж, ресурсы моей службы для нас открыты. Оставьте меня на полчаса в большом арсенале, и, клянусь, я смогу обеспечить нас средствами, достаточными, чтобы стереть весь Кум в прах.

Аналия вынесла решение за нас.

— Пусть Лорд Гаран возвращается в свой арсенал и доставит оттуда оружие, о котором он говорит. Я провожу его по тайным путям. И за час до рассвета мы встретимся в десятом дворе.

— За час до рассвета? Так долго? — спросил я, представляя себе Трэлу, бьющуюся в костлявых руках этой женщины-демона, и неторопливую улыбку Кипты, намекающую на отвратительные пороки. Спокойно ходить туда-сюда, собирая оружие, продукты,— каждая трепещущая жилка во мне неистово запротестовала. Мне хотелось наброситься на Хозяина Кума, бить и бить его до тех пор, пока красная кровь не зальет пол. Сознание того, что Кум находится в сотне миль по воздуху от нашего побережья, и что это расстояние еще больше по Путям, не уменьшало моего нетерпения.

— Он не осмелится вредить ей,— спокойно сказал Трэн.— И не сможет, даже если бы хотел.

— Что ты подразумеваешь?

— Сегодня он просил Императора отдать Трэлу ему в жены.

Мои пальцы сжались, как бы разыскивая призрачное

горло. Никогда моя ненависть к Кипте не была такой жгучей. Это пресмыкающееся во мраке животное домогается — ее! Я улыбнулся и увидел, как Аналия поморщилась от этой улыбки.

— Еще один счет между нами,— пробормотал я и затем громко добавил.— Будь добра, хозяюшка, покажи мне эти ваши тайные пути. Чем быстрее я примусь за дело, тем скорее мы сможем двинуться по следу этого охотника из Преисподней.

— За час до рассвета в десятом дворе,— напомнил нам Трэн.

Я отрывисто кивнул, и мы с Анатаном вышли из комнаты вслед за сообразительной Аналией. Мы шли спотыкаясь за ней по разнообразным извилистым потайным ходам, проложенным в стенах. Впоследствии я узнал, что с самого начала эта тройка — Трэн, Трэла и Аналия — следила за строительством дворца удовольствий, догадываясь о его назначении. Главный проектировщик всех его чудес за плату передал собственный комплект чертежей, на которых каждый секрет был точно обозначен. В течение всех дней и ночей со времени открытия дворца Трэла и Аналия разыгрывали свои роли внутри его стен, непринужденно расхаживая по проходам, которые Кипта и Айла считали известными только им.

Наконец мы вышли в узкую аллею, плохо освещенную и пустынную.

— Запомните хорошенько это место,— приказала Аналия, отпуская нас.— Когда вы вернетесь сюда, трижды постучите рукояткой меча. А теперь быстро уходите, пока вас не увидели.

Выйдя из этого темного закоулка, Анатан не сразу нашел дорогу к общественной стоянке, где мы оставили флайер. У нас было в запасе немного времени, потому что город уже утихнул для нескольких часов сна — до восхода солнца. Я, нужно заметить, мало обращал внимания на улицу, по которой мы торопились, потому что мои мысли были направлены на содержимое военного склада, и я мысленно составлял список того оружия и личного снаряжения, которое должно пригодиться нам больше всего.

Поэтому что случилось, что первое предупреждение, которое встревожило меня, произошло, когда бредовое, слюнявое нечто атаковало меня из прохода между двумя зданиями. Я хотел было выхватить меч, но сразу же

отказался от этой попытки. Для клинка уже не было времени.

Я мельком увидел нападавшего, прежде чем он вступил в борьбу со мной. Черты его лица застыли в ужасной неподвижности курильщика райта. Из потрескавшихся губ капала слюна. Скрюченные пальцы тянулись, готовые вцепиться мне в глаза,— излюбленная манера атаки тех, кого райт превращает в зверей. И, к усиливающемуся ужасу, я увидел, что он носил знаки отличия унтер-офицер моих собственных войск.

Мой испуганный крик и пронзительные визги нападавшего слишком поздно донеслись до Анатана. Я был крепко зажат этим типом, поэтому Анатан не осмеливался ударить, опасаясь ранить меня.

Я оправился от потрясения, полученного при этой встрече, и ухитрился нанести резкий удар прямо по его горлу, прежде чем похожие на обрубки пальцы нападавшего вонзились и разорвали мою шею над краем доспехов. Этот единственный удар, который, должно быть, спас меня, попал, больше по воле судьбы, чем по какому-нибудь моему замыслу, в нерв и таким образом на мгновение остановил его.

Загрохотав доспехами, мы упали на мостовую; нападавший все чаще тянулся к моему горлу, в то время как я, извиваясь как змея из отдаленных морей, старался освободиться из его захвата. Его окрашенные райтом зубы щелкали всего в полудюйме от моего тела, и я со смесью страха и отвращения понял, что бьюсь в руках одного из тех несчастных, кого райт превращает в хищников. Я был всего лишь мясом, чтобы утолить его хищное и противоестественное сильное желание.

Полностью избавившись от внезапного шока удивления, я схватил его запястья одним из тех захватов, заимствованных у лапидиан, посредством которых они могли заставить человека сломать свои собственные кости. Существо верхом на мне завыло и снова защелкало зубами, на этот раз задевая мою кожу.

Я нажал на его запястья, и тогда его зубы сомкнулись на моей левой руке, прокусив ее до кости. Благодарение Оуну, я сумел удержать свое сжатие достаточно долго, пока Анатан не пришел мне на помощь. Он изо всех сил ударил тяжелой рукояткой своего парадного меча по незащищенной голове курильщика райта.

Человек закрыл глаза и вздохнул, затем откатился от меня. Пошатываясь, я поднялся на ноги. Кровь капала

из моей раненной руки и разбрызгивалась по мостовой. Но, к моему полному удивлению, мы были одни. Шум нашей борьбы и крики нападавшего никого не привлекли. Я осмотрел пустынную улицу, а затем перевел взгляд на Анатана. Он спокойно кивнул, и я понял, что та же самая мысль, которая пронеслась через мою чувствующую головокружение голову, владела им также. На нас преднамеренно напали.

Кто-то расставил ловушку, и мы вляпались в нее. Курильщика райта поместили здесь, чтобы навредить нам.

— Пусть лежит.— Анатан дернул головой по направлению к безвольному телу моего недавнего противника.— Пойдем-ка лучше к флайеру, пока еще можно.

Охотно согласившись с ним, я обмотал краем плаща кровоточащую руку, и мы дали ходу. Не замедляя шага, мы прошли более ярко освещенный и заполненный народом проспект. Вскоре мы шли, тяжело дыша, по откосу к общественной стоянке.

Там нам пришлось подождать, пока сонный служащий отыскал наш флайер. И, что касается меня, я вздохнул с облегчением только тогда, когда мы очутились в узких пределах его закрытой кабины.

— Направляйся к арсеналу,— приказал я Анатану,— и приземляйся на его крышу. Мне не хотелось бы еще раз рисковать этой ночью. Когда будем возвращаться, постарайся посадить машину в той аллее.

— Трудное дело,— прокомментировал он.

— Но легче, чем еще одна встреча с курильщиком райта. А сесть там можно, если будешь внимательным.

Секундой позднее наш садящийся аппарат коснулся плоской крыши приземистого арсенала, где хранились секреты моих войск, предназначенные для защиты всего Ю-Лака.

6. Пути мрака

В туманном свете крошечного радиевого жезла, который хранился в моем поясном мешочке, я отыскал люк, закрывающий трап, который вел с крыши. Ночью и днем я носил на своей шее ключ, который отпирал эту и любую другую дверь в пределах военного квартала. Я теперь собирался это использовать.

Однако, потребовалась помощь Анатана, чтобы поднять эту тяжелую плиту из окованного металлом камня

и откинуть ее на крышу. Снова вступил в действие мой радиевый жезл, освещая плотный мрак под нами.

Точно помня, в какие цейхгаузы мне бы хотелось попасть, я поспешил вниз по трапу и через лабиринт коридоров, выходивших на него, пока, наконец, не подошел к двери, отмеченной широкой алой полосой. Пока я отпирал ее, мои пальцы так дрожали, что ключ звенел о замочную пластинку, ибо я твердо верил, что бегу наперегонки с самим временем.

Внутри, аккуратно уложенные в застекленные ящики, находились чешуйчатые костюмы, покрывающие человека с головы до ног, даже до кончиков его пальцев. Они были легки по весу, но подвергались химической обработке, так что противостояли всем известным смертельным газам и тепловым лучам. Указав Анатану на них, я распорядился:

— Отбери достаточно этих костюмов для всех нас. Я присоединюсь к тебе позднее на крыше.

Оставив его здесь, я спустился уже по другому трапу этажом ниже, разыскивая комнату, где хранились некоторые новые лучеметы последнего образца, все еще не взятые на вооружение. На полигоне они произвели превосходное впечатление как в точности, так и в дальнобойности, но все же их стоимость не удовлетворяла наших экспертов.

Я отложил шесть этих маленьких, похожих на факел жезлов и дополнительные заряды к ним — зеленые, фиолетовые и инфракрасные линзы. К новому и недостаточно испытанному оружию я добавил равное количество находящихся в употреблении моделей, снова с дополнительными зарядами. И затем, когда уже повернулся уходить, я натолкнулся на пояс из кожи грифа с большим радиевым осветительным элементом — вид снаряжения, которое носили те, кто осмеливался спускаться в подземелья Лапидиана. Я добавил это к своей добыче.

Вернувшись на крышу, я нашел там Анатана, нетерпеливо расхаживающего около флайера. Кроме неразрушимых чешуйчатых костюмов он обнаружил четыре боевых меча старинного образца, которые предназначались для рукопашного боя на поле битвы и не использовались как парадные украшения.

Мы опустили люк на место, и я запер его. Когда мы сели в флайер, Анатан нажал на рычаг, который отправил нас высоко в небо. Избегая патрулей, совершающих

свои регулярные дозорные полеты над городом, мы летели по более высокой трассе, чем раньше.

К счастью, дворец удовольствий легко было обнаружить с высоты, и Анатан быстро отыскал нашу аллею. Затем, несмотря на свои сомнения, он совершил искусный пример маневрирования, приземлившись на мостовую в десяти шагах от двери. Если бы у нас не было одного из самых маленьких личных кораблей, он не смог бы сделать это. Как бы то ни было, мы добрались до места назначения, хотя полированные бока флайера находились всего лишь на расстоянии вытянутой руки от деревьев по сторонам аллеи.

Мы подняли нашу добычу и, нагруженные так, пошли к двери. На мой стук она открылась плавно и бесшумно и показалась Аналия; яркий отблеск ее платья и украшений затерялся в тени.

Мы снова пошли по тем же извилистым проходам в стенах, пока не прошли через отверстие в маленький бедный дворик. Здесь находились Трэн и Закат, склонившиеся над рваной полоской пожелтевшей рыбьей кожи — материей, на которой древние народы нашей расы увековечивали свои действия.

— Вы уже вернулись? Хорошая работа, Лорд Гаран. А теперь, что вы принесли нам?

Я торопливо объяснил, что именно выбрал из оружия, и предложил Трэну для осмотра один из чешуйчатых костюмов. Хрустальные восьмиугольные чешуи костюма сверкали при свете как драгоценные камни. Закат поглядил его с любовью, какую испытывает каждый воин к полезному орудию своей профессии. Но его интерес значительно возрос, когда Анатан показал старинные боевые мечи.

— Хорошая сталь.— Он провел большим пальцем по сверкающему лезвию одного из них.— Я предпочту иметь это, чем все лучевые жезлы на Кранде. Ибо сталь никогда не подведет человека. Ты молодец, Анатан.

— Похоже, что ты не без успеха ограбил свой арсенал,— согласился Трэн, вторично проверяя нашу добычу.— И мы, в общем, не бездельничали, пока вы путешествовали.

Он махнул рукой по направлению к углу дворика, где были свалены в кучу небольшие контейнеры с пищевыми концентратами и сосуды с так называемыми «водяными» леденцами, которые использовались на марше через пустынные страны. Так обработанные пища и вода, кото-

ых хватает человеку на много дней, могли поместиться в поясном мешочке не больше двух моих кулаков. Кроме того, имелась карта, над которой они наклонились, когда мы вошли.

— Мы очень мало знаем о подземных путях. Мы, смертные, исключая извращенных лапидианцев, избегали нижних дорог,— Трэн показал на разглаженную карту.— Но всегда находились те, кто искал знание в необычных местах. Таким был солдат Ким-каменщик, живущий в Ю-Лаке около пяти тысяч лет назад.

Они тогда рыли котлованы первых крупных защитных башен и, желая обеспечить их неразрушимым основанием, продвинулись много глубже, чем когда-либо проникали раньше. На двадцать седьмой день земляных работ они обнажили секцию одного из Путей Мрака.

Ким-каменщик добивался и получил разрешение проникнуть и исследовать неизвестный проход, принимая во внимание возможное будущее использование его для военных целей. Он был не в состоянии собрать каких-нибудь сторонников и пошел один. Снаряжение в те времена было, конечно, значительно хуже того, которым располагают наши подземные исследователи на сегодняшний день, но он сумел обследовать и составить карту обширной части Путей, решетящих горные породы, на которых стоит Ю-Лак. Все указывало на то, что эти громадные туннели и комнаты были выдолблены механическими средствами, и предполагалось, что они были плодами мастерства той нечеловеческой расы, которая предшествовала нам в господстве над этой планетой.

Первое подземное путешествие только возбудило в Киме-каменщике жажду дальнейшего знания. Он ходил снова и снова и в конце концов не вернулся. Между тем Амист Великий, Император Ю-Лака в тот период времени, посчитал за лучшее закрыть отверстие.

Он принял это решение сразу же после того, как получил конфиденциальный отчет, составленный Кимом-каменщиком после возвращения из предпоследнего путешествия. Можно легко догадаться, что воин-исследователь открыл нечто чрезвычайно опасное для города. Что бы это ни было, но его отчет никогда не публиковался.

До середины прошлого года все самые ранние отчеты и карты Кима-каменщика спокойно хранились в библиотеке Ученых в Семте. Но, когда я из любопытства захотел посмотреть их, оказалось, что они исчезли, за исключением этой единственной карты, которая зацепилась за

крышку ящика, где они хранились. Служащий сообщил мне, что Кипта из Кума, имевший разрешение главного библиотекаря, забрал их для личного изучения.

Тогда был построен этот дворец, и галлерею прокопали до пересечения с одним из Путей, нанесенных Кимом-каменщиком на карту. В то же самое время Кипта проявил неожиданный интерес к очень древним храмам Кора и несколько раз полусекретно побывал в них. А Кор, как мы знаем, является последним оплотом той таинственной религии, вышедшей из забытых ритуалов Древнейших Существ.

Оставив эту единственную карту, Кипта оставил мне могущественное оружие. Потому что на этой карте начерчено то, в чем мы больше всего сейчас нуждаемся,— путь под океаном в Кум. И предание гласит, что именно по этому пути пошел Ким-каменщик в то последнее путешествие, из которого не вернулся. Судьба, постигшая Кима-каменщика пять тысяч лет назад, может до сих пор ожидать тех, кто последует по его стопам сегодня. Но я уверен, что это та дорога, по которой Кипта и Айла ушли сегодня ночью. Где-то на ней может находиться опасность, которая заставила Амиста герметически закрыть. Пути. Существует ли та опасность до сих пор?

Закат фыркнул.

— Мы можем только пойти и посмотреть.

— Я уже разложил чешуйчатые костюмы и выделил каждому оружие.

Трэн рассмеялся.

— Похоже, что порода Кима-каменщика не перевелась. Тогда давайте готовиться.

Мы сбросили свои парадные доспехи и нижние туники, потом натянули плотно пригнанные чешуйчатые костюмы. Основная материя, на которую крепились защитные чешуи, имела эластичные свойства и плотно прилегали к коже владельца. Гротескная маска, оборудованная окс-линзами, которые давали мощное увеличение далеких объектов и, кроме того, давали возможность тем, кто использовал их, ясно видеть в почти абсолютной темноте, висела у каждого через плечо, так что ее в любое время можно было натянуть.

Полностью закрытые таким образом, мы были, насколько мне известно, неуязвимы для любого применяемого оружия. Гладкая поверхность чешуй затупляла и отводила самое острое лезвие, а также противостояла сжигающим или замораживающим лучам.

Поверх чешуйчатых костюмов мы опоясались найденными Анатаном мечами, прицепив к своим поясам, кроме того, лучеметы старого и нового образца. Дополнительные заряды для наших жезлов и маленькие баночки с продовольствием вошли в сумки из кожи грифа, которые мы забросили на спину.

Но когда мы были готовы и повернулись к двери, нас ожидала пятая чешуйчатая фигура. Аналия, скинув свой рыжий парик и распустив свои черные волосы, застегивала на талии пояс с радиевым осветительным элементом. После этого она спокойно прицепила к поясу лучевые жезлы, перед тем как наклониться за сумкой с продовольствием.

— Аналия! — закричал ее брат.— Что за безумие?..

— Я тоже иду,— хладнокровно прервала его Аналия.— Где Трэла находится, туда я последую. И ты не можешь отказать мне. Я берусь за это рискованное предприятие с открытыми глазами, точно так, как делала с самого начала. И Пути Мрака могут вмещать не больше опасности, чем было в этом дворце. Я иду.

После этих слов она повернулась и исчезла за дверью. Я взглянул на Трэна, который складывал оставшийся чешуйчатый костюм — Анатан принес шесть вследствие какого-то соображения — в такой маленький сверток, какой он мог, чтобы сунуть его в свою продовольственную сумку. Он посмотрел на меня с улыбкой.

— Когда женщина говорит таким голосом, Лорд Гаран, лучше позволить ей поступить по-своему сразу, потому что даже дискуссия в течение многих лет не заставит ее изменить свою точку зрения. Аналия не задержит нас; служа своей госпоже, она не раз доказывала свою силу и ловкость. Пусть идет.

Итак, я был вынужден уступить, хотя мне, конечно, не по душе была мысль, что женщина разделит с нами опасности неизвестного. И мое неудовольство разделял Анатан, который был взбешен. Только Заката ничего не беспокоило, так как он страстно желал испытать опасности дороги, лежащей перед нами.

Аналия ждала нас в холле, и под ее опытным руководством мы пробирались через сеть коридоров и комнат в поисках того ската, ведущего вглубь, которым мы шли недавно — и все же так давно. Несмотря на мои невысказанные сомнения, мы не привлекли внимания в любой из комнат, через которые проходили. Наша странная одежда характеризовала нас как шутов некоторого сорта

для немногих полупьяных глупцов, на которых мы наталкивались.

Еще раз мы нашли и спустились по широкому скату, но теперь здесь не было слышно гипнотического пронзительного ритма, чтобы запутать наши ноги и мысли,— лишь сухое и пыльное безмолвие, как в примитивных горных храмах Ру, безмолвие, полное пыли исчезнувших веков. Теперь светильники не меняли оттенки и мерцали лишь бледно-серым светом, когда мы продвигались вперед, пока, наконец, совсем не погасли, и мы остановились, чтобы натянуть свои маски с их пронзающими темноту глазными экранами.

Снова под нашими ногами был черный пол, но теперь наполненный гниением луч не исходил из вышины, а крылатые, танцующие фигуры исчезли. Здесь взял на себя инициативу Трэн, быстро поведший нас вперед через обширную пустоту этого покинутого зала.

Другой скат, на этот раз такой крутой, что мы были вынуждены ухватиться за перила из отполированного временем камня, открылся перед нами, и Трэн, не колеблясь, ринулся вниз по нему. На полпути спуска он опустился на колени и поднял какой-то предмет, который протянул нам. На ладони его чешуйчатой перчатки мерцал обрывок блестящего материала, который украшал платья Трэлы и Айлы.

— Этот вестник говорит нам, что мы следуем по верному пути,— сказал он и бросил обрывок. Но я остановился и отыскал его, а затем спрятал в свою сумку.

Мы спускались все ниже и ниже в все сгущающуюся тьму, тьму, которая могла полностью подавить нас, если бы не было наших окслинз. Аналия хотела было включить радиевый элемент-фонарь, не зная, что, или кто, могло находиться в ожидании нас внизу, но Трэн не разрешил. Пока мы могли видеть, лучше было не предупреждать о нашем приближении.

Теперь я заметил перемену в характере стен. Раньше они были из гладкого блестящего камня, а теперь из больших блоков какого-то серого вещества, которое имело слегка отталкивающий блеск, как будто покрытое слоем слизи. Трэн кивнул по направлению к ним.

— Мы вошли в Пути. Ни один, кто когда-либо видел работу Древнейших Существ, не сможет спутать ее ни с чем другим.

Не останавливаясь, мы шли по скату, становившемуся все круче, так что нам пришлось ослабить до некоторой

степени наш безудержный темп и крепко держаться за перила. Я уже начал опасаться, не станет ли этот спуск чересчур крутым для наших ног, когда он внезапно сменился похожей на глубокий желоб тропой, бегущей почти по горизонтальной поверхности в густую тьму перед нами. Как только я шагнул на эту непонятную мостовую, то почувствовал, что те, кто построил такой путь для собственных забытых надобностей, были полностью чужды мне и всем теплокровным живым существам, подобным человеку, настолько чужды, что я не мог представить себе их истинные формы и цели. Для чего служила эта дорога, выполненная ими, и другие, подобные ей? Кто ходил по ним?

Первые несколько шагов убедили меня, что дорога никогда не предназначалась для человеческих ног. Потому что она обладала закругленной приподнятой серединой, с которой мы постоянно соскальзывали. Для того, чтобы удержаться на ногах, мы были вынуждены сбавить скорость и перейти на явное перемещение ползком.

Я не могу сказать, сколько миль и сколько часов мы шли этой прямой, неразветвляющейся дорогой. Однако, мы трижды останавливались подремать и перекусить. Здесь ничего нельзя было увидеть или услышать, только темнота, пронизываемая силой наших линз на расстоянии нескольких футов.

Во время третьей остановки Трэн достал свою карту из рыбьей кожи, и Аналия осветила ее своим поясным фонарем, так что он смог проследить путь, который мы прошли, и путь, который мы еще должны пройти.

— Здесь есть крутой поворот направо, и та дорога, по которой мы должны следовать. Теперь мы должны быть почти у него.

— Тогда пойдем дальше к этому повороту,— сказал Закат, вскакивая на ноги.—Пока в этой змеиной норе было мало интересного для бойца. Где же находится то опасное, о котором Ким-каменщик жужжал в уши своего господина?

— Где-то перед нами, милорд. А я все-таки верю Киму-каменщику и его рассказам. Пойдем дальше и проверим их? — Трэн скатал карту и спрятал ее в свой мешок.

Мы поднялись на усталые ноги и пошли дальше. Именно так, как Трэн показал нам на карте, наша дорога резко разделилась на две, причем одна ветвь шла направо. Анатан и его сестра уже повернули на нее, когда мне бросилось в глаза что-то блестящее на поверхности

другого ответвления. Мои пальцы сомкнулись на втором маленьком клочке платья. Я протянул свою находку другим.

— Неужели карта ошибочна? — спросил я Трэна.— Судя по клочку, это так.

— Если это только не приманка, чтобы направить нас по ложному следу.

— Тоже верно. Однако, есть только один способ проверить это.

— А именно?

— Разделить нашу группу. Каждый отряд последует в ответвление. Смотрите, я ставлю небольшой инфракрасный заряд в свой лучевой жезл. Пока он горит, я буду идти по этой дороге. Если я ни на что не натолкнусь в течение этого времени, чтобы подтвердить свой выбор, то вернусь сюда и последую за вами. Вы сделаете то же самое.

Трэн сразу согласился.

— Это наиболее благоразумный подход. Кто пойдет с тобой?

— Закат,— немедленно ответил этот человек.— Мы и раньше вместе охотились.

— Хорошо.— Трэн порылся в своей сумке, чтобы найти и установить заряд в жезл на поясе, и я сделал то же самое. Когда, наконец, оба были зажжены, мы попрощались друг с другом на время и отправились по маршрутам, которые выбрали,— Трэн, Анатан и Апалия направо, а мы с Закатом прямо вперед. Моя рука сжала эти два клочка в сумке, когда мы пошли.

Мы отошли на некоторое расстояние, когда Закат приподнял край маски и понюхал воздух.

— Ты не чувствуешь никакого запаха?

Я последовал его примеру. Затхлая сухость воздуха была с привкусом приторного запаха, запаха сладковатого и все же тошнотворно гнилостного.

— Да,— ответил я.

— Не нравится мне это. Здесь такая же вонь, как в некоторых старых горных погребениях. Впереди нас ждет что-то неприятное. Но это отнюдь не причина для возвращения.

По мере нашего продвижения зловоние усиливалось, и, к моему изумлению, свет из лучевого жезла медленно изменил цвет, приняв пурпурный оттенок. Я обратил на это внимание Заката.

— Какая-то дьявольская игра. Здесь находятся вещи, с которыми людям лучше не связываться. Наш друг из Кума охотился на запретных тропах. Однако теперь охотятся за ним, а это совсем другое дело. Давай отыщем источник этого запаха.

Мы внезапно дошли до крутого поворота на дороге, первого поворота, который нам встретился. Осторожно обогнув изгиб, мы обнаружили, что находимся на краю неизвестности...

7. Существо из бездны

Тропа резко оборвалась у края неизмеримой бездны. Из ее глубин доносилось слабое вздыхающее бормотание, отдаленное жужжание, как будто какая-то форма жизни существовала и ползала далеко под нами.

— Конец,— сказал Закат.— Наш выбор оказался ошибочным.

— Сомневаюсь,— задумчиво сказал я. Мое внимание привлекло, что-то подвешенное над бездной. Две длинные цепи, из того же материала, как и тот, из которого были возведены стены Путей, висели туго натянутые и устойчивые, как будто они поддерживали какой-то невидимый груз. Я отстегнул свой лучевой жезл и направил его перед собой, так что пучок световых лучей из до сих пор горевшего заряда смог охватить то, что должно было висеть между цепями.

— Ах...— замурлыкал Закат как гигантская Ана, потому что луч высветил мост из какого-то поглощающего свет материала, мост, тянувшийся за завесу тьмы.

Перемещая луч, я проследил очертания моста, чтобы увидеть, где он касался нашего края пропасти. Но он не соприкасался. Он обрывался на расстоянии добрых трех футов в куче разбитых осколков. Разрушился ли он недавно, или столетия назад — нам никто не мог рассказать, но этот пролом оказался эффектной преградой.

Я оценил длину туннеля позади нас. Человек, если он был проворным и не боялся высоты, мог бы преодолеть брешь прыжком с разбега — если Оун будет добр к нему. Однако, мост обладал гладкой поверхностью и она изгибалась в виде гребня, который с самого начала служил для нас помехой, а внизу зияла бездна.

Закат так же быстро, как и я, принял наш единственный шанс.

— Один должен стоять здесь,— сказал он,— и направлять свой луч на край этой гибельной западни, в то время как другой прыгает. Затем, если с помощью Оуна ему удастся совершить это, он должен проделать то же самое, пока его товарищ не присоединится к нему. Просто, но смертельно опасно.— Он засмеялся.

Выбора у нас не было. Затянув пояс и крепко привязав мешок с продовольствием за плечами, я приготовился. Затем, прежде чем он смог запротестовать, я сунул свой лучевой жезл ему в руку и вернулся назад до конца коридора. Я стремительно пронесся мимо Заката, который пригнулся у края бездны с жезлом наготове, чтобы освещать мне место приземления.

Затем я очутился над пучиной; сердце билось так, что отдавалось в ушах. Мои ноги коснулись гладкой поверхности моста — и соскользнули. В стремительном броске я метнулся вперед, мои напрягшиеся пальцы сомкнулись на этом срединном гребне. И изгиб, который казался нам самой большой опасностью, спас меня. Я намертво вцепился в него, лежа вниз лицом на этой бледной призрачной поверхности, пока мое дико колотящееся сердце не успокоилось. Тогда, с помощью одной из гигантских поддерживающих цепей, я смог подняться на ноги.

Из своего продуктового мешка я вытащил два мотка тонкой прочной кожаной веревки, которой Трэн сообразил снабдить нас. Одной я привязался к цепи, к другой привязал груз — консервную банку — и перебросил ее через пустоту Закату. Он прикрепил к ней мой лучевой жезл, и я потянул веревку обратно.

Пока она качалась в пространстве, я испытал, возможно, самое жуткое переживание, какое любой человек моего мира мог когда-либо представить себе. Потому что, когда луч больше не бил в мост, тот исчез из поля зрения, и мне показалось, что я стою на разреженном воздуже, хотя мои ноги ощущали твердую поверхность.

В то же мгновение факел оказался в моей руке. Снова разбитый на куски конец моста появился из небытия.

Закат приготовился и исчез в том направлении, откуда мы пришли. Затем вылетел из устья коридора по направлению ко мне. Видимо, он оттолкнулся с большей силой, чем я, потому что удачно приземлился, и я помог ему подняться на ноги.

— Это же гнездо дьявола, если здесь когда-либо существовал хоть один,— сказал он тяжело дыша, когда снова встал прямо.— И мне даже не хочется думать о

обратном путешествии. Нет, давай-ка зажжем оба факела. Что касается меня, то я не хочу шагать по бессодержательному воздуху, даже если мои ноги утверждают обратное.

Я отвязался от цепи, служившей мне опорой, и мы отправились в это невероятное путешествие над бездной. Строители и инженеры Древнейших Существ, должно быть, обладали великим мастерством, но как чужды были их мысли для человеческой расы. Я восхищался мужеством этого Кима-каменщика, который проникнул внутрь Путей один, защищенный только слабым снаряжением своего времени. Возможно, этот пролом в мосту и объяснял, почему он не вернулся из своего последнего рискованного предприятия.

— Запах заметно усиливается,— прервал Закат мои мысли.

Он поднял светильник и направил его луч далеко вперед. Точно внутри круга света что-то двигалось. Закат внезапно остановился.

— Это и в самом деле полностью проклятое место. Похоже, нас тут поджидает нечто... Я никогда не предполагал, что стану верить в ночных демонов. Однако, это существо, или призрак, возникло при освещении. Ты понимаешь, что это означает?

Я понимал даже слишком хорошо. Это что-то было невидимым при обычном освещении, таким же невидимым как и мост, тогда как при инфракрасном освещении они были различимы. И оно двигалось по направлению к нам.

— Я думаю, надо оставаться здесь,— продолжал Закат, когда увидел, что я понял смысл его слов.— Лучше предоставить незнакомцу первому показать свою силу, так чтобы мы могли разнюхать его слабое место. И говоря о слабостях...

Запах разложения и непотребного гниения становился трудноперенос имым в неподвижном воздухе и значительно усиливался с каждой минутой. И теперь, казалось, я мог уловить слабый звук — зловещее шарканье.

Закат снова поднял свой светильник и послал луч вперед. Значительных размеров что-то попятилось от сияния.

— Прекрасно, как бы то ни было, оно не симпатизирует свету,— заметил с удовлетворением мой товарищ.— Этой слабостью мы можем воспользоваться. Заряди свой другой жезл, и мы заставим его убраться.

С четырьмя жезлами, испускающими лучи, мы шагнули вперед. И то, что загораживало нам путь, отступило. Мы не увидели ничего, кроме темной массы, неуклюже, но быстро движущейся от наших лучей.

Развязка наступила довольно быстро. То, что бежало от нас, набралось храбрости, или, может быть, разгадало секрет наших светильников, потому что, когда мы опять двинулись вперед, оно не попевелилось, а припало к поверхности моста, ожидая нас.

Я видел кошмарных рептилий подземных лапидианских болот и летающих ужасов холианских солончаковых равнин, но то, что было перед нашими глазами на невидимом мосту в Путях, было гораздо более отвратительным для человеческого взгляда, чем те. Во-первых, его почти невозможно было рассмотреть — свет наших жезлов выхватывал только слабые туманные очертания. Оно не обладало конкретной формой, так как его тело казалось странно подвижным, как будто оно могло изменять внешний вид по желанию.

Но самой ужасной принадлежностью у него были глаза, горящие как тусклые пурпурные фонари в складках рыхлой серой плоти. Оно, казалось, не имело конечностей, кроме массивных тумб жира, оканчивающихся всасывающими подушечками, с помощью которых оно передвигало свое задуманное дьяволом тело.

— Вонючие ночные птицы Депта,— выругался Закат,— здесь ползает то, что заставляет человека не верить своим глазам. Если это было то, чего испугался Ким-каменщик...

Не проявив быстроту, с которой оно предварительно избегало нас, существо поползло вперед, создавая своими подушечками тот слабый шаркающий звук, который я отметил раньше. Но глаза прочно удерживали нас в паутине ужасного обаяния.

Существо перед нами имело разумный мозг. Возможно, сильно непохожий на наш, но мозг, который был даже выше по возможностям, какими он обладал. Интеллект высокого порядка светился в этих удивительных глазах.

Однако, ползун был ошеломлен этой встречей так же, как и мы. Я ощущал волну любопытства, исходящую от него. Оно не было, я чувствовал, злым, так как мы знали истинное зло. Ибо, как только я посмотрел в эти горящие глаза, я получил некоторое представление об ужасно чуждой расе и ее невероятной цивилизации. Расе,

далекой от наших моральных стандартов. Поэтому, хотя я чувствовал отвращение и некоторый ужас, мне не было страшно.

Остановившись на некотором расстоянии от нас, существо собралось в комок и приподнялось, создавая впечатление о некой остановке, чтобы посидеть и подумать о поставившей его в тупик проблеме. Оно недолго смотрело на нас, а затем, повернув свою круглую червеобразную голову, взглянуло вниз, в бездну.

Из глубины донесся тонкий воющий крик. Затем из темноты наверх вылетело что-то сверкающее как серебро, парящее на широких крыльях. Оно грациозно кружилось и порхало вокруг моста, а потом, наконец, сложило крылья и встало рядом с бесформенным чудовищем.

По виду оно походило на человека; то есть, оно обладало стройным телом и конечностями, которые соответствовали нашим рукам и ногам. Но все четыре конечности заканчивались всасывающими подушечками, как у ползуна. Его голова была круглой, и, казалось, не имела характерных черт, кроме больших пурпурных глаз. Бахромистая перепонка служила ему волосами. Эта последняя медленно выпрямилась, когда оно осматривало нас, пока оболочка не окружила круглую голову как светящаяся туманность.

В моем мозгу зазвучали слова:

— Зачем ты топчешь древние Пути, человек?

Я кое-что знал о мысленной передаче, применяемой Учеными, поэтому осторожно продумал до конца свой ответ, вместо того, чтобы произнести его вслух.

— Я преследую врага из своего мира.

Серебряное существо обернулось к ползуну, и у меня создалось впечатление, что был задан какой-то вопрос и получен ответ. Затем снова пришел вопрос:

— Он прошел этой дорогой?

— Думаю, что да.

Мой ответ, казалось, возбудил эти создания. Я почему-то знал, что они были взволнованы и выбиты из привычного равновесия. Но теперь уже я задал вопрос:

— Вы те, кого мы называем Древнейшими Существами?

Я почувствовал их насмешливое пренебрежение.

— Нет, мы только глина, которой они придали форму на своих гончарных кругах. Древнейшие Существа уже давным-давно исчезли. Мы остались. Мы должны здесь кое-что делать. Глупец, глупец! Тратишь впустую свои

дни, преследуя врагов, в то время как гибель быстро подступает к этому слабому миру!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Спроси того, кто прошел через забытые Пути до тебя. Разыщи его, человек.

— Затем вся связь между нами прекратилась, потому что внезапно опалесцирующие огни запорхали по массе ползуна. Он поднялся и опустился. На жирных складках его тела появились огромные раны. Его плоть расползалась кусками. Я вздрогнул под ударом мысленных волн, бьющихся в непередаваемой агонии. Его спутник взлетел и завис над ним на мгновение, затем повернулся и умчался.

Ползун снова приподнялся и, по-видимому, ослепленный, неуклюже двинулся к краю моста. Какое-то мгновение он постоял, пошатываясь, там, а затем, нырнул вниз и исчез. Мы остались одни.

Закат встряхнулся, как бы избавляясь от зловещего сновидения.

— Что бы все это значило? — спросил он.

— Ползающее существо встретило смерть, как представляют ее жители преисподней, но это не естественная смерть,—ответил я.— Другой, вероятно, полетел разыскивать причину.

— Давай-ка уйдем с этого места.— Закат вздрогнул, когда посмотрел вниз, в пустоту, поглотившую умирающего ползуна.

Мы снова отправились по этому ненадежному пути и теперь отбросили всякую осторожность, потому что нам хотелось вновь ощутить твердость прочного грунта под собой. Сухость в горле и острые спазмы в животе побуждали меня устремиться к пище, но Закат не хотел останавливаться, говоря, что лучше дойти до конца моста, прежде чем делать привал. Больше вы не видели крылатой фигуры и не натыкались на другого ползуна, и я уже почти уверил себя, что мы стали жертвой собственных фантазий, если бы не более поздние события.

Наконец мы дошли до конца этого моста и на этот раз спокойно шагнули с невидимости на твердую почву. Но Закат запнулся, упав на колени. Когда он опять поднялся, то держал небольшой металлический конус — распространитель разрушающих лучей.

— Я думаю, что вместо ползуна мы должны были почувствовать дыхание этого.— Он задумчиво потрогал ко-

нус.— Эта смерть была предназначена нам. Хозяин Кума перестал смотреть на нас как на забаву.

В воздухе над нашими головами кто-то закружил и запорхал. Поддерживаемый широко раскинутыми крыльями висел серебряный призрак из бездны. Он задержался здесь на секунду, а затем снова исчез, но за это мгновение я почувствовал озноб от холодной и смертельной ненависти, направленной не на меня, а против того, кто оставил этот предательский конус.

Закат с нескромным удовлетворением посмотрел на меня.

— Похоже, вместо двух охотников стало три. И это существо из бездны враг не из приятных. Сейчас Кипта взбаламутил глубины самого Ада. Но, может быть, Оун допустит, чтобы мы первыми настигли его!

Охотно поддержав это пожелание, я шагнул на изогнутую дорогу. Получив подтверждение через смерть ползуна, что мы находимся на правильном пути, я позволил себе уменьшить мощность лучевых жезлов, сохраняя таким образом ту часть заряда, которая еще оставалась.

Наше путешествие в течение долгих часов было только повторением того, что мы совершили на другой стороне разбитого моста. Тропа бежала по прямой между глухих стен. Ничего не было видно и слышно. Три раза мы останавливались отдохнуть и поесть, затем снова шли дальше. Я размышлял о том, что если Трэн, верный нашему соглашению, последовал за нами, то как он переправился через пропасть.

Я потерял счет времени в этой лишенной солнечного света норе, но, должно быть, прошло несколько дней после последней встречи с серебряным существом, когда мы внезапно вступили в область, где стены испускали мягкий фосфоресцирующий свет. Он усиливался по мере нашего продвижения вперед, пока, наконец, мы не получили возможность совсем сбросить свои маски.

Коридор, по которому мы следовали, кончился у подножия откоса, и мы без колебания начали подъем. Наверху находилась запертая дверь из какого-то материала, непохожего на тот, которым были облицованы Пути.

Мы навалились на нее, и она начала поддаваться под нашими усилиями. Постепенно отжав дверь, пока щель не стала достаточно большой, чтобы протиснуться через нее, мы вытащили жезлы и вошли.

Небольшой коридор, в котором мы очутились, был вполне совершенным и соответствовал нашему миру;

чуждая атмосфера Путей исчезла. Мы крадучись скользнули вперед, производя своими покрытыми чешуей ногами, несмотря на все усилия, шуршащие звуки на полу.

В конце коридора мы очутились перед другой дверью. Нам снова пришлось напрячь всю свою силу, чтобы сдвинуть ее массивную створку.

Я был полностью ошеломлен и чуть было не вскрикнул, когда мы протиснулись внутрь этой второй двери. Перед нами находилась гигантская лаборатория. Мой неподготовленный ум не мог понять значение даже одной тысячной чудовищных приспособлений, собранных здесь. Мы стояли в тайной лаборатории Кипты, куда даже Ученые никогда не проникали.

Закат, не обращая внимания на то, чего он не понимал, двинулся вдоль этой коллекции сверхнаучных приборов. Но минутой позже самонадеянность покинула его с единственным приглушенным восклицанием. И когда я присоединился к нему, то увидел ряд ящиков с прозрачными крышками, стоящие в этом узком проходе. Даже теперь я не могу позволить себе остановиться на том, что содержали эти ящики. Достаточно сказать, что мозг, ответственный за содержимое, должно быть, был абсолютно, нечеловечески безумным.

Отвернувшись от этого омерзительного зрелища, мы побежали по проходу, забыв об осторожности. Если бы я не ненавидел Кипту до глубины души еще раньше, то почувствовал бы к нему отвращение после этого единственного быстрого взгляда на результаты его отвратительных экспериментов.

Мы снова подошли к откосу, поднимающемуся вверх. Мы стали подниматься, полные страстного желания покинуть это место безумных ужасов. В верхней части откоса находился холл, не более чем передняя для какой-то комнаты, скрывающейся за занавесом. Приглушенный шум голосов остановил меня, когда я потянулся отстранить ткань.

— Таким образом, это скоро начнется, моя дорогая Трэла. Разве не ясно? — донесся до нас обходительный голос Кипты.

Однако ответ был приглушенным, как будто говоривший пристально смотрел на какое-то ужасающее зрелище.

— Ясно.

— Тогда вы должны согласиться со мной, что наша надежда заключается...

Дальнейшие слова слились в неразборчивое бормотание, как будто Кипта удалялся от нас. Я не стал больше ждать. Протянув руку, я рванул занавес.

8. Обреченный мир

— Гаран! — Глаза Трэлы, широко раскрытые от удивления, были прикованы ко мне.

Кипта быстро обернулся, рычание сорвалось с его искривленных губ.

— Дьявольщина! Я думал, ты...

— Мертв, Кипта? Нет еще — твой луч убил другого.

— Трэна! — снова воскликнула Трэла.

— Нет. Существо из бездны. Его спутник установил твою вину. Я бы на твоем месте держался подальше от Путей, Кипта. Конечно, если ты живым пересечешь порог этой комнаты. Что ты предпочитаешь? Сталь против стали, или голую силу? Это час расплаты.

Он рассмеялся мне в лицо, его минутное замешательство исчезло.

— Ты думаешь, что я унижусь до обмена ударами с таким как ты, солдат? Здесь я хозяин, как ты скоро узнаешь.

Он отступил к дальней стене. Я не нуждался в предупреждающем крике Трэлы. Я прыгнул, но было слишком поздно. Под его рукой стена, казалось, растаяла, и он исчез. Я ударился о твердую поверхность и был отброшен назад, контуженный, на пол.

— Он такой скользкий, как ящер из глубин,— гневно заметил Закат.

Совершенно разъяренный своей неуклюжестью, я мог бы попытаться проломить эту стену, если бы бесполезность такой попытки не была очевидной с самого начала. Взамен я отправился на поиски какой-нибудь двери, которая дала бы мне возможность выследить Хозяина Кума.

— Нет! — Трэла потянула меня назад.— Сейчас не время для личных распрей или мести. Смотри!

Она показала пальцем вниз на установленную в полу плиту. На монотонной черной поверхности мерцали и сверкали крошечные искорки света.

— Что это? — тупо спросил я.

— Гибель идет на Кранд и на всех нас! — Никогда я не слышал такого тона печальной уверенности, как тот, который звучал в голосе Трэлы.

— Ты не понимаешь? Это карта звездного неба, мириадов миров, делящих с нами эту вселенную. И теперь один из этих далеко расположенных миров сбился со своего обычного пути и мчится в пространстве — снаряд, нацеленный богами на Кранд! Бессчетные сотни лет он двигался к нам, и было время, когда мы могли избежать гибели...— Она запнулась, а ее пальцы дергали рваное платье.

— Могли бы избежать гибели, ты понимаешь? Спокойно бы расположились бы в другой точке пространства и выждали бы, пока разрушение пройдет мимо нас! Но Кипта лишил нас этого шанса, нашего единственного шанса. Ему нужна была энергия для его отвратительных экспериментов, поэтому он совершил непростительный поступок, деяние, которое Ученые еще сто тысяч лет тому назад поклялись никогда не совершать. Он использовал энергию нашего солнца!

А так как ритм нашей солнечной системы был настолько тонко сбалансирован, то он погубил нас. Малопомалу за истекшие годы наша орбита изменилась. Мы, Ученые, знали, знали об этом с самого начала, но не могли установить причину. А теперь эта причина нам понятна — слишком поздно!

— Но Кипта — когда он узнал, что это означало разрушение...

Она безумно рассмеялась, топча ногами эти крошечные искорки, которые были звездами.

— Кипта благоразумен и хитер. Никогда он не попадет в собственную ловушку. Он намеревается покинуть Кранд, найти молодой мир, чтобы завоевать его с помощью своего темного знания, где-нибудь среди звезд. А Кранд будет оставлен встречать рок, который Кипта навлек на него!

— Но Ученые, несомненно...— начал я снова.

Она некоторое время смотрела на меня, и затем безумие, казалось, сошло с ее лица: она опять стала спокойной, с крепкими нервами женщиной, которая отважилась сыграть роль Айлы во дворце удовольствий в Сотане.

— Ты вправе упрекать меня, Гаран. У нас уже нет времени для необдуманных слов и бесцельных действий. Давайте вернемся в Ю-Лак и посмотрим, что можно сделать. И сейчас же, пока Кипта не вернулся со своими охранниками, как он грозил.

— Тогда обратно через Пути,— решил я.— Сейчас весь Кум поднимется против нас. Только вот мост...

— Когда мы достигнем его, тогда будем думать о том, как переправиться,— сказал Закат.— Слушайте!

Откуда-то из этих стен нарастало зловещее бормотание. Трэла ухватилась за меня.

— Они идут! Кипта...

— И мы — уходим! Пойдем.

Мы снова проследовали тем же путем через эту внушающую страх лабораторию, по проходу, заставленным ящиками с монстрами, и через обе тяжелые двери, чтобы окунуться во мрак Путей. И тут Трэла крепко прильнула ко мне, потому что, не имея наших пронизывающих тьму линз, она двигалась как слепая. Однако, я не счел ситуацию неприятной.

Хотя мы шли быстро, спотыкаясь, по этому гребневидному пути, наших ушей достиг звук погони, громогласно повторенный сводами Путей. Наконец Трэла остановилась, опираясь рукой о стену.

— Вы идите дальше,— она со свистом дышала,— продолжайте путь к Ю-Лаку, а я больше не могу.

Я засмеялся и все же увидел в ее словах зерно здравого смысла.

— Ты верно сказала: один из нас должен остаться, чтобы задержать эту свору. Закат, бери принцессу и идите!

— Неужели ты не видишь, Гаран? Я не могу больше идти. Дай мне свой лучевой жезл...

Тогда я действительно увидел, что она выдохлась; она не могла со своими слабеющими силами идти с нами наравне. Здесь было только одно решение. Я повернулся к Закату.

— Иди!

Он с угрюмой решительностью покачал головой, вынуждая меня пустить в ход свое последнее оружие.

— *Это приказ! — резко сказал я.*

Его голова поднялась, и он пристально посмотрел мне в глаза.

— Так как ты приказываешь, я должен повиноваться. Ты не оставил мне ничего — даже чувства собственного достоинства.

А потом он повернулся и покинул нас, двигаясь вначале медленно, как будто на него внезапно навалился груз прожитых годов. Трэла взглянула на меня.

— Уходи, уходи! Не оставляй хоть этого у меня на душе.

Я улыбнулся.

— Я предвидел это три года назад, но, вероятно, смутно. Моя судьба — служить тебе, Леди, и так будет до конца. Ты, по своей доброте, одарила меня кое-чем, чтобы сражаться за тебя. И Оун добр ко мне. Потому что я проявлю себя на твоих глазах в конце.

— Гаран! — Она посмотрела мне в лицо ясными глазами.— Гаран, поскольку это конец для нас, Кранд и его дурацкие обычаи больше не имеют значения,— Гаран, неужели ты не понимаешь? Я пленена тобой, как была пленена три долгих года, состоящих из минут, часов, и дней, с мыслями о тебе, связывая их все как бы золотистым шнуром. Нужны ли нам чувствительное ухаживание, сентиментальный флирт? Мы знаем!

А затем ее руки обвились вокруг меня, и я ощутил, как ее губы прижались к моим с неистовой силой. Пути, Кипта, Кранд — все было забыто, когда мы стояли в застланой розовым туманом сердцевине нашей мечты. Трэла была моей! Моей! Ее нежное тело трепетало под моими руками, ее волосы, эти чудесные волосы, о которых я столько раз грезил, легко касались моей щеки.

Так мало мгновений украли мы у времени, такой скудной была наша нежность, однако это обогатило мою жизнь навечно, и я знал — много ли, мало ли осталось мне дней,— что гордо пройду через них, благодаря этим мгновениям.

— Значит, это конец? — прошептала она.

И теперь, при ее вопросе, воля к жизни вспыхнула внутри меня, и я больше не соглашался с предназначенной нам судьбой.

— Если мы переправимся через мост...— Я подхватил ее и отправился в путь.

Жуткое окружение, видимо, пугало наших преследователей, что выражалось в нерешительном продвижении вперед, ибо шум позади становился глуше, в то время как мы шли дальше.

Теперь, наполненный волей к победе, вкусив этот изумительный дар Трэлы под щедрыми небесами, я легко продолжал путь, моя сила, казалось, возрастает с каждой минутой. Время от времени мы были вынуждены отдыхать, и, когда Трэла пришла в себя, она пошла уверенным шагом впереди меня, держа один из лучевых жезлов, чтобы освещать нам дорогу. При нашей последней остановке, прежде чем мы достигли моста, я заставил ее уступить моим просьбам и надеть защитный чешуйчатый

костюм, принадлежащий мне, оставив для меня только съемную маску. Воздух Путей холодил и увлажнял мою кожу, поскольку, за исключением набедренной повязки, я был обнажен. Но зато Трэла была в безопасности.

Мы снова отважились вступить на этот невидимый мост, который инженеры исчезнувшей расы перекинули через бездну. Когда мы медленно, шаг за шагом, продвигались вперед по призрачной поверхности, выявленной нашим светильником, звук погони позади нас опять стал громче. И, когда мы пересекли, возможно, треть моста, стали видны фонари, которые они держали над головой.

С такого расстояния мы могли различить только темные фигуры двигающиеся туда и сюда, но было отчетливо видно, что люди Кипты не имели желания следовать за нами по невидимости, которая находилась перед ними. Поэтому, после долгого шумного спора, только одна фигура отделилась от группы и осторожно двинулась нам вслед.

— Кипта! — негромко воскликнула Трэла.

Я хотел бы знать, какое оружие он нес, и подтолкнул Трэлу вперед, опасаясь, что он может испробовать какую-нибудь дьявольщину с разрушающим лучом. К моему удивлению, Кипта этого не сделал, он только следовал за нами с непреклонной решимостью. И когда он прошел значительное расстояние по мосту, раздались полные страх и ужаса крики его людей. Они бросились в бегство, спеша назад по дороге, по которой они пришли, и оставив нас троих над бездной.

Кипта, бросив долгий взгляд на своих удаляющихся соратников, твердо двинулся дальше, и я знал тогда, что он страстно желал нашей смерти. Я отстранил Трэлу, так как решил пойти ему навстречу. Когда я увидел желтое пламя, мечущееся в его глазах, я понял, что его черная, всепоглощающая ненависть ко мне подавила осторожность. Чтобы утолить ту ярость, пылающую внутри него, он должен разорвать меня собственными руками. Он отбросил свое оружие.

Итак, мы медленно двигались друг другу навстречу, осторожно балансируя на этой нити безопасности. Трэла держала свой светильник так, что я мог видеть опору для ног, а Кипта не имел такого помощника, поэтому он только интуитивно переставлял ноги. По дороге я отбросил в сторону свою маску и продуктовый мешок и шел без груза. Он также обнажился для сражения, но, пока

я подбирался на расстояние удара, его рука опустилась к широкому поясу, и на долю секунды я уловил блеск стали.

Затем мы сошлись, как сражающиеся рептилии джунглей. Слюна из его оскаленного рта брызнула на мое тело. Мои пальцы сомкнулись вокруг запястья этой зловеще скрытой руки, а моя другая рука нащупала его горло. Он был ловким и опытным бойцом, Кинта из Кума. Я и сам участвовал в сотне казарменных драк, но никогда еще не сталкивался с таким узлом великолепных мышц и крепких нервов.

Я испробовал все уловки, какие знал, одну за другой, но только обнаружил, что он безупречно отражает каждую из них. Скатывающийся пот сделал наши тела липкими, они скользили под цепкими пальцами, наше зрение затуманилось. Один раз он почти вывернулся, и я почувствовал жгучую боль, хлестнувшую по моим нижним ребрам, но удар оказался неточным, и, прежде чем он смог ударить еще раз, я навалился на него. Затем я заметил тень, прошедшую по этому искаженному ненавистью лицу, так близко находящегося от моего, краска гнева сошла с его щек, и я догадался, что к нему вернулся здравый смысл, заставив его понять, что ему никогда не следовало бы встречаться со мной на той почве, которую выбрал я. Он больше не пытался повалить меня, теперь всю борьбу он вел за свободу, ту свободу, которая позволила бы ему применить какое-нибудь другое оружие, чем собственную силу.

Как скользкий ящер, с которым его сравнил Закат, он вертелся и извивался, в то время как я только старался удержать свой соскальзывающий захват. Затем стремительным движением он разомкнул мой захват, отскочив от меня в том же самом рывке.

Он оступился, затем, оправившись, помчался обратно к началу моста. Я даже не пытался преследовать его: я находился, пошатываясь от головокружения, в опасной близости от края бездны. Моя протянутая рука сомкнулась на одной из тех огромных цепей, которые поддерживали мост, и я держался за нее, чувствуя тошноту и слабость.

— Гаран!

Я с усилием поднял голову.

— Назад! — крикнул я, и мой голос звучал глухо.— Возьми маску и держись наготове. Он намеревается уничтожить нас лучом.

В ответ она направилась вперед, туда, где я покачивался рядом с поддерживающей цепью.

— Не думаю,— твердо ответила она.— Взгляни, точно как ты предсказывал, из бездны поднимается месть.

Сквозь туман, все еще застилающий мои глаза, я увидел серебряных призраков, которые поднимались по спирали из утробы мрака. Ровно взмахивая своими мощными крыльями, они миновали нас и понеслись, как боевые стрелы, вслед за Киптой.

Что произошло, когда они спикировали на несущегося куминца, какое ужасное дело свершилось там, во тьме,— мы не могли видеть. Но, когда сюда долетел содрогающий крик, вопль, в котором перемешалось страх и сверхъестественный ужас, я понял, что существа из этого внутреннего мира возвратили свой долг сполна. Плоды греховных изысканий Киппы, наконец, вызвали его смерть.

Сквозь мрак пронеслись обратно крылатые фигуры, исчезая, ни разу не взглянув на нас. И почудилось мне, или нет, что один из призраков держит в своих всасывающих подушечках безвольное тело? Я подумал, что он держал, но, может быть, мои глаза обманули меня.

Мы думали, что они исчезли, когда самый последний из них подлетел к нам. Он кружил и снижался, пока его всасывающие подушечки не коснулись точно поверхности моста. Третий раз эти странные пурпурные глаза на лишенном характерных черт лице задержались на мне.

— Итак, человек, исполнив свое желание, ты возвращаешься во внешний мир? Только, я думаю, ты ненадолго задержишься там. Мы тоже можем читать предупреждение, направленное со звезд, которых мы никогда не видели. Кранд породил нас, теперь мы можем оставить его как сброшенную кожу. Не бойся нас, человек, мы веками стоим в стороне.

Сильно взмахнув своими крыльями, он поднялся и по плавной кривой исчез в бездне. Мы остались одни.

Но, как только мы решили отдохнуть, пытаясь собраться с мыслями, отдаленные крики откуда-то спереди громыхнули в наши уши.

— Это подмога,— сказал я. Мне показалось, что Трэла вздрогнула, а ее лицо изменилось, как будто какая-то маска скользнула назад на место. Она медленно повернулась, вся легкость ее шагов пропала.

Мы вместе двинулись вперед, и время от времени я повышал голос в ответ на эти разыскивающие крики. Вскоре мы увидели свет их лучевых жезлов.

Но вместо того, чтобы ускорить шаг, Трэла шла все более медленно, не сводя с меня глаз, но я не мог прочесть в них то, о чем явствовала тень в глубине. Она поникла, как будто ее пронизал какой-то холодный ветер. Счастливое ликование наполняло меня. Разве она не по своей воле находилась у меня в объятиях? Разве она не была моей?

Закат, Анатан и Трэн согнулись над чем-то на той стороне разрушенного конца моста. Оказывается, они сплели из веревок сеть, так что мы могли добраться до них в относительной безопасности, избежав неопределенности моего первого прыжка. Трэла отправилась первой, и, когда я увидел, что она благополучно попала в руки Трэна, то прочно закрепил веревки вокруг своего тела. Минутное покачивание через темноту, и руки Анатана втягивали меня наверх.

— А Кипта? — спросил гурлиец.

— Существа из бездны предъявили ему иск.

— Вы ранены! — Рука Анатана скользнула по запекшейся крови на моих ребрах.

— Только царапина.

Но Трэн осмотрел ее при свете радиевого элемента Аналии, перевязав незначительную рану длинным узким куском шелка из своей сумки. Затем он достал запасной чешуйчатый костюм, который нес в своем мешке, и помог мне надеть его. Все это время я не спускал глаз с Трэлы, которая стояла в стороне со своей фрейлиной. И с растущим беспокойством я увидел, что она избегала встречи с моим пристальным взглядом.

— Итак, Кипты не стало,— заметил Трэн, пока я возился с застежкой своего мечевого пояса.

— Да, и способ его исчезновения был не из приятных.— Я стал описывать появление и исчезновение крылатых призраков из бездны.

— Кипта погиб,— размышлял гурлиец.— Наконец-то, влияние Кума подорвано. Остается — Кранд.

Я увидел, как Трэла поднимает голову.

— Да,— ее голос был тверд, хотя губы дрожали,— остается Кранд.

9. Исход

Мы поспешно отправились в обратный путь, поскольку, зная теперь сущность того, что лежало перед нами, мы стремились достигнуть поверхности. Я не сомневался, что имелся какой-нибудь способ спасения от надвигающегося бедствия. Те призраки из бездны намекали на такое, а Трэла заявила, что приготовления Кипты к бегству были почти закончены.

То, что сделал Кипта, могли сделать и мы, если осталось достаточно времени. Так, одна часть моего мозга была занята мыслью о спасении, в то время как другая — все еще перебирала те минуты в Путях, когда Трэла и я нашли радость у врат смерти. И вспоминая, какой она была тогда, я не мог понять, почему она постоянно избегает меня теперь. Она быстро шла впереди, не отпуская от себя Аналию, в то время как я был вынужден отвечать на вопросы, которыми Трэн засыпал меня.

Его поиски внизу, в боковом ответвлении Путей, привели в странную, смертоносную, похожую на болото полость, где непонятные и ужасные формы жизни прятались среди гигантских грибов. Одно время он и его спутники были вынуждены пробивать себе дорогу целиком с помощью лучевых жезлов. Но когда они не обнаружили другой путеводной нити в течение назначенного времени, то вернулись, чтобы воспользоваться нашим путем, и таким образом пришли к мосту как раз вовремя, чтобы увидеть прыжок Заката через пролом.

Еще раз мы пришли к откосу, ведущего из этого места, и двинулись через зал, где танцовщицы Кора свивали свои странные узоры. Дворец удовольствий вокруг нас был безмолвен и пустынен. В каждой комнате, через которые мы проходили, были следы поспешного бегства их обитателей. Однако, мы нигде не встретили ни одного человека.

Снова Аналия вела нас по проходам в стенах дворца, но в этот раз мы выбрали тот, который проходил под городской улицей и заканчивался на краю императорских садов; проход, который был сделан по приказу Трэлы, когда их безрассудное предприятие во дворце удовольствий впервые было задумано.

Была ночь, когда мы вышли в свежую прохладу мокрого от росы дерна. И я был рад снова глубоко вдохнуть вымытый дождем воздух верхнего мира. Мы не имели

возможности определить сколько времени находились в Путях.

Мы быстро направились через сады, потому что по замыслу Трэна должны были предстать прямо перед Императором и рассказать нашу историю. Когда мы достигли дворца, он, избегая общедоступных залов и коридоров, проследовал кружным путем к внутренней палате.

Он властно постучал и затем открыл дверь. Мы бесцеремонно ворвались таким образом на закрытое заседание совета. И при виде Трэлы Император вскочил с криком. Затем все они столпились вокруг нас, задавая мириады вопросов и требуя ответов.

Я прислушивался к отрывистому изложению Трэном нашей истории, но наблюдал за Трэлой и поэтому мало обращал внимания на него или его слушателей. Когда гурлиец закончил, Император глубоко вздохнул.

— Значит, шло к тому. Счастье Кипты, что он не стоит перед нами сейчас. Впрочем, если верить вам, его настигло возмездие более страшное, чем мы могли бы придумать. Кум больше не является угрозой. Остается та гибель, которую его Хозяин навлек на нас. Пусть ни одно слово об этом деле не вылетит из ваших уст: Кранд не должен пасть в безумие. Наша жизнь, внешне, должна идти как всегда, однако мы сможем втайне приготовиться к концу. Сколько времени нам остается, дочка? — Он повернулся к Трэле.

— Кипта говорил — три месяца, прежде чем начнутся наихудшие возмущения.

— Так мало? Тогда мы должны впрячься в работу. Десять часов на то, чтобы собраться с силами — и затем мы снова собираемся здесь.

После этого он быстро отпустил нас. Трэла и Аналия ускользнули через дальнюю дверь, даже не оглянувшись. Закат, Анатан и я, стараясь не привлекать внимания, прошли в мою штаб-квартиру. Трэн остался с Императором.

Достигнув своих апартаментов, я принял ванну и затем, бросившись в постель, беспокойно ворочался с открытыми глазами, мысленно перебирая все проблемы, стоявшие передо мной. Наконец, я задремал, провалившись в наполненный грезами сон.

На этом втором экстраординарном заседании совета мы встретились с теми Учеными, которым Император доверял, и с некоторыми членами других каст, считаю-

щихся надежными. И добрых четыре часа, если не больше, ведущий астроном Кранда читал лекцию, касающуюся причин нашей гибели и соседних миров.

В прошлом было доказано, что жизнь, как мы ее понимаем, не могла существовать ни на одной из двух других планет, которыми обладало наше солнце. Но другие солнечные системы были доступны для нас. Одна из таких, находящаяся в нескольких сотнях световых лет, обладала девятью планетами, одна из которых родилась недавно. Этот дикий молодой мир должен стать местом нашего назначения.

Когда это было предварительно решено, они повернулись ко мне за консультацией относительно космических кораблей. Я изложил им то немногое, что знал.

— Ускорение, способное преодолеть силу притяжения Кранда, на космическом корабле может убить звездоплавателей, прежде чем он пробился бы через плотные слои нашей атмосферы. Это должен быть корабль, радикально отличный по конструкции от любого, который мы когда-либо задумывали, и гораздо более мощный, чем любой из существующих в настоящее время.

Трэн кивнул.

— Но мы можем теперь получить энергию в избытке,— мрачно сказал он.

— Что ты имеешь в виду?

— Источник Кипты доступен для нашего использования. Энергия солнца.

Другие слегка отшатнулись от него.

— Ты же нарушишь древний запрет? — тихо спросил Император.

Трэн оглядел нас.

— Мы должны прямо смотреть в лицо тому, что лежит перед нами. Ибо у Кранда и большей части его жителей нет будущего. А для горстки, горстки тех, кто продолжит наш род и заново создадут цивилизацию — и лучше, чем создали мы — для них есть надежда. Единственный корабль, о котором упоминал Лорд Гаран, корабль, снабженный неистощимой энергией солнца, сможет вырваться. Вопрос, который стоит перед нами теперь, заключается в том, что мы должны сами и наш мир наброситься на работу — очень напряженную работу — для того, чтобы незначительная часть из нашего числа могла добраться через космос к безопасности. Осмелимся ли мы сказать, что достойны такой жертвы со стороны наших собратьев?

Император повернулся к одетому в белое человеку, находящемуся справа от него,— Верховному Жрецу Храма Знания. Тот разгладил свою мантию морщинистыми ладонями, а его старые-старые глаза, казалось, пристально смотрят в будущее.

— Оун раскрыл нам этот путь; разве убоимся мы идти по тропе, которую Он указал нам? — неторопливо сказал он.— Если те, кто пойдут,— достойны, тогда мы выполним задачу, стоящую перед нами. Но вот что я скажу, люди Кранда: время Ученых прошло. Мы согрешили, возвысившись над нашим миром, и поэтому теперь, в течение этих последних немногих дней, до сих пор оставленных нам, не должно быть ни Ученых, ни простых людей — только братья, борющиеся плечом к плечу за общее благо.

Слабое бормотание последовало за его речью, а мое сердце учащенно забилось. Итак, барьер пал, в таком случае Трэла стала полностью моей, будь, что будет. Я был волен открыто претендовать на то, что она подарила, когда смерть стояла над нами в Путях.

— Лорд Гаран,— я с усилием собрал свои блуждающие мысли и взглянул на Императора,— тебе больше, чем кому-либо из нас, известны секреты авиационного конструирования. Под твоим руководством находятся наши специалисты. Что ты нам предложишь?

— Есть один человек, некий Хей-Лин из Кэмпта, который занимался межпланетными кораблями два года назад. Он успешно приземлил ракету на нашей соседке, Сойе. Но его надо будет полностью посвятить в нашу тайну.

— Ты доверяешь ему?

Я заколебался.

— Я очень мало знаю Хей-Лина, так как соприкасался с ним только во время его работы. Он сообщал мне о развитии своих экспериментов один раз в месяц в течение прошлого года. О нем самом я ничего не знаю. Тем не менее, он сегодня единственный на Кранде человек, кто способен решить нашу задачу.

— Хм...— Император погладил пальцами подбородок.— Лорд Закат, как твои рудники в Ру? Сможешь ли ты увеличить добычу в них вдвое, возможно, в течение следующего месяца?

— Предоставьте мне свободу действий, и я попытаюсь,— сказал офицер с мрачной осторожностью, но его ответ, казалось, удовлетворил Императора.

— Тогда остается подобрать какое-нибудь пустынное место, подходящее для постройки нашего корабля, и приниматься за работу. В то же время я приказываю, Лорд Гаран, освободить твоего инженера от служебных обязанностей и распорядиться, чтобы он докладывал мне. Лорд Закат получит новые грузовые заказы для Ру. И, если Оун соблаговолит, мы сохраним наш совет до конца. Вы согласны, милорды?

Один за другим они дали свое согласие, и таким образом решение было принято.

Следующий месяц был периодом кошмарной, изнуряющей деятельности для всех нас. В то же время волнения, которые Кипта так искусно посеял, разрастались и усиливались, так что существовала постоянная угроза восстаний и мятежей, что делало мою службу весьма нелегкой. Если бы не было Анатана, на которого я стал полагаться все более и более с каждым днем беспорядков, то я бы никогда не смог обеспечить надлежащий порядок в своем корпусе.

Юный Анатан, казалось, стал старше и в любой час был готов явиться по моему зову. Кроме того, что я нуждался в его помощи и вообще был привязан к нему, у меня была еще одна причина держать его рядом с собой: ибо только через него я получал известия о Трэле. Аналия, его сестра, по-прежнему была первой фрейлиной Трэлы, и она постоянно сопровождала Принцессу. И за все это время я не встречался с Трэлой лицом к лицу.

Однажды вечером я сидел в одиночестве у себя в комнате, просматривая рапорты из Ру, содержащие личные комментарии Заката по поводу тамошней ситуации, когда вошел Анатан. Он положил на стол передо мной маленький металлический футляр для письма. Рулончик шелка внутри содержал всего одну строку:

«У грота на восходе луны».

Подписи не было, и я недоуменно разглаживал шелк.

— От кого ты получил это?

— От Аналии,— коротко ответил он.

Поняв, из чьих рук, должно быть, вышло письмо, я поспешно засунул его в свой мешочек на поясе. Однако Анатан задержался рядом со мной, на его лице явно была написана нерешительность.

— Ну?

Он беспомощным жестом вытянул руки.

— Это несправедливо! — Крик, казалось, сорвался с

его губ, а затем он повернулся и выбежал от меня, как будто я был ночным демоном.

Весьма удивленный причиной его вспышки, я подошел к окну. Луна скоро должна была взойти, и, с бешено бьющимся сердцем, я схватил длинный темный плащ, который достаточно скрывал мою форменную одежду. Завернувшись в него, я поспешно вышел...

Мой личный флайер коснулся дворцовой посадочной площадки, и я поспешил вниз по откосу, на ходу пробормотав часовым пароль. В саду дул прохладный ветер, и никогда обреченный Кранд не казался таким прекрасным в моих глазах, как в эту ночь, когда я пересекал полянки императорского сада в поисках того грота, где мы однажды задержались.

Я пришел рано. Никто не ждал меня среди деревьев. Сгорая от нетерпения, я шагал взад и вперед по затененной лесистой лощине. Однако, мне не пришлось долго ждать. Из темноты появилась белая фигура, которую я хорошо знал.

— Трэла!

Мои руки обвились вокруг ее упругого тела, мои губы уловили свежесть ее плоти. Но она вырвалась из объятий и, прижав руки ко рту, отпрянула от меня.

— В чем я провинился, любимая? Я испугал тебя?

Она покачала головой, и тогда в полосе лунного света я увидел безмолвные слезы, скользящие по ее бледным щекам.

— Это я виновата, Гаран...

— Может быть, ты устала? — нетерпеливо прервал я.— Тогда я не стану докучать тебе, милая.

— Нет, нет! — Ее голос поднялся до пронзительного крика.— Могу ли я говорить об этом!

Она сплела тонкие пальцы, а слезы все еще лились и увлажняли манишку ее платья. Затем она, казалось, отчасти овладела собой.

— Ты ни в чем не виноват — ни в чем, Гаран, все, что ты совершал, было правильным и прекрасным, и всегда хорошим. У нас будет что вспоминать, когда... когда...— ее голос ослабел.

И теперь я затрепетал, а холод пронзил меня до самых костей, ибо я почему-то знал, что счастье покинуло меня.

— Что ты хочешь сказать мне, Трэла? — я спросил так ласково, как мог.— Не пугай меня, возлюбленная.

— Я не свободна в жизни и любви, Гаран. Не свобод-

на выбирать радости жизни. Было решено, что для блага Кранда я должна принадлежать Трэну. И теперь я сознаю глубину своего греха. Потому что я была уже отдана Трэну, когда стояла в Путях и вызвала твою любовь, которую сама же породила. Я была предназначена Трэну, когда вернулась из Храма Света. Отвернись теперь от меня, Гаран, так как ты имеешь на это право. Я по своей слабости предала нашу любовь.

Теперь я почувствовал холод, который неожиданно напал на меня, прокрадываясь в самое сердце.

— Ты жена Трэна? — спросил я одеревенелыми губами.

Она вскинула голову.

— Нет, и не думаю, что когда-нибудь буду. Когда я впервые посмотрела тебе в лицо в контрольной кабине отцовского флагмана, когда наши глаза встретились и открыли в глубине друг у друга сердечную тайну, тогда я уже поняла, что ни за кого другого не смогу когда-либо искренне выйти замуж. Потому что ты мой, Гаран, и я твоя, хотя между нами подвешены миры. Так было между нами раньше, так будет между нами и впредь! Когда они убедили Трэна жениться на мне, я оттягивала и откладывала, все время уклоняясь от этого, надеясь, что судьба, может быть, когда-нибудь окажется милостливой. И когда мы стояли близко в Путях, я думала, что смерть придет разрешить нашу безнадежную загадку, поэтому заговорила. Но мы пробились, и теперь наступает конец всем моим замыслам. В тот день, когда Трэн будет выбран возглавить бегство с Кранда, и я полечу с ним. Мои обязанности жестоко спланированы. Я должна отвергнуть любовь. Отвергнуть, Гаран...

Ее голос ослабел и, наконец, угаснул. Она опустилась на скамью, пристально вглядываясь, широко открытыми глазами, в деревья, которые скрывали наше убежище. Я грубо засмеялся, и горечь этого звука отозвалась даже в моих собственных ушах.

— Итак, солдат должен находиться в стороне. Вы, Ученые, решили так. Хорошо, а если солдат не пожелает, Трэла? Что если я заявлю, что, несмотря на то, что ты сказала мне, ты моя по праву?

— Гаран.— Мои слова придали ей новые силы.— Гаран, я поступила жестоко, но не заставляй меня всегда вспоминать этот час с еще большей горечью. Я запятнала нашу любовь, а ты хочешь разбить ее.

— Простите. Я больше не протестую, Царственная

Леди. Гаран возвратится на свое место, чтобы принести пользу Кранду.— И с этими словами я повернулся и покинул ее, не обращая внимания на плач, который преследовал меня. Ибо меня охватило бешенство, и весь мир вокруг себя я видел в багровом тумане.

Когда я снова оказался в своей комнате, то заперся и пристально смотрел на стены тусклыми, невидящими глазами. Всю ночь я расхаживал по полу. Но когда наступило утро, я преодолел свое внутреннее смятение. В течение этих мучительных часов что-то во мне, может быть, дух моей жаждущей и обманутой юности, умерло навсегда.

Я прожил оставшиеся дни достаточно спокойно, механически выполняя работу, которую должен был делать. Мои специалисты работали в дебрях Кора, где космический корабль постепенно воплощался в своей колыбели. Закат совершал чудеса в Ру, откуда доносились слухи об его безжалостном правлении. Анатан всегда слонялся неподалеку, не сводя с меня опечаленных глаз. Но я одиноко шел своим путем.

Было решено послать вперед луч сконденсированной энергии, направленный луч, чтобы достигнуть планеты, выбранной для нашей дальнейшей жизни. В этом гигантском туннеле чистой энергии шарообразный корабль безопасно заскользит к своему месту назначения. Незримые барьеры отразят блуждающие метеоры, охраняя путешественников. Но проверить нашу теорию уже не было времени. Грядущая гибель уже сейчас тяжело нависла над нами — сверкающий оранжевый шар в ночном небе.

За три недели до конца мы созвали последнюю чрезвычайную конференцию в Ю-Лаке. Было уже невозможно хранить дальше тайну судьбы Кранда: конец уже наступал. Были извержения, две приливные волны и ряд землетрясений, с каждым разом все более сильных.

В эту ночь мы собрались, чтобы выбрать тех, кто отважился отправиться в космическое пространство, чтобы хоть какая-то часть нашего мира могла быть спасена. Трэн и Трэла сидели рядом, и перед Лордом из Гурла лежал список имен. Было ясно, что эти смельчаки должны быть молодыми и сильными, полностью способными выдержать напряжение космического путешествия. Далеко не все из собравшихся отвечали этим требованиям. Однако, даже тени недовольства не появилось на их лицах, пока они слушали.

Одно за другим зачитывались имена. Я был страшно

доволен услышать, что Аналия и Анатан включены в список. Но когда, наконец, Трэн закончил, я встал, чтобы опротестовать список.

— Милорды, вычеркните мое имя.

— Но ты нам нужен...

Я пресек возражения Трэна.

— Вряд ли вам на вашем диком молодом мире понадобится солдат. Я останусь здесь, где, может быть, буду полезен, наводя порядок в эти последние дни. Нет, я не уйду. Я принадлежу Кранду и останусь на Кранде до конца.— Я взглянул на Трэлу. Ожесточенность и ненависть покинули меня, и я с улыбкой смотрел ей в лицо. Я увидел, как ее рука коснулась колеблющихся губ и затем двинулась по направлению ко мне. Я был вполне удовлетворен.

Так что, несмотря на все их уговоры, я не отказался от решения, которое принял. И Анатан остался бы со мной, если бы я фактически не втиснул его в транспортный флайер, который должен был доставить их в Кор, на корабль. В последнюю минуту Трэла подошла ко мне.

— Любимый,— сказала она отчетливо,— сейчас ты подарил мне память, более драгоценную, чем сокровище тысячи королей. До свидания, до будущей нашей встречи.— И на виду у всех она поцеловала меня в губы.

Затем они улетели, а мы стояли на посадочной площадке, провожая взглядом черное пятнышко флайера, быстро исчезавшее вдали. Закат зашевелился первым. Он повернулся ко мне и протянул руку, былая широкая усмешка появилась на его некрасивом лице.

— Ты был хорошим товарищем, Гаран. Когда мы встретимся по ту сторону звезд, то расскажем друг другу немало невероятных историй. А теперь, прощай.

— Куда ты направляешься? — спросил я.

— Обратно в Ру. Я все же солдат и хочу остаться на своем посту до конца.— И его флайер тоже исчез в подернутом дымкой небе.

Я остался один.

10. Мрак.

Мы находились на гребне самой высокой сторожевой башни Ю-Лака. Мое тело было прижато к камню; я чувствовал холод от этого соприкосновения сквозь плащ. А внутри меня был холод самой смерти.

— Начинается! — Сказал ли это Император, или монотонное пульсирование крови в моем мозгу выбило это слово?

За далекими горами появилось большое неровное пятно зарева, расцветшегося вспышкой пламени. Раздробляющий гул... Ропот безумствующего города исчез, поглощенный им. А с поверхности нашего пораженного мира поднималось копье света, все выше и выше. Копье протеста, брошенное против богов.

Единственный глубокий судорожный всхлип вырвался у меня помимо воли. Рука Императора обняла мои плечи.

— Там выходит сердце Кранда. Разве эта жертва не заслужена, сынок?

«Нет!» — стучала горячая кровь в моих жилах.

Я посмотрел прямо в его прекрасные глаза.

— Да,— мои губы произнесли слово, которое мое сердце не воспринимало.

Я смотрел, как огненное копье ввинчивается в пустоту. Небеса стали снова темными и мрачными. Снизу доносились крики обезумевшего мира, наполненные страхом и ненавистью.

— До конца, сынок?

— До конца.— Скрепил я договор между нами.

Мы повернулись и, бок о бок, спустились со сторожевой башни на улицу. Здесь мы расстались: его ждали дела, меня тоже.

Как солдат, я знал, что должен впредь до самого конца использовать все свои полномочия и всех людей под моей командой, чтобы поддерживать порядок. Я отлично понимал, что это была неблагодарная работа. Я представил себе гнусность ее, пока торопился в казармы через теснящиеся бесчинствующие толпы, которые заполняли улицы. Не было силы под солнцем Кранда, которая могла бы надеяться навести порядок в этом хаосе,— но мы должны попытаться.

Везде кружилась чернь в безнадежном смятении. Некоторые совершали бессмысленные акты насилия, открыто дрались на улицах, грабили и опустошали дома. С чувством гордости, которое оставалось даже теперь, я увидел светлые униформы своих солдат, когда они буквально сражались за то малое, что могли сделать для сохранения хоть какого-нибудь порядка. На каждом уличном углу теперь, казалось, имелся оракул. Некоторые из них молились; другие выкрикивали обвинения в гряду-

щем уничтожении Ученым, подстрекая своих слушателей к актам насилия в мире, скатывающемся в безумие.

Я пробивал себе путь, благословляя физические действия, которые отвлекали меня от многих воспоминаний. Тяжко было сознавать, что моя леди Трэла, если планы не потерпели крах, продолжала свой путь через невыразимое пространство между звездами к другому миру и другой жизни, в которой мне нет места. Но я был не из тех, кто смиряется с утратой. Наоборот — тогда и там я поклялся Оуну, что если он даровал бы мне когда-нибудь другую жизнь, где-нибудь в другом мире, как некоторые из нашего народа верили могло случиться, то я опять бы нашел живое существо, которое было бы Трэлой, И тогда — ничто — ни сила Всевышнего, ни сила человека никогда не разлучит нас.

Поддерживаемый этой клятвой, как изнуренный штормом моряк цепляется за спасательный плотик, я достигнул казарм. Войска строились в колонны — ехали рысью,— чтобы смело противостоять хаосу. С таким же успехом Ана могла попытаться обуздать грифа. Потому что на каждый акт насилия, который они предупреждали, приходилась тысяча других, ведущих к кровавому концу.

Следующие несколько дней были кошмаром бессмысленной, непрестанной деятельности. Не было реальной ночи — или дня,— только служебные обязанности и ужасная усталость как ума, так и тела. Вся нормальная жизнь на Кранде, казалось, остановилась. Дворцы удовольствий были заполнены людьми, ищущими забвения. Половина домов в деловом квартале Ю-Лака была разграблена и опустошена. Мы не производили арестов — не было ни времени — ни тюрем. Мы осуществляли быстрое правосудие прямо на месте преступления. Лишь немногие продолжали вести нормальную жизнь и выполнять обычные обязанности: мои люди — к моей сохранившейся гордости,— полиция и большинство Ученых. Тому, кто нуждался в доказательстве зла, вызванного безумием Кипты, достаточно было только открыть глаза и осмотреться.

В эти последние дни разрушения Кранда я был так занят работой, что почти не имел времени думать о Трэле, или делать предположения о судьбе космического корабля.

На четвертый день такого образа жизни без сна и без малейшего отдыха я понял, что должен найти какое-нибудь забвение, иначе свалюсь с ног. К тому же, у меня

было дело во Дворце. Я устало потащился на крышу, где держал свой флайер. Я вышел в холодную, продуваемую ветром, кроваво-красную утреннюю зарю. Надо мной как угроза нависала вторгающаяся планета — молот, занимающий четверть неба. Я знал, если наши Ученые рассчитали правильно, что теперь приближался миг, когда весь Кранд разлетится на куски.

Когда я возвышался над разрушенным городом, то увидел, что у нас появился сейчас еще один безжалостный враг. Громадные водяные валы громили низинные пространства, снося стены, которые стояли неизменившимися в течение поколений, неся смерть любому, кто замешкался там.

Охваченный внезапным предчувствием, я понесся на максимальной скорости к Дворцу. Император и я заключили договор; я был уверен, что он предпочтет встретить свой конец в чистом, пожалованном Оуном, воздухе. Ни он, ни я не могли сделать ничего больше для нашего родного мира.

Я летел против напора мощного ветра с той же самой необходимостью доведения до конца распоряжений, которая удерживала меня на моем посту на всем протяжении этих сводящих с ума, ужасных дней. Рычаги управления флайером были врагом, с которым я должен был бороться изо всех своих сил. Подо мной содрогались здания, раскачиваясь как молодые деревья в страшную бурю, и слышался глухой рев. Мое судно больше не подчинялось управлению, как я ни старался. Пока оно описывало круги, я уловил перемещающиеся видения неба и земли. Разрушающиеся здания падали обломками на маленькие бегущие существа моего прежнего собственного рода. Громадные волны откатывались назад, унося с собой остатки разбитых каменных остовов.

— Темнота — и с ней паника, которая была как массированный удар. Я ожидал всего, но это, несущее с собой весь вековой страх человека, было намного хуже, чем могло вызвать любое предупреждение. Это длилось только миг, в то время как что-то такое огромное, что не охватишь взглядом, промелькнул и исчезло в пространстве. Внезапно я понял: Кранд раскололся пополам и добавил новую луну — или то был Кранд, который исчез, столкнув и свою луну?

Мой флайер, полностью потерявший управление, сокрушал и бил воющий, ревущий ветер. Только привязные ремни сиденья пилота еще предохраняли меня от

таких ударов, которые вызвали бы смерть. Дыхание — я не мог больше дышать... Теперь, когда на меня опустилась тьма, я увидел — не хаос мира, так как нет человека, который мог бы смотреть на это и все остаться живым. Я увидел — Трэлу — Трэлу, какой она была и всегда будет для меня!

Мы долго благоговейно молчали — моя Леди Трэла и я, который был теперь Гараном Пламени в пещерном мире Тэйва. Эти сцены, которые мы только что видели, все еще жили в наших воспоминаниях и причиняли боль даже сейчас.

И — кто же я? Гаран из Ю-Лака, который существовал — как далеко во времени, мог ли кто-либо подсчитать это теперь? Или Гаран, который существует — здесь и в настоящее время, который может протянуть руку тому, погибшему Гарану, и почувствовать связь между ними?

Трэла — я поднял ее, полностью стряхивая то изумительное прошлое, которое тяготело надо мной. Она тут, в моих объятиях, и мы никогда теперь не расстанемся — никогда.

Забыта была комната, в которой мы стояли,— зеркала видения теперь были чистыми.

Поиски были закончены — конец стал началом.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗЕРКАЛО МЕРЛИНА 3
Фантастический роман

ДУХИ ВРЕМЕНИ 165
Фантастический роман

ГАРАН ВЕЧНЫЙ 360
Фантастическая повесть

Нортон Андре

ЗЕРКАЛО МЕРЛИНА

Фантастические романы

Главный редактор *Забагонский В. П.*
Художник *Заплавный А. А.*
Технический редактор *Польщикова Л. А.*
Корректор *Разуменко Г. Ф.*

Сдано в набор 22.07.92. Подписано в печать 21.09.92. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага книжная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 27,64. Тираж 25 000 экз. Заказ 312.

Фирма «Тимур», г. Новосибирск.
Новосибирская типография № 4 ВО «Наука»,
630077, Новосибирск-77, ул. Станиславского, 25

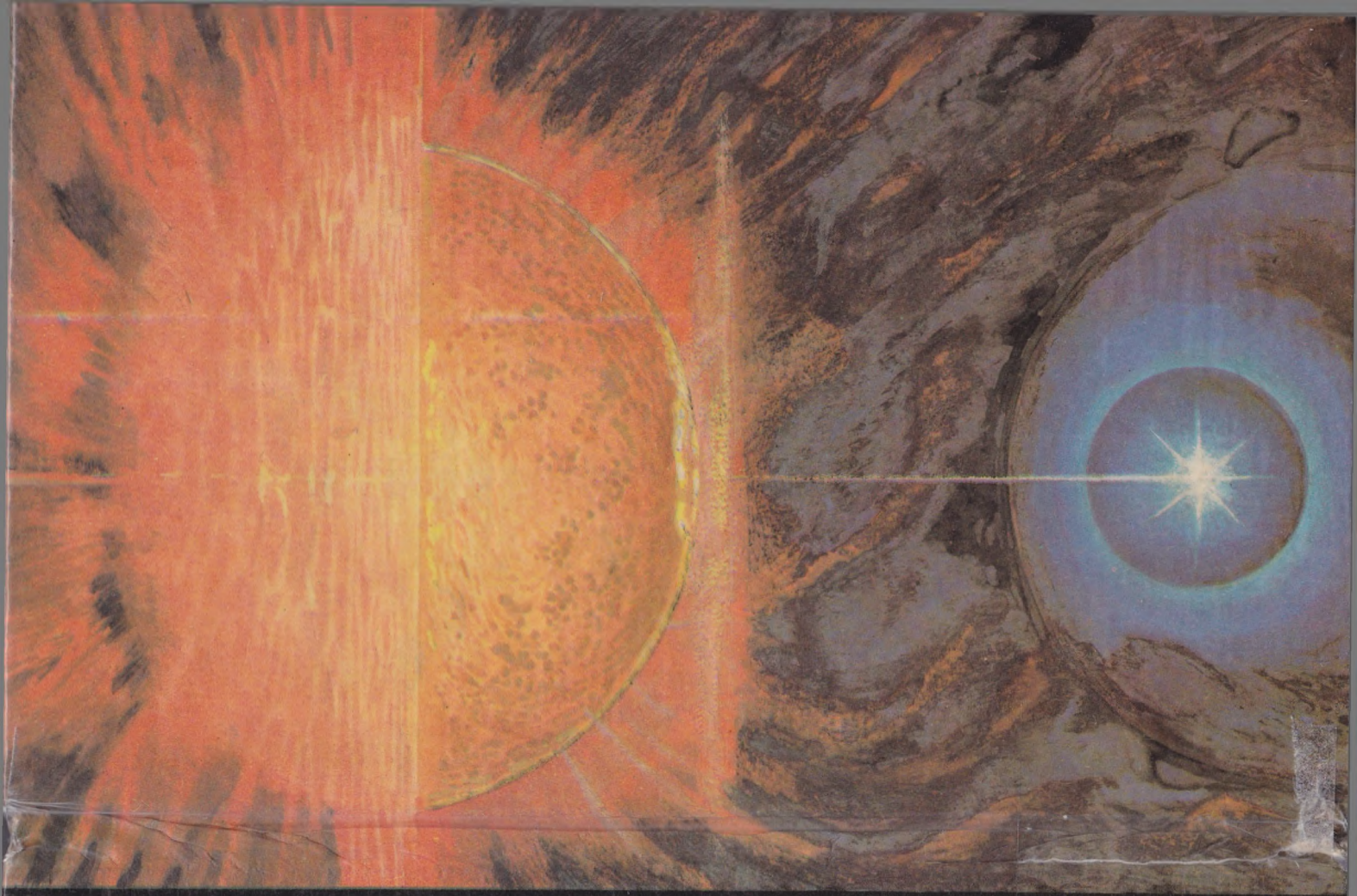
ФИРМА «ТИМУР»

В 1992 году в серии «Шедевры фантастики» выпускает следующие книги:

Г. Диксон «Дорсайская дилогия»,

А. Нортон «Опасные сны»,

Д. Уильямсон «Легион пространства».

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ